

801-16
2538 9/5

У 65
445

ИСТОРИЯ № 1242.

АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сочинение Гизо фр. л.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1868

В
14923

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 февраля 1868 года.

Р 12370-43

Типографія Головачова. Вознесенскій просп., д. № 22/81.

2015170506

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ переводчика.

Введеніе. Разсужденіе объ исторіи английской революціи. (Стр. 1—хс.)

КНИГА ПЕРВАЯ.

(1625—1629)

Восшествіе на престолъ Карла I. — Состояніе Англій и расположе-
женіе умовъ. — Созваніе перваго парламента. — Въ немъ обна-
руживается духъ свободы. — Парламентъ распущенъ. — Первые
опыты произвольныхъ распоряженій со стороны правительства. —
Они оказываются неудачными. — Второй парламентъ. — Обвиненіе
герцога Буккингэмскаго. — Распущеніе парламента. — Дурное
управленіе Буккингэма. — Третій парламентъ. — Прошеніе о пра-
вахъ. — Отсрочка парламента. — Умерщвленіе герцога Буккин-
гэмскаго. — Второе засѣданіе третьяго парламента. — Новый по-
водъ къ общественному недовольству. — Гнѣвъ короля. — Распу-
щеніе третьяго парламента. (Стр. 1—36.)

КНИГА ВТОРАЯ.

(1629—1640)

Намѣренія короля и его совѣта. — Преслѣдованіе главныхъ членовъ
парламента. — Наружное равнодушіе Англій. — Борьба минист-
ровъ съ дворомъ. — Королева. — Страффордъ. — Лодъ. — Разно-
характерный составъ правительства и недовѣріе къ нему. — При-
тѣсненія гражданскія и религіозныя. — Дѣйствіе ихъ на разные
классы народа. — Процессъ Прейна, Бортона и Бэствика; процессъ
Гемдена. — Возстаніе Шотландіи. — Первая война съ шотландца-
ми. — Миръ бервикскій. — Короткій парламентъ 1640 г. — Вторая
война съ шотландцами. — Плохой ея успѣхъ. — Созваніе долгаго
парламента. (Стр. 37—97.)

КНИГА ТРЕТЬЯ.

(1640—1642)

Открытие парламента. — Онъ захватываетъ власть въ свои руки. — Положеніе политическихъ и религиозныхъ партій. — Уступки, сдѣланныя королемъ. — Переговоры короля съ членами парламента. — Заговоръ арміи. — Процессъ и смерть Страффорда. — Путешествіе короля въ Шотландію. — Возстаніе въ Ирландіи. — Пренія о ремонстраціи. — Возвращеніе короля въ Лондонъ. — Успѣхи революціи. — Мятежи. — Дѣло пяти членовъ. — Король оставляетъ Лондонъ. — Отъѣздъ королевы на континентъ. — Дѣло милиціи. — Переговоры. — Король переноситъ свою резиденцію въ Йоркъ. — Обѣ партіи готовятся къ войнѣ. — Король не допущенъ въ Гульмъ. — Напрасныя попытки къ примиренію. — Образованіе двухъ армій. (Стр. 98—188.)

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

(1642—1643)

Начало междоусобной войны. — Король распускаетъ свое знамя въ Ноттингемъ. — Битва при Эджиллѣ. — Ужасы въ Лондонѣ. — Сраженіе при Брентфордѣ. — Попытки переговоровъ. — Характеръ междоусобной войны. — Королева возвращается съ континента. — Переговоры въ Оксфордѣ. — Начало недовѣрчивости къ Эссексу. — Несогласія внутри парламента. — Заговоръ роялистовъ въ Лондонѣ. — Смерть Гэмдена. — Пораженія парламента; его энергія. — Планы короля идти на Лондонъ; они не удаются. — Осада Глостера. — Эссексъ ведетъ осаду. — Битва при Ньюберѣ. — Смерть лорда Фокленда. — Союзъ парламента съ шотландцами. — Торжественное возвращеніе Эссекса въ Лондонъ. (Стр. 189—243.)

КНИГА ПЯТАЯ.

(1643—1645)

Состояніе партій и происхожденіе индепендентовъ. — Расположеніе оксфордскаго двора. — Король заключаетъ перемиріе съ ирландцами. — Оксфордскій парламентъ. — Смерть Пейма. — Походъ 1644 года. — Сраженіе при Марстон-Мурѣ. — Неудачи Эссекса въ Графствѣ Корнваллійскомъ. — Несогласія возникаютъ между вождами пресвитеріанъ и Кромвелемъ. — Начинаются переговоры. — Билль о добровольномъ отреченіи отъ должностей. — Судъ и

казнь Лода. — Переговоры въ Уксбриджѣ. — Преобразованіе парламентскаго войска. — Ферфаксъ назначенъ генераломъ. — Эссексъ подаетъ въ отставку. (Стр. 244—314.)

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- I. О признакахъ духа оппозиціи и свободы, въ царствованіе Елизаветы. (Стр. 317.)
- II. Записка, найденная въ шляпѣ Фельтона, убійцы герцога Буккингэма. (Стр. 322.)
- III. О характерѣ управленія Страффорда въ Ирландіи. (Стр. 323.)
- IV. Пени, наложенныя въ пользу казны съ 1629 по 1640 г. (Стр. 324.)
- V. Инструкція короля маркизу Гамильтону, насчетъ собранія духовныхъ лицъ въ Глазговѣ въ 1638 году. (Стр. 326.)
- VI. 1. Инструкціи, посланныя къ г. де-Монтрейль кардиналомъ Ришелье. (Стр. 326.)
2. Извлеченіе изъ письма г. де-Монтрейль. (Стр. 327.)
3. Отъ г. де-Монтрейль е. с. кардиналу Ришелье. (Стр. 327.)
- VII. Отъ маркиза де-ла-Ферте-Эмбо, господину *** , въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ. (Стр. 331.)
Извлеченіе изъ письма маркиза де-ла-Ферте-Эмбо. (Стр. 333.)
Отъ маркиза де-ла-Ферте-Эмбо, господину *** , въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ. (Стр. 334.)
- VIII. Составъ арміи, набранной парламентомъ въ 1642 году. (Стр. 336.)
- IX. Объ употребленіи католиковъ въ службу въ арміи короля. (Стр. 338.)
- X. Представленіе противъ мира, внесенное въ нижнюю палату 7-го августа 1643 года общиннымъ совѣтомъ Сити. (Стр. 338.)
- XI. Представленіе въ пользу мира, поданное нижней палатѣ 9 августа 1643 года лондонскими женщинами. (Стр. 339.)
- XII. Объясненіе и оправданіе Джона Пейма. (Стр. 340.)
- XIII. Письмо короля къ принцу Роберту, заключающее въ себѣ приказаніе идти на помощь Йорку. (Стр. 344.)
- XIV. Постановленіе о добровольномъ отреченіи отъ службы, утвержденное 3 апрѣля 1645 года. (Стр. 345.)

Лондонъ, въ издательствѣ М. П. Шубертъ, 1854 г.

КНИЖОЧКИ

- I. О политическомъ состоянии Европы въ 1854 г. (стр. 1-10)
- II. О политическомъ состоянии Европы въ 1855 г. (стр. 11-20)
- III. О политическомъ состоянии Европы въ 1856 г. (стр. 21-30)
- IV. О политическомъ состоянии Европы въ 1857 г. (стр. 31-40)
- V. О политическомъ состоянии Европы въ 1858 г. (стр. 41-50)
- VI. О политическомъ состоянии Европы въ 1859 г. (стр. 51-60)
- VII. О политическомъ состоянии Европы въ 1860 г. (стр. 61-70)
- VIII. О политическомъ состоянии Европы въ 1861 г. (стр. 71-80)
- IX. О политическомъ состоянии Европы въ 1862 г. (стр. 81-90)
- X. О политическомъ состоянии Европы въ 1863 г. (стр. 91-100)
- XI. О политическомъ состоянии Европы въ 1864 г. (стр. 101-110)
- XII. О политическомъ состоянии Европы въ 1865 г. (стр. 111-120)
- XIII. О политическомъ состоянии Европы въ 1866 г. (стр. 121-130)
- XIV. О политическомъ состоянии Европы въ 1867 г. (стр. 131-140)
- XV. О политическомъ состоянии Европы въ 1868 г. (стр. 141-150)
- XVI. О политическомъ состоянии Европы въ 1869 г. (стр. 151-160)
- XVII. О политическомъ состоянии Европы въ 1870 г. (стр. 161-170)
- XVIII. О политическомъ состоянии Европы въ 1871 г. (стр. 171-180)
- XIX. О политическомъ состоянии Европы въ 1872 г. (стр. 181-190)
- XX. О политическомъ состоянии Европы въ 1873 г. (стр. 191-200)

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Драма английской революціи, наполняющая собою шесть-десять-три года (1625—1648), представляетъ четыре большіе акта: 1) царствованіе Карла I-го, его борьбу съ долгимъ-парламентомъ, паденіе и смерть; 2) республику въ рукахъ долгаго-парламента и Кромвелля; 3) возстановленіе Стюартовъ послѣ непродолжительной анархіи; 4) царствованіе двухъ послѣднихъ Стюартовъ, Карла II и Якова II, и окончательное паденіе этого дома.

У Гизо, по предположенному имъ плану, каждая изъ этихъ эпохъ составляетъ предметъ отдѣльнаго сочиненія. Въ 1826 г. онъ напечаталъ первое изъ этихъ сочиненій, содержащее въ себѣ *Исторію царствованія Карла I-го*; въ 1854 вышло второе: *Исторія республики и Кромвелля*; въ 1856-мъ третье: *Исторія протекторства Ричарда Кромвелля и возстановленіе Стюартовъ*. Для полноты картины, ему остается теперь обнародовать только четвертую часть своего труда.

Въ предлагаемомъ томѣ заключается первая часть исторіи английской революціи, то-есть: царствованіе Карла I-го. Ей предпосланъ, въ качествѣ «введенія», особый трактатъ Гизо вообще объ английской революціи, изданный имъ въ 1850 году. Трактатъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ это великое событіе разсматривается во всей его цѣлости и во всѣхъ фазахъ, какія оно прошло отъ перваго дня царствованія Карла I-го, въ 1625,

до паденія Стюартовъ и вступленія на престолъ Вильгельма Оранскаго, въ 1688 году. Такимъ-образомъ здѣсь раскрывается полный смыслъ событія, какъ его понимаетъ Гизб.

Что касается нашего перевода, считаемъ необходимымъ сказать о двухъ предметахъ: о передачѣ англійскихъ названій чиновъ и должностей, и о правописаніи англійскихъ собственныхъ именъ.

Въ русскомъ обозначеніи англійскихъ чиновъ и должностей мы старались, по возможности, избѣгать такихъ терминовъ, которые могли бы напомнить наши присутственныя мѣста, и потому часто оставляли англійское названіе безъ всякаго перевода. Такъ, у насъ встрѣчается иногда *сърджентъ* (serdgeant) вмѣсто экзекутора или парламентскаго служителя, *клеркъ* вмѣсто секретаря, и т. п.

Въ правописаніи именъ было нами принято за правило: очень-извѣстныя имена оставлять въ томъ видѣ, въ какомъ они обыкновенно встрѣчаются у насъ въ печати, хотя бы этотъ видъ и не отвѣчалъ англійскому произношенію. Мы не отважились превратить Карла въ Чарльза, Кромвеля въ Кромуэля, Вестминстеръ въ Уэстминстеръ, Уэнтворта въ Уэнтуѣрса, и т. д.; но имена, менѣе-употребительныя и еще неполучившія у насъ права гражданства ни въ какомъ видѣ, мы старались писать по возможности-близко къ англійскому произношенію. Впрочемъ, такъ-какъ эта близость иногда оказывалась рѣшительно-невозможною, то, въ избѣжаніе недоразумѣній, при собственномъ имени ставили мы въ скобкахъ это имя и поанглійски.

ВВЕДЕНІЕ.

Революція въ Англіи удалась, и удалась два раза. Ея зачинщики основали въ Англіи конституціонную монархію; ея потомки основали въ Америкѣ Республику Соединенныхъ Штатовъ. Въ этихъ великихъ событіяхъ нѣтъ уже теперь никакой темноты: время освятило ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пролило на нихъ яркій свѣтъ. Шестьдесятъ лѣтъ назадъ, Франція вступила на дорогу, открытую Англіей; вслѣдъ за ней ринулась Европа. Мнѣ хотѣлось бы сказать, какія причины дали конституціонной монархіи въ Англіи и республиканскому правленію въ англійской Америкѣ тотъ прочный успѣхъ, какого до-сихъ-поръ напрасно добиваются Франція и Европа, проходя чрезъ эти таинственныя испытанія революцій, которыя, смотря по тому, какъ кто ихъ вынесетъ, даютъ народамъ вѣковое величіе или повергаютъ ихъ въ вѣковыя заблужденія.

Движеніе, которое съ самаго XVI вѣка волнуетъ и влечетъ міръ, по-временамъ прекращаясь, но всегда возрождаясь снова, началось во имя вѣры и религіозной свободы. Буря поднялась прежде всего въ душѣ человѣческой — она постигла церковь прежде государства.

Нѣкоторые говорили, будто-бы протестантизмъ былъ въ-сущности болѣе политическимъ, нежели религіознымъ переворотомъ; возстаніемъ противъ установленнаго порядка въ церкви во имя земныхъ интересовъ, а не порывомъ религіознаго убѣжденія, во имя вѣчныхъ интересовъ челоѣка. Это значитъ судить легкомысленно и поверхностно. И когда власти

духовныя или свѣтскія увлекались этимъ заблужденіемъ, это всегда вело ихъ къ дѣйствіямъ, губельнымъ для нихъ самихъ. Заботясь исключительно о подавленіи революціоннаго элемента протестантизма, они упустили изъ вида его религіозный элементъ. Духъ революціи, конечно, сплелъ, но не столько силенъ, чтобы онъ одинъ могъ совершать такія вещи. Реформація XVI вѣка возникла и продолжалась не затѣмъ только, чтобы сбросить извѣстныя цѣпи, но также и затѣмъ, чтобы заявить и провести извѣстныя вѣрованія. Это блистательно доказывается неоспоримымъ фактомъ. По прошествіи трехъ вѣковъ послѣ реформаціи, нигдѣ въ Западной Европѣ христіанская вѣра не сохраняла больше жизни и владычества, какъ въ двухъ самыхъ протестантскихъ государствахъ Европы—въ Англіи и Голландіи. Надо совершенно не понимать человѣческую природу, чтобы думать, что религіозное рвеніе могло бы такъ долго удерживаться и продолжаться послѣ торжества возстанія, еслибы движеніе не было въ самыхъ началахъ своихъ существенно-религіознымъ.

Въ Германіи, въ XVI вѣкѣ, была религіозная революція, а вовсе не политическая. Во Франціи, въ XVIII, была революція политическая и вовсе не религіозная. Въ Англіи, въ XVII вѣкѣ, по особенному счастью, духъ вѣры и духъ политической свободы царствовали вмѣстѣ, и она предприняла объ революціи въ одно и то же время. Такимъ-образомъ природа человѣческая раскрыла всѣ великія страсти свои, не разрывая всѣхъ узъ, и у людей оставались надежды и желанія вѣчности, когда они видѣли разрушеніе своихъ земныхъ надеждъ и желаній.

Англійскіе реформаторы, въ-особенности политическіе, не думали, что понадобится революція. Имъ были дороги и святы законы, преданія, примѣры, все бывшее ихъ отечества; въ нихъ находили они опору своимъ требованіямъ и санкцію своимъ идеямъ. Они отстаивали свои права во имя великой хартіи и множества статутовъ, которыми эти права въ-теченіе четырехъ вѣковъ были подтверждаемы. Въ-теченіе четырехъ вѣковъ на англійской землѣ не прошло ни одного поколѣнія, которое бы не слышало имени и не видало въ лицо парламента. Знатные бароны и народъ, сельскіе дворяне и городскіе жители сошлись

въ 1640 г. не затѣмъ, чтобы оспаривать другъ у друга какія-либо новыя пріобрѣтенія, а затѣмъ, чтобы вступить во владѣніе своимъ общимъ наслѣдіемъ; они сошлись не затѣмъ, чтобы предаваться безконечнымъ, неопредѣленнымъ соображеніямъ и опытамъ человѣческаго мышленія, а затѣмъ, чтобы возвратить себѣ утраченныя права, права старинныя, положительныя.

Религіозные реформаторы вступали въ долгіи-парламентъ Карла I съ требованіями не столь законными: имъ не нравилась епископальная церковь Англіи въ томъ видѣ, какъ она была установлена сначала капризнымъ и жестокимъ деспотизмомъ Генриха VIII, а потомъ умнымъ и упорнымъ деспотизмомъ Елизаветы. Они видѣли въ ней реформу не полную, не послѣдовательную, безпрестанно-грозившую возвращеніемъ къ католицизму, къ которому епископальная церковь была еще слишкомъ-близка; они задумали передѣлать заново христіанскую церковь своего отечества и дать ей иное устройство. Тутъ гораздо-замѣтнѣе и жарче былъ революціонный духъ, нежели въ той партіи, которая занята была преимущественно политическими реформами. Но и религіозные реформаторы руководились не одними фантазіями своего ума: у нихъ былъ якорь, за который они держались, былъ компасъ, въ который они вѣровали. Евангеліе было для нихъ великой хартіей; правда, они толковали и комментировали его по-своему, но оно стояло впереди и выше ихъ воли; они чтили его искренно и, при всей своей гордости, повергались ницъ предъ этимъ закономъ, который былъ не ими установленъ.

Къ такимъ залогамъ умѣренности, которые объ революціи нашли въ самомъ настроеніи своихъ дѣятелей, providѣніе присоединило еще одно благоприятное обстоятельство: онѣ не были съ первыхъ шаговъ своихъ осуждены на преступленіе, которое всегда скоро становится опаснымъ, преступленіе—добровольно, безъ ясной и крайней необходимости, нападать на власть кроткую и безобидную. Въ XVII вѣкѣ въ Англіи нападеніе было сдѣлано со стороны королевской власти. Карлъ I, исполненный высокомерныхъ притязаній, хотя и неувлекаемый сильнымъ честолюбіемъ, и не столько для того, чтобы крѣпче

властвовать над своимъ народомъ, сколько для того, чтобы не уронить себя въ глазахъ подобныхъ себѣ королей, два раза пытался провести принципы и обычаи абсолютной монархіи: сначала при парламентѣ, когда онъ самъ находился подъ влияніемъ легкомысленнаго и ничтожнаго любимца (герцога буккингемскаго), котораго надменная бездарность оскорбляла здравый смыслъ и гордость послѣдняго изъ гражданъ; потомъ, отвергнувъ всякій парламентъ и управляя одинъ, посредствомъ своего министра, челоука энергическаго, умнаго, честолюбиваго и не мелочнаго, преданнаго своему государю, хотя плохо имъ понимаемаго и поддерживаемаго, и который слишкомъ-поздно узналъ, что для спасенія королей недостаточно приносить себя въ жертву, служа имъ (*).

Противъ этого агрессивнаго деспотизма, болѣе предприимчиваго, нежели сильнаго, и равно нападавшаго въ государствахъ и въ церкви на старинныя права и на новыя льготы, требуемыя народомъ, мысль народа не шла дальше легальнаго сопротивленія и совершенно вѣрляла себя парламенту: тутъ сопротивленіе было столько же единодушно, сколько законно. Противъ столькихъ несправедливостей и злоупотребленій поднялись люди самаго противоположнаго происхожденія и характера, вельможи, дворяне и граждане, придворные и непридворные, друзья и недруги существующей церкви—и злоупотребленія пали, несправедливости исчезли, какъ ветхія стѣны оставленной крѣпости рушатся подъ первыми ударами осаждающихъ.

При первомъ проявленіи этого народнаго недовольства и народныхъ надеждъ нѣкоторые люди, съ умомъ, болѣе-смотрящимъ впередъ, съ совѣстью болѣе-робкою, уже чувствовали нѣкоторое безпокойство. Мечь не только искажаетъ правосудіе, но измѣняетъ его въ самой его сущности; страсть, гордая своимъ правомъ, заходитъ дальше, чѣмъ имѣетъ право, даже дальше, чѣмъ намѣревается зайти. Страффорда обвинили справедливо, но судили несправедливо. Политическіе реформаторы вовсе не хотѣли разрушенія епископальной цер-

кви, но позволяли оскорблять и унижать епископовъ, какъ побѣжденныхъ, которые уже не встанутъ. Дурно-разсчитанные удары, отнимавшіе у короны ея несправедливыя пріобрѣтенія и незаконныя притязанія, поражали въ то же время и ея справедливыя прерогативы. Важные случаи раскрывали, смѣлые голоса возвѣщали революціонный духъ, скрытый подъ реформой. При началѣ революцій никогда не бываетъ недостатка въ предостереженіяхъ, кидających свѣтъ на будущее. Но необходимость и блескъ побѣды далеко отталкивали сознание ошибокъ и предчувствіе опасности.

Когда дѣло реформъ было сдѣлано, когда злоупотребленія, вызвавшія единодушное неодобреніе народа, были исправлены, когда власти, виновныя въ этихъ злоупотребленіяхъ, и люди, служившіе этимъ властямъ орудіями, были уничтожены, сцена перемѣнилась. Возникъ новый вопросъ: какъ сохранить эти пріобрѣтенія? какъ достигнуть увѣренности, что Англія будетъ всегда управляема по тѣмъ принципамъ и законамъ, которые она успѣла возстановить?

Политическіе реформаторы почувствовали затрудненіе: надъ ними стоялъ король, который, уступая имъ, устраивалъ противъ нихъ заговоры. Если королю опять достанется въ правленіи та власть, какую еще оставляли ему сдѣланныя досихъ-поръ реформы, онъ станетъ употреблять ее противъ реформъ и реформаторовъ. Вокругъ нихъ были ихъ союзники, религіозные новаторы, пресвитеріане и приверженцы различныхъ сектъ, которые не довольствовались политическими реформами и, въ своей ненависти къ существующей церкви, стремились не потрясти только ея иго, но разрушить ее и наложить на нее свое иго. Для спасенія своего созданія, для спасенія самихъ себя, вожди реформъ хотѣли не покидать оружія. Еслибъ они захотѣли положить оружіе, соратники ихъ не позволили бы этого.

Одно средство могло обезпечить будущность: надобно было, чтобы парламентъ навсегда удержалъ верховную власть, которая теперь была у него въ рукахъ; чтобы король навсегда былъ поставленъ въ невозможность управлять противъ желанія парламента и палаты народныхъ представителей въ парламентѣ.

(* Томасъ Уэнтвортъ, графъ Страффордъ.

Вотъ результатъ, котораго достигла въ Англии конституціонная монархія; вотъ цѣль, которую, два столѣтія назадъ, имѣли въ виду ея приверженцы. Но въ XVII вѣкѣ въ нихъ не было ни того просвѣщенія, ни тѣхъ политическихъ добродѣтелей, какихъ требуетъ это правленіе.

Въ сердцѣ человѣческомъ такъ много гордости и, вмѣстѣ, слабости, что оно всегда въ одно и то же время хочетъ и блестящаго успѣха и совершенно-спокойнаго пользованія, какое можетъ ему обѣщать успѣхъ. Ему мало преодолѣть препятствія—ему хотѣлось бы совершенно ихъ уничтожить, такъ, чтобъ даже можно было и не думать о нихъ; самое торжество не радуетъ его, если имъ нельзя наслаждаться съ полной, надменной безпечностью. Конституціонная монархія не даетъ поблажки этимъ дурнымъ наклонностямъ человѣческой природы. Ни одной изъ властей, которыя она ставитъ рядомъ, не доставляетъ она удовольствія властвовать безраздѣльно и безпечно. Она налагаетъ на всѣ эти власти — даже на ту изъ нихъ, которая въ данное время имѣетъ перевѣсъ — постоянный трудъ обязательныхъ союзовъ, взаимныхъ уступокъ, частыхъ сдѣлокъ, косвенныхъ вліяній и безпрестанно-возобновляющейся борьбы съ безпрестанно-возражающимися случайностями успѣха и неуспѣха. Но этою цѣною конституціонная монархія обезпечиваетъ торжество интересовъ и стремленій народа, облизывая его—самого быть умѣреннымъ въ желаніяхъ, бдительнымъ и терпѣливымъ въ усиліяхъ.

Ни король, ни парламентъ Англии не понимали въ XVII вѣкѣ этихъ условій совместнаго ихъ правленія и не подчинились имъ. Королевская власть хотѣла остаться прямо и неизмѣнно верховною властью, нижняя палата — сдѣлаться такою властью. Такое удовлетвореніе нужно было для ихъ гордости такая гарантія нужна была для ихъ опасеній за будущее.

Чтобъ достигнуть этой цѣли, чтобъ удержать захваченную собою верховную власть, нижняя палата уже не могла довольствоваться реформою злоупотребленій и восстановленіемъ легальныхъ правъ: ей надобно было измѣнить до основанія старыя законы и сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ власти.

Когда дѣло дошло до этого, между реформаторами совершилось раздвоеніе; одни, болѣе-предусмотрительные, или болѣе-

робкіе, обратились къ защитѣ законнаго порядка и монархій; другіе, болѣе-смѣлые, или менѣе-опасливые, пошли по стезямъ революціи.

Тогда-то возникли эти двѣ великія партіи, которыя, развиваясь послѣдовательно подъ различными именами и формами, цѣлые два вѣка правили судьбами Англии: партія, преданная охраненію существующаго порядка, и партія, благопріятствующая прогресу народнаго вліянія — торіи и виги, консерваторы и новаторы.

Въ парламентѣ борьба была горяча, но непродолжительна. Монархическая партія хотѣла-было организовать себя вокругъ короля и управлять его именемъ. Эти первые опыты конституціоннаго правленія рушились, едва начавшись; причиною тому были ошибки короля, непослѣдовательнаго, необдуманно-упрямаго и столько же неискренняго съ своими совѣтниками, какъ и съ врагами, неопытность самыхъ этихъ совѣтниковъ, то слишкомъ-исключительныхъ, то слишкомъ-слабыхъ, и безпрестанно-встрѣчавшихъ помѣхи и измѣны во дворцѣ и въ парламентѣ; подозрительность и притязанія революціонной партіи, рѣшившейся не успокоиваться до-тѣхъ-поръ, пока абсолютная власть, которую она хотѣла разрушить, не перейдетъ въ ея руки.

Однажды, по поводу новой ремонстраціи, которую хотѣли представить королю противъ старыхъ несправедливостей — какъ-будто онѣ не были уже исправлены — вопросъ о большинствѣ положительно былъ поставленъ между двумя партіями. Горячность преній дошла до того, что въ залѣ нижней палаты чуть не произошло драки. Одиннадцать голосовъ дали перевѣсъ революціонной партіи. Черезъ пятьдесятъ дней послѣ этого рѣшенія, король бѣглецомъ удалился изъ своего Уайтгала, куда ему суждено было возвратиться еще разъ только затѣмъ, чтобъ взойти на эшафотъ. Нижняя палата тотчасъ же постановила, что государство въ опасности и немедленно должно быть приведено въ оборонительное положеніе. Парламентская борьба прекратилась—начиналась междоусобная война.

Въ эту торжественную минуту, въ той и другой партіи явились проблески патріотическаго унынія и грустнаго пред-

чувствія, особенно въ партіи короли, менѣе-вѣровавшей въ свою силу, а можетъ-быть, и въ правоту своего дѣла. Но общее чувство было не таково. Въ большей части сердецъ господствовали страсть и надежда успѣха. Духъ сопротивленія незаконности и притѣсненію былъ всегда одною изъ самыхъ благородныхъ и самыхъ спасительныхъ сторонъ англійскаго характера во все продолженіе исторіи этого народа. Англійскій народъ послушенъ и даже привязанъ къ власти, когда она дѣйствуетъ въ силу закона, но смѣло защищаетъ противъ нея все, что считаетъ закономъ страны и собственнымъ своимъ правомъ. Это чувство одушевляло объ партіи среди самыхъ несогласій. Партія революціи боролась противъ незаконныхъ дѣйствій и притѣсненій, которымъ Англія подвергалась со стороны короля въ прошедшемъ и которыхъ она страшилась въ будущемъ. Партія монархіи боролась противъ незаконныхъ дѣйствій и притѣсненій, которымъ парламентъ подвергалъ страну въ настоящемъ. Въ глубинѣ души всѣхъ жило уваженіе къ праву и закону, хотя и нарушаемому каждый день; оно скрывало отъ нихъ тѣ страданія и бѣдствія, какія готовила имъ междоусобная война.

Въ нравахъ той и другой партіи не было сильнаго противорѣчія съ междоусобною войною. *Кавалеры* были люди горячіе и грубые, еще неотвыкшіе отъ битвъ, отъ этой страсти прибѣгать къ силѣ, характеризовавшей феодальную эпоху. *Пуритане* были люди суровые и стойкіе, воспитавшіеся на страстяхъ и воспоминаніяхъ еврейскаго народа, который защищалъ и мстилъ за своего Бога, поражая враговъ своихъ. Для тѣхъ и другихъ не новость было жертвовать жизнью, и пролитая кровь не ужасала ихъ.

Еще одна причина, болѣе-скрытая, вызывала и ожесточала проявленіе страстей. Борьба не ограничивалась политическими и религіозными партіями: подъ ней скрывалась другая, общественная борьба—борьба различныхъ сословій народа за вліяніе и власть. Не то, чтобы эти сословія были глубоко раздѣлены и враждебны между собою въ Англіи, какъ это было въ другихъ странахъ; главные бароны, вмѣстѣ съ своими льготами, поддерживали льготы народа, и народъ не забылъ этого. Сельское дворянство и горожане уже три вѣка засѣдали

въ одномъ и томъ же парламентѣ, какъ представители англійскихъ общинъ; но въ послѣднее столѣтіе въ относительной силѣ различныхъ классовъ общества совершились большія перемѣны, а между-тѣмъ въ правленіи не было сдѣлано соотвѣтственныхъ перемѣнъ. Торговая дѣятельность и религіозный энтузіазмъ дали необыкновенный толчокъ капиталамъ и идеямъ въ среднемъ сословіи. Въ одномъ изъ первыхъ парламентовъ, въ царствованіе Карла I, съ удивленіемъ замѣчено было, что палата депутатовъ втрое-богаче палаты лордовъ. Высшая аристократія уже не имѣла и не доставляла престолу, который она продолжала окружать, прежняго перевѣса въ націи. У горожанъ, у провинціального дворянства, у фермеровъ и мелкопомѣстныхъ собственниковъ, въ то время очень-многочисленныхъ, не было вліянія на государственныя дѣла, сообразнаго съ значеніемъ ихъ въ государствѣ. Они выросли, но не повысились. Отсюда между ними и подъ ними этотъ гордый и могучій духъ честолюбія, который готовъ былъ ухватиться за всякій случай, чтобы высказаться. Междоусобная война открыла широкое поле ихъ дѣятельности и надеждамъ. Въ началѣ своемъ она не представляла какой-нибудь исключительной, враждебной классификаціи общества: во главѣ народной партіи было много сельскихъ дворянъ и даже самыхъ значительныхъ аристократовъ. Но въ массѣ, съ одной стороны дворянство, съ другой горожане и народъ стали — одни вокругъ престола, другіе — вокругъ парламента, и ясные признаки уже говорили о великомъ социальномъ движеніи среди этой великой политической борьбы, и о стремленіяхъ возвышающейся демократіи, прокладывавшей себѣ дорогу черезъ ряды ослабѣвшей и раздѣленной аристократіи. Въ состояніи общества — скажу даже въ законахъ государства — объ партіи нашли естественныя и почти-правильныя средства поддержать свои права или притязанія вооруженною рукою. Со времени Елизаветы нижняя палата усердно занималась уничтоженіемъ послѣднихъ институтовъ уже пошатнушагося феодализма; но отъ него оставались еще глубокіе слѣды: феодальныя привычки и чувства, иногда даже правила; еще господствовали въ сношеніяхъ ленныхъ владѣтелей какъ съ королемъ, ихъ господиномъ (*suzerain*), такъ

и съ нѣкоторою частью народонаселенія, группировавшася вокругъ нихъ, въ ихъ замкахъ, или на ихъ земляхъ. По ихъ призыву оно поднималось для пировъ или для битвъ точно такъ же, какъ они сами шли на призывъ короля, когда онъ требовалъ ихъ услугъ. Это была одна изъ тѣхъ переходныхъ эпохъ, когда старые законы еще уважаются, несмотря на то, что они устарѣли, и еще условливаютъ дѣйствія людей, хотя и не связываютъ ихъ болѣе. Рабскія отношенія уступили мѣсто привязанности; вѣрность вассала превратилась въ вѣрность подданнаго; кавалеры, богатые и бѣдные, стекались къ королю, готовые за него сражаться и умирать и сопровождаемые цѣлымъ сонмомъ или небольшою горстью своихъ слугъ, готовые сражаться и умирать за нихъ.

Съ другой стороны, граждане, ремесленники, городская чернь, также имѣли свои средства къ независимой дѣятельности и даже къ войнѣ, только подъ другими формами. Они были организованы въ муниципальныя или коммерческія корпораціи, свободно сходились для совѣщаній о своихъ дѣлахъ; собирали налоги, набирали милицію, чинили судъ и расправу — словомъ, разсуждали и дѣйствовали въ оградѣ своихъ стѣнъ или въ предѣлахъ (невсегда ясныхъ) своихъ хартій, какъ маленькіе государи. Обширное распространеніе торговли и промышленности, ихъ богатство, ихъ связи и кредитъ давали этимъ корпораціямъ силу, которую они употребили на пользу своего дѣла, съ отважностью новой, непривычной гордости.

У королевской власти, ни въ селахъ, ни въ городахъ, не было того господства, какое даетъ центральная, единая администрація. Финансы, дѣла военныя и даже юстиція находились болѣе или менѣе въ рукахъ властей мѣстныхъ и почти независимыхъ: провинціальныхъ землевладѣльцевъ, муниципальныхъ совѣтовъ, или разныхъ корпорацій, которыя въ интересахъ своего политическаго дѣла болѣе-и-болѣе овладѣвали административными силами, не всегда для того, чтобъ поддерживать центральную власть короля или парламента, а иногда и для того, чтобъ противиться ей.

А когда этихъ средствъ было мало, когда дѣло превышало объемъ старинныхъ и признанныхъ мѣстныхъ властей, тогда исконный и могущественный въ этой странѣ духъ ассоціаціи

мгновенно устраивалъ между графствами, городами, разными частями территорій и разными классами общества практическія, дѣятельныя связи, въ силу которыхъ добровольно возникали новыя, временныя ассоціаціи; набирали денегъ и солдатъ, составляли комитеты, выбирали вождей, которые обязаны были руководить ихъ долей участія въ общемъ дѣлѣ.

Въ одной изъ такихъ ассоціацій, именно въ ассоціаціи пяти восточныхъ графствъ, соединенныхъ для поддержанія парламента, показали Кромвель первые знаки силы и пустилъ первые корни своего могущества.

Въ обществѣ, устроенномъ на такую ногу, междоусобная война не представляла чего-нибудь неслыханнаго или неисполнимаго. Скоро она покрыла всю страну, отчасти вызванная приказаніями агентовъ короля или парламента, отчасти начатая гражданами добровольно, и съ обѣихъ сторонъ поддерживаемая съ энергіей, иногда печальной, но всегда рѣшительной, кака я возможна только тогда, когда человекъ чувствуетъ, что онъ пользуется правомъ и исполняетъ долгъ свой. Чувствомъ правоты и важности своего дѣла проникнуты были обѣ партіи глубоко. На пользу этого дѣла обѣ онѣ приносили такія усилія и жертвы, которыя возвышаютъ души въ минуту самаго заблужденія и даютъ страстямъ видъ и даже иногда цѣну добродѣтели. И въ добродѣтели не было недостатка ни въ той, ни въ другой партіи. Кавалеры, при всей своей необузданности и развратѣ, могли, однакожъ, указать въ своихъ рядахъ прекраснѣйшіе образцы великаго, благороднаго характера старинныхъ фамилій, отличавшихся преданностью безъ искательства и достоинствомъ въ самомъ подчиненіи. Съ своей стороны, гордые и суровые пуритане оказывали отечеству неоцѣненную услугу: они основывали въ немъ строгую нравственность частной жизни и святость семейства. Обѣ партіи боролись жестоко, но и среди борьбы не отрекались отъ всѣхъ тѣхъ чувствъ, какія имъ свойственны были во времена порядка и мира. Мы не видимъ ни кровавыхъ бунтовъ со стороны народа, ни отвратительной бойни по приговорамъ судовъ. Это была междоусобная война, горлчая, упорная, конечно, не безъ насилій и бѣдствій, но и безъ варварскихъ или циническихъ не-

истовствъ: нравы народа сдерживали ее въ извѣстныхъ предѣлахъ правосудія и человѣчности.

Слѣшю воздать партіямъ эту справедливость, потому-что добродѣтели партій очень-непрочны и недолго выдерживаютъ, когда на нихъ подуетъ буря революцій. По мѣрѣ продолженія междоусобной войны, со дня на день слабѣло уваженіе къ правамъ, слабѣли чувства справедливости и великодушія. Развилась естественныя слѣдствія революціоннаго состоянія и исказили въ обѣихъ партіяхъ легальныя и нравственныя идеи и привычки. У короля не было денегъ — кавалеры предались необузданному грабежу. Для военныхъ нуждъ оказались недостаточными налоги, которые собиралъ парламентъ: онъ сталъ вводить во всѣхъ графствахъ болѣе или менѣе замаскированную систему конфискацій, которая отдавала въ его руки доходы и часто самыя помѣстья его враговъ, клеймимыхъ именемъ *преступниковъ*, и стала обычнымъ источникомъ обогащенія для его приверженцевъ. Въ этомъ всеобщемъ и повсюдномъ безпорядкѣ, среди злоупотребленій силы и среди крайностей, до которыхъ доводитъ несчастіе, безпрестанно пробуждаемы были недобрыя страсти; всякому недоброму желанію открывались виды на успѣхъ. Людями энергическими овладѣвала ненависть и мстительность; люди слабые предавались робости и подлости. Парламентъ, который, сражаясь съ королемъ, имѣлъ претензію дѣйствовать во имя законовъ и служить королю, былъ осужденъ на фальшивый и лицемерный языкъ, при самыхъ рѣзкихъ своихъ дѣйствіяхъ. Роялисты, боясь скрытыхъ мыслей короля, видя, что отъ нихъ требуютъ жертвъ, превышающихъ ихъ силы, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отчаяваясь въ успѣхѣ своего дѣла, чувствовали, какъ преданность къ королю погасала въ ихъ сердцахъ, и многіе изъ нихъ подчинились, вслѣдствіе упадка духа, или же вознаграждали себя самовольствомъ. Ложь, насиліе, алчность, малодушіе во всѣхъ видахъ росли быстро между людьми, замѣняемыми въ борьбу; и та часть народонаселенія, которая не принимала участія въ революціи, или смотрѣла на нее издали, вслѣдствіе заразительнаго вліянія этого зрѣлища, также мало-по-малу теряла понятія о правахъ и обязанно-

стихъ, о справедливости и добродѣтели, или сохраняла ихъ въ смутномъ, нетвердомъ видѣ.

Въ то же время она была жестоко поражена въ-отношеніи своихъ матеріальныхъ интересовъ. Повсемѣстная и повсюду безпорядочная война разоряла города и села, уничтожала насущныя средства и надежды народа, разрушала его промышленность. Финансовыя мѣры парламента, злоупотребляемыя мѣстными интригами и недоброжелательствомъ, вводили неурядицу и сбивали цѣну съ поземельной собственности; исчезла всякая безопасность въ текущихъ занятіяхъ и въ трудахъ для будущаго. Гражданская жизнь была нарушена и искажена даже въ нѣдрахъ семействъ, совершенно-чуждыхъ политической борьбѣ. И такъ-какъ страхъ идетъ всегда скорѣе и дальше дѣйствительныхъ страданій, то страна, подвергшись чувствительному бѣдствію, сдѣлалась добычей унынія, болѣе-всеобщаго и болѣе-чувствительнаго, нежели самое бѣдствіе.

Взрывъ этихъ жалобъ и этихъ желаній не заставлялъ себя долго ждать. Война была еще въ полномъ разгарѣ, когда у дверей парламента уже начали раздаваться крики: *мира! мира!* Его требовали многочисленныя петиціи, одна за другою постунавшія въ парламентъ и доставлявшіяся такими многочисленными и такими раздраженными массами, что надобно было употреблять силу, чтобъ разгонять ихъ. Въ самой палатѣ депутатовъ, несмотря на удаленіе почти всей первой партіи роялистовъ, образовалась во имя мира новая партія роялистовъ, неупускавшая ни одного случая высказать его необходимость и открыть съ королемъ переговоры. Многочисленныя попытки этихъ переговоровъ не имѣли успѣха—съ одной стороны, вслѣдствіе прожектовъ тѣхъ ратниковъ того и другаго лагеря, которые не хотѣли мира, потому-что не хотѣли дѣлать требуемыхъ миромъ уступокъ, съ другой—вслѣдствіе слабости и неопытности тѣхъ, которые хотѣли мира, но не смѣли хотѣть его условій. Междоусобная война продолжалась; но партія, которая начала ее, распалась на части; въ парламентѣ опять началась борьба за и противъ революціи.

Внѣ парламента, особенно въ селеніяхъ, народъ не доволь-

ствовався требованіємъ мира у парламента; онъ старался — по-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — самъ принудить къ тому объ партіи. Образовались товарищества, пришли въ движеніе вооруженныя массы: онъ объявляли, что не хотятъ болѣе сносить разоренія своихъ земель ни отъ парламентскихъ, ни отъ королевскихъ войскъ, и дрались съ тѣми и другими при встрѣчѣ, безъ разбора. Это было нѣчто въ родѣ вооруженнаго нейтралитета среди междоусобія — попытка бесплодная, но она показывала, до какой степени объ партіи, увлеченныя своей борьбой, уже противны были чувствамъ и интересамъ народа.

Пока война была сильна и исходъ ея сомнителенъ, всѣ эти страданія и впечатлѣнія народа, хотя и порождали въ немъ реакцію въ пользу мира, однакожь еще не приводили его къ королю, а если и приводили, то слабо и нерѣшительно. Его обвиняли въ упрямствѣ и хитрости. Горько жаловались на его тайныя интриги съ королевой и съ католиками, которыхъ страшно ненавидѣли и боялись. Ему ставили въ вину всѣ бѣдствія и продолжительность междоусобной войны, по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько парламенту.

Когда война пришла къ концу, когда король былъ плѣнникомъ въ рукахъ парламента, реакція въ пользу мира отмѣтилась болѣе-рѣшительнымъ и болѣе-всеобщимъ склоненіемъ къ роялизму. Король уже не могъ ничего дѣлать и переносилъ свое несчастіе съ достоинствомъ. Парламентъ могъ дѣлать все, и, однакожь, бѣдствія народа не прекращались. Теперь вся отвѣтственность тяготѣла на парламентѣ: на него обрушились всѣ неудовольствія, всѣ несбывшіяся надежды, все подозрѣніе и гнѣвъ, всѣ проклятія за настоящее и всѣ страхи за будущее.

Подвинутые этимъ національнымъ чувствомъ, проученные угрожающей опасностью, политическіе реформаторы, первые вожди революціи въ парламентѣ, а за ними и часть религіозныхъ новаторовъ, пресвитеріане, враждебные епископальной церкви, по невраждебнымъ монархическому правленію, рѣшились на послѣднюю попытку, чтобъ заключить, наконецъ, миръ съ королемъ и разомъ завершить и войну и революцію.

Это было ихъ искреннимъ, даже пламеннымъ желаніемъ; но они еще слишкомъ были полны революціонныхъ предубѣжденій и притязаній, которыя уже не разъ дѣлали миръ невозможнымъ. Они потребовали отъ короля, чтобъ онъ освятилъ своей санкціей произведенное ими разрушеніе монархіи и церкви, или, говоря иначе, собственными руками доломалъ бы зданіе, которое служило ему оплотомъ и которое онъ присягалъ защищать.

Они постановили принципомъ и примѣняли на практикѣ прямую верховность палаты депутатовъ; а когда имъ, въ свою очередь, пришлось противостать потоку народной воли, удивлялись, что встрѣтили не помощь и не преданность, а подозрительность и вражду со стороны той аристократіи и церкви, которую они сами же уронили въ глазахъ народа и ниспровергли.

Еслибъ имъ и удалось заключить миръ съ королемъ, этотъ миръ не повелъ бы ни къ чему. Слишкомъ-поздно было останавливать революцію; а приводить ее къ истинной, національной ея цѣли еще слишкомъ — рано. Провидѣніе только-что начинало исполнять свое правосудіе и давать уроки. Лишь только первые вожди движенія принялись чинить разрушенное ими зданіе, возсталъ настоящая революціонная партія, съ грубымъ презрѣніемъ оттолкнула ихъ новую мудрость, выгнала ихъ изъ парламента, осудила короля на смерть и провозгласила республику.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ англійская республика положила на плаху голову короля Карла I и, почти вслѣдъ за тѣмъ, пала и сама на этой почвѣ, орошенной королевскою кровью, прошло два вѣка. Французская республика еще разъ дала міру такое же зрѣлище. И послѣ этого все еще говорятъ, что эти великія злодѣянія были великими политическими актами, необходимыми, чтобъ основать эти республики, пережившія ихъ едва нѣсколькими днями!

Безумство и развращеніе человѣческое любятъ прикрывать себя покровомъ величія. Ни историческая истина, ни интересы народовъ не должны терпѣть этой лжи.

Духъ вѣры и религіозной свободы выродился въ нѣкото-

рыхъ сектахъ въ надменный и задорный фанатизмъ, который не ладилъ ни съ какою властью и находилъ себя удовлетво- реніе только въ безграничной независимости и гордынѣ ду- ха. Вслѣдствіе междоусобной войны, эти сектанты сдѣлались солдатами, въ которыхъ соединились резонерство и предан- ность, энтузіазмъ и дисциплина. Вышедши по-большей-части изъ нижнихъ классовъ и званій, они съ жадностью наслаж- дались удовольствіемъ повелѣвать, властвовать, считать себя и называть избранными богами, могущественными ору- діями божьей воли и правосудія. Пользуясь ихъ религіознымъ энтузіазмомъ, ихъ военной дисциплиной и демократическимъ духомъ, Кромвель скоро приобрѣлъ довѣріе этихъ людей и сдѣлался ихъ главою. Растрата свою молодость въ заблужде- ніяхъ бурнаго темперамента, въ порывахъ пылкой и неспо- койной набожности и въ служеніи интересамъ или желаніямъ окружавшаго его народа, онъ, при первой отрывшейся воз- можности, бросился въ политику и войну, какъ единственную дорогу, на которой могъ исполнѣ себя развернуть и удо- влетворить. Это былъ самый бурный изъ сектаторовъ, самый дѣятельный изъ революціонеровъ, самый даровитый изъ сол- датъ; онъ съ равнымъ жаромъ готовъ былъ говорить, мо- литься, дѣлать заговоры, драться: любилъ пускаться въ разго- воры и говорилъ чрезвычайно-сильно, хотя и небрежно, а въ случаѣ нужды, умѣлъ лгать съ неистощимой дерзостью, кото- рая даже враговъ его приводила въ изумленіе и смущала; былъ иѣженъ и грубъ, отваженъ и благоразуменъ; не чуж- дался мистицизма и обладалъ большимъ практическимъ смыс- ломъ; не зналъ предѣловъ своимъ замысламъ и не задумы- вался, когда нужно было дѣйствовать: хотѣлъ успѣха во что бы ни стало, скорѣе всякаго другаго умѣлъ разсудить и употре- бить нужныя къ тому средства и заставлялъ думать всѣхъ— друзей и недруговъ—что никто не могъ бы дѣйствовать такъ успѣшно и идти такъ далеко, какъ онъ.

Для такой партіи, предводимой такимъ человѣкомъ, респуб- лика была хороша: она удовлетворяла ихъ страстямъ, от- крывала широкую дорогу всѣмъ ихъ надеждамъ, обезпечивала интересы, созданные для нихъ междоусобной войной. Геніаль- ность вождя ставила государство въ зависимость отъ арміи, а

военная дисциплина и сообщничество солдатъ передавали власть Кромвелю.

Изъ уваженія къ ихъ искренности, къ ихъ даровитости, къ ихъ несчастіямъ, я не хочу высказать вполне своихъ мы- слей о нѣкоторыхъ людяхъ съ прославленнымъ именемъ, бывшихъ также республиканцами, но республиканцами не вслѣдствіе религіознаго фанатизма, а вслѣдствіе политической системы и въ подражаніе образцамъ древности. Сидней, Венъ, Лудло, Гаррингтонъ, Гатчинсонъ, Мильтонъ—все это были люди съ умомъ возвышеннымъ и съ горячимъ сердцемъ, сгаравшіе благороднымъ рвеніемъ къ чести и славѣ своей отчизны и человечества, но до такой степени неразсудительные и без- умно-гордые, что ихъ ничему не могли научить ни власть, ни невзгоды; доверчивые какъ дѣти и упрямые какъ старики, изъ-за надеждъ своихъ незамѣчавшіе ни опасностей, ни оши- бокъ, они въ ту минуту, когда ихъ собственная анархическая тиранія приготовляла возвышеніе другой тираніи, болѣе- благоразумной и сильной, воображали, что основываютъ самое свободное и самое славное изъ правленій.

Кромъ этихъ сектъ, сложившихся въ полки, и этихъ котерій, засѣдавшихъ теперь въ качествѣ парламента, никто въ Англии не хотѣлъ республики: она оскорбляла преданія, нравы, за- коны, старинныя привязанности, старинную святыню, пра- вильные интересы, добрый порядокъ, здравый смыслъ и нрав- ственное чувство страны.

Раздраженные и встревоженные этимъ явнымъ отвраще- ніемъ публики къ ихъ планамъ, сектаторы и Кромвель пришли къ мысли, что, для поддержанія столь ненавидимаго правле- нія, надобно на первыхъ порахъ доказать его силу и утвердить его право ударомъ страшнымъ и безвозвратнымъ. Они дали себѣ слово освятить республику на эшафотѣ Карла I.

Но революціонеры, даже самые даровитые, близоруки. Упо- енные страстью, или увлекшись потребностью минуты, они не предвидѣли, что ихъ сегодняшнее торжество завтра же будетъ для нихъ смертнымъ приговоромъ. Казнь Карла I отдала оцѣнѣвшую отъ ужаса Англию въ руки республи- канцамъ и Кромвелю; но съ этого же самаго дня республика съ Кромвелемъ стала не болѣе, какъ правленіемъ насиль-

ственнымъ, недоговѣннымъ, отмѣченнымъ той печатью высочайшаго беззаконія, которая самая сильная и самая блестящая правительства обрекаетъ на вѣрную гибель.

Все поднимали судьи Карла I, чтобъ отнять у своего поступка этотъ роковой характеръ и представить его какъ дѣйствіе божьяго суда, который они призваны были выполнить. Карлъ стремился къ безграничной власти и поддерживалъ междоусобную войну; по приказанію Карла, или съ его вѣдома, нарушено было много правъ, пролито много крови; на него сваливали всю отвѣтственность за деспотизмъ и войну; ему ставили въ вину всѣ угнетенія и всю пролитую кровь—преступленіе неслыханное, которое могло быть омыто только его кровью. Но народную совѣсть нельзя до такой степени усыпить, даже когда она поражена смущеніемъ и ужасомъ. И кромѣ Карла были другіе, угнетавшіе народъ и проливавшіе кровь. Если король нарушалъ права своихъ подданныхъ, то и права короля, также старинныя, точно такъ же опредѣленные законами, столько же необходимыя для охраненія народныхъ льготъ, были также нарушены, попраны, отняты. Онъ велъ войну, но велъ для того, чтобъ защитить себя. Кому же не извѣстно было, что въ ту минуту, когда онъ рѣшился воевать, противъ него была приготовлена война, имѣвшая цѣлю принудить его, чтобъ онъ, послѣ столькихъ уступокъ, отдалъ и то, что у него еще оставалось изъ правъ его власти—послѣднія развалины легальнаго правленія государства? И теперь, когда король былъ побѣжденъ, его осудили, его приговорили къ смерти, противъ всякихъ законовъ, за такія дѣйствія, которыхъ никогда никакой законъ не предусматривалъ и не называлъ преступленіями, которыхъ ни совѣсть короля, ни совѣсть народа никогда не думали считать подлежащими человѣческому суду или человѣческой карѣ. Какое негодование, какой мятежъ поднялся бы со всѣхъ сторонъ, еслибы съ самымъ послѣднимъ изъ гражданъ поступили такимъ образомъ, предавъ его смерти за преступленія, опредѣленные послѣ казни, по приговору судей—самозванцевъ, которые вчера еще были его враги, сегодня — соперники, завтра — наследники! А между-тѣмъ то, чего не рѣшились бы сдѣлать съ послѣднимъ изъ англичанъ, сдѣлано съ королемъ Англій, вер-

ховнымъ главою церкви и государства, представителемъ и символомъ власти, порядка, закона, правосудія — словомъ, всего того, что соприкасается въ человѣческомъ обществѣ съ атрибутами божества и пробуждаетъ ихъ идею!

Нѣтъ такого слѣпаго фанатизма, нѣтъ такой развращенной политики, которымъ бы въ самую минуту ихъ торжества не блеснулъ яркій свѣтъ въ видѣ торжественнаго и неожиданнаго протеста человѣческой совѣсти. Два республиканца, изъ которыхъ одинъ былъ записанъ въ числѣ судей короля, Венъ и Сидней — самые славные имена во всей партіи — было ли то въ слѣдствіе упрековъ совѣсти, или изъ предосторожности — не захотѣли принять участія въ процессѣ и уѣхали изъ Лондона, чтобъ не быть даже свидѣтелями его. А когда нижняя палата, въ качествѣ верховной власти, стала составлять республиканскій государственный совѣтъ, то изъ сорока-одного члена, назначенныхъ войти въ составъ его, двадцать-два рѣшительно отказались принять присягу, которая содержала въ себѣ одобреніе приговору, произнесенному надъ королемъ; и царевѣйцы—республиканцы, съ Кромвелемъ во главѣ, должны были поневолѣ признать своими товарищами тѣхъ людей, которые ни за что не хотѣли быть сочтены ихъ сообщниками.

Сначала новое правленіе встрѣтило только страдательное противодѣйствіе, но оно встрѣтило его повсюду.

Шестеро изъ двѣнадцати верховныхъ судей наотрѣзъ отказались оставаться при своихъ должностяхъ, а шестеро другихъ согласились остаться при нихъ только подъ условіемъ, что они будутъ продолжать чинить судъ по старымъ законамъ. Республиканскій парламентъ принялъ ихъ условіе.

Когда парламентъ постановилъ провозгласить республику въ лондонской Сити, лордъ-мэръ воспротивился этому. Онъ былъ смѣненъ и посаженъ въ тюрьму. Несмотря на назначеніе новаго мэра, три мѣсяца прошло, прежде нежели рѣшились сдѣлать эту прокламацію; а когда она была, наконецъ, сдѣлана, большая часть альдерменовъ не присутствовала при ней. Церемонія была подкрѣплена войсками, но это не могло совершенно отвратить оскорбительныхъ выходовъ со стороны народа. Когда парламентъ преобразовалъ составъ муницип-

пальнаго совѣта, большая часть изъ новоназначенныхъ членовъ не захотѣла вступить въ него. Пришлось разрѣшить совѣту начать свои засѣданія въ маломъ числѣ. Парламентъ чуть-чуть не нашелъ себя принужденнымъ уничтожить права Сити.

Когда вздумали чеканить республиканскую монету, директоръ монетныхъ дѣлъ объявилъ, что онъ не дозволитъ этого, и былъ отставленъ.

Отъ должностныхъ лицъ гражданскихъ и духовныхъ потребована была присяга въ вѣрности республикѣ. Несмотря на всю простоту и безобидность формулы, какую могли придумать для нея, они тысячами оставляли свои мѣста или приходы, чтобъ только не давать этой присяги. Больше, чѣмъ черезъ годъ по учрежденіи республики, пресвитеріанскій синодъ, собравшійся въ Лондонѣ, формально объявилъ, что присяги давать не должно. Когда потребовали присяги отъ университетовъ оксфордскаго и кембриджскаго, то знатнѣйшіе члены этихъ корпорацій по ученой и административной части сложили съ себя свои должности.

На публичныхъ зданіяхъ и памятникахъ по всей Англіи приказано было разрушать знаки королевской власти, и почти нигдѣ приказъ этотъ не исполнился. Его нѣсколько разъ возобновляли безъ всякаго успѣха, и республика, основанная уже болѣе двухъ лѣтъ, видѣла себя вынужденною повторять повсюду то же самое приказаніе, возложивъ отвѣтственность и издержки на приходы.

Наконецъ, не раньше, какъ черезъ два года послѣ осужденія короля, осмѣлился республиканскій парламентъ подать формальное мнѣніе, что виновники, судьи и исполнители этого акта исполнили свой долгъ, одобрить весь процессъ и занести это мнѣніе въ протоколы парламента.

Никогда не случалось, чтобъ народъ, побѣжденный революціонной партіей и принявшій свое покореніе безъ возстаній, явнѣ этого показывалъ своимъ побѣдителямъ свое нежеланіе подчиниться имъ и содѣйствовать.

Къ этому страдательному противодѣйствію народа скоро присоединились, противъ республиканскаго правительства, нападенія враговъ.

Первыя нападенія шли отъ самихъ республиканцевъ. Въ XVII вѣкѣ, такъ же какъ и въ XIX, подъ этимъ именемъ разумѣлись чрезвычайно-различныя идеи, планы, партіи. За реформаторами политическаго порядка шли реформаторы порядка общественнаго, а за ними разрушители всякаго порядка и всякаго общества. Республика Сиднея и Мильтона была недостаточна для страстей и притязаній религіознаго фанатизма и демократическаго духа, тѣмъ болѣе слѣпыхъ и необузданныхъ, чѣмъ ниже будемъ мы спускаться по слоямъ партій. Возникли уравнители; явились коммунисты. Республика не прожила еще и шести мѣсяцевъ, какъ уже четыре возмущенія солдатъ-сектаторовъ, вызванныя и подкрѣпленныя безконечною вереницею памфлетовъ, проповѣдей и народныхъ процесій, раскрыли ея внутреннюю анархію и повергли въ опасность ея правительство.

Партія роялистовъ поднялась не такъ скоро. Длинный рядъ поражений, казнь короля, сильный гнетъ, надъ ней тяготѣвшій— все это держало ее въ состояніи оцѣпенѣнія. Раздоры между ея побѣдителями и очевидное нерасположеніе народа къ новому правленію возвратили ее наконецъ къ жизни и надеждѣ. Въ-теченіе двухъ лѣтъ, семь заговоровъ и возмущеній, устроенныхъ или чистыми роялистами, или роялистами—пресвитеріанами, столь же горячими врагами республики, доказали ея вождемъ, что съ королемъ они еще не убили авторитета королевской власти.

Скоро между заговорщиками-роялистами и заговорщиками-республиканцами, между кавалерами и уравнителями, завязались тайныя связи. Они начали дѣлать заговоры вмѣстѣ. Общая ненависть заглушаетъ всѣ другія непріязненныя отношенія.

Въ то время, какъ Англія страдала отъ этой анархіи, Шотландія и Ирландія, обѣ отличавшіяся роялизмомъ, хотя съ различными мотивами и чувствами, явно отреклись отъ республики, провозгласили Карла Стюарта королемъ, призвали на свою почву и поставили у себя во главѣ, одна — самого Карла, другая — его представителей, и начали войну, чтобъ возстановить его на престолѣ.

При этомъ распаденіи трехъ королевствъ, среди этихъ за-

говоровъ, въ одно и то же время разрозненныхъ и соединенныхъ, такъ же скоро возраждавшихся, какъ и разрушаемыхъ, и поочередно поднимавшихъ и понижавшихъ надежды и страхъ, стремленія и дѣятельность всѣхъ партій на всей территоріи, общественныя узы быстро распались, пружины власти ослабли. Не стало правильности и безопасности для интересовъ гражданской жизни ни въ администраціи графствъ и приходоу, ни въ финансахъ общихъ и мѣстныхъ, ни въ государственныхъ должностяхъ, ни въ частныхъ имуществахъ. По дорогамъ, вокругъ городовъ, размножились воровы и разбойники; они ходили цѣлыми шайками, припутывали политическія страсти къ своимъ злодѣйствамъ, останавливали проѣзжихъ вопросомъ: присягали ли они въ вѣрности республикѣ? и, смотря по отвѣту, били ихъ или отпускали. Чтобъ усмирить ихъ, надобно было разставить войска въ разныхъ мѣстахъ и держать множество конныхъ полковъ въ безпрестанномъ движеніи; но эта мѣра, несмотря на всю энергію ея исполненія, имѣла далеко — неполный успѣхъ, ибо разложение общества порождало гораздо больше безпорядковъ, нежели сколько успѣвало исправлять республиканское правительство.

Осажденные столькими опасностями и, притомъ, требовавшими немедленной обороны, вожди республиканскаго парламента не унывали; у нихъ были энергія и упрямство, подерживаемыя въ однихъ вѣрой, въ другихъ — эгоизмомъ; ихъ благороднѣйшія надежды и самые обыкновенные интересы, ихъ честь и жизнь связаны были съ ихъ предпріятіемъ; они предавались ему смѣло; но, чтобъ доставить ему торжество, смѣло расточали тѣ ошибочныя средства, которыя спасаютъ дѣло на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы потомъ совершенно погубить его.

Съ первыхъ шаговъ своихъ они довели почти до крайнихъ предѣловъ политическую тираннію: они постановили, что всякій, кто въ теченіе междоусобной войны приставалъ къ королю, или былъ противъ парламента, не можетъ впредь быть избираемъ въ члены парламента, или занимать какую-либо важную должность въ государствѣ. Вскорѣ это правило было распространено на всякую муниципальную должность и даже на простое право подавать голосъ на выборахъ. Та-

кимъ-образомъ всѣ противники республики рядомъ поставлены были въ положеніе какихъ-то плотовъ, лишенныхъ всякаго политическаго права и всякой политической жизни въ своемъ отечествѣ.

Сначала требовали присяги только съ должностныхъ лицъ, гражданскихъ или духовныхъ, и если они отказывались, то это не влекло за собою никакихъ послѣдствій, кромѣ потери мѣста. Многочисленность отказовъ раздражила и обезпокоила побѣдителей. Чтобъ утолить свое раздраженіе и въ суетной надеждѣ избавиться отъ безпокойствъ, они сдѣлали присягу обязательною для всякаго англичанина свыше 18-лѣтняго возраста; тѣмъ, кто отказывался, не дозволялось даже являться въ судахъ для защиты своихъ собственнымъ интересомъ, и такимъ образомъ политическое разногласіе влекло за собою гражданскую неспособность.

Секвестрованіе и конфискація имѣній производились противъ побѣжденныхъ самымъ невыносимымъ и возмутительнымъ образомъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ, общихъ правилъ, мѣрами частными, эластическими, то усиливаемыми, то облегчаемыми, смотря по потребности минуты, по личности сильнаго врага, по тому или другому непредвидѣнному обстоятельству; они дѣлались по именнымъ спискамъ, то очень-обширнымъ, то весьма-ограниченнымъ и составившимся почти совершенно по произволу, такъ-что никто изъ тѣхъ, кому они грозили, не могъ навѣрное знать напередъ, каково его положеніе и какова будетъ его участь.

Одно оружіе оставалось у побѣжденныхъ, роялистовъ и уравнителей — гласность, печать. По прекращеніи междоусобной войны они пользовались этимъ оружіемъ смѣло, какъ дѣлала побѣдившая партія во все продолженіе своей борьбы съ королемъ. Они могли считать себя въ-правѣ, потому-что послѣдній цензоръ монархіи, М. Мабботъ, подалъ въ отставку, не желая болѣе служить орудіемъ такого злоупотребленія, а первый секретарь республиканскаго государственнаго совѣта, Мильтонъ, краснорѣчиво требовалъ свободнаго книгопечатанія, какъ одного изъ существенныхъ правъ свободнаго народа. Республиканское правительство не назначило новаго цензора, но издало объ употребленіи печати та-

кой законъ, которымъ могла удовольствоваться самая подозрительная бдительность. Только четыремъ городамъ во всей Англии была предоставлена привилегія печатать книги: Лондону, Йорку, Оксфорду и Кэмбриджу. Ни одинъ журналъ, ни одно періодическое изданіе не могло выходить безъ разрѣшенія правительства; типографщики должны были представлять залогомъ. Подвергали суду и наказанію не только тѣхъ, кто принималъ участіе въ появленіи какого-нибудь возмутительнаго сочиненія, но и со всякаго, купившаго возмутительное сочиненіе, брали штрафъ, если онъ въ теченіе 24 часовъ не приносилъ книги къ ближайшему начальству и не объявлялъ о его зловредности.

По-крайней-мѣрѣ, одна свобода — свобода религіозная — могла бы, кажется, ожидать лучшей участи при республиканскомъ правленіи: ее съ самаго начала республиканскіе сектаторы сдѣлали девизомъ своего знамени. Имъ не только нужно было требовать ее для себя, но ее безусловно предписывали самые ихъ принципы: они отвергали всякое общее обязательное управленіе церкви и за всякой отдѣльной общиной признавали право управляться самой-собою. Но въ томъ-то и состоитъ одно изъ самыхъ печальныхъ заблужденій нашихъ, что человѣческая непослѣдовательность, какъ нарочно, всего болѣе проявляется тамъ, гдѣ она всего беззаконнѣе и возмутительнѣе — въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Та самая партія, тѣ самые люди, которые цѣлое полстолѣтіе съ удивительнымъ постоянствомъ ратовали за религіозную свободу, которые дѣлали изъ этой свободы основаніе христіанскаго общества, эти самые люди, сдѣлавшись властелинами, исключили рѣшительно изъ всякой свободы три обширные класса: католиковъ, епископаловъ и свободномыслящихъ. Противъ католиковъ не было предѣловъ преслѣдованію: ихъ вѣра и богослуженіе были обречены безусловному осужденію; мірянамъ грозила гражданская неспособность и конфискованіе имущества, духовенству — тюрьма, ссылка цѣлыми массами, смерть. Судьба епископальной протестантской церкви, ниспровергнутой и разсѣянной пресвитеріанскимъ парламентомъ, сдѣлалась еще хуже при республиканскомъ парламентѣ: на нее обрушилась вся мечь и подозрительность сектаторовъ; дошло до

того, что даже внутри семействъ запрещено было присутствіе священниковъ этой церкви и употребленіе ея литургій и молитвъ. Что касается людей свободномыслящихъ, вовсе не такъ рѣдкихъ въ эту эпоху, какъ обыкновенно думаютъ, то если встрѣчался между ними кто-нибудь, по неосторожности, или изъ отвращенія къ притворству, высказывавшій свои мысли громко, его преслѣдовали, сажали въ тюрьму, исключали изъ парламента и лишали самыхъ ничтожныхъ должностей. Пресвитеріане, какъ враги епископаловъ, пользовались нѣкоторою терпимостью, но весьма-ограниченною, всегда ненадежною, часто нарушаемою подозрѣніями или насиліями сектантовъ, которымъ равно не нравились и церковное ихъ устройство, и ихъ монархическія чувства. Напрасно нѣкоторые великодушные люди пытались въ республиканскомъ парламентѣ умѣрить эти строгости: они только убѣждались въ своемъ бессиліи и скоро мирились съ нимъ сами. Дѣйствительно, религіозная свобода существовала въ этой республикѣ только для сектъ торжествующихъ, республиканскихъ, которыя, соединясь около одного политическаго дѣла и постоянно находясь въ опасности, забывали или терпѣливо сносили свои несогласія въ дѣлѣ вѣры.

Для защиты и поддержанія такой жестокой политической тиранніи и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, необходима была тираннія судебная. Республиканскій парламентъ пользовался ею безъ зазрѣнія совѣсти. Процессъ короля—это чудовищное отступленіе отъ всякихъ правилъ и формъ правосудія—сталъ образцомъ въ политическихъ процессахъ. Противъ возмущеній солдатъ—уравнителей довольно было военнаго суда; но когда открывалось какое-нибудь возстаніе или заговоръ между роялистами, тотчасъ же учреждался верховный судъ; самъ парламентъ назначалъ членовъ; это была настоящая специальная коммиссія, гдѣ судьи были поставлены внѣ всякихъ правилъ, а обвиненные внѣ всякихъ гарантій и законовъ. Опасался ли парламентъ, что пренія могутъ возбудить гнѣвъ или состраданіе въ народѣ, онъ запрещалъ ихъ печатать. Этими судами пользовались не только противъ значительныхъ людей, для которыхъ они были компетентны, но и противъ темной толпы, которую нельзя бы приводить въ эти

суды. Когда еще не было объявлено республиканское правление, судовщики Темзы просили, чтобъ заключенъ былъ миръ съ королемъ; послѣ казни короля парламентъ послалъ ихъ прошеніе, вмѣстѣ съ именами просителей, въ новый верховный судъ, который тогда былъ учрежденъ для суда надъ пятью главными вождами роялистовъ. Такимъ-образомъ парламентъ поражалъ и маленькихъ людей ужасомъ въ то же время, какъ рубилъ головы большимъ. Иногда верховныхъ судовъ нельзя было употребить въ дѣло: они повлекли бы за собой слишкомъ-сильное впечатлѣніе въ публикѣ, слишкомъ-много приготовлений или излишнюю медленность; тогда республиканскій парламентъ судилъ самъ простой подачей голосовъ, приговаривая къ огромнымъ штрафамъ, къ позорному столбу, къ ссылке, чтобъ низвергнуть какого-нибудь упрямаго врага, чтобъ послужить страстямъ или прикрыть ошибки котораго-нибудь изъ собственныхъ своихъ вождей. Если не было никакого средства преслѣдовать судомъ кого боялись (именно, нѣкоторыхъ изъ этихъ первыхъ политическихъ реформаторовъ, которыхъ республиканцы не могли побѣдить иначе, какъ выгнавъ ихъ изъ парламента), въ такомъ случаѣ ихъ задерживали безъ суда и размѣщали по отдаленнымъ тюрьмамъ. Изъ Лондона цѣлыми массами изгоняли кавалеровъ, католиковъ, наемныхъ офицеровъ — словомъ, всѣхъ подозрительныхъ; а если какой-нибудь писатель-роялистъ, вмѣсто того, чтобъ затѣвать тайные заговоры, открыто, путемъ печати, доносилъ публикѣ о дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ беззаконіяхъ республиканскихъ вождей, его хватили и сажали въ Тоуэръ, гдѣ онъ и умиралъ въ ожиданіи суда.

Такое угнетеніе, среди такого безначалія, казалось тѣмъ болѣе ненавистнымъ и невыносимымъ, что оно происходило отъ людей, которые недавно такъ много требовали отъ короля и такъ много обѣщали сами относительно свободы, отъ людей, по-большей-части еще неизвѣстныхъ дотолѣ, темныхъ, вышедшихъ изъ сословій, въ которыхъ народъ не привыкъ признавать и чтить верховной власти, неимѣвшихъ на эту власть, которою они пользовались такъ нагло, никакого права, кромѣ личныхъ достоинствъ — права спорнаго, пока оно еще не стало выше всякаго сравненія — и кромѣ мате-

ріальной силы, которою они располагали, права, оскорбляющаго и отталкивающаго даже тѣхъ, кто ему покоряется, пока ихъ побѣдитель еще не унижилъ ихъ совершенно, не подавилъ еще въ нихъ всякаго чувства чести.

При всемъ упоеніи власти и опасностей, многіе между республиканскими вождями чувствовали это положеніе и инстинктивно угадывали общественное о себѣ мнѣніе. При всемъ могуществѣ, они видѣли свое одиночество, а порой встрѣчали и презрѣніе. Нѣтъ власти, которая бы вознаграждала человѣка за одиночество, или дѣлала его нечувствительнымъ противъ презрѣнія. Республиканцы пламенно желали пріобрѣсть каки-нибудь другія права на владычество, нежели междуособная война и царевійство, и какимъ-нибудь великимъ національнымъ подвигомъ подняться въ-уровень съ своимъ счастьемъ. Они затѣвали много реформъ въ гражданскихъ законахъ, въ судопроизводствѣ, въ системѣ податей и налоговъ; но важнѣйшія изъ нихъ, сами-по-себѣ весьма-сомнительнаго достоинства, были энергически отвергаемы большинствомъ значительныхъ людей самой партіи; и онѣ не подняли бы республики, а только погрузили бы ее еще глубже въ слыхъ сектантовъ и уравнителей. Очевидно, никакая мѣра внутренняго управленія не могла дать республиканскимъ вождямъ того, чего имъ недоставало. Ихъ мысли обратились за предѣлы государства. Чтобъ поддержать достоинство и интересы своего отечества въ сношеніяхъ съ иностранными державами, имъ не надобно было прибѣгать къ большимъ усиліямъ или подвергаться какому-нибудь риску. Время религиозныхъ войнъ приходило къ концу, время войнъ за политическія идеи еще не пришло. Ни одно изъ великихъ европейскихъ правительствъ, при всемъ своемъ отвращеніи къ новой республикѣ, не думало объявлять ей войну; напротивъ, всѣ искали ея дружбы, чтобы отнять ее у своихъ соперниковъ, или воспользоваться ею противъ нихъ. Простая нейтральность обезпечивала Англій миръ, совершенную независимость во внутреннихъ дѣлахъ и большой вѣсъ въ дѣлахъ континента. Но вожди республиканскаго парламента захотѣли большаго. Передъ ними находились три могущественныя государства: Франція, Испанія и Голландія. Оба первыхъ,

какъ государства католическія и монархическія, были естественными противниками новой республики, болѣе или менѣе сдерживавшими себя, или маскировавшими; послѣднее, какъ протестантское и республиканское, тяготѣло къ Англіи всѣми интересами вѣры и свободы. Въ смѣлыхъ и безпокойныхъ умахъ республиканцевъ быстро возникла и закипѣла мысль: почему бы Англіи и Голландіи не соединиться въ одну большую республику, которая бы скоро сдѣлала ихъ общую политику и вѣру господствующими въ Европѣ? Тутъ было чѣмъ очароваться самымъ набожнымъ людямъ, было чѣмъ заняться самымъ честолюбивымъ. Какую признательность почувствовали бы англійскій народъ къ тѣмъ людямъ, которые доставили бы такое приращеніе его величію, такое удовлетвореніе его совѣсти и гордости! При такомъ условіи, монархія была бы забыта, республика стала бы на твердомъ основаніи и республиканскій парламентъ сдѣлался бы сенатомъ государей.

Приступили къ дѣлу. Республиканскіе вожди дѣйствовали со всѣмъ увлеченіемъ страсти: одни — посредствомъ косвенныхъ влияній и повсемѣстной пропаганды своей мысли, другіе — посредствомъ торжественныхъ посольствъ и другихъ попытокъ заложить основаніе будущему соединенію обѣихъ націй. Но мечты революцій бываютъ еще несбыточнѣе во внѣшнихъ сношеніяхъ, чѣмъ во внутреннемъ управленіи государства. Англійскимъ республиканцамъ угодно было не обдумать, что при такомъ сліянніи Голландская Республика была бы поглощена республикой Англіи и что она очень могла не согласиться на это. Она не приняла даже и намека на что-нибудь подобное. Голландскіе республиканцы, испытанные цѣлымъ вѣкомъ трудныхъ усилій, были такъ горды, что не хотѣли жертвовать своимъ отечествомъ, и такъ благоразумны, что не желали связывать свои судьбы съ этой утопической мечтой поворожденной и шаткой республики. Кромѣ-того, партія роялистовъ англійскихъ пользовалась въ Голландіи расположеніемъ не только оранскаго дома, но и большей части народа, котораго здравый смыслъ и чувство справедливости возмущались убіеніемъ Карла I и безумными грезами сектаторовъ. Праведная гордость Голландіи въ одну минуту разсѣяла химеру, порожденную честолюбивою гордостью англійскаго парламента. Но

подобныя попытки не дѣлаются и не разрушаются безнаказанно. Отъ этой попытки остались глубокое недовѣріе и ревнивое чувство между двумя народами, которые уже и безъ того были естественными соперниками; оскорбленныя самолюбія и горячая злоба между ихъ вождями. Изъ этихъ источниковъ скоро вытекла война; такимъ-образомъ великія дипломатическія соображенія протестантскаго и республиканскаго парламента Англіи кончились разрывомъ и жестокой борьбой съ единственнымъ республиканскимъ и протестантскимъ государствомъ сосѣдняго ей континента.

Итакъ, всѣ идеи и надежды англійскихъ республиканцевъ внутри и внѣ государства получали чрезъ нихъ самихъ, или чрезъ независимыя отъ нихъ событія, грустные, блистательныя опроверженія. Они обѣщали свободу, а на дѣлѣ были тираны; они обѣщали единеніе и торжество протестантизма въ Европѣ, а вмѣсто того несли въ нее войну.

Напрасно это правительство продолжало держаться, одерживало побѣды, давило враговъ: несмотря на все это, оно было непрочно. Среди успѣховъ и всеобщей покорности, республика съ своими вождями становилась все ненавистнѣе и падала со дня на день.

Одинъ человекъ предчувствовалъ этотъ результатъ и предполагалъ воспользоваться имъ: это былъ Кромвель, главный виновникъ казни Карла I и учрежденія республики. Лишь-только король умеръ и республика была объявлена, съ Кромвелемъ совершилось дивное, но естественное превращеніе. До-тѣхъ-поръ, какъ сектантъ и честолюбецъ, онъ всего себя посвящалъ борьбѣ съ врагами своей вѣры и прѣпятствіямъ къ своему возвышенію; но когда эти враги были уничтожены, ему представилось другое дѣло: революція была кончена — надобно было учредить новое правленіе. Провидѣніе, которое рѣдко даетъ одному и тому же человеку двѣ разныя силы, отмѣтило Кромвеля для той и для другой роли. Революціонеръ исчезъ — готовился диктаторъ.

Въ то время, когда эта настоятельная потребность новаго положенія поражала его великій и здравый умъ, Кромвель провидѣлъ, что правленіе, которое до-сихъ-поръ пытались учредить, не будетъ имѣть успѣха: не было ни учреждений, ни

людей. Въ учрежденіяхъ—отсутствіе всякаго единства, всякой стойкости, всякой будущности; междоусобная война и вѣчное колебаніе въ нѣдрахъ власти. Въ людяхъ — взгляды узкіе или фантастическіе, страсти мелкія или слѣпныя, нескончаемая революціонная борьба между народомъ и властью. Республиканскій парламентъ съ своими вождями, занявшій мѣсто государя, скоро былъ измѣренъ Кромвелемъ и осужденъ его здравымъ смысломъ. Изъ него не могло выйти правленія твердаго и правильнаго.

Съ-тѣхъ-поръ его стала занимать одна мысль: не связывать себя ни съ политикой, ни съ судьбою этихъ учрежденій и этихъ людей, держаться въ сторонѣ отъ ихъ ошибокъ и пораженій, служить парламенту и въ то же время отдѣляться отъ него.

Мало того, отдѣляться: надобно было вырасти, пока другіе дряхлѣли. Кромвель предвидѣлъ паденіе парламента и его предводителей; рѣшившись не падать вмѣстѣ съ ними, онъ захотѣлъ возвыситься помимо ихъ.

Великіе люди дѣла никогда не строятъ себѣ плана во всѣхъ подробностяхъ; ихъ геній въ ихъ инстинктѣ и честолюбіи. Каждый день, въ каждомъ новомъ обстоятельстве видятъ они факты, какъ эти факты суть на-самомъ-дѣлѣ; они провидятъ путь, указываемый имъ этими фактами, и случайности, представляемыя этимъ путемъ; они вступаютъ на него съ энергіей идутъ по немъ такъ далеко, какъ только позволяютъ открывающееся передъ ними пространство, руководясь всегда однимъ и тѣмъ же свѣтомъ. Кромвель шелъ къ диктатурѣ, не зная вполне, до чего онъ дойдетъ и чего это будетъ стоить; но все-таки шелъ.

Это положеніе, какого онъ искалъ — совершенно-отдѣльное отъ господствующей власти — самъ парламентъ предложилъ ему. Пребываніе Кромвеля въ Лондонѣ было неудобно и безпокойно для вождей: они попросили его принять начальство надъ арміей, которая должна была идти усмирять Ирландію, повсюду возставшую за Карла Стюарта или, вѣрнѣе, противъ парламента. Кромвель заставилъ себя просить. Надобно было предоставить ему многое: вопервыхъ, для его друзей, за которыхъ онъ горячо ходатайствовалъ; потомъ для него самого:

онъ хотѣлъ большихъ и вѣрныхъ средствъ успѣха, хорошо-снабженныхъ войскъ, блестящихъ почестей и неоспориваемой власти. Ему все дали, потому-что торопились отъ него отдѣлаться. Отъѣздъ его былъ торжественный и пышный. Много произнесено было проповѣдей, предвѣщавшихъ ему успѣхъ и молившихъ о томъ Бога. Самъ Кромвель говорилъ и молился публично, отыскивая и находя въ Библии ободряющіе намеки на войну, которую онъ шелъ вести. Онъ выѣхалъ изъ Лондона, окруженный многочисленной свитой, составленной изъ офицеровъ, блестящимъ образомъ вооруженныхъ. Въ Бристолѣ, гдѣ онъ останавливался предъ тѣмъ, какъ садиться на корабль, сбѣжался народъ изъ окрестныхъ селеній, чтобъ поглядѣть на него; онъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобъ, удаляясь отъ глазъ, возбудить ожиданія и занять умы — и все это удалось ему какъ-нельзя-лучше.

Покоряя Ирландію, онъ хотѣлъ выиграть Англію. Въ Ирландіи имѣлъ онъ дѣло съ племенемъ и религіей враждебными, составившими предметъ презрѣнія и омерзѣнія для англійскаго народа. Онъ повелъ противъ нихъ войну безпощадную — рѣзалъ, грабилъ, гналъ ирландцевъ, не задумываясь ни предъ жестокостью въ лагерѣ, ни предъ ложью въ парламентѣ, прикрывалъ все необходимою и готовъ былъ самъ въ нее вѣрять, чтобъ скорѣе достигнуть успѣха.

Скоро слава его побѣдъ и имени стала беспокоить парламентъ. Вездѣ только и говорили, что о Кромвелѣ; толпа восхищалась имъ; люди, болѣе себѣ-на-умѣ, старались разгадать его образъ дѣйствій и его будущность. Въ ту минуту, когда онъ отправился къ ирландской арміи, въ Шотландіи разнесся слухъ, что онъ хочетъ вести ее не въ Дублинъ, а въ Эдмбургъ, и все народонаселеніе встревожилось этимъ. Другіе говорили, что, по возвращеніи изъ Ирландіи, онъ думаетъ оставить Англію и отправиться во Францію; не знали только, въ какомъ качествѣ и съ какою цѣлью. Схвачены были памфлеты, подъ заглавіемъ: *Характеръ короля Кромвеля*. Дѣло доходило до той точки, когда самыя ничтожныя обстоятельства, самыя малѣйшіе поступки человека, дѣлающагося великимъ, возбуждаютъ страстное любопытство въ народѣ и живѣйшія опасенія въ соперникахъ. Вожди парламента дума-

ли, не лъзя ли воспользоваться зимними квартирами, которые Кромвель занялъ въ Дублинѣ, чтобъ отозвать его въ Лондонъ. Кромвель не повиновался, даже не отвѣчалъ; онъ быстро выступилъ въ поле, сталъ продолжать въ Ирландіи свою разрушительную работу и согласился, наконецъ, возвратиться въ Англію только тогда, когда новыя и болѣе-важныя опасности республики открыли ему самому новую перспективу независимости и величія.

Шотландія призвала опять Карла Стюарта. Республикѣ и монархіи предстояло встрѣтиться лицомъ-къ-лицу. Республикѣ нуженъ былъ противъ короля боецъ испытанный. Парламентъ хотѣлъ-было выслать двухъ: Ферфакса и Кромвеля. Ферфаксъ отказался. Парламентъ назначилъ Кромвеля одного, къ крайнему прискорбію своему вынужденный дать ему случай завоевать еще королевство для спасенія республики.

Въ Шотландіи Кромвель велъ войну и дѣйствовалъ совѣтъ не такъ, какъ въ Ирландіи. Сколько онъ былъ неумолимъ, жестокъ, безчеловѣченъ съ ирландскими католиками, столько же онъ оказался кротокъ, терпѣливъ, ласковъ съ шотландскими протестантами. Тутъ, вокругъ партіи роялистовъ и въ самыхъ рядахъ этой партіи, были сильные диссиденты, именно: пресвитеріане, болѣе религіозные, нежели политическіе фанатики, служившіе королю съ безконечными подозрѣніями и ограниченіями, и сектанты, столько же горячіе и такъ же демократически-настроенные, какъ и сектанты англійскіе, полные сочувствія къ Кромвелю и его солдатамъ, и болѣе расположенные помогать имъ, нежели сражаться съ ними. Кромвель берегъ для себя это расположеніе и пользовался имъ; онъ искалъ сраженія съ арміею короля, но оказывалъ величайшее вниманіе народу, трактовалъ отдѣльно съ тѣми предводителями, въ которыхъ замѣчалъ нерышительность или нѣкоторое расположеніе къ себѣ, входилъ въ переписку, въ совѣщанія, въ религіозныя пренія съ шотландскими богословами и умѣлъ нравиться и оставлять по-крайней-мѣрѣ высокое и пріятное о себѣ мнѣніе, если ему и не удавалось иногда убѣдить или увлечь. Такъ шелъ онъ впередъ по Шотландіи, каждый день дѣлалъ новыя завоеванія въ умахъ и посредствомъ оружія, отвлекая отъ короля области, города, вождей. Карлъ чувство-

валъ себя сжатымъ, обойденнымъ со всѣхъ сторонъ, чуть не пойманнымъ. Съ увлеченіемъ молодости, рѣшился онъ на поступокъ отважный, отчаянный: онъ быстро двинулся, со всѣмъ своимъ войскомъ къ Англіи, оставивъ Шотландію Кромвелю и рѣшившись попытать королевскаго счастья въ самомъ сердцѣ республики.

Не прошло мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ Карлъ съ шотландской арміею ступилъ на англійскую почву, Кромвель ихъ настигъ, побѣдилъ и разсѣялъ при Уорстерѣ, гдѣ Карлъ провозгласилъ-было себя королемъ. Карлъ скитался изъ убѣжища въ убѣжище, передѣваясь въ разные костюмы и отыскивая судна, которое бы вывезло его изъ Англіи, а между-тѣмъ Кромвель вступалъ съ триумфомъ въ столицу Англіи, окруженный членами парламента, государственнымъ совѣтомъ, муниципальнымъ совѣтомъ Сити и несметною толпою народа, называвшею его своимъ избавителемъ.

Радость, которая слѣдуетъ за сильнымъ страхомъ, на минуту покрываетъ всякую зависть и вражду. Парламентъ осыпалъ Кромвеля знаками благоволенія: его наградили богатыми помѣстьями; гэмpton-кортскій дворецъ назначенъ былъ ему въ жилище; самые недоувѣрчивые люди расточали предъ нимъ знаки признательности и почтенія. Восторгъ республиканскаго народа былъ искреннѣе и дѣннѣе. Разрушивъ старыя идола, революціи торопятся воздвигать новыя и гордятся ими. Видѣть себя освященными въ славныхъ изображеніяхъ, составляетъ ихъ надежду и гордость: имъ кажется, что они этимъ вознаграждаютъ общество, у котораго они ихъ отняли. Отсюда тотъ инстинктъ, который, наперекоръ демократическимъ убѣжденіямъ, влечетъ народныя партіи къ этимъ торжественнымъ манифестаціямъ, къ этой безмѣрной лести, къ этому идолослуженію языка, которымъ они рады упоять великихъ людей, возвышающихся на сдѣланныхъ ими развалинахъ. Сектанты и философы, граждане и солдаты, парламентъ и народъ—всѣ, волей или неволей, стремились возвеличить Кромвеля, какъ-бы затѣмъ, чтобъ возвеличиться вмѣстѣ съ нимъ; и республиканцы лондонской Сити, вышедшіе къ нему на встрѣчу, чтобъ привѣтствовать его, когда онъ вступалъ снова въ стѣны ихъ города, восхищались, говоря

ему: «Ты призванъ обременить королей цѣпями и положить на ихъ вельможъ оковы». Слѣпцы, неподозрѣвавшіе, что эти оковы скоро лягутъ на ихъ собственные руки!

Кромвель принималъ эти почести и это величіе съ разсчитаннымъ смиреніемъ, нелишеннымъ, впрочемъ, нѣкоторой искренности. «Одному Богу» говорилъ онъ безпрестанно «принадлежитъ слава; я — только его слабое и недостойное орудіе». Онъ зналъ, какъ этотъ языкъ былъ приятенъ его странѣ, его партіи; онъ доводилъ его до преувеличенія и не уставалъ повторять подобныя слова, чтобъ понравиться людямъ, въ которыхъ возвышалъ тѣмъ довѣріе къ себѣ и преданность. Но въ то же время это было выраженіемъ и его собственной, задушевной мысли. Богъ, его могущество, его промыслъ, его непрерывающееся дѣйствіе на дѣла міра и на души людей — все это было для Кромвеля не холодною отвлеченностью, не устарѣвшимъ преданіемъ: это было его дѣйствительнымъ убѣжденіемъ; это была вѣра, не послѣдовательная и не взыскательная, вовсе-неуправлявшая его дѣйствіями и несдерживавшая ихъ, когда дѣло шло о житейскихъ искушеніяхъ и необходимыхъ условіяхъ успѣха; но она жила въ глубинѣ его души и вдохновляла рѣчь его, когда онъ сильно увлекался великостью обстоятельствъ или собственного положенія. Впрочемъ, легко говорить смиренно и называть себя орудіемъ Божиимъ, когда Богъ дѣлаетъ изъ своего орудія повелителя народовъ. Отъ уничтоженія Кромвеля не могли пострадать ни его могущество, ни гордость.

Такимъ-образомъ, чѣмъ выше становилось его положеніе, тѣмъ больше расло его честолюбіе и влекло его еще выше. Онъ говорилъ чрезвычайно-смирненно, но изъ-подъ этого смиренія проглядывали порой на-дѣлѣ такія выходки, которыя напоминали властелина. Въ сраженіи при Уорстерѣ ему пришло желаніе собственноручно посвятить въ рыцари двухъ изъ храбрѣйшихъ своихъ генераловъ, Ламберта и Флитвуда, и онъ не безъ досады отказался отъ этого, когда ему замѣтили, что это—королевское право. Въ день торжественнаго своего возвращенія въ Лондонъ, во всю дорогу, среди кликовъ народныхъ, онъ держалъ себя такъ, что одинъ изъ людей, хорошо его знавшій, Гугъ Петерсъ, сектантскій пропо-

вѣдникъ, сказалъ, когда тотъ проходилъ мимо его: «Кромвель сдѣлается нашимъ королемъ». Послѣ того, какъ онъ спасъ республику и покорилъ ей два королевства, ему уже нечего было дѣлать вдали посредствомъ оружія. Онъ оставался въ Лондонѣ, могущественный и праздный, безпрестанно-посѣщаемый своими офицерами и солдатами, ставъ центромъ всѣхъ недовольныхъ и всѣхъ надѣявшихся. И все это дѣлалось на самыхъ глазахъ у республиканскаго парламента—этого убогаго собранія, въ которомъ засѣдало каждый день едва шестьдесятъ или восемьдесятъ членовъ, да и изъ нихъ только немногіе серьезно и честно занимались государственными дѣлами, члотовъ, войной съ Голландіей, предположенными преобразованиями въ законахъ, а остальные оказывались малыми въ своемъ величіи, предавались мелкимъ страстямъ, набирали должностей для себя или для своихъ родственниковъ, употребляли власть свою на служеніе своему богатству, своимъ распрямъ и маловажнымъ ссорамъ; этого кружка, который съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе становился эгоистическимъ, изолированнымъ, ненавистнымъ, надававшимъ странѣ ни покоя, ни свободы, ни будущности, и который, однакожъ, показывалъ рѣшимость удержать въ своихъ рукахъ верховную власть, какъ-будтобъ благо Англій могло требовать вѣковѣчности такого жалкаго правленія.

Кромвель медлил и ждалъ долго. Онъ началъ борьбу въ минуту своего торжества, когда занялъ снова свое мѣсто въ парламентахъ. Оружіемъ его были два великіе народные вопроса: всеобщая амнистія, которая бы возвѣстила конецъ междоусобной войнѣ, и избирательный законъ, который бы опредѣлилъ форму и время созванія новаго парламента. Обѣ эти мѣры были давно предложены, но онѣ оставались зарытыми въ комитетахъ, появляясь на свѣтъ только по-временамъ, въ критическіе дни, въ видѣ приманки. По вліянію Кромвеля, за нихъ принялись снова и стали обсуживать ихъ серьезно. Амнистія была допущена съ большими затрудненіями, по истеченіи пяти мѣсяцевъ, послѣ многочисленныхъ попытокъ ограниченій, особенно денежныхъ, всегда съ успѣхомъ отвергавшихся самимъ Кромвелемъ, который былъ столько уменъ, что не могъ предаться какой-нибудь бесполезной непріязни и

старался во всѣхъ партіяхъ снискать себѣ кліентовъ и личныхъ друзей. Но рѣшительная мѣра—избирательный законъ—все еще оставалась нетронутою. Кромвель настаивалъ на ней, однакожь, безъ особеннаго жара, больше для того, чтобъ выставить упрямый эгоизмъ вождей парламента, нежели для того, чтобъ достигнуть немедленнаго исхода. Онъ самъ находился въ большомъ затрудненіи. Какими благовидными средствами заставить парламента разойтись? Каковъ будетъ результатъ новыхъ выборовъ? И даже эти новые выборы будутъ ли достаточны, чтобъ возвысить правленіе и установить его на твердыхъ основаніяхъ? Развѣ опытъ республиканскаго правленія былъ счастливъ? Развѣ монархія не была все же болѣе сообразна съ законами, привычками, чувствами, всегдашними интересами народа? Если народъ хочетъ имѣть монархію, если она ему нужна, то какъ ее возвратить ему и въ какой мѣрѣ, и какую монархію? Кромвель поднималъ эти вопросы не только въ откровенныхъ разговорахъ съ нѣкоторыми важными людьми, но и на совѣщаніяхъ, на которыя собиралъ офицеровъ арміи и членовъ парламента. Онъ выходилъ изъ этихъ совѣщаній недовольный: офицеры упорствовали остаться республиканцами; политики, склонные къ монархіи, не допускали никакой другой монархіи, кромѣ прежней, и совѣтовали Кромвелю вступить съ ней въ сношенія, чтобъ возстановить ее. Тогда онъ прерывалъ разговоръ, чтобъ воротиться къ этому дѣлу послѣ. Съ виду онъ казался гибкимъ, но въ-сущности былъ неукротимъ въ своемъ честолюбіи; иногда откровененъ до дерзости, когда старался увлечь людей въ свои замыслы; иногда до безстыдства лживъ, когда хотѣлъ скрыть эти замыслы. Онъ всегда выносилъ ту выгоду изъ этихъ продѣлокъ, что болѣе-и-болѣе запутывалъ армію въ свою борьбу съ парламентомъ. Въ арміи все еще былъ могучъ духъ секты, и сильно развился духъ военный; въ ней сочетались страсти фанатика и интересы солдата, и поддерживали взаимно другъ друга. Кромвель пользовался ими и неумолимо возбуждалъ ихъ противъ парламента. Какое беззаконіе! побѣдителямъ плохо выплачивается жалованье, а люди, которые не сражались и не страдали, одни пожинаютъ плоды побѣды! Какое оскорбленіе Богу, что совѣты его святыхъ до та-

кой степени презрѣны! Петиціи, представленныя генеральнымъ совѣтомъ офицеровъ, отъ имени всей арміи, надменно требовали уплаты недоимокъ, реформы злоупотребленій правленія, исполненія надеждъ народа Божія. Противъ угрозъ парламента защищался, сердился, нападалъ въ свою очередь. Онъ требовалъ скорѣйшаго распушенія значительной части арміи и объявилъ о продажѣ того самаго гэмpton-кортскаго дворца, который данъ былъ имъ Кромвелю для жительства. Такое натянутое положеніе длилось уже восемнадцать мѣсяцевъ. Съ той и другой стороны чувствовали приближеніе кризиса. Кто выйдетъ изъ него побѣдителемъ? Парламентъ неожиданно рѣшился самъ ускорить свое распушеніе, котораго отъ него требовали. Онъ живо началъ пренія и отбиралъ голоса объ избирательномъ законѣ. Но его законъ былъ таковъ, что оставлялъ власть именно въ тѣхъ рукахъ, изъ которыхъ долженъ былъ взять ее. Настоящіе члены парламента, безъ вторичнаго избранія, по праву, оставались членами и новаго парламента. Выборы должны были только пополнить пробѣлы, оставшіяся въ собраніи, противъ комплекта, опредѣленнаго закономъ. А чтобъ совершенно обезопасить эти соображенія, прежніе члены должны были составить изъ однихъ себя комитетъ, которому поручалось подвергать разсмотрѣнію новые выборы и принимать или отвергать избираемыхъ.

Это было не распушеніе парламента, а только новая для него отсрочка. Кромвель пересталъ медлить; прервавъ одно совѣщаніе съ офицерами, собравшимися у него въ Уайт-Галлѣ, онъ пошелъ въ палату депутатовъ, молча занялъ свое мѣсто среди преній, и въ ту самую минуту, когда избирательный законъ долженъ былъ пойти на голоса, вдругъ всталъ. Пользуясь упадкомъ вождей парламента въ общемъ мнѣніи, чтобъ осыпать ихъ грубыми оскорбленіями, и грубо оскорбляя ихъ, чтобъ сдѣлать ихъ еще болѣе-презрѣнными, онъ съ величайшей наглостію объявилъ имъ, что они уже ничего не значатъ, выгналъ ихъ изъ залы посредствомъ роты солдатъ, какъ дерзкихъ пришлецовъ, которые ужъ слишкомъ долго были терпимы, и разомъ положилъ конецъ долготерпѣнью парламента.

Никто не противился, никто не поднял голоса, не потому, чтоб у разогнаннаго парламента не было друзей горячихъ и вѣрныхъ, хотя и немногочисленныхъ; но противъ нихъ были сила и мнѣніе. Всѣ прочія партіи — одобрили ли они поступокъ Кромвеля, или нѣтъ — радовались ему, видя въ немъ дѣло справедливости и избавленіе отъ зла. Испуганные, или безсильные, побѣжденные покорились безъ шума своей судьбѣ; и эти вожди революціи, девять лѣтъ поддерживавшіе междоусобную войну, прогнавшіе изъ парламента три четверти своихъ товарищей, осудившіе своего короля на смерть, деспотически-измѣнившіе конституцію своего отечества, должны были сознать, что управленіе народами—дѣло вовсе не такое легкое и малое, какъ они полагали, пока имъ не пришлось самимъ пасть подъ этимъ бременемъ.

Республика была учреждена во имя свободы, и свобода подъ владычествомъ республиканскаго парламента была не болѣе, какъ пустымъ звукомъ, прикрывавшимъ деспотизмъ небольшого кружка людей. Когда парламента былъ разогнанъ, республика, въ свою очередь, стала пустымъ звукомъ, сохраняемымъ, какъ одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которые еще служатъ къ чему-нибудь, хотя уже и не могутъ никого морочить—и въ-теченіе пяти лѣтъ правленіемъ Англій былъ деспотизмъ одного.

У народа сильнаго, прибѣгающаго къ деспотизму вслѣдствіе безвыходности положенія или въ-припадкѣ усталости, деспотизмъ можетъ существовать только подъ двумя условіями; эти условія: порядокъ и величіе. Сдѣлавшись повелителемъ, Кромвель развернулъ всѣ средства своего генія, чтобъ запечатлѣть свое правленіе этими качествами. Чуждый ненавистничества и тѣхъ узкихъ и несговорчивыхъ предубѣжденій, какія вносятъ обыкновенно партіи въ свое владычество, онъ хотѣлъ, чтобъ всякій, безъ различія происхожденія и партіи, кавалеръ, пресвитеріанинъ, республиканецъ, находилъ покровительство и безопасность для своихъ гражданскихъ интересовъ, лишь бы не вмѣшивался въ политическія интриги. Актъ, налагавшій на всякаго англичанина присягу въ вѣрности, подъ страхомъ юридической неспособности, былъ отмѣненъ. Отправленіе правосудія сдѣлалось правильно

и большею частью безпристрастно. Генералъ революціи — Кромвель, всегда старался имѣть связи и креатуръ во всѣхъ партіяхъ. Протекторъ республики—Кромвель, старался привязать къ своему правленію всѣ высшія силы общества. Онъ былъ столько уменъ, что не оторвался отъ своихъ корней и не предался врагамъ своимъ; но въ то же время высшій инстинктъ предупреждалъ его, что ничего нельзя считать вполне-установленнымъ и прочно-утвержденнымъ, пока власть не будетъ признаваться и поддерживаться людьми, которыхъ самое положеніе ихъ, интересы и привычки дѣлаютъ естественными союзниками власти. Этотъ бурный вожь народныхъ новаторовъ сталъ показывать величайшее уваженіе къ институтамъ, освященнымъ временемъ. Подъ вліяніемъ своего отъ-вращенія къ человѣческой наукѣ и ко всякимъ аристократическимъ или королевскимъ учрежденіямъ, сектаторы хотѣли уничтожить кембриджскій и оксфордскій университеты—Кромвель спасъ ихъ. Великій по природѣ и высоко-поставленный теперь, онъ питалъ расположеніе ко всему, что было велико и возвышенно по воспоминаніямъ, по уму, знаніямъ, славѣ. Онъ понималъ, какъ для него выгодно привлечь все это къ себѣ, и охотно оказывалъ покровительство противъ грубой и мелочной непріязни. Для поддержанія этой политики, для охраненія порядка и законовъ на общую пользу, для возстановленія повсюду власти и уваженія къ ней, онъ употреблялъ ту же самую армію, съ которой низложилъ столько старинныхъ величій, и которой страсти, еще не совсѣмъ-погасшія, съ величайшимъ трудомъ, и то не вполне, могла сдерживать строгая дисциплина и преданность къ нему этой арміи.

Во вѣншія сношенія Англій Кромвель, свободный отъ ига партій, внесъ еще болѣе правильное пониманіе интересовъ своей страны и своего собственнаго положенія, и достигъ еще большаго успѣха.

Основаніемъ его политики былъ миръ. Съ первой минуты своего правленія, онъ принялся повсюду возстановлять или утверждать миръ—съ Голландіей, съ Португаліей, съ Даніей. Отложивъ въ сторону мечты о республиканскомъ и протестантскомъ сліяніи, которыя самъ еще недавно питалъ или

поддерживалъ, онъ отложилъ также и всякую вражду религій, или политическихъ партій, и спѣшилъ устранить несогласія, закончить спорные вопросы. Онъ бывалъ иногда щекотливъ и гордъ, чтобъ поддержать достоинство новаго правительства, но дѣлалъ это всегда съ умомъ, не предаваясь неумѣренной требовательности или безумному честолюбію, не добиваясь извнѣ ничего, кромѣ того, что было существенно-важно для его интереса, внутри — ничего, кромѣ безопасности и силы своей власти.

Такимъ-образомъ, когда миръ былъ обезпеченъ, вторымъ основаніемъ его политики стала нейтральность. Въ Европѣ совершался тогда переломъ борьбы между австрійскимъ домомъ и домомъ Бурбоновъ, между Испаніей, которая падала, и Франціей, которая быстро возвышалась. Каждая изъ этихъ державъ обнаруживала ревностныя и не всегда честныя усилія, чтобъ вовлечь Англію въ свой союзъ. Кромвель выслушивалъ и ту и другую, подавалъ той и другой надежды, чтобъ получать отъ нихъ, что было нужно для его правленія, но не связывалъ своей судьбы ни съ той, ни съ другой. Хорошо взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ пришелъ къ заключенію, что со стороны Испаніи могъ меньше надѣяться и меньше опасаться, а взять гораздо-больше. Онъ задумалъ положить широкія основанія могуществу и торговлѣ Англии въ Новомъ Свѣтѣ. Онъ вышелъ изъ своей нейтральности, но съ такимъ тактомъ и мѣрой, что войной противъ Испаніи приобрѣлъ по ту сторону океана Ямайку, а союзомъ съ Франціей выигралъ, у воротъ европейскаго континента, Дюнкирхенъ, и между-тѣмъ не запуталъ себя въ международную борьбу этихъ двухъ державъ въ такой степени, чтобъ повредить независимости внѣшней политики своего государства.

Постояннымъ характеромъ этой политики въ его правленіе было: ничего не дѣлать по системѣ, или по увлеченію, и вмѣшиваться въ чужія дѣла только въ той мѣрѣ, въ какой этого дѣйствительно требовали собственныя дѣла. Стюарты нашли прибѣжище во Франціи. Дворъ обращался съ ними благосклонно, хотя и робко. Королевство тревожили междоусобныя попытки фронды. Протестанты были въ немъ, если

не преслѣдуемы, то по-крайней-мѣрѣ безпокойны и недовольны. Казалось, представлялся прекрасный случай и сильное искушеніе для Кромвеля вступить тамъ противъ своихъ враговъ за религиозное и политическое дѣло, которое доставило ему величіе. Его усердно умоляли принцъ Конде, предводитель инсургентовъ, и городъ Бордо, ихъ оплотъ: они держали при немъ посланниковъ, неоднократно повторяли свои просьбы, дѣлали ему разныя предложенія, чтобъ получить его поддержку. Кромвель принималъ ихъ, подавалъ имъ надежды, и въ то же время самъ посылалъ во Францію агентовъ, поручая имъ развѣдывать настроеніе и измѣрять силы протестантовъ и фрондѣровъ, и доставляя этимъ сильное безпокойство Мазарини; а потомъ, когда оказалось, что на сторонѣ недовольныхъ французовъ не было ни настоящей силы, ни умѣнья вести дѣло, ни вѣроятности успѣха, онъ устранилъ всякія внушенія честолюбія и страсти, отвергъ предложенія, которыя были ему сдѣланы, уничтожилъ поданныя имъ надежды и вошелъ въ переговоры съ Мазарини, употребивъ въ свою пользу то безпокойство, которое онъ произвелъ въ немъ.

Впрочемъ, когда представлялся случай, хотя менѣе-искусительный, но за-то и менѣе-опасный, поддержать угнетаемый протестантизмъ, Кромвель хватался за него горячо. Чобъ защитить противъ герцога савойскаго бѣдныхъ поселянъ, выгнанныхъ изъ своихъ долинъ, онъ отправлялъ декларацію за деклараціей, посольство за посольствомъ, не скупился ни на денежныя вспоможенія, ни на угрозы, требовалъ вмѣшательства со стороны Франціи, если она не хочетъ, чтобъ онъ самъ вмѣшался въ это дѣло, увлекъ въ свои интриги соединенныя провинціи и швейцарскіе кантоны, достигъ своей цѣли однимъ движеніемъ, которому далъ ходъ, и такимъ образомъ доставилъ блистательное удовлетвореніе религиозному чувству англичанъ, не впутавъ себя ни въ какую важную и невѣрную борьбу.

Когда какой-нибудь изъ второстепенныхъ, но важныхъ англійскихъ интересовъ находился въ опасности, требовалъ покровительства или удовлетворенія, Кромвель поддерживалъ его энергически, тщательно отдѣляя его отъ вопросовъ об-

щих и возбуждаемых страстями. Онъ послалъ въ Средиземное Море адмирала Блека съ порученіемъ показываться вездѣ, гдѣ Англія могла требовать удовлетворенія — и Блекъ показывался поочередно передъ Ливорно, Алжиромъ, Тунисомъ, Триполи, блистательно рѣшая эти различные споры, хотя и не преувеличивая ихъ важности, и удаляясь только тогда, когда, волей или принужденіемъ, добивался исполненія требованій своего отечества.

Всѣ эти усилія и всѣ эти успѣхи не оставались безплодными, но не достигали истинной и послѣдней цѣли побѣдителя. Съ этимъ правленіемъ, столь дѣятельнымъ и осторожнымъ, столь искусно-льстившимъ народнымъ страстямъ, но недѣлавшимъ ихъ рабомъ, правленіемъ, которое возвеличивало Англію за границей, не компрометируя ея, и поддерживало внутри ея порядокъ посредствомъ солдатъ революціи, Кромвель достигалъ повиновенія, страха, удивленія, но не укоренялся. Англія покорялась его гению и силѣ, но не принимала его владычества. Достигши совершенства въ искусствѣ привлекать къ себѣ людей, онъ всякій день отнималъ сколько-нибудь изъ нихъ у прежнихъ партій, заставляя однихъ служить ему дѣятельно, другихъ переставать дѣйствовать противъ него; болѣе, нежели кто-либо изъ повелителей народовъ, онъ достигъ всего, что только могутъ дать могущество, здравый смыслъ, усталость, личная выгода, слабость, подлость, низость, измѣна. Но старыя партіи не переставали существовать: кавалеры, пресвитеріане, республиканцы, подавляемые, но живучіе, не отказывались ни отъ надеждъ, ни отъ дѣятельности. Въ-теченіе пятилѣтняго владычества Кромвеля, не говоря о множествѣ темныхъ попытокъ, его правленіе было встревожено, или его жизнь была подвержена опасности пятнадцатью заговорами и возмущеніями роялистовъ, или республиканцевъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Онъ подавлялъ ихъ съ энергіей, безъ жестокости и безъ жалости, строгій или милостивый, смотря по надобности, употреблялъ въ дѣло то законы, то произволъ, то судъ присяжныхъ, то исключительные суды, неутомимую полицію и преданную армію, тайные аресты и торжественныя казни, изгнаніе, тюремное заключеніе, продажу схваченныхъ инсургентовъ,

какъ невольниковъ, въ колоніи — все, что только можно придумать, чтобъ поразить враговъ бесиліемъ или страхомъ. Противъ него ничто не удавалось: всѣ заговоры открывались, всѣ возстанія съ оружіемъ въ рукахъ были подавляемы. Народъ не присоединялся къ нимъ и хранилъ безмятежное спокойствіе. Но онъ не вѣрилъ ни въ право, ни въ долговѣчность этой власти, каждый день одерживавшей побѣды. Кромвель не царствовалъ въ умахъ, какъ государь признанный окончательно. На самой вершинѣ своего величія онъ былъ въ умахъ народа не болѣе, какъ властелинъ неодолимый, но временной, безъ соперника, но и безъ будущности.

Онъ самъ чувствовалъ это лучше всякаго другаго. Таковъ былъ характеръ его ума, что онъ видѣлъ всѣ вещи, и даже собственное свое положеніе такъ, какъ онѣ были на-самомъ-дѣлѣ. Ни одинъ великій человекъ не былъ болѣе его пылокъ въ надеждахъ и болѣе-чуждъ самообольщенія.

Ниспровергнувъ конституціонную монархію, онъ понялъ, что это было единственное правленіе, которое годилось для Англіи и могло быть въ ней прочно. Когда онъ сталъ на развалинахъ этого зданія, имъ овладѣла мысль — возстановить его и утвердиться въ немъ.

Постояннымъ его желаніемъ и заботой сдѣлалось имѣть парламентъ, съ которымъ бы онъ могъ жить и управлять. Въ-теченіе пяти лѣтъ онъ собиралъ четыре парламента, то набиралъ самъ, вмѣстѣ съ своими офицерами, собраніе, которое онъ лицемѣрно украшалъ этимъ именемъ, то заставлялъ набирать его по новому способу, который хотѣлъ-было принять республиканскій долгій-парламентъ, когда Кромвель разогналъ его. Онъ обходился съ этими собраніями, особенно на первыхъ порахъ, всегда чрезвычайно-торжественно и почтительно; употреблялъ самыя наглыя хитрости, самыя неслыханныя насилія, чтобъ создавать въ нихъ для себя большинство, и даже, въ минуту разрыва съ ними, старался не подать вида, что отказывается отъ ихъ содѣйствія.

Это было съ его стороны предпріятіе несбыточное. Роялисты не вступали въ его парламента; пресвитеріане приходили въ небольшомъ количествѣ. Разные кружки республиканской партіи, глубоко-раздѣленные и раздраженные другъ

противъ друга, почти одни составляли засѣданія. Приверженцы Кромвеля были неспособны одержать побѣду посредствомъ парламентской тактики и преній. Враги его, гораздо-болѣе искусенные въ борьбѣ этого рода, развертывали всѣ свои средства, чтобъ вредить ему. Тамъ онъ встрѣчался опять съ тѣми людьми, которыхъ низложилъ, явно-вооружавшимися противъ его тиранніи, упорными въ своихъ анархическихъ идеяхъ и привычкахъ, и столько же неспособными подчиняться, сколько и управлять. Онъ самъ на каждомъ шагѣ доставлялъ имъ новые поводы къ неудовольствію и новое оружіе противъ себя, ибо, сдѣлавшись неограниченнымъ властелиномъ, не научился уважать чужое право и терпѣть сопротивление и противорѣчіе. Его великій инстинктъ говорилъ ему, что въ своемъ деспотическомъ одиночествѣ онъ ничего не упрочитъ, ни даже собственной своей власти — и онъ созывалъ парламенты, чтобы съ помощью ихъ создать прочное правленіе; но когда парламентъ являлся, лишенный естественныхъ силъ охранительной партіи и обладаемый людьми, которые умѣли только разрушать, Кромвель опять не могъ вынести ни ихъ свободы, ни ихъ безумнаго ослѣпленія, и разбивалъ это орудіе, котораго чувствовалъ необходимость, но которое всегда, къ величайшей своей досадѣ, находилъ гибельнымъ.

Одинъ разъ ему показалось, что онъ успѣлъ, наконецъ, собрать парламентъ, который понималъ и раздѣлялъ его виды. Онъ поспѣшилъ проявить въ немъ эту мысль, которая не давала ему покоя — мысль о совершенномъ возстановленіи англійской монархіи, съ королемъ и двумя палатами. Предложеніе было сдѣлано въ парламентѣ, и въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ шли объ этомъ публичные переговоры между парламентомъ и протекторомъ. При этихъ переговорахъ Кромвель раскрылъ всю эту странную амальгаму пылкости и осторожности, глубокой хитрости и грубаго притворства, которая была вмѣстѣ и искусствомъ его, и природой. У него было почти столько же благоразумія, сколько честолюбія. Онъ не хотѣлъ купить королевскаго сана цѣною раскола въ своей партіи, которая и безъ того уже была такимъ узкимъ и такимъ шаткимъ основаніемъ его правленія. Онъ хотѣлъ сдѣлаться

королемъ такъ, чтобы протекторъ не подвергся опасности. Для него мало было, чтобъ ему предложили корону: надобно было, чтобъ ее рѣшили предложить ему всѣ важныя лица, окружавшія его, всѣ вожди партій религиозныхъ и политическихъ, всѣ военныя и гражданскія власти. Давно уже, еще до учрежденія протектората и до изгнанія долгаго-парламента, онъ уже испытывалъ и готовилъ ихъ къ этому. Теперь, въ минуту рѣшительной попытки, онъ пустилъ въ ходъ всѣ возможные средства, прямыя и косвенныя, неутомимо трудясь, чтобъ подѣйствовать на нихъ; онъ обращался и къ ихъ интересу, и къ дружбѣ, и къ разсудку; старался дать имъ понять, что и революція, ими сдѣланная, и собственное ихъ положеніе, такъ же какъ и его положеніе, останутся слабы и непрочно до-тѣхъ-поръ, пока они не упрочатъ себя, вмѣстѣ съ нимъ, въ такомъ учрежденіи, на которомъ основывались всѣ законы, къ которому привязаны были всѣ привычки повиновенія и уваженія въ Англии. Онъ убѣдилъ, или увлекъ, или купилъ въ свою пользу столько людей, даже между офицерами, долго-противившимися, что могъ считать себя, и дѣйствительно считалъ, обеспеченнымъ въ успѣхѣ. Предложеніе было принято большинствомъ голосовъ въ парламентѣ. Ему была официально предложена корона. Отвѣтъ онъ отложилъ на нѣкоторое время: ему хотѣлось уничтожить послѣднія сопротивленія; онъ встрѣтилъ ихъ около себя, между генералами, тѣснѣе всѣхъ связанными съ его особой. Эти препятствія были неодолимы: въ нихъ сказывался неподдѣльный энтузіазмъ республиканцевъ, стыдливый страхъ стать въ явное противорѣчіе со всей своей прежней жизнью, наконецъ, месть униженныхъ соперниковъ. Впрочемъ, Кромвель льстилъ себя мыслью, что это не болѣе, какъ личное нерасположеніе немногихъ. Онъ рѣшился не обращать на него вниманія и возложить, наконецъ, на свою голову эту корону, которая была уже отдана ему въ руки; но въ эту самую минуту узналъ, что парламенту торжественно представлена петиція отъ имени арміи, составленная однимъ изъ его капеллановъ и подписанная множествомъ офицеровъ, требовавшая вѣрности доброму старому дѣлу и отвергавшая возстановленіе королевскаго сана. Кромвель тотчасъ же позвалъ парламентъ

въ Уайт-Галль, и, изъявивъ свое удивленіе, что такимъ образомъ какъ-бы протестуютъ противъ его отвѣта прежде, нежели онъ данъ имъ, формально отказался отъ титула короля.

Напрасно, усматривая своимъ гениальнымъ взоромъ пороки своего величія, старался Кромвель перенести его на основанія, освященные правомъ и временемъ. Богу не угодно было, чтобъ честь и плоды возстановленія королевской власти и парламента пожалъ тотъ же самый человекъ, который возвелъ короля на эшафотъ и попралъ права и вольность своего отечества. Могучій противъ анархіи, Кромвель, въ борьбѣ съ трудностями своего положенія, безпрестанно впадалъ снова въ деспотизмъ. Онъ возстановилъ безпристрастіе въ гражданскомъ порядкѣ, но, побуждаемый необходимостью покрывать расходы по своему правленію, подвергъ всѣхъ роялистовъ самымъ незаконнымъ истязаніямъ и всю страну подчинилъ владычеству военной тиранніи, какъ единственному средству исполнять эти истязанія. Онъ хвалился, что возвратилъ отъправленію правосудія правильность и гласность; а когда знаменитые адвокаты защищали обвиненныхъ противъ его преслѣдованій, когда неподкупные судьи отказывались осуждать ихъ въ противность законамъ, онъ оскорблялъ, отставлялъ, сажалъ въ тюрьму адвокатовъ и судей съ наглостью, безпримѣрною въ самыя худыя времена. Слишкомъ-велико было притязаніе возстановить легальную монархію, не отказываясь отъ революціонныхъ насилій. Кромвель и такъ уже наслаждался рѣдкимъ преимуществомъ: онъ перешелъ отъ революціи къ диктатурѣ; ему не было дано превратить диктатуру въ правленіе права и свободы.

Но его благоразуміе не пропало даромъ при этой опасной попыткѣ. Онъ остановился только въ послѣднюю минуту—однакожь остановился. Англія, видѣвшая его отступленіе, республиканцы, принудившіе его къ тому, все еще нуждались въ немъ и боялись его. Положеніе его осталось невредимымъ, и протекторъ нисколько не пересталъ быть попрежнему силенъ оттого, что ему не удалось сдѣлаться королемъ. И онъ не оставилъ своего намѣренія; онъ принималъ даже мѣры къ подготовленію новаго парламента, безъ сомнѣнія, имѣя въ виду усмирить армию парламентомъ, какъ нѣкогда усми-

рилъ парламентъ арміей. Но уже тяготѣла надъ нимъ рука, которая должна была усмирить его-самого. Здоровье съ нѣкотораго времени стало измѣнять ему; семейныя горести, потеря любимой дочери, усилили его недугъ, и онъ быстро таялъ. Ему не хотѣлось умирать. Всѣ эти испытанія, сквозь которыя онъ прошелъ счастливо, всѣ великія дѣла, которыя онъ совершилъ и еще могъ совершить, необходимость его присутствія, могущество его воли—все убѣждало его, что онъ еще не дошелъ до рубежа своей жизни. Въ кругу самыхъ близкихъ людей онъ говорилъ: «Я увѣренъ, что не умру сегодня; я знаю, что Богу еще не угодно, чтобъ я умеръ». Богъ судилъ Кромвелю быть блистательнымъ примѣромъ того, что можетъ и чего не можетъ великій человекъ. Его судьба свершилась. Единственно гениемъ своимъ сдѣлался онъ властелиномъ своего отечества и революціи, которую онъ же произвелъ въ своемъ отечествѣ, до послѣдняго часа остался въ полномъ обладаніи своимъ величіемъ, и умеръ, безуспѣшно растративъ свою гениальность и силу въ попыткахъ возстановить то, что разрушилъ: парламентъ и короля.

Въ анархіи, въ которую повергла Англію смерть Кромвеля, на долю этой страны выпалъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ жребіевъ, про которые трудно сказать, посылаются ли они единственно отъ Бога, или и человѣческая мудрость можетъ приписать себѣ въ нихъ нѣкоторое участіе. Эта анархія не разрѣшилась какой-нибудь искусственной, неполной, или торопливой развязкой. Всѣ честолюбія, всѣ притязанія, всѣ стихіи хаоса и политической борьбы, которыя сдерживалъ Кромвель, появились вновь и шумно выступили на сцену, которую недавно наполнялъ онъ одинъ. Сынъ его, Ричардъ, безпрепятственно былъ провозглашенъ протекторомъ и немедленно признанъ иностранными державами. Но едва-только онъ приступилъ къ управленію, какъ вокругъ его поднялось множество совѣтниковъ, которые скоро стали его врагами и соперниками: генеральный совѣтъ офицеровъ; новый, болѣе-популярный совѣтъ арміи; новый парламентъ, который поспѣшилъ созвать Ричардъ; прежній долгій-парламентъ (или, скорѣе, хвостъ долгаго-парламента, какъ его называлъ народъ), утверждавшій, что ему одному принадлежитъ законная власть,

потому—что онъ получилъ отъ Карла I, короля, преданнаго имъ смерти, право быть распущеннымъ только по собственному его желанію; наконецъ, тотъ же долгій—парламентъ, сформировавшійся вновь изъ тѣхъ членовъ, которыхъ онъ прежде смерти короля прогналъ изъ своей среды и которые теперь вступали въ него силой, точно такъ же, какъ были изъ него изгнаны. Всѣ эти призраки претендовали занять мѣсто властителя, который до—сихъ—поръ связывалъ ихъ всѣхъ, и въ—теченіе слишкомъ двадцати мѣсяцевъ Англія видѣла, какъ они смутно появлялись, исчезали, опять появлялись, зывали одинъ къ другому, или прогоняли другъ друга, соединялись или боролись между собою, и ни одному изъ нихъ ни на одинъ день не пришлось имѣть состоятельность и силу правительства.

И въ это двадцатимѣсячное междуцарствіе, среди этого смѣшнаго появленія столькихъ странныхъ претендентовъ, не являлся только тотъ, кто, по мнѣнію всей Англіи, былъ единственнымъ серьезнымъ претендентомъ, кто одинъ возбуждалъ во всѣхъ или страхъ, или надежды. Въ его пользу оказалось не больше одного или двухъ незначительныхъ движеній, которыя ограничились тѣмъ, что требовали созванія свободнаго парламента, движеній, въ которыхъ не было произнесено даже имени Карла Стюарта и которыя тотчасъ же были безъ труда подавлены.

Воспоминаніе о Кромвелѣ еще держало въ страхѣ и бездѣйствіи партію роялистовъ. Онъ столько разъ разбивалъ ихъ надежды, такъ жестоко поражалъ ихъ возстанія или заговоры, что они уже не осмѣливались обѣщать себѣ успѣха. Сверхъ того, вмѣстѣ съ рядомъ пораженій къ нимъ пришло и благоразуміе. Они научились не принимать желаній за мѣру силъ и понимать, что если Карлу Стюарту суждено получить корону, то ее можетъ возвратитъ ему только всеобщій интересъ и движеніе всей Англіи, а не какое—нибудь возстаніе кавалеровъ.

Ричардъ Кромвелъ пришелъ къ мысли и желанію покончить съ этой всеобщей и своей собственной агоніей, вступивъ съ королемъ въ переговоры. У него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ благонамѣренности. Въ немъ не было ни често-

любія, ни величія. За судьбой своего отца онъ слѣдилъ скорѣе съ чувствомъ утомленія, нежели довѣрія; онъ не вѣрилъ въ возможность такого же успѣха для себя лично и не чувствовалъ себя способнымъ нести такое бремя; но онъ также былъ неспособенъ въ подобныхъ обстоятельствахъ и рѣшиться на что—нибудь твердо. Онъ былъ нерѣшительнъ и слабъ, отягощенъ долгами и кидался во всѣ стороны, чтобъ какъ—нибудь устроить свою будущность. Онъ всегда былъ игрушкой счастья, котораго чувствовалъ тщету, и орудіемъ людей, которые были вовсе не такъ умны, какъ онъ.

Надобно было какъ—нибудь развязать этотъ узелъ. Всѣ власти, всѣ имена, дѣлавшія революцію, или сдѣланныя революціей, были перепробованы по нѣскольку разъ. Ни внѣшнія препятствія, ни народное противодѣйствіе не нарушали ихъ усилій овладѣть правленіемъ, и между тѣмъ ни одна изъ этихъ властей не достигла успѣха; всѣ онѣ разрушили себя взаимно. Въ бесплодной борьбѣ растратили онѣ весь кредитъ и силу, какія у нихъ оставались. Ихъ ничтожность была ясна. Однакожъ Англія оставалась совершенно въ ихъ рукахъ. Среди продолжительнаго, печальнаго чередованія анархіи и деспотизма, нація отвыкла управлять сама своими судьбами и утратила нужную для этого смѣлость. Армія Кромвеля была все еще на—лицо, неспособная создать правительства, но низлагавшая всѣхъ, кто ей не нравился. Одинъ человекъ изъ войска, весьма—высоко—стоявшій въ уваженіи и довѣрїи у солдатъ, чуждый политическимъ партіямъ, честно служившій парламенту и Кромвелю, и даже Ричарду Кромвелю при его вступленіи въ званіе протектора, Монкъ, предчувствовалъ неизбежный исходъ этой анархіи и рѣшился вести къ нему безъ борьбы и потрясеній свое истомленное отечество. Въ Монкѣ не было ничего великаго, кромѣ здраваго смысла и мужества, никакой потребности славы, никакого честолюбиваго стремленія къ власти, никакихъ принциповъ, никакихъ высшихъ плановъ ни для себя, ни для государства: одно глубокое отвращеніе къ безпорядку и къ этимъ необузданнымъ беззаконіямъ, которыя обыкновенно народныя партіи прикрываютъ прекрасными обѣщаніями. Онъ безъ хвастовства, но энергически и скромно былъ преданъ своимъ обязанностямъ, какъ

солдатъ и какъ англичанинъ. Не шарлатанъ, не фразёръ, онъ былъ скромнень до молчаливости и рѣшительно-равнодушнень ко лжи; онъ пользовался ею смѣло и съ непоколебимымъ терпѣніемъ, чтобъ произвести то, что ему казалось единственнымъ, существеннымъ интересомъ Англїи — мирное возстановленіе единственнаго правленія, какое могло быть прочно и правильно. Все остальное было въ его глазахъ не болѣе, какъ сомнительные вопросы и условные споры партій. Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Всѣ отдѣлы большой монархической партіи бросили, чтобъ помогать ему, свои старые раздоры, свое слѣпое озлобленіе, свои противорѣчащія притязанія. Реставрація совершилась, какъ дѣло естественное и единственно-возможное, не стоивъ ни одной капли крови ни побѣдителямъ, ни побѣжденнымъ; и Карлъ II, вступивъ въ Лондонъ среди радостныхъ кликовъ несметной толпы, могъ по справедливости сказать: «Я самъ виноватъ, если не возвратился прежде; я не видалъ сегодня ни одного челоуѣка, который бы не увѣрилъ, что онъ всегда желалъ моего возвращенія».

Еще никогда правительство, старое или новое, или возстановленное послѣ паденія, не находилось въ такихъ прекрасныхъ условіяхъ правильной силы и прочности.

Карлъ II вступилъ на престолъ безъ помощи иностранныхъ державъ, безъ борьбы внутренней, даже безъ усилий со стороны его собственной партіи—единственно по общему желанію англійскаго народа, освобождавшагося наконецъ отъ угнетенія и анархіи, отъ революціонной неурядицы, и ожидавшаго только отъ него законнаго порядка и будущности.

Монархія возстановилась послѣ совершеннаго истощенія и окончательной гибели ея враговъ и соперниковъ. Республика и протекторатъ перебрали уже всѣ формы, всѣ сочетанія, какія только были для нихъ возможны. Всѣ власти, всѣ имена, вышедшія изъ революціи, износились, утратили свою эффективность. Поле битвы было свободно. Исчезли самые призраки революціонныхъ ратниковъ и претендентовъ.

Королевская власть возстановлена была не одна: вмѣстѣ съ королемъ, всходившимъ на престолъ, въ правленіи государства заняли прежнее мѣсто большіе собственники,

сельское дворянство, всѣ значительные граждане, которые поддерживали дѣло роялизма. Республика и Кромвель отстранили ихъ отъ общественныхъ дѣлъ, не могли выносить ихъ присутствія. Возвращаясь къ дѣламъ, они пополняли важный пробѣлъ въ общественной организаціи. Таково общее заблужденіе революціонеровъ: они думаютъ, что могутъ замѣнить сами все, что разрушаютъ, и что ихъ однихъ станетъ на всѣ нужды государства. Англійскіе республиканцы могли уничтожить палату лордовъ и прогнать партію роялистовъ съ политической сцены; но они не достигли того, чтобы могли занимать сами ея мѣсто, какъ для поддержанія власти противъ духа анархіи, такъ и для поддержанія правъ народа противъ деспотизма. Возстановляя наследственную монархію, реставрація возвратила прежнее значеніе и вліяніе поземельной собственности провинціямъ, семейнымъ преданіямъ, старѣйшей и наиболѣе-значительной части территоріальной аристократіи. Такимъ-образомъ власть въ одно и то же время нашла и принципъ своего прочнаго существованія, и своихъ естественныхъ союзниковъ. Политическое общество, въ-теченіе одиннадцати лѣтъ какъ-бы висѣвшее на воздухѣ и хромавшее, снова вступило во владѣніе всѣми своими силами и стало опять на всѣхъ своихъ основаніяхъ.

Вмѣстѣ съ королевскою властью, возстановилось и правленіе религіознаго общества, епископальная церковь. Конечно, происхожденіе англїканской церкви, возникшей по призыву и возвысившейся подъ сѣнью свѣтской власти, составляло ея слабую сторону, сравнительно съ чисто-духовнымъ происхожденіемъ и сильною независимостью церкви католической. Зато Англїя имѣла отъ нея ту выгоду, что прекратилась всякая борьба между правленіемъ церкви и правленіемъ государства: тѣсно-связанная съ престоломъ и получивъ отъ него свою первую силу, англїканская церковь была постоянно предана ему вѣрно и, несмотря на пороки своего происхожденія и слабыхъ стороны своего поведенія, не имѣла недостатка ни въ ревности къ вѣрѣ, ни въ житейскихъ добродѣтеляхъ, ни въ мужествѣ и блескѣ при исполненіи своего назначенія. У ней были свои герои и свои мученики, неукротимые на эшафотѣ и на кострѣ, хотя часто снисходительные и слабые

въ-отношеніи къ королямъ. Передъ тѣмъ, какъ она была возстановлена вмѣстѣ съ Карломъ II, въ-теченіе пятнадцати лѣтъ она терпѣла отъ революціи всевозможныя преслѣдованія—отнятіе имуществъ, угнетеніе богослуженія, поруганіе, плѣнь, нищету. Все это вынесла она съ достоинствомъ и постоянствомъ; она возстала, окруженная пламенной преданностью роялистовъ и всеобщимъ уваженіемъ народа; она принесла на службу королямъ вѣрность, уже испытанную и авторитетъ, возвеличенный несчастьемъ.

Настроеніе англійскаго народа соответствовало настроенію церкви. Нельзя сказать, чтобъ секты, которыя она долго угнетала и которыя въ послѣднее время угнетали ее въ свою очередь, перестали быть жаркими ея врагами; не вездѣ также выходки фанатизма и лицемѣрія, отвратительныя или смѣшныя, уступили мѣсто благочестію разумному и истинному — реакція нечестія, разврата, своеволія и цинизма не замедлила явиться, но она не проникала далѣе высшихъ, верхнихъ слоевъ общества; среди скандаловъ двора и классовъ, зараженныхъ его примѣромъ по своей близости къ нему, Англія была богата истинными и ревностными христіанами. Одни были привязаны или возвращены къ англиканской церкви памятью тѣхъ золь и отвращеніемъ къ тѣмъ безпорядкамъ, которые повлекло за собою ея паденіе; другіе принадлежали къ сектамъ диссидентовъ, которыхъ церковь опять начала преслѣдовать довольно-жестоко, чтобъ усилить ихъ ревность, но не довольно для того, чтобы убить ихъ. Среди своей борьбы и взаимной ненависти, церковь и секты оказывали другъ на друга благотворное вліяніе; онѣ взаимно поддерживали или напоминали другъ другу уваженіе къ Богу и его законамъ, постоянное занятіе вѣчными интересами человѣка, ревностную и дѣятельную вѣру.

Такимъ-образомъ, въ массѣ народа возстановленная монархія нашла нравственную поддержку, а вокругъ престола, въ классахъ, близкихъ къ правительству по привычкамъ своей жизни—нужныя для нея политическія опоры.

Только два врага могли обратить въ ничто всѣ эти благоприятныя обстоятельства и снова подвергнуть монархію опас-

ности. Эти страшные враги были: духъ революціи и духъ реакціи.

Духъ революціи надолго пережилъ свое пораженіе и даже свое доказанное безсиліе. Изъ двухъ революціонныхъ партій, обладавшихъ Англійей — республиканской и кромвелевой — послѣдняя исчезла совершенно, такъ совершенно, что дѣти протектора могли умереть въ своемъ отечествѣ въ мирномъ забвеніи. Республиканская партія продолжала существовать, ничего не предпринимая и почти ничего не надѣясь для своего дѣла, но горячо вѣшивалась во всякую вражду, во всякій разговоръ противъ установленнаго правленія, безпрестанно отъискивая и находя новыхъ инсургентовъ и мучениковъ, особенно въ Шотландіи. Даже въ партіяхъ легальной оппозиціи, чуждыхъ всякимъ республиканскимъ сожалѣніямъ и желаніямъ, еще сильны были революціонныя идеи и привычки: самые просвѣщенные люди были пропитаны теоріями и готовы увлекаться страстями, рѣшительно-несовмѣстными съ терпѣливыми битвами и обязательными сдѣлками конституціонной монархіи; самые умѣренные смотрѣли на возможность новыхъ революцій и клонились къ нимъ съ легкостью, противною всякому прочному законному порядку. Въ жилахъ большей части англійскаго народа еще текъ революціонный ядъ, ослабѣвшій, но несовершенно-выгнанный, и поддерживалъ ее въ состояніи политическаго ослѣпленія, исполненномъ затрудненій и опасностей для власти.

Духъ революціи былъ постоянно питаемъ духомъ реакціи, этимъ недугомъ побѣждающихъ партій. Конечно, нельзя принимать на-слово всѣ тѣ упреки, которыми исторія преслѣдуетъ, на этомъ основаніи, кавалеровъ и церковь англійскую: у революцій, долго-бывшихъ въ силѣ и, наконецъ, остановленныхъ въ своемъ теченіи, есть это надменное притязаніе, чтобъ незаконія, ими совершенныя, оставались неприкосновенными. Имъ кажется, что надобно довольствоваться прекращеніемъ ихъ вредной власти; всякое исправленіе надѣланнаго ими зла они называютъ реакціей. Между мѣрами, принятыми въ царствованіе Карла II для вознагражденія несправедливостей, претерпѣнныхъ роялистами, принадлежавшими къ мірянамъ или къ духовенству, большая часть была не

больше, какъ естественнымъ и необходимымъ возвращеніемъ къ нарушенному праву. По этому возвращенію есть предѣлы, которые здравый смыслъ указываетъ политикѣ правительствъ и интересу самихъ партій. Несправедливостей не поправляютъ несправедливостями; революціямъ не полагаютъ конца оскорбленіями и местию. Всякое удовлетвореніе, принимающее такой характеръ, перестаетъ быть правымъ и, вмѣсто того, чтобъ помогать дѣлу, подвергаетъ его опасности. Особенно религіозная реакція отличалась при Карлѣ II плачевной жестокостью: это было уже не простое удовлетвореніе жалобъ, или исцѣленіе бѣдствій англійской церкви—это было мстительное преслѣдованіе всякихъ диссидентскихъ сектъ; это было преступленіе клятвы, данной болѣе-умѣреннымъ изъ нихъ, которымъ Карлъ II, при самомъ возвращеніи своемъ, обѣщалъ свободу. Карлъ пытался нѣсколько разъ сдержать свое слово и обезпечить диссидентамъ нѣкоторую терпимость; преслѣдованіе было несовмѣстно ни съ его здравымъ разсудкомъ, ни съ его кроткимъ нравомъ, ни съ его религіознымъ индифферентизмомъ, ни съ его тайною склонностью къ католикамъ. Но эти припадки справедливости скоро уступали упорной ненависти духовенства и бурнымъ страстямъ народа. Къ реакціи пристала почти вся партія роялистовъ въ парламентѣ и внѣ его, по слѣпотѣ своей или по увлеченію. Послѣ 1660 года свѣтская реакція была ограничена и коротка; религіозная же реакція, сдержанная на-время, скоро разразилась съ новой силой, становясь, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже, и произвела большую часть опасностей и ошибокъ, или, лучше сказать, преступленій, въ которыя впади Карлъ II и его правленіе.

Но эти ошибки и опасности, хотя важныя и печальныя, не представляли, однакожъ, въ-сущности ничего гибельнаго для англійской монархіи и общества, ничего такого, что бы нарушало ихъ жизненныя условія. Если разсматривать вещи въ цѣломъ, то духъ революціи уже пересталъ обладать Англійей, а духъ реакціи не былъ въ ней господствующимъ. Начиная съ великаго революціоннаго кризиса 1640 — 1660 годовъ, англійскій народъ имѣлъ счастье и заслугу понимать опытъ и никогда не предаваться крайно-

стямъ. Въ самомъ жару политической борьбы и даже среди насилій, къ которымъ онъ иногда былъ увлекаемъ своими вождями, а иногда самъ увлекалъ ихъ, его никогда не покидалъ въ рѣшительныя минуты здравый смыслъ, состоящій въ томъ, чтобъ понимать существенныя блага, которыя мы хотимъ сохранить и стоять за нихъ неизмѣнно, мирясь съ неудобствами, ихъ сопровождающими, и не позволяя себѣ желаній, которыя могли бы вредить имъ. Начиная съ царствованія Карла II, этотъ здравый смыслъ, этотъ политическій разумъ свободныхъ народовъ руководилъ судьбами Англій. Революцію, выдержанную англійскимъ народомъ, пережили три великіе результата, еще смутные и неполные, но постановленные безвозвратно и заключившіе въ себѣ все существенное для желаній и общихъ интересовъ этого народа.

Королевская власть не могла болѣе существовать отдѣльно отъ парламента. Дѣло монархизма было выиграно; дѣло абсолютной монархіи проиграно. Богословы и философы, Фильмеръ и Гоббсъ могли возводить абсолютизмъ въ догму, или поддерживать его въ теоріи; ихъ идеи могли въ литературѣ, или общественныхъ разговорахъ, вызывать сочувствіе или гнѣвъ людей науки или партій: на практикѣ, этотъ вопросъ былъ порѣшенъ для націи. Роялисты и революціонеры—все одинаково смотрѣли на тѣсное соединеніе и взаимный контроль короны и парламента, какъ на неотъемлемое право и рѣшительную потребность націи.

De facto, въ парламентѣ имѣла перевѣсъ палата депутатовъ. Конечно, не могло быть рѣчи о ея прямой верховности: этотъ революціонный принципъ былъ преданъ анафемѣ и ненависти. Король и палата лордовъ снова получили свои права и значеніе; но послѣ того жестокаго пораженія, какое имъ было нанесено, они уже не могли подняться на прежнюю высоту, даже несмотря на паденіе враговъ своихъ; ни промахи, ни неудачи нижней палаты не могли вполне уничтожить ея страшныхъ побѣдъ. Достигши господства, партія роялистовъ, въ своихъ отношеніяхъ съ короной и государственнымъ правленіемъ, наслѣдовала существенныя завоеванія долгаго-парламента. Долго надобно было дѣлиться смутамъ, и часто очень—

сильнымъ, пока различныя партіи, торіи и виги, правители и оппозиціи не научились пользоваться, какъ слѣдуетъ, этими завоеваніями, надлежащимъ образомъ понимать ихъ смыслъ и мѣру и поддерживать между великими общественными силами ту многодѣятельную гармонію, которая составляетъ заслугу и трудность конституціоннаго правленія. Но какъ ни шатки были первые шаги націи, учившейся управлять, какъ ни противорѣчивы были иногда явленія, или формы—преобладающее вліяніе палаты депутатовъ дѣлалось со времени Карла II фактомъ болѣе-и-болѣе очевиднымъ и достовѣрнымъ.

Рядомъ съ этими двумя политическими фактами, или, скорѣе, выше ихъ, стоялъ фактъ религиозный, точно также созданный революціей: это было полное, окончательное господство протестантизма въ Англіи. Конечно, англійскіе протестанты никогда еще не были такъ сильно разъединены между собою, и Боссюэтъ имѣлъ полное право съ гордымъ удовольствіемъ разсматривать и изображать ихъ расколы и распри; но въ этихъ сектахъ, расхлотившихся между собою во все стороны, не умирало единство общей вѣры и страсти; среди собственныхъ битвъ все онѣ исповѣдывали евангеліе, сражались противъ католицизма съ равнымъ рвеніемъ, и свобода совѣсти, безпрестанно непризнаваемая и притѣсняемая ими между собою, въ то же время была для всѣхъ ихъ, противъ римской церкви, равно дорогимъ и неотъемлемымъ приобрѣтеніемъ.

Вотъ все, чего тайно или гласно хотѣлъ англійскій народъ отъ этой старой королевской власти, которой возвращеніе онъ встрѣтилъ съ восторгомъ, рѣшившись долго переносить ошибки правительства, лишь бы оно избавило его отъ новой революціи и обезпечило ему эти три результата революціи, имъ выдержанной.

Но этого—то именно и не умѣли, или не хотѣли сдѣлать ни Карлъ II, ни Іаковъ II.

Въ-отношеніи къ политикѣ, Карлъ II былъ такъ уменъ и равнодушенъ, что не хлопоталъ о неограниченной власти или не вносилъ ее въ свои дѣйствія. Онъ не заботился ни о чемъ, кромѣ удовольствій, любилъ власть единственно для того, чтобъ наслаждаться жизнію, и охотно шелъ на уступ-

ки и сдѣлки, лишь бы только удалить отъ себя опасности отчаянной борьбы, или избавиться отъ скуки, нераздѣльной съ нею. Но въ мысляхъ своихъ онъ уважалъ и любилъ только абсолютную монархію. Онъ слишкомъ-много претерпѣлъ отъ институтовъ своего отечества и былъ свидѣтелемъ ихъ заблужденій и недостаточности; онъ слишкомъ насмотрѣлся на блескъ двора Лудовика XIV и на силу его правленія: туда влеклось его удивленіе и довѣріе. Этимъ объяснялась та легкость, съ какою онъ впалъ въ продажное раболѣпство относительно Лудовика XIV: онъ смотрѣлъ на него, какъ на главу партіи королей и не чувствовалъ всего стыда, какой долженъ былъ бы чувствовать, когда продавалъ ему политику и свободныя права своего отечества.

Въ религіи Карлъ былъ въ одно и то же время скептикъ и католикъ, ни во что невѣрившій и столько же развращенный умомъ, сколько и нравами, но думавшій, что если и есть какая-нибудь истина въ религіи, то она находится въ католической вѣрѣ, какъ болѣе-надежномъ убѣжищѣ для королей противъ опасностей, которымъ подвергается власть, какъ и вообще для людей противъ опасностей, которыми грозитъ вѣчность.

Такимъ-образомъ, Карлъ II, хотя въ жизни и не дѣйствовалъ, какъ государь неограниченный и католическій, въ душѣ былъ, однакожъ, католикъ и абсолютистъ, симпатизировавшій съ королями континента, но несимпатизировавшій съ вѣрой и политикой своей націи.

Іаковъ II былъ католикъ и абсолютистъ по убѣжденію и велъ себя согласно съ своимъ убѣжденіемъ; сверхъ-того, онъ былъ неосмотрительно-рѣшителенъ, со всѣмъ упрямствомъ ума узкаго и скуднаго, со всею жестокостью сердца холоднаго и сухаго.

Таковы были два государя, которыхъ реставрація поставила передъ лицомъ англійскаго народа, съ радостью возвращавшагося къ монархіи и проклинавшаго революцію, но инстинктивно рѣшившагося сохранить ея великіе результаты.

Въ-теченіе всего періода реставраціи англійская исторія есть не иное что, какъ исторія этого глубокаго, медленно-открывавшагося, но, наконецъ, явно разразившагося разно-

гласія между двумя королями и ихъ народомъ, и упорныхъ усилій англійскаго народа избѣгнуть послѣдствій этого факта, то—есть новой революціи.

Ибо англичане въ продолженіе этой эпохи были въ-сущности консерваторами. Ихъ волновали горячія партіи и честолюбивыя стремленія эгонизмовъ своими интригами, заговорами, возстаніями; они не разъ увлекаемы были ими, или собственными своими страстями къ движеніямъ повидимому революціоннымъ, но не только не думали помогать людямъ, стремившимся къ ниспроверженію монархіи Стюартовъ, а, напротивъ, останавливались и бросались назадъ, какъ-скоро замѣчали, что дѣло къ тому клонилось. Заговорщики и инсургенты въ царствованіе Карла II были не болѣе, какъ меньшинство, съ которымъ несогласна была нація даже тогда, когда и показывала къ нимъ нѣкоторое расположеніе. Чѣмъ больше дѣлала ошибокъ возстановленная королевская власть, тѣмъ яснѣе выказывала она свои тенденціи или планы, тѣмъ сильнѣе становилось общественное недовольство, тѣмъ вѣроятнѣе дѣлался разрывъ между государемъ и націей; но нація боролась съ этой вѣроятностью, а не стремилась къ ней. Въ-теченіе двадцати-шести лѣтъ она приносила всевозможныя жертвы, дѣлала всевозможныя усилія, какихъ только требовалъ самый-терпѣливый и самый стойкій консерватизмъ, чтобъ поддержать на престолѣ домъ Стюартовъ, не предавая ему на жертву своихъ законовъ и вѣры.

Всѣ видоизмѣненія англійскаго правленія въ продолженіе этой эпохи, дѣйствія и судьбы всѣхъ партій и всѣхъ министерскихъ кабинетовъ, принимавшихъ власть въ свои руки, представляли не что иное, какъ различныя формы и блистательное подтвержденіе этого факта.

По естественному ходу дѣлъ, власть прежде всего попала въ руки старыхъ роялистовъ, вѣрныхъ совѣтниковъ Карла I въ несчастіи и Карла II въ изгнаніи. Ихъ вождемъ былъ Кларендонъ. Человѣкъ съ умомъ твердымъ, прямымъ и проницательнымъ, онъ былъ искренній другъ законнаго и нравственнаго порядка, смѣло стоялъ за конституцію своего отечества, съ энтузіазмомъ былъ преданъ своей церкви, вполне уважалъ всѣ признанныя закономъ или обычаемъ права наро-

да и государя, и до такой степени ненавидѣлъ революціи, что, безъ различія, всякая новость казалась ему подозрительною и противною. Ставши первымъ министромъ, онъ повелъ себя не то, чтобъ гордо, а надменно; не оказалось у него ни достаточной широты во взглядѣ, ни симпатичнаго благородства въ характерѣ; его величіе служило ему предметомъ тщеславнаго самонаслажденія; дѣйствія его власти отзывались педантизмомъ. Въ сношеніяхъ съ королемъ, который питалъ къ нему уваженіе, исполненное довѣрія и соединенное съ нѣкоторою любовью, онъ былъ то строгъ, то угодливъ, переходилъ отъ порицанія къ ласкательству, то говорилъ и стоялъ за правду, какъ честный человѣкъ, то беспокоился о томъ, что говорилъ правду, искалъ опоры противъ двора и не хотѣлъ почерпнуть силы въ парламентѣ. Онъ стремился въ одно и то же время удержать и короли въ уваженіи къ древнимъ законамъ государства, и палату депутатовъ въ ея прежнемъ скромномъ положеніи; онъ воображалъ, что можно обязать легальностью королевскую прерогативу, не налагая на нее необходимой отвѣтственности передъ парламентомъ; онъ думалъ тотчасъ послѣ народной революціи основать правленіе, которое было бы и ограниченное и неограниченное. Ему не удалось это несбыточное предпріятіе, и онъ палъ послѣ семилѣтняго владычества, ненавидимый нижней палатой за свою монархическую надменность, диссидентами — за епископальную нетерпимость, дворомъ — за презрительную строгость, преслѣдуемый слѣпымъ негодованіемъ народа, сваливавшего на него всѣ общественныя бѣдствія и всѣ пороки правленія, и даже покинутый королемъ, для котораго онъ былъ уже не болѣе, какъ безпокойнымъ цензоромъ и компрометирующимъ министромъ.

Нѣкоторые приписывали паденіе Кларендона недостаткамъ его характера и ошибкамъ и неудачамъ въ дѣлѣ внѣшней и внутренней политики: это значитъ не понимать великости причинъ, рѣшающихъ судьбу необыкновенныхъ личностей. Налагая на нихъ такую трудную задачу, провидѣніе не бываетъ къ нимъ такъ жестоко, чтобъ не прощать имъ ни одной слабости и легко низвергать ихъ изъ-за какого-нибудь частнаго проступка или промаха. Дру-

гіе великіе министры, Ришльё, Мазарини, Вальполъ, также имѣли свои недостатки, также дѣлали ошибки, терпѣли такія же важныя невзгоды, какъ и Кларендонъ, но они понимали свое время; виды и стремленія ихъ политики гармонировали съ его потребностями, съ общимъ состояніемъ и движеніемъ умовъ. Кларендонъ ошибся насчетъ своей эпохи; онъ не понималъ смысла великихъ событій, которыхъ былъ свидѣтель, но смотрѣлъ на то, что произошло между 1640 и 1660 годами, какъ на бунтъ, послѣ котораго надобно только возстановить порядокъ и законъ, а не какъ на революцію, которая, хотя и повергла англійское общество въ гибельныя заблужденія, но въ то же время указала ему новые пути и, возстановивъ старую королевскую власть, обязала ее къ новому образу дѣйствій. Изъ великихъ результатовъ, завѣщанныхъ Англій этой революціей, хотя она и была побѣждена, Кларендонъ признавалъ въ душѣ своей только два: необходимость содѣйствія парламента и торжество протестантизма. Но онъ упорно отвергалъ и оспаривалъ возраставшее вліяніе нижней палаты на управленіе государствомъ и не умѣлъ ни отыскать, ни употребить въ дѣло средствъ, которыми этотъ новый фактъ могъ обратиться на обезпеченіе и даже на усиленіе монархіи. Это было одно изъ тѣхъ заблужденій, которыя не выкупаются ни дарованіями, ни рѣдкими добродѣтелями, и которыя для государственныхъ людей—такова ихъ безжалостная судьба—дѣлаютъ смертельными такія ошибки и неудачи, которыя для другихъ прошли бы почти даромъ.

За честными совѣтниками старой королевской власти пошли безнравственные слуги новаго двора, съ Буккингэмомъ и Шефтсбѣри во главѣ. Одинъ былъ развратецъ, остѣръ, вѣтренъ, дерзокъ; другой — честолюбивъ, глубокомысленъ и смѣлъ; оба были равно развращены и равно опыты въ искусствѣ развращать; оба были готовы для поправленія своего состоянія, или въ угоду своему тщеславію, безпрестанно переходить отъ двора къ черни, отъ правительства къ партіямъ. Они задумали удовлетворить и парламентъ, и диссидентовъ, и всѣ народныя чувства, которыя раздражилъ педантизмъ и изолированность политики Кларендона. Они хотѣли угождать и уступать; но этого еще мало для того, чтобы

управлять. Безразсудные и безнравственные преемники Кларендона не подозрѣвали, какія затрудненія и опасности навлекутъ они на власть и на себя—самыхъ, отыскивая себѣ точку опоры въ палатѣ депутатовъ. Чтобы какое-нибудь народное собраніе могло быть сильнымъ и правильнымъ средствомъ правленія, для этого надобно, чтобы оно само было сильно организовано и управляемо; а это можетъ быть только тогда, когда въ немъ есть большія партіи, связанныя общими принципами и идущія къ опредѣленной цѣли послѣдовательно и стройно, подъ руководствомъ признанныхъ вождей. Такія партіи образуются и существуютъ только тогда, когда сильные интересы и твердыя, укоренившіяся убѣжденія соединяютъ людей между собою. Первое условіе жизни для большихъ партій — извѣстная доля вѣры въ идею и преданности лицамъ; точно такъ же, какъ большія партіи — необходимое условіе свободнаго правленія. Ничего подобнаго не было и не предвидѣлось при Карлѣ II, когда кабинетъ, прозванный *кабалью*, пытался управлять съобща съ нижней палатой и согласно съ ея желаніями. Послѣ столькихъ потрясеній и несбывшихся надеждъ, особенно въ слояхъ, близкихъ къ власти, людьми овладѣли сомнѣніе, недовѣрчивость, неуговорная подвижность, духъ личности, иногда нетерпимой до наглости, иногда осторожной до малодушія. Палата депутатовъ была полна обломками революціонныхъ партій, но въ ней вовсе не было политическихъ партій, способныхъ и достойныхъ поддержать какое-нибудь правленіе. А люди, подобные Шефтсбѣри и Буккингэму, были неспособны и недостойны образовать такія партіи; они умѣли только для себя лично искать сторонниковъ во всѣхъ лагеряхъ и привлекать ихъ всѣми возможными средствами. Ихъ политика отличалась самой безстыдной непослѣдовательностью и противорѣчіями: то вводили они Англію въ тѣсный союзъ съ Голландіей, то выдавали Голландію Лудовику XIV, смотря по тому, что имъ было нужнѣе въ данную минуту—благоклонность протестантскихъ ли прозелитовъ въ Англій, или сильнаго иностраннаго государя. Они оказывали терпимость диссидентамъ, по видимому, изъ уваженія къ правамъ совѣсти, но въ—сущности изъ угожденія королю, который хотѣлъ покровительство-

вать католикамъ, а потомъ опять уступали давлению раздраженной палаты и упрасивали короля утверждать самыя строгія мѣры противъ католиковъ и диссидентовъ. Внутренняя и внѣшняя политика ихъ представляла рядъ невѣрныхъ шаговъ и непрерывныхъ противорѣчій; самыя, повидимому, добрыя ихъ мѣры были не болѣе, какъ средства подкупа и обмана, оставляемые имъ съ такимъ же безстыдствомъ, съ какимъ они прибѣгали къ нимъ; въ этихъ мѣрахъ было такъ же мало прочности, какъ и добросовѣстности.

Публика, внутри и внѣ парламента, нѣсколько разъ попадала въ разставленные для нея сѣти. Ничто не можетъ сравниться съ готовностью народныхъ страстей вѣрить тому, что имъ нравится, и извинять все, что имъ служитъ. Министры кабали повременамъ добивались нѣкоторой любви, но она убѣгала отъ нихъ такъ же скоро, какъ приходила къ нимъ. Ихъ развратная жизнь, ихъ отъявленная безнравственность, непостоянство ихъ поведенія оскорбляли нравственное чувство народа, который, при всѣхъ этихъ скандалахъ и обманутыхъ ожиданіяхъ, сохранилъ твердую основу вѣры и добродѣтели. И онъ, навѣрное, не остановился бы на одномъ негодованіи, еслибъ зналъ, какъ его король съ безмолвнымъ одобреніемъ главныхъ своихъ совѣтниковъ заключалъ съ Лудовикомъ XIV тайные договоры, которыми онъ обязывался объявить себя католикомъ при первой возможности сдѣлать это безопасно; а въ ожиданіи этого, продавалъ за нѣсколько милліоновъ независимость политики и институтовъ своего королевства. Англія долго ничего не знала объ этихъ позорныхъ актахъ; но когда недовѣріе вкоренится, тогда невѣдѣніе народа замѣняется предчувствіями, которыя часто вводятъ въ заблужденіе, а иногда просвѣщаютъ народы чудеснымъ образомъ. Не зналъ, до какой степени министры кабали унижали свое отечество и измѣняли ему, нижняя палата не только не предавалась имъ, но подъ-конецъ сильно противъ нихъ вооружилась — и они пали подъ ударами силы, которую сами возрастили своимъ ласкательствомъ, чтобъ употребить ее въ свою пользу, не сдѣлавъ, однакожъ, ни шага для организованія политическихъ партій въ парламентъ и правильной дѣятельности ихъ въ правленіи.

Преемникъ ихъ, сэръ Томасъ Осборнъ, графъ Дэнби, имѣлъ гораздо-болѣе политическаго смысла и вліянія на развитіе парламентскаго правленія въ своемъ отечествѣ. Приступивъ къ государственнымъ дѣламъ подъ покровительствомъ министровъ кабали и рано пріобцившись нѣкоторымъ изъ ихъ дурныхъ привычекъ, онъ, однакожъ, существенно отличался отъ нихъ, потому-что вышелъ въ люди чрезъ народъ, а не чрезъ дворъ. Онъ былъ изъ простыхъ дворянъ Йоркскаго Графства, и потому настоящую партію его составляло провинціальное дворянство, а палата депутатовъ — его политическое отечество. Онъ горячо поддерживалъ дѣло короля и его власти, но соединяя его съ парламентомъ, а не отдѣляя отъ него. Онъ старался всѣми возможными средствами — хорошими и дурными, убѣжденіемъ и подкупомъ — образовать въ нижней палатѣ неразрывную, прочную партію и установить между правительствомъ и этой партіей то внутреннее единство, ту солидарность, которыя одиѣ въ-состояніи сдѣлать власть дѣйствительною и сильною, приводя ея различныя элементы къ одной политической мысли, къ одному дѣлу. Сверхъ-того, въ дѣлѣ религіи и внѣшнихъ сношеній, Дэнби понималъ и раздѣлялъ національныя чувства Англіи: онъ желалъ обезпеченія протестантизма и добраго согласія англійскаго правительства съ государствами, преданными тому же дѣлу. Онъ уговорилъ Карла II заключить сначала миръ, потомъ союзъ съ Голландіей и выдать свою племянницу Марію за принца Вильгельма Оранскаго. Такимъ-образомъ Дэнби внѣ предѣловъ Англіи готовилъ спасителя ея вѣры и правъ, начиная въ то же время прочно образовывать внутри ея эту великую партію королевской прерогативы и церкви, дававшую съ-тѣхъ-поръ столько силы англійской монархіи и такъ много содѣйствовавшую ея прочности.

И въ то время, когда благоразуміе и искусство Дэнби организовали партію торіевъ, его ошибки, по счастливому сочетанію противоположныхъ послѣдствій, предоставляли энергическое и спасительное развитіе партіи виговъ. Въ томъ-то и состоитъ честь виговъ, что они почерпнули первые зародыши своего величія въ защитѣ правъ и политической нравственности своего отечества. Ихъ партія возникла на зовъ

благородныхъ чувствъ и принциповъ; она начала принимать свою особенную фязіономію и свой блескъ въ борьбѣ съ Дэнби и его кавалерами, превратившимися въ торіевъ. Это была борьба еще безпорядочная и смутная, но въ ней ясно проявились себя двѣ великія парламентскія партіи, обѣ стремившіяся управлять государствомъ, чтобъ проводить такую или другую политику, въ силу принциповъ, непротиворѣчившихъ другъ другу въ-сущности, но глубоко-различныхъ между собою.

Послѣ четырехлѣтнихъ усилій, эта борьба кончилась паденіемъ Дэнби, распущеніемъ этого долгаго-парламента, который въ-теченіе восемнадцати лѣтъ составлялъ силу роялизма, представляя изъ себя страшную смѣсь преданности, раболѣпства и независимости, и образованіемъ кабинета изъ виговъ, въ которомъ вожди этой партіи — Темплъ, Россель, Эссексъ, Голлизъ, Кэвендишъ, Поуле — взяли на себя правленіе и его реформу, съ помощью Галифакса, вождя неустановившихся умѣренныхъ, и смѣлаго ренегата придворной партіи, Шефтсбѣри, сдѣлавшагося любимцемъ народа.

Обстоятельство это было чрезвычайно-важно. Въ первый разъ, несмотря на долговременное сопротивленіе короны, парламентская оппозиція получала власть во имя общественнаго мнѣнія и большинства. Сдѣлаетъ ли она совладать съ этой властью и удержать ее въ своихъ рукахъ? Удовлетворитъ ли она истиннымъ желаніямъ народа, не колебля основаній монархіи, испуганной ея усиленіемъ?

Вигамъ не удалось рѣшить эту проблему.

Отъ недостатка ли опытности, или отъ вліянія ложныхъ политическихъ теорій, которыми пропитанъ былъ революціонный долгій-парламентъ, ихъ идеи объ устройствѣ и условіяхъ конституціоннаго правленія были смутны, неудобны къ практическому примѣненію, полны нерѣшительности и противорѣчій. Они попробовали установить кабинетъ на широкихъ основаніяхъ, чтобъ сдѣлать изъ него какъ-бы нѣчто въ родѣ посредствующей корпораціи, которая бы могла удерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ корону парламентомъ и парламентъ короной; но это была попытка, плохо-задуманная и непережившая своего рожденія. Они внесли духъ оппозиціи

въ отправленіе своей должности и, служа королю, больше заботились о томъ, чтобъ защитить себя противъ него, нежели о томъ, чтобъ его поддерживать.

Они жили въ смѣшеніи съ остатками анархическихъ партій, пережившихъ революцію и неперестававшихъ глухо нападать на монархію. Почти-ничтожная въ высшихъ классахъ, республиканская партія была слаба и не могла имѣть успѣха даже и въ массѣ; но у нея были свои агитаторы и отчаянные заговорщики, готовые отдать всю свою опытность и даже жизнь всякому, кто обѣщаль или подавалъ надежду доставить какое-нибудь удовлетвореніе ихъ неутомимой дѣятельности и ихъ злобѣ. Виги постоянно находились, если не въ заговорѣ, то, по-крайней-мѣрѣ, въ соприкосновеніи съ этими революціонерами по ремеслу, изъ которыхъ они хотѣли сдѣлать своихъ солдатъ, но которые, въ свою очередь, надѣлись сдѣлать изъ вождей свои орудія и безпрестанно компрометировали ихъ сначала передъ королемъ, потомъ передъ народомъ, хотя недовольнымъ, но преданнымъ монархіи и рѣшительно-нерасположеннымъ къ новымъ революціямъ.

Противъ этихъ ошибокъ въ поведеніи и противъ несостоятельности самаго положенія виговъ, у нихъ было лекарство: угожденіе страстямъ народа, и они дѣлали изъ него обширное и горестное употребленіе. У англичанъ въ это время была одна всеобщая и господствующая страсть: ужасъ и отвращеніе къ папизму. Законный инстинктъ сказалъ имъ, что король измѣняетъ націи въ этомъ дѣлѣ—и нація вышла изъ предѣловъ всякаго разсудка, всякой справедливости, всякой человечности. Цѣлые три года политическое и судебное преслѣдованіе католиковъ было преступленіемъ народа, неистовствующаго въ своей вѣрѣ, и короля, робѣющаго въ своемъ невѣртіи. Виги присоединились къ этому увлеченію, или уступили ему, какъ торіи. Кромѣ-того, злая судьба привела ихъ къ власти тогда, когда первые припадки національнаго ожесточенія противъ католиковъ уже начали утихать и уступили мѣсто реакціонному движенію въ пользу здраваго смысла и справедливости. Такимъ-образомъ они больше своихъ соперниковъ понесли на себя кару этой реакціи и тяжесть скрытаго гнѣва короля, съ радостію ухватившагося за случай вы-

местить на нихъ беззаконія, которымъ онъ не имѣлъ духа противостать.

Что касается вышней политики государства, положеніе ихъ было ничѣмъ не проще и не вѣрнѣе. Они вооружались противъ раболѣпной дружбы короля съ французскимъ дворомъ, и въ то же время многіе изъ ихъ вождей сами получали милости и пенсіи отъ Лудовика XIV, одни — вслѣдствіе своей испорченности, ибо у народной партіи были также свои *coués*, какъ и у двора; другіе — люди истинно-честные и патріоты — изъ несбыточной надежды употребить вліяніе, получаемое ими отъ иностраннаго государя, на торжество законныхъ льготъ своего народа. Чрезвычайно-опасно искать выгъ своего государства тайныхъ силъ, чтобъ дѣйствовать на его внутренній дѣла; люди самые искусные въ этомъ случаѣ легко выпадаютъ въ опасность служить скорѣе видамъ чужаго правительства, нежели своимъ собственнымъ, и Лудовикъ XIV извлекъ гораздо-больше пользы для своей политики изъ своихъ сношеній съ нѣкоторыми главными вигами, нежели сколько сами они нашли выгодъ въ тайной помощи, которую онъ имъ подавалъ для низверженія Дэнби и для распущенія долгаго-парламента кавалеровъ.

Въ такомъ затруднительномъ и опасномъ положеніи, виги предприняли измѣнить порядокъ престолонаслѣдія и исключить изъ него законнаго наследника парламентскимъ актомъ. Это значило напередъ сдѣлать революцію въ силу однихъ догадокъ, основательныхъ, но слишкомъ-отдаленныхъ, безъ всякихъ дѣйствительныхъ, очевидныхъ фактовъ, которые бы доказывали ея рѣшительную необходимость. Безъ сомнѣнія, виги думали, что въ подобномъ дѣлѣ гораздо-умнѣе предусмотрѣть, нежели дожидаться, и что лучше тотчасъ же путемъ законнаго совѣщанія сдѣлать то, что впослѣдствіи пришлось бы дѣлать силой и, быть-можетъ, путемъ междоусобной войны — мысль чрезвычайно-поверхностная и показывающая съ ихъ стороны плохое знаніе людей и главныхъ основаній общественаго порядка. Совѣщаться о революціи важнѣе, нежели производить ее, и государство бываетъ гораздо-болѣе потрясено, когда во имя разума человеческого посягаютъ на его основные законы, нежели когда нарушаютъ ихъ подъ вліяні-

емъ необходимости. Въ предположеніи виговъ заключалось, ни больше, ни меньше, какъ требованіе: волею одного парламента, прежде, нежели Іаковъ II взойдетъ на престолъ, уничтожить его наследственное право на корону, то-есть въ самомъ принципѣ подчинить основное положеніе монархіи приговору парламента. Народное чутье англичанъ говорило, что это значило бы уничтожить самую монархію. Монархическій духъ быстро пробудился; въ самомъ кабинетѣ обнаружилось несогласіе. У виговъ не осталось ни одного союзника даже между самими умѣренными торіями, и они увидѣли на своей сторонѣ только собственные силы своей партіи; сверхъ-того, имъ представилось одно препятствіе, котораго они и не предвидѣли, именно: совѣсть Карла II. Этотъ царственный эгоистъ не счелъ себя въ-правѣ располагать правомъ своего брата и защищать его, несмотря ни на что. Къ чести английской націи, народная страсть остановилась передъ уваженіемъ къ законнымъ властямъ; принятый нижней палатой билль объ исключеніи былъ отвергнутъ палатой лордовъ, и никто не сдѣлалъ ни одного шага, чтобъ поставить на-своѣмъ какими-нибудь другими средствами.

Но вопросъ не сходилъ съ горизонта. Нижняя палата, постановившая исключеніе Іакова II, была распущена. Въ той, которая послѣдовала за нею, билль снова былъ предложенъ и пущенъ на голоса. Обѣ великія партіи, постепенно-образовавшіяся въ-теченіе царствованія, виги и торіи, рѣшились — одни, отстранить будущаго монарха, другіе — поддержать монархію въ ея неприкосновенности. Карлъ II также принялъ свое рѣшеніе: онъ объявилъ, что нижняя палата распускается, удалилъ виговъ, образовалъ свой кабинетъ изъ однихъ торіевъ и четыре года управлялъ безъ парламента — четыре печальные года, въ которые Англія непрерывно слышала глухой гулъ приближающейся бури. Вступивъ попрежнему въ оппозицію, виги въ различной степени и съ различными видами, начали дѣлать заговоры — одни, чтобъ легально возвратить себѣ власть, другіе — чтобъ принудить короля, хотя бы даже цѣною возстанія и междоусобной войны, подчиниться тому, въ чемъ они видѣли право и желаніе народа; низшіе, отчаянные поборники партіи, хотѣли, во что бы то ни

стало—хотя бы для этого понадобилось убійство—отдѣлаться отъ короля и его брата, какъ единственныхъ препятствій торжеству ихъ дѣла. Эти заговоры, то преувеличиваемые, то смѣшиваемые между собою, по причинѣ неполной гласности, въ незаконныхъ, предательскихъ процессахъ, повергали страну въ самыя противоположныя смуты. Партія консерваторовъ негодовала и тревожилась за безопасность престола и установленнаго порядка; партія народная болѣе-и-болѣе возмущалась, видя, какъ разрушались всѣ ея попытки, какъ возводили на эшафотъ самыхъ благородныхъ ея вождей. Монархическая реакція и разрушительная вражда возрастали въ равной мѣрѣ. Хартии городовъ и главныхъ корпорацій — послѣдній оплотъ народной партіи, были судебнымъ порядкомъ опровергаемы и уничтожаемы. Въ своемъ безсиліи и опасности, заговорщики удалялись изъ отечества и шли въ Голландію умолять принца оранскаго спасти протестантскую вѣру и свободу Англіи. Изъ числа трехъ великихъ результатовъ революціи, которые хотѣлось сохранить Англіи, оба политическіе результата, то-есть вліяніе парламента въ государственномъ правленіи и преобладаніе нижней палаты въ парламентѣ, были задержаны и сильно стѣснены: результатъ религиозный — господство протестантизма — былъ еще не тронутъ; англиканская церковь сама же неизмѣнно поддерживала корону и громилла проклятіями всякую попытку къ сопротивленію. Усиленные этой опорой и руководимые Рочестеромъ, ревностные торіи съ каждымъ днемъ тѣснѣе-и-тѣснѣе группировались вокругъ Іакова, забывая его преданность къ католицизму и видя въ немъ только представителя и наследника монархіи. Но вокругъ Галифакса образовалась третья партія, вооружавшаяся противъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, требовавшая созванія парламента и пророчившая Англіи большія бѣды, если она пойдетъ не по этой дорогѣ. Карль все медлилъ и откладывалъ. Горячимъ торіямъ обѣщалъ онъ непоколебимо и неуклонно поддерживать право своего брата, умѣреннымъ—уважать конституцію страны, церкви—твердо стоять за протестантизмъ. Смущенный, утомленный, онъ только на то и употреблялъ все свое искусство и благоразуміе, чтобъ какъ-нибудь избѣжать необходимости выбора

между тѣми или другими обѣщаніями. Онъ умеръ прежде, нежели событія довели его до этой необходимости; но на рубежѣ земной жизни, на порогѣ вѣчности, заботы умирающаго челоѣка взяли верхъ надъ предосторожностями короля: онъ не послушался англиканскихъ епископовъ, позвалъ бенедиктинскаго монаха, спрятаннаго въ его дворецъ, и умеръ въ лоно католической церкви, подтвердивъ такимъ-образомъ въ послѣдній часъ своей тѣ подозрѣнія, отъ которыхъ онъ постоянно отрекался, и усиливъ въ своемъ братѣ рѣшимость жить въ послушаніи той церкви, въ которой не осмѣлился умереть даже Карль, при всемъ своемъ скептическомъ равнодушіи.

У Іакова II не было иной мысли въ-теченіе четырехлѣтняго царствованія. Онъ присвоивалъ себѣ безусловную власть не вслѣдствіе какого-нибудь пылкаго честолюбія, не по увлеченію сильной, властительной натуры, а только изъ фанатизма, неразумнаго и упрямаго. Непогрѣшительность и независимость верховной власти — этотъ принципъ, на которомъ держится устройство римской церкви, былъ для него столько же правиломъ политики, сколько религиознымъ убѣжденіемъ. Порядокъ духовный и порядокъ свѣтскій смутно сливались въ его узкомъ и неповоротливомъ умѣ, и онъ считалъ себя въ-правѣ, какъ государь, требовать отъ своихъ подданныхъ въ государствѣ того же безусловнаго повиновенія, какому онъ былъ обязанъ подчиниться въ церкви, какъ католикъ.

Съ дѣтства онъ видѣлъ, какъ жестоко притѣсняли его за вѣру, а также и всѣхъ тѣхъ, кто раздѣлялъ съ нимъ его вѣру. Сдѣлавшись королемъ, онъ сталъ смотрѣть на освобожденіе католической церкви, какъ на свою обязанность и призваніе, и рѣшился возвратитъ ей господство, ибо не понималъ, какъ иначе можно было совершить это освобожденіе.

Грустное сдѣленіе заблужденій и незаконій челоѣческихъ! Они накликаются и порождаются одно другимъ. Въмѣсто того, чтобъ признавать и уважать взаимно свои права, протестанты и католики умѣли только преслѣдовать и поработать поочередно другъ друга.

Въ дѣйствительной ли надеждѣ на успѣхъ, или ради того, чтобъ оградить себя на будущее время отъ всякаго упрека,

Иаковъ попробовалъ сначала управлять легально. Въ самый день вступленія своего на престолъ онъ далъ обѣщаніе хранить установленные законы въ церкви и государствѣ. Вскорѣ послѣ того онъ созвалъ парламентъ и въ немъ торжественно возобновилъ свои обѣщанія.

Нѣсколько важныхъ, хотя и ни съ чѣмъ несвязанныхъ дѣйствій не замедлили показать ихъ лживость. Онъ не прекратилъ собиранія налоговъ, неутвержденныхъ парламентомъ. Усиливъ строгости противъ диссидентовъ, въ угоду англиканской церкви, онъ въ то же время началъ останавливать исполненіе законовъ противъ католиковъ и наносить сильныя оскорбленія гражданскимъ и церковнымъ формамъ государственнаго устройства.

Языкъ его былъ еще непріятнѣе, чѣмъ самыя дѣйствія. Безпрерывно твердя о законности своихъ намѣреній, онъ въ то же время постоянно выказывалъ свое право на безусловную власть и свою рѣшимость воспользоваться имъ, если не стѣснятъ оцѣнить его умѣренность и удовольствоваться ею.

Таковы вѣчныя притязанія англійскаго короля и народа: и тотъ и другой — одинъ во имя божественнаго права, другой во имя народной верховности — всегда хотятъ запугать другъ друга, напередъ указывая тѣ смертельныя удары, какіе они могли бы нанести другъ другу: притязанія безумныя и надменные, которыя расслабляютъ и потрясаютъ или правительство, или свободу страны. И государямъ, и народамъ, одинаково слѣдовало предъявлять въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ только законныя свои права, а тайнства и грозу насильственныхъ мѣръ и революцій хранить въ глубокомъ молчаніи.

Обѣщанія Иакова и попытки легальнаго правленія съ его стороны были приняты народомъ благосклонно, почти съ восторгомъ. Чѣмъ живѣе опасенія, тѣмъ податливѣе надежды. Въ парламентѣ господствовали торіи. Англиканская церковь силилась удержать короля въ обязательствахъ, которыя онъ принялъ относительно ея, показывая болѣе-и-болѣе свой монархизмъ и преданность. Диссиденты предвидѣли вѣроятность терпимости и свободы. Добрыя и недобрыя наклонности, честныя и нечестныя побужденія — все обѣщало королю терпѣливую, почти рабскую покорность страны. При дворѣ и въ

парламентѣ наиболѣе-важные люди, скептическіе и развращенные, готовы были жертвовать своему благосостоянію убѣжденіями своими и честью. Въ народѣ глубокое чувство усталости присоединялось къ монархическому духу и церковной дисциплинѣ и задерживало взрывъ недовольства и опасеній. Иаковъ былъ уже немолодъ; его дочери, единственныя наследницы престола, были преданы протестантской вѣрѣ: гораздо же лучше было потерпѣть нѣсколько времени бѣдствія, которыхъ конецъ былъ вѣрнѣе, чѣмъ отваживаться на новыя революціи.

Горячія партіи, заговорщики по ремеслу, отчаянные честолюбцы, изгнанники, бѣжавшіе въ Голландію, не имѣли ни такой готовности предаться волѣ Божіей, ни такой терпѣливости. Несмотря на совѣты принца оранскаго, покровительствовавшего имъ и въ то же время сдерживавшаго ихъ, они сдѣлали одновременно двѣ попытки возстанія, подъ руководствомъ графа Арджайля и герцога Монмута. На народъ эти возстанія произвели сильное впечатлѣніе: во всѣхъ слояхъ народа быстро распространилось явное сочувствіе къ инсургентамъ; но оно не выказалось ничѣмъ на дѣлѣ. Партія виговъ не стала поддерживать мятежа; партія торіевъ сильно помогала королю въ усмиреніи его. Обѣ попытки рушились: головы обоихъ вождей пали на эшафотѣ: ихъ участь возбудила состраданіе въ обществѣ; ихъ личности и виды не отвѣтили національному чувству.

Но кажущійся успѣхъ гибеленъ для государей слабыхъ, вступающихъ въ борьбу съ своимъ народомъ. Побѣдивъ своихъ враговъ и видя покорность подданныхъ, Иаковъ предался вполнѣ порокамъ своей натуры. Ему нравилось грубое, даже жестокое употребленіе власти. Въ Джеффризѣ онъ нашелъ смѣлаго, циническаго слугу своему мщенію. Судебныя строгости, оказанныя приверженцамъ Арджайля и Монмута, съ грубымъ презрѣніемъ законныхъ гарантій и человѣческихъ чувствъ, возбудили глубокое негодованіе и отвращеніе въ публикѣ высшей и низшей, одобрявшей и неодобрявшей возстаніе. Въ то же время Иаковъ далъ полный ходъ всѣмъ своимъ прежнимъ намѣреніямъ: онъ напалъ разомъ и на англиканскую церковь въ самыхъ жизненныхъ ея правахъ, и на вѣр-

нѣйшихъ своихъ слугъ между протестантами въ самой глубинѣ ихъ совѣсти. Университеты оксфордскій и кембриджскій получили приказаніе ставить католиковъ начальниками протестантскихъ заведеній. Рочестеръ услышалъ изъ устъ короля объявленіе, что онъ потеряетъ всѣ свои мѣста, если не сдѣлается католикомъ. Среди самой католической партіи такія явно-незаконныя и крайнія угрозы встрѣчали неодобреніе; два кружка, изъ которыхъ одинъ отличался честностью и благоразуміемъ, а другой держался на страстяхъ и интригахъ, оспаривали другъ у друга вліяніе надъ королемъ и ежедневно указывали ему, чтобъ остановить или подстрекнуть его, одни — опасность, которую онъ себѣ готовилъ, другіе — цѣль, которая составляла предметъ его желаній. Іаковъ нашелъ все, что нужно было, чтобъ образумить его: вѣрность и долготерпѣніе со стороны протестантовъ, умѣренность и мудрые совѣты со стороны самихъ католиковъ. Ничто не устояло противъ его слѣпота, закоснѣлаго упрямства. Онъ официально призвалъ въ свой совѣтъ одного іезуита, патера Петера, а англиканскому духовенству приказалъ прочесть во всѣхъ церквахъ королевства объявленіе, которымъ онъ, въ силу одной своей власти, окончательно уничтожалъ статуты, изданные парламентомъ противъ диссидентовъ и католиковъ. Архіепископъ кентербѣрійскій и шесть епископовъ отказались исполнить это повелѣніе и представили королю прошеніе. Онъ приказалъ ихъ арестовать, заключить въ Тоуэръ и преслѣдовать королевскимъ судомъ, какъ сочинителей возмутительнаго памфлета.

Въ то же самое время совершенно-неожиданно и среди подозрѣній всей Англіи, неосновательныхъ, но естественныхъ, у короля Іакова родился сынъ: господствующій кружокъ громко изъявилъ свою радость, предполагая, что онъ будетъ воспринимать сына и господствовать надъ нимъ такъ же, какъ надъ отцомъ, и правленіе, которое до-сихъ-поръ терпѣли, рассчитывая на скорое его окончаніе, съ этой минуты стало безконечной перспективой въ будущемъ.

Безпорядковъ не вышло; народъ не тронулся; но вожди его измѣнили свои намѣренія. Англиканская церковь, доведенная до крайности, вступила въ страдательное сопротивленіе;

политическія партіи сдѣлали шагъ болѣе-рѣшительный; его сдѣлали и виги, и торіи. Опытъ научилъ виговъ, что одни они были не въ-состояніи ни связать народъ во едино, ни основать правленіе; всѣ ихъ заговоры, всѣ ихъ кабинеты пали: Они имѣли рѣдкое благоразуміе сознать, что ихъ однихъ недостаточно для ихъ цѣлей и что успѣхъ для нихъ можетъ быть обезпеченъ только тѣснымъ соединеніемъ ихъ съ ихъ старинными противниками. Съ своей стороны, торіи поняли, что у всякаго принципа есть свои предѣлы, у всякаго обязательства—свои условія, у всякаго долга—взаимность. Сорокъ лѣтъ поддерживали они правило: не противиться коронѣ, и хранили самую добросовѣстную вѣрность къ своимъ государямъ. Когда ихъ вызвали на новое испытаніе, они поняли, что отечество ихъ также имѣетъ право найти въ нихъ вѣрность, и что они не обязаны рабски предавать безразсудному властителю свою свободу и вѣру, чтобъ быть послѣдовательными въ своемъ словѣ. Значительные люди обѣихъ партій, имена знаменитыя — Россель, Сидней и Кэвэндишъ, Дэнби, Шрьюсбѣри и Лумлей — сговорились и соединились. Глава третьей партіи, Галифаксъ, косвенно-спрошенный ими, отклонилъ отъ себя всякое дѣятельное участіе въ ихъ замыслѣ, но не отговаривалъ ихъ отъ него. И 30 іюня 1688 года, въ ту самую минуту, когда торжественное оправданіе семи епископовъ наполнило всю Англію кликами восторженной радости, адмиралъ Гербертъ, переодѣтый матросомъ, отправился въ Голландію, неся принцу оранскому, отъ лица этихъ шести вождей двухъ партій и за подписью ихъ, а также за подписью лондонскаго епископа Комптона, формальное приглашеніе придти на помощь вѣрѣ и законамъ Англіи, и обѣщаніе съ ихъ стороны поддерживать его всей ихъ силой, не взирая ни на какую опасность.

Вильгельмъ этого только и ждалъ. «Или теперь, или никогда» сказалъ онъ своему другу Дайквелту, услышавъ о процессѣ, начатомъ противъ епископовъ, и о ихъ сопротивленіи. Лишь-только получилъ онъ посланіе изъ Англіи, какъ тотчасъ же объявилъ о своемъ намѣреніи и началъ готовиться къ нему публично, съ умнымъ и отважнымъ смѣшеніемъ откровенности и скрытности. Онъ шелъ не затѣмъ,

говорилъ онъ, чтобъ завоевать королевство и присвоить себѣ чужую корону; онъ шелъ по просьбѣ самихъ англичанъ, чтобъ стать посредникомъ между ними и ихъ королемъ и оказать покровительство законамъ Англiи и протестантской вѣрѣ, которымъ грозитъ опасность. Онъ подвергъ свое предпріятіе обсужденію генеральныхъ штатовъ Голландiи, требуя ихъ согласія и поддержки. Онъ извѣстилъ о немъ не только протестантскихъ государей, но также германскаго императора и испанскаго короля, защищавшаго съ одними протестантизмомъ, съ другими—европейское равновѣсіе. Никогда подобное предпріятіе не было до такой степени напередъ разглашено, обсуждено, объяснено, оправдано. Вся Европа узнала и поняла. Заговоръ и честолюбіе личное исчезли въ великости дѣла и событія. И менѣе, чѣмъ черезъ четыре мѣсяца послѣ полученія виго-торійскаго посланія, Вильгельмъ уже ѣхалъ въ Англiю въ челѣ эскадры и арміи, напутствуемый тайнымъ сочувствіемъ и добрыми желаніями почти всѣхъ государей протестантскихъ и католическихъ, и самого папы, Иннокентія XI, которому высококомѣрное поведение Лудовика XIV внушало сильную досаду, а безразсудная отважность Иакова II — глубокое презрѣніе.

Одинъ Иаковъ не понималъ ничего и ничему не повѣрилъ. Напрасно слалъ ему Лудовикъ XIV самыя точныя свѣдѣнія и предлагалъ дѣятельную помощь; напрасно его собственные агенты въ Гагѣ и Парижѣ представляли ему отчеты обо всѣхъ приготовленіяхъ, обо всѣхъ успѣхахъ предпріятія: онъ не принималъ никакихъ предложеній, никакихъ вразумленій. Въ немъ еще оставалось на столько гордости англичанина и короля, чтобъ не хотѣть явной поддержки отъ солдата иностраннаго государя, отъ котораго онъ не краснѣя принималъ тайныя даянія; въ то же время въ глубинѣ души его таился страхъ и, въ предчувствіи своего безсилія, онъ отталкивалъ отъ себя мысль объ опасности. Это предчувствіе не обманывало его. Между высадкой Вильгельма въ Англiю и его торжественнымъ вступленіемъ въ Лондонъ протекло болѣе шести недѣль; онъ подвигался медленно, ожидая встрѣтить столько же противниковъ, сколько приверженцевъ. Противниковъ не оказалось нигдѣ. Не было ни одной попытки стать за Иакова;

за него не пролилось ни одной капли крови. Столько же убитый опасностью, сколько прежде упрямившійся ее предвидѣть, онъ попробовалъ выиграть слабостью то, что проигралъ дерзостью: взявъ назадъ все, что было имъ сдѣлано, согласился на все, въ чемъ отказывалъ, возвратилъ хартии городамъ, привилегіи университетамъ, милости епископамъ, удалилъ изъ совѣта патера Петера и постарался войти въ переговоры съ Вильгельмомъ. Но теперь эта слабость вышла такъ же бесполезна, какъ безсильно было прежде высококомѣріе. Запершись въ своемъ дворцѣ, Иаковъ каждый день узнавалъ о какой-нибудь новой измѣнѣ своихъ генераловъ, своихъ министровъ. Дочь его, принцесса Анна, ушла и присоединилась къ принцу. Уайт-гальмъ становился пустыней и былъ въ опасности скоро стать тюрьмой. Иаковъ бѣжалъ также. Его узнали, и несмысленная чернь привела его назадъ въ Лондонъ. Проведя еще нѣсколько дней въ безплодныхъ тревогахъ, онъ бѣжалъ снова и навсегда. Не прошло трехъ часовъ послѣ его удаленія изъ Лондона, какъ уже шесть англійскихъ и шотландскихъ полковъ вступали въ этотъ городъ, съ распущенными знаменами, именовъ принца оранскаго. Самъ Вильгельмъ, нелюбившій наружныхъ знаковъ торжества, а столько же и по разсчету, прибылъ въ сент-джемскій дворецъ вечеромъ. Это было 18 декабря 1688 года; а черезъ пять недѣль, 22 января 1689, въ Вестминстерѣ собрался экстраординарный парламентъ, созданный подъ именовъ конвенціи, чтобъ дать сдѣланному перевороту санкцію закона и привести его въ надлежащій порядокъ.

Тутъ начали выходить наружу несогласія, которыя до-тѣхъ-поръ сдерживала общая опасность, между партіями и въ самой средѣ партій. Между торіями снова проснулись всѣ монархическія предубѣжденія; между вигами появились вновь всѣ искушенія революцій. Наболѣе-робкіе изъ торіевъ говорили, что благоразумно было бы призвать опять короля Иакова, обвязавъ его извѣстными гарантіями; наболѣе-пылкіе изъ виговъ толковали объ основаніи республики, управляемой государственнымъ совѣтомъ, въ которомъ принцъ оранскій былъ бы президентомъ. Между этими крайними мнѣніями колебались разныя мнѣнія умѣренныя, болѣе или менѣе смут-

ныи. Многіе изъ виговъ, наклонные къ монархизму, но еще пропитанные правилами республиканскаго долгаго-парламента, хотѣли, чтобъ король Іаковъ былъ низложенъ формально и чтобъ корона была предложена Вильгельму только тогда, когда верховными законами будетъ организована республика въ монархію. Съ своей стороны, торіи, преданные церкви, требовали, чтобъ, объявляя короля Іакова неспособнымъ къ управленію, не трогали самыхъ основаній монархіи и ограничились бы учрежденіемъ регентства. Другіе, болѣе-смѣлые, но до тонкости доводившіе щекотливость въ своихъ монархическихкихъ принципахъ, признавали, вмѣстѣ съ вигами, что Іаковъ самымъ поведеніемъ и бѣгствомъ своимъ отрекся отъ правленія; но они утверждали, что, вслѣдствіе того же факта, престолъ, который не можетъ быть вакантнымъ ни одного дня, принадлежитъ по праву старшей его дочери, принцессѣ Маріи, и что ничего ненужно болѣе дѣлать, какъ только объявить ее королевой. По мѣрѣ того, какъ высказывались эти различные планы, они были горячо объясняемы, комментируемы, обсуживаемы какъ въ публикѣ, такъ и въ обѣихъ палатахъ. Умы разгорячались, партіи обрисовывались, честолюбцы поднимали знамя, кто въ какомъ надѣялся найти свое счастье; возникало разъединеніе между лордами и между депутатами. Революція, едва-произведенная, уже находилась въ опасности.

Но тотъ же великій политическій смыслъ, который собралъ воедино вождей различныхъ партій въ эпоху возстанія, руководилъ и первыми ихъ шагами въ управленіи. Они отстранили всякія безусловныя теоріи, всякіе бесполезные на практикѣ вопросы; ограничили дѣйствія и опредѣленія, которыми должна была основаться новая власть, только тѣмъ, что было дѣйствительно необходимо, чтобъ дать ей прочное основаніе, и хлопотали только о томъ, чтобъ поскорѣе придти къ заключенію и съ этимъ заключеніемъ связать важнѣйшіе интересы страны. Вильгельмъ помогъ благоразумію вождей партій сначала осторожностью, потомъ твердостью. Онъ далъ полную свободу высказываться всякимъ системамъ, всякимъ проектамъ, не изъясняя ни неудовольствія, ни своего желанія, и держалъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ преній. Но когда

онъ почувствовалъ, что кризисъ приближается, онъ собралъ значительныхъ людей обѣихъ палатъ и объявилъ имъ, въ выраженіяхъ простыхъ, краткихъ, недопускающихъ возраженій, что онъ глубоко уважаетъ права и свободу парламента, но что и у него есть также свое право и свобода, и что онъ никогда не приметъ ни обрѣзанной власти, ни престола, на которомъ его жена будетъ сидѣть выше его. Шагъ былъ рѣшительный: палаты согласились между собою; принята была декларация, которая въ одно и то же время объявляла престолъ вакантнымъ, провозглашала существенныя права англійскаго народа и возводила Вильгельма и Марію, принца и принцессу оранскихъ, на престолъ Англій; и 13 февраля 1689 во всѣхъ главнѣйшихъ частяхъ Лондона встрѣчено было радостными кликами народа официальное объявленіе парламентскаго акта.

Благо народамъ, которые въ критическіе дни своего существованія понимаютъ совѣты, подаваемые имъ провидѣніемъ въ событіяхъ ихъ жизни, и исполняютъ ихъ на самомъ дѣлѣ, какъ повинувшись, такъ и дѣйствуя. Въ первыхъ своихъ искушеніяхъ Англія узнала, что революція сама-по-себѣ уже есть безпорядокъ, страшный и безъизвѣстный, которымъ общество повергается въ великія бѣдствія, великія опасности, великія злодѣянія, до котораго благоразумный народъ можетъ быть иногда доведенъ необходимостью, но котораго онъ долженъ страшиться и избѣгать до послѣдней минуты безусловной необходимости. Въ новыхъ своихъ искушеніяхъ Англія вспомнила это. Она много перенесла, она долго крѣпилась, чтобъ избѣжать новой революціи, и отдалась ей только при послѣдней крайности, когда уже не видѣла передъ собой никакого другаго средства спасти свою вѣру, свои права, свою честь. Въ томъ-то и состоитъ слава революціи 1688 года, что она была дѣйствіемъ чистой обороны, и обороны вынужденной: въ этомъ первая причина ея успѣха.

Оборонительная по принципу, эта революція была въ то же время точна и опредѣлительна въ своихъ цѣляхъ. Въ эпохи великихъ общественныхъ потрясеній иногда овлаждаетъ людьми всеобщая лихорадка честолюбія, неудержимая, незнающая ничего святаго; они начинаютъ считать себя въ-правѣ и въ-состояніи налагать руки на все и весь міръ пере-

дѣлывать на свой ладъ. Ничего нѣтъ безумнѣе и суетнѣе заносчивости твари, которая, считая за хаосъ эту великую систему, гдѣ ей указано свое мѣсто, тинется на мѣсто творца, и только-что вноситъ беспорядочность собственныхъ своихъ грѣзъ во все, къ чему ни прикоснется. Англія въ 1688 г. не впадала въ это заблужденіе; она не вызывалась измѣнять основы общественной жизни и судьбы человѣчества; она отстаивала извѣстную вѣру, извѣстные законы, положительныя права, и этимъ ограничивались всѣ ея притязанія и помышленія. Она произвела революцію гордую и въ то же время скромную, которая дала народу новыхъ вождей и новыя гарантіи, по которой, какъ-скоро эта цѣль была достигнута, сочла себя удовлетворенною и остановилась, не желая чего-нибудь меньшаго, но не имѣя притязаній и на большее.

Эта революція была произведена не возмущеніями народными, а организованными политическими партіями, и притомъ организованными задолго до революціи, въ видахъ благоустроеннаго правленія, а не въ революціонномъ духѣ. И партія тори, и самая партія виговъ, несмотря на примѣшанные къ ней революціонные элементы, образовались не для того, чтобъ испровергать установленный порядокъ: это были партіи легальнаго правленія, а не партіи заговора и возстанія. Онѣ были доведены до того, что измѣнили государственное правленіе; онѣ родились не для этой цѣли и безъ труда возвратились къ порядку, вышедши изъ него на минутку, не по привычкѣ, не по наклонности, а по необходимости.

Притомъ и заслуга и тяжесть революціи пали не на одну которую-нибудь изъ этихъ партій, издавна-противоположныхъ между собою: онѣ сблизились и сговорились вмѣстѣ, чтобъ произвести ее. Это было между ними дѣломъ взаимнаго соглашенія и общей нужды; тутъ не было ни побѣды, ни пораженія. Виги и тори съ различными чувствами смотрѣли на приближеніе революціи и встрѣтили ее; приняли революцію и участвовали въ ней всѣ одинаково.

Часто говорилось во Франціи, и даже въ Англіи, что революція 1688 г. была дѣломъ въ сущности аристократическимъ, ненароднымъ, совершившимся по соображеніямъ высшихъ

сословій и въ ихъ пользу, а не вслѣдствіе побужденія цѣлой націи и для ея блага.

Замѣчательный и нерѣдкій примѣръ запутанности мыслей и забвенія фактовъ, которыми такъ часто руководствуются при оцѣнкѣ великихъ событій!

Революція 1688 г. сдѣлала въ области политики два самыя популярныя дѣла, какія только знаетъ исторія: съ одной стороны, она провозгласила и обезпечила личныя и всеобщія права простыхъ гражданъ, съ другой — дѣятельное и рѣшительное участіе народа въ своемъ правленіи. Тутъ все, что нужно для демократіи и чего она имѣетъ право требовать. Всякая демократія, незнающая этого, не понимаетъ главнѣйшихъ своихъ интересовъ и не стужетъ ни основать правленія, ни охранить своихъ собственныхъ льготъ.

Съ нравственной стороны, революція 1688 г. имѣла еще болѣе популярный характеръ: она была совершена во имя религиозныхъ убѣжденій народа и ихъ силою совершена для ихъ обезпеченія и господства. Никогда, ни въ одной странѣ вѣра массъ не оказывала такого вліянія на судьбу ихъ правленія.

Народная по принципамъ и результатамъ, революція 1688 г. была аристократическою по исполненію; она была зачата, приготовлена и приведена къ концу людьми знатными, вѣрными представителями интересовъ и чувствованій націи. Англія имѣла то рѣдкое счастье, что въ ней установились и никогда не прекращались сильныя и тѣсныя связи между различными классами общества. Тамъ аристократія и демократія умѣли жить и процвѣтать вмѣстѣ, поддерживая и ограничивая себя взаимно. Вожди не отдалялись отъ народа, и народъ никогда не имѣлъ недостатка въ вождяхъ. Особенно въ 1688 г. воспользовалась англійская нація плодами этого счастливаго смѣшенія іерархіи и гармоніи въ общественномъ порядкѣ. Она доведена была до страшной необходимости произвести революцію, чтобъ спасти свою вѣру, свои законы, свою свободу; она произвела ее чрезъ друзей порядка и благоустройства, а не чрезъ революціонеровъ. Какія вліянія начали дѣло, тѣ же самыя и удержали его въ надлежащихъ границахъ и дали ему твердыя основанія. Дѣло англійскаго народа восторжествовало чрезъ англійскую аристократію — вотъ въ

чемъ заключался великій характеръ революціи 1688 года, вотъ гдѣ былъ съ первыхъ шаговъ ея залогъ ея будущности.

Все это единство и сила были далеко — нелишними, ибо таковъ природный порокъ всѣхъ революцій, что и самая необходимая изъ нихъ, самая законная, самая сильная, повергаетъ спасаемое ею общество въ великія смуты и долгое время остается сама въ положеніи шаткомъ и опасномъ. Не прошло трехъ лѣтъ, и уже спаситель Англій, король Вильгельмъ, сталъ въ ней глубоко-непопуляренъ. Его простое и въ то же время надменное обращеніе, его холодная молчаливость, его нерасположеніе къ правамъ англійской аристократіи, котораго онъ не старался скрывать, его исключительная близость съ нѣсколькими старыми голландскими друзьями и расточаемыя имъ милости — все въ немъ дѣлало его чуждымъ и неприятнымъ посреди его новаго народа. Онъ былъ гораздо-просвѣщеннѣе англичанъ въ дѣлѣ гражданской и религіозной свободы и чувствовалъ мало охоты сдѣлаться орудіемъ строгостей епископальной нетерпимости и непризнанныхъ отношеній аристократической партіи. Онъ мало смотрѣлъ на требованія конституціоннаго правленія, плохо понималъ игру парламентскихъ партій, еще смутныхъ и едва-образовавшихся, былъ неприятно поражаемъ ихъ эгоизмомъ, завистливо глядѣлъ на ихъ вліяніе и защищалъ противъ нихъ свою собственную власть иногда слишкомъ-энергически и неразборчиво. Какъ въ мысляхъ, такъ и въ управленіи его, главнымъ, почти единственнымъ дѣломъ была обще-европейская политика. Онъ для того въ-особенности и домогался англійскаго престола, чтобъ располагать всѣми силами государства противъ европейскаго владычества Людовика XIV; съ его планами согласовались протестантскія страсти англійскаго народа. Однакожъ Вильгельмъ вовлекъ Англію въ соображенія и войны континента гораздо-далѣе, нежели сколько это было сообразно съ привычками, наклонностями и интересами націи. Нація устала глядѣть, какъ ее запутывалъ въ отдаленные планы и опасности тотъ самый государь, котораго она призвала для того, чтобъ онъ избавилъ ее отъ опасностей внутреннихъ; а Вильгельмъ, съ своей стороны, негодовалъ, найдя въ этомъ самомъ народѣ, въ этихъ самыхъ партіяхъ, освобожденныхъ имъ на ихъ собствен-

ной почвѣ, такъ мало преданности и рвенія къ великому дѣлу, съ которымъ, по его понятіямъ, такъ очевидно связаны были ихъ безопасность и ихъ свобода. Отъ этого рождались между королемъ и парламентомъ разныя недоразумѣнія, упреки, столкновенія, смущавшія и колебавшія новое правительство. Вильгельмъ зналъ свою силу и пользовался ею гордо; онъ даже говорилъ тогда, что, если его не будутъ понимать и поддерживать лучше, то онъ очень можетъ отречься отъ престола и удалиться въ Голландію. Когда дѣло доходило до видимой опасности, тогда парламентъ, партіи, церковь, народъ чувствовали, до какой степени былъ необходимъ для нихъ Вильгельмъ, и окружали его живѣйшими демонстраціями. Но вскорѣ взаимное раздраженіе возникало снова; партіи возвращались къ своему соперничеству, народъ — къ своимъ предразсудкамъ и невѣжеству, король — къ своей европейской политикѣ, къ своимъ воинственнымъ требованіямъ, къ своей властолюбивой обидчивости. Въ якобитахъ снова явилась надежда: побитые въ Ирландіи и Шотландіи, открытые и осужденные на казнь въ Англій, они, невзирая на то, постоянно дѣлали новыя попытки междоусобной войны и заговоровъ. Въ самомъ министерствѣ Вильгельма, у короля Іакова были корреспонденты, которые берегли этотъ шансъ для будущаго. Учрежденіе 1688 года было безпрестанно осаждаемо и колебалось во все продолженіе этого царствованія, несмотря на легкій успѣхъ революціи, на твердый геній короля и на искреннюю приверженность народа.

При королевѣ Аннѣ продолжало существовать то же зло. Виги и тори, болѣе-и-болѣе разъединяясь, съ ожесточеніемъ оспаривали власть другъ у друга. Въ европейской борьбѣ за испанское наслѣдство, сначала обѣ партіи равномѣрно продолжали политику вмѣшательства и континентальной войны, начатую Вильгельмомъ. Увлечшись рутинной и успѣхомъ, виги хотѣли воевать, не зная ни мѣры, ни предѣловъ необходимости. Тори стали на сторонѣ мира. Этого желала Англія; королева Анна благопріятствовала имъ. Утрехтскимъ договоромъ положили они конецъ натянутому и шаткому состоянію Европы. Но тори были слишкомъ-близки къ якобитамъ; несмотря на вѣрность протестантизму королевы Анны, въ серд-

цѣ ея проснулись семейныя чувства; внутреннія интриги при-
мѣшались къ путаницѣ виѣшнихъ отношеній: изгнанные Стюар-
ты снова могли ожидать для себя успѣха; учрежденіе 1688 г.
снова становилось сомнительнымъ вопросомъ. Но смерть ко-
ролевы Анны и мирное вступленіе на престолъ ганноверскаго
дома поддержали это учрежденіе. Въ царствованіе Георга I
и Георга II, умы приняли другое направленіе: виѣшняя по-
литика перестала быть для нихъ главнымъ дѣломъ; админи-
страція внутренняя, охраненіе мира, вопросы финансовыя,
колоніальныя, коммерческія, развитіе и борьбы парламентскаго
правленія сдѣлались господствующею мыслію правительства
и публики. Однакожь вопросъ революціи и династіи не былъ
исчерпанъ; англійскій народъ не чувствовалъ никакого распо-
ложенія къ королямъ — нѣмцамъ, которые не говорили его
языкомъ, скучали съ нимъ жить, съ жадностью хватались за
всякій предлогъ удалиться отъ него въ свое старое маленькое
государство, и безпрестанно впутывали его въ свои конти-
нентальныя дѣла, неважныя для него и непривлекательныя.
Домашнія ссоры королевскаго семейства, грубо-развращен-
ныя нравы двора были противны народу; непостоянное вла-
дичество, себялюбивое соперничество, искусственныя страсти,
преувеличенія и интриги парламентскихъ партій оскорбляли
его честность и здравый смыслъ. Въ Шотландіи, въ Ирлан-
діи, въ самой Англій, то-и-дѣло возникали якобитскіе заго-
воры и возстанія, всякій разъ подавляемые, но всегда нахо-
дившіе горячихъ приверженцевъ и уже невозбуждавшіе въ
народѣ ни сильнаго страха, ни антипатіи. Среди этихъ не-
прерывныхъ нападеній на установленный порядокъ, повсюду
распространялось равнодушіе, лѣнь, духъ критики и не любви
къ правительству. Казалось, общество хотѣло совершенно
отдѣлиться отъ власти, о которой оно уже перестало думать.
Черезъ пятьдесятъ—семь лѣтъ послѣ національнаго движенія,
которое вознесло Вильгельма III на престолъ, внукъ Іакова II,
во главѣ горныхъ шотландцевъ могъ почти безъ сопротив-
ленія проникнуть до сердца Англій, и уже слышался по-
всюду вопросъ: не войдетъ ли онъ черезъ нѣсколько дней
такъ же легко въ самый Лондонъ, какъ вошелъ въ него Виль-
гельмъ, выгнавъ оттуда его дѣда?

По Англій и ея правленіе не зависѣли отъ какого-нибудь
народнаго каприза, отъ измѣны какихъ-нибудь полковъ, отъ
выходки какихъ-нибудь мятежниковъ. Тѣ же общественныя
силы, которыми произведена была революція въ 1688 г., защи-
тили и спасли основанное ею правленіе въ 1745. Какъ-только
дошло дѣло до явной опасности, враги этого правленія встрѣ-
тили противъ себя сильно-организованныя аристократическія
партіи, здравомыслящую и небезпорядочную демократію, вѣ-
рующію христіанскій народъ. Съ этимъ дѣломъ связали свою
честь и политическое положеніе вожди виговъ и многіе изъ
вождей тори. Партіи были вѣрны вождямъ. Средніе классы
забыли о своихъ взаимныхъ счетахъ и неудовольствіяхъ и
обратили все свое вниманіе къ существеннымъ интересамъ
страны и къ собственнымъ своимъ интересамъ. Церковь и дис-
сиденты оказались одушевленными одинаковою преданностью.
Передъ такимъ разумнымъ соединеніемъ аристократіи и на-
рода, духа политическаго и духа религіознаго, успѣхъ яко-
битской партіи исчезъ также быстро, какъ и возникъ. Вели-
чайшая опасность, которой подвергалась новая англійская мо-
нархія, была въ то же время и послѣднею для нея. Съ-тѣхъ-
поръ развѣ только какіе-нибудь тайныя планы, какія-нибудь
попытки, мгновенно-разрушавшіяся, еще давали знать о су-
ществованіи ея враговъ. Семьдесятъ лѣтъ трудныхъ, болѣз-
ненныхъ испытаній нужно было для правленія, учрежденнаго
въ 1688 году, чтобъ преодолѣть естественныя пороки всякой
революціи, возвратить обществу миръ и стать безспорнымъ
правленіемъ. Въ 1760 году, когда Георгъ III вступилъ на
престолъ, дѣло было совершено — я изложилъ, какими сред-
ствами и какой цѣной.

На шестнадцатомъ году царствованія Георга III, въ 1400
миляхъ отъ его столицы, слишкомъ два милліона его поддан-
ныхъ разорвали связь съ его престоломъ, провозгласили свою
независимость и рѣшили основать республику Соединен-
ныхъ Штатовъ Америки. Семилѣтней борьбы достаточно было,
чтобъ принудить Англійю признать эту независимость и
обращаться съ этимъ государствомъ какъ съ равнымъ.
Съ той поры прошло шестьдесятъ—семь лѣтъ, и Соединен-
ные Штаты, безъ особенныхъ усилій, безъ чрезвычайныхъ

пронсшествій, однимъ развитіемъ своихъ учрежденій и мирнаго благосостоянія, заняли блистательное мѣсто среди великихъ націй. Еще никогда такое быстрое величіе не покупалось такъ дешево вначалѣ и не было такъ мало смущаемо послѣдствіи.

Не одной отдаленности всякаго сильнаго соперника, не одной огромности открытыхъ передъ ними пространствъ одолжены Американскіе Штаты этимъ рѣдкимъ счастіемъ: быстрому и безмятежному возрастанію ихъ величія способствовали также и другія причины, менѣе-случайныя и болѣе-нравственныя.

Они вступили въ жизнь подъ знаменемъ правоты и права. Революція, которою началась ихъ исторія, была и для нихъ также сначала дѣломъ обороны. Они требовали тѣхъ же гарантій и принциповъ, которые были написаны въ ихъ хартіяхъ, которыхъ требовалъ нѣкогда самъ англійскій парламентъ, теперь имъ отказывавшій въ нихъ, и которымъ онъ доставилъ торжество въ метрополіи съ гораздо-большими насиліями и безпорядками, чѣмъ какіе влекло за собою ихъ противленіе.

Правда, они и не замыслили революціи. Ихъ предпріятіе было, безъ сомнѣнія, велико и опасно; чтобъ завоевать независимость, они должны были выдержать войну противъ сильнаго непріятеля и основать центральное правленіе взамѣну отдаленной власти, которой иго хотѣли съ себя свергнуть. Но въ мѣстныхъ и ежедневныхъ своихъ учрежденіяхъ имъ ненужно было дѣлать никакой революціи: каждая колонія уже управлялась свободно въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и, становясь государствомъ, не имѣла надобности вносить большихъ перемѣнъ въ принципы и организацию государственныхъ властей. Ненужно было бояться, ненавидѣть, разрушать никакого стараго общественнаго порядка; привязанность къ старымъ законамъ и обычаямъ, любовь и уваженіе къ прошедшему были всеобщимъ чувствомъ; колониальное управленіе, подъ покровительствомъ далекой монархіи, безъ труда превратилось въ республику, связуемую федеральнымъ правленіемъ.

Нѣтъ правленія, которому бы въ болѣе-степени нужно было всеобщее и свободное согласіе, какъ республиканскому. Можно понять монархическое государство, основанное силою; и такіе примѣры бывали; но навязать народу насильно республику, учредить народное правленіе вопреки инстинкту и желанію народа — это совершенно несогласно съ здравымъ смысломъ и справедливостью. Англійскимъ колоніямъ въ Америкѣ ненужно было преодолевать этой трудности, чтобъ стать республикой Соединенныхъ-Штатовъ: онѣ были и безъ того республикой; принимая республиканское правленіе, онѣ только исполняли желаніе народа и не уничтожали, а развивали свое прежнее правленіе.

Порядокъ общественный потерпѣлъ также мало потрясеній, какъ и политическій порядокъ. Тутъ не было борьбы между разными сословіями, не было насильственнаго передвиженія вліяній. Хотя у англійской короны оставались приверженцы въ колоніяхъ, но на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы господствовалъ одинъ и тотъ же духъ, однѣ и тѣ же цѣли; мало того, самыми рѣшительными въ дѣлѣ завоеванія независимости и основанія новаго правленія оказались именно самыя богатые и значительныя фамиліи. Народъ шелъ за ними, и событіе совершилось подъ ихъ руководствомъ.

Не было революціи въ общественномъ порядкѣ, не было ея и въ умахъ. Безъ сомнѣнія, философскія идеи XVIII вѣка, съ своимъ нравственнымъ скептицизмомъ, съ своимъ религіознымъ невѣріемъ, проникли и въ Американскіе Соединенные Штаты; но онѣ не овладѣли совершенно тѣми умами, до которыхъ прикоснулись; онѣ не вкоренились въ нихъ съ своими основными положеніями и съ своими послѣдними выводами; серьезная нравственность и здравый практическій смыслъ старыхъ пуританъ удержались въ болѣе-части американцевъ, восхищавшихся французскими философами, и масса американскаго народонаселенія осталась глубоко-христіанскою, столько же привязанною къ своимъ догматамъ, сколько и къ свободѣ, послушною Богу и евангелію даже въ то время, когда она возставала противъ англійскаго короля и парламента, и въ борьбѣ за независимость руководимою той же самой вѣрой, которая привела ея предковъ въ эту землю,

чтобъ положить тутъ основанія, на которыхъ возвысилось новое государство.

Идеи и страсти, которыя въ настоящее время увлекаютъ и волнуютъ общества именемъ демократіи, очень распространены и имѣютъ большую силу въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; онѣ бродятъ въ нихъ со всѣми своими заразительными заблужденіями и разрушительными пороками; но до-сихъ-поръ онѣ были успѣшно сдерживаемы и очищаемы христіанскою вѣрой, превосходными политическими преданіями и твердою привычкою къ легальности, владоущею народонаселеніемъ. Въ то время, когда принципы анархіи смѣло развертываются на этой обширной сценѣ, тамъ продолжаютъ существовать прочныя, энергическіе принципы порядка и консерватизма въ обществѣ и въ самомъ человѣкѣ: ихъ присутствіе и вліяніе замѣтно вездѣ, даже въ нѣдрахъ той партіи, которая зоветъ себя по преимуществу демократической; онѣ умѣряютъ ее, охраняютъ въ ней порядокъ и часто, безъ ея вѣдома, спасаютъ ее отъ бурныхъ увлеченій. Эти-то хранительныя принципы бодрствовали при зачатіи американской революціи и доставили ей прочный успѣхъ. Дай Богъ, чтобъ они продолжали господствовать среди этого мощнаго народа въ той страшной борьбѣ, которую имъ теперь приходится вездѣ выдерживать, и чтобъ они всегда во-время отводили его отъ пропасти, къ которой онъ такъ близокъ!

Три великіе человѣка: Кромвель, Вильгельмъ III и Вашингтонъ, остаются въ исторіи, какъ вожди и представители этихъ могучихъ кризисовъ, которые опредѣлили судьбу двухъ великихъ націй. Можетъ-быть, по обширности и силѣ природныхъ дарованій, Кромвель изъ всѣхъ тронхъ занимаетъ первое мѣсто: онъ обладалъ умомъ удивительно-энергическимъ, твердымъ, правильнымъ, гибкимъ, изобрѣтательнымъ, и необычайной силой характера, котораго не пугали никакія препятствія, не утомляла никакая борьба, и который преслѣдовалъ свои цѣли съ жаромъ и терпѣніемъ равно-неистощимыми, стремился къ нимъ то самыми окольными, самыми медлительными путями, то самыми быстрыми и отважными. Онъ съ одинакимъ искусствомъ умѣлъ плѣнять людей

въ близкихъ съ нимъ личныхъ отношеніяхъ и повелѣвать ими, устроить армію или партію, и вести ее. Въ немъ былъ инстинктъ популярности и даръ авторитета, и онъ съ одинакой смѣлостью могъ укрощать партіи и спускать ихъ съ цѣпи. Но онъ родился въ нѣдрахъ революціи; его вознесъ къ верховной власти рядъ потрясеній: поэтому духъ его былъ и навсегда остался существенно-революционнымъ; онъ зналъ потребности порядка и правленія, но не умѣлъ ни уважать, ни исполнить ихъ нравственныхъ, вѣчныхъ законовъ. Было ли то въ немъ природнымъ недостаткомъ, или таково уже было его положеніе, но у него не было правильности и спокойствія въ употребленіи власти; какъ человѣкъ, вѣчно-осаждаемый гибельными опасностями, онъ съ-разу прибѣгалъ къ крайнимъ средствамъ и излишнею силою лекарствъ за-тягивалъ или усиливалъ недуги, которые хотѣлъ исцѣлить. Основать правленіе — дѣло, требующее приемовъ болѣе-правильныхъ и болѣе-сообразныхъ съ вѣчными законами нравственнаго порядка. Кромвель могъ подчинить себѣ революцію, которую онъ произвелъ, но не могъ дать ей прочнаго основанія. Вильгельмъ III и Вашингтонъ были, можетъ-быть, не такъ сильны, какъ онъ, природными дарованіями, но они успѣли въ предпріятіи, которое не удалось Кромвелю: они установили судьбу и основали правленіе своего отечества. Это произошло оттого, что и посреди революціи они никогда не принимали и не держались революціонной политики, никогда не искали и не имѣли этого роковаго положенія, гдѣ сначала анархическія насилія служатъ ступенями къ возвышенію, а потомъ насилія деспотизма являются необходимой опорой власти. Съ самыхъ первыхъ шаговъ они находились, или становились сами на правильной дорогѣ и въ прочныхъ условіяхъ правленія. Вильгельмъ былъ государь честолюбивый; ребячество—думать, что до воззванія, сдѣланнаго къ нему изъ Англій въ 1688 году, ему было чуждо желаніе взойти на англійскій престолъ и неизвѣстна давно-начатая работа, чтобъ возвести его на этотъ престолъ. Вильгельмъ слѣдилъ за ходомъ этой работы шагъ за шагомъ, не принимая въ ней сообщничества, но не отвергая ея цѣли, не ободряя работниковъ, но покровительствуя имъ. Его че-

столюбіе имѣло въ то же время то свойство, что оно связано было съ торжествомъ дѣла великаго и праваго, дѣла религиозной свободы и европейскаго равновѣсія. Не было при мѣра, чтобъ кто-нибудь до такой степени дѣлалъ великій политическій планъ единственною мыслью и цѣлью всей своей жизни, какъ Вильгельмъ. Онъ питалъ страсть къ тому дѣлу, которое дѣлалъ, а собственное его величіе было для него не больше, какъ средство. Имѣя въ перспективѣ корону Англіи, онъ не сдѣлалъ ни одной попытки успѣть посредствомъ насилія и безпорядка; его умъ былъ слишкомъ-возвышенъ и правивень для этого; онъ не могъ не знать неизлечимаго порока подобныхъ успѣховъ и добровольно налагать на себя ихъ иго. Но когда самой Англіей была ему открыта дорога, его не остановили робкія опасенія, надъ какими задумался бы частный человѣкъ; онъ хотѣлъ доставить торжество своему дѣлу и пожать плоды этого торжества; это была чудная смѣсь хитрости и убѣжденій, честолюбія и самопожертвованія. У Вашингтона не было честолюбія; онъ понадобился отечеству и принялъ величіе, чтобъ служить ему, принялъ скорѣй по обязанности, чѣмъ по собственному влеченію, вынужденный даже иногда дѣлать надъ собой страшныя усилія. Горьки были ему искушенія публичной жизни; ему гораздо-больше нравилась независимость частной жизни и покой души, нежели власть; но онъ не сталъ раздумывать, принимать ли ему то дѣло, которое возлагало на него отечество, и, исполняя это дѣло, ни разу не позволилъ себѣ, ни относительно своего народа, ни относительно себя самого, ни малѣйшей поблажки, чтобъ облегчить бремя. Онъ былъ рожденъ управлять, хотя и мало находилъ въ этомъ удовольствія; онъ говорилъ американскому народу то, что считалъ благоразумнымъ, съ непоколебимою и въ то же время простою твердостью, даже съ пожертвованіемъ своей популярности, что тѣмъ болѣе было съ его стороны заслугой, что эта жертва не вознаграждалась для него радостями властвованія. Слуга возникающей республики, гдѣ преобладалъ демократическій духъ, онъ достигъ ея довѣрія и обезпечилъ ей торжество, поддерживая ея интересы противъ ея влеченій и держась политики скромной и въ то же время

строгой, осторожной, независимой, какаю повидимому различна только вождю аристократическаго сената, поставленнаго во главѣ какого-нибудь древняго государства — успѣхъ рѣдкій и дѣлающій столько же чести Вашингтону, сколько и его отечеству.

Взглянемъ ли на судьбу государствъ, или на судьбу великихъ людей, возьмемъ ли монархію или республику, аристократическое общество или демократическое — вездѣ одинъ и тотъ же свѣтъ сіяетъ изъ фактовъ; именемъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, одними и тѣми же путями достается окончательный успѣхъ. Революціонный духъ равно губителенъ какъ для тѣхъ, кого онъ низвергаетъ, такъ и для тѣхъ, кого поднимаетъ на высоту. [Только та политика завершаетъ и упрочиваетъ перевороты, которая охраняетъ государства.]

ИСТОРИЯ КАРЛА-ПЕРВАГО,

СЪ ВОШЕСТВІЯ ЕГО НА ПРЕСТОЛЬ ДО СМЕРТИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Вошествіе на престоль Карла I. — Состояніе Англии и расположе-
женіе умовъ. — Созваніе перваго парламента. — Въ немъ обнару-
живается духъ свободы. — Парламентъ распущенъ. — Первые опы-
ты произвольныхъ распоряженій со стороны правительства. — Они
оказываются неудачными. — Второй парламентъ. — Обвиненіе герцога
Буккингэмскаго. — Распущеніе парламента. — Дурное управленіе Бук-
кингэма. — Третій парламентъ. — Прошеніе о правахъ. — Отсрочка
парламента. — Умерщвленіе герцога Буккингэмскаго. — Второе застѣ-
ніе третьяго парламента. — Новый поводъ къ общественному недоволь-
ству. — Гнѣвъ короля. — Распущеніе третьяго парламента.

1625—1629.

27 марта 1625 года Карлъ I вступилъ на престоль и тот-
часъ же созвалъ парламентъ (2 апрѣля). Не успѣла собраться
палата депутатовъ (18 июня), какъ человѣкъ высокой честно-
сти, считавшійся въ послѣднее царствованіе въ числѣ про-
тивниковъ двора, сэръ Бенджаминъ Рудердъ, всталъ и сдѣ-
лалъ предложеніе: стараться всѣми мѣрами поддержать со-
вершенное согласіе между королемъ и народомъ. «Отъ госу-
даря, который нами управляетъ» сказалъ онъ «мы можемъ
ожидать всякаго блага и всякихъ льготъ для нашей страны¹».

(¹) 22 июня 1625. *Parliamentary History* (Cobbet, Лондонъ, 1806).
4. II, col. 5.

Въ-самомъ-дѣлѣ вся Англія предавалась радости и надеждѣ. И это были не тѣ неопредѣленные надежды, не та безотчетная радость, какія бываютъ всегда замѣтны при наступленіи новыхъ царствованій: это были надежды серьезныя, всеобщія и, по всѣмъ признакамъ, нелишенные основанія. Всѣмъ извѣстны были чистая нравственность Карла, его благочестіе, дѣятельность, просвѣщеніе, воздержность, нелюбовь къ расточительности; онъ былъ важенъ, но добръ; держалъ себя съ достоинствомъ, но безъ надменности; поддерживалъ у себя въ домѣ приличіе и порядокъ; все показывало въ немъ друга правды, человѣка прямого и возвышеннаго; его видъ, его манеры возбуждали почтительность въ придворныхъ и нравились народу, а добродѣтели доставляли ему уваженіе добрыхъ. Англіи надоели нечистые нравы, болтливое и пошлое педанство, вляя и малодушная политика Іакова I, и она ожидала себѣ счастья и свободы подъ правленіемъ короля, котораго могла наконецъ уважать.

Карлъ и народъ англійскій не знали, до какой степени они уже были чужды другъ другу; они не знали, что давно уже дѣйствуютъ и съ каждымъ днемъ усилваются причины, вслѣдствіе которыхъ скоро имъ не будетъ никакой возможности понять другъ друга и сойтись между собою.

Два переворота, одинъ—видимый и явный, другой—тайный, невѣдомый, но не менѣе того дѣйствительный, совершились къ этому времени: первый—въ королевской власти европейскихъ государей, второй—въ состояніи общества и правахъ англійскаго народа.

Это была пора, когда королевская власть, освободившись отъ своихъ прежнихъ враговъ, почти повсюду становилась неограниченною. Во Франціи, въ Испаніи, въ большей части государствъ Нѣмецкой Имперіи она смирила феодальную аристократію и перестала защищать права общинъ, которыя были нужны ей до-сихъ-поръ для отраженія другихъ враговъ. Высшее дворянство, какъ-бы утративъ даже самое чувство своего униженія, толпилось вокругъ престола, чуть не гордилось блескомъ своего побѣдителя. Горожане, разведенные и робкіе, наслаждались начавшимся порядкомъ и не-

испытаннымъ до-тѣхъ-поръ благосостояніемъ, хлопотали объ увеличеніи своего богатства и о просвѣщеніи, но вовсе не думали еще имѣть голоса въ управленіи государствомъ. Пышность дворцовъ, быстрота администраціи, обширность и правильность военныхъ дѣйствій—все говорило о перевѣсѣ королевской власти. Наконецъ, успѣхи образованія, наукъ, искусствъ, мира и внутренняго благосостоянія украшали собою это торжество абсолютной монархіи и внушали государямъ самоувѣренность, а народамъ—любовь и удивленіе.

Въ Англіи королевская власть не осталась чужда этому европейскому движенію. вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ дома Тюдоровъ (въ 1485 году) съ ней перестали враждовать эти гордые бароны, которые, не имѣя силъ бороться съ королемъ поодиначкѣ, умѣли когда-то составлять коалиціи и такимъ-образомъ поддерживать свои права, или насильно присвоивать себѣ долю королевской власти. Эта аристократія, которая такъ долго сопротивлялась королямъ, оскудѣла, обѣднѣла, унизилась вслѣдствіе собственной неумѣренности, особенно же вслѣдствіе войнъ Алой и Бѣлой Розы, и почти безъ сопротивленія уступила сперва высокому деспотизму Генриха VIII, потомъ искусному правленію Елизаветы. Ставъ главою церкви и владѣтелемъ несметныхъ богатствъ, Генрихъ щедро раздѣлялъ ихъ между фамиліями, которыя онъ хотѣлъ возвысить или поддержать: такъ началъ онъ превращеніе бароновъ въ придворныхъ. При Елизаветѣ это превращеніе было довершено. Какъ женщина, ей нравились блестящій дворъ; какъ королевѣ, онъ ей былъ нуженъ для поддержанія своего величія. Дворянство спѣшило вступать въ ряды придворныхъ, и это не возбуждало большаго неудовольствія въ публикѣ: трудно было не увлечься этимъ столь рѣдкимъ случаемъ служить государю, любимому народомъ, и среди придворныхъ празднествъ и интригъ искать благоволенія королевы, къ которой расположена была вся страна. Полезному и славному для народа правительству прощались принципы, формы, языкъ, часто даже обычаи неограниченной монархіи; любовь народа прикрывала садоуниженіе придворныхъ. Всѣ опасности, которымъ могла подвергаться эта женщина, считались общественными опасностями, и без-

гражданская преданность къ ней казалась закономъ для дворянина, долгомъ—для протестанта и гражданина.

Стиарты не могли не пойти дальше по той дорогѣ, на которую вступила королевская власть въ Англіи со времени воцаренія Тюдоровъ. Іаковъ I былъ шотландецъ и происходилъ отъ крови Гизовъ; семейныя воспоминанія и старинныя связи привлекали его къ Франціи; онъ привыкъ искать на континентѣ союзниковъ и образцовъ, тогда—какъ обыкновенно англійскіе государи видѣли тамъ однихъ враговъ. Такимъ—образомъ вскорѣ оказалось, что онъ больше Елизаветы и самого Генриха VIII проникнуть тѣми началами, на которыхъ основывалась тогда въ Европѣ абсолютная монархія. Онъ проповѣдывалъ ихъ съ гордостью богослова и снисходительностью короля; при всякомъ случаѣ прикрывая робость своихъ дѣйствій и ограниченность своей власти пышностью своихъ воззваній. Когда же приходилось ему защищать свои правительственныя мѣры, произвольныя заключенія въ тюрьмы, незаконныя налоги, и защищать аргументами болѣе—прямыми и простыми, тогда Іаковъ ссылался на примѣръ короля Франціи или Испаніи: «Король Англіи» говорили его министры палатъ депутатовъ «не хуже другихъ, равныхъ ему». И такъ сильно было даже въ Англіи вліяніе переворота, совершившагося въ королевской власти континента, что противниковъ двора этотъ языкъ приводилъ въ смущеніе. Они были почти убѣждены сами, что достоинство государей требуетъ, чтобы имъ всѣмъ были предоставлены одни и тѣ же права, и не знали, какъ согласить это необходимое равенство престоловъ съ правами и льготами своей страны¹.

Воспитанный съ дѣтства въ этихъ притязаніяхъ и правилахъ, принцъ Карлъ еще болѣе заразился ими, когда настало его совершеннолѣтіе. Инфанта испанская была его невѣстой. Герцогъ Буккингемъ внушилъ ему мысль отправиться тайно въ Мадридъ искать лично ея руки и сердца. Такая рыцарская мысль плѣнила воображеніе юноши. Оставалось получить согласіе короля. Іаковъ не соглашался, выходилъ изъ—себя,

(¹) *Journals of the House of Commons*, 18 апрѣля, 12 и 21 мая 1614.

плакалъ и наконецъ уступилъ, не столько сыну, сколько любимцу¹. Карлъ былъ принятъ въ Мадридъ съ большими почестями². Тамъ онъ увидалъ королевскую власть во всемъ блескѣ: это была власть величественная, державная, пользовавшаяся безконечною преданностью своихъ слугъ и почти божескимъ поклоненіемъ со стороны подданныхъ, рѣдко встрѣчавшая противорѣчіе и всегда увѣренная, что ей стѣнитъ только захотѣть, чтобы восторжествовать надъ всякимъ противодействіемъ. Свадьба Карла съ инфантой не состоялась, по, вмѣстѣ того, онъ женился на Генриеттѣ—Маріи, принцессѣ французской: его отецъ виѣ этихъ двухъ дворовъ не признавалъ никакого союза, который былъ бы сообразенъ съ величіемъ его престола³. Вліяніе этого союза на англійскаго принца не отличалось отъ впечатлѣній, полученныхъ имъ въ Испаніи, и дворъ Парижа, или Мадрида, сталъ въ его глазахъ образцомъ самаго естественнаго и самаго законнаго положенія королей.

Такимъ—образомъ англійская монархія, по—крайней—мѣрѣ въ лицѣ самого монарха, его совѣтниковъ и двора, получила тотъ же характеръ, какой имѣли монархіи континента. Тутъ также во всемъ проявлялись признаки и дѣйствія переворота, уже совершившагося въ другихъ странахъ и который въ самыхъ скромныхъ своихъ притязаніяхъ если и признавалъ права подданныхъ, то не иначе, какъ въ смыслѣ правъ зависимыхъ, въ смыслѣ уступокъ отъ щедротъ монарха.

Но когда на континентѣ этотъ переворотъ находилъ въ народахъ скорѣе расположеніе, нежели противодействіе, въ то время въ Англіи уже совершался въ глубинѣ общества переворотъ противоположный, который подкапывалъ почву подъ ногами абсолютной монархіи и приготовилъ ей паденіе среди самыхъ ея успѣховъ.

При воцареніи Тюдоровъ, высшая аристократія преклонилась и пала ницъ передъ престоломъ. Тогда англійскія общины не были въ—состояніи занять ея мѣста въ борьбѣ сво-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 18—30, базельское изданіе, 1798. — (²) Въ мартѣ 1623 года. — (³) Бракъ, предположенный въ 1624, былъ окончательно утвержденъ только въ маѣ 1625 и совершенъ въ Англіи только въ июнѣ того же года.

боды противъ власти; онѣ не осмѣлились даже думать о чести принимать участіе въ такой борьбѣ. Въ эпоху самаго быстраго ихъ возрастанія, въ XIV столѣтіи, все честолюбіе ихъ ограничивалось утвержденіемъ самыхъ первоначальныхъ правъ, завоеваніемъ нѣкоторыхъ гарантій, шаткихъ и неполныхъ. Никогда въ голову не приходила имъ дерзкая мысль, чтобы имъ надлежало составлять часть верховной власти и вмѣшиваться въ управление страны постояннымъ и рѣшительнымъ образомъ. Однимъ баронамъ прилично было простирать такъ далеко свои виды.

Въ XVI вѣкѣ общины были истомлены и разорены такъ же, какъ и бароны, междоусобными войнами, и всего больше нуждались въ порядкѣ и спокойствіи. Порядокъ и спокойствіе доставила имъ королевская власть, и хотя этотъ порядокъ еще не представляетъ совершенства, однакожь былъ болѣе обезпеченъ и лучше устроенъ, нежели когда-либо. Общины приняли благодѣяніе съ полною благодарностью. Отдѣленные отъ своихъ старинныхъ вождей, почти одинокія предъ лицомъ престола и этихъ бароновъ, когда-то бывшихъ ихъ союзниками, онѣ заговорили языкомъ покорнымъ, повели себя робко, и король могъ думать, что съ-этихъ-поръ народъ всегда будетъ покоренъ такъ же, какъ вельможи.

Но народъ въ Англіи былъ не то, что народъ континента. Это не была коалиція, кое-какъ составленная изъ горожанъ и поселенъ, медленно освобождавшихся и еще не совсѣмъ успѣвшихъ выйти изъ-подъ гнета своего стариннаго рабства: въ англійскія общины, начиная съ XIV вѣка, вошла самая многочисленная часть феодальной аристократіи — всѣ эти мелкопомѣстные владѣльцы, неимѣвшіе достаточнаго вліянія и, по крайней бѣдности, немогшіе раздѣлять съ баронами верховную власть, но гордые одинакимъ съ ними происхожденіемъ и долгое время пользовавшіеся одинакими правами. Становясь вождями народа, они не разъ давали ему силы и, главное, смѣлость, къ которой неспособны были бы горожане, оставаясь одни. Долговременныя бѣдствія междоусобій ослабили и унизили ихъ такъ же, какъ и горожанъ; но, при наступленіи мира, имъ немного было нужно, чтобы снова возвратить утраченныя значеніе и гордость. Высшая аристократія

стремилась къ двору, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла, и получала отъ него заемное величіе, соблазнительное, но непрочное, которое не могло возратить прежняго благосостоянія, а только отдѣляло ее отъ народа все больше и больше, между-тѣмъ, какъ простые дворяне, владѣльцы свободныхъ земель, горожане, единственно занятые эксплуатированіемъ своихъ земель и капиталовъ, богатѣли имуществомъ и кредитомъ, съ каждымъ днемъ тѣснѣе соединялись между собою, распространяли на цѣлый народъ свое вліяніе и незамѣтно, безъ политическихъ видовъ, почти сами того не зная, овладѣвали всѣми общественными силами, истиннымъ источникомъ власти.

Въ городахъ быстро развивались торговля и промышленность: Лондонъ пріобрѣлъ несметныя богатства; король, придворные, почти всѣ вельможи королевства, попрежнему надменные, но постоянно нуждавшіеся, стали его должниками. Купеческій флотъ, питомецъ королевскаго, повсюду разослалъ свои многочисленные корабли; матросы раздѣляли интересы и виды негоціантовъ.

Въ селахъ дѣла шли тѣмъ же порядкомъ. Помѣстья мельчали. Феодальными законами запрещены были продажа и дробленіе помѣстій. Генрихъ VII отчасти уничтожилъ это новымъ статутомъ. Высшее дворянство приняло этотъ статутъ какъ благодѣяніе и спѣшило имъ воспользоваться. Оно стало отчуждать равнымъ образомъ обширныя помѣстья, розданныя Генрихомъ VIII. Король покровительствовалъ этому отчужденію, чтобы увеличить число землевладѣльцевъ между духовенствомъ, а придворные принуждены были прибѣгать къ продажѣ своихъ земель, потому-что никакихъ злоупотребленій не хватало на ихъ нужды. Наконецъ и Елизавета продавала много земель, принадлежавшихъ коронѣ, желая избавиться отъ необходимости просить пособій, всегда отягчительныхъ даже для власти, которая требуетъ ихъ. Почти всѣ эти земли были покупаемы дворянами, жившими у себя въ помѣстьяхъ, вольными землевладѣльцами, которые сами обрабатывали свою землю, горожанамъ, нежелающими продолжать свои обыкновенныя занятія. Трудъ или экономія давали имъ возможность платить деньги за то, чего не могли сберечь

король и придворные¹. Земледѣліе процвѣтало; графства и города наполнились богатымъ, дѣятельнымъ, независимымъ населеніемъ. Въ его руки переходила большая часть народнаго капитала, и этотъ переходъ былъ такъ быстръ, что въ 1628 году, при открытіи парламента, палата депутатовъ оказалась втрое богаче палаты перовъ².

По-мѣрѣ-того, какъ совершался этотъ переворотъ, самоуправство власти начинало тревожить общины. Чѣмъ больше было благъ, тѣмъ нужнѣе становились гарантіи. Въ умахъ народа начинало оживать воспоминаніе о старинныхъ льготахъ, объ успѣхахъ, которыми была завоевана Великая Хартія, о началахъ, которыя она утвердила. Дворъ отзывался съ презрѣніемъ объ этихъ старыхъ временахъ, какъ временахъ грубости и варварства; народъ начиналъ уважать и любить ихъ, какъ времена гордой свободы. Славныя завоеванія, сдѣланныя въ старину народомъ, не приносили ему уже никакой пользы; однакожь потеряно было не все. Парламентъ не переставалъ собираться: напротивъ, найдя въ немъ покорность, короли еще чаще стали употреблять его, какъ орудіе своей власти. При Генрихѣ VIII, при Маріи, при Елизаветѣ, присяжные суды показывали уступчивость, доходили даже до раболѣпства; но все же они существовали. У городовъ сохранились свои хартіи, у корпорацій—свои льготы. Общины не обнаруживали противодѣйствія, но давно уже владѣли всѣми средствами противодѣйствія: имъ не доставало не учреждений, а только силы и воли пользоваться ими. Силу возвратилъ имъ тотъ переворотъ, который въ такой степени подвинулъ ихъ матеріальное величіе. Воля ждала только другаго переворота, который бы далъ имъ и нравственное величіе, подстрекнулъ ихъ честолюбіе, возвысилъ ихъ идеи, превратилъ для нихъ

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 6. — (²) Юмъ (*Hist. of Engl.*, т. VIII, стр. 385, базельское изданіе, 1789) въ подтвержденіе этого факта приводитъ свидѣтельство Сандерсона и Уокера, историковъ, непопулярныхъ авторитетомъ. У современныхъ писателей, заслуживающихъ довѣрія, я не нашелъ столь определенной оцѣнки сравнительнаго богатства обѣихъ палатъ; но несомнѣнно, что палата депутатовъ была гораздо-богаче палаты перовъ.

противодѣйствіе въ обязанность, господство — въ необходимость. Это дѣло сдѣлала религіозная реформа.

Реформа была провозглашена въ Англіи деспотомъ и началась тираніей. При самомъ рожденіи она преслѣдовала и друзей и враговъ. Одной рукой Генрихъ VIII воздвигалъ эшафоты для католиковъ, другой—костры для протестантовъ, несогласавшихся признать символъ и одобрить правленіе, которое получала отъ него новая церковь.

Такимъ-образомъ, съ самаго начала явились двѣ реформы: реформа короля и реформа народа. Одна изъ нихъ, робкая, уклончивая, болѣе связанная съ мірскими выгодами, нежели съ религіозными убѣжденіями, сама пугалась того движенія, которое произвело ее, и силмась занять у католицизма все, что можно было сохранить изъ этого вѣроисповѣданія, отрѣшившись отъ него; другая реформа — самопроизвольная, пылкая — презирала земными расчетами и поддерживала свои начала въ самыхъ крайнихъ ихъ слѣдствіяхъ; словомъ, это была настоящая моральная революція, предпринятая во имя вѣры и съ полнымъ энтузіазмомъ вѣры.

Въ правленіе королевы Маріи эти двѣ реформы еще были соединены между собою общими бѣдствіями, а съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы—общей радостью. Скоро онѣ должны были раздѣлиться и вступить въ борьбу. Но положеніе ихъ было таково, что ихъ борьба неизбежно должна была подействовать и на политическій порядокъ. Отдѣлившись отъ главы вселенской церкви, англиканская церковь потеряла всю собственную силу и поставила свои права и власть въ исключительную зависимость отъ власти и правъ главы государства. Итакъ, она становилась на сторонѣ гражданскаго деспотизма и вынуждена была исповѣдывать его начала, чтобы поддержать законность своего происхожденія и служить его интересамъ, чтобы спасти свои собственные. Нон-конформисты, напротивъ, нападая на своихъ религіозныхъ противниковъ, видѣли себя вынужденными нападать также и на свѣтскаго владыку. Чтобы достигнуть церковной реформы, они должны были отстаивать права гражданина. Король сдѣлалъ себя наслѣдникомъ папы. Англиканское духовенство, наслѣдовав-

шее духовенству католическому, дѣйствовало не иначе, какъ во имя короля.

Эта опасная неизбежность двойственной борьбы съ церковью и государемъ, одновременной реформы религіи и государства, сначала испугала нон-конформистовъ. Папство и все то, что на него походило, было незаконно въ ихъ глазахъ; королевская власть, даже деспотическая, еще не представлялась имъ незаконною. Генрихъ VIII началъ реформу; Елизавета спасла ее.

Между-тѣмъ реформа была неизбежна. Потребность разбора и сопротивленія въ дѣлѣ вѣры и правленія распространилась въ-особенности между мелкими дворянами, свободными землевладельцами, горожанами, народомъ, ибо тутъ кипѣла религиозная реформа съ особенной силой. Дворъ и часть средняго дворянства не столько заняты были своими религиозными вѣрованіями: они довольствовались нововведеніями Генриха VIII, или его преемниковъ, и поддерживали англиканскую церковь—кто изъ убѣжденія, кто изъ равнодушія, кто изъ расчета, кто изъ уваженія къ присягѣ. Общины, болѣе-чуждыя интересамъ власти и въ то же время болѣе-терпѣвшія отъ ея злоупотребленій, въ сношеніяхъ своихъ съ монархомъ измѣнили и формы и мысль. Со-дня-на-день ихъ робость исчезала, честолюбіе росло. Горожанинъ, вольный землевладелецъ, даже крестьянинъ стали простирать свои виды выше своего состоянія.

Разговоры долгое время велись тайнѣ и не смѣли заходить слишкомъ-далеко; но они развязывали умы и внушали имъ непривычную смѣлость. Сама Елизавета, любимая и уважаемая народомъ, почувствовала на себѣ дѣйствіе этого новаго расположенія умовъ¹ и грубо отталкивала его, однакожь такъ, чтобъ не подвергнуться явной опасности. Гораздо-хуже было при Іаковѣ I. Это былъ государь слабый, заслужившій презрѣніе, но тѣмъ не менѣе желавшій казаться деспотомъ. Догматически выставляя свои безсильныя притязанія, онъ вызывалъ новыя дерзости, которыхъ подавить, однакожь не умѣлъ. Мысль гражданъ приняла болѣе-свободный полетъ: ничто уже

(¹) См. Приложение I.

не останавливало ея. Спѣсь потеряла не только силу, но даже и блескъ при дворѣ и на престолѣ. Безчестная продажность возбуждала въ серьезныхъ людяхъ глубокое отвращеніе, и никакой санъ уже не спасалъ отъ оскорбленій со стороны народа. Скоро оппозиція заговорила высокоумнымъ тономъ власти и обнаружила даже больше спокойной самоувѣренности. И это не была оппозиція великолѣпныхъ бароновъ, засѣдавшихъ въ палатѣ перовъ, а оппозиція нижней палаты, рѣшившейся занять въ государствѣ мѣсто и завладѣть правительственнымъ вліяніемъ, которое никогда ей не принадлежало. Ея равнодушіе къ напыщеннымъ угрозамъ государя, ея гордый, хотя и почтительный, языкъ показали, что все перемѣнилось, что теперь она мыслила уже не по-прежнему, хотѣла дѣйствовать властно, и тайное предчувствіе этой моральной революціи было уже такъ распространено, что въ 1621 году, ожидая прибытія комитета отъ палаты, имѣвшаго представить королю строгія замѣчанія, Іаковъ сказалъ съ проноіей, навѣрное не подозревая всей ея глубины: «Приготовить двѣнадцать креселъ: я буду принимать двѣнадцать королей!»

Въ-самомъ-дѣлѣ, когда Карлъ созвалъ парламентъ, это было похоже на сенатъ королей, созданный неограниченнымъ монархомъ у своего престола. Государь, а тѣмъ менѣе народъ, еще не успѣли разобрать началъ и измѣрить объема своихъ требованій: они сблизались, искренно желая и надѣясь сойтись между собою; но на самомъ дѣлѣ между ними уже совершилось полное разъединеніе, ибо и тотъ и другой считалъ себя верховной властью.

Какъ-только засѣданіе было открыто, нижняя палата начала перебирать всѣ части правленія: дѣла вѣншія и впутреннія, переговоры, союзы, употребленіе прошедшихъ и будущихъ налоговъ, состояніе религіи, усмирненіе папистовъ—обо всемъ этомъ она считала себя въ-правѣ разсуждать. Она жаловалась на королевскій флотъ, плохо покровительствующій английской торговлѣ², на доктора Монтега, королевскаго ду-

(¹) *Histoire d'Angleterre*, par Rapin Thoiras, t. VIII, p. 183, ed. in-4, Paris, 1749; Kennet, *Compl. Hist. of Engl.*, t. III, p. 743. — (²) 11 августа 1625. *Parliamentary History*, t. II, col. 38.

ховника, защищавшаго римскую церковь и проповѣдовавшаго слѣпое повиновеніе¹. Она ожидала только отъ короля удовлетворенія всѣхъ своихъ требованій, но показывала твердую рѣшимость вступаться во все своими комитетами и петиціями и обо всемъ выражать свое мнѣніе.

Упреки не относились собственно къ правленію Карла. Оно только-что начиналось. Однакожь, такое обширное и такое горячее разбирательство государственныхъ дѣлъ казалось ему уже нарушеніемъ его правъ; свобода рѣчей оскорбляла его. Эдуардъ Кларкъ, принадлежавшій къ партіи двора, упрекнулъ въ этомъ палату. Онъ замѣтилъ, что «были употреблены слова неприличныя и оскорбительныя». Всеобщій крикъ потребовалъ отъ него объясненій. Онъ стоялъ на своемъ, и его едва не приговорили къ изгнанію изъ палаты².

Дѣйствительно, рѣчи были смѣлы, при всѣй скромности выраженій: «Мы не просимъ у короля удаленія дурныхъ совѣтниковъ, какъ это сдѣлалъ парламентъ при его предшественникахъ, Генрихѣ IV и Генрихѣ VI; мы не желаемъ вмѣшиваться въ выборы, какъ это было при Эдуардѣ II и Ричардѣ II, при Генрихѣ IV и Генрихѣ VI; мы не желаемъ, чтобъ тѣ, кого выберетъ король, были обязаны присягать передъ парламентомъ, какъ это дѣлалось при Эдуардѣ I, Эдуардѣ II и Ричардѣ II; чтобъ парламентъ заблаговременно предписывалъ имъ образъ дѣйствій, которому они должны слѣдовать, какъ онъ это считалъ обязанностью дѣлать при Генрихѣ III и Генрихѣ IV; ни даже того, чтобъ его величество далъ обѣщаніе, какъ Генрихъ III, дѣлать все съ согласія верховнаго народнаго совѣта и ничего безъ его приговора; мы только высказываемъ, какъ вѣрноподанные, наши скромныя желанія. Мы желаемъ только того, чтобъ король, такъ-какъ онъ окружилъ себя совѣтниками мудрыми, благочестивыми и почтенными, исцѣлилъ, при ихъ помощи, бѣдствія государства и никогда не руководился какими-либо личными мнѣніями, или совѣтами людей неопытныхъ.» Такъ говорилъ сэръ Робертъ

(¹) 7 июля 1625. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 6. — (²) 6 августа 1625. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 13.

Коттонъ, знаменитый ученый, умѣренный ораторъ¹. Палата, протестуя вмѣстѣ съ нимъ противъ подражанія стариннымъ дерзостямъ парламента, радовалась, однакожь, что онъ напомнилъ ихъ.

Король начиналъ сердиться, однако не обнаружилъ этого. Такой лзыкъ, хотя и непріятный, еще не казался ему опаснымъ. Притомъ же, ему нужны были субсидіи. Послѣдній парламентъ пламенно желалъ войны съ Испаніей: теперешній не могъ отказаться поддержать ее. Карлъ настаивалъ, чтобъ ему немедленно даны были на это средства и обѣщался удовлетворить справедливымъ жалобамъ.

Но палата уже не вѣрила обѣщаніямъ, хотя этотъ король еще не успѣлъ подать ни одного повода къ недовѣрію и хотя она уважала его. Карлъ думалъ, что ему нечего было болтаться, потому-что онъ не сдѣлалъ никакого зла; народъ думалъ, что надобно было искоренить все прежнее зло, чтобъ не болтаться въ будущемъ. Сначала представители общинъ предложили королю только слабое пособіе, а таможенный сборъ хотѣли оставить за нимъ лишь на одинъ годъ. Этотъ послѣдній приговоръ показался оскорбительнымъ, и верхняя палата не согласилась утвердить его. Стало-быть, королю не вѣрять, говорилъ дворъ, какъ вѣрили его предшественникамъ, которымъ постоянно предоставлялись таможенные сборы на все продолженіе ихъ царствованія; а между-тѣмъ онъ съ такою рѣдкою откровенностью изложилъ состояніе финансовъ королевства; онъ не отказался представить ни одного документа, ни одного объясненія: крайняя необходимость налога была очевидна. Неблагоразумно было бы, думали лорды, раздражать такъ скоро безъ всякой причины молодаго государя, который показываетъ такое расположеніе жить въ ладу съ парламентомъ.

Нижняя палата не говорила, что она не хочетъ дать болѣе-достаточныхъ субсидій, но продолжала разсматривать народныя жалобы, твердо рѣшившись достигнуть напередъ ихъ удовлетворенія, хотя и не выражала этого гласно. Ко-

(¹) 6 августа 1625. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 14—17. Эта рѣчь заимствована изъ *посмертныхъ сочиненій сэра Роберта Коттона*, изданныхъ Гоулемъ въ 1651 году.

роль пришелъ въ негодованіе, что ему осмѣливаются такимъ образомъ предписывать законы и воображаютъ, что онъ уступить силѣ или не сумѣетъ управлять. Это значило посягать на верховную власть, которая принадлежитъ только ему одному и ни въ какомъ случаѣ не должна терпѣть ущербъ. Парламентъ былъ распущенъ. (12 авг. 1625 г.)

Такимъ-образомъ, несмотря на взаимное расположеніе другъ къ другу, государь и народъ сошлись только затѣмъ, чтобъ придти въ столкновеніе. Ни тотъ, ни другой не чувствовалъ себя слабымъ или виновнымъ; они разстались оба съ равною увѣренностью въ законности своихъ требованій, съ равной рѣшимостью стоять за нихъ. Общины объявили, что онѣ преданы королю, но не отступятся отъ своихъ правъ. Король сказалъ, что онъ уважаетъ права своихъ подданныхъ, но сумѣетъ управлять и одинъ.

Онъ тотчасъ же рѣшился привести въ исполненіе эту угрозу. Приказами, отправленными отъ его тайнаго совѣта къ лордамъ-наместникамъ графствъ, предписывалось имъ собрать въ-видѣ займа ту сумму, которая нужна была королю¹. Имъ вмѣнено было въ обязанность обратиться къ богатымъ гражданамъ и донести о тѣхъ, кто откажется дать займы или будетъ медлить. Король еще рассчитывалъ на любовь и на страхъ. Въ то же время флотъ выступилъ въ море, чтобъ предпринять экспедицію противъ Кадикса, котораго гавань была наполнена богато-нагруженными кораблями. Чтобъ дать въ то же время какое-нибудь удовлетвореніе народу, духовенству приказано было вести процессъ противъ папистовъ. Они не могли отлучаться дальше пяти миль отъ своихъ жилищъ безъ особаго позволенія; имъ предписано было вызвать въ Англію своихъ дѣтей, воспитывавшихся въ континентальныхъ странахъ; запрещено было носить оружіе. Общины требовали себѣ правъ: ихъ потѣшили, давши имъ нѣкоторую возможность помучить своихъ враговъ.

Они не удовлетворились этой жалкой уступкой; притомъ, самое преслѣдованіе папистовъ было двусмысленно и подозрительно. Король освобождалъ ихъ за деньги или прощалъ

(¹) *Old Parliam. Hist.*, t. VI, p. 407. (Лондонъ, 1793.)

тайно. Заемъ принесъ казнѣ мало денегъ; экспедиція въ Кадиксъ была неудачна. Публика приписала эту неудачу неискусству адмирала и пьянству солдатъ. Обвиняли правительство, что оно не умѣетъ ни выбирать генераловъ, ни смотрѣть за поведеніемъ солдатъ. Не прошло шести мѣсяцевъ, какъ уже второй парламентъ былъ признанъ необходимымъ (6 февр. 1626 г.) Раздраженіе еще неглубоко проникло въ душу молодого короля, и его деспотизмъ былъ вмѣстѣ и доврчивъ и робокъ. Онъ думалъ, что общины будутъ рады собраться опять такъ скоро, быть-можетъ, даже надѣялся, что твердость, которую онъ показалъ имъ, вызоветъ съ ихъ стороны больше уступчивости. Наконецъ имъ приняты были мѣры, чтобъ самыхъ популярныхъ ораторовъ не допустить въ парламентъ. Графъ Бристоль, личный врагъ герцога Буккингэмскаго, не получилъ приглашенія. Эдуардъ Кокъ, Робертъ Филиппъ, Томасъ Уэнтвортъ, Фрэнсизъ Сеймуръ и др.¹ не могли быть выбраны, потому-что ихъ назначили шерпами въ ихъ графствахъ. Думали, что, за ихъ отсутствіемъ, палата депутатовъ будетъ покорнѣе, потому-что народъ любитъ короля, и только кака-нибудь горсть недовольныхъ вводитъ его въ заблужденіе.

Но палата думала, съ своей стороны, что короля вводятъ въ заблужденіе и что достаточно вырвать его изъ рукъ временщика, чтобъ возвратитъ народу. Первый парламентъ, затрудняя субсидіи, хотѣлъ только заставить престолъ удовлетворить общественнымъ жалобамъ; теперешній—рѣшился поразить у трона виновника всѣхъ этихъ жалобъ. Герцогъ Буккингэмъ былъ обвиненъ (21 февраля 1626).

Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, кажется, родятся для того, чтобъ блистать при дворахъ и не правителся народу. Красавецъ собой, гордый, пышный, до дерзости легкомысленный, искренній и горячій въ дружбѣ, открытый и надменный во враждѣ, равно неспособный ни къ добродѣтели, ни къ притворству, онъ управлялъ государствомъ безъ государственныхъ соображеній, не заботился ни объ инте-

(¹) Всѣхъ было семеро: трое остальные, не столь извѣстные, были: Грей Пальмеръ, Вильямъ Флитвудъ и Эдуардъ Альфордъ.

ресахъ народа, ни даже объ интересахъ власти, ни о чемъ не думалъ, кромѣ собственнаго величія и удовольствія властвовать рядомъ съ королемъ. Была минута, когда ему захотѣлось сдѣлаться популярнымъ, и онъ достигъ этого: разрывъ брака Карла съ инфантой былъ его дѣломъ. Но эта популярность была для него только средствомъ пользоваться по произволу расположеніемъ короля. Онъ потерялъ ее и едва обратился на это вниманіе, гордись тѣмъ, что сохранилъ надъ Карломъ ту же власть, какую имѣлъ надъ Яковомъ I. Его честолюбіе не оправдывалось никакими дарованіями. Единственною цѣлью его интригъ были мелкія страсти. Чтобъ соблазнить женщину, погубить соперника, онъ безразсудно жертвовалъ то королемъ, то народомъ. Народу, который съ каждымъ днемъ становился зрѣлѣе, власть такого человѣка казалась не только бѣдствіемъ, но даже оскорбленіемъ, и герцогъ продолжалъ забирать высшія должности въ государствѣ¹, оставаясь, даже въ глазахъ толпы, не больше, какъ безславнымъ выходцемъ, дерзкимъ и бездарнымъ временщикомъ.

Нападеніе со стороны палаты было сильно: такъ-какъ трудно было уличить Буккингэма въ преступленіяхъ по закону, то палата постановила, что одной общественной молвы достаточно, чтобъ предать его суду, и приняла всѣ обвинительные пункты, на которые указывала общественная молва². Герцогъ опровергъ ихъ, большую часть по-крайней-мѣрѣ, съ успѣхомъ, но безъ пользы. Палатѣ нужно было преобразова-

(¹) Онъ былъ герцогъ, маркизъ и графъ Буккингэмъ, графъ Ковентрискій, виконтъ Вильерскій, баронъ Уэддонскій, генерал-адмиралъ Англии и Ирландіи, главный командиръ морей и кораблей, генерал-лейтенантъ-адмиралъ, генерал-капитанъ и начальникъ флотовъ и арміи е. в., обер-шталмейстеръ, лордъ-тѣлохранитель, канцлеръ и адмиралъ надъ пятью портами; контебль дуврсакаго замка, судья въ управленіи королевскими лѣсами и охотами на югъ отъ Трента, контебль вандзорсакаго замка, камергеръ, кавалеръ ордена подвязки, тайный совѣтникъ и пр. Полагаютъ, что цѣна коронныхъ имуществъ, которыя онъ умѣлъ себѣ выманить, простиралась до 284,395 фунт. стерл. (слишкомъ 1,800,000 руб. сер.) Brodie, *Hist. of the British empire, etc.*, t. II, p. 122. — (²) 22 апрѣля 1626. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 82.

ніе дурнаго правленія: Буккингэмъ не дѣлался менѣе опасенъ оттого, что его нельзя было обвинить въ воровствѣ, убійствѣ или измѣнѣ. Смѣлость палаты ободрила враговъ двора. Графъ Бристоль подалъ жалобу, что его не пригласили въ парламентъ¹. Буккингэмъ, который боялся его, хотѣлъ держать его въ отдаленіи. Палата перовъ признала жалобу графа справедливою, и Карлъ послалъ къ нему пригласительное письмо, но вмѣстѣ съ приказаніемъ не выѣзжать изъ своихъ помѣстій. Графъ снова обратился къ палатѣ и просилъ ее рѣшить, требуютъ ли права всѣхъ перовъ королевства, чтобъ онъ засѣдалъ въ парламентѣ лично. Король тотчасъ приказалъ обвинить его въ оскорбленіи величества². Бристоль, въ свою очередь, обвинилъ Буккингэма³, чтобъ защитить себя, и такимъ образомъ временщикъ короля подвергся въ одно и то же время преслѣдованіямъ отъ представителей народа и отъ стараго придворнаго.

Все это слишкомъ затрогивало власть короля и слишкомъ оскорбляло его гордость. Буккингэма не уличили ни въ какомъ преступленіи: стало-быть, въ немъ нападаютъ на королевскаго министра и на друга короля. Карлъ сказалъ палатѣ: «Я долженъ объявить вамъ, что не потерплю, чтобъ вы преслѣдовали кого бы то ни было изъ моихъ слугъ, тѣмъ менѣе тѣхъ, которые поставлены такъ высоко и такъ близко ко мнѣ. Бывало, спрашивали: что мы сдѣлаемъ для человѣка, котораго почтилъ король? Теперь есть люди, которые ломаютъ себѣ голову, придумывая, что бы сдѣлать противъ человѣка, котораго королю угодно было почтить. Я желаю, чтобъ вы занялись дѣломъ о моихъ субсидіяхъ. Если нѣтъ, тѣмъ хуже будетъ для васъ самихъ. И если изъ этого выйдетъ какое-нибудь несчастіе, я почувствую его конечно послѣ всѣхъ⁴.» Въ то же время онъ запретилъ судьямъ отвѣчать на вопросы, предложенные верхней палатой по дѣлу графа Бристоля, боясь, что ихъ отвѣтъ будетъ въ его пользу⁵.

Судьи молчали; но палата не остановилась. Восемьero изъ ея

(¹) Въ мартѣ 1626. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 72 и слѣд. — (²) 1 мая 1626. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 79. — (³) Тамъ же, col. 86. — (⁴) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 49—80. — (⁵) Тамъ же, col. 105.

членовъ назначены были поддерживать преслѣдованіе противъ Буккингэма, соединившись съ верхней палатой¹. Когда конференція кончилась, двоихъ изъ комиссаровъ: Доддея Диггза и Джона Элліота, король велѣлъ посадить въ Тоуэръ за дерзкія рѣчи². Раздраженная палата объявила, что она ничѣмъ не станетъ заниматься, если имъ не возвратятъ свободы. Напрасно друзья двора пугали памату участью, которая грозитъ самому парламенту³: угроза была принята за оскорбленіе, и имъ пришлось извиняться, что они внушили королю мысль, будто онъ можетъ управлять одинъ, подобно государямъ континента. Диггзъ и Элліотъ были выпущены изъ Тоуэра⁴.

Палата перовъ, съ своей стороны, потребовала освобожденія лорда Арунделя, арестованнаго по приказанію короля въ продолженіе засѣданія, и Карлъ уступилъ и тутъ⁵.

Ему надоѣло терпѣть пораженія отъ противниковъ, которыхъ онъ самъ созвалъ и которыхъ могъ во всякое время разсѣять. Временщикъ его не давалъ ему покоя. Уступки, которыя онъ пытался дѣлать, принимались съ восторгомъ, но не вели ни къ чему. Наконецъ до свѣдѣнія его дошло, что палата депутатовъ готовитъ генеральную ремонстрацію, и Карлъ рѣшился выйти изъ положенія, которое унижало его въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ Европы. Разнесся слухъ, что парламентъ скоро будетъ распущенъ. Верхняя палата, начинавшая заискивать у народа, поспѣшила представить королю адресъ объ отмѣнѣ этого намѣренія, и всѣ перы вызывались сопровождать депутацію, на которую возложено было представить ему этотъ адресъ. «Ни минуты отсрочки!» закричалъ Карлъ. Тотчасъ же распущеніе парламента было объявлено (15 іюня 1626 г.). Въ деклараціи отъ имени короля изложены были причины этого рѣшенія. Проектъ ремонстраціи нижней палаты былъ сожженъ

(¹) 3 мая 1626. *Journals of the House of Commons*. Эти члены были: Доддей Диггзъ, Гербертъ, Сэдденъ, Гленвилъ, Паймъ, Уитбай, Уандерсфордъ и Джонъ Іліотъ. — (²) 11 мая 1626. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 103. — (³) 13 мая 1626. *Parliam. Hist.* t. II col. 120. — (⁴) *Parl. Hist.*, t. II, col. 122—124. — (⁵) 8 іюня 1626. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 125 и слѣд.

на площади, и всѣ, у кого были экземпляры, получили приказаніе сжечь ихъ¹. Лордъ Арундель былъ арестованъ въ своемъ домѣ, лордъ Бристоль посаженъ въ Тоуэръ²; герцогъ Буккингэмъ вздохнулъ свободнѣе, и Карлъ почувствовалъ себя королемъ.

Радость его была такъ же непродолжительна, какъ не дальновидны были его расчеты: и у абсолютной власти бываютъ свои нужды. Завязавши разорительную войну съ Испаніей и Австріей, Карлъ не располагалъ достаточной арміей, которую могъ бы употребить въ одно и то же время и противъ непріятелей и противъ подданныхъ. Его сухопутныя войска, малочисленныя и худо-обученныя, стоили ему очень-дорого. Между моряками господствовалъ пуританизмъ; на милицію онъ не рѣшался положиться, ибо на нее гораздо-больше имѣли вліянія горожане или дворяне графствъ, нежели король. Онъ устранилъ противниковъ, но не избавился отъ затрудненій и препятствій. Между-тѣмъ безумная гордость Буккингэма подала поводъ къ новымъ затрудненіямъ. Желая отмстить кардиналу Ришельё, недопускавшему его воротиться въ Парижъ, чтобъ добиваться дерзкихъ успѣховъ около Анны Австрійской, онъ уговорилъ своего государя начать войну съ Франціей. Предлогомъ послужили интересы протестантизма: надобно было спасти осажденную Ла-Рошель и предупредить раззореніе французскихъ реформатовъ. Надѣялись, что изъ-за этого дѣла народъ станетъ вооружаться съ восторгомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, позволитъ себя насиловать.

Назначенъ былъ всеобщій заемъ, равный суммѣ тѣхъ субсидій, которыя были обѣщаны, но не утверждены парламентомъ. Комиссарамъ вмѣнено было въ обязанность спрашивать у несогласныхъ, почему они отказываются, узнавать, кто ихъ подговариваетъ, съ какими именно рѣчами и съ какими намѣреніями. Это было въ одно и то же время вымогательство имущества и выпытываніе мнѣній. Полки проходили черезъ графства или располагались въ нихъ постоемъ, на тягость жителямъ. Обитатели портовъ и приморскихъ округовъ получили

(¹) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 207. — (²) Тамъ же, col. 193.

приказаніе выставить на свой счетъ вооруженныя суда съ экипажемъ — первый опытъ корабельнаго налога. У Лондона потребовали двадцать кораблей: городъ отвѣчалъ, что королева Елизавета, для отраженія непобѣдимой армады Филиппа Второго, не требовала такъ много; ему возразили, что «прошедшія времена подають примѣръ повиновенія, а не противорѣчій¹». Чтобъ оправдать подобный языкъ, приказано было проповѣдывать во всѣхъ церквахъ ученіе о слѣпомъ повиновеніи. Прелатъ любимый народомъ, архіепископъ кэнтербѣрійскій, Джорджъ Абботъ, не хотѣлъ дозволить въ своемъ округѣ продажу такихъ проповѣдей: онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и сосланъ.

Разсчетъ на страсти народа былъ слишкомъ невѣрентъ: народъ не согласился отречься отъ свободы ради вѣры. Притомъ, онъ не довѣрялъ искренности этого новаго рвенія къ вѣрѣ. Не трогай его свободы, созови парламентъ: тогда онъ далъ бы реформатамъ континента болѣе-твердое подкрѣпленіе. Многіе изъ гражданъ отказались содѣйствовать займу. Одни, неизвѣстные и слабые, были насильно завербованы во флотъ или въ армію; другіе брошены въ тюрьмы или получили отдаленныя назначенія, отъ которыхъ не могли отказаться. Неудовольствіе не ограничилось однимъ ропотомъ, хотя и не разразилось въ мятежъ. Пятеро дворянъ, задержанныхъ по приказанію тайнаго совѣта, потребовали, чтобъ королевскій судъ выпустилъ ихъ на поруки, на что имѣлъ право каждый англичанинъ. Властолюбивый король и раздраженная нація торопили рѣшеніе дѣла². Король требовалъ отъ судей, чтобъ они постановили за правило, что лицо, арестованное по его приказанію, не можетъ быть взято на поруки; народъ хотѣлъ знать, не-уже-ли для защитниковъ его правъ потеряна всякая гарантія. Судъ отвергъ ихъ просьбу и отослалъ ихъ назадъ въ тюрьму, однакожь не постановилъ общаго

(¹) Whitelocke, *Memorials of the English affairs*, etc. стр. 7, изд. вѣлнсть, 1682. — (²) Они назывались: Томасъ Дэрнелъ, Джонъ Корбетъ, Вальтеръ Эрль, Джонъ Эвинггэмъ и Эдмонъ Гемденъ, котораго не надо смѣшивать съ двоюроднымъ братомъ его, Джономъ Гемденемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ впоследствии.

правила, какого желалъ король¹. Уже магистраты, пораженные двоякимъ страхомъ, не смѣли дѣйствовать ни въ духѣ рабской покорности, ни въ духѣ справедливости и, чтобъ не накликать бѣды, отказывались служить деспотизму, но не поддерживали и свободы.

Ревностно заботясь объ охраненіи всякаго права, народъ взялъ подъ свое покровительство даже тѣхъ солдатъ, которые служили орудіемъ деспотизму. Со всѣхъ сторонъ жаловались на ихъ неистовства. Чтобъ остановить ихъ, введенъ былъ въ силу законъ, дѣйствующій обыкновенно тогда, когда страна объявляется въ военномъ положеніи. Такое самовластное распоряженіе короля безъ участія парламента не понравилось: находили неприличнымъ, чтобъ англичанинъ былъ лишенъ защиты закона, будь онъ солдатъ или не солдатъ, служи онъ орудіемъ защиты или орудіемъ угнетенія своихъ согражданъ.

Среди этого раздраженія, все еще безсмыслаго, но болѣе и болѣе принимавшаго угрожающій характеръ, получено было извѣстіе, что экспедиція, отправленная на помощь Ла-Рошели подъ личнымъ начальствомъ Буккингэма, была неудачна². Причиной неудачи была неопытность генерала: онъ не сумѣлъ ни овладѣть островомъ Ре, ни ретироваться безъ потери лучшихъ своихъ офицеровъ и солдатъ. Давно уже Англія не платила такъ дорого за такой позоръ³. Въ городахъ, селахъ, множество семействъ, любимыхъ и уважаемыхъ народомъ, носили трауръ. Негодованіе было всеобщее. Земледѣлецъ оставлялъ свое поле, ремесленникъ—свою мастерскую, и шелъ узнать, не потерялъ ли его патронъ, дворянинъ или горожанинъ, брата или сына; на возвратномъ пути онъ рассказывалъ сосѣдямъ про бѣдствія, о которыхъ наслушался, про страданія, какихъ насмотрѣлся, проклиналъ Буккингэма и винилъ короля. Новыя потери еще болѣе раздражили умы: непріятельскій флотъ началъ беспокоить и задерживать англійскую торговлю: корабли столли въ портахъ;

(¹) 28 ноября 1627. Cobbett, *Stats Trials*, t. III, col. 1—59. — (²) 23 октября 1627. — (³) Это бѣдственное событіе весьма-энергичски описано въ письмѣ Голмиса къ Томасу Уэнтворту, 19 ноября 1627. *Strafford's Letters and Dispatches*, t. I, p. 41.

матросы праздно толковали о неудачах королевского флота и о причинах их собственного бездействия. Мелкое дворянство, горожане, народ тьсны и тьсны соединились в общем негодовании.

Не смотря на свою надменность, Буккингэм, по возвращении в Англию, почувствовал тяжесть общественной ненависти и необходимость избавиться от нее. Притом надобно было найти как-нибудь средства, чтобы выйти из затруднения. Все, что могла или умела сдѣлать тираннія, было исчерпано. Позвали в королевский совет сэра Роберта Коттона, как самого кроткого из людей, пользовавшихся популярностью. Он говорил умно и откровенно, настойчиво указывал на справедливые жалобы нации, на необходимость удовлетворить им, чтобы получить ее помощь, и напоминал слова, сказанные лордом Борлеем королеве Елизавете: «Овладейте их сердцами — кошельки и руки будут ваши¹». Он подал мысль созвать новый парламент. Положено было, что в совет, на котором это будет официально объявлено, предложение сдѣлает герцог Буккингэм, чтобы примириться с публикой. Король согласился на мнение сэра Роберта.

Тотчас же темницы открылись. Неожиданно вышли из них люди, заключенные за сопротивление деспотизму². Вчера их оскорбляли, сегодня они были всемогущи. С восторгом приняла их публика; двадцать-семь человек были выбраны³. Парламент собрался (17 марта 1628 г.).

«Господа!» сказал король, открывая заседание: «отныне пусть каждый действует по совести. Еслиб случилось (от чего Боже сохрани!), что вы, презрев свои обязанности, усомнились бы доставить мне то, чего требуют теперь нужды нашего государства, моя обязанность повелѣвает мне принять другія мѣры, которыя Бог вручил мне; чтобы спасти то, что могло бы погибнуть от безумия немногих. Не примите этого за угрозу: я не унижусь до того, чтобы грозить кому-либо, кроме равных мне; это только

(¹) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 212—217. — (²) В числѣ семидесяти-посемью человекъ. *Rushwoth*, t. I, p. 473. — (³) Тамъ же.

предостережение, которое вамъ даетъ тотъ, кому природа и долгъ вѣрили попечение о вашемъ благѣ и счастіи. Онъ надеется, что ваше нынѣшнее поведеніе позволитъ ему одобритъ ваши прежніе совѣты, и что я, въ благодарность за это, приму на себя обязательства, которыя дадутъ мне случай часто созывать васъ¹».

Хранитель печати прибавилъ послѣ короля: «Его величество счелъ долгомъ обратиться къ парламенту для собранія субсидій, не какъ къ единственному средству, но какъ къ наиболее-приличному, не потому, чтобы у него не было другихъ средствъ, но потому, что это средство болѣе согласуется съ его благими намѣреніями и съ желаніемъ его подданныхъ. Если оно будетъ безуспѣшно, необходимость и мечъ врага заставятъ насъ принять другія мѣры. Не забывайте предостереженія его величества... и вамъ повторю, не забывайте²!»

Такимъ-образомъ Карлъ хотѣлъ своими рѣчами замаскировать свое положеніе. Являясь надменнымъ просителемъ, падалъ подъ тяжестью неудачъ и ошибокъ, онъ въ то же время грозился этимъ независимымъ величествомъ, абсолютнымъ, столицимъ выше всякихъ ошибокъ и неудачъ. Онъ до такой степени былъ ослѣпленъ имъ, что ему и въ мысль не приходило, чтобы могъ кто-нибудь посягнуть на него. Онъ былъ высокомеренъ отъ души. Ему казалось, что честь и санъ обязываютъ его сохранять права и тонъ деспотизма, требуя помощи у свободы.

Нижняя палата не смутилась отъ этихъ угрозъ: ее занимала мысль неменѣ-гордая, неменѣ-непреклонная. Она рѣшилась торжественно провозгласить свои права и принудить власть признать ихъ основными, независимыми; наконецъ, она не хотѣла уже терпѣть, чтобы право выдавалось за милость, злоупотребленіе—за право. Въ вождыхъ и въ ратникахъ для этого великаго дѣла не было недостатка. Весь народъ толпился вокругъ парламента. Внутри его люди искусные и смѣлые руководили его советами: сэръ Эдуардъ Кокъ,

(¹) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 218. — (²) Тамъ же, col. 221.

честь магистратуры, столько же знаменитый своею твердостью, как и опытностью¹; сэръ Томасъ Уэнтвортъ, впоследствии лордъ Страчфордъ², пылкій, краснорѣчивый, рожденный повелѣвать и, повидимому, ограничившій все свое честолюбіе удивленіемъ народа; Дензиль Голлизъ³, младшій сынъ лорда Клера, товарищъ дѣтства Карла, но искренній другъ свободы и изъ гордости немогшій служить при какомъ-нибудь временщикѣ; Пимъ, ученый юрисконсультъ, въ особенноти знакомый со всѣми правами и обычаями парламента⁴, умъ холодный и смѣлый, способный благоразумно руководить народными страстями—и множество другихъ, которыми невѣдомое будущее готовило чрезвычайно—различную судьбу и даже противоположныя дороги, но которые теперь всѣ были соединены одинакими началами и желаніями. Дворъ могъ противопоставить этой страшной коалиціи только силу привычекъ, капризную дерзость Буккингэма, да упрямую надменность короля.

Первыя сношенія государя съ парламентомъ были довольно-мирны. При всѣхъ своихъ угрозахъ, Карлъ чувствовалъ, что надобно уступить, а палата, рѣшившаяся возвратить себѣ всѣ свои права, также имѣла твердое намѣреніе показать съ своей стороны преданность. Карлъ не обижался свободою рѣчей; а рѣчи были свободны и въ то же время законны. «Умолило палату» говорилъ Бенджаминъ Рудердъ⁵ «тщательно избѣгать всякаго повода къ пустымъ преніямъ. Сердца королей и санъ ихъ высоки; имъ прилично уступать тогда, когда имъ, въ свою очередь, уступаютъ. Откроемъ королю возможность, чтобъ онъ воротился къ намъ какъ-бы самъ-собою: я убѣжденъ, что онъ нетерпѣливо ожидаетъ только случая. Употребимъ всѣ усилія, чтобъ расположить короля въ нашу пользу, и получимъ все, чего только можемъ желать.» Не всѣ умы были

(¹) Родился въ Милгэмѣ, въ Норфолькскомъ Графствѣ, въ 1549; ему было тогда 79 лѣтъ. — (²) Родился въ Лондонѣ, 13 апрѣля 1593; ему было тогда 35 лѣтъ. — (³) Родился въ 1597, въ Гаугтонѣ, въ Ноттингемскомъ Графствѣ; ему было тогда 31 годъ. — (⁴) Родился въ 1584, въ Сомерсетскомъ Графствѣ; ему было тогда 44 года. — (⁵) 22 марта 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 238.

наполнены такими миролюбивыми мыслями: другіе, не столько мягкіе, не видѣли бѣды въ новомъ разрывѣ. Однакожъ всѣ показали себя одушевленными однимъ желаніемъ, и палата, ведя разсмотрѣніе жалобъ народныхъ рядомъ съ нуждами престола, предложила единодушно, послѣ пятнадцати-дневныхъ засѣданій (4 апрѣля 1628), значительныя субсидіи, впрочемъ не обращая этого предложенія тотчасъ же въ законъ.

Радость короля была чрезмѣрна. Онъ немедленно созвалъ большой совѣтъ (6 апрѣля 1628) и, увѣдомляя его о предложении палаты, сказалъ: «Когда я вступилъ на престолъ, я любилъ парламенты; потомъ какъ-то они мнѣ надобли; теперь я опять возвращаюсь къ прежнему. Я ихъ люблю и очень буду радъ совѣщаться какъ-можно-чаще съ моимъ народомъ: этотъ день даетъ мнѣ въ христіанскомъ мірѣ такой кредитъ, каково я не получилъ бы, выигравши множество сраженій.» Такой же восторгъ обнаружился въ совѣтѣ. Буккингэмъ счелъ нужнымъ такъ же громко выразить свою радость, какъ и Карлъ. Онъ поздравилъ короля съ такимъ счастливымъ окончаніемъ несогласій. «Это важнѣе, чѣмъ субсидіи» сказалъ онъ: «это цѣлый родникъ субсидій, который вы открыли въ сердцахъ вашихъ подданныхъ. Позвольте мнѣ, ваше величество, присоединить нѣсколько словъ. Признаюсь, долго жизнь моя была печальна; сонъ не приносилъ мнѣ покоя, богатство не радовало меня: такъ горько было мнѣ слыть за челоуѣка, который ссоритъ короля съ народомъ и народъ съ королемъ! Отнынѣ будетъ ясно, что только предубѣжденные умы хотѣли выдать меня за какого-то злаго духа, вѣчно становящагося между государемъ и его вѣрными подданными. Пользуясь милостями вашего величества, я постараюсь показать, что я благодарный геній, безпрестанно думающій только о томъ, чтобы оказывать всѣмъ услуги — услуги мирныя!»

Государственный секретарь Кукъ объявилъ палатѣ объ удовольствіи короля и о благоволеніи, которое онъ во всѣхъ дѣлахъ готовъ оказывать парламенту². Палата радовалась. Но Кукъ имѣлъ неосторожность и низость упомянуть также о

(¹) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 274. — (²) 7 апрѣля 1628.

Буккингемъ и о рѣчи, которую онъ произнесъ въ совѣтъ. Этимъ палата оскорбилась. Сэръ Джонъ Эмлютъ сказалъ: «Уже-ли же есть человекъ, какого бы то ни было сана, который бы дерзнулъ думать, что его благоволеніе и его слова нужны намъ для исполненія нашихъ обязанностей относительно его величества? Или полагаютъ, что кто бы то ни было можетъ внушить его величеству больше расположенія къ намъ, чѣмъ сколько онъ самъ захочетъ показать? Не думаю. Я готовъ хвалить, даже благодарить всякаго, кто употребляетъ свое значеніе и силу для блага общественнаго; но такія притязанія противны обычаямъ нашихъ предковъ и нашей чести. Я не могу слышать объ нихъ безъ удивленія, не могу пропустить ихъ безъ порицанія. Желая, чтобъ подобное вмѣшательство не повторялось болѣе. Будемъ служить королю. Надѣюсь, мы можемъ сами сдѣлаться ему полезными и не нуждаемся ни въ какой посторонней помощи для приобретѣнія любви его! .»

Эта весьма-законная гордость показала Карлу дерзостью, а Буккингему — вѣрнымъ признакомъ новыхъ опасностей. Однакожъ ни тотъ, ни другой не дали ничего замѣтить, и палата продолжала свои работы.

Она вошла въ сношеніе съ верхней палатой, чтобъ общими силами опредѣлить истинныя права гражданъ и требовать отъ короля новаго и торжественнаго ихъ подтвержденія². Узнавши о намѣреніяхъ депутатовъ, Карлъ былъ сильно встревоженъ. Онъ велѣлъ напомнить палатѣ, чтобъ она пресѣшила заняться окончательнымъ постановленіемъ о субсидіяхъ; а министръ его прибавилъ: «Къ прискорбію своему, я долженъ вамъ сказать, что до свѣдѣнія его величества дошло, будто-бы вы хотите дѣйствовать не только противъ злоупотребленій власти, но даже противъ самой власти. Это слишкомъ затрогиваетъ короля, а также и насъ, пользующихся его высокимъ благоволеніемъ. Будемъ говорить королю о злоупотребленіяхъ, которыя могли вкрасться въ исполненіе его воли — онъ насъ выслушаетъ охотно — но не будемъ посягать на предѣлы его

(¹) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 278. — (²) 3 апрѣля 1628.

власти: онъ готовъ исправить ея уклоненія, но не захочетъ обрѣзывать ея правъ¹.»

Палата перовъ, изъ раболѣпства или изъ робости, предложила, съ своей стороны, нижней палатѣ, чтобы она удовлетворялась полученіемъ деклараціи, въ которой бы сказано было, что Великая Хартія находится въ полномъ дѣйствіи вмѣстѣ со всѣми статутами, ее подтверждающими, что льготы англійскаго народа сохраняются по-прежнему, и что король будетъ пользоваться правами, предоставленными верховной власти, единственно для блага своихъ подданныхъ².

Король созвалъ обѣ палаты въ торжественное засѣданіе, объявилъ имъ, что Великую Хартію онъ почитаетъ неприкосновенною, древніе статуты ненарушимыми, а насчетъ охраненія своихъ правъ пригласилъ ихъ положиться на его королевское слово, прибавляя, что въ немъ они найдутъ гораздо-больше обезпеченія, нежели во всякомъ новомъ законѣ³.

Это не испугало и не обмануло палаты. Злоупотребленія, которыя были еще въ свѣжей памяти, несмотря на противопоставленную имъ силу, перешли предѣлы, предусмотрѣнные прежними законами; нужны были новыя гарантіи, ясныя, огражденные санкціей всего парламента. Возобновлять эти неопредѣленные обѣщанія, столько разъ нарушенныя, эти давно-забытые статуты, было все-равно, что ничего. Не распространяясь въ словахъ, не переходя границъ почтительности, но сохраняя въ то же время твердость непоколебимую, палата составила знаменитый билль, извѣстный подъ именемъ «прошенія о правахъ», приняла его и передала верхней палатѣ для полученія также ея согласія (8 мая 1628).

Перы ничего не могли сказать противъ этого билля, освящающаго всѣми признанія права или уничтожавшаго злоупотребленія, которыми всѣ были недовольны. Однакожъ король настаивалъ, чтобъ положились на одно его слово, предлагалъ подтвердить новымъ биллемъ Великую Хартію и древніе статуты, слалъ къ перамъ совѣтъ за совѣтомъ, къ депу-

(¹) 12 апрѣля 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 278. — (²) 23 апрѣля 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 329. — (³) 28 апрѣля 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 332.

татамъ—посланіе за посланіемъ. Онъ былъ сильно раздраженъ, но хранилъ благоразуміе и умѣренность въ рѣчахъ и только высказывалъ твердую рѣшимость не допускать ни малѣйшаго ограниченія своихъ правъ, но и не употреблять ихъ никогда во зло.

Перы находились въ сильномъ затрудненіи, какъ обезпечить права народа, не отнимая неограниченной власти у короля—ибо таковъ былъ вопросъ. Попробовали смягчить билль; его приняли съ слѣдующимъ прибавленіемъ: «Мы подносимъ вашему величеству это всенижайшее прошеніе съ тѣмъ, чтобъ обезпечить наши собственыя права, но въ то же время съ подобающимъ уваженіемъ къ полной неприкосновенности верховной власти, которою облечено ваше величество для покровительства, безопасности и счастья вашихъ подданныхъ¹.»

Когда билль, смягченный этимъ прибавленіемъ, возвратился въ нижнюю палату, М. Альфордъ сказалъ: «Откроемъ наши протоколы и посмотримъ, что въ нихъ заключается. Что такое верховная власть? По Бодену, это власть, свободная отъ всякихъ условій. Слѣдовательно, мы будемъ признавать двѣ власти: одну — законную, другую — королевскую. Дадимъ королю то, что даетъ ему законъ, и больше ничего». «Я не въ состояннн» сказалъ М. Пимъ «говорить объ этомъ вопросѣ, ибо не знаю, въ чемъ онъ состоитъ. Наше прошеніе ссылается на законы Англій. Здѣсь дѣло идетъ о власти, отличной отъ власти законовъ: гдѣ она? Ея нѣтъ нигдѣ—ни въ Великой Хартіи, ни въ какомъ-либо статутѣ: гдѣ жъ намъ ее взять, чтобы дать?». «Если мы примемъ это смягченіе билля» сказалъ сэръ Томасъ Уэнтвортъ «мы оставимъ дѣла въ гораздо-худшемъ положеніи, нежели въ какомъ ихъ нашли; мы запишемъ въ число законовъ эту верховную власть, которой никогда не знали наши законы².»

Палата держалась крѣпко; публика была въ нетерпѣливомъ ожиданнн. Перы, по слабости своей несмѣвшіе громко требовать свободы, были столько же слабы и для того, чтобъ сома-

(¹) 17 мая 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 385. — (²) 18 мая 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 386—389.

ситься безвозвратно на тираннію. Они взяли назадъ свое прибавленіе. Изъ уваженія къ нимъ, на мѣсто ея была поставлена какая-то незначащая фраза, и «прошеніе о правахъ», принятое обѣими палатами, было торжественно представлено королю, который былъ наконецъ побѣжденъ и общался принять его (28 мая 1628).

Отвѣтъ его былъ неопредѣленный, уклончивый¹; онъ не подписалъ билля и сказалъ единственно то, чѣмъ палата не хотѣла довольствоваться.

Побѣда ускользала изъ рукъ депутатовъ. Возвратившись въ свою залу, они снова начали работать². Сэръ Джонъ Эллиотъ энергически исчислялъ всѣ жалобы націи. Экзекутору приказано было стоять у дверей и не выпускать никого изъ членовъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Рѣшено было представить королю порицаніе отъ лица всей палаты. Составленіе этого акта было возложено на комитетъ субсидій.

Нѣкоторые начинали чувствовать страхъ — этотъ честный страхъ, который раждается при видѣ великихъ смутъ и который не разбираетъ уже, кто правъ, кто виноватъ и что должно дѣлать, но хочетъ остановить людей въ ту самую минуту, когда они готовы кинуться другъ на друга. Эллиота стали обвинять въ личной враждѣ, Томаса Уэнтворта — въ безразсудствѣ; про Эдуарда Кука заговорили, что онъ всегда былъ грубъ и упрямъ³. Король увидѣлъ въ этомъ расположеннн средство остановить противодѣйствіе, даже, быть-можетъ, поворотить его назадъ. Онъ запретилъ палатѣ вмѣшиваться впредь въ государственныя дѣла⁴.

Вся палата пришла въ уныніе: это ужъ было слишкомъ. Самые умѣренные сочли это за оскорбленіе. Всѣ молчали. «Должно-быть, очень велики наши грѣхи» сказалъ Сэръ Джонъ Эллиотъ: «Богу извѣстно, съ какою любовію, съ какимъ усердіемъ старались мы смягчить сердце короля! Нѣтъ сомнѣнн, какіе-нибудь живые доносы навлекли на насъ съ его стороны

(¹) 2 іюня 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 374—377. — (²) 3 іюня 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 380. — (³) *Parliam. Hist.*; t. II, col. 385. — (⁴) 5 іюня 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 401.

такое неудовольствие. Говорятъ, мы бросили нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на министровъ его величества. Какъ бы дорогъ ни былъ его министръ, онъ не можетъ...»

При этихъ словахъ, ораторъ¹ внезапно поднялся съ кресла и, зарыдавъ, сказалъ: «Я имѣю приказаніе заставить молчать всякого, кто станетъ худо говорить про министровъ короля.» Сэръ Джонъ сѣлъ на свое мѣсто.

«Если намъ нельзя говорить объ этихъ вещахъ въ парламентѣ» сказалъ сэръ Додлей Диггзъ «встанемъ и уйдемъ или будемъ сидѣть здѣсь праздными и нѣмыми.» Всѣ молчали.

Наконецъ Натаніель Ричъ вскричалъ: «Мы должны говорить теперь, или никогда! Намъ неприлично молчать въ такую минуту. Молчаніе можетъ спасти насъ; но оно губитъ государя и государство. Пойдемъ къ лордамъ, объявимъ имъ о нашей опасности и сообщаемъ королю наши представленія.»

Въ одно мгновеніе палата перешла отъ оцѣмѣнія къ негодованію. Всѣ члены встали съ своихъ мѣстъ, всѣ заговорили разомъ. «Король добръ» сказалъ М. Киртонъ: «никогда еще не было такого добраго короля. Это враги государства вооружили его противъ насъ; но Богъ пошлетъ намъ, я твердо увѣренъ, сердца, руки и шпаги, чтобъ перерѣзать враговъ короля и нашихъ.» — «Это не король, а герцогъ говоритъ намъ: не мѣшайтесь въ государственныя дѣла» прерывалъ старый Кокъ. «Онъ! онъ!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Ораторъ всталъ съ кресла, безпорядокъ увеличивался, и никто не думалъ прекращать его. Благоразумнымъ людямъ нечего было сказать, ибо негодованіе бываетъ иногда законнымъ даже въ глазахъ тѣхъ, кто никогда не раздражается².

Пока палата, среди этого смятенія, задумывала самую сильную мѣру, ораторъ незамѣтно вышелъ и поспѣшно отправился къ королю, чтобъ увѣдомить его объ опасномъ поло-

(¹) Ораторомъ (speaker) называется предсѣдатель нижней палаты англійскаго парламента. — (²) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 401—403.

женіи дѣла¹. Страхъ перешелъ изъ палаты во дворецъ. На другой день прислано было болѣе-кроткое объясненіе того посланія, которое произвело такое раздраженіе²; но словами не довольствовались. Палата оставалась въ сильномъ волненіи. Тамъ говорили, что, по проискамъ Буккингэма, уже собраны нѣмецкія войска и что скоро они высадятся на англійскій берегъ. Одинъ изъ членовъ утверждалъ, что двѣнадцать нѣмецкихъ офицеровъ пріѣхали вчера въ Лондонъ и два англійскіе корабли получили приказаніе перевозить солдатъ³. Вопросъ о субсидіяхъ еще не былъ рѣшенъ. Карлъ и его любимецъ побоялись раздражать долге палаты, которыхъ сила съ каждымъ днемъ возрастала. Оба они были увѣрены, что полное принятіе прошенія о правахъ совершенно успокоитъ всѣхъ. Король явился въ палату перовъ, куда собрались также и депутаты (7 іюня 1628). «Напрасно» сказалъ онъ «въ его первомъ отвѣтѣ предполагали какую-то заднюю мысль; онъ готовъ дать такой отвѣтъ, который разсѣетъ всякое подозрѣніе». Прошеніе было прочитано снова, и Карлъ отвѣчалъ обычной формулой: «Да будетъ по желанію.»

Нижняя палата торжествовала. Наконецъ вырвано было у короля торжественное признаніе правъ англійскаго народа! Надобно было придать этому событію всю возможную гласность: положили напечатать прошеніе о правахъ вмѣстѣ съ послѣднимъ отвѣтомъ короля, для распространенія въ народѣ, и заявить ихъ не только въ протоколахъ обѣихъ палатъ, но также и въ вестминстерскихъ судахъ. Билль о субсидіяхъ былъ окончательно принятъ. Карлъ видѣлъ конецъ своимъ испытаніямъ: «Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависитъ» сказалъ онъ: «если этотъ парламентъ кончится неблагополучно, виноваты будете вы; меня отнынѣ ни въ чемъ не могутъ упрекать⁴.»

Но старое зло не вылечивается такъ скоро, и честолюбіе раздраженнаго народа не удовлетворится первымъ успѣхомъ. Одною подтвержденіемъ билля о правахъ было очевидно недо-

(¹) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 403. — (²) Тамъ же, col. 406. — (³) Тамъ же, col. 408. Rushworth, t. I, p. 612. — (⁴) *Parliam. Hist.*, t. II, col. 409.

статочно: этимъ совершена была реформа только въ началахъ. Безъ реформы самаго примѣненія она ничего не значила: а чтобъ обезпечить реформу примѣненія, нужно было переимѣнить министровъ. Между-тѣмъ Буккингэмъ стоялъ попрежнему твердо, а король по-прежнему собиралъ таможенные пошлины, не спрашиваясь парламента. Опытъ научилъ палату, какъ опасно медлить. Страсть мѣшала ей видѣть опасность слишкомъ-наглой и грубой требовательности, гордость и ненависть присоединялись къ инстинкту необходимости, и палата рѣшилась на послѣдній ударъ. Въ одну недѣлю составлены были двѣ новыя ремонстраціи: одна противъ герцога, другая для установленія того, что таможенные пошлины, какъ и всякій налогъ, должны быть взимаемы не иначе, какъ въ силу законовъ¹.

Король потерялъ терпѣніе и, рѣшившись дать себѣ крайней-мѣрѣ нѣкоторый отдыхъ, явился въ палату перовъ, призвалъ туда депутатовъ и отсрочилъ засѣданія парламента (26 іюня 1628).

Черезъ два мѣсяца герцогъ Буккингэмскій былъ умерщвленъ (23 авг.). Въ шляпѣ его убійцы, Фельтона, нашли зашитую бумагу, которая напоминала послѣднюю ремонстрацію палаты². Фельтонъ не бѣжалъ, не оправдывался, говорилъ просто, что онъ считалъ герцога врагомъ королевства, качалъ головой, когда его спрашивали о сообщникахъ, и умеръ спокойно, сознавшись, впрочемъ, въ своей виновности³.

Карла смутило это страшное убійство, а радость, которую показала при этомъ чернь, привела его въ негодование. По закрытіи засѣданія, онъ думалъ-было сдѣлать снисхожденіе обществу: велѣлъ замолчать проповѣдникамъ слѣднаго повинновенія, и принялъ нѣкоторыя строгія мѣры противъ папистовъ, этихъ вѣчныхъ жертвъ, обреченныхъ мирить короля съ народомъ. Умерщвленіе Буккингэма, въ которомъ народъ видѣлъ свое освобожденіе, привело короля къ прежней тиранинн. Онъ возвратилъ свои милости против-

(¹) 13 и 21 іюня 1628. *Parliam. Hist.*, t. II, col. 420—431. — (²) См. *Приложеніе II*. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, t. I, p. 48. *State-Trials*, t. III, col. 367.

никамъ парламента: докторъ Монтегъ, котораго преслѣдовала нижняя палата, сдѣланъ былъ епископомъ чичестерскимъ. Докторъ Мануэрингъ, котораго верхняя палата осудила, получилъ доходное мѣсто. Епископъ Лодъ¹, пресловутый иоборникъ королевской и церковной власти, поставленъ былъ на епархію въ Лондонъ. Общественныя мѣры соответствовали придворнымъ милостямъ: таможенные пошлины были взимаемы строго; исключительные трибуналы попрежнему стали нарушать теченіе законовъ. Незамѣтно воротившись на путь деспотизма, Карлъ могъ обѣщать себѣ еще болѣшій успѣхъ. Ему удалось отнять у народной партіи самаго блистательнаго изъ ея представителей, самаго краснорѣчиваго изъ ея ораторовъ: сэръ Томасъ Уэнтвортъ сдѣланъ барономъ и вступилъ въ государственный совѣтъ, несмотря на упреки и даже на угрозы своихъ прежнихъ друзей. «Я вамъ назначаю свиданіе въ вестминстерской залѣ» сказалъ ему М. Пимъ, при послѣднемъ прощаніи. Но честолюбивый и гордый Уэнтвортъ съ увлеченіемъ страсти устремился къ почестямъ, не предвидя того, до какой степени сдѣлается онъ впоследствии ненавистенъ друзьямъ свободы. За его отпаденіемъ послѣдовали другія измѣны². И Карлъ, окруженный новыми совѣтниками, болѣе-серьезными, болѣе-искусными и не столько очерченными, какъ Буккингэмъ, безъ страха ждалъ вторичныхъ засѣданій парламента (20 янв. 1629).

Лишь-только засѣданіе было открыто, депутаты захотѣли знать, какое исполненіе дано было биллю о правахъ. (21 янв. 1629). Они удостовѣрились, что къ нему былъ присоединенъ не второй отвѣтъ короля, а первый, уклончивый и отвергнутый. Королевскій типографчикъ Нортонъ сознался, что, на другой день по закрытіи парламента, онъ получилъ приказаніе измѣнить текстъ и уничтожить всѣ экземпляры, заключавшіе въ себѣ настоящій отвѣтъ — тотъ отвѣтъ, которымъ хвастался Карлъ, говоря: «я сдѣлалъ все, что отъ меня зависитъ; отнынѣ меня не въ чемъ болѣе упрекать».

(¹) Родился 7 октября 1573, въ Ридингъ; ему было тогда 54 года, и онъ былъ епископомъ бѣтскимъ и уэльскимъ. — (²) Доллей Дингъ, Эдуардъ Литтлтонъ, Ной, Уондесфордъ, и пр.

Депутаты приказали принести бумаги, удостоверились въ подмѣнѣ текста и ни слова не сказали о немъ, какъ-бы стыдись раскрывать такой подлогъ; но по ихъ молчанію нельзя было заключать, что они забудутъ о немъ¹.

Снова поднялся ропотъ противъ терпимости въ-отношеніи къ папистамъ, противъ снисхожденія къ ложнымъ ученіямъ, противъ ослабленія нравственности, противъ неправильной раздачи чиновъ и мѣстъ, противъ исключительныхъ судовъ, противъ презрѣнія правъ народныхъ².

Такъ велико было негодованіе палаты, что, одинъ разъ, она, среди всеобщей тишины и съ благосклоннымъ вниманіемъ, выслушала челоуѣка, совершенно неизвѣстнаго, дурно одѣтаго, грубаго съ вида, который заговорилъ въ первый разъ, какъ бѣшеный и плохимъ языкомъ, жалуясь на снисходительность одного епископа къ какому-то неизвѣстному проповѣднику, «пошлomu паписту», какъ онъ выражался. Это былъ Оливеръ Кромвель³.

Напрасно Карлъ старался добиться отъ палаты уступки таможенныхъ пошлинъ, что было для него единственною цѣлію новаго собранія. Онъ употреблялъ и угрозы и кроткія убѣжденія, сознавался, что получилъ эти пошлины, какъ и всѣ другіе государи, въ даръ отъ своего народа и что установленіе ихъ зависитъ единственно отъ парламента, но въ то же время требовалъ, чтобъ онъ были предоставлены ему на все время его царствованія, подобно тому, какъ были предоставлены бѣльшей части его предшественниковъ⁴. Палата была непоколебима: это было единственное оружіе, которое оставалось у ней, чтобъ защищаться противъ неограниченной власти. Извиняясь въ своемъ отказѣ, она продолжала упорствовать въ немъ и высказывала свое недовольство, но уже безъ опредѣленнаго предмета, безъ ясныхъ и точныхъ требованій, какія были предъявлены ей въ

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 435. — (²) Тамъ же, col. 438, 466, 473. — (³) 11 февраля 1629. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 464. *Mémoires de Warwick*, p. 203, въ изданномъ г-мъ Гизо *Collection des Mémoires relatifs à la Révolution d'Angleterre*. — (⁴) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 442.

предшествующемъ засѣданіи: она предавалась сильному, но неопредѣленному волненію, чувствуя зло, но не зная, какъ помочь ему. Это начинало утомлять короля. Ему отказывали въ его просьбѣ, но не представляли въ-замѣнъ никакой своей просьбы, не дѣлали никакого предложенія, которое бы онъ могъ отвергнуть, или принять. Во всемъ этомъ была видна просто вражда къ нему, явное намѣреніе дѣйствовать ему наперекоръ. Объявлено было, что король хочетъ отсрочить засѣданія палаты. Сэръ Джонъ Элмотъ успѣвшимъ предложить новую ремонстрацію противъ взиманія пошлинъ (2 марта 1629). Ораторъ, ссылаясь на приказаніе государя, отказался пустить ее на голоса. Депутаты настаивали на-своемъ. Онъ всталъ съ кресла. Голлизъ, Валентинъ и другіе члены насильно усадили его, несмотря на усилія друзей двора вырвать его изъ рукъ ихъ. «Клинусь Богомъ» говорилъ ему Голлизъ «вы будете сидѣть до-тѣхъ-поръ, пока палата не угодно будетъ разойтись.» — «Не хочу, не могу, не долженъ!» кричалъ ораторъ. Но уже страсти были неуправимы: оратора заставили сѣсть. Когда королю донесли объ этой тревогѣ, онъ приказалъ удалить экзекутора съ жезломъ изъ палаты, чѣмъ, по закону, прекращались всякія разсужденія: экзекутора насильно оставили, такъ же, какъ и оратора. У него отняли ключи отъ залы: ихъ взялъ держать одинъ изъ членовъ, Майльзъ Гобертъ. Король прислалъ второе посланіе, объявлявшее, что парламентъ распускается; но двери были заперты изнутри, и посланный короля не могъ войти. Възбѣшенный этимъ, Карлъ позвалъ капитана своей гвардіи и приказалъ ломать двери. Но въ это время депутаты уже разошлись, принявши протестацію, которая признавала взиманіе таможенныхъ пошлинъ незаконнымъ и объявляла измѣнникомъ каждаго, кто станетъ собирать ихъ, и даже того, кто согласится платить¹.

Съ-этихъ-поръ всякое сближеніе было невозможно: король вошелъ въ палату перовъ (10 марта 1629). «Никогда» сказалъ онъ «не входимъ я сюда въ болѣе-неприятныхъ обстоятельствахъ: я пришелъ распустить парламентъ. Единственная причина этого — возмутительное поведеніе нижней пала-

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 487—491.

ты. Не хочу обвинять всѣхъ: знаю, что въ этой палатѣ есть много честныхъ и вѣрныхъ подданныхъ. Они обмануты или запуганы нѣсколькими измѣнниками. Злоумышленники получаютъ должное. Что касается до васъ, лорды верхней палаты, вы можете рассчитывать на всякое покровительство и милость, какую добрый король долженъ оказывать своему вѣрному дворянству¹.» Распушеніе парламента было рѣшено. Черезъ нѣсколько времени вышло объявленіе слѣдующаго содержанія: «Неблагонамѣренные люди распускаютъ слухъ, будто-бы скоро будетъ собранъ парламента. Его величество доказалъ ясно, что онъ не питаетъ ни малѣйшаго отвращенія къ парламентамъ; но ихъ послѣдніе выходы вынудили его перемѣнить образъ дѣйствій. Отнынѣ онъ будетъ считать за личное оскорбленіе всякія рѣчи, всякіе поступки, клонящіеся къ тому, чтобъ предписывать ему какой бы то ни было опредѣленный срокъ для созванія новыхъ парламентамъ².»

Карлъ сдержалъ слово и сталъ управлять одинъ.

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 492. — (²) Тамъ же, col. 525.

КНИГА ВТОРАЯ.

Намѣренія короля и его совѣта. — Преслѣдованіе главныхъ членовъ парламента. — Наружное равнодушіе Англіи. — Борьба министровъ съ дворомъ. — Королева. — Страффордъ. — Лодъ. — Разнохарактерный составъ правительства и недовѣріе къ нему. — Притѣсненія гражданскія и религіозныя. — Дѣйствіе ихъ на разные классы народа. — Процессъ Прейна, Бортона и Бэствика; процессъ Гемдена. — Возстаніе Шотландіи. — Первая война съ шотландцами. — Миръ бервикскій. — Короткій парламента 1640 г. — Вторая война съ шотландцами. — Плохой ея успѣхъ. — Созваніе долгаго парламента.

1629 — 1640.

Ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ избрать извѣстную систему управленія, такъ-сказать, въ видѣ опыта, и притомъ съ скрытою мыслию, что ее всегда можно измѣнить. Карлъ сдѣлалъ подобную ошибку. Онъ пытался управлять, вмѣстѣ съ парламентомъ, но постоянно былъ убѣжденъ и непрерывно повторялъ, что если парламента будетъ слишкомъ неуступчивъ, то онъ счумѣетъ обойтись и безъ него. Съ тѣмъ же легкомысліемъ вступилъ онъ и на поприще самовластиа, гласно объявляя, что будетъ слѣдовать по этому пути, хотя и думалъ втайнѣ, что если обстоятельства стануть слишкомъ тѣснить его, онъ всегда успѣетъ прибѣгнуть къ парламента.

Такъ полагали и самые умные изъ его совѣтниковъ. Ни Карлъ и никто изъ окружающихъ его тогда еще не задумывали уничтожать навсегда старыхъ законовъ Англіи, великаго совѣта народнаго. Ихъ слова, ихъ дѣйствія, болѣе-самонадѣян-

ныя, чѣмъ злонамѣренныя, шли дальше цѣли, которая была въ ихъ мысляхъ. «Король» говорили они «показалъ себя справедливымъ и добрымъ къ народу. Онъ многое позволилъ, многое даровалъ ему.» Однакожь для парламента все было мало: онъ хотѣлъ совершенно подчинить себѣ короля, взять его подъ свою опеку, и король не могъ уступить, не переставъ быть королемъ. Когда государь и парламентъ не могли согласиться, то уступить долженъ былъ парламентъ, потому-что король есть единственный властитель всей страны. Но палата не хотѣла уступить; а потому слѣдовало править безъ нея. Необходимость этого очевидна. Рано ли, поздно ли, народъ пойметъ это, и тогда король, видя, что парламентъ сталъ скромнѣе, вновь можетъ, если понадобится, созвать его.

Еще болѣе недалновидности обнаружилъ дворъ, полагавшій, что распущеніе парламента развяжетъ ему руки. Передъ лицомъ народныхъ представителей, придворнымъ было какъ-то неловко: никто изъ нихъ не осмѣливался гоняться нагло за счастьемъ или открыто наслаждаться своимъ вліяніемъ. Затруднительное положеніе власти стѣснило интриги и бросало тѣнь печали на празднества въ Уайтгаллѣ¹. Король былъ озабоченъ, королева напугана. Но лишь распустили парламентъ, и всѣ эти опасенія, всѣ эти преграды исчезли: мелочное величіе стало блистать по-прежнему, и лакейское честолюбіе снова получило прежнюю свободу. Дворъ и не требовалъ большаго: онъ мало заботился о томъ, измѣнился ли, въ угоду ему, образъ правленія.

Народъ судилъ иначе: распущеніе парламента было въ его глазахъ вѣрнымъ признакомъ глубоко-обдуманнаго, твердаго намѣренія совершенно уничтожить парламенты. Едва разошлась нижняя палата, какъ уже въ Гэмптонкортѣ, въ Уайтгаллѣ, повсюду, гдѣ собирался дворъ, паписты, явные и тайные, проповѣдники и служители абсолютизма, люди, преданные удовольствіямъ или интригамъ и равнодушные ко всякимъ убѣжденіямъ, поздравляли другъ друга съ общимъ торжествомъ; между тѣмъ въ Тоуэрѣ и въ главныхъ темницахъ Лондона и графствъ

(¹) Королевскій дворецъ.

содержались защитники правъ народныхъ, подвергаясь презрѣнію, грубостямъ. Ихъ обвиняли за то, что они говорили или дѣлали въ священныя стѣнахъ парламента¹. Они напоминали о своихъ привилегіяхъ, требовали освобожденія съ отдачей на-поручи. Судьи колебались; но король приказалъ судьямъ² и жалобы заключенныхъ были отвергнуты. Они не теряли мужества въ этомъ тяжкомъ испытаніи. Большая часть изъ нихъ отказались признать себя въ чемъ-либо виновными и заплатили пеню, къ которой были присуждены. Они лучше хотѣли остаться въ тюрьмѣ. Джону Эллиоту суждено было даже умереть тамъ.

Въ-теченіе всего этого процесса общественное неудовольствіе возрастало и безъ страха обнаруживалось. Это было какъ-бы продолженіемъ парламента, который, побѣжденный и распущенный, все еще боролся предъ судомъ народа, въ лицѣ вождей своихъ. Твердость обвиненныхъ подкрѣпляла негодованіе народа. Онъ видѣлъ, какъ они ходили изъ Тоуэра въ Вестминстеръ и обратно, и провожалъ ихъ кликами и привѣтствіями. Замѣтное безпокойство судей поддерживало даже нѣкоторыя надежды. Говорили, что все потеряно, а между-тѣмъ продолжали надѣяться и страшиться, какъ это всегда бываетъ среди борьбы.

Наконецъ эти важныя процессы кончились. Обвиненныхъ постарались запугать или обмануть, и нѣкоторые изъ нихъ заплатили пеню. Имъ позволено было жить не ближе, какъ въ десяти миляхъ отъ королевскаго мѣстопробыванія, и они спѣшили скрыть въ графствахъ свою слабость. Благородная неуступчивость другихъ гибла даромъ въ глубинѣ темницъ. Народъ, ничего болѣе не видя и не слыша, замолкъ, исчезъ въ свою очередь. Правительство, не встрѣчая болѣе противниковъ, стало считать себя господиномъ народа, отъ котораго оно отдѣлилось. Карлъ успѣшилъ заключить миръ съ Франціей (14 апрѣля 1629) и Испаніей (5 ноября 1630) и остался внутри безъ соперниковъ, извнѣ безъ враговъ.

(¹) Арестованы были, изъ членовъ нижней палаты: Голлизъ, Майльзъ Гобертъ, Джонъ Эллиотъ, Петеръ Гейманъ, Сельденъ, Коритонъ, Лонгъ, Стродъ и Валентинъ. State-Trials, т. III, col. 238—338. — (²) Въ сентябрь 1629. Old Parliam. Hist., т. VIII, стр. 374.

Нѣкоторое время ему легко было править. Граждане обратились исключительно къ своимъ частнымъ интересамъ. Не было важныхъ преній; никакихъ волненій не замѣчалось ни между дворянами въ ихъ собраніяхъ по графствамъ, ни между гражданами въ собраніяхъ муниципальных, ни между матросами въ гаваняхъ, ни между рабочими въ мастерскихъ. Не то, чтобъ нація впала въ апатию: дѣятельность ея приняла только другое направленіе. Можно было сказать, что въ трудѣ она силилась забыть ударъ, нанесенный ея свободѣ. Абсолютизмъ Карла, надменнаго, но безпечнаго, почти не тяготилъ народа при этомъ новомъ положеніи дѣлъ. Государь этотъ не питалъ обширныхъ замысловъ, не сгаралъ жаждою славы и опасностей: ему достаточно было наслаждаться, съ подобающимъ величіемъ, своею властью и своимъ саномъ. Миръ позволялъ ему не требовать отъ народа тяжкихъ жертвъ. Народъ предавался земледѣлю, торговлѣ, наукамъ. Его не тревожила честолюбивая и безпокойная тираннія и не вредила его интересамъ. Всеобщее благосостояніе также развивалось быстро; порядокъ царствовалъ повсюду между гражданами, и, судя по этому правильному, цвѣтущему состоянію народа, нельзя было не заключить о мудрости правительства и смиренной покорности подданныхъ¹.

Но близъ трона, и именно среди его служителей, возникли новыя затрудненія для правительства. Когда уже казалось, что борьба короля съ народомъ кончена, явились двѣ партіи — королева и министры, дворъ и государственный совѣтъ — которыя вступили въ споръ за новопріобрѣтенную власть.

Едва успѣвши пріѣхать въ Англію, королева уже нисколько не скрывала, какую скуку наводило на нее новое отечество. Религія, учрежденія, обычаи, языкъ — все ей не нравилось; она даже, вскорѣ послѣ брака, начала выказывать, въ обращеніи съ мужемъ, дѣтскую заносчивость, и Карлъ, доведенный до крайности разными капризными ея выходками, принужденъ былъ отослать на твердую землю нѣкоторыхъ изъ служителей, пріѣхавшихъ съ нею². Только удовольствіе царство-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.* т. I, стр. 126 и слѣд. — (²) Въ юлѣ 1626. См. приложение къ *Запискамъ Лодлоу*, т. I, стр. 437, въ *Collection des Mémoires relatifs à l'histoire de la Révolution d'Angleterre.*

вать могло утѣшить ее въ разлуку съ Франціей, и на это устремила она всѣ свои мысли, лишь-только перестала бояться парламента. Женщина съ умомъ пріятнымъ и живымъ, она вскорѣ пріобрѣла надъ юнымъ королемъ, отличавшимся чистотою нравовъ, сильное вліяніе, которому онъ подчинился съ нѣкотораго рода благодарностію, какъ-бы тронутый тѣмъ, что она наконецъ примирилась съ своимъ положеніемъ. Но блаженство домашней жизни, столь дорогое степенному Карлу, не могло придтись по душѣ легкомысленной, безпокойной и безчувственной Генриеттѣ-Маріи: ей нужно было владычество, всѣми признанное, прихотливое; она хотѣла все знать, всѣмъ распоряжаться; ей нужна была, наконецъ, такая власть, какую любятъ капризныя женщины. Около нея собирались съ одной стороны паписты, съ другой мелочные честолюбцы, охотники до интригъ, молодые придворные, которые въ Парижѣ изучили тайну нравиться ей. Тѣ и другіе признавали непреклонную истину, что только отъ нея одной могутъ они ожидать — одни своего счастья, другіе — торжества, или, по-крайней-мѣрѣ, возстановленія своего вѣроисповѣданія. Въ ея домѣ собирались католики и миссіонеры изъ Рима, чтобы толковать о своихъ сокровеннѣйшихъ надеждахъ. Здѣсь ея любимцы щеголяли идеями, нравами, модами дворцовъ твердой земли¹. Все было здѣсь чуждо и оскорбительно для вѣрованій и привычекъ Англіи; каждый день появлялись проекты и требованія, которымъ можно было удовлетворить только незаконными мѣрами или незаслуженными милостями. Королева вмѣшивалась въ эти интриги, ручаясь за ихъ успѣхъ, требовала того же отъ короля и хотѣла даже, чтобъ онъ, будто-бы для приданія ей бѣльшей важности въ глазахъ народа, совѣтовался съ нею во всякихъ случаяхъ и ничего не предпринималъ безъ ея согласія. Если король не исполнялъ ея желаній, она съ запальчивостью укоряла его, что онъ не умѣетъ ни любить, ни царствовать, и Карлъ думалъ тогда только о томъ, какъ бы разсѣять ея гнѣвъ и печаль, счастливый уже тѣмъ, что она такъ сильно заботится объ его власти и о любви его.

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 48, въ упомянутой *Collection.*

Самые раболѣпные совѣтники короля съ трудомъ и не безъ сопротивленія подчинялись этимъ капризамъ. Двое изъ нихъ, люди неглупые, независимые по убѣжденіямъ и притомъ преданные королю, хотѣли, однакожь, служить ему не такъ, какъ требовали причуды женщины и претензіи двора.

Оставляя свою партію, чтобы присоединиться къ королю, Страффордъ¹ не жертвовалъ никакими опредѣленными убѣжденіями и не измѣнялъ своей совѣсти. Честолюбивый, страстный, онъ былъ прежде патріотомъ болѣе изъ ненависти къ Буккингаму, изъ жажды славы, изъ желанія развернуть въ полномъ блескѣ свои дарованія и силы, нежели изъ честнаго и глубокаго убѣжденія. Властвовать, дѣйствовать, возвышаться — вотъ въ чемъ была его цѣль, или, лучше, потребность его натуры. Начавши служить королю, онъ полюбилъ его власть, какъ нѣкогда любилъ народную свободу, полюбилъ серьезно, гордо, какъ министръ искусный и строгій, а не какъ вѣтренный придворный низкопоклонникъ. Обширный умъ не допускалъ его замкнуться въ тѣсномъ кругу домашнихъ интригъ, а возвышенная гордость не позволила покориться условнымъ приличіямъ двора. Онъ принялся за дѣла съ страстнымъ увлеченіемъ, одолевая всякое соперничество, уничтожалъ всякое сопротивленіе, съ жаромъ распространяя и утверждалъ королевскую власть, нераздѣльную съ его собственною властью, но въ то же время стараясь возстановить порядокъ, уничтожить злоупотребленія, ослабить частные интересы, которые онъ считалъ незаконными, и послужить общимъ интересамъ, которыхъ не опасался. Хотя онъ былъ неукротимый деспотъ, однакожь въ сердцѣ его не совсѣмъ исчезла любовь къ отчизнѣ, къ ея счастью и славѣ, и онъ понималъ, на какихъ условіяхъ, какими средствами покупается неограниченная власть. Администрація произвольная, но сильная, послѣдовательная, трудолюбивая, презирающая права народныхъ, но пекущаяся о благосостояніи общественномъ, чуждая мелкихъ злоупотребленій, подчиняющая своей волѣ и своимъ видамъ

(¹) Въ это время онъ назывался еще лордомъ Уэнтвортомъ. Графомъ Страффордскимъ онъ сдѣлался только 12 янв. 1640 г.

знатныхъ наравнѣ съ простолюдинами, дворъ наравнѣ съ народомъ — была его задушевнымъ желаніемъ, главнымъ характеромъ его дѣятельности, который онъ старался сообщить всему королевскому правленію.

Другъ Страффорда, архіепископъ Лодъ¹, одушевляемый страстями не столь земными, энтузіазмомъ болѣе-безкорыстнымъ, вносилъ въ государственный совѣтъ тѣ же самыя чувства, тѣ же намѣренія. Отличаясь строгостью нравовъ, простотою въ образѣ жизни, онъ былъ фанатическимъ защитникомъ власти, была ли она въ рукахъ у него самого, или у другихъ. Предписывать и наказывать — значило, по его мнѣнію, возстановлять порядокъ; а порядокъ онъ всегда принималъ за правосудіе. Дѣятельность его была неутомима, но за-то узка, насильственна и жестока. Будучи равно неспособенъ щадить чужіе интересы и уважать права, онъ безъ разбора преслѣдовалъ и право и злоупотребленіе, опираясь на свою строгую честность или увлекался слѣпою ненавистью. Рѣзкій и сердитый съ придворными и съ гражданами, неискривившій ничей дружбы, непредполагавшій и нетерпѣвшій никакого сопротивленія, увѣренный, наконецъ, что власть въ рукахъ чистаго чловѣка непогрѣшительна, онъ былъ постоянно жертвою какой-нибудь исключительной мысли, которая овлаждала имъ съ увлеченіемъ страсти и въ то же время со всею силою долга.

Лучше такихъ совѣтниковъ и не нужно было Карлу при его новомъ положеніи. Чуждые двору, они мало заботились, чтобъ ему нравиться, а болѣе старались служить своему повелителю. Они были упорны, смѣлы, способны къ труду и преданы. Едва Ирландія была ввѣрена Страффорду, какъ это королевство, бывшее до-тѣхъ-поръ для короны только бременемъ, сдѣлалось источникомъ богатства и силы. Государственные долги были уплачены; доходъ, прежде безтолково собираемый и расхищаемый безстыдно, былъ устроенъ правильно и вскорѣ превысилъ расходы; сильные владѣльцы перестали безнаказанно истощать народъ, а разные аристократическіе и религіозные кружки — терзать другъ друга по про-

(¹) Нареченный архіепископомъ кентербѣрскимъ въ августъ 1633.

изволу, какъ это было прежде. Армія, которую Страффордъ засталъ слабою, неодрѣтою, забывшею дисциплину, была пополнена, приучена къ строгой дисциплинѣ, начала получать жалованье и перестала грабить жителей. Подъ кровомъ порядка, процвѣла торговля, завелись мануфактуры, подвинулось земледѣліе. Однимъ словомъ, Ирландія была управляема хотя самовластно, сурово, часто даже съ ненавистною жестокостью, но все-таки въ интересахъ цивилизаціи и королевской власти, между-тѣмъ, какъ прежде она была добычею жадныхъ чиновниковъ казначейства и работою невѣжественной и себлюбивой аристократіи¹.

Лодъ, облеченный въ Англіи, относительно гражданскихъ дѣлъ, не столько обширною и менѣе-сосредоточенною властью, нежели какую имѣлъ Страффордъ въ Ирландіи, и притомъ не столь даровитый, какъ его другъ, шель, однакожъ, одной съ нимъ дорогой. Будучи лордомъ-коммиссаромъ казначейства, онъ не только уничтожилъ хищничество, но старался изучить различныя отрасли государственныхъ доходовъ и найти средства сдѣлать сборъ ихъ менѣе-обременительнымъ для народа. Важныя злоупотребленія, ненавистныя прижимки, служившія только для пользы частныхъ интересовъ, вкравшись въ таможенное управленіе. Лодъ принималъ жалобы отъ купцовъ, самъ въ свободное время толковалъ съ ними, вникалъ въ общіе интересы торговли и освободилъ ее отъ притѣсненій, неприносившихъ выгоды казнѣ². Впоследствии³ должность государственнаго казначея, по его совѣту, была поручена Джуксону (Juxon)⁴, епископу лондонскому, человѣку трудолюбивому и воздержному. Онъ прекратилъ безпорядки, отъ которыхъ равно страдали и казна и граждане. Лодъ былъ убѣжденъ, что для пользы короля и церкви позволительно даже угнетать народъ и подавать самые несправедливые совѣты; но, когда дѣло не касалось ни церкви, ни

(¹) Характеръ управленія Страффорда можно видѣть изъ его собственнаго письма. *Приложеніе III*. — (²) *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 28—39, въ *Collection* г. Гизд. — (³) Въ мартѣ 1636. — (⁴) Родился въ Чичестерѣ, въ Суссекскомъ Графствѣ, въ 1582; умеръ архиепископомъ кентербѣрскимъ 4 іюня 1663.

короли, онъ хотѣлъ добра, искалъ истины и поддерживалъ ихъ, не заботясь о своей безопасности и не обращая ни на кого вниманія.

Такое правительство, честное, внимательное, подчасъ жестокое и нехотѣвшее слышать ни о какой отвѣтственности, было недостаточно для народа; а дворъ тяготился имъ. Любимцы могутъ имѣть при такомъ правленіи успѣхъ. Если они встрѣчаютъ непріятелей, за-то находятъ и друзей, и въ этомъ столкновеніи личныхъ интересовъ ловкій интриганъ съ успѣхомъ можетъ поставить тѣхъ, кому служить, противъ тѣхъ, которыхъ оскорбляетъ. Таковъ былъ Буккингемъ. Но кто хочетъ управлять, самовластно или по законамъ, въ интересахъ государя или народа, тотъ непременно долженъ ожидать ненависти со стороны придворныхъ. Такая ненависть возникла противъ Страффорда и Лода, и притомъ болѣе задорная, нежели ненависть народа. Уже при первомъ появленіи Страффорда въ Уайтгальмъ, насмѣшливая улыбка встрѣтила внезапное возвышеніе и немножко-угловатыя манеры провинціальнаго дворянина, почти ничѣмъ неизвѣстнаго, кромѣ своей оппозиціи въ парламентѣ¹. Строгая нравственность, теологическій педантизмъ, неразборчивыя выходки Лода также пришлись всѣмъ не по-сердцу. Оба они были горды, нелюбезны, неснисходительны, презирали интриги, проповѣдывали экономію въ расходахъ, говорили о дѣлахъ и нуждахъ, о которыхъ придворные вовсе не думаютъ. Королева возненавидѣла ихъ, потому-что они мѣшали ея вліянію на короля; высшая аристократія оскорблялась ихъ могуществомъ, и вскорѣ весь дворъ соединился съ народомъ, чтобъ напасть на нихъ, крича объ ихъ самоуправствѣ.

Карлъ не покинулъ ихъ; онъ былъ увѣренъ въ ихъ способностяхъ и преданности. Правила ихъ были для него хороши; а къ глубокому благочестію Лода онъ питалъ уваженіе, смѣшанное даже съ нѣкоторою привязанностью; но, оставляя ихъ на своей службѣ наперекоръ придворнымъ, онъ

(¹) *Howell's Letters*, № 34, изд. 1650; *Strafford's Letters*, т. I, стр. 79. (*Biographia britannica*, т. VI, стр. 4178. примѣч. к, статья «Wentworth».)

былъ не въ-состояніи подчинить дворъ ихъ власти. Но любил шутить своими чувствами и храни степенную важность во внѣшней жизни, онъ былъ въ-сущности чловѣкъ легкомысленный и не могъ понять всѣхъ трудностей, съ какими сопряжена неограниченная власть, требующая, чтобъ все приносилось ей въ жертву. Онъ думалъ, что права королевскаго сана освобождаютъ его отъ всякихъ усиленныхъ трудовъ. Онъ регулярно и внимательно занимался государственными дѣлами въ совѣтѣ; но, какъ-только обязанность эта оканчивалась, они уже не занимали болѣе его мыслей. Онъ не столько чувствовалъ необходимость управлять, сколько удовольствіе властвовать. Хорошее или дурное расположеніе духа королевы, обычаи двора, права и преимущества придворныхъ чиновъ казались ему столь важнымъ дѣломъ, что онъ не хотѣлъ забывать ихъ ради политическихъ интересовъ своей короны. Отсюда рождалось для министровъ множество мелкихъ, но непрерывныхъ затрудненій, подъ тяжестью которыхъ король преспокойно оставлялъ ихъ, думая, что все его дѣло состоитъ въ томъ только, чтобъ удерживать ихъ на мѣстахъ, и что для нихъ больше ничего и не надобно. На нихъ была возложена неограниченная исполнительная власть; а между-тѣмъ у нихъ не было довольно силы, чтобъ поддерживать себя, когда имъ приходилось потребовать какой-нибудь домашней жертвы, какой-нибудь мѣры, противной формамъ и правиламъ Уайтгала. Во время управленія Ирландіею, Страффордъ безпрестанно былъ вызываемъ на объясненія. То онъ говорилъ слишкомъ-неуважительно о королевѣ, то жаловалась какая-нибудь значительная фамилія на его гордый тонъ, и онъ долженъ былъ оправдывать свои слова, свои поступки, свой характеръ. Онъ долженъ былъ изъ Дублина отвѣчать на разные намеки, на разные слухи, ходившіе о немъ во дворцѣ, и, однакожъ, отвѣты его не всегда удостоивались довѣрія, которое одно въ-состояніи было поддержать его противъ этихъ непредвидимыхъ опасностей и дать ему возможность безъ всякаго страха употребить въ дѣло свою власть, которую все-таки оставляли въ его рукахъ¹.

(¹) *Strafford's Letters and Dispatches*, т. I, стр. 128, 138, 142, 144; т. II, стр. 42, 105, 126 и слѣд.

Такимъ-образомъ, несмотря на энергію и рвеніе главныхъ совѣтниковъ, несмотря на спокойствіе страны, на нравственную чистоту короля и гордость его языка, правительство не пользовалось ни силой, ни уваженіемъ. Страдалъ отъ внутреннихъ разногласій, подвергаясь попеременно различнымъ вліяніямъ, то презрительно обходя законы, то уступая самымъ ничтожнымъ препятствіямъ, оно не представляло никакого плана въ своихъ дѣйствіяхъ и забывало каждую минуту свои собственныя намѣренія. Въ Европѣ оно покинуло дѣло протестантизма и запретило даже лорду Скьюдамору, своему послу въ Парижѣ, посѣщать службу въ реформатской капеллѣ, находилъ ее не совсѣмъ-сообразною съ обрядами церкви англиканской¹. Между-тѣмъ оно дозволило маркизу Гамильтону набрать въ Шотландіи шести-тысячный корпусъ и отправиться съ нимъ (въ 1631) на помощь Густаву-Адольфу, не предвидя, что они тамъ пропитаются чувствами и вѣрованіями тѣхъ пуританъ, которыхъ преслѣдовала англиканская церковь. Карлъ былъ искренно преданъ новой религіи въ томъ видѣ, какой дали ей Генрихъ VIII и Елизавета; однакожъ, вслѣдствіе нѣжности къ супругѣ, или по духу умѣренности и справедливости, или по инстинкту приличій, свойственному абсолютной власти, онъ не только давалъ католикамъ свободу, по тогдашнему времени, незаконную, но даже оказывалъ имъ явную благосклонность². Архіепископъ Лодъ, столь же откровенный, какъ и его государь, писалъ противъ римскаго двора, горячо проповѣдывалъ даже противъ службы, совершаемой въ капеллѣ королевы, и въ то же время обнаруживалъ такую наклонность къ системѣ церкви римской, что папа счелъ возможнымъ предложить ему кардинальскую шляпу³. Въ гражданскихъ дѣлахъ господствовала та же неопредѣленность. Не чувствовалось ни твердыхъ намѣреній, ни могучей руки. Самовластіе дѣйствовало торжественно и иногда съ суровою суровостью; но, чтобъ укрѣпить его, нужно было много усилій, много непреклонности, а объ этомъ даже и не

(¹) Neal, *History of the Puritans*, т. II, стр. 234, изд. въ 8-ю д. л. Лондонъ, 1822. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 254. — (³) Въ августѣ 1633. *Laud's Diary*, стр. 49; Whitelocke, стр. 17.

думали, такъ—что притязанія его болѣе и болѣе превышали средства. Управление государственнаго казначейства отличалось порядкомъ и честностью, король былъ нерасточителенъ; но недостатокъ въ деньгахъ былъ такъ же великъ, какъ еслибъ король былъ расточителенъ и чиновники расхищали казну. Карлъ, незахотѣвшій уступить парламенту, чтобъ получить отъ него деньги, достаточныя для покрытія его издержекъ, считалъ для себя униженіемъ ограничить свои расходы сообразно съ приходомъ¹. Блескъ трона, придворные праздники, старые обычаи королевскаго двора были въ его глазахъ условіемъ, правомъ, почти обязанностью королевской власти. Онъ не зналъ, какими злоупотребленіями все это поддерживалось, а узнавши, не имѣлъ духа уничтожить ихъ. Такимъ образомъ, хотя миръ избавилъ его отъ чрезвычайныхъ издержекъ, однакожь онъ былъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ своего управленія. Торговля Англии процвѣтала; торговый флотъ, съ каждымъ днемъ усиливавшійся въ своемъ составѣ и дѣятельности, требовалъ покровительства отъ королевскаго флота. Карлъ съ увѣренностью обѣщалъ покровительство, даже повременамъ дѣлалъ торжественныя попытки сдержать свое слово²; но обыкновенно военные корабли не являлись для конвоя купеческихъ; они часто бывали безъ снастей, а матросы не получали жалованья. Варварійскіе пираты пробирались въ Ламаншъ, даже въ Провансъ, высаживались на берега, грабили деревни и тысячами уводили плѣнныхъ. Капитанъ Ренсборо, посланный наконецъ на берега Марокко, чтобъ разрушить одно изъ ихъ убѣжищъ, нашелъ тамъ 370 рабовъ изъ англичанъ и

(¹) Пенсии, которыя при Елизаветѣ составляли 18,000 ф. с. (около 108,000 р. с.), возвысились при Яковѣ 1-мъ до 80,000 ф. с. (ок. 480,000 р. с.); а въ 1626 г., годъ спустя по восшествіи на престолъ Карла I, онѣ поднялись уже до 120,000 ф. с. (ок. 720,000 р. с.). Издержки королевскаго дома возрасли въ тотъ же промежутокъ времени отъ 45,000 ф. с. (ок. 270,000 р. с.) до 80,000 ф. с. (ок. 480,000 р. с.); издержки на гардеробъ удвоились, а издержки собственной кассы короля (*privy purse*) утроились, и пр. — (²) *Mémoires de Warwick*, стр. 103, въ *Collection* Гизо. Rushworth, ч. II, т. I, стр. 257, 322 и слѣд.

ирландцевъ. Бесиліе или безопасность правительства дошли до такой степени, что Страффордъ принужденъ былъ на свой счетъ вооружить корабль, чтобъ защитить дублинскій портъ отъ причиняемыхъ ими опустошеній¹.

Эти опасные недостатки администраціи не укрылись отъ вниманія людей опытныхъ. Иностранные послы, бывшіе въ Лондонѣ, давали обо всемъ отчеты своимъ государямъ, и вскорѣ, несмотря на извѣстное всѣмъ благосостояніе Англии, распространилось мнѣніе, что правленіе Карла слабо, неблагоразумно и непрочно. Въ Парижѣ, Мадридѣ, въ Гагѣ, съ его посланниками не разъ обходились неуважительно². Страффордъ, Лодъ и другіе совѣтники видѣли зло и старались чѣмъ—нибудь помочь ему. Въ—особенности Страффордъ, самый смѣлый и искусный изъ нихъ, горячо боролся съ препятствіями; его тревожило будущее, и онъ желалъ, чтобъ король, управляя твердо и предусмотрительно, обезпечилъ себѣ вѣрный доходъ, заготовилъ хорошо—снабженные арсеналы, крѣпости и армию³. Онъ не побоялся взять на свою ответственность созваніе ирландскаго парламента (въ 1634), и парламентъ—было ли то отъ страха, который внушалъ Страффордъ, или вслѣдствіе заслугъ, которыя онъ оказалъ государству—явился покорнымъ и полезнымъ орудіемъ его власти. Но Карлъ запретилъ ему созывать парламентъ снова⁴: короле-

(¹) *Strafford's Letters and Dispatches*, т. I, стр. 68, 87, 90; т. II, стр. 86, 115, 118 и слѣд. — *Waller's Poems* (in-8, Лондонъ, 1730), стр. 271. Экспедиція капитана Ренсборо была въ 1637. — (²) Акты того времени и, между прочимъ, письма собранныя Гоуземъ, представляютъ множество тому примѣровъ; приведу одинъ изъ нихъ. Когда Томасъ Эдмондсъ отправился во Францію (въ 1629) для заключенія мирнаго договора, придворный, посланный въ Сен-Дени къ нему навстрѣчу, чтобъ предводительствовать въѣздомъ его въ Парижъ, сказалъ ему съ усмѣшкою: «Ваше превосходительство, конечно, не удивитесь, види, что у меня такъ мало придворныхъ кавалеровъ для присутствованія при вашей особѣ и для сопровожденія васъ ко двору; ихъ столько перебито на островѣ Рêl» (*Howell's Letters*, стр. 210, изд. in-8, Лондонъ, 1705). Злой намѣкъ на страшное пораженіе, претерпѣнное на этомъ островѣ англичанами, бывшими подъ командою герцога Буккингема. — (³) *Strafford's Letters*, т. II, стр. 61, 62, 66. — (⁴) Тамъ же, т. I, стр. 365.

ва и самъ король пугались одного имени парламента, и этотъ страхъ не позволилъ Страффорду дать абсолютизму формы и поддержку закона. Онъ отстаивалъ свое намѣреніе, но безуспѣшно, и наконецъ уступилъ. Человѣкъ энергическій, онъ принужденъ былъ дѣйствовать подъ игомъ слабого; его предусмотрительность служила слѣпотѣ. Нѣкоторые изъ совѣтниковъ, хотя и раздѣлявшие его образъ мыслей, однакожь болѣе заботившіеся о своихъ личныхъ выгодахъ или лучше понимавшіе бесполезность своихъ усилій, отдалялись отъ него, лишь-только приходилось, для его поддержки, вступать въ борьбу, и оставляли его одного съ Лодомъ въ жертву интригамъ и ненависти двора.

Для такого мелочнаго и близорукаго абсолютизма необходимо ежедневное приращеніе абсолютизма. Тираниа Карла была если не самая жестокая, за-то самая несправедливая, какую только испытывала когда-либо Англія. Она не могла представить въ свое извѣщеніе никакой общественной необходимости, никакого блестящаго результата, а между-тѣмъ, для удовлетворенія неизвѣстныхъ нуждъ, для выполненія ни къ чему не ведущихъ повелѣній, оскорбляла древнія права и не удовлетворяла новымъ потребностямъ. Она не обращала вниманія ни на законы, ни на уступки и обѣщанія самого короля, но съ замѣчательнымъ ослѣпленіемъ пускалась на всякія угнетенія, принимала мѣры самыя безрасудныя, самыя незаконныя, и все это не для того, чтобъ обезпечить успѣхъ какой-либо послѣдовательной и сильной системы, а для того, чтобъ мелкими средствами поддержать власть, постоянно находившуюся въ затрудненіи. Тонкіе совѣтники, безпрестанно роаясь въ старыхъ протоколахъ, чтобъ отыскать тамъ какой-нибудь примѣръ давно-забытой несправедливости, старательно выкапывали злоупотребленія временъ прошедшихъ и вводили ихъ въ права короны. Тотчасъ другіе сотрудники, менѣе-ученые, но болѣе-смѣлые, обращали эти мнимыя права въ новыя требованія, и, если раздавалась какая жалоба, покорные судьи спѣшили объявить, что корона дѣйствительно владѣла нѣкогда этими преимуществами. А если роилистамъ случалось иногда усомниться въ угодливости судей или они хотѣли поберечь ихъ вліяніе, тогда особо-учрежденные

трибуналы, звѣздная палата, сѣверный судъ¹ и цѣлый рядъ другихъ судовъ, взятыхъ отъ общаго закона, всегда готовы были замѣнить ихъ, и такимъ-образомъ на помощь тираниа являлось содѣйствіе судей незаконныхъ, лишь-только оказывалось недостаточнымъ раболѣпство судей законныхъ. Такъ были восстановлены налоги давно забытые, и придуманы новыя, дотолѣ неизвѣстныя; такъ вновь появились безчисленныя монополіи, введенныя и отмѣненныя Елизаветою, снова принятыя и снова отвергнутыя Іаковомъ I, постоянно отвергаемыя парламентомъ, уничтоженныя на-время самимъ Карломъ, который потѣмъ, предоставивъ откупщикамъ или привилегированнымъ придворнымъ исключительную продажу бѣльшей части жизненныхъ продуктовъ², разорялъ народъ и еще болѣе раздражалъ его несправедливымъ и безпорядочнымъ употребленіемъ пошлинъ, получаемыхъ съ этихъ монополій. Расширеніе королевскихъ лѣсовъ, заставлявшее такъ часто бароновъ старой Англіи возставать съ оружіемъ въ рукахъ, приняло такіе размѣры, что, на примѣръ, одинъ рокингемскій лѣсъ былъ распространенъ изъ шести на шестьдесятъ миль въ окружности, и въ то же время за малѣйшее нарушеніе лѣсныхъ законовъ граждане наказывались огромными пенями³. Коммиссары объѣзжали графства и оспаривали въ

(¹) Судъ этотъ былъ учрежденъ Генрихомъ VIII, въ 1537, въ Йоркѣ, вслѣдствіе смуты, происшедшихъ въ сѣверныхъ графствахъ отъ уничтоженія небольшихъ монастырей. Онъ долженъ былъ судить и поддерживать порядокъ независимо отъ судовъ вестминстерскихъ. Кругъ дѣятельности его, сперва довольно-ограниченный, значительно расширился въ правленіе Іакова I и Карла I. — (²) Вотъ списокъ нѣкоторыхъ предметовъ, бывшихъ въ рукахъ у монополистовъ: соль, мыло, уголь, желѣзо, вино, кожи, крахмалъ, перья, игральныя карты и кости, войлочные издѣлія, кружева, табакъ, пиво, спиртные напитки, вѣсовой сборъ за сѣно и солому въ Лондонѣ и Вестминстерѣ, копченныя сельди, коровье масло, поташъ, полотно, тряпье для бумаги, хмѣль, пуговицы, струны, очки, гребни, селитра, порохъ и проч. — (³) Лордъ Салисбери приговоренъ былъ, по этому поводу, къ пени въ 20,000 ф. с. (около 120,000 руб. сер.), лордъ Уэстморлендъ къ 19,000 ф. с. (около 114,000 р. с.), Кристофъ Геттонъ къ 12,000 ф. с. (ок. 72,000 р. с.), лордъ Ньюпортъ къ 3,000 ф. с. (ок. 18,000 р. с.), Лойсъ Уэтсонъ къ 4,000 ф. с. (ок. 24,000 р. с.) и т. д. (*Strafford's Letters*, т. II, стр. 117. *Parl. Hist.*, т. II, col. 642).

одномъ мѣстѣ права на владѣніе принадлежавшими когда-то коронѣ имуществами, въ другомъ—доходы, соединенные съ извѣстными должностями, въ третьемъ—право гражданъ строить новые дома или право земледѣльцевъ обращать въ луга пахатныя земли. Вездѣ эти агенты хлопотали не о томъ, чтобы уничтожить злоупотребленія, а чтобы взять подороже и оставить дѣло въ прежнемъ видѣ¹. Привилегіи и безпорядки всякаго рода были постояннымъ предметомъ постыдныхъ сдѣлокъ между королемъ и тѣми людьми, которые пользовались ими. Судьи торговали даже строгостью законовъ. Пользуясь малѣйшимъ предлогомъ, они налагали неслыханныя пени, поражавшія ужасомъ тѣхъ, которые чувствовали возможность подвергнуться подобнымъ же преслѣдованіямъ, а потому и спѣшили уже заранее откупаться цѣною золота. Можно было подумать, что вся обязанность судовъ состояла въ доставленіи денежныхъ средствъ королю, или въ совершенномъ разореніи противниковъ его власти². Если оказывалось, что неудовольствія въ какомъ-либо графствѣ возрастали дотого, что нельзя было уже прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, то спѣшили обезоружить милицію и послать туда солдатъ, которыхъ жители обязаны были не только размѣстить по квартирамъ и содержать, но даже одѣвать на свой счетъ. Сажали въ тюрьму должниковъ, которые никогда не были должны; ихъ освобождали, взявъ съ нихъ болѣе или менѣе денегъ, смотря по состоянію, кредиту или изворотливости жертвы. Налоги, заключеніе въ тюрьму, осужденіе, преслѣдованіе или милость—все было произвольно. Самоуправство со дня на день сильнѣе тяготѣло — надъ богатыми, потому-что отъ нихъ получалась прибыль, надъ бѣдными — потому-что съ ихъ стороны не грозило никакой опасности. Наконецъ, если жалобы становились ужь слишкомъ-сильны, такъ-что начинали беспокоить дворъ, тогда, въ свою очередь, должны были отку-

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 43, въ *Collection* г. Гизо.—Rushworth, ч. II, т. II, стр. 915 и слѣд. — (²) Если съчесть всѣ штрафы, наложенные, въ продолженіе этой эпохи, въ пользу короля, и притомъ взять только главныя взысканія, учиненныя именемъ казны, то выйдетъ сумма, превышающая шесть миліоновъ ф. ст. *Приложеніе IV.*

паться судьи и правители, подавшіе къ нимъ поводъ. Однажды Страффордъ, въ припадкѣ безумнаго самоволія, осудилъ на смерть лорда Моунтнорриса, за нѣсколько сказанныхъ имъ неосторожныхъ словъ, и, хотя приговоръ не былъ исполненъ, уже одни рассказы о процессѣ возбудили противъ него въ Ирландіи, въ Англіи, даже въ совѣтѣ короля всеобщее негодованіе. Чтобы утишить его, Страффордъ послалъ въ Лондонъ 6,000 ф. ст. для раздѣла между главными совѣтниками. «Я выбралъ дорогу прямѣе» отвѣчалъ ему лордъ Коттингтонъ, старый и ловкій царедворецъ, которому онъ поручилъ эту сумму: «я вручилъ деньги тому, кто въ-сущности одинъ только и могъ обдѣлать это дѣло», то-есть самому королю. За такую плату Страффордъ не только освобожденъ отъ всякаго преслѣдованія, но даже получилъ дозволеніе раздѣлить, какъ ему угодно, между своими любимцами имущество человека, котораго онъ осудилъ совершенно по собственному произволу¹.

Таковы были слѣдствія нужды Карла; но разныя опасенія заставили его перейти даже за предѣлы этихъ нуждъ. Несмотря на свое наружно-гордое величіе, иногда онъ чувствовалъ себя слабымъ и искалъ опоры. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ возвратитъ высшей аристократіи ту силу, которую она утратила. Подъ предлогомъ предупрежденія расточительности дворянъ въ графствахъ, имъ приказано было жить въ своихъ помѣстьяхъ: въ Лондонѣ боялись ихъ вліянія². Звѣздная палата взялась охранять уваженіе, подобающее вельможамъ. Недостатокъ вниманія, непочтительность, шутка, малѣйшій поступокъ, въ которомъ только бы промелькнуло неуваженіе къ ихъ сану и правамъ, наказывались съ крайнею строгостью, и притомъ огромными пенями, какъ въ пользу короля, такъ и въ пользу лица оскорбленнаго³. Хотѣли сдѣлать изъ при-

(¹) *Strafford's Letters*, т. I, стр. 308, 311, 312.—См. примѣчанія къ *Mémoires de Warwick* въ *Collection* г. Гизо, стр. 386—392. — (²) Болѣе двухсотъ дворянъ потребовано къ суду въ одинъ день (20 марта 1635) за неповиновеніе означенному повелѣнію (Rushworth, ч. II, т. I, стр. 288 и слѣд.) — (³) Нѣкто Гренвилль былъ осужденъ заплатить 4,000 ф. с. пени и столько же проторей и убытковъ въ пользу лорда Суффолка за то, что назвалъ его *низкимъ господиномъ* (*a base lord*).

дворныхъ могущественный и уважаемый классъ; но попытки эти не были успѣшны, частью оттого, что скоро замѣчена была вся ихъ бесполезность, а частью оттого, что воспоминаніе о старыхъ баронахъ внушало королю нѣкоторое недо-вѣріе къ ихъ потомкамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, стали въ ряды недовольныхъ: только эти и пользовались рас-положеніемъ народа. Продолжали унижать при-случаѣ про-стыхъ дворянъ предъ вельможами. Однакожъ предстояла не-обходимость найти такое сословіе, которое, будучи уже силь-нымъ само по себѣ, все-таки еще многое могло бы получить отъ короны и за то стало бы опорой неограниченной вла-сти. Уже съ давняго времени англиканское духовенство до-бивалось такого значенія — и наконецъ получило его.

Англиканское духовенство, одоженное бытіемъ своимъ единственно свѣтской власти, потеряло черезъ это всякую независимость. Оно лишилось своего прежняго божественнаго значенія и своей юридической самостоятельности. Епископы, чуждые народу, который не избиралъ ихъ, отдѣленные отъ папы и церкви католической, которые прежде были ихъ под-порой, стали чиновниками короля, его первыми слугами. Это было самое ложное положеніе для сословія, которое обязано было служить представителемъ всего, что есть самаго неза-висимаго, самаго возвышеннаго въ человѣкѣ — представите-лемъ вѣры. Уже давно церковь англиканская чувствовала свою слабую сторону; но ея опасности и тяжелая рука Генри-ха VIII и Елизаветы не давали ей возможности поправить дѣло. Тѣсняемая въ одно время и католиками и диссидентами, еще шаткая въ своихъ правахъ и въ своемъ ученіи, она беззавѣтно предалась служенію свѣтской власти, проповѣдуя собственную зависимость и признавая надъ собой верховную власть трона, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ единственнымъ ея защитникомъ противъ враговъ.

Подъ конецъ царствованія Елизаветы обнаружилась болѣе-

Петтаджеръ былъ приговоренъ къ уплатѣ 2,000 ф. с. и къ наказанію плетью за подобныя же слова насчетъ графа Кингстона, и т. д. (Rushworth, ч. II, т. II, Прилож. стр. 43, 72. См. Clarendon, *Mémoires* и пр., т. I, стр. 106—108, въ *Collection* г. Гизо.)

гордыя притязанія со стороны англиканскаго духовенства, хотя и слабыми признаками. Докторъ Банкрофтъ, кашелланъ архіепископа кентербѣрискаго, высказалъ¹ мнѣніе, что епи-скопатъ не есть учрежденіе человѣческое, что таково бы-ло управленіе церкви со временъ апостоловъ, и что епи-скопы получаютъ свои права не отъ свѣтской власти, но единственно отъ Бога. Новое духовенство стало считать себя уже довольно-крѣпкимъ и сдѣлало первый шагъ къ своему освобожденію. Но эта попытка, боязливо начатая, была гордо подавлена: Елизавета удержала во всей полнотѣ свое первен-ство въ дѣлахъ церкви, объявивъ епископамъ, что все ихъ значеніе — въ ея волѣ, и самъ архіепископъ кентербѣрискій удовольствовался изъявленіемъ желанія, чтобъ мнѣніе доктора было справедливо, хотя онъ и не смѣлъ льстить себя этой надеждой². Народъ горячо принялъ сторону королевы. Онъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы двинуть реформу еще да-лѣе, и зналъ, что если духовенство и стремится къ незави-симости, то не за-тѣмъ, чтобъ освободить вѣру отъ вліянія свѣтской власти, а чтобъ стѣснить ее своею властью.

Ничего не было рѣшено при Іаковѣ I: какъ хитрый эго-истъ, онъ равнодушно увеличивалъ зло, лишь бы избѣжать опасности. Онъ сохранилъ свое іерархическое первенство, но показывалъ епископамъ столько благосклонности, такъ старательно поддерживалъ ихъ власть и такъ круто посту-палъ съ ихъ врагами, что ихъ самоувѣренность и сила воз-растали со-дня-на-день. Горячо проповѣдуя божественное происхождение королевской власти, въ то же время они ча-сто упоминали и о своей собственной. То, на что Бан-крофтъ только намекалъ боязливо, стало открытымъ мнѣніемъ всего высшаго духовенства, доказывалось въ многочислен-ныхъ сочиненіяхъ и проповѣдывалось въ церквахъ. Самъ Бан-крофтъ былъ сдѣланъ архіепископомъ кентербѣрискимъ (въ дек. 1604). Всякій разъ, когда король выказывалъ свои права на іерархическое первенство, духовенство почтительно пре-

(¹) Въ проповѣди, говоренной 12 янв. 1588 г. Neal, *Hist. of the Purit.*, т. I, стр. 395. — (²) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. I, стр. 397.

клонялось предъ нимъ; но лишь оканчивались эти изъясненія минутной покорности, оно снова принималось за свои притязанія, вооружаясь въ-особенности противъ народа, чтобъ усыпить подозрѣнія короля. Болѣе и болѣе переходя на сторону неограниченной власти, оно только ожидало дня, когда будетъ какъ-бы принуждено признать полную ея независимость, чтобъ потомъ, въ свою очередь, воспользоваться ея поддержкою для себя.

Когда Карлъ, разладивъ съ парламентомъ, стоялъ одиноко среди своего королевства, отыскивая средствъ для поддержанія нетвердой власти, англиканское духовенство подумало, что желанное время наконецъ настало. Оно успѣло уже пріобрѣсти себѣ огромныя богатства и владѣло ими безъ всякаго спора. Паписты болѣе не внушали ему опасеній. Примасъ церкви, Лодъ, пользовался полною довѣренностью короля и одинъ завѣдывалъ всѣми церковными дѣлами. Никто изъ министровъ не показывалъ вида — какъ это дѣлалъ, на примѣръ, Бурлей при Елизаветѣ — что онъ боится происковъ духовенства и находится съ нимъ въ борьбѣ. Дворъ былъ равнодушенъ къ дѣламъ вѣры или втайнѣ склонился на сторону папистовъ. Ученые служили украшеніемъ церкви. Университеты, въ-особенности оксфордскій, были ей преданы. Оставался одинъ противникъ — народъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе недовольный полумѣрами и горячо желавшій довести реформу до конца. Но этотъ противникъ церкви былъ также противникомъ и короля: онъ требовалъ въ одно время и вѣры евангелической и свободы, чтобы гарантировать одну другою. Одинаковая опасность угрожала и верховнымъ правамъ короля и власти епископовъ. Король, искренно-набожный, расположенъ былъ вѣрить, что не одна только его власть имѣетъ божественное происхожденіе, но что и власть епископовъ не менѣе высокаго происхожденія и не менѣе священна. Никогда не соединялось столько благоприятныхъ обстоятельствъ, чтобы дать возможность духовенству пріобрѣсть независимость отъ короны и владычество надъ народомъ. Лодъ принялся за дѣло съ обыкновенною своею горячностью. Нужно было прежде всего уничтожить всякое разногласіе въ нѣдрахъ церкви и придать самое строгое единство ея ученію, устрой-

ству, обрядамъ. Для этой цѣли онъ готовъ былъ на все. Власть была сосредоточена имъ исключительно въ рукахъ епископовъ. Высшій духовный судъ, въ которомъ они вѣдали и рѣшали всѣ дѣла, касающіяся религіи, каждый день становился болѣе и болѣе-самовольнымъ и грубымъ въ своихъ требованіяхъ, своихъ формахъ и наказаніяхъ, которыя налагалъ. Безусловное принятіе англиканскаго каноническаго права, самое мелочное соблюденіе установленнаго порядка литургіи и обрядовъ строго требовалось отъ всего духовенства. Нон-конформисты занимали множество приходовъ — приходы были у нихъ отняты. Народъ толпами стекался на ихъ проповѣди — имъ запрещено было проповѣдывать¹. Изгнанные изъ своихъ церквей, лишеныя доходовъ, они странствовали изъ города въ городъ, проповѣдуя и наставляя вѣрныхъ, которые собирались вокругъ нихъ или въ гостиницѣ, или въ какомъ-нибудь частномъ домѣ, или даже въ полѣ. Преслѣдованіе шло за ними по пятамъ и повсюду настигало ихъ. Провинціальныя дворяне, граждане, богатыя фамиліи, преданныя своимъ вѣрованіямъ, принимали ихъ къ себѣ капелланами или наставниками дѣтей. Преслѣдованіе проникало въ нѣдра семействъ и изгоняло оттуда этихъ капеллановъ и наставниковъ². Изгнанники покидали Англію: они отправлялись во Францію, Голландію, Германию, и основывали тамъ церкви своего вѣроисповѣданія. Деспотизмъ переходилъ моря и принуждалъ эти церкви сообразоваться съ англиканскимъ богослуженіемъ³. Мануфактуристы французскіе, голландскіе, нѣмецкіе перенесли въ Англію свою промышленность и получили грамоты, которыя обезпечивали имъ свободное отправленіе ихъ національнаго богослуженія. Эти грамоты были отняты, и большая часть переселенцевъ покинули новое отечество. Одинъ приходъ норвичскій лишился трехъ тысячъ этихъ трудолюбивыхъ пришельцевъ⁴. Диссиденты, безъ должностей и убѣ-

(¹) Neal, *Hist. of the Purit.*, ч. II, стр. 179 и слѣд. — (²) Тамъ же, т. II, стр. 179 и слѣд. — (³) Тамъ же, стр. 205. — (⁴) Rushworth, ч. II, т. I, стр. 272. — May, *Hist. du Long Parl.*, ч. I, стр. 161, въ *Collection* г, Гизѣ. — Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 165.

жища, скрываясь или находясь въ изгнаніи, писали сочиненія для защиты или распространенія своихъ вѣрованій. Цензура запрещала новыя книги, отыскивала и уничтожала старыя¹. Безусловно было запрещено разсуждать съ кафедръ или иначе о вопросахъ, которыя въ это время особенно волновали умы², потому—что повсюду царствовало всеобщее, пагубное разногласіе насчетъ главныхъ догматовъ вѣры и виѣшняго устройства церкви, насчетъ таинствъ человѣческаго бытія и формъ общественнаго богослуженія: Церковь же англиканская не хотѣла допустить ни различія въ обрядахъ, ни свободы преній. Народъ горько жаловался, не слыша болѣе людей, которые были ему дороги, и не имѣя возможности разсуждать о предметахъ, которые занимали его мысли. Чтобъ успокоить эти волненія и не отдѣлиться совершенно отъ своей паствы, нѣкоторые священники—диссиденты соглашались отчасти покориться, лишь бы имъ также были сдѣланы нѣкоторыя уступки, а именно: чтобъ не заставляли ихъ надѣвать рясы и давать форму алтаря столу, на которомъ совершается причащеніе. Имъ отвѣчали, одинъ разъ, что требуемые обряды очень важны и что, слѣдовательно, должно повиноваться, а въ другой разъ, что эти обряды незначительны, и потому имъ слѣдуетъ сдѣлать уступку. Доведенные до крайности, они упорно сопротивлялись, за что въ духовныхъ судахъ ихъ ожидали горькія оскорбленія и обвиненія. Отъ епископовъ и судей встрѣчали они грубое обращеніе, названіе *дураковъ, идиотовъ, наглецовъ, чудаковъ*, и за—тѣмъ приказаніе молчать, лишь только они открывали ротъ, чтобъ защитить или оправдать себя³. Тиранія не переставала преслѣдовать ихъ даже и тогда, когда они отказывались проповѣдывать, писать, появляться въ народѣ. Она дѣйствовала противъ нихъ съ такимъ ожесточеніемъ, съ такими тонкими уловками, какихъ не могло предвидѣть никакое благоразуміе, отъ которыхъ не спасало даже

(¹) Декретъ звѣздной палаты 11 июля 1637. Rushworth, ч. II, т. II. Приложение, стр. 306. — Neal, *Hist. of the Purit.*, ч. II, стр. 165. — (²) Тамъ же, стр. 163. — (³) Rushworth, ч. II, т. I, стр. 233—240. — Neal, *Hist. of the Purit.*, т. I, стр. 256, прим. стр. 352.

совершенное безсиліе. Уоркманъ, священникъ въ Глостерѣ, утверждалъ, что украшенія и картины въ церквахъ суть остатокъ язычества: его заключили въ темницу. Незадолго передъ тѣмъ городъ Глостеръ назначилъ ему пожизненную пенсію въ 20 ф. ст.: пенсію отняли. Меръ и муниципальные члены подверглись преслѣдованію и были приговорены къ значительному штрафу. Когда его выпустили изъ тюрьмы, Уоркманъ открылъ небольшую школу: Лодъ велѣлъ закрыть ее. Чтобъ чѣмъ—нибудь жить, бѣдный священникъ сдѣлался лекаремъ: ему запретили лечить. Уоркманъ сошелъ съ—ума и умеръ¹.

Между—тѣмъ пышные обряды католическаго богослуженія быстро вторгались въ церкви, лишеныя своихъ пастырей, и въ то время, когда число вѣрныхъ скудѣло, стѣны ихъ великолѣпно украшались. Освященіе церквей происходило съ величайшею пышностью², а молящихся надобно было собирать въ нихъ насильственными мѣрами. Лодъ самодовольно устраивалъ всѣ подробности новыхъ церемоній, которыя отчасти были занимаемы у католиковъ, отчасти созданы его собственнымъ воображеніемъ, строгимъ и вмѣстѣ наклоннымъ къ пышности. Нон—конформисты, за малѣйшее отступленіе отъ постановленій церковныхъ и отъ порядка литургіи, наказывались, какъ за преступленіе; а Лодъ дѣлалъ нововведенія, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, испросивъ только согласіе короля, а иногда и совершенно по собственному произволу³. Онъ измѣнялъ внутреннее распредѣленіе церквей, формы богослуженія, предписывалъ обряды, дотолѣ неизвѣстные, извращалъ самую литургію, утвержденную парламентомъ, и всѣ эти измѣненія имѣли если не цѣлью, по—крайней—мѣрѣ слѣдствіемъ то, что приблизили церковь англиканскую къ римской. Свобода, которою наслаждались паписты, и надежды, высказываемыя ими по неблагоразумію или съ умысломъ, подтверждали самыя мрачныя предчувствія народа. Издавались книги, въ которыхъ доказывалось, что ученіе

(¹) Neal, *Hist. of the Purit.*, ч. II, стр. 204. — (²) Тамъ же, стр. 190. — (³) Тамъ же, стр. 220.

английскихъ епископовъ легко согласить съ римскимъ, и эти книги, хотя недозволенные, были посвящаемы королю или Лоду и явно были терпимы¹. Теологи, друзья Лода, епископъ Монтегъ и докторъ Козенсъ, проповѣдовали такія же мнѣнія, и проповѣдовали ихъ безопасно; а между-тѣмъ любимые наставники народа напрасно истокали то угодливость, то мужество, чтобы сохранить хотя нѣкоторое право писать и говорить. Такимъ образомъ увѣренность въ близкомъ торжествѣ папизма росла со-дня-на-день. Придворные, которымъ дѣло было извѣстно ближе, раздѣляли ее съ народомъ. Дочь герцога девонширскаго обратилась въ католическую вѣру. Лодъ спросилъ, что заставило ее сдѣлать такой шагъ. «Я не люблю идти въ толпѣ» сказала она: «а между-тѣмъ вижу, что ваше священство и многіе другіе спѣшатъ къ Риму: потому-то я и хочу прибыть туда одна и прежде васъ.»

Когда такимъ-образомъ было положено основаніе величію и исключительному господству епископальной церкви, Лодъ принялся устраивать ея независимость. Можно было бы подумать, что хоть это намѣреніе король встрѣтитъ неблаго-склонно. Ничего не бывало! Божественное происхожденіе епископской власти, въ короткое время, стало оффиціальнымъ догматомъ не только для высшаго духовенства, но и для самого короля. Докторъ Галль изложилъ его въ сочиненіи, которое просматривалъ самъ Лодъ и изъ котораго онъ выбросилъ всѣ неопредѣленные или боязливыя выраженія, все, что было похоже на сомнѣніе или уступку. Изъ книгъ это ученіе скоро перешло въ жизнь². Епископы стали управлять дѣлами церкви уже не во имя короля и не съ его соизволенія, но своимъ собственнымъ именемъ. Къ актамъ прикладывали они одну епископскую печать, отъ управляющихъ церковными имѣніями требовали прямой присяги себѣ, объявили, что надзоръ за университетами по праву принадлежитъ архіепископу³. Верховное вѣданіе церкви не было отнято формально у государя; но, можно сказать, оно было оставлено

(¹) Whitelocke, *Mémorials* и пр. стр. 21. — (²) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 292. — (³) Тамъ же, стр. 244. — Whitelocke, стр. 22.

ему только для прикрытія злоупотребленій, которыя современемъ окончательно должны были лишить его этого преимущества. Такимъ образомъ, ускользя понемногу изъ-подъ свѣтской власти, церковь въ то же время прибирала къ рукамъ дѣла гражданскія. Ея судебная власть увеличивалась въ ущербъ судамъ обыкновеннымъ, и никогда столько духовныхъ не заступало въ совѣтъ короля и не занимало столько важныхъ государственныхъ должностей. Иногда юристы, защищая свой личный интересъ, возставали противъ этой несообразности¹; но Карлъ не обращалъ на нихъ вниманія. Самоувѣренность Лода простиралась до того, что, вручивши епископу Джаксону жезлъ государственнаго казначея, онъ воскликнулъ съ восторгомъ: «Теперь пусть церковь живетъ и поддерживается сама собою. Все сдѣлано. Больше я ничего не могу².»

Когда дѣла приняли такой оборотъ, это вооружило всѣ сословія. Не одинъ народъ, но и высшее дворянство, по крайней-мѣрѣ часть его, взволновалось³. Это была уже не просто тиранія: это былъ полный переворотъ, который, не довольствуясь тѣмъ, что задавилъ реформу народную, обезображивалъ и потрясалъ первую реформу, совершенную королями и признанную высшимъ дворянствомъ. Вельможи привыкли исповѣдовать первенство престола, что освобождало ихъ, по крайней-мѣрѣ, отъ всякой другой зависимости; а теперь ихъ принуждаютъ признавать еще божественныя права епископовъ и преклоняться предъ тою церковью, униженію которой нѣкогда они такъ обрадовались, не упустивъ случая воспользоваться и богатствами, у ней отнятыми. Отъ нихъ требовали раболѣпства, которое еще съ бѣльшею ревностію стоитъ за свои привилегіи, нежели свобода за свои права; а въ то же время другимъ, прежде стоявшимъ ниже ихъ, дозволяли искать независимости. Они страшились за свой санъ, а можетъ-быть и за свои имущества. Гордость духовенства была для нихъ оскорбленіемъ, отъ котораго они уже давно отвыкли. Около нихъ стали раздаваться толки, что скоро придетъ время,

(¹) Neal, *Hist. of the Purit.*, ч. II, стр. 243. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, ч. II, стр. 236. — (²) *Laud's Diary*, стр. 51—53, подъ 6 марта 1636. — (³) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 250.

когда простой церковнослужитель будетъ столько же значить, какъ самый гордый дворянинъ королевства¹; предъ ихъ глазами епископы или любимцы епископовъ захватывали всѣ служебныя должности и пользовались милостями короля, которые были для дворянства единственнымъ вознагражденіемъ за его старинный блескъ, за утраченныя имъ права и силу. Карлъ, искренно преданный духовенству, надѣлся въ его возвышеніи найти твердую опору противъ дурнаго расположенія народа; а между-тѣмъ вскорѣ склонность осуждать поведеніе правительства и остерегаться его замысловъ сдѣлалась всеобщею. Недовольство проникло изъ мастерскихъ столицы до самаго Уайтгалля.

Въ высшихъ классахъ оно обнаружилось уклоненіемъ отъ двора и свободою мыслей, дотогѣ неслыханною. Нѣсколько вельможъ, и притомъ наиболѣе-уважаемыхъ, переѣхали въ свои помѣстья, желая этимъ удаленіемъ показать, что они не одобряютъ королевской политики. Въ Лондонѣ, близъ трона, духъ независимости и пытливости проникъ въ кружки, прежде отличавшіеся покорностью или пустотою. Съ царствованія Елизаветы любовь къ наукамъ и литературѣ перестала быть удѣломъ людей, специально ими занимающихся. Дворъ началъ считать для себя общество людей, почему либо замѣчательныхъ — философовъ, литераторовъ, поэтовъ, артистовъ, также разговоры умные или ученые — новымъ, блестящимъ украшеніемъ; а свѣтскіе люди нашли въ немъ благородное препровожденіе времени. Но эти собранія не вызывались потребностью какой-либо оппозиціи: напротивъ, гдѣ бы они ни происходили — въ тавернѣ ли, или въ домѣ какого-нибудь вельможи — вездѣ было въ модѣ осмѣивать сумрачный, ворчливый характеръ или фанатическое упорство религиозныхъ нон-конформистовъ, уже извѣстныхъ подъ именемъ «пури-танъ.» Праздники, спектакли, литературныя споры составляли главное занятіе общества, для котораго престолъ былъ всегдашнимъ центромъ и покровителемъ. При Карлѣ дѣло измѣнилось: собранія литераторовъ и свѣтскихъ людей продолжались; но въ нихъ толковали уже о предметахъ болѣе

(¹) Тамъ же, ч. II, стр. 251.

важныхъ, и толковали вдали отъ надзора верховной власти, которой подобныя толки пришлось бы не по-сердцу. Дѣла общественныя, науки нравственно-философскія, вопросы религиозныя служили темой для разговоровъ. Эти блестящіе, одушевленные разговоры неудержимо влекли къ себѣ молодыхъ людей, возвращавшихся изъ путешествія или изучавшихъ законы въ школахъ Темпла¹, а также всѣхъ людей серьезныхъ и дѣятельныхъ, которые, по своей службѣ или по состоянію, имѣли досугъ. Сельденъ расточалъ предъ ними сокровища своей учености; Чиллингвортъ излагалъ имъ свои сомнѣнія въ дѣлахъ вѣры; юный лордъ Фокландъ открывалъ имъ свой домъ и сады, которые поэтому сравниваемы были съ греческой академіей². Здѣсь возникали не секты и партіи, но живыя и свободныя мнѣнія. Безъ всякаго личнаго интереса, безъ всякой преднамѣренной цѣли, привлекаемые только чистымъ желаніемъ расширить кругъ своихъ идей и сообщая воспитывать въ себѣ благородныя чувства, люди, которые собирались здѣсь, спорили непринужденно, заботясь лишь объ истинѣ и справедливости. Одни, особенно склонные къ философскому мышленію, изслѣдовали, какія формы правленія наиболѣе могутъ содѣйствовать развитію человѣческаго достоинства; другіе, юристы, не пропускали безъ указанія ни одного незаконнаго дѣйствія короля и его министровъ; третьи, наконецъ, богословы по званію или по склонности, внимательно изучали первоначальныя вѣка христіанства, съ ихъ вѣрованіями и обрядами, и сравнивали ихъ съ тою церковью, которую усиливался создать Лодъ. Ихъ не соединяли между собою ни страсти, ни общія опасности, убѣжденія или цѣли; но всѣ въ одинъ голосъ проклинали тираннію, презирали дворъ, сожалѣли о парламентѣ и желали реформы, которую считали единственнымъ исходомъ изъ своего грустнаго положенія, хотя и не увѣрены были, что надежда ихъ осуществится.

Гораздо-далѣе отъ двора, въ обществѣ не столь изящномъ,

(¹) Темплъ — часть Лондона, гдѣ находились коллегіумы. *Прим. перев.*
— (²) Clarendon, *Mémoires* и пр., т. I, стр. 43—89, въ *Collection* г. Гизо.

въ людяхъ менѣе-образованныхъ, чувства были грубѣе, идеи уже, но за-то и рѣшительнѣе. Тамъ убѣжденія связаны были съ интересами, а страсти — съ убѣжденіями. Среднее и мелкое дворянство съ особеннымъ негодованіемъ возставало противъ политической тираниіи. Упадокъ высшей аристократіи и вообще феодализма значительно ослабилъ различіе степеней между дворянами. Всѣ считали себя потомками тѣхъ бароновъ, которые завоевали Великую Хартію, и ожесточались, видя, что теперь ихъ права, ихъ имуществва и личность зависятъ отъ прихоти короля и его совѣтниковъ, между-тѣмъ, какъ нѣкогда предки ихъ вели войны съ государемъ и предписывали ему условія. Умъ ихъ не занимали философскія теоріи, ученые различія между демократіей, аристократіей и монархіей: единственнымъ идеаломъ ихъ была нижняя палата. Она въ ихъ убѣжденіи являлась представительницею дворянства и народа, древняго союза бароновъ и всей націи; она одна въ прежнія времена защищала политическую свободу и одна была способна вновь завоевать ее. Говоря о парламентѣ, разумѣли только нижнюю палату. Законность и необходимость ея полновластія — вотъ идея, которая понемногу вкоренилась въ умахъ. Касательно церкви и формы ея управленія большая часть дворянъ не имѣла ни положительныхъ видовъ, ни разрушительныхъ намѣреній. Епископальной церкви они не отвергали, но епископы были имъ ненавистны, особенно какъ виновники и защитники тираниіи. Реформа провозгласила освобожденіе гражданскаго общества; она уничтожила деспотизмъ власти духовной въ дѣлахъ свѣтскихъ. Англиканское духовенство захотѣло присвоить себѣ права, утраченныя Римомъ. Эти притязанія слѣдовало подавить. Папа не долженъ былъ имѣть наслѣдниковъ, епископы не должны были вмѣшиваться въ управленіе государствомъ, а только распорядиться дѣлами, касающимися религіи, въ своихъ округахъ, по законамъ страны — вотъ каковы были желанія провинціального дворянства, неотвергавшаго епископальнаго устройства, лишь бы только церковь не присвоивала себѣ ни политической власти, ни божескихъ правъ.

Вышіе граждане въ городахъ, а въ деревняхъ довольно-большое число дворянъ и почти всѣ свободные землевладѣль-

цы простирали — особенно въ-отношеніи къ религіи — свои виды еще далѣе и приходили еще въ большее негодованіе. Они были страстные приверженцы реформы; въ нихъ господствовала сильная потребность воспользоваться ея послѣдствіями, глубокая ненависть ко всему, что имѣло хоть какое-нибудь сходство съ папизмомъ или напоминало его. Первобытная церковь, говорили они, простота богослуженія, чистота вѣры пали отъ злоупотребленій римской іерархіи. Оттого-то главы реформаціи, эти новые апостолы: Цвингліи, Кальвинъ, Ноксъ, и успѣшили уничтожить деспотическое ея устройство и языческіе обряды. Евангеліе было для нихъ кодексомъ, первобытная церковь — образцомъ. Одна Англія продолжаетъ упорно слѣдовать папизму. Развѣ это епископы не такъ же тяжело? развѣ ихъ поведеніе сообразнѣе съ евангеліемъ? Развѣ гордость ихъ не такъ же заносчива? Подобно Риму, они заботятся также только о томъ, чтобъ властвовать и обогащаться. Подобно Риму, они боятся частыхъ проповѣдей, строгихъ нравовъ, свободы молитвы. Подобно Риму, они стремятся подчинить христіанскую набожность неизмѣннымъ и мелочнымъ формальностямъ; подобно Риму, они хотятъ животворящее слово Спасителя замѣнить блескомъ обрядовъ. Въ воскресный день истинные христіане хотѣли бы спокойно предаться благочестивымъ упражненіямъ — шумныя игры, пляски, буйный разгулъ на площадяхъ и на улицахъ мѣшаютъ имъ молиться. Мало того: епископы не только позволяютъ народу такое нечестивое препровожденіе временія — они побуждаютъ его къ тому своими совѣтами, почти приказаніями, опасаясь, чтобъ народъ не предался болѣе-чистымъ, духовнымъ наслажденіямъ¹. Случается ли, что въ ихъ паствѣ какой-нибудь мірянинъ съ запуганной совѣстью соблазнится нѣкоторыми обычаями церкви — они строжайше обязываютъ его исполнять малѣйшіе уставы. Другой слишкомъ привязанъ къ уставамъ: они мучатъ его своими нововведеніями. Смиранныхъ они давятъ, гордыхъ раз-

(¹) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 212. — Rushworth, ч. I, т. I, стр. 191—196.

дражаютъ и выводятъ изъ терпѣнія. Вездѣ — начала, обычаи, притязанія, враждебныя истинной вѣрѣ. И къ-чему такое забвеніе евангелія, такое угнетеніе горячихъ ревнителей вѣры? Чтобъ поддержать власть, которой евангеліе не представляло никому, которой не знала первобытная церковь. Пусть уничтожатъ епископство, пусть церковь, ограничивъ власть своей собственной средой, будетъ впредь управляема служителями, равными другъ другу, простыми проповѣдниками евангельскаго ученія; пусть она съ общаго совѣта и согласія представляетъ и пасетъ народъ христіанскій: тогда это будетъ истинная церковь Христова, тогда не будетъ болѣе идолопоклонства, не будетъ деспотизма, и въ реформѣ, приведенной къ окончанію, уже не надо будетъ бояться папизма, тогда—какъ теперь онъ угрожаетъ овладѣть домомъ божіимъ, который какъ-будто нарочно готовитъ къ его принятію ¹.

Когда народъ, среди котораго съ самаго начала реформы смутно бродили эти идеи, увидалъ, что онѣ приняты множествомъ людей богатыхъ, людей съ вѣсомъ и значеніемъ, его прямыми и естественными патронами, въ немъ явилась такая увѣренность въ нихъ и въ самомъ себѣ, что она вскорѣ измѣнила видъ и положеніе страны, хотя и не произвела возстанія. Съ 1582 и 1616 годовъ нѣсколько нон-конформистовъ официально отдѣлились отъ англиканской церкви и, подъ именемъ *броунистовъ* и *индепендентовъ*, столь замѣнитыхъ въ послѣдствіи, образовали незначительныя секты диссидентовъ, отвергавшихъ всякое общее управленіе церкви и предоставлявшихъ каждому собранію вѣрующихъ право устанавливать свое богослуженіе по началамъ чисто-республиканскимъ ². Съ того времени составилось по этому образцу нѣсколько частныхъ обществъ; но они были малочисленны, небогаты и столько же чужды народу, какъ и церкви. Беззащитные отъ преслѣдованій, въ случаѣ открытія ихъ агентами правительства, сектаторы бѣжали и обыкновенно удалялись въ Голландію. Но вскорѣ въ сердцахъ ихъ возникла борьба

(¹) Rushworth, ч. III, т. I, стр. 172—188. — (²) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. I, стр. 301 и слѣд.; т. II, стр. 43—92.

между тоскою по родинѣ и потребностью свободы: тогда они отправляли посланія къ своимъ друзьямъ, оставленнымъ въ отечествѣ, и уговаривали ихъ идти вмѣстѣ искать новаго отечества въ странахъ почти-неизвѣстныхъ, но по-крайней-мѣрѣ принадлежащихъ Англіи, въ странахъ, куда стекаются одни англичане. Болѣе-достаточные изъ нихъ продавали свое имущество, покупали маленькое судно, нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, кое-какія земледѣльческія орудія и, предводимые служителемъ своей вѣры, отправлялись къ товарищамъ въ Голландію, а оттуда, вмѣстѣ съ ними, въ Сѣверную Америку, гдѣ уже образовались тогда начатки колоній. Корабль рѣдко бывалъ такъ великъ, чтобъ на немъ могли помѣститься всѣ желающіе. Тогда собирались на морской берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ корабль стоялъ на якорѣ: тамъ, на пескѣ, у подошвы дюны ¹, настоярь того общества, которому суждено было остаться, произносилъ прощальную проповѣдь; тотъ, который уѣзжалъ, отвѣчалъ ему тѣмъ же. Долго молились всѣ вмѣстѣ, цаловались въ послѣдній разъ передъ разлукой, и въ то время, какъ одинъ удалялся, другіе печально возвращались назадъ съ тѣмъ, чтобъ посреди чуждаго народа выждать случая и средствъ присоединиться къ своимъ собратьямъ ². Много подобныхъ переселеній совершилось одно за другимъ безъ всякихъ препятствій, благодаря тому, что бѣглецы были люди неизвѣстные. Но вдругъ, въ 1637 г., король замѣтилъ, что переселенія эти дѣлаются въ большихъ массахъ и становятся часты, что къ нимъ пристають значительныя граждане, которые вывозятъ съ собою немалыя богатства. Этимъ путемъ, говорили, вывезено изъ государства болѣе 12 милліоновъ ³. Тогда деспотизмъ тиготѣлъ уже не только надъ какими-нибудь слабыми и темными сектаторами: мнѣнія ихъ распространились, чувствованія ихъ раздѣляли даже тѣ, кто не раздѣлялъ ихъ мнѣній. По многимъ отношеніямъ правительство сдѣлалось такъ ненавистно, что оте-

(¹) Дюны—песчаныя возвышенности, наносимыя моремъ во время прилива. *Прим. перев.* — (²) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 110—112. — (³) Тамъ же, т. II, стр. 186.

чество покидали тысячи людей, различных по состоянию, по имуществу, по намерениямъ. По опредѣленію государственнаго совѣта, переселенія эти были запрещены¹. Въ эту минуту на Темзѣ стояло на якорѣ 8 кораблей, готовыхъ къ отплытію. На одномъ изъ нихъ уже были Паймъ, Гэмденъ, Гэзльригъ и Кромвель².

Они напрасно бѣжали отъ деспотизма, ибо народъ пересталъ уже его бояться. Недовольство смѣнилось броженіемъ. Всѣ умы заняты были уже не однимъ возстановленіемъ законнаго порядка, даже не уничтоженіемъ епископальнаго правленія: подъ эгиною той большой партіи, которая замыслила эту двойную реформу, возникло множество сектъ съ болѣе пылкими стремленіями, съ болѣе-смѣлыми мнѣніями. Со всѣхъ сторонъ отъ церкви отдѣлялись маленькія общества, которыя ставили своимъ девизомъ то или другое истолкованіе какого-нибудь догмата, отрицаніе того или другаго обряда, а иные — уничтоженіе всякаго церковнаго правленія, безусловную независимость вѣрующихъ и слѣдованіе единственно внушеніямъ Св. Духа. Увлеченіе вездѣ преодолевало страхъ. Несмотря на дѣятельныя преслѣдованія Лода, всякаго рода сектаторы собирались вмѣстѣ, въ городахъ—въ глубинѣ какаго-нибудь погребя, въ деревняхъ—подъ кровлей какой-нибудь риги или въ чащѣ лѣса. Печальный видъ этихъ убѣжищъ, опасность и затруднительность этихъ собраній—все распалило воображеніе проповѣдниковъ и слушателей. Они проводили вмѣстѣ долгіе часы, часто цѣлыя ночи, молились, пѣли, искали Господа и проклинали своихъ враговъ. Нелѣпость ученій и малочисленность приверженцевъ не мѣшали прочному существованію и даже кредиту этихъ фанатическихъ сборищъ. Всеобщее раздраженіе, овладѣвшее страной, было для нихъ покровомъ и защитой. Явились нон-конформисты великихъ названій, убѣжденій, стремленій, и увѣренность ихъ въ общественномъ расположеніи дошла дотого, что они

(¹) 1 мая 1637. Rushworth, ч. II, т. I, стр. 409. — (²) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 287. — Walpole, *Catalogue of royal and noble authors*, т. I, стр. 206, изд. in-12. Лондонъ, 1733.

захотѣли отличатся даже особенной одеждой и манерами, и такимъ-образомъ явно исповѣдывали свои мнѣнія въ глазахъ своихъ преслѣдователей. Въ черныхъ платьяхъ и высокихъ шляпахъ съ широкими полями, надѣтыхъ на плотно-обстриженные головы, они вездѣ встрѣчали уваженіе толпы, которая величала ихъ святыми. Сила ихъ возрасла дотого, что, несмотря на притѣсненія, которымъ они подвергались, даже притворство стало на ихъ сторонѣ. Разорившіеся торговцы, рабочіе люди, немѣвныя работы, люди, увязшіе въ развратѣ и долгахъ — словомъ, всѣ, кому хотѣлось поднять себя въ общественномъ мнѣніи, перенимали одежду, видъ, языкъ этихъ святыхъ и тотчасъ находили хорошій приемъ и покровительство между легковѣрными фанатиками¹. Что касается до политическихъ убѣжденій, то и въ этомъ отношеніи было замѣтно сильное волненіе, хотя не столь всеобщее, не столь безпорядочное. Среди низшихъ классовъ, вслѣдствіе большаго благосостоянія, а отчасти вслѣдствіе религиозныхъ ученій, начали появляться дотолѣ-неизвѣстныя идеи и потребности равенства. Въ высшей сферѣ было нѣсколько суровыхъ, гордыхъ умовъ, ненавидѣвшихъ дворъ, презиравшихъ безсиліе старинныхъ законовъ и съ увлеченіемъ предававшихся свободомыслію. Среди уединеннаго ученія, среди тайныхъ разговоровъ, они мечтали о болѣе-простыхъ, болѣе-дѣйствительныхъ учрежденіяхъ. Другіе, движимые менѣе-чистыми побужденіями, чуждые всякихъ вѣрованій, безстыдные въ своихъ правахъ, попавшіе въ число недовольныхъ по своему характеру или по случаю, жаждали переворота, который бы открылъ поприще ихъ честолюбію, или по-крайней-мѣрѣ далъ полную свободу ихъ необузданному произволу. Такимъ-образомъ фанатизмъ и своеволие, искренность и притворство, уваженіе и презрѣніе къ старымъ учрежденіямъ, законныя потребности и безпорядочныя желанія—все способствовало возбужденію народнаго негодованія, все соединялось противъ власти, которая своимъ деспотизмомъ распалила не-

(¹) *Mémoires de mistriss Hutchinson*, т. I, стр. 161—166, 232 и слѣд. въ *Collection* г. Гизо.

ненависть самыхъ разнородныхъ людей, а своего неосторожностью и слабостью доставляла возможность самымъ значительнымъ партіямъ, самымъ дерзкимъ мечтателямъ предаваться дѣятельности и надеждамъ.

Нѣсколько времени король и его совѣтъ не замѣчали этого усиленія народнаго негодованія. Правительство, несмотря на свое затруднительное положеніе, обнаруживало самоувѣренность и высокомеріе, потому-что нація была для него чужда, и оно не встрѣчало нигдѣ дѣйствительнаго сопротивленія. Чтобъ оправдать свои поступки, оно часто съ жаромъ говорило о распространявшемся вредномъ направленіи; но минутный страхъ не пробуждалъ его къ благоразумію, и, опасаясь враговъ, оно въ то же время презирало ихъ. Самая необходимость ежедневно усиливать угнетеніе не открывала ему глазъ, и оно тѣмъ болѣе радовалось своей силѣ, чѣмъ болѣе строгихъ мѣръ требовала возрастающая опасность.

Между-тѣмъ, въ 1636 г., Англія наводнена была памфлетами, направленными на привилегіи, предоставленныя папистамъ, на возвращеніе двора, особенно на тиранию Лода и епископовъ. Уже неоднократно звѣздная палата строго наказывала за подобныя сочиненія; но никогда они не были такъ многочисленны, такъ дерзки, никогда не были такъ распространены, никогда ихъ не читали съ такимъ увлеченіемъ. Ихъ разбрасывали по улицамъ городовъ, по деревнямъ; смѣлые контрабандисты провозили ихъ тысячами изъ Голландіи и продавали съ большою выгодой. Ихъ объясняли въ церквахъ, изъ которыхъ Лодъ не могъ совершенно изгнать пуританскихъ проповѣдниковъ. Досадуя на бесполезность принятыхъ имъ строгихъ мѣръ, совѣтъ рѣшился употребить еще новыя. Однажды въ звѣздную палату привели разомъ троихъ: юрисконсульта, богослова и врача. Это были Прейнгъ, Бортонъ и Бествикъ. Сначала ихъ хотѣли преслѣдовать какъ государственныхъ преступниковъ, что повлекло бы за собою смертную казнь; но судьи объявили, что нельзя придавать такого смысла ни закону, ни ихъ сочиненіямъ, и потому надо было ограничиться обвиненіемъ ихъ просто въ измѣнѣ (felonie) ¹.

(¹) Rushworth, ч. II, т. I, стр. 324.

Жестокость суда не уступала несправедливости самаго процесса. Обвиненнымъ было объявлено, чтобъ они немедленно представили защитительные акты: въ противномъ случаѣ ихъ будутъ считать сознавшимися. Они отвѣчали, что не могутъ писать, потому-что имъ не даютъ бумаги, чернилъ и перьевъ. Все это было доставлено имъ и сказано, чтобъ ихъ защитительный актъ былъ подписанъ какимъ-нибудь адвокатомъ; но въ-теченіе трехъ дней дверь темницы была запорота для избраннаго ими защитника. Наконецъ къ нимъ ввели адвоката, который отказался подписать актъ, опасаясь компрометировать себя передъ судьями, и никто другой не хотѣлъ принять на себя этого дѣла. Они просили позволенія представить защитительный актъ за собственной своей подписью. Судъ отвергъ эту просьбу, повторяя, что безъ подписи адвоката обвиненіе будетъ признано доказаннымъ. «Милорды» сказали Прейнгъ: «вы требуете невозможнаго». Судъ ограничился повтореніемъ прежняго объявленія. Грубое оскорбленіе ожидало подсудимыхъ при самомъ открытіи преній. Четыре года назадъ, за другой памфлетъ у Прейнна отрѣзаны были уши. «Я полагаю», сказалъ лордъ Финчъ, глядя на него, «что у г. Прейнна нѣтъ ушей; мнѣ кажется, что они у него остались». И для удовлетворенія любопытства судей, къ нему приблизился судебный служитель и, поднявъ волосы обвиняемаго, показалъ изувѣченныя его уши. «Милорды» сказали Прейнгъ, «прошу васъ не оскорбляться: моллю Бога даровать вамъ уши, чтобъ вы выслушали меня ¹.»

Они были приговорены къ выставкѣ у позорнаго столба, къ лишенію ушей, къ уплатѣ пени въ 5000 ф. стерлинговъ и къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ. Въ день исполненія приговора (30 июня 1637 г.) на площади тѣснилась несметная толпа. Палачъ хотѣлъ удалить ее. «Не гоните ихъ» сказалъ Бортонъ: «имъ надо учиться страдать.» Смущенный палачъ притихъ ². Одна женщина сказала Бортону: «Лучше этой проповѣди вы никогда не говорили.» «Надѣюсь» отвѣчалъ онъ «и дай Богъ, чтобъ она обратила присутствующихъ на путь

(¹) State-Trials, т. III, col. 711—717. — (²) Тамъ же, т. III, col. 751.

истины¹.» Одинъ молодой человекъ, глядя на него, поблѣднѣлъ. «Сынъ мой» сказалъ ему Бортонъ «отчего ты блѣднѣешь? Въ моемъ сердцѣ нѣтъ слабости, и еслибъ мнѣ нужно было болѣе силы, Богъ, конечно, даровалъ бы мнѣ ее².» Толпа съ каждой минутой все ближе-и-ближе тѣснилась около осужденныхъ. Кто-то подалъ Бествику букетъ цвѣтовъ; на этотъ букетъ сѣла пчела. «Посмотрите» сказалъ онъ «на эту блѣдную пчелу: она сосетъ медъ изъ цвѣтовъ даже у позорнаго столба—почему же и мнѣ здѣсь не вкусить меда христова?»—«Христiane» сказалъ Прейнъ, «еслибъ мы цѣнили свою собственную свободу, насъ бы не было здѣсь. Мы пожертвовали ею для вашей свободы. Берегите ее, умолю васъ. Стойте крѣпко, будьте вѣрны дѣлу божьему, дѣлу отечества: иначе, вы и дѣти ваши впадете въ вѣчное рабство⁴.» И площадь огласилась торжественными кликами.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (18 апрѣля 1638), тѣ же самыя сцены возобновились вокругъ эшафота, на которомъ, за такой же проступокъ, Лилборнъ былъ подвергнутъ не менѣе-жестокимъ истязаніямъ. Восторженность осужденнаго и народа, по видимому, была даже еще сильнѣе. Привязанный къ тележкѣ, бичуемый палачомъ, Лилборнъ не переставалъ увѣщевать народъ, который бѣжалъ за нимъ по улицамъ Вестминстера. Его привязали къ столбу—онъ продолжалъ говорить; ему приказывали молчать, но тщетно; ему заткнули ротъ—тогда онъ вынулъ изъ кармановъ нѣсколько памфлетовъ и бросилъ въ народъ, который съ жадностью расхваталъ ихъ. Ему связали руки. Уже онъ не могъ ни двигаться, ни говорить; но толпа, которая до-тѣхъ-поръ слушала его рѣчи, все не расходилась: она хотѣла насмотрѣться на него. Нѣкоторые изъ его судей стояли у окна, какъ-бы желая удостовѣриться, до чего можетъ дойти ея терпѣніе; но оно утомило ихъ любопытство⁵.

Все это были только мученики изъ среды народа: ни одинъ

(¹) Тамъ же, col. 753. — (²) Тамъ же, col. 752. — (³) Тамъ же, col. 751. — (⁴) State-Trials, т. III, col. 748. — (⁵) Тамъ же, col. 1315 и слѣд. См. Приложенія къ *Mémoires de Hollis*, стр. 279—283, въ *Collection* г. Гизо.

изъ нихъ не былъ извѣстенъ ни именемъ, ни дарованіями, ни богатствомъ. Многіе прежде процесса были даже мало замѣтны среди своихъ собратій по ремеслу, и мнѣнія, которыя они поддерживали, были въ глазахъ многихъ не болѣе, какъ мнѣнія «анатическихъ сектъ», пользовавшихся довѣріемъ преимущественно у черни. Гордая ихъ мужествомъ, чернь скоро стала упрекать высшіе классы въ слабости и апатіи. «Нынѣ» говорили въ городѣ «честь, которая обыкновенно пребываетъ въ головѣ, опустилась, какъ подагра, въ ноги¹.» Ничего не бывало: сельское дворянство и высшіе горожане были раздражены не менѣе народа; но, дальше видя и менѣе увлекаясь страстями, они ожидали какого-нибудь основательнаго повода къ надеждѣ на успѣхъ. При этомъ народномъ крикѣ они пришли въ волненіе; въ нихъ снова возникла самоувѣренность. Въ-самомъ-дѣлѣ наступила минута, когда для націи, потрясенной во всей ея массѣ, нужны были только вожди извѣстные, серьезныя, не искатели приключеній и не сектаторы, а люди съ вѣсомъ, которые бы стояли за права и интересы всего народа.

Одинъ дворянинъ изъ графства Буккингэмъ, по имени Джонъ Гэмденъ (род. 1594 въ Лондонѣ), подалъ сигналъ къ этой національной оппозиціи. Прежде него многіе дѣлалитакія же попытки безъ успѣха. Они отказывались платить подать, извѣстную подъ именемъ *корабельной таксы*, требуя, чтобъ дѣло было перенесено въ королевскій судъ и чтобъ имъ позволено было торжественно доказывать незаконность таксы и законность ихъ отказа; но дворъ всегда умѣлъ какъ-нибудь отстранить эти пренія². Гэмдену же удалось сдѣлать такъ, что ему не отказали. Хотя въ 1626 и 1628 годахъ онъ за сѣдалъ въ парламентѣ на скамьяхъ оппозиціи, но не навлекъ на себя особеннаго подозрѣнія со стороны двора. Со времени послѣдняго закрытія палатъ онъ то жилъ мирно въ своемъ графствѣ, то путешествовалъ по Англіи и Шотландіи,

(¹) Эта острота сказана и въ письмѣ лорда Гаутона къ Томасу Уэнтворту отъ 19 мая 1627 (*Strafford's Letters*, т. I, стр. 38.) — (²) Rushworth, ч. II, т. I, стр. 323, 414 и слѣд.

вездѣ внимательно наблюдалъ расположеніе умовъ, входилъ въ многочисленныя связи, но не обнаруживалъ своего мнѣнія ропотомъ. Обладая большимъ состояніемъ, онъ умѣлъ пользоваться имъ, хотя жилъ и непышно. Онъ любилъ суровую простоту, но не навязывался съ своей строгой нравственностію. Онъ былъ даже замѣчательно-любезенъ и веселъ, пользовался уваженіемъ всѣхъ своихъ сосѣдей, къ какой бы партіи они ни принадлежали, и слылъ за человѣка умнаго, неодобрившаго господствующей системы, но не фанатика и не мятежника. Оттого власти гнѣства не трогали его и не боялись. Въ 1636 в., при распределеніи таксы, они обложили его небольшою суммою въ 20 шиллинговъ, желалъ, безъ сомнѣнія, сдѣлать ему удовольствіе, а также надѣялся, что умѣренность налога не вызоветъ со стороны такого благоразумнаго человѣка никакого сопротивленія. Гэмденъ отказался платить, но безъ гнѣва, безъ шума, единственно заботясь о томъ, чтобъ права народа стали въ его лицѣ предметомъ торжественнаго суда. Въ темницѣ велъ онъ себя такъ же спокойно и скромно требовалъ только суда и утверждалъ, что интересы короля не менѣе связаны съ законнымъ рѣшеніемъ такого вопроса. Король, обнадеженный недавнимъ увѣреніемъ судей¹, что въ случаѣ крайней необходимости, для безопасности государства корабельная такса можетъ быть признана законою, наконецъ согласился и даровалъ Гэмдену право суда. Адвокаты Гэмдена поддерживали его съ тѣмъ же благоразуміемъ, какое онъ самъ обнаружилъ, отзываясь о королѣ и его преимуществахъ съ глубокимъ уваженіемъ, избѣгая всякихъ восклицаній, всякихъ сомнительныхъ началъ, опираясь только на законы и на исторію государства. Одинъ изъ нихъ, М. Гольборнъ, даже нѣсколько разъ прерывалъ свою рѣчь, прося судей извинить его за энергію выражений и предупредить его, если онъ перейдетъ границы, предписанныя приличіемъ и закономъ. Сами коронныя адвокаты хвалили Гэмдена за его скромность². Процессъ продолжался

(¹) 14 февраля 1637. Rushworth, ч. II, т. I, стр. 352—355. State-Trials, т. III, col. 823 и слѣд. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 229.

13 дней. Въ-теченіе этого времени, посреди всеобщаго раздраженія, были обсуживаемы основныя законы страны, и между-тѣмъ защитникамъ ея правъ нельзя было сдѣлать ни единого упрека въ увлеченіи или въ мятежныхъ замыслахъ¹.

Гэмденъ былъ осужденъ (12 іюня 1637). Только четверо изъ судей подали голосъ въ его пользу². Король былъ очень-доволенъ этимъ приговоромъ, видя въ немъ рѣшительное торжество абсолютной власти. Народъ смотрѣлъ на него съ той же точки и пересталъ ожидать чего-либо отъ властей и законовъ; но радость Карла была напрасна, ибо народъ, потерявъ надежду, пріобрѣлъ мужество. Недовольство, до того времени не имѣвшее ни единства, ни связи, сдѣлалось единодушнымъ: дворяне, горожане, фермеры, купцы, пресвитеріане, сектаторы — вся нація была поражена этимъ приговоромъ³. Имя Гэмдена было у всѣхъ на устахъ: вездѣ произносили его съ любовью и гордостью, ибо участь его была изображеніемъ участи народа, а его поведение дѣлало честь этому народу. Друзья и слуги короля едва осмѣливались отстаивать законность его побѣды. Судьи оправдывались и почти признавались въ своей низости, думая этимъ заслужить прощеніе. Мирные граждане вздыхали и молчали, люди смѣлые громко и съ тайною радостью высказывали свое негодованіе. Вскорѣ, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ графствахъ, у недоброжелательныхъ явились вожди, которые стали сблизяться другъ съ другомъ и совѣщаться о будущемъ. Вездѣ принимались мѣры къ общему соглашенію и къ взаимной поддержкѣ въ

(¹) State-Trials, т. III, col. 846—1254. — (²) Гомфри Дэвенпортъ, Джонъ Денгэмъ, Ричардъ Готтонъ и Джорджъ Крукъ. Въ противность всѣмъ извѣстіямъ, Лингардъ говоритъ, что пятеро судей рѣшили дѣло въ пользу Гэмдена (*Hist. of England*, т. X, стр. 33, лондонское изд. in-8, 1825). Ошибка его происходитъ оттого, что онъ приписалъ за два голоса два мнѣнія, поданныя въ пользу Гэмдена судьей Крукомъ и напечатанныя въ процессѣ (State-Trials, т. III, col. 1127—1181). Въ 1645 сынъ судьи Готтона умерщвленъ въ Шерборнѣ за преданность королю (Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VIII, стр. 160.) — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 117—120. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 44, въ *Collection* г. Гизо. — Hacket, *Life of bishop Williams*, ч. II, стр. 127.

случаѣ нужды. Наконецъ образовалась партія, тщательно-скрывавшаяся, но явно одобряемая народомъ. Король и его совѣтъ еще упоены были своимъ послѣднимъ торжествомъ въ то время, какъ противники ихъ нашли уже случай и средства дѣйствовать.

Около мѣсяца спустя послѣ осужденія Гэмдена, въ Эдмбургѣ вспыхнулъ сильный митежъ (23 іюля 1637). Онъ былъ вызванъ самовольнымъ и неожиданнымъ введеніемъ новой литургіи. Со времени восшествія своего на престолъ, Карлъ, по примѣру отца, не переставалъ стремиться къ уничтоженію республиканскаго устройства шотландской церкви, заимствованнаго ею у кальвинистовъ, и къ возстановленію во всемъ его значеніи и пышности англиканскаго епископата, котораго нѣкоторыя слѣды еще оставались. Обманы, строгости, угрозы, подкуны — все было употреблено для достиженія этой цѣли. Деспотизмъ обнаружилъ при этомъ даже гибкость и терпѣніе: онъ обращался то къ честолюбію духовенства, то къ интересамъ мелкихъ владѣльцевъ, предлагая послѣднимъ легкій выкупъ десятины, а первымъ — высшія церковныя и государственныя должности, постоянно приближаясь къ цѣли, но путями окольными и отдаленными. Отъ времени до времени въ народѣ безпокойство усиливалось, національное духовенство оказывало сопротивленіе, но собранія его были закрываемы, болѣе-смѣлые его проповѣдники изгонялись. Иногда парламентъ, часто унижавшійся до раболѣпства, колебался: тогда мѣшали выборамъ, подавляли пренія, даже прибѣгали къ подлогу относительно голосовъ¹. Такимъ-образомъ шотландская церковь, теряя право за правомъ, постепенно подпадала подъ иго іерархическаго устройства и ученія англиканской церкви, освящавшаго абсолютную власть и права епископовъ и короля. Въ 1636 году дѣло, повидимому, приближалось къ окончанію: епископы получили свои прежнія юридическія права; архі-епископъ св. Андрея (Споттисвудъ) былъ канцлеромъ королевства, епископъ россій (Максвелль) готовился быть лордомъ

(¹) Burnet, *Histoire de mon temps*, т. I, стр. 36—38, въ *Collection* г. Гизд. — Malcolm Laing, *Hist of Scotland*, и пр., т. III, стр. 110—112.

казначейства, изъ четырнадцати прелатовъ девять засѣдали въ государственномъ совѣтѣ и имѣли въ немъ перевѣсъ¹. Карлъ и Лодъ нашли, что настала пора довершить начатое дѣло и ввести въ эту церковь, не сносаясь ни съ духовенствомъ, ни съ народомъ, каноническій кодексъ и богослуженіе, сообразное съ ея новымъ положеніемъ.

Но въ Шотландіи реформа возникла не по волѣ государя и не вслѣдствіе раболѣпства придворныхъ, какъ въ Англіи: она была народна съ колыбели, она шла не отъ престола, а возвышалась снизу собственною своею силою и наперекоръ всякимъ преградамъ. Приверженцевъ ея не разъединяли ни система, ни положеніе, ни интересы. Въ долговременной борьбѣ научились они не бояться власти и даже направлять ее сообразно своимъ цѣлямъ. Шотландскіе проповѣдники могли хвалиться, что они вооружили націю, что они выдержали междоусобную войну, что они свергли съ престола королеву и управляли своимъ королемъ до той самой минуты, когда онъ, вступивъ на чуждый престолъ, вышелъ такимъ образомъ изъ-подъ ихъ вліянія. Сильные этимъ единствомъ и воспоминаніемъ столькихъ побѣдъ, они въ мысляхъ и даже въ рѣчахъ смѣло мѣшали политику съ вѣрой, дѣла государственныя съ религіозными преніями и съ высоты кафедръ порицали поведеніе королевскихъ министровъ, называя ихъ по именамъ, точно такъ же, какъ правы своихъ прихожанъ. Въ ихъ школахъ народъ усвоилъ себѣ такую же смѣлость мысли и слова. Обязанный реформой единственно самому-себѣ, онъ дорожилъ ею не только какъ убѣжденіемъ, но какъ дѣломъ рукъ своихъ. За основное правило принималъ онъ духовную независимость своей церкви, а не религіозное первенство монарха, и находилъ въ себѣ и силу и право защищать, противъ папизма, королевской власти и епископата, все, что устроилъ противъ нихъ собственными силами. Перевѣсъ, пріобрѣтенный его королями вступленіемъ ихъ на англійскій престолъ, ослабилъ на-время его мужество: отсюда торжество Іакова

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 148—150. — Malcolm Laing, *Hist. of Scotland*, т. III, стр. 122.

надъ пресвитеріанскими ученіями и учрежденіями, которымъ онъ вынужденъ былъ подчиняться, пока былъ простымъ королемъ Шотландіи. Королей легко приводитъ въ заблужденіе кажущееся раболѣпство народовъ. Оробѣвшая Шотландія показала Карлу побѣжденною. Въ пользу своей верховной власти и епископата, онъ подавилъ въ Англіи народную реформу, съ которою предшественники его всегда боролись успѣшно. Онъ считалъ возможнымъ уничтожить ее и въ Шотландіи, гдѣ она господствовала издавна, гдѣ она получила законное устройство, гдѣ верховную власть престола признавалъ только епископатъ, едва-успѣвшій подняться послѣ своихъ поражений и лишенный всякой другой опоры.

Попытка имѣла такой исходъ, какой въ подобныхъ случаяхъ часто приводитъ въ изумленіе и огорчаетъ служителей деспотизма: она оказалась неудачною въ ту самую минуту, когда все сулило ей успѣхъ.

Возстановленіе епископата, уничтоженіе старинныхъ законовъ, закрытіе или подкупъ политическихъ или религіозныхъ собраній—все, что могло ускользнуть отъ глазъ народа, было совершено съ успѣхомъ. Какъ-скоро для увѣнчанія дѣла надо было измѣнить, наконецъ, общественное богослуженіе, въ тотъ самый день, когда въ первый разъ введена была въ эдбургскомъ соборѣ новая литургія, все было ниспровергнуто. Въ нѣсколько недѣль, вслѣдствіе внезапнаго и всеобщаго возстанія, въ Эдбургѣ¹ изъ всѣхъ частей королевства стеклось безчисленное множество народа: землевладельцы, фермеры, мѣщане, художники, поселане шли протестовать противъ нововведеній, которымъ грозили ихъ въроисповѣданію, и своимъ присутвіемъ поддерживать эти протестаціи. Они наводнили дома и улицы, располагались у городскихъ воротъ и стѣнъ, осаждали залу государственнаго совѣта, который напрасно взывалъ о помощи къ совѣту муниципальному, осажденному, въ свою очередь; оскорбляли на дорогѣ епископовъ и, наконецъ, публично на городской пло-

(¹) 18 октября 1637. Rushworth, ч. II, т. I. стр. 404 и слѣд.

щади выставили противъ нихъ обвиненія въ тираніи и идолопоклонствѣ, подписанное многими духовными лицами, дворянами и даже нѣкоторыми вельможами¹. Король, не отвѣчалъ на жалобы недовольныхъ, велѣлъ имъ удалиться. Они повиновались не столько изъ покорности, сколько по необходимости, и черезъ мѣсяць (15 ноября 1637) возвратились въ городъ еще въ большемъ числѣ. На этотъ разъ не было никакихъ безпорядковъ; страсти хранили гордое молчаніе. Высшіе классы пристали къ недовольнымъ. Въ двѣ недѣли правильная организація сопротивленія была обдуманна, принята и пущена въ ходъ. Высшій совѣтъ, набранный изъ различныхъ городскихъ сословій, былъ назначенъ для содѣйствія общему предпріятію; въ каждомъ графствѣ, въ каждомъ городѣ были учреждены частные совѣты, іерархически-подчиненные главному, которые приводили въ исполненіе его распоряженія. Мятежъ исчезъ, но готовъ былъ вспыхнуть вновь по первому призыву организованнаго имъ самимъ правительства.

Наконецъ Карлъ отвѣтилъ² утвержденіемъ литургіи и запрещеніемъ инсургентамъ собираться, подъ страхомъ обвиненія въ оскорбленіи величества. Шотландскому совѣту данъ былъ приказъ содержать втайнѣ королевскую прокламацію до ея обнародованія. Но еще прежде ея опубликованія начальники инсургентовъ знали уже ея содержаніе. Они тотчасъ же созвали народъ, чтобъ онъ служилъ опорой своимъ представителямъ. Совѣтъ успѣшилъ предупредить ихъ и обнародовалъ прокламацію безъ отлагательства (19 февр. 1638). Въ ту же самую минуту, когда королевскіе герольды провозглашали ее, два шотландскіе пера, лордъ Юмъ и лордъ Лидсей, именемъ своихъ согражданъ обнародовали протестацію за своею подписью. Прочіе дѣлали то же вездѣ, гдѣ только была читана или раздаваема королевская прокламація. Съ каждымъ днемъ инсургенты приходили въ большее волненіе, подвергались новымъ угрозамъ и тѣснѣе сбжижались между собою; наконецъ они рѣшились составить торжественный

(¹) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 274. — Malcolm Laing, *Hist. of Scotland*, т. III, стр. 136—138. — (²) 7 декабря 1637. Rushworth, ч. II, т. I, стр. 408.

договоръ, какимъ не разъ уже соединялись шотландцы, чтобъ высказывать и твердо поддерживать свои права, вѣрованія и надежды. Александръ Гендерсонъ, пользовавшійся изъ духовныхъ лицъ наибольшимъ вліяніемъ на народъ, и Арчибальдъ Джонстонъ (будущій лордъ Уаристунъ, знаменитый адвокатъ) составили проектъ этого договора подъ народнымъ названіемъ «covenant», который былъ просмотрѣнъ и одобренъ лордами Бальмерино, Лоуденъ и Ротъ (1 марта 1638 г.). Этотъ проектъ, кромѣ подробнаго и уже освященнаго вѣками изложенія вѣры, содержитъ въ себѣ формальное осужденіе новыхъ церковныхъ уставовъ, новой литургіи и клятву національнаго союза защищать во всякомъ случаѣ государя, религію, законы и права народа. Уже при самомъ предложеніи, ковенантъ былъ встрѣченъ единодушнымъ восторгомъ. Гонцы, которые смѣнялись отъ села до села, разносили его съ неслыханною быстротою въ самыя отдаленныя мѣста королевства, подобно тому, какъ нѣкогда разносимъ былъ по горамъ *огненный крестъ*, сзывавшій на войну всѣхъ вассаловъ одного сеньора¹. Дворяне, духовные, горожане, земледѣльцы, женщи-

(¹) Когда сеньоръ хотѣлъ созвать своихъ подданныхъ при какомъ-нибудь внезапномъ и важномъ обстоятельстве, онъ убивалъ гуся, дѣлалъ изъ какого-нибудь мягкаго дерева крестъ, зажигалъ его съ четырехъ концовъ и потомъ тушилъ ихъ въ крови птицы. Этотъ крестъ назывался *огненнымъ*, или *позорнымъ крестомъ*, потому-что всякій, кто отказывался повиноваться этому сигналу, клеймилъ себя позоромъ. Этотъ крестъ вручали проворному и вѣрному гонцу, который быстро устремлялся къ ближайшей деревнѣ и передавалъ его старшинѣ въ селеніи, назвавъ только сборное мѣсто и не говоря болѣе ни слова. Старшинѣ обязанъ былъ переслать крестъ съ такою же быстротою въ ближайшее селеніе, и такимъ образомъ онъ съ неимовѣрною скоростью облеталъ весь округъ, подвластный одному начальнику, и переходилъ къ его союзникамъ и сосѣдямъ, если имъ угрожала общая опасность. При видѣ огненнаго креста, каждый, кто только былъ не моложе 16 и не старѣе 60 лѣтъ и могъ носить оружіе, обязанъ былъ одѣваться въ лучшее платье, брать лучшее оружіе и отправляться на сборное мѣсто. Кто не являлся, рисковалъ подвергнуться своимъ землямъ огню и мечу — опасность, которой огненный крестъ былъ эмблемой. Во время междоусобной войны 1745 года огненный крестъ часто обходилъ Шотландію. Однажды въ три часа онъ облетѣлъ весь бридальбэнскій округъ, то-есть пространство около 10 мѣ. Это обыкновеніе существовало почти у всѣхъ скандинавскихъ племенъ.

ны, дѣти—всѣ толпились на площадяхъ и въ храмахъ, давая присягу въ вѣрности договору. Даже самые горцы, увлеченные національнымъ порывомъ, забывъ на-минуту свою упорную гордость и дикую вражду, просоединились къ союзу. Менѣе чѣмъ въ шесть недѣль вся Шотландія стала подъ знамя ковенанта. Къ нему не пристали только королевскіе чиновники, нѣсколько тысячъ католиковъ да городъ Абердинъ.

Такая дерзость удивила Карла. Ему толковали о буйныхъ скопищахъ грязной черни. Эдимбургскій муниципальный советъ поспѣшилъ даже обратиться къ его милосердію, отвѣчая за быстрое наказаніе бунтовщиковъ; а придворные шотландцы увѣряли, что, по частнымъ письмамъ, ежедневно ими получаемымъ, въ Шотландіи все спокойно или готово утихнуть¹. Раздраженный безсиліемъ своей воли, Карлъ рѣшился прибѣгнуть къ силѣ; но ничего не было готово: нужно было выждать время. Маркизъ Гамильтонъ былъ отправленъ въ Шотландію съ порученіемъ потѣшить недовольныхъ какой-нибудь надеждой, но не возлагать на короля никакихъ обязательствъ и избѣгать рѣшительныхъ мѣръ. Двадцать тысячъ союзниковъ, которые собрались въ Эдимбургъ для торжественнаго молебствія съ постомъ, вышли на встрѣчу Гамильтону (въ іюнѣ 1638); семьсотъ духовныхъ лицъ, въ парадныхъ одеждахъ, стояли на возвышеніяхъ по обѣимъ сторонамъ дороги и пѣли псаломъ во время шествія королевскаго посланника². Партія хотѣла дать маркизу высокое понятіе о своей силѣ, и Гамильтонъ, сколько для того, чтобъ поддержать между соотечественниками свой кредитъ, столько же изъ повиновенія инструкціямъ своего государя, обнаружилъ склонность щадить инсургентовъ. Но уступки, о которыхъ онъ объявилъ, показались имъ неудовлетворительными и обманчивыми. Королевскій ковенантъ, который онъ пытался противопоставить ковенанту народному, былъ отвергнутъ съ насмѣшками. Послѣ безполезныхъ переговоровъ и многократныхъ путешествій

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 192. — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 85—86, въ *Collection* г. Гизб.

изъ Эдмбурга въ Лондонъ и обратно, маркизъ вдругъ получилъ отъ короля (въ сентябрь 1630) повелѣніе обѣщать инсургентамъ исполненіе всѣхъ ихъ желаній, отмѣненіе каноновъ, литургій и суда верховной комиссіи, созваніе церковнаго собора и парламента, гдѣ всѣ вопросы будутъ свободно обсуживаемы и гдѣ могутъ быть обвинены даже самые епископы. Шотландцы обрадовались; но къ этой радости примѣшивалось тѣмъ болѣе недовѣрія, тѣмъ болѣе усиливались отнять у нихъ всякій предлогъ къ дальнѣйшему существованію ихъ союза. Генеральный синодъ собрался въ Глазгоу (21 нояб. 1638), но скоро замѣтилъ, что Гамильтонъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ запутать его дѣла, и прибѣгаетъ къ различнымъ хитростямъ, чтобъ сдѣлать его акты недействительными. Это именно и имѣли въ виду инструкціи короля¹. Однако собраніе не расходилось и хотѣло подвергнуть епископовъ суду. Вдругъ Гамильтонъ приказалъ ему разойтись (28 нояб.). Въ ту же минуту получено было извѣстіе, что Карль дѣлаетъ приготовленія къ войнѣ и что армія, набранная въ Ирландіи Страффордъ, готова ѣхать моремъ въ Шотландію². Гамильтонъ возвратился въ Лондонъ; но синодъ не думалъ расходиться, продолжалъ свои разсужденія, отвергъ всѣ королевскія нововведенія, поддержалъ ковенантъ и отмѣнилъ епископство. Многіе вельможи, до этого времени оставшіеся въ бездѣйствіи — и между ними назовемъ графа Арджайля, человека сильнаго и извѣстнаго своею осторожностью — явно перешли на сторону народа. Шотландскіе купцы отправились за море закупать военные припасы и оружіе; шотландскимъ войскамъ, служившимъ на континентѣ, посланъ былъ актъ ковенанта. Одинъ изъ ихъ лучшихъ офицеровъ, Александръ Лесли, получилъ приглашеніе возвратиться въ Шотландію, чтобъ, въ случаѣ нужды, принять начальство надъ инсургентами. Наконецъ (27 февр. 1639) отъ имени шотландскаго народа была обращена къ английскому народу декларация, чтобъ объяснить ему справедливыя жалобы христіанъ,

(¹) Приложение V. — (²) *Strafford's Letters*, т. II, стр. 233, 278, 279.

его братьевъ, и опровергнуть клеветы, которыми чернили шотландцевъ общіе враги ихъ.

Дворъ встрѣтилъ эту декларацію съ проніей. Насмѣшливо улыбаясь, говорили о безразсудствѣ инсургентовъ; сожалея только о скучной необходимости воевать съ ними, потому что какую славу и какую прибыль могла принести война съ народомъ бѣднымъ, грубымъ и непросвѣщеннымъ? Хотя Карль былъ самъ шотландецъ, но онъ ласкалъ себя надеждою, что старинная ненависть и презрѣніе англичанъ къ Шотландіи отнять у жалобъ инсургентовъ всякое вліяніе на умы. Но вѣрованіями, которыя соединяютъ народы, быстро сглаживаются раздѣляющія ихъ границы. Недовольные англичане въ интересахъ шотландцевъ безъ труда признали свои собственные. Вскорѣ возникли тайныя сношенія между обоими королевствами. Декларации инсургентовъ распространились повсюду. Ихъ жалобы, ихъ дѣйствія и надежды стали предметомъ народныхъ толковъ. Въ короткое время приобрѣли они друзей и агентовъ въ Лондонѣ, во всѣхъ графствахъ, въ арміи, даже при дворѣ. Какъ-скоро ихъ твердое рѣшеніе — стоять на своемъ сдѣлалось очевиднымъ и какъ только общественное мнѣніе Англій видимо стало склоняться на ихъ сторону, при дворѣ нашлось немало шотландцевъ и даже англичанъ, которые, чтобъ повредить какому-нибудь сопернику, чтобъ отмстить за какой-нибудь отказъ, чтобъ не остаться въ проигрышѣ ни въ какомъ случаѣ, поспѣшили оказать инсургентамъ кой-какія тайныя услуги. Они сообщали имъ нужныя свѣдѣнія, преувеличивали ихъ число, хвалили ихъ дисциплину и боялись за короля, предвидя многія затрудненія и опасности, которыя, по ихъ словамъ, легко могли быть устранены нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ недовольнымъ. Королевская армія, подвигавшаяся къ Шотландіи, встрѣчала на пути множество слуховъ, разсѣянныхъ нарочно, чтобъ устрашить ее или замедлить ея движеніе. Генералу графу Эссексу совѣтовали быть осторожнымъ, дожидаться подкрѣпленій. «Враги (говорилъ ему) гораздо-многочисленнѣе; ихъ видѣли въ такомъ-то

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 96.

мѣстѣ, у границы; они заняли всѣ укрѣпленные мѣста; даже Бервикъ будетъ уже въ ихъ рукахъ прежде, чѣмъ королевское войско подоспѣетъ къ нему на помощь». Графъ, точный и вѣрный исполнитель, хотя и мало-сочувствовавшій намѣреніямъ двора, продолжалъ свой походъ, вступилъ въ Бервикъ безъ всякаго препятствія и скоро убѣдился, что войска инсургентовъ были вовсе не такъ многочисленны и хорошо приготовлены, какъ ему рассказывали. Но благопріятные инсургентамъ слухи народъ ловилъ съ жадностью, равносильною усердію, съ какимъ ихъ распространяли, и потому они не переставали тревожить умы¹. Волненіе усилилось, когда король прибылъ въ Йоркъ (въ апрѣль 1639). Онъ явился туда съ чрезвычайной пышностью, слѣпо вѣруя въ неотрашимое вліяніе королевскаго величія и воображая, что ему стоить только показать это величіе — инсургенты образумятся. Чтобъ ослабить воззваніе шотландской націи къ англійской, онъ, съ своей стороны, сдѣлалъ воззваніе къ своему дворянству, повелѣвая ему, согласно феодалнымъ обычаямъ, оказать своему королю должную услугу. Лорды и толпа дворянъ устремились въ Йоркъ, точно на какой-нибудь праздникъ. Городъ и лагерь имѣли видъ двора и турнира: не было ничего похожаго на приготовленія къ войнѣ. Эта пышность льстила тщеславію Карла, а между-тѣмъ интриги, беспорядки и неповиновеніе царствовали вокругъ него². Пограничные шотландцы подружались съ его солдатами. Онъ хотѣлъ взять съ вельможъ клятву не поддерживать ни подъ какимъ предлогомъ никакихъ сношеній съ бунтовщиками. Лорды Брукъ и Сэй отказались, и Карлъ велѣлъ имъ только удалиться, не осмѣливаясь на болѣе-строгую мѣру. Лордъ Голландъ вступилъ на шотландскую территорію; но, при видѣ войскъ, которыяесли умѣлъ искусно расположить, онъ, по недостатку должнаго вниманія, счелъ ихъ многочисленнѣе своихъ и поспѣшно удалился³. Солдаты и генералы чувствовали мало охоты сражаться за дѣло, подвергнувшееся всеобщему нареканію. Шот-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 197. — (²) Тамъ же, стр. 199 и слѣд. — (³) Rushworth, ч. II, т. II, стр. 935.

ландцы, знавшіе все, что нужно, воспользовались этимъ нерасположеніемъ. Они послали скромныя и льстивыя просьбы военачальникамъ, лорду Эссексу, лорду Арунделю и лорду Голланду, изъявляя полное довѣріе къ чувствамъ лордовъ и англійскаго народа и прося ихъ ходатайства, чтобъ король не лишилъ ихъ правосудія и возвратилъ имъ свою милость¹. Вскорѣ, рассчитывая на вѣрную поддержку, инсургенты обратились къ самому королю, съ глубокимъ почтеніемъ, но не уменьшивъ нисколько своихъ требованій². Карлъ, непитавшій къ недовольнымъ особенной ненависти, былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ обнаруживалъ столько же желанія отдѣлаться поскорѣе отъ хлопотъ, сколько и неумѣнья предотвращать ихъ. Конференціи открылись (11 июня 1639). Король выказалъ на нихъ много высокомерія, но торопился покончить дѣло. Шотландцы были упорны, но благоразумны. Гордость Карла удовлетворилась покорнымъ тономъ рѣчей ихъ, и 18 июня 1639 г., съ согласія самого Люда, смущеннаго, какъ говорили, приближеніемъ опасности, заключенъ былъ въ Бервикѣ миръ, по которому слѣдовало распустить обѣ арміи и, вслѣдъ затѣмъ, созвать синодъ и шотландскій парламентъ; но спорамъ, возбуждившимъ войну, не было положено конца никакимъ яснымъ и точнымъ трактатомъ.

Война была только отложена: обѣ партіи равно чувствовали это. Шотландцы, распустивъ свои войска, сохранили офицерамъ часть ихъ жалованья и велѣли имъ быть наготовѣ³. Въ свою очередь Карлъ, едва распустивъ армію, началъ тайно набирать другую. Черезъ мѣсяцъ послѣ заключенія мира, онъ вызвалъ Стратфорда въ Лондонъ, чтобы поговорить съ нимъ (какъ онъ писалъ) о нѣкоторыхъ военныхъ планахъ. Карлъ прибавлялъ: «У меня есть много, очень-много другихъ причинъ желать, чтобы вы пробыли нѣсколько времени со мной. Въ письмѣ я могу сказать вамъ только слѣдующее: шотландскій ковенантъ принимаетъ большіе размѣры⁴.» Страт-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 205 и слѣд. — (²) Rushworth, ч. II, т. II, стр. 938. — (³) Whitelocke, стр. 29. — (⁴) *Strafford's Letters*, т. II, стр. 281, 372.

фордъ явился. Служить при дворѣ было его давнишнимъ и живѣйшимъ желаніемъ: это былъ единственный постъ, гдѣ его честолюбіе могло рассчитывать на власть и славу. Онъ явился съ твердымъ намѣреніемъ употребить противъ враговъ короны всю свою энергію, говорилъ о шотландцахъ съ величайшимъ презрѣніемъ, утверждалъ, что только отъ слабости было проиграно дѣло, и между-тѣмъ такъ вѣрилъ въ твердость короля, что ожидалъ найти въ немъ для себя непоколебимую опору. Но, въ минуту прибытія Страффорда, дворъ былъ волнуемъ тайными интригами: графъ Эссексъ, встрѣченный при дворѣ съ холодностью, несмотря на успѣхи его во время войны, удалился съ неудовольствіемъ. Офицеры взаимно обвиняли другъ друга въ неискusstвъ или въ нерадѣніи; фавориты королевы спѣшили воспользоваться всеобщимъ замѣшательствомъ, чтобъ нажитья и погубить своихъ соперниковъ; король былъ печаленъ и упалъ духомъ¹. Страффордъ скоро почувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ. Онъ увидѣлъ невозможность достигнуть утвержденія всего того, что считалъ необходимымъ, и исполненія того, что заставлялъ утвердить. Придворные направили противъ него свои происки. Одинъ изъ его личныхъ враговъ, сэръ Генри Вентъ, на зло ему, получилъ, по ходатайству королевы, должность государственнаго секретаря². Публика, которая встрѣтила его возвышеніе съ безпокойствомъ, не зная, какъ употребить онъ свое вліяніе, вскорѣ узнала, что онъ предлагаетъ самыя крутыя мѣры, и осыпала его проклятіями³. Однакожь необходимо было дѣйствовать. Между королемою и шотландцами возникли споры о содержаніи бервикскаго трактата, гдѣ почти ничего не было опредѣленнаго; а ту бумагу, которая, по словамъ ковенантеровъ, содержала въ себѣ истинныя условія этого трактата, Карлъ велѣлъ сжечь черезъ палача. Но онъ остерегался публиковать отъ себя что-либо въ опроверженіе этого, потому-что, при переговорахъ, подалъ шотландцамъ

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 214 и слѣд. — (²) Тамъ же, стр. 216. — (³) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 105, въ *Collecton* г. Гизо.

надежды, которыхъ не хотѣлъ исполнить¹. Раздраженные такимъ вѣроломствомъ и принужденные, вслѣдствіе извѣстій, получаемыхъ ими отъ своихъ англійскихъ друзей, удвоить свое недовѣріе, синодъ и парламентъ ковенантеровъ, будучи далеки отъ какихъ бы то ни было уступокъ, объявили новыя, еще болѣе-смѣлыя требованія. Парламентъ хотѣлъ, чтобъ король обязался созывать его каждые три года, чтобъ была упрочена независимость выборовъ и преній, чтобъ политическая свобода, строго охраняемая, могла наблюдать за исполненіемъ обещаній². Выраженія: *послательство на верховную власть, нарушеніе правъ государя* и тому подобныя, начали раздаваться чаще, нежели когда-либо, при дворѣ и совѣтѣ. Страффордъ сказалъ: «Этихъ людей надо образумить кнутомъ³.» Рѣшено было начать войну. Но какъ вести ее? какими новыми и благовидными предлогами оправдать ея необходимость въ глазахъ народа? Государственная казна была пуста, королевская касса истощена, а общественное мнѣніе уже на столько могущественно, что его можно было не слушать, но нельзя было не обращаться къ нему. Желаемый предлогъ къ войнѣ представился. Съ самаго начала смутъ, кардиналъ Ришельё, недовольный преобладаніемъ при англійскомъ дворѣ испанскаго вліянія, былъ въ сношеніяхъ съ шотландцами; онъ имѣлъ у нихъ агента, пересылалъ имъ деньги, оружіе и обѣщалъ, въ случаѣ надобности, еще болѣшую поддержку. Было перехвачено письмо отъ главныхъ начальниковъ ковенанта, съ надписью: «Королю». Очевидно, оно было адресовано королю французскому, у котораго шотландцы просили помощи⁴. Карлъ и его совѣтъ были увѣрены, что это воззва-

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 104, въ *Collection* г. Гизо. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 214. — Rushworth, ч. II, т. II, стр. 965. — Whitelocke, стр. 30. — (²) Rushworth, ч. II, т. II, стр. 992—1015. — (³) *Strafford's Letters.*, т. II, стр. 138—158. — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 217. — Whitelocke, стр. 31. См. преимущественно акты, напечатанные Мазюромъ въ продолженіи его *Histoire de la révolution 1688*, т. III, стр. 402, примѣч. 4. Они явно противорѣчатъ мнѣнію Юма, Ленга, Броди и др., и доказываютъ, что письмо шотландскихъ начальниковъ было дѣйствительно послано французскому королю и дошло до него, хотя Карлу и удалось получить съ него копию.

ніе къ иностранному государю, какъ государственная измѣна, возбудить въ Англіи всеобщее негодованіе, равносильное ихъ собственному: по ихъ мнѣнію, этого было достаточно, чтобъ убѣдить всѣ умы въ законности войны. Въ этой увѣренности, которая прикрывала тяжелую необходимость, король рѣшился созвать парламентъ. Въ ожиданіи, пока онъ соберется, Страчфордъ снова отправился въ Ирландію (16 марта 1640), чтобъ требовать и отъ тамошнихъ палатъ субсидій и войска.

При извѣстии о созваніи парламента, Англія была удивлена: она перестала надѣяться на законную реформу, а о какой-нибудь другой реформѣ и не думала. Какъ ни было сильно негодованіе націи, но она чуждалась всякой насильственной мѣры. Одни сектаторы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернь и нѣсколько человекъ, уже ставшихъ во главѣ партій и связавшихъ съ ними свои интересы, питали болѣе-мрачныя страсти и имѣли болѣе-обширные виды. Публика одобрила и поддерживала ихъ сопротивленіе, но за тѣмъ даже и не подозрѣвала въ нихъ какихъ-нибудь другихъ намѣреній. Долговременныя неудачи заставили многихъ благонамѣренныхъ гражданъ сомнѣваться, если не въ законности, то по-крайней-мѣрѣ въ умѣстности увлеченія и упорства послѣднихъ парламентовъ. Безъ упрека, но съ сожалѣніемъ вспоминали о грубости ихъ рѣчей и о беспорядочныхъ сценахъ, въ нихъ происходившихъ: обѣщались впередъ быть благоразумнѣе. Подъ вліяніемъ такого настроенія умовъ, избиратели составили нижнюю палату изъ членовъ, враждебныхъ двору. Эта палата приняла твердое намѣреніе удовлетворить общественнымъ требованіямъ. Въ ней заняли мѣста всѣ тѣ лица, которые приобрѣли народное расположеніе своею оппозиціей; но большинство состояло изъ мирныхъ гражданъ, непринадлежавшихъ ни къ какой партіи, недовѣрлявшихъ увлеченію, тайнымъ заговорамъ и недобуданнымъ предпріятіямъ и льстившихъ себя надеждою устранить зло, не раздражая короля и не подвергая опасности общественное спокойствіе.

Послѣ долгой отсрочки, которая возбудила нѣкоторое неудовольствіе, парламентъ собрался 13 апрѣля 1640. Карль далъ ему прочесть письмо шотландцевъ къ французскому королю, распространился о ихъ измѣнѣ, объявилъ о необходи-

мости войны и просилъ субсидій. Нижняя палата почти не обратила вниманія на письмо и, казалось, видѣла въ немъ обстоятельство маловажное въ-сравненіи съ великими вопросами, которые подлежали ея обсужденію¹. Король обидѣлся, найдя, что палата слишкомъ-равнодушна къ его интересамъ. Съ своей стороны, палата жаловалась на нѣкоторое неуваженіе и несоблюденіе этикета, съ какими былъ принятъ ея ораторъ въ день его представленія королю². Дворъ, проведя одиннадцатъ лѣтъ безъ парламента, не могъ отстать отъ своего легкомысленнаго къ нему презрѣнія, а палата, несмотря на свои миролюбивыя намѣренія, вступивъ въ Вестминстеръ, прониклась законною гордостью общественной власти, преданной одиннадцатилѣтнему забвенію и снова вызванной по необходимости. Вскорѣ пренія стали серьезнѣе. Король хотѣлъ, чтобы палата, не приступая къ разсмотрѣнію народныхъ требованій, утвердила прежде субсидіи, и обѣщался потомъ милостиво выслушать ея представленія. Это вызвало пренія длинныя, но умѣренныя, несмотря на то, что засѣданія сопровождались необыкновеннымъ рвеніемъ и кончались гораздо-позже обыкновеннаго срока³. Нѣсколько горькихъ словъ, сорвавшихся съ языка у членовъ, не пользовавшихся извѣстностью, были тотчасъ заглушены; рѣчи многихъ приверженцевъ короны, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ, были встрѣчены благосклонно⁴. Но палата твердо настаивала на своемъ и хотѣла прежде обсуждать требованія народа, а потомъ уже вопросъ о субсидіяхъ. Напрасно напоминали ей, что война не терпитъ отлагательства: палата мало заботилась о войнѣ, хотя и не высказывала этого явно, изъ уваженія къ королю. Карль прибѣгнулъ къ содѣйствію палаты перовъ. Они подали голосъ, что вопросъ о субсидіяхъ долженъ предшествовать разсмотрѣнію народныхъ требованій, и просили конференціи у нижней палаты, надѣясь склонить ее къ тому же⁵. Нижняя палата приняла конференцію, но, возвратившись къ

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 534—542. — (²) Тамъ же, col. 535—542. — (³) *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 227—233. — (⁴) Тамъ же, стр. 229, 234, 236. — (⁵) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 560. — *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 230 и слѣд.

себѣ, подала гомость, что рѣшеніе перовъ нарушаетъ ея привилегіи, потому—что перы не имѣютъ никакого права заниматья вопросомъ о субсидіяхъ, пока онъ не будетъ постановленъ нижней палатой¹. Вожди партій: Пеймъ, Гэмденъ, Сент-Джонъ, воспользовались случаемъ раздражить палату, требованія которой, по своей умѣренности, не соответствовали ея началамъ и положенію. Она нетерпѣливо волновалась, сдерживая свою силу, но принявъ твердое рѣшеніе отстоять свои права. Время шло. Король говорилъ, что новый парламентъ такъ же упрямъ, какъ и прежніе. Карлъ былъ уже раздраженъ. Онъ послалъ сказать нижней палатѣ, что если ему назначать двѣнадцать субсидій, имѣющихъ быть уплаченными въ три года, онъ даетъ слово не собирать впередъ корабельнаго налога безъ согласія парламента². Сумма показалась слишкомъ—огромною. Нѣкоторые говорили: «У государства нѣтъ столько денегъ!» Притомъ, недостаточно было временнаго согласія короля не собирать подати съ кораблей: необходимо было вообще объявить ея незаконность какъ для прошедшаго, такъ и для будущаго времени. Однако нижняя палата не хотѣла ссоры съ королемъ. Ей объяснили, что сумма 12 субсидій далеко не такъ огромна, какъ говорили сначала, и, несмотря на свое нежеланіе отложить разсмотрѣніе народныхъ требованій, чтобы доказать свою благонамѣренность, она принялась обсуживать предложеніе короля. Когда было уже почти рѣшено дать субсидіи, не опредѣляя только ихъ количества, государственный секретарь, сэръ Генри Венъ, всталъ и объявилъ, что не стоить рѣсуждать о королевскомъ предложеніи, если не хотятъ его допустить во всей цѣлости, потому—что король не согласится принять менѣе того, что требовалъ. Генеральный прокуроръ Гербетъ подтвердилъ слова Вена³. Нижняя палата пришла въ изумленіе и негодованіе. Мирнолюбивѣйшіе изъ членовъ уныли. Было уже поздно: отложили преніе до завтра. Но на слѣдующій день, лишь—только

(¹) *Parliam. Hist.*, col. 563. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 231. — (²) 4 мая 1640. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 570—571. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 232 и слѣд. — (³) Тамъ же, стр. 238.

собрались члены нижней палаты, король велѣлъ имъ явиться въ верхнюю палату, и парламентъ былъ распущенъ черезъ три недѣли послѣ его созванія (5 мая 1640).

Черезъ часъ послѣ распущенія парламента, Эдуардъ Гайдъ (род. 1608 г., въ Дейнтонѣ, впоследствии известный лордъ Кларендонъ) встрѣтился съ Сент-Джономъ, другомъ Гэмдена и однимъ изъ вождей оппозиціи, уже организовавшейся въ партію. Гайдъ былъ печаленъ; напротивъ, Сент-Джонъ, имѣвшій отъ природы угрюмую фязіономію, на которой никогда не замѣчалось улыбки, былъ веселъ и оживленъ. «Чѣмъ вы озабочены?» спросилъ онъ Гайда. «Тѣмъ же» отвѣчалъ Гайдъ, «чѣмъ многіе честные люди: безразсуднымъ распущеніемъ такого мудраго парламента, отъ котораго мы только и ждали помощи въ нашемъ горестномъ положеніи». «Вздоръ!» продолжалъ Сент-Джонъ: «прежде, чѣмъ дѣла пойдутъ хорошо, надо, чтобы они шли еще хуже. Этотъ парламентъ никогда не сдѣлалъ бы того, что нужно дѣлать¹.»

Къ вечеру того же дня Карлъ началъ раскаяваться. Онъ говорилъ, что ему представили въ ложномъ свѣтѣ намѣренія нижней палаты, и что Венъ никогда не получалъ отъ него полномочія объявлять, будто онъ не согласенъ менѣе, нежели на двѣнадцать субсидій. На слѣдующій день его беспокоили тѣ же мысли. Онъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько опытныхъ людей и спрашивалъ ихъ: нельзя ли какъ—нибудь отмѣнить распущеніе парламента? Ему отвѣчали, что это невозможно, и Карлъ возвратился къ деспотизму менѣе—самоувѣренному, но столь же легкомысленному и высокоумѣренному, какъ и прежде².

Критическія обстоятельства, казалось, придали на—минуту министрамъ нѣкоторую самоувѣренность, а мѣрамъ короля—нѣкоторый успѣхъ. Страффордъ возвратился изъ Ирландіи (4 апр. 1640) съ сильною подагрой, съ начинавшимся воспаленіемъ въ груди, не будучи въ—состояніи двигаться³. Но онъ получилъ отъ ирландскаго парламента все, чего требовалъ: субсидіи, солдатъ, пожертвованія, обѣщанія, и, едва оправив—

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 240. — (²) Тамъ же, стр. 241. — (³) *Strafford's Letters*, т. II, стр. 403.

шись отъ болѣзни, принялся за дѣла съ привычною энергіею и преданностью. Менѣе, нежели въ три недѣли, добровольныя пожертвованія, вызванныя его примѣромъ, доставили казначейству около 300,000 ф. стерлинговъ. Большая часть этой суммы дана была папистами¹. Сюда присоединили всякіе обычные насильственные налоги, вынужденные займы, корабельную таксу, монополіи. Предлагали даже бить монету низшей пробы². Въ глазахъ короля и его приверженцевъ необходимость извинила все; но тиранія никогда не ограничивается однимъ необходимымъ. Карлъ снова обратился противъ членовъ парламента бесполезную систему преслѣдованій и мести: сэръ Генри Беласизъ и сэръ Джонъ Готэмъ были заключены въ тюрьму за разговоры; домъ и бумаги лорда Брука были обысканы; М. Крю былъ посаженъ въ Тоуэръ за то, что не хотѣлъ выдать просьбъ, полученныхъ имъ въ продолженіе засѣданія, въ качествѣ президента комитета, назначеннаго для ихъ разсмотрѣнія³. Со всего духовенства взята была клятва не соглашаться ни на какое измѣненіе въ церковномъ управленіи, и эта клятва оканчивалась словами *et coetera*, которыя возбудили улыбку негодованія и гнѣва⁴. Никогда языкъ двора не бывалъ такъ высокомеренъ и грубъ. Нѣсколько дворянъ Йоркскаго Графства отказались отъ добровольнаго платежа. Совѣтъ хотѣлъ преслѣдовать ихъ. «На нихъ подѣйствуетъ только одно преслѣдованіе» сказалъ Страффордъ: «ихъ надо вызвать и заковать въ кандалы⁵.» Онъ понималъ лучше всякаго другаго, какиихъ размѣровъ достигло зло; но увлеченіе заглушало въ немъ всякій страхъ и всякое благоразуміе: онъ какъ-будто старался сообщить королю, совѣту и двору то лихорадочное волненіе, въ которомъ человекъ уже не видитъ своихъ

(¹) Neal, *Hist of the Purit*, т. II, стр. 296. — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 124, въ *Collection* г. Гизд. — Whitelocke, стр. 31.

(³) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 584. — Rushworth, ч. II, т. II, стр. 1196.

— (⁴) Вотъ текстъ этого параграфа: «Клянусь... не соглашаться ни на какия перемѣны въ управленіи сей церкви, каковое чинится нынѣ архіепископами, епископами, деканами, архидіаконами, и прочее.» — Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 302. — Rushworth, ч. II, т. II, стр. 1186. — (⁵) *Strafford's Letters*, т. II, стр. 409.

опасностей и не понимаетъ силъ своихъ. Страффордъ снова слегъ въ постель и былъ уже при-смерти; но немощи только раздражали его упорство и, едва почувствовавъ возможность двигаться, онъ отправился съ королемъ къ войску, уже собравшемуся на шотландскихъ границахъ, надъ которымъ ему слѣдовало принять начальство.

Дорогой Страффордъ узналъ, что шотландцы, принявъ наступательное движеніе, вступили въ Англію (21 авг. 1640). а прибывъ въ Йоркъ, получилъ другое извѣстіе, что они разбили у Ньюборна (28 авг.) первый встрѣченный ими полкъ англичанъ почти безъ всякаго сопротивленія. То и другое событіе были дѣломъ не однихъ шотландцевъ. Во время перемирія ихъ лондонскіе агенты заключили тѣсный союзъ съ вождями недовольныхъ, и эти недовольные уговорили ихъ, въ случаѣ возобновленія войны, броситься внезапно на Англію, обѣщая имъ поддержку многочисленной партіи. Даже въ Шотландію былъ отправленъ гонецъ, который въ выдолбленной палкѣ привезъ шотландцамъ обязательство за подписями шести главѣйшихъ вельможъ Англіи, поддѣланными лордомъ Сэвилемъ — единственнымъ завѣдомымъ зачинщикомъ заговора — чтобы внушить шотландцамъ болѣе довѣрія. Одна заклятая ненависть къ Страффорду заставила лорда Сэвила, человека, всѣми презираемаго, затѣять эту смѣлую интригу; но по всему видно, что въ ней принимали участіе и патриоты болѣе-сильнѣе и искренніе¹. Они не ошибались насчетъ образа мыслей народа: едва-только парламентъ былъ распущенъ, отвращеніе къ войнѣ съ Шотландіею громко высказалось. Въ Лондонѣ прибѣты были афиши, подстрекавшія мастеровыхъ взбунтоваться и разорвать Лода, виновника столькихъ несчастій, на мелкіе куски. Бѣшеная толпа осадила его домъ, и онъ принужденъ былъ скрыться въ Уайт-Галль. Въ церковь св. Павла, гдѣ засѣдала коммиссія церковнаго суда, ворвалась другая шайка съ криками: «Долой еписко-

(¹) Burnet, *Histoire de mon temps*, т. I, стр. 51—57 въ *Collection* г. Гизд. — Whitelocke, *Mémoriais* и пр., стр. 31. — *Hadwicke's Papers*, т. II, стр. 197.

повь! долой церковные суды¹⁾» Въ графствахъ можно было набирать рекрутовъ только силою. Чтобъ избѣгнуть рекрутства, многіе уродовали себя, иные вѣшались²⁾. Тѣ, которые безъ сопротивленія шли въ солдаты, подвергались оскорбленіямъ на улицахъ, презрѣнію въ своихъ семействахъ и со стороны друзей. Явась въ полкъ, они приносили туда и встрѣчали тамъ тѣ же чувства. Многіе офицеры, заподозрѣнные въ папизмъ, были убиты своими солдатами³⁾. Когда арміи очутились лицомъ-къ-лицу съ шотландцами, неповиновеніе и ропотъ удвоились; въ ея глазахъ развѣвались знамена съ надписью: «ковенантъ»; въ ея ушахъ раздавался барабанный бой, призывавшій шотландское войско къ проповѣди, а при восходѣ солнца — пѣніе псалмовъ и молитвъ. При этомъ зрѣлищѣ, при разказахъ о благочестивой ревности и дружественномъ расположеніи шотландцевъ къ англійскому народу, солдаты приходили то въ умиленіе, то въ негодованіе, проклиная эту нечестивую войну и уже побѣжденные, потому-что, по ихъ мнѣнію, они воевали противъ своихъ братьевъ и своего Бога⁴⁾. Достигнувъ береговъ Тайна, шотландцы, безъ всякихъ непріязненныхъ демонстрацій, просили позволенія перейти эту рѣку. Англійскіе часовые послали имъ двѣ-три пули; шотландцы отвѣчали нѣсколькими пушечными выстрѣлами; сраженія почти не было, англійскія арміи разсѣялись, и Страффордъ принялъ начальство только затѣмъ, чтобъ отступить къ Йорку, предоставивъ шотландцамъ безпрепятственно занимать страну и крѣпости, расположенныя между этимъ городомъ и границею обоихъ королевствъ⁵⁾.

Съ этой минуты самъ Страффордъ былъ побѣжденъ. Напрасно прибѣгалъ онъ и къ ласкамъ, и къ угрозамъ, чтобъ измѣнить настроеніе войска. Онъ обращался съ офицерами принужденно, плохо скрывая свое презрѣніе или гнѣвъ. Его строгости раздражали солдатъ, не утрашая ихъ. Вскорѣ

(¹⁾ Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 246. — Whitelocke, стр. 33. — (²⁾ *Strafford's Letters*, т. II, стр. 351. — (³⁾ Rushworth, ч. II, т. II, стр. 1191—1195. — (⁴⁾ Heylin, *Life of Laud*, стр. 454. — (⁵⁾ Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 248—250. — Rushworth, ч. II, т. II, стр. 1236.

изъ многихъ графствъ король началъ получать просьбы заключить миръ. Лорды Уартонъ и Гоуардъ осмѣлились представить королю одну изъ нихъ. Страффордъ велѣлъ арестовать ихъ, созвалъ военный судъ и требовалъ, чтобъ они были разстрѣляны въ виду всей арміи, какъ виновники бунта. Судъ хранилъ молчаніе. Наконецъ Гамильтонъ прервалъ его. «Милордъ!» сказалъ онъ Страффорду «когда приговоръ будетъ утвержденъ, ручаетесь ли вы за солдатъ?» Страффордъ, какъ-бы пораженный внезапнымъ свѣтомъ, задрожалъ и, ничего не отвѣчая, отвернулся въ сторону¹⁾. Впрочемъ, его неукротимая гордость еще поддерживала въ немъ надежду. «Королю стоить только сказать слово (писалъ онъ Лоду), и я выгоню отсюда шотландцевъ скорѣе, чѣмъ они вошли—отвѣчаю за это головой; но необходимо, чтобъ распоряженіе это шло не отъ меня, а отъ кого-нибудь другаго». Въ-самомъ-дѣлѣ, Карль уже избѣгалъ Страффорда, боясь его энергическихъ совѣтовъ. Этотъ государь находился въ совершенномъ отчаяніи: съ каждымъ днемъ видѣлъ онъ какое-нибудь новое доказательство своего безсилія. Денегъ не было, и всѣ мѣры достать ихъ оставались безъ успѣха; солдаты бунтовались или дезертировали цѣлыми толпами; народъ повсюду волновался, нетерпѣливо дожидаясь предчувствуемой развязки; сношенія съ шотландцами завязывались на глазахъ короля, въ его лагерѣ, даже въ его дворцѣ. Шотландцы, дѣйствуя съ постояннымъ благоразуміемъ, покорные на словахъ, щадили запятая ими графства, выказывали плѣннымъ величайшее вниманіе и, при всякомъ случаѣ, выражали миролюбивыя чувства, вѣрность и преданность королю, будучи увѣрены въ побѣдѣ и желая только мира, который не замедлилъ бы увѣнчать ее. Говоря о мирѣ, начали поговаривать и о парламентѣ. При этомъ имени Карль, объятый ужасомъ, вздумалъ²⁾, неизвестно по чьему совѣту, созвать въ Йоркѣ генеральный совѣтъ перовъ королевства — феодальное собраніе, которое вышло изъ обыкновенія назадъ четыре вѣка,

(¹⁾ Burnet, *Histoire de mon temps*, т. I, стр. 56 въ *Collection* г. Гнад. — (²⁾ 7 сентября 1649; Rushworth, ч. II, т. II, стр. 1257.

но съ которымъ нѣкогда, во времена безсилія общинъ, король часто дѣлилъ свою власть. Не давалъ себѣ отчета въ томъ, чѣмъ могло быть и что могло сдѣлать это собраніе, ждали отъ него болѣе сговорчивости и уваженія къ чести короля; задавали даже себѣ вопросъ: не можетъ ли одно это собраніе утвердить субсидіи¹⁾? Но, прежде, чѣмъ генеральный совѣтъ собрался, къ королю поступили двѣ просьбы: одна отъ лондонской сити²⁾, другая отъ лица двѣнадцати перовъ, занимавшихъ важнѣйшія должности, или пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ³⁾. Въ этихъ просьбахъ ясно и точно выражалось желаніе, чтобъ былъ созванъ настоящій, полный парламентъ. Этого было довольно, чтобъ побѣдить и послѣднее упорство въ король, который потерялъ уже всю свою силу. Во время этихъ недоразумѣній, Страффордъ, чтобъ утолить свою злобу и чтобъ оправдать свои мнѣнія, напалъ на шотландцевъ и одержалъ надъ ними нѣкоторый верхъ. Его осудили, какъ человѣка, повредившаго королю, и онъ получилъ приказъ воротиться на свои квартиры⁴⁾ и не выходить изъ нихъ. Перы собрались (24 сент. 1640). Карлъ объявилъ имъ, что онъ созоветъ парламентъ, и только просилъ у нихъ совѣта насчетъ переговоровъ съ шотландцами⁵⁾. Переговоры эти открылись. Для веденія ихъ назначены были шестнадцать перовъ, всѣ до одного державшіе сторону народа⁶⁾. Прежде всего было постановлено, что обѣ арміи останутся

(¹⁾ Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 253. — (²⁾ Rushworth, ч. II, т. II, стр. 1263. — (³⁾ Тамъ же, стр. 1260. Вотъ имена этихъ двѣнадцати перовъ: Эссексъ, Бедфордъ, Гертфордъ, Уорвикъ, Бристоль, Мельгревъ, Сэ и Силь, Гоуардъ, Болинброкъ, Мендевилъ, Брукъ и Пэдджетъ. — (⁴⁾ Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. I, стр. 273. — Лингардъ, (*Hist. of Engl.*, т. X, стр. 95, примѣч. 94) и Броди (*Hist. of the British empire*, т. II, стр. 539) отрицаютъ этотъ фактъ на основаніи официальныхъ и современныхъ актовъ; но доводы ихъ мнѣ кажутся недостаточными; они не могутъ опровергнуть показанія Кларендона, котораго рассказъ очень-обстоятеленъ и которому не было никакой надобности искажать истину. — (⁵⁾ Rushworth, ч. II, стр. 1275. — (⁶⁾ Это были лорды: Бедфордъ, Гертфордъ, Эссексъ, Сэлисбери, Уорвикъ, Бристоль, Голландъ, Беркшайръ, Мандевилъ, Уаргонъ, Пэдджетъ, Брукъ, Паулетъ, Гоуардъ, Сэвилъ, Дунсморъ.

на военной ногѣ и что король будетъ давать жалованье шотландскому войску паравнѣ съ своимъ. Для этого потребовали у лондонской сити займа 200,000 ф. стерлинговъ. Король и перы обезпечили употребленіе этого займа своимъ словомъ¹⁾. Подписавъ въ Риппонѣ предварительныя статьи, Карлъ, послѣ столькихъ хлопотъ и огорченій, спѣшилъ отдохнуть въ обществѣ королевы и перенесъ переговоры въ Лондонъ²⁾, гдѣ долженъ былъ собраться парламентъ. Шотландскіе комиссары поспѣшно прибыли туда, въ полной увѣренности, что найдутъ тамъ сильныхъ союзниковъ. По всей Англіи происходили выборы. Нація принялась за нихъ съ большимъ усердіемъ. Дворъ, опечаленный и убитый, тщетно пытался оказать на нихъ хоть какое-нибудь вліяніе: его кандидаты, за недостаткомъ хорошей поддержки, повсюду были отстраняемы; королю не удалось даже заставить выбрать сэра Томаса Гардинера, котораго ему хотѣлось сдѣлать президентомъ нижней палаты³⁾. Открытіе парламента было назначено на 3 ноября. Нѣкоторые лица совѣтовали Лоду выбрать какой-нибудь другой день. 3 ноября, говорили ему, дурной день: при Генрихѣ VIII парламентъ, открывшійся въ это число, начался паденіемъ кардинала Вольсея и кончился разрушеніемъ аббатства⁴⁾. Лодъ не обратилъ вниманія на эти примѣты, не потому, чтобъ онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ успѣхѣ, а потому, что усталъ бороться, и предалъ такимъ образомъ себя и своего государя случайностямъ, хотя того, что готовило будущее, никто не могъ предвидѣть — ни побѣдители, ни побѣжденные.

(¹⁾ Rushworth, ч. II, т. II, стр. 1279. — (²⁾ 23 октября 1640; Rushworth, ч. II, т. II, стр. 1286—1305. — (³⁾ Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 2. — Whitelocke, стр. 35. — (⁴⁾ Тамъ же.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Открытие парламента. — Онъ захватываетъ власть въ свои руки. — Положеніе политическихъ и религіозныхъ партій. — Уступки, сдѣланныя королемъ. — Переговоры короля съ членами парламента. — Заговоръ арміи. — Процессъ и смерть Страффорда. — Путешествіе короля въ Шотландію. — Восстаніе въ Ирландіи. — Пренія о реконстраціи. — Возвращеніе короля въ Лондонъ. — Успѣхи революціи. — Мятежи. — Дѣло пяти членовъ. — Король оставляетъ Лондонъ. — Отъѣздъ королевы на континентъ. — Дѣло милиціи. — Переговоры. — Король переноситъ свою резиденцію въ Йоркъ. — Объявленіе партіи приготавлиются къ войнѣ. — Король не допущенъ въ Гулль. — Напрасныя попытки къ примиренію. — Образованіе двухъ армій.

1640 — 1642.

Въ назначенный день король открылъ парламента. Онъ прибылъ въ Вестминстеръ безъ всякой пышности, почти безъ свиты, не верхомъ и не улицами города, какъ обыкновенно бывало, а Темзой, въ простой лодкѣ, избѣгая взоровъ народа, какъ побѣжденный, слѣдующій за колесницей побѣдителя. Его рѣчь была неопредѣленна и нерѣшительна. Онъ обѣщалъ въ ней исполненіе всѣхъ народныхъ требованій, но упорно называлъ шотландцевъ бунтовщиками и требовалъ изгнанія ихъ изъ королевства, какъ-будто война еще продолжалась. Нижняя палата слушала его рѣчь съ холоднымъ почтеніемъ. Никогда, при началѣ засѣданій, палата не быва-

ла такъ полна, никогда лица не имѣли такого гордаго выраженія въ присутствіи государя¹.

Едва король оставилъ собраніе, его приверженцы, немногочисленные въ палатѣ, тотчасъ увидѣли изъ разговоровъ присутствовавшихъ, что общественное недовольство даже превосходитъ ихъ ожиданія. Распущеніе послѣдняго парламента раздражило людей самыхъ умѣренныхъ. Съ-тѣхъ-поръ не было уже рѣчи ни о примиреніи, ни объ осторожности. Говорили, что настало для парламента время развернуть всю свою власть и вырвать злоупотребленія съ корнемъ, такъ, чтобъ не опасаться никакого новаго отпрыска. Такимъ-образомъ съ той и другой стороны выражались одинаково-гордые идеи при силахъ далеко-неодинаковыхъ. Одиннадцать лѣтъ назадъ, король и духовенство объявили свою власть безусловною, независимою, божественною: они не пренебрегли ни однимъ средствомъ, чтобъ заставить народъ принять ее по убѣжденію или по неволѣ. Не успѣвъ въ этомъ, а между-тѣмъ проповѣдуя тѣ же начала, они, при своемъ безсиліи, просили помощи у собранія, которое также вѣровало въ верховность своей власти, хотя не возводило ее въ принципъ, не выставило тщеславно на-показъ, а надѣялось съ успѣхомъ показать ее на дѣлѣ.

Парламентъ началъ приведеніемъ въ гласность всѣхъ народныхъ требованій. Каждый членъ приносилъ съ собою прошеніе отъ своего города, или графства; онъ читалъ это прошеніе и, взявъ его тѣмой для какой-нибудь рѣчи, предлагалъ потомъ членамъ, чтобъ они, въ ожиданіи болѣе-дѣйствительныхъ мѣръ, утвердили по-крайней-мѣрѣ законность жалобъ². Такимъ-образомъ въ нѣсколько дней со всѣхъ сторонъ высказалось народное мнѣніе. Быстро были просмотрѣны и осуждены всѣ дѣйствія самовласти: монополіи, корабельные налоги, произвольные аресты, злоупотребленія епископовъ, дѣйствія исключительныхъ судовъ. Никто не про-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 1—4. — *Parliam. Hist.*, т. II, col. 629. — (²) Тамъ же, col. 640—666. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 21. — Rushworth, ч. II, т. I, стр. 21.

твился рѣшеніямъ парламента ¹, и единодушіе было таково, что многія изъ этихъ рѣшеній были приняты съ голоса людей, которые вскорѣ стали самыми близкими повѣренными королю ².

И между-тѣмъ это средство казалось недостаточнымъ для обнаруженія всего зла: палата открыла болѣе сорока комитетовъ для разбисканія злоупотребленій и для принятія жалобъ отъ гражданъ ³. Каждый день горожане и фермеры пріѣзжали и приходили толпами въ Лондонъ съ просьбами отъ своего города, или отъ своего кантона ⁴. Повсюду слышались обвиненія: они раздавались на каеэдрахъ, на площадяхъ; имъ съ жадностью внимали, каковы бы ни были ихъ органы или формы; ихъ выслушивали съ одинаковымъ довѣріемъ, какъ въ томъ случаѣ, когда они были направлены вообще на правительство, такъ и въ томъ, когда они падали на отдѣльные лица. Сила комитетовъ была неограничена: никто не имѣлъ права противиться ей даже молчаніемъ, и самые члены государственнаго совѣта обязаны были давать свѣдѣнія о томъ, что происходило въ стѣнахъ его ⁵.

Къ осужденію дѣйствій присоединилось общее обличеніе самихъ дѣятелей. Всякаго королевскаго агента, принимавшаго участіе въ исполненіи осужденныхъ мѣръ; какую бы должность онъ ни занималъ, клеймили именемъ «преступника ⁶». Въ каждомъ графствѣ былъ составленъ списокъ подобныхъ преступниковъ. Они не были подвергаемы какому-нибудь однообразному и опредѣленному наказанію, но каждый день, по волѣ палаты, при малѣйшемъ подозрѣніи, могли быть вызваны и наказаны штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, или конфискаціей имущества.

Проверяя свои собственные выборы, палата объявила (9 нояб. 1640), что всякій принимавшій участіе въ какой бы то ни было монополіи, недостойнъ засѣдать на скамьяхъ ея. Вслѣд-

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 672. — (²) Джонъ Кольпенперъ, лордъ Фальклендъ и др. — (³) Rushworth, ч. II, т. I, стр. 28. — Neal, *Hist. of the Purit.*, ч. II, стр. 318. — (⁴) Whitelocke, *Mémoriais*, стр. 36. — (⁵) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 43. — (⁶) Тамъ же.

ствіе этого, четверо членовъ были исключены (21 янв. 1641). Впослѣдствіи многіе другіе были также выключены, подъ предлогомъ какихъ-нибудь неправильныхъ дѣйствій, по существу безъ всякой законной причины, а просто потому, что палата не довѣряла ихъ образу мыслей. Двое самыхъ отвѣвленныхъ монополистовъ, сэръ Генри Мильдмей и М. Уайтэкеръ, были допущены въ палату безъ затрудненія: они вполне отдались новой власти ¹.

При видѣ такой неожиданной, огромной и энергической власти, были объаты ужасомъ всѣ приверженцы короны, у которыхъ совѣсть была нечиста, или у кого были враги. Они вездѣ встрѣчали обвинителей, защитниковъ — нигдѣ. Дворъ старался только о томъ, чтобъ его забыли; король скрывалъ уныніе и безпокойство подъ видомъ полного бездѣйствія; судьи, опасаясь за самихъ себя, не осмѣливались возвысить голосъ въ пользу «преступниковъ». Епископы безъ всякаго сопротивленія смотрѣли на уничтоженіе ихъ нововведеній. Джонъ Банкрофтъ, оксфордскій епископъ, скоростижно умеръ отъ волненія и страха ². Пресвитеріанскіе проповѣдники снова занимали духовныя должности и каеэдры безъ законнаго посвященія. Всѣ секты, самая разнородныя, имѣли открытыя собранія; всевозможные памфлеты безпрепятственно обращались въ народѣ. Самовластіе короля и епископовъ, еще нетронутое со всѣми своими министрами, судами, кодексами и обрядами, повсюду было парализовано ³.

Страффордъ предвидѣлъ эту катастрофу и умолялъ короля уволить его отъ обязанности быть въ парламентѣ. «Я буду бесполезенъ тамъ для вашего величества» писалъ онъ: «мое присутствіе усилитъ опасность вашего положенія и выдастъ меня врагамъ. Позвольте мнѣ удалиться въ Ирландію, въ армию—куда вамъ будетъ угодно: тамъ я могу еще пригодиться вамъ на что-нибудь и спасти себя отъ гибели, ко-

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 631, 636, 707. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 13. — (²) Rapin Thoiras, *Hist. d'Angleterre*, т. IX, стр. 21. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 59. — Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 320—342.

торая ожидаетъ меня.» — «Я не могу» отвѣчалъ ему король; «обойтись здѣсь безъ вашихъ совѣтовъ. Вамъ нѣчего бояться — это такъ же вѣрно, какъ то, что я англійскій король никто не посмѣетъ тронуть волоса на вашей головѣ¹.» Страффордъ колебался, но, при вторичномъ приглашеніи, презрѣвъ грозу, которой нельзя было избѣжать, поѣхалъ, съ твердымъ намѣреніемъ, въ свою очередь, обвинить передъ лицомъ верхней палаты, на основаніи свѣжихъ доказательствъ, главныхъ вождей общины въ томъ, что они вызвали и поддержали нападеніе шотландцевъ на англійскую территорию. Получивъ свѣдѣніе, что Страффордъ готовитъ имъ такой ударъ, Пеймъ и его друзья предупредили его. 9 ноября Страффордъ прибылъ въ Лондонъ; 10-го усталость и лихорадка задержали его въ постели; 11-го нижняя палата велѣла запереть двери и, по предложенію Пейма, вдругъ обвинила Страффорда въ государственной измѣнѣ. Только одинъ лордъ Фоклэндъ, несмотря на свою вражду къ нему, сказалъ, что правосудіе и достоинство палаты требуютъ, по его мнѣнію, отсрочки и какого-нибудь слѣдствія. «Малѣйшее замедленіе можетъ все испортить» отвѣчая Пеймъ: «если графу удастся перекинуть два-три слова съ королемъ, парламентъ будетъ распущенъ; притомъ, палата не судитъ, а только обвиняетъ». И онъ въ ту же минуту вышелъ, въ сопровожденіи комитета, чтобъ внести обвинительный актъ въ палату перовъ².

Въ эту минуту Страффордъ былъ у короля. При первомъ извѣстіи объ этомъ, онъ бросился въ верхнюю палату; но Пеймъ предупредилъ его. Дверь была заперта. Страффордъ громко постучался, обругалъ служителя, который медлил отпереть ему, и вступилъ въ залу. Не успѣлъ еще онъ дойти до своего мѣста, какъ нѣсколько голосовъ закричало ему: «Вонъ!» Графъ остановился, осмотрѣлся кругомъ и, послѣ

(¹) Whitelocke. стр. 36. Можно предполагать, что Лингарду не было извѣстно это мѣсто, ибо онъ говоритъ, что только друзья Страффорда совѣтовали ему не ѣздить въ Лондонъ, но что самъ онъ ни минуты не колебался рѣшиться на это. — (²) *State-Trials*, т. III, col. 1383, примѣчаніе.

нѣсколькихъ секундъ колебанія, повиновался. Черезъ часъ онъ былъ позванъ. Ему велѣли стать у рѣшетки на колѣни, и тамъ было ему сообщено, что верхняя палата утвердила обвиненіе, сдѣланное нижнею, и рѣшила, по ея требованію, заключить его въ Тоуэръ. Страффордъ хотѣлъ говорить, но палата не слушала его, и приговоръ былъ тотчасъ же исполненъ¹.

За обвиненіемъ Страффорда почти-непосредственно слѣдовало обвиненіе Лода, менѣе-страшнаго, но еще болѣе-ненавидимаго. Закоренчый и истый фанатикъ, онъ не зналъ упрямости совѣсти и очень удивился, что его преслѣдуютъ судомъ. «Ни одинъ членъ нижней палаты» скамалъ онъ «не можетъ считать меня измѣнникомъ въ глубинѣ своего сердца». Графъ Эссексъ придрался къ этимъ словамъ, называя ихъ обидными для нижней палаты. Лодъ съ удивленіемъ извинился и просилъ, чтобъ его судили по стариннымъ парламентскимъ обычаямъ. Лордъ Сэй возсталъ на то, что Лодъ вздумалъ предписывать имъ правила. Архіепископъ, въ смущеніи, замолкъ, будучи не въ-состояніи понять другихъ страстей, кромѣ своей собственной, и припомнить, что и онъ когда-то говорилъ такъ же съ своими врагами².

Два другіе министра, лордъ Финчъ, хранитель печати, и государственный секретарь Уайндбэкъ, принимали не менѣе участія въ тиранніи; но одинъ изъ нихъ, хитрый царедворецъ, предчувствовалъ свою судьбу и цѣлые три мѣсяца, во вредъ своему покровителю, употреблялъ всѣ силы, чтобъ заслужить себѣ прощеніе у представителей партій; другой, человекъ безхарактерный и бездарный, не внушалъ къ себѣ ни ненависти, ни страха; однакожъ нижняя палата обвинила и ихъ, но безъ всякаго гнѣва, какъ-бы единственно для успокоенія народа. Уайндбэкъ бѣжалъ. Лорду Финчу было позволено литься въ палату, въ которой онъ произнесъ защитительную рѣчь въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ (21 дек. 1640). Палата осталась довольна этой рѣчью, какъ пер-

(¹) *State-Trials*, col. 1384, примѣчаніе. — (²) 18 декабря 1640. *State-Trials*, т. IV, col. 319.

вымъ знакомъ подчиненія, оказаннаго ей власти со стороны королевскаго министра. Ему дали время спастись бѣгствомъ. Многие изъ членовъ удивились такой неравномѣрности правосудія; но Пеймъ и Гэмденъ, ловкіе интриганы, считали выгоднымъ поощрить низость¹. Было предположено еще нѣсколько обвиненій противъ двухъ епископовъ, нѣсколькихъ богослововъ и шести судей; но только обвиненіе Страффорда дѣятельно подвигалось впередъ. Особый тайный комитетъ, облеченный огромною властью, получилъ приказаніе изслѣдовать всю жизнь Страффорда и отыскать въ его словахъ, поступкахъ и даже совѣтахъ, какіе онъ могъ давать королю (несмотря на то, были ли они приняты послѣднимъ, или нѣтъ) доказательства государственной измѣны². Въ Ирландіи былъ составленъ другой вспомогательный комитетъ. Шотландцы присоединились къ нему съ злобною деклараціей, объявляя, что ихъ армія не выйдетъ изъ Англій до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ наказанъ ихъ заклятой врагъ. Такимъ образомъ, въ угоду народной ненависти и злобѣ, три націи соединились противъ одного человѣка, заключеннаго въ тюрьму³.

Избавившись отъ своихъ противниковъ и приготовляя самому страшному изъ нихъ блистательное мщеніе, палата захватила правленіе въ свои руки. Она назначила субсидіи, но весьма-ограниченныя, едва-достаточныя для покрытія необходимыхъ ежедневныхъ расходовъ⁴. Особая коммиссія, составленная изъ ея же членовъ, которые были назначены ея же биллемъ, должна была одна распорядиться назначеніемъ и употребленіемъ этихъ денегъ. Таможенныя пошлины были утверждены только на два мѣсяца. По истеченіи срока, это утвержденіе было возобновляемо⁵. Для покрытія издержекъ необходимы были доходы болѣе-значительные и скорѣе до-

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 686. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 15—17. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 167—172, въ *Collection* г. Гизд. — Whitelocke, стр. 38. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 42. — (³) Тамъ же, стр. 80. Процессъ Страффорда составляетъ восьмой томъ *Собранія* Рошворта. — (⁴) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 701. — (⁵) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 69.

ставляющіе наличность. Палата сдѣлала заемъ, но отъ своего имени, у своихъ единомышленниковъ въ Сити, даже у своихъ собственныхъ членовъ, представивъ въ обезпеченіе долга одни обѣщанія: такимъ образомъ возникъ общественный кредитъ¹. Король хлопоталъ о распущеніи обѣихъ армій, особенно шотландской, говоря, что ея содержаніе очень-тяжело для сѣверныхъ графствъ; но палата пуждалась въ этихъ арміяхъ² и надѣялась помочь народу перенести это бремя. «Филистимляне» сказалъ М. Стродъ, «пока еще слишкомъ-сильны: мы не можемъ обойтись безъ союзниковъ». Требованіе короля было искусно обойдено. Даже при распредѣленіи жалованья войскамъ выказано было болѣе расположенія къ шотландской, нежели къ англійской арміи, въ которой не всѣ офицеры внушали парламенту равное довѣріе³. Нѣкоторые выразили неудовольствіе, но палата не обратила на это вниманія. Она пошла дальше: объявила, что шотландцы подали англичанамъ братскую помощь, что съ-этихъ-поръ послѣдніе должны называть ихъ *братьями*, и назначила въ ихъ пользу, въ видѣ возмездія и награды, сумму въ 300,000 ф. стерлинговъ. Переговоры объ окончательномъ мирѣ съ Шотландіею были ведены болѣе комитетомъ парламента, нежели королевскимъ совѣтомъ. Вожди обѣихъ палатъ, особенно нижней, всякій день обѣдали вмѣстѣ въ-складчину у Пейма. Тамъ присоединились къ нимъ шотландскіе агенты, главные составители народныхъ жалобъ, значительныя лица Сити; тамъ обсуждались всѣ дѣла парламента и государства⁴. Таково было тяготѣніе всякой власти къ парламенту, что королевскій совѣтъ, будучи неспособенъ, или опасаясь своими силами рѣшить малѣйшій вопросъ, обращался къ парламенту при всякомъ случаѣ, хотя тотъ и не думалъ его просить объ этомъ. Католическій священникъ Гудманъ былъ приговоренъ къ смерти. Король, не имѣя духа помиловать его, предалъ его жизнь въ руки членовъ

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 66. — (²) Baillie, *Letters*, т. I, стр. 240. — (³) Whitelocke, стр. 41. — (⁴) Clarendon, *Mémoires*, т. I, стр. 119, въ *Collection* г. Гизд.

нижней палаты. Это было единственнымъ средствомъ спасти его, потому-что, несмотря на все свое увлеченіе, они не выказывали ни малѣйшей кровожадности¹. Народъ возненавидѣвъ мать королевы, Марію Медичи, которая въ то время находилась въ Лондонѣ: каждый день чернь окружала ея дворецъ и осыпала ее оскорбленіями и угрозами. И въ этомъ случаѣ обратились къ нижней палатѣ съ вопросомъ: можетъ ли Марія Медичи оставаться въ Англии, и какія мѣры надобно принять для ея безопасности? Палата отвѣчала, что ей слѣдуетъ выѣхать, назначила 10,000 ф. стерлинговъ на ея путешествіе, и рѣшеніе палаты было тотчасъ же исполнено². Приговоры королевскаго суда, давнымъ-давно произнесенные и исполненные, подверглись пересмотру палаты, какъ частныя дѣла короля и двора. Обвиненіе Прейна, Бортона, Баствика, Лейтона и Лильборна было объявлено незаконнымъ, и имъ присуждена была свобода³, съ щедрымъ вознагражденіемъ, котораго они, однако, не получили—общая участь старыхъ заслугъ, которыя скоро изглаживаются изъ памяти новыми заслугами и потребностями. Радость народа была единственной ихъ наградой. Когда освобожденные вѣзжали въ Лондонъ, навстрѣчу имъ высыпала огромная толпа; вся ихъ дорога была усыпана розмариновыми и лавровыми вѣтвями, а дома драпированы коврами⁴. Восторгъ народа, апатія короля — все побуждало нижнюю палату взять въ свои руки бразды правленія, все способствовало къ тому, чтобъ дать ей значеніе верховной власти.

Первымъ шагомъ своимъ на пути государственныхъ реформъ она возвѣстила, если не верховность своей власти, то, по крайней-мѣрѣ, полную свою независимость. Былъ предложенъ билль (19 янв. 1641), которымъ предписывалось созывать

(¹) Въ февраль 1641. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 710, 713, 715. — *State-Trials*, т. IV, col. 5)–63. — (²) Въ мавъ 1341. *Parliam Hist.*, т. II, col. 788–793. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 209, въ *Collection* г. Гизо — (³) 7 ноября 1649. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 639–731. — (⁴) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 137, въ *Collection* г. Гизо. — *Whitelocke*, стр. 37.

парламентъ, по-крайней-мѣрѣ, одинъ разъ каждые три года. Еслибъ король не захотѣлъ созывать его, то двѣнадцать перовъ, собравшись въ Вестминстеръ, могли это дѣлать безъ его содѣйствія. Въ случаѣ недостатка перовъ, шерифы и городскія власти обязаны были начать выборы. Еслибъ шерифы не озаботились этимъ, то граждане имѣли право собраться сами и избрать себѣ депутатовъ. Парламентъ не могъ быть ни распущенъ, ни отсроченъ безъ согласія обѣихъ палатъ раньше пятидесяти дней со времени его созванія; палаты оставляли за собой исключительное право окончательно избирать себѣ президента¹. При первыхъ слухахъ объ этомъ биллѣ, король прервалъ, наконецъ, свое долговременное молчаніе. Онъ позвалъ обѣ палаты въ Уайт-Галль (23 янв. 1641) и сказалъ имъ: «Я вполне одобряю частое созываніе парламентовъ: сознаюсь, что это лучшее средство поддерживать между мной и моими подданными союзъ, котораго я такъ желаю; но не могу согласиться на передачу моихъ правъ шерифамъ, констеблямъ и богъ-знасть кому». Парламентъ увидѣвъ въ этихъ словахъ только новый поводъ поспѣшить принятіемъ билля, никто не осмѣлился посоветовать королю отвергнуть билль, и онъ, скрѣпя сердце, подписалъ его, но счелъ нужнымъ выразить парламенту все свое неудовольствіе. «Послѣ этого» сказалъ онъ «я рѣшительно не вижу, чего бы еще могли вы отъ меня потребовать, и въ чемъ бы я могъ отказать вамъ. По правдѣ сказать, до-сихъ-поръ вы плохо поощряли меня къ такому снисхожденію: вы занимались только тѣмъ, что касалось непосредственно васъ самихъ. До меня и до интересовъ королевства вамъ не было никакого дѣла; вы разстроили все правленіе, и я долженъ сказать, что оно находится почти въ неисправимомъ положеніи. Теперь, надѣюсь, вы согласитесь, что я сдержалъ всѣ свои обещанія; подумайте и вы о своихъ обязанностяхъ²».

Парламентъ поблагодарилъ короля и опять сталъ продолжать реформы, потребовавъ сначала уничтоженія звѣздной палаты, съвернаго суда, потомъ суда церковной комиссіи и всѣхъ исключительныхъ трибуналовъ³.

(¹) Rushworth, ч. III, т. I, стр. 139. — (²) 18 февраля 1641. *Parl. Hist.*, т. II, col. 716–717. — (³) Тамъ же, col. 717, 722, 766.

Никто не отвергалъ этихъ предложеній; изложеніе злоупотребленій заступило мѣсто преній. Даже люди, начинавшіе опасаться безпорядковъ и скрытыхъ мыслей какой-нибудь партіи, не осмѣливались защищать учреждений, ненавистныхъ по своимъ дѣйствіямъ и въ-сущности незаконныхъ, хотя многія изъ нихъ и были облечены въ законную форму. Политическая реформа была всеобщимъ, единодушнымъ желаніемъ, совершенно-независимо отъ общественнаго положенія и религіозныхъ мнѣній. Подумать о послѣдствіяхъ и измѣрить весь объемъ этой реформы никому еще не приходило въ голову. Всѣ содѣйствовали ей, не отдавая себѣ отчета въ своихъ намѣреніяхъ и побужденіяхъ. Люди съ умомъ смѣлымъ и дальновиднымъ или уже выдавшіе себя поступками, осуждаемыми закономъ: Гэмденъ, Пеймъ, Голлизъ, Стэпльтонъ, мечтали лишить корону ея губельнаго перевѣса, сосредоточить правленіе въ парламентѣ и упрочить его за нимъ навсегда. По ихъ мнѣнію, этого требовало народное право; въ этомъ заключалась, какъ для народа, такъ и для нихъ, единственная вѣрная гарантія. Но, пришедши къ такому намѣренію скорѣе по необходимости, нежели по принципу, ясно-сознанному и подкрѣпленному общественнымъ мнѣніемъ, они шли впередъ, не высказывая гласно этого намѣренія. У горячихъ сектаторовъ, у нѣкоторыхъ членовъ, неуспѣвшихъ еще составить себѣ извѣстности, хотя и весьма-дѣятельныхъ, у Кромвеля, Генри Мартина и другихъ, повременамъ срывались съ языка слова болѣе-грозныя противъ особы короля, или противъ формы правленія; но имъ, по-крайней-мѣрѣ въ парламентѣ, никто не придавалъ значенія, и даже тѣ, кого удивляла или раздражала циническая дерзость ихъ, не пугались ея. Большинство ласкало себя надеждою, что уничтоженіе злоупотребленій приведетъ къ тому порядку вещей, который оно называло бытомъ Старой Англіи, то-есть къ роллизму, сдерживаемому въ границахъ закона періодическою властью двухъ палатъ. Въ ожиданіи этого, поклонники Старой Англіи терпѣли, какъ временную необходимость, почти исключительное господство нижней палаты, которое, притомъ, было болѣе согласно съ ихъ смутными идеями и чувствами, хотя они того и не подозрѣвали. Такимъ-образомъ политическая реформа, всѣмъ одинаково-желаемая, хотя вслѣдствіе

совершенно-разнородныхъ видовъ и надеждъ, шла вѣрно къ своей цѣли, движимаая несокрушимой силой единодушія.

Нельзя того же сказать о религіозной сторонѣ вопроса: тутъ съ первыхъ же дней высказалось различіе мнѣній и желаній. Предложеніе лондонскаго Сити, подписанное 15,000 человекъ, требовало совершеннаго уничтоженія епископата (11 декаб. 1640) ¹. Почти въ то же время 7000 духовныхъ лицъ требовали только ограниченія свѣтской власти епископовъ, ихъ самовластия въ дѣлахъ церкви, дурнаго управленія ея доходами. Вскорѣ послѣ этого изъ разныхъ графствъ получено было девятнадцать просьбъ, подписанныхъ, какъ говорятъ, слишкомъ 100,000 человекъ, которые просили сохраненія епископальнаго правленія ². Въ парламентѣ обнаружилось такое же разногласіе. Прошеніе сити было принято нижней палатой съ величайшимъ трудомъ, послѣ сильнѣйшихъ преній ³. Былъ предложенъ билль, который объявлялъ духовныхъ неспособными ни къ какой гражданской службѣ, и такимъ-образомъ исключалъ епископовъ изъ палаты перовъ. Чтобы этотъ билль принять была нижней палатой (9 и 11 марта 1641), пресвитеріанская партія принуждена была дать обѣщаніе не простирать далѣе своихъ требованій. Гэмденъ только цѣною этого обѣщанія купилъ голосъ лорда Фокленда ⁴; но билль хотя и былъ допущенъ къ разсмотрѣнію палаты перовъ, тѣмъ не менѣе былъ отвергнутъ ⁵. Возбѣщенные этой неудачей, пресвитеріане потребовали вдругъ уничтоженія епархій, деканствъ, капитуловъ ⁶, но встрѣтили такую энергическую оппозицію, что рѣшились отложить свое требованіе. Только разъ обѣ палаты выказали нѣкоторое единодушіе, стараясь подавить безпорядки, какіе повсюду замѣчались въ общественномъ богослуженіи, и удержать его въ законныхъ формахъ ⁷;

(¹) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 93. — (²) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 356 — (³) Baillie, *Letters*, т. I, стр. 244. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 61. — (⁴) Тамъ же, стр. 114—118. — (⁵) 24 мая и 7 июня 1641, *Parliam. Hist.*, т. II, col. 794—814. — (⁶) 27 мая 1641. *Parliam. Hist.*, col. 814. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 120—122. — (⁷) 16 янв. 1641. Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 339.

но, два дня спустя, онѣ пришли въ прежнее несогласіе. Нижняя палата совершенно-самовольно, не спешая даже съ лордами, отправила своихъ комиссаровъ въ графства выносить изъ церквей образа, жертвенники, распятія и всѣ слѣды «идолопоклонства», какъ она выражалась¹. Ея агенты освятили своимъ присутвіемъ народныя страсти, взрывъ которыхъ упредилъ ихъ. Съ своей стороны, лорды, узнавъ, что секта индепендентовъ открыто возобновила свои собранія (18 янв. 1641), позвали ея представителей къ рѣшеткѣ² и сдѣлали имъ замѣчаніе, хотя и робкое. Относительно вопроса религіознаго ни одного мнѣнія, ни одного направленія нельзя было назвать господствующимъ и національнымъ. Между приверженцами епископата, одни, немногочисленные, но одушевленные силой вѣры или личными интересами, поддерживали его притязанія на божественное право; другіе, считая это учрежденіе чело-вѣческимъ, признавали его необходимою принадлежностью монархіи, и думали, что тронъ будетъ въ опасности, если епископская власть понесетъ сильный ущербъ; иные (и число такихъ было велико) охотно отстранили бы епископовъ отъ общественныхъ дѣлъ, но съ тѣмъ, чтобъ оставить ихъ во главѣ церкви, чего, по ихъ мнѣнію, требовали преданіе, законы и потребности государства. Въ противной партіи мнѣнія были не менѣе-различны: иные стояли за епископство по привычкѣ, хотя образъ мыслей ихъ былъ ему несовсѣмъ-благопріятенъ; многіе и, притомъ, наиболее-просвѣщенные люди, думали, что никакому земному устройству церкви не принадлежитъ божественность и абсолютная законность, что внѣшній видъ церкви можетъ измѣняться сообразно съ мѣстными и временными условіями, что парламентъ всегда воленъ измѣнить его и что только одинъ общественный интересъ долженъ рѣшить судьбу епископата, уничтоженіе или сохраненіе котораго не вытекаетъ ни изъ какого философскаго начала. Но пресвитеріане и ихъ священнослужители видѣли въ епископальномъ управленіи идолопоклонство, осужденное еванге-

(¹) 23 янв. 1641. Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 343. — (²) 19 янв. 1641. Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 342.

ліемъ, наслѣдіе и прѣдтечу папизма. Осуждая епископатъ, они съ фанатическимъ негодованіемъ отвергали его литургію, формы его богослуженія, его послѣдствія самыя отдаленныя, и хотѣли возвратитъ республиканскому устройству церкви божественное право, похищенное епископами.

Послѣ первыхъ успѣховъ политической реформы, эти разногласія нѣсколько времени задерживали ходъ парламентскихъ дѣлъ. Какъ-только начинались пренія о религіозныхъ вопросахъ, противники двора, до той минуты дѣйствовавшіе единодушно, раздѣлялись и даже вступали въ борьбу. Большинство часто мѣняло свои мнѣнія; не было партіи, которая была бы одушевлена постоянно однимъ и тѣмъ же духомъ, предана однимъ и тѣмъ же стремленіямъ и способна подчинитъ себѣ все остальное. Пеймъ и Гэмденъ, главные вожди политической партіи, ухаживали за пресвитеріанами, поддерживали даже самыя смѣлыя ихъ требованія. Однако всѣмъ было извѣстно, что они не раздѣляли фанатическаго увлеченія пресвитеріанъ, что они скорѣе имѣли въ виду ограничить гражданскую власть епископовъ, чѣмъ измѣнить церковное устройство¹, и что это устройство имѣло въ верхней палатѣ въ числѣ лордовъ, пользовавшихся наибольшею популярностью, много приверженцевъ. Нѣкоторые благоразумные люди совѣтовали королю воспользоваться этимъ тайнымъ раздоромъ и предупредить соединеніе реформаторовъ политическихъ съ религіозными, смѣло ввѣривъ первымъ дѣла короны и государства.

Переговоры начались. Маркизь Гампльтонъ, страшный охотникъ играть роль посредника между партіями, былъ самымъ дѣятельнымъ агентомъ въ этихъ переговорахъ. Графъ Бедфордъ, чело-вѣкъ умѣренный, имѣвшій вліяніе въ верхней палатѣ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ общества, съ достоинствомъ повелъ дѣло. Вожди обѣихъ палатъ часто собирались у него. Онъ пользовался ихъ довѣріемъ и, казалось, могъ дѣйствовать отъ ихъ имени. Король, который не имѣлъ своей воли, а больше соглашался, образовалъ сначала новый тайный совѣтъ². Его составили лорды Бедфордъ, Эссексъ, Уор-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 144. — (²) Тамъ же, стр. 46.

викъ, Сэй, Кимболтонъ и другіе, которые всё пользовались популярностью и изъ которыхъ иные считались жаркими членами оппозиціи; но они всё до одного были вельможи. Отъ гордости Карла, уже оскорбленнаго одною необходимостью преклониться передъ ними, нельзя было ожидать болѣе-явнаго знака его безсилія. Между-тѣмъ новые совѣтники не хотѣли отдѣлится отъ своихъ друзей. Съ каждымъ днемъ Карлъ убѣждался болѣе-и-болѣе въ важности тѣхъ вождей нижней палаты, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ такимъ горькимъ презрѣніемъ. Они, съ своей стороны, не отвергали предложеній, но выказывали мало готовности и принимать ихъ не потому, чтобы это было для нихъ все-равно, а потому, что они поставлены были ими въ затрудненіе. Принимая предложенія, они достигали главной цѣли всѣхъ своихъ стремленій: вступали именовъ націи въ законное обладаніе властью, давали изъ своей среды королю министровъ и ставили его въ зависимость отъ парламента. Но отъ нихъ требовали, чтобъ они спасли Страффорда и церковь, то-есть дали волю самому опасному врагу своему и разсорились съ пресвитеріанами, самыми искренними своими друзьями. Та и другая сторона находились въ страшномъ затрудненіи; а взаимное недовѣріе было такъ глубоко, что не могло тотчасъ уступить честолюбію или страху. Дѣло, однако, дошло до прямыхъ и опредѣленныхъ предложеній. Пеймъ долженъ былъ сдѣлаться канцлеромъ казначейства, Гэмденъ — воспитателемъ принца валлійскаго, Голлизъ — государственнымъ секретаремъ; даже Сент-Джонъ былъ тотчасъ же назначенъ генеральнымъ королевскимъ прокуроромъ. Во главѣ министерства долженъ былъ стать графъ Бедфордъ, съ титуломъ государственнаго казначея. Одни изъ лицъ, занимавшихъ прежде эти должности, вызвались подать, другіе дѣйствительно подали прошенія объ отставкѣ¹.

Но во время этихъ переговоровъ, на успѣхъ которыхъ обѣ стороны мало надѣялись — а можетъ-быть, и не слишкомъ желали его — король получилъ другія предложенія, гораздо-

(¹) Тамъ же, стр. 73 и слѣд. — Whitelocke, стр. 39. — *Sidney's Papers*, т. II, стр. 664, 666.

болѣе для него пріятныя. Въ арміи распространилось нѣкоторое недовольство. Многіе офицеры, бывшіе въ то же время членами нижней палаты, даже стали громко высказывать его. «Если шотландцамъ» сказалъ одинъ изъ нихъ въ палатѣ «стѣбитъ только попросить денегъ, чтобы ихъ получить, то и англійскіе солдаты стѣмбуютъ сдѣлать это¹». Слухи объ этомъ недовольствѣ вскорѣ дошли до королевы. Фаворитъ ея, Генри Джерминъ, присоединился къ недовольнымъ. Благодаря его посредничеству, она приняла ихъ въ Уайт-Галлѣ, пожалѣла о ихъ положеніи, которое походило на положеніе короля, но было все-таки не такъ печально и опасно. Она была съ ними ласкова, оживлена, возлагала единственно на нихъ всё свои надежды, и легко убѣдила ихъ, что судьба государства въ ихъ рукахъ. Возникли тайныя конференціи, гдѣ предлагались всевозможные планы. Одни хотѣли, чтобъ армія шла на Лондонъ и, не теряя минуты, вырвала короля изъ неволи; другіе, болѣе-благоразумные, совѣтовали войску обратиться къ парламенту съ просьбой и, выразивъ въ ней свою преданность королю и церкви, объявить, что, по его мнѣнію, преобразование государства совершено, и нужно положить конецъ нововведеніямъ. Была также рѣчь о чужеземной помощи, о наборѣ войска въ Португаліи и Франціи — предложенія пустыя и бесполезныя, но высказанныя отъ чистаго сердца людьми легкомысленными, можетъ-быть, только-что пообѣдавшими или желавшими выказать себя, а не содѣйствовать успѣху предпріятія. Въ одно время съ этими совѣщаніями завязывались въ самой арміи кой-какія интриги, болѣе-дѣятельныя, нежели дѣйствительныя. Недовольные то-и-дѣло ѣздили изъ лагеря въ Лондонъ, изъ Лондона въ лагерь. Pamфлеты ходили по рукамъ между солдатами. Самъ король имѣлъ наконецъ свиданье съ Пэрси, братомъ графа Нортумберленда, принадлежавшимъ къ числу загворщиковъ. По совѣту Пэрси, онъ отвергъ всякую насильственную мѣру, всякую попытку вести армію въ Лондонъ; но ему былъ представленъ проектъ петиціи съ таки-

(¹) Whitelocke, стр. 44.

ми же угрозами противъ парламента, какими были наполнены противъ короны и церкви представенія, ежедневно-поставшія въ нижнюю палату. Король одобрилъ этотъ проектъ и, чтобъ уполномочить главныхъ дѣятелей предпріятія, согласился на ихъ просьбу — собственноручно подписать подъ проектомъ, въ знакъ одобренія, начальныя буквы своего имени¹.

Заговоръ продолжался, хотя и не подвигался впередъ. Петиція не была представлена; но ничто не укрывается отъ народной подозрительности: она принимаетъ намѣренія за дѣла, слова — за намѣренія. Толпа добровольныхъ шпионовъ ловила на площадяхъ и въ тавернахъ неосторожныя рѣчи офицеровъ. О нихъ тотчасъ же давали знать Пейму, которому партія ввѣрила свою полицію. Вскорѣ онъ получилъ болѣе-подробныя свѣдѣнія о заговорѣ: Горингъ, одинъ изъ заговорщиковъ, явился къ графу Бедфорду и рассказалъ ему все. Ничто не измѣнилось; но воображеніе рисовало королю всевозможные ужасы. Вожди нижней палаты молчали о сдѣланномъ ими открытіи, желая воспользоваться имъ при какомъ-нибудь важномъ случаѣ². Они не остановили даже переговоровъ о своемъ вступленіи въ министерство, которые продолжались, какъ и прежде, отъ имени короля. Но съ этого времени всякая нерѣшительность исчезла изъ ихъ совѣщаній: они вступили въ тѣсный союзъ съ фанатиками-пресвитеріанами — единственной партіей, на поддержку и безконечную

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 189, въ *Collection* г. Гизд. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 132 и слѣд. — Whitelocke, стр. 43, 44. — Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 252—257. — (²) Броди отвергаетъ этотъ фактъ (*Hist. of the British Empire*, и проч., т. III, стр. 109 и слѣд., въ примѣч.) и думаетъ, что заговоръ былъ открытъ Горингомъ только въ-теченіе апрѣля 1641 г. Въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ такъ показаться по распоряженіямъ и допросамъ, напечатаннымъ въ *Собраніи* Юзбандса (стр. 195 и слѣд.); но внимательный разборъ всей этой интриги и сближеніе различныхъ указаній, приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, доказываютъ, по моему мнѣнію, что сборища офицеровъ начались съ зимы 1641 и что Пеймъ и его друзья провѣдали о нихъ въ первыхъ числахъ марта. Такъ думаетъ и Лингардъ (*Hist. of England*, т. X, стр. 128, примѣч. 27.)

преданность которой можно было рассчитывать, потому-что одна она имѣла твердые принципы, пылкую страсть, стремленіе къ революціи и массы народа для ея выполненія. Въ то же время погибель Страффорда была безвозвратно рѣшена. Его процессъ начался (22 марта 1641).

Нижняя палата хотѣла присутствовать при этомъ процессѣ въ полномъ своемъ составѣ, чтобъ этимъ присутствіемъ поддержать обвиненіе. вмѣстѣ съ членами нижней палаты, засѣдали комиссары Шотландіи и Ирландіи, увеличивая собою число обвинителей. Восемьдесятъ перовъ присутствовало въ качествѣ судей. Епископы, по настоятельному желанію нижней палаты, были устранены, такъ-какъ это былъ процессъ уголовный¹. Надъ перами, въ закрытой ложѣ, сидѣли король и королева, горѣвшіе желаніемъ все видѣть, но скрывавшіе одинъ — свою тоску, другая — свое любопытство. Въ галереяхъ и на верхнихъ ступеняхъ тѣснилась толпа зрителей, мужчинъ и женщинъ, почти вся составленная изъ лицъ высшаго класса, заранѣе-взволнованная торжественностью зрѣлища, важностью обвиненія и интересомъ, какой возбуждалъ всѣмъ извѣстный характеръ подсудимаго².

Онъ прибылъ водою изъ Тоуэра въ Вестминстеръ. Толпа, собравшаяся у воротъ, пропустила его безъ шума и безъ оскорбленій: ненависть была сдержана почтеніемъ, какое внушали его прежнее величіе, его осанка и страхъ, еще такъ недавно-соединенный съ его именемъ. По-мѣрѣ-того, какъ Страффордъ подвигался впередъ, преждевременно сгорбленный болѣзною, но съ глазами блестящими и гордыми, какъ у юноши, народъ раздавался по сторонамъ, снимая шляпы. Страффордъ въжливово кланялся, считая это уваженіе толпы хорошимъ пред-

(¹) По каноническому праву, вошедшему въ силу съ первыхъ временъ христіанства, *ecclesia sanguinem non effundit*. Даже лица духовнаго званія, обвиненныя въ уголовныхъ преступленіяхъ, только лишаются духовнаго сана и для суда и наказанія передаются свѣтской власти. *Прим. перев.* — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 178 и *Éclaircissements historiques*, стр. 413, въ *Collection* г. Гизд. — *State-Trials*, т. III, col. 141 k. — Rushworth, т. VIII.

знаменованіем¹. Его поддерживала надежда. Онъ презиралъ своихъ противниковъ, хорошо изучилъ всѣ улики, противъ него представленныя, и былъ увѣренъ, что смоетъ съ себя обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Только присоединеніе ирландцевъ къ числу обвинителей на-минуту удивило его: онъ не могъ понять, какимъ образомъ страна, до-сихъ-поръ показывавшая такую покорность, старавшаяся даже льстить и служить ему, вдругъ измѣнилась до такой степени.

На слѣдующій день одно обстоятельство показало Стратфорду, какъ ошибался онъ насчетъ своего положенія и съ какими трудностями сопряжена будетъ его защита. «Надѣюсь» сказалъ онъ «безъ труда опровергнуть клеветы моихъ коварныхъ враговъ». При этихъ словахъ Пеймъ, который управлялъ преслѣдованіемъ Стратфорда, съ жаромъ воскликнулъ: «Это обидя нижней палаты. Вводить на нее упрекъ въ коварной враждѣ — есть преступленіе». Стратфордъ, въ смущеніи, палъ на колѣни, извинился и съ этой минуты, совершенно-спокойно и владѣя собою, не обнаружилъ болѣе никакихъ признаковъ гнѣва, или даже нетерпѣнія, не произнесъ ни одного слова, которое можно было бы обратить противъ него².

Въ-теченіе семнадцати дней онъ одинъ защищался противъ тринадцати обвинителей, которые вставали поочередно. Во многихъ поступкахъ, полныхъ несправедливости и тираніи, онъ былъ уличенъ неопровержимо. Но другіе факты, до величости преувеличенные, или безъ разбора принятые ненавистью, было легко опровергнуть, и, по правдѣ сказать, ни одинъ изъ этихъ фактовъ не подходилъ къ законному опредѣленію государственной измѣны. Стратфордъ употреблялъ всѣ усилія лишить ихъ этого характера, говорилъ съ благородствомъ о своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, противнооставлялъ насилію своихъ противниковъ скромное достоинство и обнаруживалъ, никого не оскорбляя, пристрастную незаконность ихъ дѣйствій. Его защита была затруднена всякаго рода притѣсненіями: адвокатамъ, которыхъ онъ

(¹) *State-Trials*, т III, col. 1417. — (²) Тамъ же, col. 1420.

получилъ съ величайшимъ трудомъ и противъ желанія нижней палаты, не позволяли ни говорить о фактахъ, ни спрашивать свидѣтелей. Позволеніе имѣть свидѣтелей въ свою пользу было ему дано только за три дня до начала преній; а большая часть тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ онъ могъ рассчитывать, была въ Ирландіи. При всякомъ удобномъ случаѣ Стратфордъ ссылаясь на свои права, благодарилъ судей, если они соглашались признать ихъ, не жаловался, если отказывали. Своимъ врагамъ, ворчавшимъ на проволочку, производимую его ловкой защитой, онъ отвѣчалъ: «Надѣюсь, что я имѣю столько же права защищать свою жизнь, сколько другіе нападать на нее».

Такая энергія затруднила и унижала обвинителей. Два раза нижняя палата просила лордовъ ускорить процессъ, за которымъ они будто-бы теряютъ драгоценное для государства время¹. Лорды отвергли ихъ просьбу. Усиѣхъ подсудимаго возвратилъ имъ нѣкоторую энергію. Прежде, чѣмъ адвокаты Стратфорда успѣли открыть ротъ, прежде, чѣмъ онъ самъ успѣлъ высказать свою защиту, преніе о фактѣ было конечно и обвинительный комитетъ созналъ себя побѣжденнымъ, по-крайней-мѣрѣ относительно улики въ государственной измѣнѣ. Члены нижней палаты пришли въ величайшее волненіе. Благодаря буквѣ закона и своему роковому генію, важный преступникъ готовъ былъ ускользнуть изъ рукъ, и реформа, едва начатая, обрѣтала вновь своего опаснѣйшаго врага. Рѣшились на крайнія мѣры. Сэръ Артуръ Гэзльригъ, человекъ суровый, съ страстями грубыми, предложилъ обвинить и осудить Стратфорда актомъ парламента. Къ этому способу, который слагалъ съ судей всякую зависимость отъ закона, прибѣгали не въ первый разъ; но онъ употреблялся только во времена тираніи и потомъ постоянно признавался незаконнымъ. Нѣсколько замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ государственнаго секретаря Вена и переданныхъ Пейму его сыномъ², было выставлено въ дополненіе къ уликамъ, какъ

(¹) 25 марта и 9 апрѣля 1641. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 743. —

(²) Его звали также Генри Венъ, какъ и отца. Впоследствии о немъ будетъ говорить, какъ объ одномъ изъ вождей партіи индепендентовъ. Онъ родился въ 1612 году.

доказательство государственной измены. По этим бумагам на Страффорда введено было обвинение, будто-бы онъ въ полномъ собраніи министровъ подалъ королю совѣтъ употребить ирландскую армію для усмиренія Англіи. Хотя слова, приписанныя ему, были опровергаемы свидѣтельствомъ многихъ государственныхъ совѣтниковъ и могли быть истолкованы въ смыслѣ менѣе-неблагоприятномъ, но они до такой степени были согласны съ поведеніемъ подсудимаго и съ тѣми идеями, какія онъ часто высказывалъ, что не могли не произвести живѣйшаго впечатлѣнія на умы: билль тотчасъ же былъ допущенъ къ первому чтенію. Одни думали, что жертвуютъ закономъ для правосудія, другіе — правосудіемъ для необходимости.

Между-тѣмъ процессъ продолжался, потому-что обвинители не хотѣли упустить ни одного шанса противъ Страффорда: гроза чрезвычайной мѣры не должна была избавлять его отъ грозы закона. Еще прежде, чѣмъ адвокаты Страффорда успѣли произнести хотя одно слово по вопросу о правѣ, онъ снова началъ свою защиту (13 апрѣля 1641) и говорилъ долго, съ изумительнымъ краснорѣчіемъ, постоянно стараясь доказать, что ни по какому закону ни одному изъ его поступковъ не можетъ быть приписанъ характеръ государственной измены. Судьи съ каждой минутой убѣждались болѣе-и-болѣе въ его невинности, а онъ ловко слѣдилъ за своимъ успѣхомъ, приравливая слова къ впечатлѣнію, какое они производили. Внутреннее волнение не мѣшало ему дѣлать наблюденія и подмѣчать, что происходило вокругъ него. «Милорды!» сказалъ онъ въ-заключеніе «эти господа увѣряютъ, что они стоятъ за благо общественное противъ моего самовластнаго произвола. Позвольте мнѣ сказать, что я стою за благо общественное противъ ихъ самовластной измены. Мы живемъ подъ сѣнію законовъ: не-уже-ли мы должны умирать по законамъ, которые не существуютъ? Ваши предки заботливо включили въ наши статуты страшныя наказанія за государственную измену: не увлекайтесь честолюбіемъ превзойти ихъ въ искусствѣ убивать. Не опирайтесь на нѣсколько кровавыхъ примѣровъ, не ройтесь въ старыхъ протоколахъ, изъѣденныхъ червями и забытыхъ въ архивахъ,

и не будите заснувшихъ львовъ, которые могутъ въслѣдствіи точно также растерзать васъ и дѣтей вашихъ. Что касается меня, жалкаго созданія, то еслибъ не интересъ вашихъ свѣтостей и не интересъ тѣхъ священныхъ заговоровъ, которые оставила мнѣ святая, живущая теперь на небесахъ (при этихъ словахъ Страффордъ остановился, залился слезами, и, вдругъ поднявъ голову, продолжалъ), я не сталъ бы такъ хлопотать о защитѣ этого полуразрушеннаго тѣла, обремененнаго столькими болѣзнями, что мнѣ, право, мало удовольствія донашивать это бремя». Онъ остановился опять, какъ-бы собираясь съ мыслями. «Милорды!» продолжалъ онъ «кажется, я хотѣлъ вамъ что-то еще сказать, но мои силы и голова ослабѣваютъ. Почтительнѣйше вручаю вамъ судьбу свою. Каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ—жизнь или смерть принесетъ онъ мнѣ — я заранѣе добровольно принимаю его. *Te Deum laudamus!*»

Слушатели были растроганы и удивлены. Пеймъ хотѣлъ отвѣчать. Страффордъ взглянулъ на него. Неподвижность графа полна была чего-то грознаго. Нижняя губа его, блѣдная, выдававшаяся впередъ, выражала величайшее презрѣніе. Пеймъ, въ смущеніи остановился; руки у него дрожали, и онъ не могъ найти бумаги, которая лежала у него передъ глазами: то былъ приготовленный имъ отвѣтъ. Никто не слушалъ, когда Пеймъ читалъ его, слѣша скорѣе кончить рѣчь, несогласную съ настроеніемъ собранія, и съ трудомъ произнося слова¹.

Смущеніе проходить, негодованіе остается. Это чувство у Пейма и его друзей достигло высшей степени. Они слѣшили вторымъ чтеніемъ билля объ уличеніи въ государственной изменѣ (*bill of attainder*) (14 апр. 1641). Напрасно Сельденъ, старѣйшій и знаменитѣйшій защитникъ свободы, Гольборнъ, одинъ изъ адвокатовъ Гэмдена по дѣлу о корабельномъ налогѣ, и многіе другіе оспаривали этотъ билль²: онъ сталъ теперь единственнымъ оружіемъ партіи, потому-что она понимала, какъ-нельзя-лучше, что лорды не обвинять

(¹) *State-Trials*, т. III, col. 1469. — (²) Тамъ же.

Страффорда въ качествѣ судей и именемъ закона. Ей хотѣлось даже тотчасъ же прекратить процессъ и устранить адвокатовъ Страффорда, и увлеченіе было таково, что нѣкоторые требовали отдачи подѣ судѣ «дерзкихъ адвокатовъ, осмѣлившихся защищать человѣка, котораго нижняя палата объявила государственнымъ измѣнникомъ¹». Лорды отвергли эти безумныя предложенія. Адвокаты Страффорда были выслушаны, но члены палаты не отвѣчали имъ и даже не присутствовали въ это время, говоря, что считаютъ несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ спорить съ адвокатами². Черезъ четыре дня, несмотря на живое сопротивленіе лорда Динби, который до этой минуты былъ однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ обвинителей Страффорда, *bill of attainder* былъ окончательно принятъ (21 апр. 1641).

При этомъ извѣстїи король пришелъ въ отчаяніе и рѣшившись спасти графа во что бы то ни стало. «Даю вамъ честное слово короля» писалъ онъ ему: «ни жизнь, ни состояніе, ни честь ваша не потерпятъ никакого ущерба». Всѣ средства были испытаны съ слѣпою поспѣшностью страха и отчаянія. Пробовали смягчить главныхъ членовъ палаты уступками и обѣщаніями, составляли заговоры, чтобъ дать заключенному средства бѣжать; но заговоры мѣшали негодіямъ, негодіиціи — заговорамъ. Графъ Бедфордъ, который обнаружилъ нѣкоторую снисходительность, скоропостижно умеръ. Гайду, который говорилъ о непреодолимомъ препятствїи, какое встрѣтитъ билль въ совѣсти короля, графъ Эссексъ отвѣчалъ: «Мысли и совѣсть короля должны сообразоваться съ мыслями и совѣстью парламента³». Сэру Уильяму Бельфору, губернатору Тоуэра, предложено было 20,000 фунтовъ стерлинговъ и дочь Страффорда въ невѣсты его сыну, если онъ согласится способствовать бѣгству графа: тотъ отказался. Ему велѣли принять, подѣ видомъ тюремной стражи, сто человѣкъ солдатъ, подѣ начальствомъ капитана Биллингслея, принадлежавшаго къ числу недовольныхъ. Онъ увѣ-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 98. — (²) Тамъ же, стр. 101. — (³) Тамъ же, стр. 130.

домплъ объ этомъ нижнюю палату. Каждый день придумывалось какое-нибудь новое средство къ спасенію графа и оканчивалось ничѣмъ. Наконецъ король, въ противность совѣту самого Страффорда, призвалъ обѣ палаты, призналъ его виновнымъ, обѣщалъ имъ не давать ему впредь никакой должности, хотя бы даже констэбля, но объявилъ, что никакіе доводы, никакія угрозы не заставятъ его подписать смертный приговоръ Страффорду⁴.

Но ненависть нижней палаты была непреклонна и болѣе смѣла, нежели горестъ короля. Она предвидѣла его сопротивленіе и взяла противъ этого надлежащія мѣры. Съ той минуты, какъ билль *of attainder* переданъ былъ въ верхнюю палату, около Вестминстера каждый день собиралась толпа народа, вооруженная шпагами, ножами, палками, которая кричала: *правосудїи! правосудїи!* и грозила лордамъ, замедлившимъ приговоръ⁵. Лордъ Арундель³ принужденъ былъ выйти изъ кареты и, снявъ шляпу, просилъ народъ разойтись, обѣщая ускорить исполненіе его желанія. Пятьдесятъ-девять членовъ нижней палаты подали голосъ противъ билля. Ихъ имена были прибиты къ стѣнамъ домовъ съ словами: «Вотъ страффордисты, измѣнники отечеству!» Въ церквахъ раздавались тѣ же угрозы; читали проповѣди и молились Богу о наказанїи великаго преступника. Лорды, по требованію короля, жаловались нижней палатѣ на эти безпорядки: палата не отвѣчала⁴. Между-тѣмъ билль все еще не имѣлъ силы закона. Тогда прибѣгли къ рѣшительной мѣрѣ, которую досихъ-поръ приберегали на случай: Пеймъ, призвавъ страхъ на помощь мщению, донесъ о заговорѣ двора и офицеровъ, имѣющемъ цѣлью вооружить армию на парламентъ⁵. Нѣкоторые изъ указанныхъ имъ лицъ бѣжали: это подтвердимо подозрѣніи. Ужасъ и бѣшенство овладѣли палатой и народомъ. Положили запереть городскія ворота и вскрывать всѣ пись-

(¹) 1 мая 1641. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 754. — (²) Тамъ же, col. 755. — Whitelocke, стр. 43. — (³) По Уайтлоку, лордъ Монтгомери. Тамъ же. — (⁴) 3 мая 1641. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 778. — (⁵) Тамъ же, col. 776.

ма, приходящія въ городъ¹. Разные нелѣпные слухи усилили волненіе умовъ. Въ Сити распространилась молва (5 мая 1641), что подъ залой нижней палаты сдѣланъ подкопъ и что она каждую минуту можетъ взлетѣть на воздухъ. Народъ вооружился. Огромная толпа бросилась къ Вестминстеру. Сэръ Вальтеръ Эрль прибѣжалъ объявить о томъ палатѣ. Пока онъ говорилъ, Миддлтонъ и Мойль, замѣчательный по своей толщинѣ, быстро вскочили на ноги, чтобъ вслушаться въ его слова. Полъ затрещалъ. «Взрывъ! взрывъ!» закричали нѣкоторые изъ членовъ, бросаясь вонъ изъ залы, которую тотчасъ же наполнили толпы народа. Сцены подобнаго рода возобновлялись два раза въ теченіе восьми дней². Среди такихъ волненій, умно-придуманныя мѣры упрочивали власть нижней палаты и успѣхъ ея плановъ. Въ подражаніе шотландскому ковенанту, члены парламента составили союзъ для защиты протестантской религіи и гражданской свободы, подкрѣпивъ его присягою. Нижняя палата хотѣла даже, чтобъ всѣ граждане приняли въ немъ участіе; и когда лорды выразили свое несогласіе, она объявила, что всякій, кто откажется отъ союза, неспособенъ ни къ какой должности, ни къ церковной, ни гражданской³. Наконецъ, чтобъ отвратить на будущее время всякую опасность, былъ предложенъ билль, по которому настоящий парламентъ не могъ быть распущенъ безъ собственнаго его согласія⁴. Такая смѣлая мѣра не возбуждала почти никакого удивленія: предлогомъ ей была выставлена необходимость обезпечить займы, которые сдѣлались, какъ говорили, болѣе-затруднительными. Всеобщее распаленіе умовъ заглушало всякія возраженія. Лорды пытались измѣнить билль, но напрасно: верхняя палата проиграла битву. Судьи своею трусостью довершили ея поражение: они объявили, что, согласно съ буквой закона, преступленія Страффорда дѣйствительно составляютъ государственную измѣну⁵.

(¹) 11 мая 1641. *Parl. Hist.*, col. 788, 789. — (²) Тамъ же, т. II, col. 783, 788. — (³) Тамъ же, col. 778. — Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 382. — (⁴) 7 мая 1641. Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 161. — Whitelocke, стр. 43. — *Parliam Hist.*, т. II, col. 786, 787. — (⁵) Тамъ же, col. 737.

Билль *of attainder* былъ въ послѣдній разъ пущенъ на голоса. Тридцать-четыре лорда, присутствовавшіе при процессѣ, удалились изъ палаты; изъ остальныхъ двадцать-шесть подали голосъ въ пользу билля и девятнадцать противъ¹; недоставало только королевскаго согласія.

Карль еще противился, считая себя не въ силахъ вынести такое безчестіе. Онъ позвалъ Голлиза, родственника Страффорда, который, благодаря этому родству, не участвовалъ въ его обвиненіи. «Что намъ дѣлать, чтобъ спасти его?» спросилъ король съ отчаяніемъ. По мнѣнію Голлиза, Страффордъ долженъ былъ просить у короля отсрочки исполненія приговора, а король долженъ былъ лично представить эту просьбу палатамъ, обратясь къ нимъ съ рѣчью, которую Голлизъ сочинилъ тутъ же; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщавъ употребить всѣ усилія, чтобъ убѣдить своихъ друзей удовольствоваться однимъ изгнаніемъ графа. Условившись такимъ образомъ, они разстались. Говорятъ, попытки Голлиза уже достигли нѣкоторыхъ счастливыхъ результатовъ; но королева, и безъ того нелюбившая Страффорда, испугалась народныхъ возмущеній, со дня на день усиливавшихся, и, притомъ, боясь, вслѣдствіе предостереженія нѣкоторыхъ близкихъ къ ней людей, чтобъ Страффордъ, для спасенія своей жизни, не обаялся открыть все, что зналъ о ея интригахъ, пристала къ мужу съ своими подозрѣніями и опасеніями². Испугъ ея былъ такъ великъ, что она хотѣла бѣжать, сѣсть на корабль, возвратиться во Францію, даже дѣлала приготовленія къ отъѣзду³. Разстроенный слезами жены, не будучи въ силахъ рѣшиться на что-нибудь самъ, Карль созвалъ сперва тайный совѣтъ, а потомъ епископовъ. Только одинъ лондонскій епископъ, Джаксонъ, совѣтовалъ ему послѣдовать голосу совѣсти: всѣ остальные, и особенно епископъ линкольнскій, хитрый прелать, долгое время стоявшій въ оппозиціи ко двору—уговаривали его пожертво-

(¹) 7 мая 1641. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 737. — (²) Burnet, *Hist. de mon temps*, т. I, стр. 62—64, въ *Collection* г. Гизо. — (³) См. письмо французскаго министра, Монтреля, отъ 23 мая 1641, напечатанное Мазюромъ, въ его *Исторіи Революціи 1688 года*, т. III, стр. 422—428.

вать однимъ человѣкомъ для цѣлаго государства и свою человѣческую совѣсть принести въ жертву своей королевской совѣсти¹. Едва окончилось совѣщаніе, какъ королю подано было письмо отъ Страффорда (9 мая 1641). «Государь!» писалъ ему графъ «послѣ долгой и тяжелой борьбы, я принялъ единственное, приличное въ моихъ обстоятельствахъ рѣшеніе. Всякимъ частнымъ интересомъ должно жертвовать для счастья вашей священной особы и государства. Умоляю васъ принятіемъ этого билля устранить препятствіе къ благополучному миру между вами и вашими подданными. Мое согласіе, государь, оправдываетъ васъ предъ Богомъ лучше, нежели всякія человѣческія мѣры. Никакого дѣйствія нельзя назвать несправедливымъ, если оно относится къ тому, кто самъ хочетъ ему подвергнуться. Моя душа, готовая оставить тѣло, прощаетъ все и всѣмъ съ безконечною радостью. Прошу васъ объ одномъ: удостойте моего бѣднаго сына и его трехъ сестеръ такой же благосклонности (ни болѣе, ни мене), какой будетъ заслуживать ихъ несчастный отецъ, смотря по тому, будетъ онъ въ послѣдствіи найденъ виновнымъ или невиннымъ²».

На слѣдующій день государственный секретарь, Карльтонъ, пришелъ къ Страффорду отъ имени короля объявить, что онъ согласенъ на роковой билль (10 мая 1641). Нѣкоторое удивленіе показалось въ глазахъ графа, и, вмѣсто всякаго отвѣта, онъ, поднявъ руки къ небу, произнесъ: *Nolite confidere principibus et filiis hominum, quia non est salus in illis!*³

Вмѣсто того, чтобъ, по своему обѣщанію, самому явиться въ парламентъ, король ограничился письмомъ, которое послалъ туда (11 мая) съ принцемъ валлійскимъ. Письмо это оканчивалось слѣдующимъ *post-scriptum*: «Если онъ долженъ умереть, то парламентъ оказалъ бы ему великую милость, отложивъ казнь его до субботы». Парламентъ два раза перечиталъ это письмо и, не обративъ вниманія на холодную просьбу короля, назначилъ казнь на слѣдующій день.

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 154—156. — *Mémoires de Warwick*, стр. 145. — (²) *State-Trials*, т. III, col. 1516—1517. — (³) Whitelocke, стр. 44.

Губернаторъ Тоуэра, которому поручено было сопровождать Страффорда (12 мая 1641), предлагалъ ему взять карету, чтобъ избѣгнуть оскорбленій со стороны народа. «Не нужно» отвѣчалъ графъ: «я не боюсь смотрѣть въ глаза смерти и народу. Я не уйду — будьте покойны, а отъ руки ли палача умереть, или отъ ярости народа — для меня рѣшительно все-равно». И онъ пошелъ пѣшкомъ впереди конвола, поводя вокругъ себя глазами, какъ начальникъ, идущій впереди своихъ солдатъ. Проходя мимо тюрьмы Лода, Страффордъ остановился; наканунѣ онъ просилъ архіепископа стоять у окна и благословить его въ минуту шестива. «Милордъ» сказалъ графъ, поднявъ голову: «вашего благословенія и молитвъ!» Архіепископъ протянулъ къ нему руки, но, не столь твердый духомъ и обезсиленный лѣтами, упалъ безъ чувствъ. «Прощайте, милордъ» сказалъ Страффордъ, удаляясь: «да защититъ Господь вашу невинность!» Достигнувъ эшафота, графъ тотчасъ взошелъ на его ступени въ сопровожденіи брата, священнослужителей и нѣсколькихъ друзей, опустился на минуту на колѣни, потомъ всталъ и обратился къ народу. «Желаю этому королевству» сказалъ онъ «всякихъ земныхъ благъ. Счастіе отечества было цѣлію моея жизни; оно остается единственнымъ моимъ желаніемъ передъ смертью. Но умоляю каждого, кто слышитъ мои слова, подумать хорошенько, положи руку на сердце, должно ли писать начало государственной реформы кровавыми буквами — подумайте объ этомъ, воротясь домой. Дай Богъ, чтобы ни одна капля моея крови не пала ни на кого изъ васъ! Но я боюсь, что вы находитесь на худой дорогѣ.» Онъ снова сталъ на колѣни и съ четверть часа молился; потомъ, обратясь къ друзьямъ, простился съ каждымъ изъ нихъ, пожалъ каждому руку и, давъ имъ нѣсколько совѣтовъ, произнесъ: «Я почти все сказалъ; одинъ ударъ — и моя жена будетъ вдовой, мои бѣдныя дѣти — сиротами, мои бѣдные слуги — безъ господина. Господь да будетъ съ вами и со всѣми ими! Да будетъ онъ благословенъ!» прибавилъ графъ, раздѣваясь: «Скидаю платье съ такимъ же спокойствіемъ, какъ-будто ложась спать». Онъ позвалъ палача, простилъ его, помолится еще минуту, положилъ голову на плаху и самъ подалъ знакъ. Голова гра-

фа упала; палачъ показалъ ее народу, закричавъ: «God save the King!» Раздались страшные вопли; однѣ толпы разсѣялись по городу, дикими криками торжествуя свою побѣду; другія молчаливо удалились, съ сомнѣніемъ и безпокойствомъ размышляя о томъ, справедлива ли была казнь, совершившася передъ ихъ глазами ¹.

Недовольная такимъ впечатлѣніемъ, нижняя палата употребила всѣ свои усилія, чтобы подавить его. Ничто такъ не раздражаетъ побѣдителей, какъ сознаніе, что врагъ, хотя и мертвый, все-таки опасенъ. М. Тэйлоръ, который въ одномъ частномъ разговорѣ сказалъ, что мечомъ правосудія было совершенно душегубство, былъ сосланъ въ Тоуэръ и выключенъ изъ палаты съ тѣмъ, чтобы его впредь туда не принимать ². Лордъ Дигби издалъ свою рѣчь противъ билля *of attainder*; палата запретила продажу этой рѣчи и велѣла сжечь ее рукою палача ³. Никогда власть нижней палаты не казалась такъ обширна и прочна; согласившись на смерть графа, король принималъ также, почти безъ всякаго разсмотрѣнія, билль, лишившій его права распускать парламентъ безъ собственнаго его согласія. Впрочемъ, нижней палатѣ недоставало полной увѣренности въ себя: и чѣмъ болѣе возрастала ея власть, тѣмъ болѣе стремилась она къ тиранніи. Король, выдавъ ей Страффорда, унижилъ себя въ ея глазахъ, но не пересталъ быть для нея опасенъ; и вражда ихъ, усилившись, удвоила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и взаимное недовѣріе. Въ средѣ нижней палаты начала образовываться партія роялистовъ, отдѣльная отъ партіи двора. Пеймъ, Гэмденъ, Голмизъ принуждены были съ каждымъ днемъ тѣснѣе и тѣснѣе сближаться съ сектаторами, а этотъ союзъ не нравился даже самымъ жаркимъ друзьямъ свободы: «Къ-чему» говорили они «затруднять политическую реформу сомнительными вопросами? Въ дѣлѣ богослуженія и церковныхъ правилъ мнѣнія раздѣлены; противъ абсолютизма Англія ратуетъ единодушно: это единственный врагъ, котораго надо преслѣдовать безъ

(¹) *State-Trials*, т. III, col. 1521 и слѣд. — *Mémoires de Warwick*, стр. 146, въ *Collection* г. Гизо. — (²) 27 мая 1641. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 815. — (³) 13 июля 1641. Тамъ же, col. 754—882.

пошады ¹». Иногда эти совѣтники брали верхъ, и палата, принявшись за изслѣдованіе жалобъ народа, снова одушевлялась единствомъ. Уничтоженіе звѣздной палаты, сѣвернаго суда, церковной комиссіи и всѣхъ произвольныхъ судовъ было рѣшено окончательно, и король изъявилъ на него свое согласіе послѣ двухдневнаго колебанія (5 іюля 1641) ². Политическая реформа, по-крайней-мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она была задумана и желаемая, казалось, была окончена; но къ чему поведутъ письменные статуты этой реформы, если ихъ тотчасъ же отдать на охраненіе врагамъ ея? Нерѣшимость короля, слухи о заговорахъ, измѣны, замѣченные или предугадываемыя въ арміи и въ парламентѣ, возбуждали сильные опасенія; въ случаѣ потери власти, вожди нижней палаты боялись погибнуть вмѣстѣ съ дѣломъ, которое они защищали: чтобъ удержать ее, необходима была помощь народа, а народъ, преданный пресвитеріанамъ, также требовалъ своей доли въ торжествѣ. Тогда возобновились всякаго рода предложенія противъ церкви: шотландцы начали даже открыто требовать единства богослуженія въ обѣихъ націяхъ. Ихъ попытки не всегда удавались, а этотъ неуспѣхъ и затрудненія, возникшія въ парламентѣ отъ разногласія страстей и стремленій, придавали его дѣйствіямъ видъ нѣкоторой нерѣшимости и усталости, отъ которой многіе обѣщали себѣ отдыха. Но религіозная борьба завязывалась все жарче, сектаторы становились смѣлѣе; церковь съ каждымъ днемъ колебалась болѣе-и-болѣе. Даже въ верхней палатѣ, которая была самой надежной ея опорой, чувствовалась ея шаткость: лорды-палаты уже не были теперь упоминаемы, по старинному обычаю, отдѣльно, въ началѣ биллей; палатскій клеркъ ³, читалъ что-нибудь, становился спиной къ скамейкѣ епископовъ; въ публичныхъ церемоніяхъ свѣтскіе лорды присвоивали себѣ первое мѣсто ⁴. Эти явленія не ускользнули отъ вниманія пресвитеріанской партіи, и она безпрестанно возобновляла свои

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 223, 227, въ *Collection* г. Гизо. — (²) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 853—855. — (³) Секретарь палаты, *greffier*. — (⁴) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 410—411.

нападенія, управляя политическими реформаторами, которыхъ власть она поддерживала, и, несмотря на видимыя неудачи, съ каждымъ днемъ подвигалась къ своей цѣли.

Вдругъ король вспомнилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Шотландію, гдѣ исполненіе трактата о мирѣ, который вскорѣ долженствовалъ быть заключенъ, будто-бы требовало его присутствія. Въ то же время узнали, что королева, подъ предлогомъ поправленія своего здоровья, собиралась отправиться на континентъ. На пути короля находилась недовольная армія, а сношенія королевы съ континентомъ давно уже были заподозрѣны. Это двойное путешествіе, внезапное и одновременное, доставило подозрительности желаемую пищу. Подозрѣнія были основательны. Лишенный въ Лондонѣ силы и вліянія, окруженный бесполезными царедворцами или совѣтниками, которые сами дрожали отъ страха, Карль обратилъ взоры къ королевству своихъ отцовъ и къ самовластнымъ королямъ Европы. Въ Шотландіи, относительно церкви и гражданскаго управленія, онъ предполагалъ сдѣлать всевозможныя уступки, приобрести такимъ образомъ расположеніе народа и осыпать вельможъ милостями. Его путешествіе и разговоры не замедлили увеличить въ арміи число его приверженцевъ. Виды его на континентъ были менѣе-опредѣленны; однакожь, не замыслия и даже не предвидя войны, онъ искалъ уже денегъ и союзниковъ. Члены нижней палаты не выказали своихъ подозрѣній, но потребовали, чтобъ королева осталась въ Лондонѣ и чтобъ король благоволилъ отложить свое путешествіе на нѣсколько времени¹. Карль выразилъ нѣкоторое неудовольствіе, давъ замѣтить, что онъ находитъ это требованіе неосновательнымъ капризомъ. Чтобъ

(¹) 26 іюня 1641. Члены парламента не заблуждались, полагая, что съ этого времени король началъ искать себѣ опоры на континентѣ, а королева рѣшилась ѣхать во Францію съ тою же цѣлю; инструкціи и переписка Жана Монтрёйля, бывшаго тогда французскимъ министромъ-резидентомъ въ Шотландіи и Англіи, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. (См. въ *Приложеніяхъ*, № VI, нѣкоторыя изъ депешъ этого времени, найденныхъ въ архивахъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.)

показать, что онъ не придаетъ своему отвѣту никакой важности, онъ отослалъ членовъ палаты къ шотландскимъ комиссарамъ, которые, какъ онъ говорилъ, просили его поспѣшить отъѣздомъ, и къ самой королеви. Шотландцы охотно согласились на отсрочку; королева благосклонно общалась не оставляя Лондона¹. Успокоившись на минуту, члены нижней палаты стали дѣятельно требовать распущенія арміи, которое до этой минуты было умышленно замедляемо. Они письменными актами обезпечили войскамъ скорую уплату жалованья. Чтобъ исполнить обѣщаніе, усердные граждане плавили свое серебро; были предписаны новые займы, установлены новые налоги². Между-тѣмъ распущеніе арміи подвигалось небыстро, за недостаткомъ денегъ, а также и потому, что оно не нравилось многимъ офицерамъ³. Король тайнѣ радовался этому; нижняя палата снова впала въ безпокойство. Условленная отсрочка путешествія истекла. Палата требовала новой, но безъ успѣха⁴: король объявилъ, что непременно поѣдетъ. Думами просить назначенія регента, чтобы не остановилось теченіе дѣлъ въ государствѣ, но эта мысль осталась безъ всякихъ послѣдствій⁵. Король ограничился тѣмъ, что назначилъ графа Эссекса главнокомандующимъ на югѣ отъ р. Трента, и отправился 10 августа съ тайными надеждами, которыя прорывались въ тонѣ его рѣчи, но причины которыхъ никто не могъ разгадать.

Нижняя палата вскорѣ замѣтила, что въ отсутствіе короля она понапрасну теряетъ время въ нерѣшительныхъ и праздныхъ засѣданіяхъ. Ей гораздо-нужнѣе было наблюдать вблизи за своими противниками и подогрѣть въ провинціяхъ ревность своихъ приверженцевъ. Послѣ незначительныхъ двухнедѣльныхъ засѣданій, она рѣшилась отложить ихъ на нѣкоторое время⁶. Многіе изъ членовъ хотѣли заняться свои-

(¹) *Parliam. Hist.* т. II, col. 846, 851—852, 890. — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 206. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 841—843. Такса процентовъ займа, открытаго въ это время, была 10 на 100. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 209. — (⁴) 8 авг. 1641. *Parl. Hist.*, т. II, col. 897, 899. — (⁵) Тамъ же, col. 892. — (⁶) 27 авг. 1641. Отсрочка должна была продолжаться отъ 8 сент. до 20 октября. *Parl. Hist.*, т. II, col. 904.

ми дѣлами и немного отдохнуть; но вожди не дремали. Въ Шотландію былъ отправленъ, подъ руководствомъ Гэмдена, комитетъ для наблюденія за королемъ и охраненія интересовъ парламента¹. Другой комитетъ, многочисленный и облеченный обширною властью, засѣдалъ въ Вестминстерѣ въ этотъ промежуттокъ времени, свободный отъ засѣданій парламента; председателемъ въ этомъ комитетѣ былъ Пеймъ. Верхняя палата приняла такія же мѣры². Множество членовъ разсѣялось по графствамъ, пылая нетерпѣніемъ распространить между ними свои чувства и опасенія. Обѣ партіи, подъ видомъ перемирія, искали вдалекѣ новыхъ силъ, замышляя новыя битвы.

Ни въ англійской арміи, которую распускали, ни въ шотландской, которая возвращалась въ свое отечество, король не осмѣлился пробыть долго. Впрочемъ, его попытки къ сближенію съ солдатами, и особенно съ офицерами, были довольно открыты, такъ—что лордъ Голландъ, наблюдавшій за распусценіемъ арміи, успѣвши письменно выразить свое безпокойство графу Эссексу³, прибавивъ, что, возвратясь въ Лондонъ, онъ объяснитъ ему все подробнѣе. Прибывъ въ Эдмбургъ, Карлъ сдѣлалъ парламенту и шотландской церкви всѣ уступки, какихъ они просили: трехгодичные парламенты, отмененіе древнихъ преимуществъ короны, преслѣдованіе главныхъ противниковъ ковенанта, даже участіе парламента въ составленіи тайнаго совѣта—все было принято королемъ. Съ важностью, которая вовсе не походила на угодливость, присутствовалъ онъ при богослуженіи пресвитеріанъ, постоянно посѣщалъ ихъ частыя молебствія, внимательно слушалъ ихъ длинныя проповѣди; всѣ вожди ковенанта, кто бы они ни были—міряне или духовенство, горожане или дворяне—пользовались особеннымъ его благоволеніемъ; онъ расточалъ имъ титулы, мѣста, обѣщанія, награды.

(¹) Тамъ же, т. II, col. 902. Этотъ комитетъ былъ составленъ изъ шести членовъ: графа Бетфорда, лорда Гауэрда (Howard), сэра Уильяма Армина, сэра Филиппа Стэйлтона, Натаніэля Файнниса (Fiennes) и Гэмдена. — (²) Тамъ же, т. II, col. 910. — (³) 16 авг. 1631. Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 210.

Вдругъ по городу распространился слухъ¹, что двое вельможъ, пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ въ парламентѣ, Гамильтонъ и Арджайль, вышли изъ него вмѣстѣ съ своими друзьями и удалились въ замокъ Киппелъ, жилище графа Ланерка, брата Гамильтона, спасаясь отъ ареста и даже отъ насильственной смерти. Всѣ были чрезвычайно удивлены, обращались другъ къ другу съ вопросами, на которые никто не умѣлъ отвѣчать: что устало до такой степени бѣглецовъ? что побудило короля на такой поступокъ? Распространились нелѣпыя догадки. Карлъ жаловался на это съ гордостью, какъ на личную обиду, и требовалъ, чтобы Гамильтонъ былъ исключенъ изъ парламента, пока его честь не будетъ отомщена. Парламентъ, твердый, но осторожный въ своихъ дѣйствіяхъ, отказался отъ всякаго необдуманнаго рѣшенія и приказалъ нарядить слѣдствіе. Выслушавъ многочисленныхъ свидѣтелей, слѣдственный комитетъ голословно донесъ, что королю нѣтъ причинъ требовать удовлетворенія, а бѣглецамъ нѣчего бояться. Они возвратились въ парламентъ, не сказали ни слова о случившемся, точно также, какъ и Карлъ, и публика ничего болѣе не узнала.

Ни та, ни другая партія не хотѣли ей ничего сообщать; но для нихъ самихъ все разъяснилось. Въ ту самую минуту, когда король, имѣя въ виду вооружить Шотландію противъ Англии, дѣлалъ столько уступокъ, онъ замышлялъ погубить своихъ враговъ въ обоихъ королевствахъ. Будучи увѣренъ, что судьи не могли не признать измѣной переписку недовольныхъ англичанъ съ шотландскими ковенантерами, которая предшествовала нападенію шотландцевъ и, можетъ—быть, даже вызвала его, король явился въ Шотландію, желая лично удостовѣриться въ этомъ и надѣясь, по своему возвращенію въ Лондонъ, обратить противъ вождей нижней палаты то обвиненіе, котораго Страффордъ, предупрежденный ими, не успѣлъ даже высказать. Молодой и храбрый дворянинъ, нѣкогда преданный ковенанту, потомъ заслужившій:

(¹) Въ началѣ октябрия 1641.

благосклонность короля, графъ Монтрозъ¹, вызвался доставить ему желаемые документы. Полагаясь на его обѣщанія, Карлъ предпринялъ путешествіе; но, еще до прибытія его въ Эдмбургъ, шифрованное письмо, перехваченное Арджайлемъ, возбудило подозрѣнія шотландцевъ, и король засталъ Монтроза уже въ темницѣ. Воодушевленный опасностью и сгарая жаждой мщенія, графъ передалъ королю свое желаніе видѣться съ нимъ и указать ему настоящихъ его враговъ и ихъ прежнія козни. Черезъ посредство нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, Монтрозъ выбрался изъ тюрьмы, явился ночью въ комнату короля, передалъ ему все, что зналъ, обвинилъ Гамильтона и Арджайля, что они содѣйствовали интригамъ недовольныхъ, увѣрилъ короля, что въ ихъ бумагахъ найдетъ онъ всему этому доказательство, совѣтовалъ, наконецъ, схватить этихъ господъ и, если они будутъ противиться, отдѣлаться отъ нихъ. Склонный на необдуманныя рѣшенія, Карлъ не позаботился о впечатлѣніи, какое произведетъ такой насильственный поступокъ на умъ народа, который онъ старался расположить въ свою пользу, и согласился на все. Планъ этотъ былъ прикрытъ упомянутыми уступками, и все уже было готово, какъ вдругъ оба лорда, извѣщенные о немъ во-время, разрушили его, съ шумомъ выѣхавъ изъ города².

По совѣту умныхъ людей, шотландскій парламентъ замѣлъ это дѣло; онъ не предвидѣлъ болѣе опасностей и боялся, доведя борьбу до крайности, потерять пріобрѣтенныя имъ выгоды. Самъ король, чтобы скрыть свои намѣренія и ихъ неудачу, далъ Гамильтону титулъ герцога, Арджайлю — маркиза; Лесли былъ названъ левенскимъ графомъ. Но Гэмденъ и англійскій комитетъ, которымъ все было хорошо извѣстно, успѣли уведомить объ этомъ лондонскій парламентъ, ва-

(¹) Джэксъ Грэгэмъ, графъ Монтрозъ (Mountross), род. въ Эдмбургъ, въ 1612.—(²) *Hardwicke's State-Papers*, т. II, стр. 299.—Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 224 и слѣд.—Burnet, *Memoires of the Hamiltons*, стр. 148-171.—*Baillie's Letters*, т. I, стр. 320, 327, 330-332.—Malcolm Laing, *Hist. of Scotland*, т. III, стр. 228 и слѣд. и прим. 8, стр. 547—555. Brodie, *Hist. of the British empire*, etc., т. III, стр. 142—156.

кантное время котораго подходило къ концу. Партія пришла въ ужась¹: несмотря на свою подозрительность, она не предвидѣла такихъ опасностей и считала свои прежнія сношенія съ шотландскими инсургентами и самое возмущеніе подлежащими полной амнистіи, вслѣдствіе послѣдняго мирнаго договора. При такомъ проявленіи упорной мстительности въ король, даже умѣренные люди почувствовали себя въ такомъ положеніи, котораго уже нельзя было поправить. Гайдъ, встрѣтивъ лордовъ Эссекса и Голланда, которые съ серьезнымъ видомъ толковали о случившемся, сталъ смѣяться надъ ихъ опасеніями и напомнилъ имъ, что думали они сами, годъ назадъ, объ Арджайлѣ и Гамильтонѣ. «Съ-тѣхъ-поръ все очень измѣнилось», отвѣчали они: «и дворъ и народъ²». Въ самый день собранія (20 окт. 1641) нижняя палата потребовала отъ графа Эссекса охранной стражи, говоря, что она становится необходима для безопасности парламента. Стража была дана. На совѣщаніяхъ, бывшихъ у лорда Голланда въ Кенсингтонѣ, вожди обѣихъ палатъ, сообщивъ другъ другу подозрѣнія и полученныя каждымъ изъ нихъ свѣдѣнія, совѣщались о томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать; всѣ они были встревожены, и эта тревога заставляла ихъ рѣшаться на все. «Если король» сказалъ лордъ Ньюпортъ, «замышляетъ противъ насъ такіе заговоры, то жена и дѣти его въ нашихъ рукахъ³». И ихъ опасенія были тѣмъ болѣе сильны, что они не смѣли воспользоваться ими для возмущенія народа; въ Шотландіи ничего не вышло наружу, въ Лондонѣ и подавно нельзя было ничего раскрыть.

Среди этого глухаго волненія пришло (1 нояб. 1641) неожиданное извѣстіе, что въ Ирландіи повсемѣстно совершаются убійства, вслѣдствіе страшнаго всеобщаго возстанія, которое угрожаетъ протестантской религіи и парламенту величайшею опасностью. Ирландскіе католики, вожди и народъ мятежно требуютъ возвращенія свободы своей религіи и своего отече-

(¹) *Evelyn's Memoirs*, т. II, Appendice, стр. 40, 46. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 914—915.—(²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 226.—(³) *Partiam. Hist.*, т. II, col. 984. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 220—221.

ства; именовъ королевы и самого короля, отъ котораго, какъ говорили они, имѣютъ тайное порученіе, они явно высказываютъ свое намѣреніе освободить себя и престоль отъ англійскихъ пуританъ, ихъ общихъ притѣснителей. Этотъ заговоръ, давно уже веденный тайно во всемъ королевствѣ, былъ случайно открытъ только въ Дублинѣ, наканунѣ (22 окт. 1641) дня, назначеннаго для приведенія его въ дѣйствіе. Едва успѣли спасти отъ него главный правительственный пунктъ. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ пламя мятежа разлилось безпрепятственно: вездѣ ирландскіе протестанты были захвачены врасплохъ; ихъ выгоняли изъ ихъ имѣній, преслѣдовали, рѣзали, подвергали всякимъ истязаніямъ, какія только могла изобрѣсть религіозная ненависть патриотовъ противъ еретиковъ, чужеземцевъ и тирановъ. Разказы о ихъ бѣдствіяхъ приводили въ ужасъ и жалость: говорили о безчисленныхъ убійствахъ, о неслыханныхъ мученіяхъ. Зло дѣйствительно было таково, что никакое преувеличеніе, сдѣланное подъ вліяніемъ страха, или какихъ-нибудь личныхъ видовъ, не могло показаться невѣроятнымъ¹. Народъ полудикій, но страстно-привязанный къ тому варварскому состоянію, которое ему ставили въ упрекъ его притѣснители, мѣшал, однакожь, ему выйти изъ него, съ жаромъ схватился за эту надежду къ освобожденію, которую ему подавали ихъ раздоры. Желая въ одинъ день отмстить за вѣковыя обиды и страданія, онъ съ радостью и

(¹) Мэй (*Hist. du Long Parlement*, т. I, стр. 236—250, въ *Collection* г. Гизд. считаетъ до двухсотъ тысячъ убитыхъ протестантовъ; Кларендонъ уменьшаетъ его до сорока или пятидесяти тысячъ (*Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 227). Судя по письмамъ судей, управлявшихъ тогда Ирландіей, и по слѣдствію, которое произведено было по этому дѣлу въ 1644; можно полагать, что и это послѣднее число еще преувеличено. Впрочемъ, это слѣдствіе, которое Лингардъ (*Hist. of Engl.*, т. X, прим. А, стр. 463—469) почитаетъ рѣшительнымъ, не заслуживаетъ никакого вѣроятія: оно произведено три года спустя послѣ событія, и притомъ въ такое время, когда партія роллистовъ безусловно господствовала въ Ирландіи и только-что заключила миръ съ католиками; очевидно, она старалась, по-возможности, скрыть неистовства инсургентовъ и страданіе протестантовъ, и такимъ-образомъ обвинить союзъ, въ который король хотѣлъ вступить.

гордостью отдавался тѣмъ неистовствамъ, которыя приводили въ ужасъ его давнихъ властителей. У англійскаго правительства не было никакихъ средствъ бороться съ нимъ: парламентъ, по чувству ненависти къ Страффорду и къ королевской власти, занятый исключительно мыслью утвердить въ Англіи свободу, забывалъ, что онъ въ то же время хотѣлъ поддержать тираннію въ Ирландіи. Казна была истощена; военное положеніе уничтожено; вся армія состояла изъ одного незначительнаго корпуса; власть королевская обезоружена; даже, въ противность воли короля, запрещено было распущеннымъ ирландцамъ переходить въ иностранную службу¹, и, распространившись по государству, они увеличили собою силы мятежниковъ; наконецъ, хотя графъ Лейстеръ назначенъ былъ на мѣсто Страффорда, однакожь въ Ирландіи еще не было на-лицо новаго вице-короля и дѣла были поручены двумъ судьямъ², людямъ неспособнымъ, не пользовавшимся довѣріемъ и получившимъ эту трудную должность единственно вслѣдствіе своей пресвитеріанской ревности.

Крики ужаса и ярости противъ папизма поднялись по всей Англіи. Ни одинъ протестантъ не считалъ себя безопаснымъ. Когда эти вѣсти дошли до короля, находившагося въ Шотландіи, онъ поспѣшилъ увѣдомить палаты о тѣхъ мѣрахъ, какія онъ принималъ, съ помощью шотландцевъ, къ подавленію мятежа, отдавая, впрочемъ, все это дѣло въ руки парламента³. Карлъ не былъ причастенъ этому возмущенію, и мнимое порученіе, которое выставилъ на-видъ сэръ Фелимъ О'Нель, была грубая ложь. Но всѣмъ извѣстная ненависть его къ пуританамъ, довѣріе, которое онъ не разъ показывалъ къ католикамъ, интриги, которыя онъ уже три мѣсяца поддерживалъ въ Ирландіи, чтобы обезпечить тамъ для себя, на случай нужды, укрѣпленныя мѣста и войско⁴, наконецъ, обѣ-

(¹) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 381. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 196. — (²) Уильяму Парсонсу и Джону Борлесу. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 229. — (⁴) Carle, *Life of Ormond*, т. I, стр. 132; т. III, стр. 30, 33. — Clarendon, *State-Papers*, т. II, стр. 337. — *Antrim's Information*, въ приложеніяхъ къ

щанія королевы—все это убѣждало ирландцевъ въ томъ, что они могутъ дѣйствовать именемъ короля, не опасаясь искренняго неодобренія съ его стороны. Лишь только вспыхнуло возстаніе въ Ирландіи, Карлъ уже льстилъ себя надеждою, что предстоящая опасность сдѣлаетъ парламентъ сговорчивѣе. Онъ не поддерживалъ бунтовщиковъ, не замышлялъ съ ними скорого союза, но и на возстаніе ихъ смотрѣлъ безъ негодованія и ужаса, какой они возбуждали въ его народѣ, не спѣшилъ усмирять ихъ. Онъ предоставилъ дѣло парламенту съ тѣмъ, чтобы на него свалить и всѣ послѣдствія, отклонить отъ себя подозрѣніе въ соучастіи, а, можетъ—быть, также и для того, чтобы снять съ себя, въ глазахъ своихъ католическихъ подданныхъ, отвѣтственность за тѣ жестокости, которыми они могутъ подвергнуться впоследствии.

Но никакой хитрости не совладать съ народными страстями, и кто не хочетъ служить имъ, не обманетъ ихъ. Вожди нижней палаты, болѣе—искусные и поставленные въ болѣе—выгодное положеніе, старались только употребить ихъ въ свою пользу. Безпокойство ихъ исчезло, ибо народъ англійскій думалъ, что онъ подвергается такой же опасности, какъ и они. Поспѣшно захвативъ власть, предложенную имъ королемъ, они мало заботились о прекращеніи мятежа, несмотря на ихъ торжественныя объявленія и строгія угрозы; помощь войскомъ и деньгами, посылаемая въ Ирландію, была недостаточна, производилась медленно, недружно; всѣ ихъ рѣчи, всѣ ихъ акты обращались къ одной Англій, и наконецъ они положили, мѣрою столько же рѣшительною, сколько и неожиданною, безвозвратно запутать Англійю въ свои интересы.

Вскорѣ по открытіи парламента, поручено было особому комитету приготовить генеральную ремонстрацію, въ которой были бы изложены всѣ государственныя злоупотребле-

History of the Irish rebellion, Кларендона. Впрочемъ, свидѣтельство Антрима, особенно касательно подробностей, не заслуживаетъ, по моему мнѣнію, того вѣроятія, какое приписываютъ ему Лингардъ (*Hist. of Engl.*, т. X, стр. 150—154) и Годуинъ (*Hist. of Commonwealth*, т. I, стр. 220—225).

нія и средства поправить ихъ. Но реформа произошла такъ быстро, что не подумали даже придать этой жалобѣ достаточную торжественность; большая часть неудовольствій, крайней—мѣрѣ политическихъ, исчезла; комитетъ не занимался болѣе своимъ назначеніемъ; казалось, всѣ уже забыли и думать объ этомъ.

Вдругъ комитетъ получилъ повелѣніе возобновить работу и представить ее немедленно¹. Въ нѣсколько дней ремонстрація была составлена и представлена палатѣ; но ужъ это было не то, что предполагалось прежде: не изложеніе дѣйствительныхъ, вопіющихъ злоупотребленій и единодушныхъ желаній народа, но мрачная картина прошедшихъ золъ, старыхъ злоупотребленій, всѣхъ несправедливостей короля, всѣхъ заслугъ парламента, препятствій, которыя онъ преодолѣлъ, опасностей, которымъ онъ подвергался, въ—особенности же тѣхъ, которыя угрожали ему впереди и требовали отъ него отчаянныхъ усилій—родъ воззванія къ народу, особенно къ пресвитеріанскимъ фанатикамъ, которые, возжигая страсти народа, пробужденныя ирландскимъ бунтомъ, призывали его безусловно предаться нижней палатѣ, говоря, что только одна она можетъ спасти его отъ папизма, епископовъ и короля.

При первомъ чтеніи проекта поднялся сильный ропотъ: такой неприязненный актъ, неоправдываемый никакими общественными побужденіями, безъ всякой прямой и видимой цѣли, возбудилъ удивленіе и подозрѣніе во многихъ членахъ, которые до—тѣхъ—поръ были мало расположены къ двору. Они жаловались на горечь выраженій, на это безполезное негодованіе противъ злоупотребленій, уже несуществующихъ, на грубое обращеніе къ королю, на тѣ надежды, которыя подавались сектаторамъ. Какія же это скрытыя намѣренія, невѣдомыя опасности, требующія такихъ сильныхъ мѣръ? Если эта ремонстрація назначается только для короля, какого добра можно ожидать отъ нея? Если же

(¹) Въ началѣ ноября 1641. Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 231.

она обращена къ народу, то по какому праву дѣлается подобная апелляція? Вожди партій отвѣчали немного, потому что не могли сказать всего, но усердно старались приобрести голоса, объявляя, что они хотѣли только пострадать дворъ, разоблачить его интриги, и что ремонстрація не будетъ обнародована.

Такого рода рѣчь произвела свое дѣйствіе, ибо взаимное недобвѣріе было такъ глубоко, что люди, во всякомъ другомъ случаѣ умѣренные, поддавались ему, какъ-скоро оно выражалось осторожно и кротко. Спустя нѣсколько дней (21 нояб. 1641), въ ту самую минуту, когда палата, послѣ продолжительнаго засѣданія, уже готова была разойтись, вожди потребовали, чтобы ремонстрація немедленно отдана была на голоса; они сосчитали себя и были увѣрены въ успѣхѣ; но лордъ Фоклендъ, Гайдъ, Кольпепперъ, Пальмеръ воспротивились этому, предлагая настоятельно отложить дѣло до завтра, и палата охотно согласилась. «Почему же» спросилъ Кромвель Фокленда «вы такъ желаете этой отсрочки?» — «Потому, что теперь уже поздно, а дѣло не обойдется безъ преній». — «Преніе будетъ недлинно», возразилъ Кромвель съ искреннею или притворною увѣренностью. На другой день засѣданіе открылось въ три часа пополудни: уже наступила ночь, а пренія, казалось, только-что начинались. Здѣсь предсталъ уже не дворъ предъ лицомъ народа—здѣсь сходились въ первый разъ двѣ партіи, если не одинаково-народныя, по-крайней-мѣрѣ вышедшія изъ среды одной націи; обѣ онѣ опирались на общественные интересы и чувства; та и другая могли выставить добрыхъ и независимыхъ гражданъ; ихъ соединяли общія надежды, ихъ раздѣляли противоположныя опасенія; каждая изъ нихъ хорошо предвидѣла будущность, соединенную съ торжествомъ противной партіи, но плохо сознавала, къ чему можетъ повести ея собственная побѣда; онѣ боролись съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ и были тѣмъ болѣе упорны, что еще должны были щадить другъ друга и не смѣли явно обвинять одна другую на основаніи своихъ подозрѣній. Время уходило; слабыхъ, равнодушныхъ и стариковъ усталость гнала уже вонъ; даже королевскій министръ, государственный секретарь, Никласъ, оставилъ палату, не

дождавшись конца преній. «Это будетъ» сказалъ сэръ Бенджаминъ Рудбердъ «приговоръ проголодавшихся присяжныхъ». Наконецъ, около полуночи, рѣшились собирать голоса. Ремонстрація была принята 159 голосами противъ 148. Гэмденъ тотчасъ же встаетъ и требуетъ ея напечатанія. «Мы знаемъ» кричали ему «вы хотите возмутить народъ и освободиться отъ содѣйствія лордовъ». — «Не въ обычай палаты» сказалъ Гайдъ «обнародовать такимъ образомъ свои акты. По моему мнѣнію, это рѣшеніе незаконное и будетъ гибельно. Если оно будетъ принято, позвольте мнѣ протестовать». — «Протестую!» кричалъ Пальмеръ. «Протестую, протестую!» кричали, вслѣдъ за нимъ, друзья его. На другой сторонѣ удивляются, негодуютъ; говорятъ, что такой образъ дѣйствій употребителенъ только у лордовъ, а вовсе-несвойственъ нижней палатѣ. Пеймъ начинаетъ браню; онъ настаиваетъ—ему отвѣчаютъ угрозами. Вся палата поднялась; многие члены, ухватясь за шпаги, казалось, готовы были начать междоусобную войну въ самомъ парламентѣ. Проходить два часа; смутеніе возрождается при каждой попыткѣ остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи. Наконецъ Гэмденъ кротко и съ достоинствомъ жалуется на этотъ унижительный беспорядокъ, предлагаетъ закрыть засѣданіе и отложить окончательное рѣшеніе до слѣдующаго дня. Расходятся. «Ну, что» сказалъ, выходя, лордъ Фоклендъ Кромвелю: «было ли преніе?» — «Въ другой разъ я буду вамъ вѣрить» отвѣчалъ Кромвель и прибавилъ ему на-ухо: «еслибъ ремонстрація была отвергнута, я завтра же продалъ бы все свое имущество и навсегда оставилъ бы Англію; я знаю многихъ честныхъ людей, которые сдѣлали бы то же самое!»

Вечернее засѣданіе было довольно-тихо: роялисты отчаялись въ побѣдѣ, а ихъ противники, видя, что она и для

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 246—250. — *Mémoires de Warwick*, стр. 168, въ *Collection* г. Гизо. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 255—259; тамъ же, Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 425—428. — Whitelocke, стр. 49.

нихъ непрочно, не искали уже новой битвы; они объявили, что будутъ преслѣдовать виновниковъ протеста; но Гайдъ имѣлъ между ними друзей, которые отказались выдать его. Пальмеръ, заключенный въ Тоуэръ, почти тотчасъ же былъ выпущенъ. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, ссора прекратилась. Большинствомъ двадцати-трехъ голосовъ рѣшено было обнародовать ремонстрацію¹. Но надо было прежде представить ее королю, котораго ожидали со дня на день.

Онъ возвратился (25 нояб. 1641) гордый, самоувѣренный, несмотря на то, что испыталъ неудачу въ Шотландіи и зналъ уже о новомъ ожесточеніи парламента. По всей дорогѣ, особенно въ Йоркѣ, его принимали съ шумными изъявленіями любви и радости. Уступки его шотландцамъ во многихъ мѣстахъ приводили народъ въ восхищеніе; о его тайныхъ интригахъ не знали, или мало понимали ихъ. Притомъ, въ народѣ и въ палатахъ образовалась партія роллистовъ, которая громко высказывала свои чувства. Лондонское Сити также не осталось равнодушнымъ. Друзья короля настояли на избраніи новаго лорда-мера, Ричарда Горни, челоуѣка дѣятельнаго, мужественнаго, преданнаго, который приготовилъ королю самый блистательный приемъ. Толпа гражданъ, верхами, въ вооруженіи, съ распущенными знаменами цеховъ, вышла ему на встрѣчу и съ кликами провожала до дворца Уайт-галь. Король, въ свою очередь, далъ имъ великолѣпный пиръ, почтилъ лорда-мера и многихъ альдерменовъ званіемъ кавалеровъ² и на другой же день послѣ своего пріѣзда, спѣша показать нижней палатѣ, что онъ считаетъ себя сильнымъ, отнялъ у нея охранительную стражу, учрежденную, въ его отсутствіе, графомъ Эссексомъ для ея безопасности (26 нояб. 1641)³.

Дѣла принимали другой видъ: единодушный порывъ всего королевства уступалъ мѣсто борьбѣ партій, реформа—рево-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 250. — *Parliam. Hist.*, т. II, col. 937. — (²) Rushworth, ч. т. I, стр. 429—434. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 253, въ *Collection* г. Гизо. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 267. — Whitelocke, стр. 48. — *Evelyn's Memoirs*, приложение, т. II, стр. 79. — (³) *Parl. Hist.*, т. II, col. 940.

люціи. Вожди партій поняли это, и поведеніе ихъ вдругъ измѣнило характеръ. Ремонстранція была представлена королю (1-го дек. 1641); онъ терпѣливо выслушалъ ее; потомъ сказалъ, обращаясь къ комитету: «Палата намѣрена обнародовать эту ремонстрацію?» — «Мы не уполномочены отвѣчать на вопросы вашего величества.» — «Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, и вы не будете ожидать отъ меня немедленнаго отвѣта; я его пришлю вамъ такъ скоро, какъ только мнѣ позволитъ важность этого дѣла¹.» Но вожди нижней палаты не поглядѣли на это; ничего не дожидаясь, они вдругъ обнаружили такія намѣренія, какихъ не предполагала даже и ремонстрація. До сего времени они исправляли злоупотребленія, зывали къ старымъ законамъ—теперь они стали провозглашать новые принципы и повелительно требовали нововведеній. Было преніе о биллѣ насчетъ набора войскъ, назначаемыхъ въ Ирландію; пренію они предпослали предварительную статью такого рода: «ни въ какомъ случаѣ, кромѣ вторженія чужеземцевъ, король не можетъ предписывать *принудительнаго* набора своихъ подданныхъ въ военную службу, ибо это право несомвѣстно съ свободою гражданъ²». Предложенъ былъ другой билль о томъ, что образованіе милиціи и назначеніе ей начальниковъ должно на будущее время происходить только при содѣйствіи и согласіи парламента³. За нѣсколько дней предъ возвращеніемъ короля, составленъ и принятъ былъ, подъ вліяніемъ пресвитеріанъ, билль, исключавшій духовныхъ изъ всѣхъ гражданскихъ должностей; но лорды медлили утверженіемъ его. Члены нижней палаты съ негодованіемъ жаловались на это. «Мы» говорили они «представители всего королевства; перы же не болѣе, какъ особы, облеченныя просто личнымъ правомъ. Если ваши свѣтлости откажете въ своемъ согласіи на акты, необходимыя для блага народнаго, то представители общинъ, сое-

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 942—943. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 273 и слѣд. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 969. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 235, въ *Collection* г. Гизо. — (³) 7 декабря 1641. May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 297. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 280—284.

дился съ тѣми изъ лордовъ, которые болѣе показываютъ сочувствія къ положенію народа, обратятся одни къ его величеству» (23 окт. 1641)¹. И лорды, расположенные къ народной партіи: графы Нортумберлендъ, Эссексъ, Уорвикъ, одобрили такой языкъ². Въ палатѣ, партія съ тѣмъ же энтузіазмомъ собиралась вокругъ своихъ предводителей; ремонстрація была обнародована³. Сити объявило, что, принимая короля съ такою пышностью, граждане Лондона не думали этимъ измѣнять своимъ истиннымъ друзьямъ, что они хотятъ жить и умереть вмѣстѣ съ парламентомъ⁴. Жалоба подмастерьевъ раскрыла страданія промышленнаго класса, вмѣняя ихъ въ вину папистамъ, епископамъ, дурнымъ совѣтникамъ⁵. Въ графствахъ составлялись союзы на защиту свободы и вѣры. Со всѣхъ сторонъ стремились поддержать нижнюю палату. Дурные слухи вызывали на новыя доказательства расположенія въ ея пользу: то жизнь Пейма была въ опасности, то мятежники ирландскіе готовили вторженіе въ Англію. Основываясь на какомъ-нибудь таинственномъ посѣщеніи, на какомъ-нибудь словѣ, подслушанномъ на улицѣ, доносили о заговорахъ; давали явныя присяги въ преданности союзу, и между-тѣмъ, какъ палата ежедневно требовала себѣ охранной стражи, ей замѣняла стражу толпа народа, съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе сгущавшаяся около Вестминстера и громко кричавшая объ общей опасности.

Въ отпоръ этимъ столь смѣлымъ притязаніямъ, поддерживаемымъ такими бурными страстями, Карлъ спѣшилъ, съ своей стороны, соединить всѣхъ своихъ приверженцевъ: и тѣхъ, которые находили свои выгоды въ поддержаніи неограниченной власти, и тѣхъ, которые просто были вѣрными защитниками короля, несмотря на то, право или неправо было его дѣло; и гражданъ, боровшихся нѣкогда противъ тиранніи,

(¹) *Parl. Hist.*, т. II, col. 916. — (²) *Journal of the House of Commons*, 3 дек. 1641. — (³) 14 сент. 1641, *Parl. Hist.*, т. II, col. 970. — (⁴) *May, Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 260, въ *Collection* г. Гизо. — (⁵) *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 286. — *Rushworth*, ч. 3, т. I, стр. 462.

но которые опять стали на сторонѣ короны, испугавшись нововведеній и крайностей. Эти граждане почти одни составляли въ нижней палатѣ возникшую партію роялистовъ. Во главѣ ихъ стояли лордъ Фоклендъ, Гайдъ и сэръ Джонъ Кольепперъ; ихъ-то рѣшился привязать къ себѣ Карлъ.

Еще до путешествія въ Шотландію, онъ имѣлъ съ Гайдомъ тайныя свиданія, и Гайдъ почтительнымъ благоразуміемъ своихъ совѣтовъ, своимъ отвращеніемъ ко всѣмъ нововведеніямъ, особенно же преданностью церкви, пріобрѣлъ его довѣріе¹. Лордъ Фоклендъ менѣе нравился ему: онъ презиралъ дворъ, мало уважалъ короля, не сближался съ нимъ даже послѣ разрыва съ нововводителями и ратовалъ противъ послѣднихъ скорѣе изъ чувства справедливости, нежели изъ желанія поддержать власть, которой грозила опасность. Карлъ боялся его и чувствовалъ себя какъ-то неловко въ его присутствіи; но дѣлать было нечего. Гайдъ, ближайшій другъ Фокленда, взялся уговорить его. Фоклендъ сначала отговаривался; его мнительная добродѣтель удаляла его отъ виновниковъ революціи, но его правила, его желанія, порывы его нѣсколько-мечтательнаго воображенія постоянно возвращали его къ друзьямъ свободы. Онъ ставилъ на видъ свою антипатію къ двору, свою неспособность служить ему, свое твердое намѣреніе не употреблять никогда лжи, подкуповъ, шпіонства—«средствъ полезныхъ, быть-можетъ необходимыхъ» говорилъ онъ, «но которыми я никогда себя не замараю». Карлъ настаивалъ, хотя эта необходимость заискривать въ своемъ подданномъ и возмущала его, затрогивала его самолюбіе. Гайдъ представлялъ Фокленду, какой огромный вредъ нанесетъ королю его отказъ. Фоклендъ уступилъ убѣжденіямъ, уже заранѣе падалъ духомъ, какъ жертва послушанія, недоушевляемаго ни привязанностью, ни надеждой. Онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Кольепперъ, пользовавшійся гораздо-меньшимъ вліяніемъ, но отличавшійся смѣлостью и изобрѣтательностью ума во время преній, сдѣланъ канцлеромъ казначейства. Только Гайдъ, несмотря на

(¹) *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 122, въ *Collection* г. Гизо.

желаніе короля, упорно отказывался отъ всякой должности— не изъ страха, но изъ расчета: онъ находилъ, что можетъ оказать королю больше услугъ, сохраняя вышнюю независимость своего положенія. Такимъ-образомъ три друга приняли на себя управление дѣлами короля въ палатѣ, и Карлъ общалъ ни на что не рѣшаться безъ ихъ совѣта¹.

Въ то же время со всѣхъ сторонъ королевства стекались къ нему и другіе слуги, не столько полезные, но болѣе-ревностные, чтобъ защищать честь и жизнь короля, которымъ, по ихъ словамъ, угрожалъ парламентъ. Несмотря на упадокъ феодальнаго правленія, чувства, имъ порожденные, еще одушевляли многихъ дворянъ. Живя безопасно въ своихъ замкахъ, не привыкши къ размышленію и спорамъ политическимъ, они презирали этихъ мѣщанъ, умниковъ и говоруновъ, которымъ мрачная ихъ религія запрещала вино, игры, удовольствія «старой Англій», и которые мечтали управлять королемъ, между-тѣмъ, какъ ихъ отцы не имѣли даже чести служить ему. Гордясь воспоминаніями о своей собственной независимости, они не думали о новыхъ потребностяхъ общественной свободы. Подобно народу, они роптали прежде на дворъ и на тираннію; но теперь, послѣ столькихъ уступокъ со стороны государя, дерзкое упорство нововводителей казалось возмутительнымъ для ихъ недалковидности и вѣрноподданческаго чувства. Они прибывали въ Лондонъ вооруженные, гордо обходили таверны, улицы, и часто являлись въ Уайт-галл предлагать королю свои услуги, добиваясь въ то же время какой-нибудь милости и для себя. Тамъ къ нимъ присоединялись другіе люди, привлекаемые преданностью менѣе-чистою и еще болѣе слѣпою, уволенные отъ службы офицеры, которыхъ распушеніе арміи оставило безъ жалованья и безъ должности, болѣею-частью проходимцы, получившіе свое военное образованіе въ войнахъ континента, распутные, разолѣпные и дерзкіе, раздраженные противъ парламента, отнявшаго у нихъ мѣста, противъ народа, питавшаго отвра-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 297 и слѣд. — *Mémoires*, т. I, стр. 129, въ *Collection* г. Гизо. — *Mémoires de Warwick*, стр. 162, тамъ же.

женіе къ ихъ правамъ, и готовые на все для всякаго вожда, который бы захотѣлъ употребить ихъ — на какое дѣло — это было для нихъ все-равно. Молодые юристы, темплъскіе студенты, пользовавшіеся отъ двора покровительствомъ, или алкавшіе принять участіе въ его удовольствіяхъ, или же думавшіе, что, принимая его сторону, они тѣмъ доказываютъ свое благородство и великосвѣтскость, увеличивали собой эту шумную и самонадѣянную толпу, ежедневно собиравшуюся вокругъ Уайт-галла; они ораторствовали противъ нижней палаты, оскорбляли ея приверженцевъ, расточали хвастливыя угрозы, насмѣшки, и съ нетерпѣніемъ ждали отъ короля, или судьбы, случая подвинуть впередъ свою карьеру, доказавъ притомъ и свою вѣрность¹.

Народная партія съ меньшимъ нетерпѣніемъ желала доставить имъ этотъ случай; ея сходбища становились каждый день многочисленнѣе и тревожнѣе. Толпы подмастерьевъ, рабочихъ, женщинъ, отправлялись по утрамъ изъ Сити въ Вестминстеръ, и когда они проходили передъ Уайт-галлемъ, крики: *долой епископовъ! долой лордовъ-папистовъ!* раздавались съ удвоенною яростью. По-временамъ они останавливались, и кто-нибудь изъ нихъ, ставъ на тумбу, читалъ толпѣ имена *печетивыхъ членовъ нижней палаты*, или *лордовъ, измѣнниковъ и подкупленныхъ*. Дерзость ихъ дошла до того, что они потребовали снятія карауловъ у воротъ дворца, потому-что они желали видѣть короля всякій разъ, какъ имъ вздумается². Скоро завязались жестокія распри; названія: *кавалеры* и *стриженныя головы* стали отличать одну партію отъ другой. Граждане сперва отвергли послѣднее прозвище, какъ оскорбительное, потомъ приняли его, какъ почетное³. Кавалеры, въ свою очередь, отъискивали своихъ враговъ около Вестминстера, чтобъ выказывать имъ свое презрѣніе, или чтобъ защищать роялистовъ, которые подвергались угрозамъ при вы-

(¹) *Mémoires de Ludlow*, т. I, стр. 27, въ *Collection* г. Гизо. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 293. — *May Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 279, въ *Collection* г. Гизо. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 986. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 296. — *Rushworth*, ч. 3, т. II, стр. 493.

ходъ изъ парламента. Народное раздраженіе преимущественно направлено было противъ верхней палаты, ибо тамъ все еще не послѣдовало окончательнаго рѣшенія по биллю объ исключеніи епископовъ. Архіепископъ йоркскій, Уильямъ, идя однажды пѣшкомъ въ палату, хотѣлъ-было собственно-ручно арестовать одного молодого человѣка, преслѣдовавшаго его оскорбленіями; толпа бросилась на епископа, и друзья съ большимъ трудомъ успѣли освободить его¹. Обѣ партіи попеременно брали и отнимали одна у другой пѣшниковъ. Кровь лилась; кавалеры насмѣшливо хвастались, что разогнали своихъ противниковъ; но противники возвращались на другой день болѣе-смѣлые и лучше-вооруженные. Однажды вечеромъ, когда лорды еще засѣдали въ палатѣ, шумъ на улицѣ усилился до того, что маркизь Гертфордъ, подоидя къ скамьѣ епископовъ, посоветовалъ имъ не выходить. «Эти люди» сказалъ онъ имъ «кричатъ, что они ждутъ васъ, что станутъ осматривать каждую карету и не дадутъ вамъ ускользнуть»: — «Такъ не-уже-ли намъ» сказали епископы «придется здѣсь ночевать?» — «Очень можетъ-быть» отвѣчали съ усмѣшкой нѣкоторые изъ приверженцевъ выключенія. Епископы, однакожь, отправились, но одинъ — въ каретѣ какого-нибудь любимаго народомъ лорда, другіе — околной дорогой; даже многіе изъ друзей ихъ начинали думать, что присутствіе ихъ въ палатѣ не выкупаетъ тѣхъ опасностей, которымъ оно подвергаетъ палату². Два раза верхняя палата требовала отъ нижней содѣйствія для пресѣченія этихъ оскорбленій³; но нижняя хранила молчаніе или отвѣчала жалобами на безпорядки, производимые кавалерами. «Намъ нужны всѣ наши друзья» говорили вожди партій: «Боже насъ сохрани мѣшать народу получить чрезъ это то, чего онъ имѣетъ право желать⁴!» Лорды обратились къ судьямъ, требуя, чтобъ они дѣйствовали противъ смутъ по законамъ. По повелѣнію, скрѣпленному большой государственной печатью, мирные

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 294. — Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 493 — (²) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 991. — (³) Отъ 20 до 30 декабря 1641. — (⁴) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 986.

судьи приказали констэблямъ поставить около Вестминстера стражу для разогнанія сборищъ. Нижняя палата потребовала констэблей къ отвѣту, объявила данное повелѣніе посягательствомъ на ея привилегіи, и одинъ мирный судья былъ посаженъ въ Тоуэръ¹. Въ то же время палата постановила, что такъ-какъ король продолжаетъ отказывать ей въ охранной стражѣ, то каждый членъ имѣетъ право привести съ собою въ палату своего слугу, вооруженнаго чѣмъ ему заблагоразсудится, и поставить его у дверей.

Эти возмущенія, эти крики, этотъ непокорный и безцеремонный беспорядокъ вселяли въ короля гнѣвъ и страхъ. Никогда еще, даже среди самыхъ зловѣщихъ предчувствій, такіа сцены не представлялись его мыслямъ; онъ изумлялся и приходилъ въ негодованіе, что величіе королевскаго сана могло подвергаться такимъ грубымъ оскорбленіямъ. Онъ начиналъ беспокоиться уже не за одну свою власть, но и за безопасность своей особы и жизни, или, по-крайней-мѣрѣ за свое достоинство. Еще болѣе встревоженная королева не переставала осаждать его своими опасеніями, и гордость монарха и нѣжность супруга не могли снести мысли объ опасности или объ оскорбленіи, угрожавшихъ предмету его любви, той, которая раздѣляла съ нимъ санъ его. Ища всюду какой-либо опоры противъ мятежниковъ, какого-либо средства предупредить или наказать ихъ неистовства, онъ рѣшился удалить губернатора Тоуэра, сэра Уильяма Бальфора, преданнаго нижней палатѣ, и замѣнить его человѣкомъ надежнымъ и смѣлымъ. Три тысячи фунтовъ стерлинговъ, вырученные продажею нѣкоторыхъ драгоценностей королевы, были даны сэру Уильяму, чтобъ успокоить его. Сэръ Томасъ Лунсфордъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ вождей собравшихся въ Уайт-галлѣ кавалеровъ, былъ назначенъ ему преемникомъ². Въ то же время король принялъ съ парламентомъ тонъ болѣе-рѣшительный, пытался, въ свою очередь, запугать его. Гайдъ приготовилъ на ремонтъ страцію отвѣтъ искусный и твердый; Карлъ одобрилъ его и

(¹) *Parliam. Hist.*, т. II, col. 987. — (²) Около 20 декабря 1640. Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 284.

приказалъ обнародовать отъ своего имени ¹. Билль о принудительномъ наборѣ составлялъ еще предметъ преній въ палатахъ; король прежде еще, чѣмъ представили ему этотъ билль, въ торжественномъ засѣданіи объявилъ, что приметъ его не иначе, какъ съ оговоркою противъ вступленія, гдѣ отнималось у него право назначать принудительные наборы ². Ирландскія дѣла не подвигались впередъ; онъ потребовалъ отъ нижней палаты, чтобъ она занялась ими, и предложилъ набрать 10,000 волонтеровъ, если палата обѣщается платить имъ ³. Съ своей стороны и, можетъ-быть, съ его согласія, епископы собрались для совѣщанія о своемъ положеніи; насилие ожидало ихъ за дверьми верхней палаты: они положили не являться туда и изложить въ протестѣ причины своего удаленія, объявляя въ то же время ничтожными и неимѣющими законной силы всѣ билли, которые будутъ приняты безъ содѣйствія всѣхъ законныхъ и непрѣмѣнныхъ членовъ парламента. Наскоро-составленный и подписанный двѣнадцатью епископами ⁴, этотъ протестъ былъ немедленно представленъ королю, который поспѣшилъ принять его; Карлу открывалась надежда объявить современемъ ничтожными, подъ тѣмъ же предлогомъ, акты этого роковаго парламента, котораго не могъ онъ обуздать. Въ ту же минуту, и не сказавъ о томъ ни слова своимъ новымъ совѣтникамъ, которыхъ мнѣній онъ опасался гораздо-болѣе, чѣмъ уважалъ ихъ вліяніе, онъ повелѣлъ хранителю большой печати представить этотъ протестъ въ тотъ же день въ верхнюю палату, восхищаясь своимъ искусствомъ приготовить лучшее будущее ⁵.

Изумленіе лордовъ было чрезмѣрно; они не могли допустить,

(¹) *Мемуары* Кларендона, т. I, стр. 125—129 въ *Collection* г. Гизд. — *Parliam. Hist.*, т. II, col. 970—977. — (²) 14 декабря 1641. *Parliam. Hist.*, т. II, col. 968. — (³) 29 декабря 1641. Тамъ же, col. 991. —

(⁴) Архіепископомъ йоркскимъ и епископами: дергэмскимъ, личфильдскимъ, сент-асафскимъ, оксфордскимъ, батскимъ-и-узласкимъ, гирфордскимъ, элейскимъ, глостерскимъ, литтербороскимъ, ландафскимъ и норвичскимъ. — (⁵) 30 декабря 1641. *Parl. Hist.*, т. II, col. 993. — *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 306—320.

чтобъ двѣнадцать епископовъ, которыхъ самое присутствіе въ парламентахъ было подвергнуто сомнѣнію, изъявили притязаніе располагать такимъ образомъ судьбой самаго парламента, и удаленіемъ своимъ уничтожать его. Немедленно-сообщенный нижней палатѣ, протестъ былъ принятъ тамъ съ тѣмъ притворнымъ гнѣвомъ и съ той тайною радостью, которые возбуждаются обыкновенно ошибками врага. Неожиданно было предложено и рѣшено обвинить епископовъ въ посягательствѣ на основные законы королевства и на существованіе парламента ¹. Раздраженные ихъ неосторожностью, а можетъ-быть, и пользуясь ею, чтобъ безъ стыда оставить проигранное дѣло, сами друзья ихъ молчали; лишь одинъ голосъ раздался въ ихъ пользу, объявившій ², что ихъ слѣдовало бы отдать не подъ судъ, а въ бѣдлэмъ ³. Верхняя палата приняла обвиненіе и повелѣла заключить епископовъ въ Тоуэръ. Слѣдствіе воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, вожди нижней палаты значительно усилили всѣ свои нападенія. Тамъ уже жаловались на объявленіе короля по поводу билля о *принудительномъ наборѣ*, какъ на опасное для привилегій палаты, недопускавшихъ, чтобъ король узнавалъ о биллѣ въ продолженіе преній о немъ (14 дек. 1641); теперь стали настаивать на необходимости обезпечить прочіе эти привилегіи — единственный якорь спасенія среди столькихъ опасностей. Возстали противъ порученія Тоуэра сэру Томасу Лунсфордъ, человеку съ дурной репутаціей, безъ состоянія, нечестивому и безправственному, извѣстному единственно своими насильственными поступками съ народомъ и способному къ самымъ опаснымъ замысламъ. Говорятъ, что въ Сити тревога усилилась до того, что купцы и иностранцы перестали складывать въ Тоуэръ свои тюки. Стали требовать назначенія новаго губернатора. На лорда Дигби, ставшаго, между-тѣмъ, самымъ-близкимъ совѣтникомъ короля, было донесено, будто-бы онъ сказалъ, что парламентъ не

(¹) *Parl. Hist.*, т. II, col. 994 и слѣд. — Whitelocke, стр. 51. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 315—323. — (³) Домъ ума-лишенныхъ въ Лондонѣ.

свободенъ ¹. Наконецъ, шли даже толки о томъ, что королеву весьма можно бы обвинить въ государственной измѣнѣ ².

Король, казалось, уступалъ: онъ ничего не предпринялъ въ пользу епископовъ, отнялъ у Лунсфорда начальство надъ Тоуэромъ и передалъ его сэру Джону Байрону, челоуьку степенному и пользовавшемуся уваженіемъ ³, не говорилъ болѣе о возмущеніяхъ, не жаловался на послѣднія пренія. Между-тѣмъ тайныя донесенія, смутныя слухи беспокоили палату. Королева, молчаливая и скрытная, казалось, оживлена была какой-то надеждой; лордъ Дигби, котораго самонадѣянная отвага была извѣстна всѣмъ, часто посѣщалъ ее и всякій день сблизался съ нею болѣе и болѣе, равно какъ и съ королемъ. Степеніе кавалеровъ въ Уайт-галь удвоилось. Не объясняя своихъ опасностей, нижняя палата опять потребовала себѣ охранной стражи (31 декаб. 1641). Король не далъ отвѣта, объявивъ, что желаетъ получить письменное прошеніе. По поводу этой стражи, нижняя палата велѣла принести въ залу своихъ засѣданій оружіе, какъ уже увѣренная въ близкой опасности. Спусти три дня, пришелъ отвѣтъ короля. Это былъ отказъ, окончившійся такими словами: «Обязуюсь торжественно и ручаюсь честию короля охранять васъ, всѣхъ и каждаго, отъ всякаго насилія, съ такимъ же тщаніемъ, какое я могъ бы употребить для моей собственной безопасности и для безопасности дѣтей моихъ». Но палата, которой тревога усиливалась все болѣе-и-болѣе, приказала лорду мэру, шерифамъ и муниципальному совѣту держать на-готовѣ лондонскую милицію и поставить въ разныхъ мѣстахъ Сити сильныя караулы ⁴.

Дѣйствительно, въ тотъ самый день (3 янв. 1642) сэръ Эдуардъ Гербертъ, королевскій генеральный прокуроръ, явился въ верхнюю палату и именемъ короля обвинилъ въ государственной измѣнѣ лорда Кимбольтона и членовъ нижней па-

(¹) *Parl. Hist.*, т. II, col. 969, 982, 1002. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 81. — (³) Тамъ же, т. II, стр. 326. — (⁴) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1002, 1004. — Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 471. — *Journals of the House of Commons*, 3 янв. 1642.

латы: Гэмдена, Пейма, Голлиза, Строда и Гэзльрига, въ покушеніи 1) испровергнуть основныя законы королевства и исхитить у короля его законную власть; 2) возбудить въ народѣ гнусными клеветами неудовольствіе противъ короля; 3) возмутить противъ короля армію; 4) побудить чужеземное государство, Шотландію, къ вторженію въ королевство; 5) уничтожить права и самое существованіе парламентовъ; 6) образовать противъ короля и парламента митежныя сходбища, дабы чрезъ насиліе успѣть въ своихъ преступныхъ замыслахъ; 7) наконецъ, возбудить войну противъ короля. Въ то же время, сэръ Эдуардъ требовалъ сѣставленія комитета для разбора обвиненія и предлагалъ палатѣ арестовать обвиняемыхъ ¹.

Лорды оставались неподвижными; никто изъ нихъ не предвидѣлъ такого поступка и никто не рѣшался заговорить первый. Лордъ Кимбольтонъ всталъ: «Я готовъ» сказалъ онъ. «повиноваться всѣмъ повелѣніямъ палаты; но какъ обвиненіе противъ меня публичное, то я требую, чтобъ таково же было и мое оправданіе». И онъ сѣлъ среди прежняго молчанія. Лордъ Дигби, засѣдавшій подлѣ него, сказалъ ему на-ухо: «Какіе жалкіе совѣты подаютъ королю! Я непремѣнно разупаю, отъ кого все это происходитъ, или я ужь очень несчастливъ!» И онъ немедленно вышелъ какъ-бы для того, чтобъ собрать свѣдѣнія. Увѣряютъ, что именно онъ, и онъ одинъ побудилъ короля къ этому поступку, обязавшись, притомъ, потребовать немедленно арестованія лорда Кимбольтона, какъ-скоро генеральный прокуроръ обвинитъ его ².

Немедленно посланіе лордовъ сообщило обо всемъ нижней палатѣ, которая передъ этимъ только-что получила извѣстіе, что посланные отъ короля перебивали у каждаго изъ пяти членовъ и наложили у цихъ на все печати. Нижняя палата тотчасъ постановила, что такое дѣйствіе нарушаетъ всѣ ея привилегіи, что обвиняемые имѣютъ право, а всякій констэбль — обязанность воспротивиться этому; что люди короля должны быть

(¹) Rushworth, ч. 3 т. I, стр. 473—474. — (²) Тамъ же, стр. 474. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 331.

арестованы и преданы суду, какъ преступники. Сэръ Джонъ Готэмъ былъ отправленъ къ лордамъ съ требованіемъ безотлагательной конференціи; при этомъ онъ долженъ былъ объявить, что если верхняя палата опять откажется соединиться съ нижней для истребованія отъ короля охранной стражи, то послѣдній удалится въ мѣсто болѣе-безопасное. Ждали отвѣта отъ лордовъ; является герольдъ. «Именемъ короля, моего государя» говоритъ онъ «я пришелъ требовать, чтобъ г. президентъ выдалъ мнѣ пятерыхъ джентльменовъ, членовъ сей палаты, которыхъ его величество повелѣлъ мнѣ арестовать, какъ обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ». И онъ поименовалъ ихъ. Обвиняемые были тамъ; никто не сходилъ съ мѣста; президентъ приказалъ герольду удалиться. Безъ шума, безъ спора, палата назначила комитетъ, который долженъ былъ въ продолженіе этого самаго засѣданія отправиться къ королю и сказать ему, что на такое важное посланіе она можетъ отвѣчать лишь по зрѣломъ обсужденіи дѣла. Два министра, лордъ Фокландъ и сэръ Джонъ Кольпепперъ, участвовали въ этомъ комитетѣ; они ничего не знали о происшедшемъ. Открылось совѣщаніе съ лордами; мѣсто, чѣмъ черезъ часъ, оно имѣло слѣдствіемъ: повелѣніе снять печати и требованіе охранной стражи, предъявленное королю отъ имени обѣихъ палатъ герцогомъ Ричмондомъ, самымъ честнымъ изъ его любимцевъ. «Я дамъ отвѣтъ завтра» сказалъ король. И нижняя палата разошлась до часа слѣдующаго дня, приказавъ и обвиняемымъ явиться въ Вест-минстеръ, подобно другимъ членамъ¹.

На другой день (4 янв. 1642), при открытіи засѣданія, беспокойство и гнѣвъ удвоились; предчувствіе какой-то новой опасности, неизвѣстной, но неизбежной, волновало всѣ умы. Роялисты сидѣли на своихъ мѣстахъ печальные и молчаливые; между ихъ противниками ходили тысячи слуховъ, собранныхъ наканунѣ, въ продолженіе ночи, даже утромъ, что кавалеры собрались и король велѣлъ имъ сказать, чтобъ они держались нагото-

⁽¹⁾ Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 474—476. — *Parliam. Hist.*, т. II, col. 1007—1008.

въ, что двѣ бочки пороха и оружіе доставлены изъ Тоуэра въ Уайт-галль¹; особенно тѣснились вокругъ пяти членовъ; со всѣхъ сторонъ обращались къ нимъ съ догадками, съ вопросами, съ требованіемъ совѣтовъ. Они знали больше: французскій министръ въ Лондонѣ, давно-бывшій съ ними въ тайныхъ сношеніяхъ, и графиня Карлейль, о которой говорили, что она имѣла связь съ М. Пеймомъ, сообщили имъ о приготовлявшейся государственной мѣрѣ²; но они ничего не говорили. Вдругъ входитъ капитанъ Лэнгришъ, недавно-возвратившійся изъ французской службы и которому связи его съ нѣкоторыми изъ отставленныхъ офицеровъ давали возможность все знать. Онъ объявляетъ, что король приближается, что онъ видѣлъ, какъ Карль выѣхалъ изъ Уайт-галля въ сопровожденіи трехъ или четырехсотъ человекъ гвардіи, кавалеровъ, студентовъ, все вооруженныхъ, и что онъ хочетъ лично арестовать обвиняемыхъ. Поднимается безпорядокъ; но необходимость немедленно принять какое-нибудь рѣшеніе прекращаетъ его въ одну минуту. Палата приглашаетъ пятерыхъ членовъ удалиться, ибо многіе уже взяли за оружіе и готовились защищаться. Пеймъ, Гэмденъ, Голлизъ и Гэзльригъ тотчасъ выходятъ. Мистеръ Стродъ противится; его просятъ, убаждаютъ; король уже на дворѣ; наконецъ, сэръ Вальтеръ Эрль, другъ его, грубо выталкиваетъ его вонъ. Всѣ члены занимаютъ свои мѣста. Король прошелъ, среди двойной ограды своихъ служителей, большую вестминстерскую залу; одни только тѣлохранители его всходили съ нимъ на лѣстницу палаты. Онъ является, запрещаетъ сопровождающимъ его, подъ страхомъ смертной казни, слѣдовать за нимъ далѣе, и вступаетъ въ палату со шляпою въ рукѣ, имѣя при себѣ только своего племянника, пфальц-

⁽¹⁾ Rushworth ч. 3, т. I, стр. 476—480. — ⁽²⁾ Тамъ же, стр. 477. — Whitelocke, стр. 51. *Mémoires de Warwick*, въ *Collection* г. Гизо. — *Hist. de la révolution de 1688*, par M. Mazure, т. III, стр. 429, примѣч. 4, въ извлеченіяхъ изъ донесеній французскаго министра въ Лондонѣ. — *Mémoires de Madame de Motteville*, т. I, стр. 266 (изд. въ 12-ю д. л., 1750 года.)

графа¹. Все члены снимают шляпы и встают. Король бросает, мимоходомъ, взглядъ на мѣсто, которое обыкновенно занималъ Пеймъ, и не видя его, подходитъ къ президенту. «Съ вашего позволенія, господинъ президентъ, я займу на минуту ваше кресло». Онъ садится и, обводя взоромъ палату, говоритъ: «Господа, я огорченъ случаемъ, приведшимъ меня сюда. Вчера я отправилъ къ вамъ герольда съ порученіемъ арестовать нѣкоторые лица, обвиненныя, по моему повелѣнію, въ государственной измѣнѣ. Я ожидалъ отъ васъ повиновенія, а не протеста. Ни одинъ король Англіи не заботился такъ, какъ я желаю заботиться о поддержаніи вашихъ привилегій; но вы должны знать, что, въ случаяхъ государственной измѣны, ни для кого не существуетъ привилегій. Я прибылъ сюда, чтобъ видѣть, нѣтъ ли здѣсь кого изъ обвиняемыхъ; пока они будутъ засѣдать въ этой палатѣ, я не могу надѣяться, чтобъ она возвратилась на прямой путь, на которомъ я искренно желаю ее видѣть. Я прибылъ сказать вамъ, чтобъ мнѣ ихъ выдали, гдѣ бы они ни находились. Господинъ президентъ, гдѣ они?» Президентъ, упавъ на колѣни, отвѣчалъ: «Съ соизволенія вашего величества, здѣсь у меня глаза, чтобъ видѣть, и языкъ, чтобъ говорить, существуютъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой благоугодно будетъ приказать мнѣ это палатѣ, которой я служу; всеподданнѣйше прошу ваше величество простить мнѣ, что я не могу дать другаго отвѣта на то, о чемъ вы позволите меня спрашивать». — «Очень-хорошо; я вижу ясно, что птицы улетѣли. Ожидаю, что вы мнѣ ихъ пришлете, какъ-только онъ возвратится. Увѣрю васъ моимъ королевскимъ словомъ, что никогда не имѣлъ намѣренія употребить силу и что буду дѣйствовать противъ нихъ законными сред-

(¹) Робертъ, сынъ сестры Карла I, Софій, бывшей въ супружествѣ съ несчастнымъ курфюрстомъ пфальцскимъ, Фридрихомъ V, котораго ботемцы избрали королемъ во время тридцатилѣтней войны. Фридрихъ V умеръ въ изгнаніи, лишенный даже наследственныхъ своихъ владѣній. Потомки его вступили на англійскій престолъ въ 1714 году въ лицѣ Георга I, родоначальника ганноверской, или брауншвейгской династіи, правящей Соединеннымъ Королевствомъ и теперь. *Пр. перв.*

ствами. Теперь, такъ-какъ я не могу исполнить того, что меня привело сюда, я не буду болѣе мѣшать вамъ; но, повторяю, я надѣюсь, что какъ-скоро они возвратятся въ залу, вы мнѣ ихъ пришлете; въ противномъ случаѣ, я приму мѣры для отысканія ихъ». И онъ оставилъ кресло, держа по-прежнему, шляпу въ рукѣ. Палата осталась еще неподвижною; но въ минуту его выхода изъ многихъ мѣстъ залы раздался крикъ: *привилегію! привилегію!*¹.

Какъ только онъ удалился, палата, ничего не сдѣлавъ и даже не предложивъ на будущее время никакого вопроса, отложила засѣданіе до слѣдующаго дня. Все члены вышли, спѣша развѣдать, какъ далеко простирались намѣренія короля и какія чувства возбудили они въ публикѣ. Въ палаты, на лѣстницѣ, въ большой залѣ, у дверей Вестминстера, они замѣтили, что смѣненіе ожидавшихъ ихъ слугъ и столпившагося народа было не менѣе сильно, чѣмъ ихъ собственное. Только и слуха было, что объ обидахъ и угрозахъ со стороны кавалеровъ. «Пусть укажутъ мнѣ цѣль» говорилъ одинъ, ходя съ пистолетомъ въ рукѣ, «я не дамъ промаха». — «Къ чорту нижнюю палату!» кричали другіе. «Зачѣмъ намъ этихъ людей? Пусть ихъ приведутъ и повѣсятъ!» Нѣкоторые даже спрашивали: «Когда же придетъ приказъ?» какъ-бы ожидая какой-нибудь кровавой драмы, и эти выраженія, быстро распространились, возбуждали вездѣ одинаковое негодованіе². Пятеро членовъ удалились въ Сити; граждане мгновенно вооружились; лордъ-мэръ тщетно пытался успокоить ихъ; сильныя патрули составлялись добровольно для общей безопасности; и во весь вечеръ толпы мастеровыхъ бродили по улицамъ, крича у каждой двери, что кавалеры сейчасъ подожгутъ Сити; нѣкоторые даже прибавляли, что командовать ими будетъ король³.

Меньшее безпокойство было и въ Уайт-галлѣ. Король и

(¹) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 477.—*Parl. Hist.*, т. II, col. 1009—1012. *Journals of the House of Commons*, т. II, стр. 366 и слѣд., 4 янв. 1642. — Whitelocke, стр. 50. — (²) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 484—486.—*Mémoires de Ludlow*, т. I, стр. 30—32, въ *Collection* г. Гизб. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 332.

королева соединяли съ своей государственной мѣрой огромныя надежды; съ нѣкотораго времени эта мѣра занимала всѣ ихъ мысли, составляла предметъ ихъ разговоръ въ тайныхъ домашнихъ совѣщаніяхъ съ самыми близкими, довѣренными лицами. Въ то самое утро, въ минуту своего отъѣзда, Карлъ, прощаясь съ супругой, обѣщалъ ей, что черезъ часъ онъ возвратится, наконецъ, властелиномъ своего королевства, и королева, съ часами въ рукахъ, считала минуты, ожидая его возвращенія¹. Но ничто не сбилось; и хотя король еще упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, но уже ничего отъ него не ожидал, не зная даже, какъ исполнить его. Оскорбленные и огорченные, умнѣйшіе изъ друзей его, Фокландъ, Гайдъ и Кольпепперъ, держались въ сторонѣ и не давали никакихъ совѣтовъ. Обнародована была прокламація: она повелѣвала запираеть двери и запрещала всякому гражданину давать убѣжище обвиняемому²; но никто, даже и при дворѣ, не обманывалъ себя насчетъ силы такихъ приказаній. Мѣстопробываніе пятерыхъ членовъ не было повѣстно; знали даже, какой домъ они занимали³; но никто не думалъ, чтобъ можно было въ него проникнуть. Одинъ лордъ Дигби захотѣлъ испробовать своею смѣлостью неблагоразуміе своихъ совѣтовъ и свою слабость въ верхней палатѣ въ минуту обвиненія. Онъ вызвался отправиться лично, съ Лунсфордъ и нѣсколькими кавалерами, чтобъ силою взять обвиняемыхъ изъ ихъ убѣжища и представить королю живыми или мертвыми. Но Карлъ—потому ли, что еще въ немъ осталось нѣкоторое уваженіе къ законамъ, или по своему столько же робкому, сколько и неосторожному характеру—отвергъ это предложеніе, и рѣшился самъ отправиться на другой день въ Сити, чтобъ торжественно потребовать отъ муниципальнаго совѣта выдачи обвиняемыхъ, ласкала себя надеждою, что присутствіемъ своимъ и милостивыми словами смягчитъ этотъ народъ, раздраженія котораго онъ не предусмотрѣлъ⁴.

(¹) *Mémoires de madame de Motteville*, т. I, стр. 265. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 332. — (³) Въ *Coleman-Street*. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 333. — (⁴) Тамъ же, стр. 332.

Дѣйствительно, 5 января 1642, около десяти часовъ утра, онъ выѣхалъ изъ Уайт-галла безъ конвоя, показывая, что вполне полагается на любовь своихъ подданныхъ. Толпа тѣснилась на улицахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, но холодная и мрачная, возвышавшая голосъ лишь для того, чтобъ умолять его жить въ мирѣ съ своимъ парламентомъ¹. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышались крики болѣе-грозные; вокругъ него раздались слова: *привилегію! привилегію!* и нѣкто Уокеръ бросилъ ему въ карету памфлетъ, подъ заглавіемъ: *Въ ваши кущи, сыны Израилля!*—мятежный крикъ, раздававшійся въ Иерусалимѣ, при отдѣленіи десяти колѣнъ отъ Ровоама². Прибывши въ Гилд-галль³, Карлъ потребовалъ выдачи пятерыхъ членовъ; слова его были ласковы и кротки; онъ увѣрился въ своей преданности протестантскому вѣроисповѣданію, въ искренности своихъ уступокъ и обѣщавшись во всемъ поступать сообразно съ законами. Ни одного рукоплесканія не раздалось въ отвѣтъ; подобно народу, муниципальный совѣтъ хранилъ важное молчаніе. Король обратился къ одному изъ шерифовъ, какъ говорятъ, ревностному пресвитеріанину, и сказалъ ему, что будетъ у него обѣдать. Шерифъ поклонился и, по окончаніи засѣданія, принялъ у себя короля съ торжествомъ и почетомъ. Но, возвращаясь въ Уайт-галль, Карлъ былъ такъ же принятъ толпой, какъ и поутру, и возвратился во дворецъ разстроеннымъ и гнѣвнымъ⁴.

Собралась палата (5 янв. 1642); она рѣшила, что послѣ такого страшнаго нарушенія ея привилегій, засѣданія ея не могутъ происходить свободно, пока она не получитъ удовлетворенія и пока надежная стража не будетъ служить ей защитой отъ

(¹) Whitelocke, стр. 51. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 334. — (²) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 479. — (³) Guild-hall — То же, что hôtel-de-ville (городская дума, ратуша). — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 333—334. — Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 479—480. Въ письмахъ маркиза Ферте-Энбо, бывшаго тогда французскимъ посланникомъ въ Лондонъ, есть любопытныя подробности о внутреннемъ состояніи двора Карла I-го въ то время и объ интригахъ Франціи и Испаніи, еще болѣе запутывавшихъ и разжигавшихъ парламентскія распри. (См. *Приложенія*, № VII.)

такихъ опасностей, и разошлась на шесть дней (11 янв. 1642); но и расходясь, она не переставала дѣйствовать. Комитетъ, облеченный большою властью¹, получилъ повелѣніе помѣститься въ Сити, произвести слѣдствіе о послѣднемъ оскорбленіи и разсмотрѣть общее положеніе королевства, особенно Ирландіи, при содѣйствіи гражданъ, вѣрныхъ друзей парламента. Открытіе комитета произошло въ Гильд-галль съ большимъ торжествомъ (6 янв.); многочисленная стража ожидала его тамъ; депутація отъ муниципальнаго совѣта вышла ему на встрѣчу и отдала въ его распоряженіе всѣ силы, всѣ услуги жителей². Засѣданія его были такъ же дѣятельны, какъ и засѣданія палаты; каждый членъ палаты имѣлъ право на нихъ присутствовать. Домъ, служившій убѣжищемъ пятерымъ обвиняемымъ, находился по сосѣдству: въ комитетѣ ничего не происходило безъ ихъ вѣдома и безъ ихъ совѣтовъ³. Нѣсколько разъ даже они лично являлись въ комитетъ, и народъ провожалъ ихъ рукоплесканіями, гордясь тѣмъ, что имѣетъ своихъ представителей и самъ охраняетъ ихъ. Среди его побѣднаго торжества были приняты искусныя мѣры, которыя поддерживали въ немъ страхъ для сильнѣйшаго возбужденія его ревности. Союзъ между палатой и Сити становился съ каждымъ днемъ тѣснѣе и служилъ ко взаимному ихъ ободренію⁴. Наконецъ, единственно своею властью и какъ-бы будучи самою палатою, комитетъ обнародовалъ объявленіе, гдѣ излагался результатъ произведеннаго имъ слѣдствія⁵, а муниципальный совѣтъ подалъ королю (7 янв. 1642) прошеніе, въ которомъ жаловался на дурныхъ совѣтниковъ, на кавалеровъ, на папистовъ, на новаго губернатора Тоуэра, открыто принималъ сторону пяти членовъ и требовалъ всѣхъ преобразованій, на которыя указывала прежде нижняя палата⁶.

7 Король былъ одинъ безвыходно въ Уайт-галль, оставлен-

(¹) Онъ былъ составленъ изъ двадцати-пяти членовъ: въ числѣ ихъ были два министра короля, лордъ Фоклендъ и сэръ Джонъ Кольпенперъ. Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 479. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. II, стр. 336—337. — (³) Тамъ же, стр. 338. — Whitelocke, стр. 51. — (⁴) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 483. — (⁵) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 10. — (⁶) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 480.

ный наиболѣе-честными изъ своихъ приверженцевъ. Даже кавалеры, оробѣвъ, разбѣжались или хранили молчаніе. Онъ попробовалъ отвѣтить на прошеніе муниципальнаго совѣта и приказалъ-было опять арестовать обвиняемых¹; но его отвѣты не возбуждали довѣрія, а приказанія оставались безъ исполненія. Онъ узналъ, что чрезъ два дня палата опять начнетъ свои засѣданія и что пятеро обвиняемыхъ членовъ будутъ торжественно препровожены въ Вестминстеръ милиціей, народомъ, даже судовщиками на Темзѣ, о которыхъ онъ до того времени думалъ, что они къ нему расположены. «Какъ!» воскликнулъ онъ съ неудовольствіемъ: «даже и эти водяныя крысы оставляютъ меня!» И эти слова, скоро распространившись между судовщиками, были приняты ими какъ обида, требующая отмщенія². Покинутый, униженный, раздражаемый этимъ всеобщимъ крикомъ, который встрѣчалъ его каждый день, между-тѣмъ, какъ ни одинъ голосъ не раздавался въ его защиту, Карлъ не могъ рѣшиться видѣть передъ своимъ дворцомъ триумфальное шествіе враговъ своихъ! Королева, то бѣснующаяся, то трепещущая, заклинала его удалиться! Роялисты и гонцы, отправленные въ разныя части королевства, общали въ другихъ мѣстахъ силу и безопасность; кавалеры, побѣжденные въ Лондонѣ, хвастались вліяніемъ въ своихъ графствахъ. «Вдали отъ парламента, король» говорили они «свободенъ, а парламентъ что можетъ сдѣлать безъ короля?» Это мнѣніе было принято; положили отправиться сначала въ Гэмтон-Кортъ, а потомъ, если понадобится, и далѣе; тайныя приказанія были разосланы губернаторамъ нѣкоторыхъ крѣпостей, которыхъ преданность казалась надежною. Графъ Ньюкэстль поѣхалъ на сѣверъ, гдѣ онъ пользовался почти неограниченнымъ вліяніемъ, и 10 января, наканунѣ возвращенія нижней палаты, Карлъ, въ-сопровожденіи только супруги, дѣтей и нѣкоторыхъ служителей, оставилъ Лондонъ и

(¹) 8 января 1642. Тамъ же, стр. 481—482. — (²) *Observations on the life and death of king Charles*, соч. Уильяма Лилли, въ собраніи, изданномъ Мазеромъ подъ заглавіемъ: *Select Tracts relating to the Civil Wars in England etc.* (Лондонъ, 1815), т. I, стр. 173.

этотъ уайт-гамльскій дворець, черезъ который ему суждено было пройти еще разъ въ жизни, но пройти уже къ эшафоту¹.

На другой день послѣ его отъѣзда, около двухъ часовъ по полудни, Темза покрылась шлюпками, вооруженными повоенному; на нихъ возвращались въ Вестминстеръ пять членовъ; за ними слѣдовало множество лодокъ, ярко-разукрашенныхъ и наполненныхъ гражданами; вдоль берега шли параллельными рядами лондонскіе милиціонеры, неся на концахъ пикъ послѣднія объявленія парламента². Офицеръ, получившій свое военное образованіе въ походахъ Густава-Адольфа, капитанъ Скиппонъ, назначенъ былъ наканунѣ ихъ командиромъ; это былъ человекъ грубый и необразованный, но простой, смѣлый, строгихъ нравовъ и очень-любимый въ Сити. Несметныя толпы народа тѣснились вслѣдъ за этой процесіей; проходя передъ опустѣлымъ Уайт-гамлемъ, она остановилась, и изъ нея послышались крики: «Гдѣ теперь король и его кавалеры? Что съ ними стало? ³» Прибывъ въ Вестминстеръ, пять членовъ поспѣшили воздать хвалу Сити за усердіе къ общественному дѣлу, и шерифы, введенные въ залу, получили отъ оратора благодареніе. Лишь-только они вышли, является другая процесія: четыре тысячи человекъ дворянъ, свободныхъ землевладѣльцевъ и проч., прибыли верхомъ изъ Графства Буккингемскаго, родины Гэмдена, чтобъ подать палатѣ жалобу на лордовъ-папистовъ, на дурныхъ совѣтниковъ, и въ защиту своего достойнаго представителя. У нихъ было прошеніе и въ верхнюю палату, и третье — королю; на шляпахъ ихъ была изображена клятва жить и умереть вмѣстѣ съ парламентомъ, кто бы ни были враги его⁴. Повсюду проявлялся тотъ гордый и радостный восторгъ, который позволяеть и внушаетъ вождямъ народа принимать самыя смѣлыя рѣше-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 13. — Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 564. — *Journals of the House of Commons*, 11 янв. 1642 и слѣд. дней. — Whitelocke, стр. 52. — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 300. въ *Collection* г. Гизд. — Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 484. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 15—17. — (³) Тамъ же. — (⁴) Тамъ же, стр. 16—20. — Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 486—488.

нія. Нижняя палата предана ему съ тѣмъ разсчитаннымъ увлеченіемъ, съ какимъ предается кормчій волъ сильнаго, но попутнаго вѣтра; въ нѣсколько часовъ она постановила, что ни одинъ членъ ея ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть арестованъ безъ ея согласія; приняла билль, предоставлявшій палатамъ право назначать свои засѣданія, въ случаѣ нужды, тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится; составила адресъ для испрошенія у короля соизволенія на отнятіе у сэра Джона Байрона начальства надъ Тоуэромъ, а въ ожиданіи его отъѣзда, поручила Скиппону поставить вокругъ этой крѣпости стражу и тщательно наблюдать за ведущими къ ней путями; отправила Горингу, губернатору Портсмута, грамату, въ которой воспрещалось ему безъ дозволенія парламента впускать въ состоящій подъ его начальствомъ городъ войска и военные запасы. Сэръ Джонъ Готэмъ, богатый владѣлецъ въ Йоркскомъ Графствѣ, пользовавшійся тамъ большимъ вліяніемъ, получилъ приказаніе немедленно принять начальство надъ Гуллемъ, важною крѣпостью, служившею ключомъ къ Сѣверной Англій и содержавшею въ себѣ большіе арсеналы. Черезъ два дня палата подала мнѣніе (13 янв. 1642), что королевство, которому угрожаетъ опасность, безотлагательно должно быть приведено въ оборонительное положеніе. Лорды отказались подтвердить это объявленіе; но это не помѣшало ему достигъ цѣли: народъ вездѣ былъ извѣщенъ¹.

Палата не безъ основанія предвидѣла войну; король только и помышлялъ, что о приготовленіяхъ къ ней. Въ Лондонѣ онъ жилъ въ безсиліи и униженіи; едва выѣхавъ оттуда, онъ могъ уже, окруженный приверженцами, не подвергая каждый день и каждый часъ испытанію свою слабость, свободно предаваться надеждѣ побѣдить оружіемъ того врага, отъ котораго онъ недавно бѣжалъ безъ боя. Въ кавалерахъ тоже появилась прежняя кичливость; они, казалось, уже считали войну объявленною и спѣшили начать ее. На другой день по ихъ отъѣздѣ, палата узнала, что двѣ сотни ихъ, подъ начальствомъ

(¹) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1028—1035. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 469. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 20—23.

Лунсфорда, направились на Кингстонъ (складочное мѣсто военныхъ запасовъ графства, въ пяти миляхъ отъ Лондона) какъ-бы для того, чтобъ овладѣть имъ и утвердиться въ немъ; узнали также, что лордъ Дигби являлся къ нимъ отъ имени короля благодарить ихъ за усердіе и сговориться съ ними, навѣрное, съ какимъ-нибудь недобрымъ умысломъ. Парламентъ немедленно принялъ свои мѣры, и эти покушенія остались безъ успѣха; лордъ Дигби, подвергшись важному доносу, спасся бѣгствомъ на материкъ¹. Считая свое мѣсто-пребываніе еще слишкомъ-близкимъ къ Лондону, король оставилъ Гэмптон-Кортъ и отправился въ Виндзоръ (12 янв. 1642); Лунсфордъ и его кавалеры послѣдовали туда за нимъ. Тамъ, на тайномъ совѣщаніи, положено было, чтобъ королева, взявъ съ собой коронные брильянты, отправилась въ Голландію закупать военные запасы, оружіе и просить помощи государей континента. Предлогомъ къ этому путешествію хотѣли выставить необходимость препроводить къ принцу оранскому принцессу Генріэтту-Марію, бывшую еще ребенкомъ, съ которой онъ сочетался бракомъ шесть мѣсяцевъ назадъ². Съ своей стороны король, все продолжая переговоры съ палатами, долженъ былъ постепенно удалиться къ сѣвернымъ графствамъ, гдѣ его приверженцы были многочисленнѣе, утвердить свою резиденцію въ Йоркѣ и ждать тамъ случая и средствъ дѣйствовать. Когда такимъ-образомъ обо всемъ условились, королева въ величайшей тайнѣ стала готовиться къ отъѣзду, а король пригласилъ палаты изложить ихъ жалобы вкратцѣ и представить ему ихъ всѣ вмѣстѣ, общая разрѣшить ихъ въ одинъ день и такимъ образомъ положить конецъ взаимнымъ несогласіямъ³.

Верхняя палата приняла это посланіе короля съ радостью: друзья короля были въ ней многочисленны; многіе другіе, устрашенные и утомленные, помышляли лишь о прекраще-

(¹) Rushworth, ч. III, т. I, стр. 469. — Nalson, т. II, стр. 845 и слѣд. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1036. — Whitelocke, стр. 52. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 83. — *Hist. des révolutions d'Angleterre*, par le P. d'Orleans, кн. IX, стр. 87, изд. 1694. — (³) 20 янв. 1642. *Parl. Hist.*, т. II, col. 1045 и слѣд.

ніи борьбы, не заботясь о будущемъ. Но нижняя палата, болѣе-дальновидная и болѣе-рѣшительная, не могла повѣрить ни тому, чтобъ король согласился на ея требованія, ни тому, чтобъ онъ исполнилъ обѣщанное. Предложеніе его было въ ея глазахъ не болѣе, какъ хитрость, придуманная для того, чтобъ разомъ покончить съ палатой, распустить ее и опять захватить въ свои руки власть. Палата отказалась принять участіе въ усердныхъ благодареніяхъ лордовъ, если не будутъ просить короля напередъ поручить начальство надъ Тоуэромъ, надъ крѣпостями и надъ милиціей людямъ, пользующимся довѣріемъ парламента¹. Верхняя палата отвергла это условіе, но вызвала тѣмъ протестъ со стороны тридцати-двухъ лордовъ², и нижняя палата, сильная поддержкой со стороны такого значительнаго меньшинства, одна подала королю прошеніе. Карлъ отвѣчалъ на него³ формальнымъ отказомъ насчетъ крѣпостей и Тоуэра, неопредѣленными выраженіями и отговорками насчетъ милиціи—очевидно, руководясь исключительно одною мыслию—ничего болѣе не уступать и выигрывать время. Нижняя палата тоже не намѣрена была терять времени. Имѣя вѣрныхъ слугъ въ Виндзорѣ, какъ и въ Лондонѣ, потому-что вездѣ вѣрили въ ея силу, она имѣла вездѣ шпіоновъ и друзей, и для нея вовсе не были тайной ни замыслы короля, ни путешествіе королевы, ни происки двора на сѣверѣ королевства и на материкѣ⁴. Опасность была близка: могло случиться, что король будетъ готовъ къ войнѣ прежде, чѣмъ вопросъ о милиціи будетъ рѣшенъ; тогда какими средствами бороться съ нимъ? Народъ волновали опасенія болѣе-смутныя и болѣе-близкія; говорили о похищеніи военныхъ запасовъ изъ Тоуэра, о заговорахъ противъ жизни вождей партіи; досадовали, что безпрестанно побѣждаютъ, и все безъ пользы. Новое и сильное выраженіе народныхъ желаній могло одно, думали, одолѣть эти новыя препятствія, вооружить усердныхъ, увлечь равнодушныхъ, поразить безсиліемъ злонамѣренныхъ. Отовсюду полились

(¹) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1048. — (²) Тамъ же, col. 1049. — (³) 28 января 1642. Rushworth, ч. III, т. I, стр. 517. — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 117.

просьбы; онѣ стали приходить изъ всѣхъ графствъ, отъ всѣхъ классовъ гражданъ; мастеровые, мелкіе торговцы, бѣдные работники, лондонскіе носильщики тяжестей, даже женщины толпились вокругъ Вестминстера для подачи просьбъ. При первомъ появленіи женщинъ, Скиппонъ, начальствовавший надъ стражей, выразилъ свое изумленіе: «Пусть насъ выслушаютъ» кричали онѣ: «гдѣ сегодня одна женщина, туда завтра явится ихъ пятьсотъ». Онѣ пошелъ доложить палатѣ и, возвратясь, кротко пригласилъ ихъ удалиться. Но онѣ возвратились черезъ два дня, взявъ себѣ въ ораторы Анну Стэггъ (жену богатаго пивовара) и неся прошеніе, въ концѣ котораго объясняли свои побудительныя причины. «Это дѣйствіе» говорили онѣ «относительно не неприлично нашему полу: Христосъ искупилъ насъ тою же цѣной, что и мужчинъ; какъ и они, мы терпимъ отъ общественныхъ бѣдствій; какъ и имъ, намъ дана жизнь, которую мы должны поддерживать, и душа, которую мы должны спасти. Мы дѣлаемъ это вовсе не изъ тщеславія или по гордости сердца, и не для того, чтобъ равняться съ мужчинами вліяніемъ или мудростью, но для того, чтобъ исполнить, по мѣрѣ нашихъ силъ, обязанности наши къ Богу, къ его церкви, къ нашему отечеству». Прошеніе было принято, и Пеймъ вышелъ съ отвѣтомъ; женщины стали вокругъ него, передъ дверьми. «Достойныя женщины!» сказалъ онъ имъ: «ваша просьба прочитана; палата благодаритъ васъ за нее. Возвратитесь домой, умоляемъ васъ о томъ, и да обратятся ваши просьбы въ молитвы объ успѣхѣ трудовъ нашихъ; мы всегда готовы, всегда были и будемъ готовы защищать васъ, мужей и дѣтей вашихъ.» Женщины удалились безъ шума — замѣчательный примѣръ скромности среди увлеченій энтузіазма и нравственнаго достоинства среди волненія партій¹.

Прошенія эти были одного и того же содержанія: всѣ они

(¹) Почти всѣ эти прошенія представлены были 20 января—5 февраля 1642; между прочими, прошеніе женщинъ было подано 4 февраля. *Journals of the house of Commons*, т. II, стр. 404 и слѣд. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1049—1055, 1072—1076. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 56, 70.

требовали преобразованія церкви, наказанія папистовъ, укрощенія злонамѣренныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ шли дальше и направлялись противъ современнаго зла: тамъ были явныя угрозы противъ верхней палаты. «Да попросятъ тѣхъ изъ числа благородныхъ лордовъ», сказано въ одномъ изъ прошеній, поданныхъ нижней палатѣ, «которые пожелаютъ сдѣйствовать вашимъ благодѣтельнымъ рѣшеніямъ, присоединиться къ этой достойной палатѣ, чтобъ засѣдать и подавать голоса въ одномъ съ нею составѣ: это разсѣетъ всѣ наши опасенія и предупредитъ тѣ мѣры, на которыя, наконецъ, могутъ быть вынуждены отчаяніемъ люди самые миролюбивые». — «Мы никогда не сомнѣвались въ нижней палатѣ» кричалъ народъ у дверей Вестминстера, «но говорятъ, что все задерживается въ палатѣ лордовъ. Пусть намъ объявятъ имена тѣхъ, кто препятствуетъ согласію между добрыми лордами и нижней палатой: мы съ ними расправимся¹.» Среди самой верхней палаты языкъ партій обращался въ языкъ войны. «Всякій, кто отказывается присоединиться къ нижней палатѣ по дѣлу о милиціи», сказалъ графъ Портумберландъ, «есть врагъ государства.» Потребовали, чтобъ онъ объяснился. «Мы всѣ такъ думаемъ» закричали его друзья, до того времени составлявшіе меньшинство по этому вопросу. Толпа была за дверьми; лордами овладѣлъ страхъ; многіе вышли; другіе перемѣнили мнѣніе; самъ канцлеръ Литтлтонъ, съ нѣкоторыми ничтожными оговорками, принялъ мнѣніе нижней палаты, на которое согласилась, наконецъ, и верхняя, а спусти немного дней (5 февр. 1642), подобнымъ же образомъ былъ принятъ и билль объ исключеніи епископовъ, по которому три мѣсяца не дѣлалось окончательнаго рѣшенія².

Этотъ билль представленъ былъ королю одинъ (7 февраля 1642), такъ-какъ постановленіе о милиціи еще не было изготовлено. Король былъ въ большомъ затрудненіи; онъ только-что объявилъ палатамъ о предстоящемъ путешествіи коро-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 74—75. — (²) Тамъ же, стр. 76, 78, 347. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 359, въ *Collection* г. Гизд. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1077, 1367.

левы; чтобъ смягчить ихъ, онъ официально отказался отъ всякаго преслѣдованія противъ пяти членовъ¹, согласился даже назначить губернаторомъ Тоуэра сэра Джона Коньерза, на котораго указала ему нижняя палата²; но онъ разсчитывалъ ничего не дѣлать болѣе и уклониться отъ всякаго важнаго вопроса до того дня, когда будетъ совсѣмъ готовъ. Исключеніе епископовъ смущало его совѣсть; пожертвованіе милиціей выдавало его противникамъ всѣ военныя силы страны; между-тѣмъ къ нему приступали; его собственные совѣтники не думали, чтобъ онъ могъ отказать во всемъ. Лордъ Фоклэндъ, всегда вѣрившій въ искренность другихъ, постоянно былъ склоненъ къ уступкамъ; Кольнепперъ, неочень-набожный и любившій прибѣгать къ уверткамъ, сильно настаивалъ на принятіе билля объ епископахъ, говоря, что милиція имѣетъ совсѣмъ-иную важность, что съ помощью меча можно все взять назадъ и что тогда легко будетъ объявить ничтожнымъ согласіе, исторгнутое силой. «Раздѣляетъ ли это мнѣніе Гайдъ?» сказалъ ему король. — «Нѣтъ, государь, я долженъ въ томъ сознаться; оиъ полагаетъ, что не должно принимать ни того, ни другаго билля». — «Онъ правъ; такъ я и поступлю». Кольнепперъ отправился къ королевѣ, изобразилъ ей опасное положеніе короля, ея собственныя опасности и препятствія, которыя можетъ встрѣтить ея путешествіе—единственное средство дать королю возможность побѣдить современемъ враговъ. Его сильныя жесты и слова легко взволновали и убѣдили королеву, столь же доступную страху, какъ и надеждѣ, и притомъ неслыхкомъ-расположенную къ англійскимъ епископамъ. Она побѣжала къ супругу, просила его, плакала, заклинала именемъ его безопасности, ихъ будущности, будущности дѣтей ихъ. Карлъ былъ неспособенъ отказать ей ни въ чемъ; онъ уступилъ съ горестью и раскаяніемъ, какъ въ процессѣ Стратфорда, велѣлъ комиссарамъ подписать билль отъ его имени, ничего

(¹) 2 февраля 1642. Rushworth, ч. III, т. I, стр. 492. — (²) 11 февраля 1642. *Parl. Hist.*, т. II, col. 1087. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 85.

не сказалъ о милиціи, и тотчасъ поѣхалъ въ Дувръ¹, гдѣ королева должна была сѣсть на корабль.

Едва прибылъ онъ туда, какъ его встрѣтило посланіе отъ верхней палаты. Подобно Кольнепперу, палата придавала гораздо-болѣе значенія милиціи, чѣмъ исключенію епископовъ, уже побѣжденных и находившихся въ тюрьмѣ. Она поспѣшила изготовить постановленіе о милиціи, внесла въ него имена начальниковъ, долженствовавшихъ командовать въ каждомъ графствѣ, и испрашивала немедленнаго утвержденія. «На это нужно время», сказалъ король. «Я буду отвѣчать, когда возвращусь².» Проводивъ королеву³, на возвратномъ пути онъ встрѣченъ былъ на дорогѣ въ Кентербѣри (25 февр. 1642) новымъ посланнымъ, который еще болѣе настаивалъ на этомъ требованіи. Въ то же время онъ узналъ, что члены нижней палаты противятся отъѣзду сына его Карла, принца валлійскаго, котораго онъ призывалъ въ Гриничъ съ намѣреніемъ увезти съ собою на сѣверъ; что они преслѣдуютъ генеральнаго прокурора Герберта за исполненіе его повелѣнія относительно обвиненія пяти членовъ; наконецъ, что они перехватили и распечатали письмо лорда Дигби къ королевѣ. Такое недовѣріе, послѣ столькихъ со стороны его уступокъ, оскорбило его, хотя эти уступки и были неискренни. Онъ очень-рѣзко обошелся съ посланными, но не сказалъ ничего рѣшительнаго⁴. Прибывъ въ Гриничъ (26 февр. 1642), онъ нашелъ тамъ принца, котораго увезъ туда гувернёръ его, маркизь Гертфордъ, несмотря на запрещеніе нижней палаты. Наконецъ, успокоившись насчетъ своей жены и дѣтей, король послалъ къ палатамъ (отъ 28 февр.)⁵ отвѣтъ, которымъ соглашался поручить милицію начальству лицъ, палатами назначенныхъ, но сохранялъ для себя право удалить ихъ отъ должности, и притомъ исключалъ изъ этой мѣры главные города королевства, гдѣ

(¹) 16 февраля 1642. *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 144—148, въ *Collection* г. Гизо. — (²) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1083—1085, 1091, 1097. — (³) Это было 23 февраля. — (⁴) *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 153—156, въ *Collection* г. Гизо. — (⁵) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 521. — *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 156—160.

милиція должна была попрежнему подчиняться ихъ хартіямъ и стариннымъ законамъ; затѣмъ, не дожидаясь ничего болѣе, онъ отправился въ Йоркъ и ѡхалъ не спѣша. Въ Теобальдсѣ къ нему снова явились двѣнадцать палатскихъ комиссаровъ (1 марта 1642). Получивъ отвѣтъ короля, палаты рѣшили, что онъ заключаетъ въ себѣ положительный отказъ, что если король будетъ упорствовать, то онъ безъ его согласія станутъ распоряжаться милиціей, и что, наконецъ, возвращеніе короля въ Лондонъ есть единственное средство предупредить бѣдствія, угрожающія королевству. Тонъ посланія былъ рѣзокъ: палаты какъ-бы желали показать, что они сознаютъ свою силу и не побоятся къ ней прибѣгнуть. «Я такъ удивленъ» отвѣчалъ король, «что не знаю, какъ отвѣчать вамъ. Вы говорите объ опасеніяхъ и недовѣріи; но, положи руку на сердце, спросите сами себя, не имѣю ли и я, съ своей стороны, также повода питать недовѣріе и опасеніе? Я много думалъ о дѣлѣ, касающемся милиціи; отвѣтъ мой правиленъ; я не измѣню въ немъ ничего. Что жъ касается пребыванія моего среди васъ, то я желалъ бы, чтобъ оно было безопасно и почетно и чтобъ мнѣ не было причины оставлять Уайтгаль. Какъ вы объ этомъ думаете? Клянусь честно, я желаю только мира и правосудія моему народу и съумѣю поддерживать то и другое. Уповаю на благодать Господа и надѣюсь защитить себя и права свои¹.» И онъ снова пустился въ дорогу. Черезъ восемь дней (9 марта 1642) въ Ньюмеркетѣ къ нему явились новые комиссары парламента съ деклараціей, въ которой, напоминала всѣ свои требованія, всѣ свои опасенія, парламентъ оправдывалъ свой образъ дѣйствій и все еще умолялъ короля возвратиться въ Лондонъ, уничтожить недоразумѣнія, возникшія между нимъ и народомъ, и разсѣять такимъ образомъ мрачныя предчувствія, смущавшія всѣхъ. Сильное волненіе слышалось въ этой деклараціи, при всей твердости ея тона; оно проявилось и въ самомъ свиданіи короля съ депутатами. Разговоръ былъ продолжительный, настойчивый,

⁽¹⁾ Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 523—524. — *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 164.

безцеремонный, какой бываетъ между людьми, глубоко-потрясенными неминуемо-предстоящимъ имъ разрывомъ, по которымъ еще пытаются убѣдить другъ друга. Очевидно было, что обѣ стороны вступали въ борьбу съ твердою рѣшимостью довести ее до конца; они не видѣли никакой дороги къ сближенію, сознавали, что борьба неизбежна, однакожь отваживались на нее не безъ тяжелыхъ предчувствій, и чтобъ устранить ее, прибѣгали къ крайнимъ, хотя и безнадежнымъ усиліямъ. «Чего же вы хотите?» сказалъ король: «развѣ я нарушалъ ваши законы? Отвергнулъ ли я хоть одинъ билль, клонившійся ко благу моихъ подданныхъ? Я не буду у васъ спрашивать о томъ, что вы для меня сдѣлали. Уже ли въ комъ-нибудь еще сохранились опасенія? Я предлагаю всеобщее, полное прощеніе, какое только вы можете сами придумать». — «Но милиція, государь?» сказалъ лордъ Голландъ. — «Милиція? Я не отказывалъ». — «По-крайней-мѣрѣ, ваше величество, возвратитесь въ парламентъ». — «Вы ничего не сдѣлали такого, что меня побудило бы къ этому. Не думаете ли вы, что ваша декларація способна склонить меня къ тому? Такіе доводы вы нашли, конечно, не въ *Реторикѣ* Аристотеля». — «Парламентъ» сказалъ лордъ Пемброкъ «уже почтительнѣйше просилъ объ этомъ ваше величество». — «Декларация ваша доказываетъ, что слова ничего не значатъ». — «Удостоите же, ваше величество, сказать намъ ясно, чего бы вы желали, чтобъ рѣшилось на это?» — «Я велѣлъ бы высѣчь школьника, который изъ моего отвѣта не увидалъ бы, чего я желаю. Вы ошибаетесь, если заключаете изъ него, будто я отказываюсь возвратиться въ парламентъ». — «Нѣтъ ли возможности предоставить въ распоряженіе парламента милицію, по-крайней-мѣрѣ хоть на опредѣленное время?» — «Ни даже на одинъ часъ. Вы требуете отъ меня того, чего никто никогда не требовалъ отъ короля, чего я не довѣрилъ бы своей женѣ и дѣтямъ». Затѣмъ, обратясь къ комиссарамъ нижней палаты, онъ сказалъ: «Ирландскія дѣла никогда не подвинутся съ тѣми мѣрами, какія вы принимаете; собраніе изъ 400 человекъ никогда ничего не сдѣлаетъ; надобно, чтобъ это было ввѣрено попеченіямъ одного человека. Еслибъ это поручили мнѣ,

я бы отвѣчалъ головою; въ настоящую минуту я не болѣе какъ нищій, а несмотря на это, я нашелъ бы деньги, чтобъ дѣйствовать съ успѣхомъ¹⁾. Последнія слова возбудили преждее недоверіе; въ нихъ прочли существованіе невѣдомыхъ средствъ, намѣреніе сдѣлать ненавистнымъ парламентъ, вмѣнивъ ему въ вину бѣдствія Ирландіи, и наконецъ желаніе стать одному въ главѣ арміи, чтобъ располагать ею по произволу. Переговоры прекратились; комиссары уѣхали; король продолжалъ путь и прибылъ въ Йоркъ безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Тогда началась у него съ парламентомъ борьба, до того времени безпримѣрная въ Европѣ—ясное и славное знаменіе начинавшагося тогда переворота обществъ, который окончательно довершенъ въ наше время. Сношенія продолжались; но уже ни та, ни другая сторона не возлагали на нихъ никакихъ надеждъ и даже не брали на себя труда предлагать какиа-либо условія. Въ своихъ посланіяхъ и деклараціяхъ обѣ стороны обращались уже не другъ къ другу, а къ цѣлой націи, къ общественному мнѣнію; отъ этой новой силы, казалось, обѣ онѣ ожидали для себя могущества и усиловъ. Происхождение и объемъ королевской власти, привилегіи палатъ, предѣлы обязанностей подданныхъ, милиція, прошенія, порядокъ должностей стали предметомъ официальнаго спора, въ которомъ главныя основанія общественнаго порядка, разнообразный характеръ правленій, первобытныя права свободы, исторія, законы, обычаи Англіи—все это приводилось, объяснялось, толковалось. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наука и разумъ стояли, такъ-сказать, на межѣ между преніями обѣихъ партій въ палатахъ и вооруженнымъ столкновеніемъ ихъ на полѣ сраженія, сдерживали потокъ событій, употреб-

(¹) Этотъ разговоръ извлеченъ изъ одного памфлета, напечатаннаго въ Лондонѣ тотчасъ послѣ возвращенія комиссаровъ (у В. Гэй, 1642) и содержащаго въ себѣ описаніе всего, что происходило между ними и королемъ. Издатель этого памфлета былъ позванъ къ допросу верхней палатой; но онъ отвѣчалъ, что получилъ рукопись отъ секретаря канцлера, и палата отпустила его. (*Parl. Hist.*, т. II, col. 1126—1127. — *Rushworth*, ч. 3, т. I, стр. 526—533.)

ляли все усилія, чтобъ придать тому или другому дѣлу характеръ законности и такимъ образомъ пріобрѣсть свободное содѣйствіе народа. При открытіи парламента, Англія не вѣрила въ революцію и не покушалась на нее; одни диссиденты замыслили переворотъ въ духовныхъ дѣлахъ; возвращеніе къ законному порядку, возстановленіе старинныхъ льготъ, искорененіе существующихъ вопіющихъ злоупотребленій—таковы были желанія и надежды народа, по-крайней-мѣрѣ такъ онъ думалъ. Сами вожди, болѣе-смѣлые и просвѣщенные, не простирали далѣе своихъ видовъ; энергія ихъ воли превосходила обширность ихъ плановъ, и они со дня на день все болѣе-и-болѣе увлекались этимъ потокомъ безъ отдаленной цѣли, безъ системы, единственно вслѣдствіе постепеннаго развитія ихъ положенія и ради удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ потребностей. Когда наступила минута обнажить мечъ, все изумились и пришли въ смущеніе, не потому, чтобъ сердце ихъ чувствовало робость, или междоусобная война вообще въ глазахъ парламента и даже народа представляла что-либо странное или преступное: онъ съ гордостью читалъ о ней въ своей великой хартіи, въ своей исторіи; онъ не разъ выходилъ на борьбу противъ своихъ властителей, даже отнималъ у нихъ и давалъ имъ корону; и это было во времена уже столь отдаленныя, что онъ забывалъ все бѣдствія, которымъ тогда подвергался, и видѣлъ въ нихъ только славные примѣры своей силы и власти. Но оппозиція всегда объявлялась во имя законовъ, во имя опредѣленныхъ и признанныхъ правъ; завоевывала свободу, Англія всегда думала, что защищаетъ свое наследственное право, и съ однимъ именемъ закона, законнаго порядка соединилось то всеобщее, свободное уваженіе, которое не допускаетъ спора и освящаетъ самыя смѣлыя предпріятія. Теперь же обѣ стороны обвиняли другъ друга въ незаконности и въ новаторствѣ, и притомъ обѣ съ одинакою справедливостью, потому-что одна нарушила древнія права народа и не хотѣла отказаться отъ принциповъ самовласти; другая требовала, въ силу неустановившихся еще началъ, дотолѣ-неизвѣстныхъ льготъ и власти. Обѣ онѣ чувствовали необходимость облечь покровомъ законности свои притязанія и дѣйствія; обѣ воз-

намѣрились оправдать себя не только доводами разума, но и законами. Вслѣдъ за ними съ жаромъ устремилась на эту арену вся нація, волнуемая еще болѣе, чѣмъ вожди, чувствами, которыя, казалось, исключали другъ друга и между-тѣмъ были равно искренни. Едва освободившись отъ ига, осуждаемаго, но непредупрежденнаго законами предковъ, нація усердно искала болѣе-дѣйствительныхъ гарантій; но надежды ея все-таки были обращены къ тѣмъ же законамъ, которыхъ несостоятельность была еще недавно испытана. Юныя убѣжденія, новыя идеи кипѣли въ ея груди; она вѣровала въ нихъ живою, чистою вѣрою, предавалась даже, со всею энергіею и довѣрчивостью молодости, тому энтузиазму, который стремится доставить, во что бы ни стало, торжество истинѣ, но въ то же время она была скромна въ своихъ мысляхъ, вѣрна до нѣжности своимъ привычкамъ и глубоко уважала свои древнія учрежденія; поэтому ей вѣрилось, что она ничего не измѣняетъ въ нихъ, а только служить имъ и возвращаетъ имъ прежнюю силу. Отсюда странная смѣсь отваги и робости, искренности и притворства, которыя мы находимъ въ статьяхъ всякаго рода, официальныхъ и свободныхъ, наводнявшихъ тогда Англію. Умы были распалены до безконечности; движеніе было всеобщее, неслыханное, беспорядочное; въ Лондонѣ, Йоркѣ, во всѣхъ большихъ городахъ королевства памфлеты, изданія срочныя и несрочныя размножались и распространялись повсюду¹; вопросы политическіе, религіозные, историческіе, новости, проповѣди, проекты, совѣты, грубые нападки — все допускалось на ихъ страницахъ, все становилось въ нихъ предметомъ разсказа или разсужденія; добровольные гонцы разносили ихъ по селеніямъ; во время ассизныхъ судовъ, въ базарные дни, у церковныхъ дверей, эти листки покупались и читались наперерывъ; въ этомъ взрывѣ всѣхъ мыслей, въ этой столь новой

(¹) Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій: *Mercurius aulicus*, *Mercurius Britannicus — rusticus — pragmaticus — politicus — publicus*; *Diurnal paper*; *Diurnal occurrences*; *A perfect Diurnal of some passages in Parliament*; *London Intelligencer*, и проч. и проч.

передачѣ всякихъ вопросовъ на судъ общественнаго мнѣнія, когда во всѣхъ дѣйствіяхъ и сочиненіяхъ уже господствовали принципъ полновласти (sovereignty) народа въ борьбѣ съ божественнымъ правомъ королевской власти, статуты и законы, преданія и обычаи были безпрестанно приводимы, какъ единственные законные судьи въ спорѣ, и революція была вездѣ, хотя никто не смѣлъ этого сказать и даже, можетъ-быть, признаться въ этомъ самому-себѣ.

При такомъ состояніи умовъ парламентъ былъ нравственно въ ложномъ положеніи, потому-что революція совершалась чрезъ него и въ его пользу; такъ-какъ онъ вынужденъ былъ вести ее и въ то же время отречься отъ нея, то естественно, что дѣйствія и языкъ, которымъ онъ говорилъ, попеременно обличали другъ друга во лжи, и онъ колебался въ затруднительной срединѣ между смѣлостью и хитростью, между притворствомъ и употребленіемъ открытой силы. Какъ принципы и мѣры исключительныя, приложимыя во времена кризиса и существованіе которыхъ должно было окончиться вмѣстѣ съ потребностью въ нихъ, принципы парламента были справедливы и рѣшенія его законны; но партіи не удовлетворяются такою временною законностью; народы не предають себя съ восторгомъ въ жертву ученію и интересамъ одного дня; даже въ ту минуту, когда одно настоящее властвуетъ ими и рѣшаетъ ихъ мнѣнія и дѣйствія, они вѣрятъ въ неизмѣнную прочность своихъ идей и дѣлъ, и воображаютъ, что устроняютъ будущее во имя вѣчной истины. Недовольный присвоеніемъ верховной власти, парламентъ постановилъ за правило, какъ-бы опредѣлявшее законный порядокъ въ государствѣ, что начальство надъ милиціей не принадлежитъ королю; что онъ не можетъ отказываться отъ утвержденія биллей, требуемыхъ народомъ; что палаты безъ его содѣйствія имѣютъ право объявлять, какой есть законъ; наконецъ, что справедливо и законно посредствомъ прошеній ходатайствовать объ измѣненіи дѣйствующихъ обычаевъ или статутовъ, но что всякое прошеніе о сохраненіи ихъ должно быть отвергнуто, какъ бесполезное¹. Несмотря на не-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 136, 145. — *Parliam. Hist.*, т. II, col. 1140, подъ 22-мъ марта 1642.

вѣрность и разнорѣчіе примѣровъ прежнихъ временъ, подобныя правила, возведенныя въ степень постоянного государственнаго права, очевидно были противны историческимъ основаніямъ, правильному положенію, наконецъ даже самому существованію монархіи. Король поспѣшилъ воспользоваться этимъ. Въ свою очередь, онъ сталъ говорить во имя старой Англіи, ея законовъ, ея воспоминаній. Нашлись искусные и ученые защитники его дѣла. Эдуардъ Гайдъ, бывший тогда еще въ Лондонѣ, составлялъ то одинъ, то вмѣстѣ съ Фоклендомъ, отвѣты на всѣ объявленія парламента. Поспѣшно-привозимые въ Йоркъ тайными гонцами, отвѣты эти были доставляемы въ собственныя руки королю, который ихъ самъ по ночамъ переписывалъ, чтобъ никто не узналъ ихъ автора, и потомъ обнародовалъ отъ имени своего совѣта ¹. Написанные ясно и съ искусствомъ, иногда даже съ ѣдкой пропіей, они особенно стремились разоблачать всѣ уловки, всѣ хитрости парламента и незаконность его притязаній. Карлъ не управлялъ болѣе; ему уже не надо было защищать тираннію дѣйствующую; онъ могъ умалчивать свои тайные принципы, свои заднія мысли, свои деспотическія надежды и призывать законъ противъ своихъ враговъ, которые теперь, въ свою очередь, были правящими деспотами. Вліяніе королевскихъ публикацій было такъ велико, что парламента употреблялъ всѣ усилія, чтобъ заглушить ихъ, тогда-какъ, съ своей стороны, король приказывалъ печатать парламентскія посланія вмѣстѣ съ своими отвѣтами ². Партія роялистовъ видимо увеличивалась; вскорѣ она сдѣлалась еще смѣлѣе и обратила на своихъ противниковъ оружіе свободы. Джорджъ Беньионъ, богатый купецъ изъ Сити, подалъ въ палаты прошеніе противъ ихъ постановленія о милиціи, и многіе значительные горожане подписали прошеніе вмѣстѣ съ нимъ ³. Дворяне Графства Кентскаго собрались также для составленія прошенія въ пользу королевской прерогативы и епископата ⁴; нѣко-

(¹) *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 157, 167, 171, въ *Collection* г. Гизб.—*Mémoires de Warwick*, стр. 164, тамъ же. — (²) *Rushworth*, ч. 3, т. I, стр. 751. — (³) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1150. — (⁴) 25 марта, въ медстонскихъ ассизахъ. Тамъ же, col. 1147.

торыя члены парламента, между прочими, сэръ Эдуардъ Дерингъ, первый виновникъ бѣды противъ епископовъ, открыто вызывали эти дѣйствія ¹. Памфлеты роялистовъ расходились съ большимъ успѣхомъ; они отличались ѣдкостью, высокоуміемъ, написаны были тономъ изящнаго и насмѣшливаго превосходства; даже среди народа нападки на вождей нижней палаты находили сочувствіе и вѣру; смѣялись надъ *королемъ Пеймолизъ*, надъ *головами сахара*, полученными имъ когда-то въ подарокъ, надъ 10,000 фунтами стерлинговъ *королевскихъ денегъ*, будто-бы данными имъ въ приданое за дочь, надъ трусостью графа Уорвика, *который носитъ сердце въ своихъ сапогахъ*, и надъ множествомъ подобныхъ грубыхъ остротъ, которыхъ прежде никто не сталъ бы ни повторять, ни даже слушать ². Наконецъ, въ палатахъ, друзья короля стали обнаруживать гордость и раздражительность; люди, дотошъ молчаливые, сэръ Ральфъ Гоптонъ, лордъ Гербертъ, съ живостью стали отражать намеки, оскорбительныя для его чести. Было ясно, что въ глазахъ многихъ людей дѣло его начинало выигрывать и что они, въ случаѣ нужды, поддержать его, потому-что они не колебались уже явно становиться на его сторону. Парламентъ встревожился: самолюбіе вождей было задѣто; взросши въ любви народа, они не могли вынести обиды и презрѣнія; ихъ глубоко раздражало, что въ этой бумажной войнѣ перевѣсъ повидимому оставался на сторонѣ ихъ противниковъ. Противъ этой опасности они употребили тираннію: какъ по расчету, такъ и просто вследствие раздраженія, всякая свобода была уничтожена въ преніяхъ; сэръ Ральфъ Гоптонъ былъ посаженъ въ Тоуэръ ³, лордъ Гербертъ подвергся строгому замѣчанію ⁴, Джорджъ Беньионъ и сэръ Эдуардъ Дерингъ были обвинены ⁵, прошеніе Графства Кентскаго оставлено безъ дѣйствія ⁶. Пронеслась молва, что оно появится вновь. Кромвель поспѣшилъ извѣстить объ этомъ

(¹) 25 марта, въ медстонскихъ ассизахъ. Тамъ же, col. 1147. — (²) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1164, 1405. — (³) 7 марта 1642. Тамъ же, col. 1118. — (⁴) 20 мая 1642. Тамъ же, col. 1242. — (⁵) 31 марта и 26 апрѣля 1642. Тамъ же, col. 1140, 1188. — (⁶) 28 марта 1642. Тамъ же, col. 1147.

нижнюю палату, и ему дано было поручение предупредить опасность¹. Хотя онъ занималъ еще незамѣтное мѣсто въ палатѣ, но уже болѣе всякаго другаго зналъ всѣ нити революціи и далѣе всѣхъ зашелъ на этомъ пути; его дѣятельность и влияние были устремлены пока на высшія заботы: его дѣломъ было возбуждать народъ, подслушивать, доносить, разрушать планы роялистовъ.

Уже не было сомнѣнія въ близости войны: партіи не могли жить вмѣстѣ, не могли засѣдать въ однихъ и тѣхъ же стѣнахъ. Каждый день многие члены парламента оставляли Лондонъ; одни, по неудовольствію или отъ страха, удалялись въ свои помѣстья, другіе искали новаго оружія на враговъ, вдали отъ города, гдѣ чувствовали себя побѣжденными. Большая часть изъ нихъ отправлялась къ королю, къ которому явились уже почти всѣ его совѣтники². Неожиданное происшествіе ускорило это переселеніе и безвозвратно раздѣлило обѣ партіи. 23 апрѣля, король, во главѣ 300 всадниковъ, поѣхалъ къ Гулмо и потребовалъ отъ тамошняго губернатора, сэра Джона Готэма, чтобъ онъ отдалъ городъ въ его руки. Слабый, перѣшителный, не чувствуя неприязни къ королю и не имѣя инструкцій, которыя бы опредѣляли заранѣе его образъ дѣйствій, сэръ Джонъ былъ въ величайшемъ затрудненіи и умолялъ короля подождать, пока онъ извѣститъ парламентъ о его желаніи. Но Карлъ все наступалъ и въ 11 часовъ появился подъ стѣнами Гулмы. У него были нѣкоторыя сношенія съ жителями города; даже наканунѣ этого дня сынъ его, Іаковъ, герцогъ йоркскій, племянникъ его, курфирстъ пфальцскій, и лордъ Ньюпортъ, вошли въ городъ подъ предлогомъ, что проведутъ тамъ одинъ день. Уже мэръ и нѣсколько гражданъ направлялись къ воротамъ, чтобъ отворить ихъ; Готэмъ велѣлъ имъ идти по домамъ, а самъ, въ сопровожденіи своихъ подчиненныхъ, взошелъ на валъ. Тамъ король лично потребовалъ, чтобъ его впустили. Сэръ Джонъ

(¹) 28 апрѣля 1642. *Parl. Hist.*, т. II, col. 1194. — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 338—347, въ *Collection* г. Гизб. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 654 и слѣд.

упалъ на колѣни и сталъ неловко извиняться, приводя въ оправданіе данную имъ присягу хранить вѣренную ему крѣпость, согласно повелѣніямъ парламента. Сильный ропотъ поднялся между окружавшими короля кавалерами: они грозили сэру Джону, называя его бунтовщикомъ и измѣнникомъ. «Убейте его!» кричали они офицерамъ гарнизона: «сбросьте его съ вала». Но офицеры-то именно и заставили губернатора сопротивляться. Напрасно самъ Карлъ пытался застрашать ихъ или купить. Послѣ длинныхъ переговоровъ, онъ удалился, но остался недалеко и чрезъ часъ потребовалъ, чтобъ сэръ Джонъ впустилъ его одного съ 20-ю всадниками. Сэръ Джонъ и въ этомъ отказалъ. «Еслибъ онъ вошелъ» писалъ онъ къ палатамъ «даже съ 10 человѣками, то городъ не былъ бы уже въ моей власти.» Король воротился къ валу, велѣлъ объявить Готэма и его приверженцевъ измѣнниками и въ тотъ же день написалъ въ парламентъ посланіе съ требованіемъ правосудія за такое оскорбленіе¹.

Парламентъ оправдалъ своего губернатора во всемъ и отвѣчалъ королю, что укрѣпленныя мѣста и арсеналы не составляютъ его личной собственности, на которую онъ имѣлъ бы законное право, какое, напримѣръ, гражданинъ имѣетъ на свой домъ или на свое поле; что охраненіе ихъ вѣрено ему для безопасности государства, и что эта же самая цѣль можетъ заставить парламентъ взять ихъ въ свои руки². Отвѣтъ былъ прямой и законный, но равнялся объявленію войны. Такъ и поняли его обѣ стороны. Тридцать-два лорда и болѣе шестидесяти членовъ нижней палаты, между прочими Гайдъ, отправились въ Йоркъ³. Графы Эссексъ и Голландъ, изъ ко-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 235. — Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 567. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1197, гдѣ находится письмо, въ которомъ Готэмъ самъ отдаетъ палатамъ отчетъ объ этомъ событіи. — (²) Тамъ же, col. 1188, 1193, 1204, 1209. — (³) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 339, въ *Collection* г. Гизб. — *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 174 и слѣд. 16 июня 1642, при поименной перекличкѣ въ нижней палатѣ оказалось шестьдесятъ-пять отсутствующихъ безъ извѣстной и законной причины; предложено было, что они возвратятся въ палату не иначе, какъ по предъявленіи

торыхъ одинъ былъ гофмаршаломъ, другой камергеромъ, получили отъ короля приказаніе явиться къ нему: онъ хотѣлъ оставить ихъ при себѣ и лишить парламентъ ихъ поддержки. Съ согласія верхней палаты, къ которой они принадлежали, они отказались и потеряли свои мѣста ¹. Канцлеръ Литтлтонъ, послѣ продолжительныхъ и малодушныхъ сомнѣній, переслалъ къ королю государственную печать и самъ на другой день скрылся ². Слухъ объ этомъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Лондонѣ, потому-что, съ обладаніемъ государственной печати, повидимому, соединилась законная власть. Верхняя палата видимо была смущена и замѣтно ослабѣвала; но энергія нижней палаты предупредила всѣ сомнѣнія. Отсутствующіе члены получили приказаніе возвратиться ³: вслѣдствіе формальнаго отказа девяти лордовъ, начались противъ нихъ судебныя преслѣдованія ⁴; гражданамъ запрещено было вооружаться по повелѣнію короля ⁵; посланы были во всѣ графства инструкціи, предписывавшія образованіе милиціи ⁶; во многихъ мѣстахъ она сама формировалась и обучалась. Арсеналы велѣно было перенести изъ Гуля въ Лондонъ, и все это было исполнено, несмотря на всѣ препятствія ⁷. Король приказалъ—было перевести ассизы изъ Вестминстера въ Йоркъ, чтобъ соединить въ своей резиденціи все законное правительство—парламентъ воспротивился этому и не встрѣтилъ ослушанія ⁸. Наконецъ парламентъ назначилъ комитетъ, которому поручилъ сдѣлать въ Сити заемъ, не объясняя его цѣли ⁹, и отправилъ въ Йоркъ комиссаровъ; все изъ дворянъ богатыхъ и пользовавшихся уваженіемъ въ этой провинціи; имъ приказано было оста-

законной причины отсутствія, и это предложеніе прошло съ большинствомъ 55 голосовъ. Хотѣли также наложить на нихъ штрафъ въ 20 ф. стерл.; но это предложеніе было отвергнуто большинствомъ 21 голоса. (*Parl. Hist.*, т. II, col. 1373.) — ⁽¹⁾ Тамъ же, col. 1171—1173. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 182 и слѣд. — ⁽²⁾ Тамъ же, стр. 341—348; т. IV, стр. 1—8. — ⁽³⁾ 25 мая и 2 іюня 1642. *Parl. Hist.*, т. II, col. 1296, 1327. — ⁽⁴⁾ 15 іюня 1642. Тамъ же, col. 1368. — ⁽⁵⁾ 17 мая 1642. Тамъ же, col. 1235. — ⁽⁶⁾ 4 іюня 1642. Тамъ же, col. 1328. — ⁽⁷⁾ Тамъ же, col. 1319. — ⁽⁸⁾ Тамъ же, col. 1233. — ⁽⁹⁾ 31 мая 1642. Тамъ же, col. 1323.

ваться при особѣ короля, несмотря на всѣ его возраженія, и отдавать палатамъ отчетъ во всемъ, что будетъ происходить передъ ихъ глазами ¹.

Твердость комиссаровъ не уступала опасности, сопряженной съ ихъ порученіемъ. «Господа!» сказали имъ король, когда они пріѣхали: «я приказываю вамъ воротиться назадъ. Если вы меня не послушаетесь, если вы останетесь, то берегитесь. Чтобъ не было никакихъ происковъ, никакихъ интригъ; въ противномъ случаѣ, мы скоро разочтемся другъ съ другомъ ²». Они отвѣчали почтительно и остались; каждый день терпѣли они оскорбленія, часто угрозы; имъ рѣдко позволяли свободно выходить изъ дома, но они дѣйствовали тайно, все наблюдали и обо всемъ увѣдомляли парламентъ. И въ Лондонѣ, и въ Йоркѣ все было въ движеніи. Король началъ набирать гвардію; но, не смѣя повелительно требовать исполненія этой мѣры, созвалъ окрестныхъ дворянъ, ожидал его отъ ихъ усердія ³. Собраніе это (15 мая 1642) было многочисленно и шумно ⁴; слова короля были встрѣчены продолжительными восклицаніями радости; при появленіи парламентскихъ комиссаровъ раздалась свистки и шиканье. Но въ тотъ же день въ Йоркъ прибыло нѣсколько тысячъ владѣльцовъ свободныхъ земель и фермеровъ, которыхъ съ намѣреніемъ не призывали; они твердили, что имѣютъ такое же право, какъ и дворяне, разсуждать о дѣлахъ графства, и явились у дверей залы, гдѣ были собраны роялисты. Имъ не позволили входить—они собрались въ другомъ мѣстѣ и протестовали противъ мѣръ, о которыхъ они слышали. Самое дворянство раздѣлилось въ своихъ мнѣніяхъ: на предложеніе о наборѣ гвардіи болѣе 50 дворянъ отвѣчали отказомъ и утвердили этотъ отказъ подписью своихъ именъ; прежде всѣхъ подписался сэръ

⁽¹⁾ 2 мая 1642. Комиссарами были: лорды Гоуардъ и Ферфаксъ, сэръ Гугъ Чолмондлі, сэръ Генри Чолмондлі и сэръ Филиппъ Стэпльтонъ. *Parl. Hist.*, col. 1206, 1210—1212. — ⁽²⁾ 9 мая 1642. Письмо отъ Йоркскаго Графства въ парламентъ. Тамъ же col. 1222. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. III, стр. 249—256. — ⁽³⁾ Тамъ же, стр. 281 и слѣд. — ⁽⁴⁾ May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 332 и слѣд., въ *Collection* г. Гизѣ.

Томасъ Ферфаксъ¹, человекъ еще молодой и неизвѣстный, но уже самый смѣлый и прямой изъ патриотовъ этой провинціи². Смущенный Карлъ назначилъ новое собраніе, куда должны были сойтись всѣ владѣльцы свободныхъ земель; парламентскимъ комиссарамъ запрещено было являться въ это собраніе; но оно происходило на равнинѣ, называемой Гейворт-Муръ (3 іюня 1642), близъ ихъ жилищъ, и безпрестанно къ нимъ приходили за совѣтами. Тамъ было болѣе 40,000 человекъ дворянъ, свободныхъ землевладѣльцевъ, фермеровъ, горожанъ, пѣшихъ и конныхъ; одни изъ нихъ образовали группы, другіе ходили по равнинѣ, отыскивая и собирая своихъ друзей. Вскорѣ кавалеры замѣтили, что ходить по рукамъ прошеніе, которымъ хотѣли убѣдить короля изгнать всякую мысль о войнѣ и вступить въ соглашеніе съ парламентомъ; они разразились оскорбительными словами и угрозами, яростно кидались на собиравшіеся кружки, вырывали изъ рукъ списки прошенія у тѣхъ, кто ихъ читалъ, и объявляли, что король не приметъ его³. Явился Карлъ, смущенный, разгнѣванный, не зная, что говорить предъ этой толпой, которой присутствіе и шумное волненіе уже оскорбляли его важность, неумѣющую поддержать себя. Онъ приказалъ прочитать двусмысленную декларацію и спѣшилъ удалиться, чтобъ избавиться отъ всякаго возраженія; но молодой Ферфаксъ, пробравшись сквозь толпу, внезапно упалъ передъ нимъ на колѣни и положилъ прошеніе на лукъ сѣдла его, издѣваясь такимъ образомъ у самыхъ ногъ короля надъ его гнѣвомъ; король пустилъ на него свою лошадь и сильно толкнулъ его, но не могъ заставить его удалиться⁴.

Такая смѣлость въ присутствіи короля, проявившаяся въ

(¹) Родился въ январѣ 1611, въ Дентонѣ, въ Графствѣ Йоркскомъ. — (²) Письмо отъ Йоркскаго комитета парламенту, отъ 13 мая (*Parl. Hist.*, т. II, col. 1226—1233.) — (³) Шестое письмо Йоркскаго комитета парламенту, отъ 4 іюня 1642 года. — Письмо Джона Бурчьера (*Burchier*), присутствовавшего при гейворт-мурскомъ собраніи, къ его двоюродному брату, Томасу Баррингтону, члену нижней палаты, отъ того же числа (*Parl. Hist.*, т. II, col. 1345—1353.) — (⁴) *Carte, Life of Ormond*, т. I, стр. 357.

графствѣ, болѣе-преданномъ его дѣлу, испугала роялистовъ, особенно тѣхъ, которые пріѣхали изъ Лондона, пораженные могуществомъ и энтузіазмомъ парламента. Уже и то много, думали они, что, прибывъ къ государю, они представили такое опасное свидѣтельство своего усердія; имъ не хотѣлось компрометировать себя еще болѣе, и, пріѣзжая въ Йоркъ, они охладѣвали и робѣли¹. Карлъ потребовалъ отъ нихъ объясненія причинъ, побудившихъ ихъ оставить Лондонъ: ему оно нужно было для того, чтобъ доказать, что парламентъ, послѣ столькихъ возмущеній и насмѣй, уже не свободный парламентъ, а слѣдовательно, пересталъ быть и законнымъ. Они подписали объясненіе; но на другой день многіе изъ нихъ пришли къ королю и сказали, что если онъ обнародуетъ этотъ актъ, то они вынуждены будутъ отпереться отъ него. «Что жъ я стану съ нимъ дѣлать?» спросилъ король съ сердцемъ. Но они стояли на-своемъ и объясненіе не было обнародовано². Несмотря на большое стеченіе кавалеровъ и на ихъ заносчивыя выходки, ничего не вышло. Въ Йоркѣ не было ни денегъ, ни оружія, ни военныхъ припасовъ, ни даже провизіи; у короля едва доставало на содержаніе стола и на обыкновенные домашніе расходы³. Королева продала въ Голландіи нѣсколько коронныхъ брилліантовъ; но страхъ передъ грозой парламента былъ такъ силенъ, что долго королева не могла найти средствъ переслать королю полученную за брилліанты сумму⁴. Онъ запретилъ всѣмъ своимъ подданнымъ повиноваться постановленію парламента о милиціи⁵, а самъ далъ главнѣйшимъ изъ роялистовъ каждаго графства порученіе набирать и организовывать ее отъ его имени⁶. Но, чтобъ смягчить впечатлѣніе, какое могла произвести эта мѣра, онъ тотчасъ же сталъ увѣрять, что вовсе не думаетъ о войнѣ, а лорды, бывшіе въ Йоркѣ, старательно распространяли офіціальныи актъ, въ которомъ объявляли, что, сколько имъ извѣ-

(¹) *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 139. — (²) Тамъ же, стр. 140—141. — (³) Тамъ же, стр. 172, 228. — (⁴) Тамъ же, стр. 118. — (⁵) 27 мая 1642. *Rushworth*, ч. 3, т. I, стр. 550. — (⁶) Первое порученіе этого рода дано лорду Гэстингсу, для Лейстерскаго Графства, отъ 11 іюня 1642. *Rushworth*, ч. 3, т. I, стр. 655 и слѣд.)

стно, нѣтъ никакихъ приготовленій, никакихъ дѣйствій, которыя бы доказывали подобное намѣреніе ¹. Слабость не была единственной причиной такой нерѣшительности, такой лживости. Со времени прибытія членовъ, оставившихъ парламентъ, Карлъ находился подъ вліяніемъ самыхъ противоположныхъ совѣтовъ: убѣжденные, что самая надежная сила заключается въ уваженіи народа къ законному порядку, юрис-консульты, члены магистратуры и люди умѣренные хотѣли, чтобъ впредь король строго соблюдалъ законы, и всю вину нарушения ихъ оставилъ одному парламенту; а кавалеры кричали, что медленность все губитъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ надо предупреждать своихъ враговъ. Карлъ былъ не въ состояніи лишиться себя поддержки той или другой партіи и поочередно старался удовлетворить обѣимъ.

Напротивъ, положеніе парламента сдѣлалось проще; удаление членовъ въ такомъ большомъ количествѣ предоставило безспорную власть вождямъ революціи; возвышалось еще нѣсколько голосовъ, но имъ осталась только печальная доля изъяснять сожалѣнія и дѣлать предостереженія: ихъ едва удостоивали отвѣта. Рѣшительное большинство, находя войну неизбежною, смѣло принимало ее, хотя съ весьма-различными цѣлями и чувствами. Изъ уваженія къ приличію, назначенъ былъ комитетъ для изысканія средствъ предупредить войну ²; даже былъ составленъ проектъ мирнаго соглашенія, въ 19 статьяхъ, и торжественно отправленъ къ королю ³. Но, въ ожиданіи отъ него отвѣта, не давали хода предложеніямъ, клонившимся въ пользу мира ⁴; военныя приготовленія производились открыто и дѣятельно. Карлъ вывезся идти самъ въ Ирландію для подавленія мятежа, съ каждымъ днемъ

(¹) Эта декларация, отъ 15 іюня 1642, была подписана 45-ю лордами и членами совѣта. (*Parl. Hist.*, т. II, col. 1373—1375. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 142—144.) — (²) 27 мая 1642 *Parl. Hist.*, т. II, col. 1319. — (³) 2 іюня 1642. Тамъ же, col. 1324—1327. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 363—371, въ *Collection* г. Гизо. — (⁴) Между прочими, не дали хода одному прошенію, приготовленному, въ началѣ іюня, въ Графствѣ Соммерсетскомъ (*Parl. Hist.*, т. II, col. 1366).

усиливавшася; его предложеніе было отвергнуто ¹. Онъ отказался назначить требуемаго палатами лорда Уорвика начальникомъ флота (31 марта 1642), но Уорвикъ принялъ начальство, несмотря на этотъ отказъ ². Лордъ-меръ Горни дерзнулъ обнародовать въ Лондонѣ повелѣніе короля о наборѣ милиціи въ королевскую службу и отъ его имени; онъ былъ обвиненъ, посаженъ въ Тоуэръ и отставленъ отъ должности, которая ввѣрена была альдермену Пеннингтону, ревностному пуританину ³. Городъ далъ взаймы 100,000 фунтовъ стерлинговъ ⁴; другіе 100,000 были взяты изъ фондовъ, назначенныхъ для вспоможенія Ирландіи ⁵; въ палатахъ открыта подписка (10 іюня 1642); каждого члена вызывали поочередно и требовали, чтобъ онъ немедленно объяснилъ свои намѣренія. Нѣкоторые отказались. Сэръ Генри Килигрью сказалъ: «Если представится случай, я возьму добрую лошадь, хорошія латы изъ буйволовои кожи, добрую пару пистолетовъ, и не затруднюсь отыскать себѣ дѣло.» Но онъ тотчасъ уѣхалъ въ свое графство, ибо послѣ такихъ словъ ему нельзя было пройти по улицамъ Лондона, не подвергаясь оскорбленіямъ и опасности ⁶. Народъ былъ въ высшей степени разгоряченъ. Какъ въ Сити, такъ и въ Вестминстерѣ, удаление членовъ-роялистовъ уменьшило бодрость въ ихъ приверженцахъ. Парламентъ сдѣлалъ воззваніе къ патриотизму гражданъ: деньги, серебро, драгоценныя камни—все принималось, чтобъ сформировать сколько-нибудь эскадроновъ кавалеріи, съ обѣщаніемъ восьми процентовъ. Съ каедръ раздавались увѣщанія проповѣдниковъ; дѣйствіе рѣчей ихъ превзошло совѣты самыхъ горячихъ патриотовъ и ожиданія самыхъ довѣрчивыхъ людей. Впродолженіе десяти дней несметное количество серебра приносимо было въ Гильдгалл;

(¹) 15 апрѣля 1642. *Parl. Hist.*, т. II, col. 1160—1172 и слѣд. — (²) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1164—1165. — May, *Hist. du Long Parl.* т. I, стр. 395 и слѣд., въ *Collection* г. Гизо. — (³) 18 августа 1642. *Parl. Hist.*, т. II, col. 1203, 1403, 1452. — *State-Trials*, т. IV, col. 159. — (⁴) 4 іюня 1642. *Parl. Hist.* т. II, col. 1328. — (⁵) 30 іюля 1642. May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 33—40, въ *Collection* г. Гизо. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1443—1448. — (⁶) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 136, т. VIII, стр. 290.

недоставало людей, чтобъ принимать, мѣста—чтобъ помѣщать его; бѣдныя женщины отдавали обручальныя свои кольца, золотыя или серебряныя булавки, которыми онѣ прикалывали свои волосы, и многія очень-долго дожидались, пока примутъ ихъ приношеніа¹. Узнавъ о такомъ успѣхѣ нижней палаты, Карлъ хотѣлъ испытать то же средство; но энтузіазму подражать нельзя: только народное самоотверженіе въ-состояніи поддержать дѣло. Оксфордскій университетъ отправилъ къ королю свое серебро; по его примѣру, кембриджскій приказалъ упаковать также свое; часть его была даже отправлена, какъ вдругъ явился Кромвель, всегда бдительный, и остановилъ дальнѣйшую пересылку². Коммиссары короля ходили изъ замка въ замокъ, но съ большимъ трудомъ могли собрать весьма-незначительныя пожертвованія, и насмѣшка, суетное и опасное удовольствіе побѣжденнаго двора, осталась единственнымъ утѣшеніемъ для кавалеровъ³.

Проектъ мирнаго соглашенія былъ полученъ въ Йоркѣ и представленъ королю 17 іюня. Этотъ проектъ превосходилъ предсказанія самыхъ заносчивыхъ роялистовъ и отнималъ всякую надежду у самыхъ умѣренныхъ. Палаты требовали полнаго уничтоженія королевской прерогативы и чтобъ вся власть принадлежала имъ. Возведеніе въ достоинство перовъ, назначеніе и удаленіе всякаго рода высшихъ сановниковъ, воспитаніе и бракосочетаніе дѣтей короля, дѣла военныя, гражданскія, духовныя — ничто не должно было рѣшаться безъ формальнаго согласія парламента. Такова была въ-сущности настоящая цѣль революціи; таковъ былъ драгоцѣнный результатъ, котораго она должна была въ-послѣдствіи достигнуть; но не пришло еще то время, когда это рѣшительное участіе

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 376 и слѣд. въ *Collection* г. Гизо. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 136. — Whitelocke, стр. 58. — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 196, въ *Collection* г. Гизо. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1453. — *Querela Cantabrigiensis*, стр. 132 (in-8, Лондонъ, 1685.) — *Barwick's Life*, стр. 24 (in-8, Лондонъ, 1724.) — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 53. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 55—57. — May, *Hist. du Long Parl.* т. I, стр. 401.

парламента въ правленіи государствомъ должно было совершиться вслѣдствіе естественнаго развитія учреждений и преобладающаго, хотя и косвеннаго вліянія нижней палаты на ежедневное отправленіе власти. Будучи не въ-состояніи заставить короля признать ея вождей непремѣнными своими совѣтниками, національная партія чувствовала себя вынужденною оѣфициально подчинить короля своей власти, такъ-какъ иначе она не могла безопасно существовать — средство обманчивое и неведущее къ цѣли, способное только повергнуть государство въ состояніе анархіи, но единственное, какое тогда могли придумать самые даровитые политики. При чтеніи этихъ предложеній, негодованіе изобразилось въ глазахъ короля, и яркая краска выступила на лицѣ его. «Если я соглашусь на то, чего вы отъ меня требуете, что жъ тогда у меня останется?» отвѣчалъ онъ. «Пожалуй, вы будете представляться мнѣ съ открытой головой, будете цаловать мнѣ руку и называть меня «ваше величество»; пожалуй, вы сохраните формулу: *воля короля, возвыщаемая палатами*, и будете облекать въ нее ваши повелѣнія; пожалуй, предо мной будутъ носить жезлъ, или шпагу, и позволятъ мнѣ забавляться скипетромъ или короной, этими безплодными вѣтвями древа, которыя недолго будутъ цвѣсти, когда стволъ засохнетъ; но что касается дѣйствительной и настоящей власти, то я буду тогда только тѣнью, внѣшнимъ знакомъ, пустымъ призракомъ короля!» И онъ прервалъ переговоры.

Парламентъ и не ожидалъ другаго отвѣта. Какъ-скоро онъ получилъ его, исчезла всякая нерѣшительность, даже наружная; междоусобная война пущена была на голоса (9 іюля 1642). Почти только одинъ голосъ возвысился противъ этой войны, и это былъ тотъ самый голосъ, который, при открытіи за-сѣданій, первый высказалъ всѣ жалобы народа. «Господинъ ораторъ» сказалъ сэръ Бенджаминъ Рудердъ: «я до глубины души проникнуть и объять чувствомъ того, чего требуетъ честь палаты и успѣхъ этого парламента; но, чтобъ вѣрно судить о томъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся,

(¹) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 728.

перенесемъ за три года назадъ. Еслибъ тогда кто-нибудь сказалъ намъ, что чрезъ три года, по какой бы то ни было причинѣ, королева убъжитъ изъ Англїи въ Голландїю, что король удалится отъ насъ и изъ Лондона въ Йоркъ, говоря, что въ Лондонѣ онъ небезопасенъ, что общій мятежъ охватитъ Ирландїю, что государство и церковь сдѣлаются добычею раздоровъ, которые теперь волнуютъ ихъ — навѣрное, мы затрепетали бы при одной мысли о такомъ положенїи. Поймемъ же всю его тяжесть теперь, когда мы въ немъ находимся. Если, съ другой стороны, намъ сказали бы, что чрезъ три года у насъ будетъ парламентъ, что корабельная пошлина будетъ уничтожена, что исчезнутъ монополїи, что упразднены будутъ церковныя судебныя коммиссіи, звѣздная палата, подача епископами голосовъ, что кругъ дѣйствїй государственнаго совѣта будетъ опредѣленъ и ограниченъ, что у насъ будутъ парламенты чрезъ каждые три года... что говорю я? постоянный парламентъ, котораго никто не можетъ распустить, кромѣ насъ самихъ — навѣрное, мы приняли бы все это не болѣе, какъ за прїятную мечту. И что же? мы дѣйствительно достигли всего этого, и не умѣемъ пользоваться: мы хотимъ новыхъ гарантїй. Дѣйствительное обладаніе всѣми этими благами составляетъ лучшую ихъ гарантїю; они сами себя обезпечиваютъ. Будемъ осторожны: домогаясь какой-то полной безопасности среди всякаго рода случайностей, можно подвергнуть опасности то, что мы уже имѣемъ. Положимъ даже, что мы и достигли бы всего, чего желаемъ, все-таки мы не будемъ наслаждаться безопасностью математически-вѣрно: всѣ человѣческія гарантїи подвержены порчѣ и могутъ оказаться несостоятельными. Божественный промыслъ не терпитъ цѣпей: онъ хочетъ, чтобъ успѣхъ былъ въ его рукахъ. Господинъ ораторъ, нынѣ намъ слѣдуетъ вооружиться всѣмъ благоразумїемъ, къ какому мы только способны, потому-что пожаръ скоро вспыхнетъ, и повсюду водворится хаосъ. Стоитъ начаться кровопролитїю — и мы впадемъ въ неминуемое бѣдствїе, въ ожиданїи невѣрнаго успѣха, котораго достигнемъ Богъ-знаетъ когда, и Богъ-знаетъ еще какаго успѣха! Всякій человѣкъ обязанъ испытать крайнїя усилїя, чтобъ помѣшать кровопролитїю; кровь — это

грѣхъ, вопіющїй объ отмщенїи; она пятнаетъ всю страну. Станемъ спасать свои права, свои имущества, но такимъ образомъ, чтобъ спасти вмѣстѣ съ тѣмъ и души наши. Я исполнилъ долгъ моей совѣсти; предоставляю каждому сообразоваться съ своею совѣстью¹. Это было напрасное воззванїе честнаго человѣка, которому болѣе ничего не оставалось, какъ только удалиться съ поприща, становившагося слишкомъ-бурнымъ для его непорочной и осмотрительной добродѣтели. Другїя ожиданїя, другїя опасенїя, также нелишennыя основанїя, хотя къ нимъ присоединились слѣпыя или не столь чистыя страсти, владѣли партїей національной. Насталъ день, когда добро и зло, спасенїе и гибель такъ смутно смѣшиваются и сливаются между собою, что самые твердые умы не могутъ уже различать ихъ и становятся только орудїями провидѣнїя, которое караетъ королей въ народахъ и народы въ короляхъ. Только сорокъ-пять членовъ раздѣляли въ нижней палатѣ мнительность Рудерда², а въ верхней палатѣ протестовалъ одинъ лордъ Портлендъ³. Мѣры, которыхъ требовала война, были приняты немедленно. Палаты захватили въ свои руки всѣ государственные доходы⁴; графства получили приказанїе запасать оружіе, порохъ, и быть наготовѣ при первомъ сигналѣ. *Комитету общественной безопасности*, составленному изъ пяти перовъ и десяти членовъ нижней палаты, было поручено пецись о защитѣ государства и объ исполненїи повелѣнїй парламента⁵. Наконецъ, опредѣлено было сформировать армію изъ двадцати полковъ пѣхоты, по 1000 человѣкъ въ каждомъ, и семидесяти-пяти эскадроновъ конницы, по шестидесяти лошадей въ каждомъ. Командованїе полками получили лорды Кимболтонъ и Брукъ, сэръ Джонъ

(¹) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1416—1418. — (²) Наборъ десяти тысячъ волонтеровъ въ Лондонѣ былъ предложенъ въ нижней палатѣ 125 голосами противъ 45. (*Parl. Hist.*, т. II, col. 1409.) — (³) Тамъ же, col. 1414. — (⁴) Тамъ же, col. 1349. — (⁵) 4 іюля 1642. Пять перовъ были: графы Нортумберлендъ, Эссексъ и Пемброкъ, Голландъ и Виконтъ Сэй; изъ членовъ нижней палаты были выбраны: Гэмденъ, Пеймъ, Голлизъ, Маринъ, Файннъ, Пирпойнтъ, Глейнъ, сэръ Уильямъ Уолмеръ, сэръ Филиппъ Стэпльтонъ и сэръ Джонъ Меррикъ.

Меррикъ, Гемденъ, Голлизъ, Кромвель, предводители народа какъ въ полѣ, такъ и въ Вестминстерѣ. Графъ Эссекъ назначенъ былъ главнокомандующимъ¹.

(¹) Читателямъ не будетъ неинтересно видѣть точный и полный списокъ вождей этой истинно-національной арміи: они найдутъ его въ *Приложеніяхъ* къ этому тому.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало междоусобной войны. — Король распускаетъ свое знамя въ Ноттингэмѣ. — Битва при Эджиллѣ. — Ужасы въ Лондонѣ. — Сраженіе при Brentfordѣ. — Попытки переговоровъ. — Характеръ междоусобной войны. — Королева возвращается съ континента. — Переговоры въ Оксфордѣ. — Начало недовѣрчивости къ Эссексу. — Несогласія внутри парламента. — Заговоръ роялистовъ въ Лондонѣ. — Смерть Гэмдена. — Пораженія парламента; его энергія. — Планы короля идти на Лондонъ; они не удаются. — Осада Глостера. — Эссекъ ведетъ осаду. — Битва при Ньюбери. — Смерть лорда Фокленда. — Союзъ парламента съ шотландцами. — Торжественное возвращеніе Эссекса въ Лондонъ.

1642 — 1643.

Узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ, король также покинулъ свою перфшительность и, въ свою очередь, обнаружилъ болѣе энергіи. Королева прислала ему изъ Голландіи небольшое подкрѣпленіе и общала еще больше¹. Маркизь Гертфордъ, графъ Нортэмтонъ, лордъ Стренджъ, сэръ Ральфъ Гоптонъ, сэръ Генри Гэстингсъ, комиссары, которымъ король поручилъ вербовать солдатъ отъ его имени, дѣйствовали не безуспѣшно въ западныхъ и сѣверныхъ графствахъ². Горингъ,

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 173. — (²) May, *Hest. du Long Parl.*, т. II, стр. 16—23.

губернаторъ Портсмута, открыто перешелъ на его сторону¹. Повсюду поднимались кавалеры; они грабили по деревнямъ, силою вламывались въ дома приверженцевъ парламента, брали деньги, лошадей, оружiе и прiѣзжали въ Йоркъ, гордясь уже своими побѣдами и легко-добытыми сокровищами. Карлъ понималъ, что такіе беспорядки могутъ сильно повредить его дѣлу. Чтобъ положить имъ конецъ и въ то же время воспламенить усердіе роялистовъ, онъ лично объѣхалъ графства Йоркъ, Лейстеръ, Дерби, Ноттингэмъ, Линкольнъ, вездѣ созывалъ дворянъ, благодарилъ ихъ за преданность, убѣждалъ сохранять порядокъ, дѣйствовать осторожно. Онъ сдѣлался дѣятельнѣе, привѣтливѣе противъ своего обыкновенія, даже говорилъ рѣчи народу, увѣрилъ его въ своей непоколебимой преданности вѣрѣ и законамъ отечества². Эти собранія, рѣчи, эти дворяне, оставившіе свои замки, или укрѣплявшіе ихъ, эти граждане, поправлявшіе стѣны своихъ городовъ, несметное множество вооруженныхъ путешественниковъ, толпившихся на дорогахъ, миллионеры, каждый день занимавшіеся ученіемъ—все это было похоже на объявленную войну и повсемѣстно во всемъ королевствѣ каждую минуту возбуждало поводы къ ней и охоту. Уже кровь лилась не въ одной стычкѣ, хотя дѣло не доходило до сраженій, а ограничивалось только драками³. Уже двѣ неудавшіяся попытки короля, въ Гумлѣ и Кёвентри, дали парламенту предлогъ обвинить его, какъ зачинщика⁴. Та и другая партія равно боялись этого обвиненія; готовыя жертвовать всѣмъ, лишь бы отстоять свои права, объ партіи страшились, однако, ответственности за будущее. Наконецъ, 23 августа, король рѣшился распустить свое знамя въ Ноттингэмѣ, то-есть офиціально призвать подданныхъ къ оружію. Въ шесть часовъ вечера выѣхалъ онъ въ сопровожденіи восьмисотъ всадниковъ и не-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 243 и слѣд. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1440 — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 40—41, 55, въ *Collection* г. Гизо. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 216 и слѣд. — (³) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 16. — Whitelocke, стр. 59. — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 257. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1456.

большаго отряда милиціи и велѣлъ прежде всего прочесть прокламацію съ вершины холма, господствующаго надъ городомъ. Герольдъ начинаеть чтеніе; но вдругъ какал—то мысль возникаетъ въ умѣ короля; онъ беретъ бумагу изъ рукъ чтеца, кладетъ ее на колѣно, медленно поправляетъ въ ней нѣсколько мѣстъ и потомъ передаетъ герольду, который съ трудомъ разбираетъ его поправки. Зазвучали трубы; понесли знамя съ девизомъ: «воздадите кесарева кесареви». Но бѣда въ томъ, что никто не знаетъ, гдѣ укрѣпить знамя; никто не знаетъ, какъ въ старину совершался обрядъ созыванія вассаловъ. День былъ сумрачный; вѣтеръ дулъ сильно. Наконецъ поставили знамя на вершинѣ башни, внутри стѣны замка, по примѣру Ричарда III: старѣе примѣра не сдумали отыскать. На другое утро вѣтромъ спесло знамя. «И къ-чему было поднимать знамя туда?» сказалъ король. «Слѣдовало водрузить его на открытомъ мѣстѣ, такъ, чтобъ каждый могъ свободно подходить къ нему; а то поставили его въ тюрьмѣ!» И король велѣлъ вынести знамя изъ замка въ паркъ. Герольды хотѣли было водрузить его въ землю, но почва оказалась каменистою. Они выкопали книжалами ямку; но дѣло не ладилось, и нѣсколько часовъ сряду надобно было поддерживать знамя руками. Бывшіе при этомъ удалились, встревоженные зловѣщными предзнаменованіями¹. Король провелъ нѣсколько дней въ Ноттингэмѣ, тщетно ожидая, чтобъ королевство отозвалось на призывъ его. Въ нѣсколькихъ льѣ оттуда, въ Нортгэмптонѣ, формировалось войско парламента; набралось уже нѣсколько полковъ. «Если они рѣшатся напасть на насъ врасплохъ» сказалъ сэръ Джемсъ Эсли, генерал-майоръ королевскихъ войскъ», то я не ручаюсь за безопасность короля: пожалуй, схватятъ его, пока онъ будетъ въ постели²». Нѣкоторые члены совѣта убѣждали Карла еще разъ попытаться счастья въ переговорахъ. «Какъ! уже?!» сказалъ онъ: «даже прежде начала войны!» Совѣтники стояли на-своемъ, ссылаясь

(¹) Rushworth, ч. 3, т. I, стр. 783. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 258. — William Lilly, *Observations on the life and death of king Charles*, въ *Select tracts*, Мазера, т. I, стр. 176. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 2.

на слабыя средства короля. Четыре депутата¹ отправились въ Лондонъ (25 авг. 1642) и возвратились ни съ чѣмъ; одинъ изъ нихъ, лордъ Саутэмптонъ, не могъ даже добиться позволенія лично передать палатѣ свои порученія². Король оставилъ Ноттингемъ³, узнавъ, что западные графства ревностиѣе прочихъ приняли его сторону, и перенесъ свою главную квартиру въ Шрюзбѣри, хотя и жаль ему было удалиться отъ Лондона.

Прошла уже слишкомъ недѣля съ-тѣхъ-поръ, какъ главнокомандующій Эссексъ прибылъ къ арміи парламента. При отъѣздѣ его изъ Лондона⁴, безчисленная толпа народа провожала его съ криками «vivat!» и махала желтыми перевязями (цвѣтъ дома Эссексовъ—желтый); кто носилъ не этотъ цвѣтъ, того почитали лицомъ подозрительнымъ и преслѣдовали оскорбленіями⁵. Въ Нортэмптонѣ Эссексъ нашелъ войско, состоявшее, приблизительно, изъ 20,000 человекъ. При главнокомандующемъ состоялъ комитетъ изъ депутатовъ обѣихъ палатъ; впрочемъ, права его не превышали власти главнокомандующаго, подъ предсѣдательствомъ котораго онъ долженъ былъ собираться⁶. Комитету поручено было передать королю прошеніе, въ которомъ его заклинали возвратиться въ Лондонъ; въ случаѣ отказа со стороны короля, комитетъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ безотлучно и употребить всѣ старанія, чтобъ «какимъ бы то ни было образомъ, битвою или иными средствами, вырвать изъ рукъ коварныхъ совѣтниковъ его величество, сыновей его: принца валлійскаго и герцога йоркскаго, привести ихъ въ Лондонъ и снова воротить ихъ парламенту⁷».

Прошеніе не было даже представлено королю, который объявилъ, что не приметъ его изъ рукъ людей, объявлен-

(¹) Графы Саутэмптонъ и Дорсетъ, сэръ Джонъ Кольпепперъ и сэръ Уильямъ Ювдаль (Uvedale). — (²) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1458—1460. — (³) Около половины сентября. — (⁴) 9 сент. 1642. — (⁵) *May, Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 57. — *Whitelocke*, стр. 59. — (⁶) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1473. Комитетъ былъ составленъ изъ двѣнадцати лордовъ и двадцати-четырехъ членовъ нижней палаты. — (⁷) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1471.

ныхъ имъ измѣнниками¹. Въ Шрюзбѣри войско короля усилилось, и онъ получилъ бѣльшую увѣренность въ успѣхѣ своего дѣла. Наконецъ—то къ нему стали подходить значительныя подкрѣпленія съ запада и съ сѣвера. Чтобъ вооружить новоприбывшихъ рекрутъ, король, не безъ сопротивленія, отобралъ оружіе у милиціи нѣсколькихъ графствъ и перехватилъ войска, проходившія по западнымъ областямъ, чтобъ съѣсть на суда въ Честерѣ и отпривиться въ Ирландію. Католики графствъ Шроуъ и Стаффордъ ссудили его занмобразно пятью тысячами фунтовъ стерлинговъ; одинъ дворянинъ заплатилъ за титулъ барона 6000 ф. стер.; даже изъ Лондона приверженцы короля тайно препроводили къ нему деньги. Подъ знаменами его собралось около 12,000 человекъ². Племанникъ короля, принцъ Робертъ³, недавно-прибывшій изъ Германіи⁴, опустошалъ окрестности съ конницею, надъ которою начальствовалъ, и уже успѣлъ грабежами и жестокостями навлечь на себя всеобщую ненависть и внушить жителямъ страхъ своею отвагой. Эссексъ, между-тѣмъ, приближался медленно; казалось, онъ слѣдовалъ за своимъ противникомъ, не думая настигать его. Прибывъ 23 сентября въ Уорстеръ, въ недалекомъ разстояніи отъ короля, онъ провелъ тамъ три недѣли въ бездѣйствіи. Поощряемый этимъ обстоятельствомъ, а также нѣсколькими удачными стычками и благопріятнымъ оборотомъ дѣла, Карлъ рѣшился идти на Лондонъ, чтобъ кончить войну однимъ ударомъ. Уже три дня находился онъ въ дорогѣ, какъ вдругъ Эссексъ погнался за нимъ съ тыла, чтобъ защитить парламентъ.

Сильно было смятеніе въ Лондонѣ: такой внезапной опасности никто не ожидалъ; приверженцы парламента были изумлены; роялисты начали волноваться; народъ испугался. Но народъ легко переходитъ отъ испуга къ ожесточенію,

(¹) 16 октября 1642. *Parl. Hist.*, т. II, col. 1484. — (²) *May, Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 37—39, 56, 66—69. — *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 24, 29, 41, 60, 62, 68. — *Мемуары г-жи Готчипсонъ*, т. I, стр. 199—212, въ *Collection г. Гизо*. — (³) Второй сынъ Фридриха V, курфюрста пфальцскаго, короля богемскаго, и Елизаветы, сестры Карла I. — (⁴) Въ началѣ сентябр.

чѣмъ парламентъ и не преминулъ воспользоваться. Равно твердый и пылкій въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и въ рѣчахъ, онъ быстро взялъ мѣры защиты противъ короля, мѣры строгости противъ своихъ недоброжелателей. Тѣ, которые до того времени, подъ разными предлогами, уклонялись отъ жертвованій, тотчасъ же были обложены извѣстною податью, которая взималась съ нихъ насильственно; явные ослушники были заключены въ темницу, люди подозрительные обезоружены; введены всякаго рода обыски; осмотрѣны конюшни въ городѣ и предмѣстьяхъ и отобраны всѣ лошади, годныя на службу. Поспѣшно возведены укрѣпленія; толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей работала усердно; улицы были оцѣплены и покрылись баррикадами; милиція была на ногахъ день и ночь и готова каждую минуту двинуться въ походъ¹.

Вдругъ, утромъ 24 октября, разнесся слухъ, что дано большое сраженіе, въ которомъ войско парламента разбито наголову и множество офицеровъ убито и взято въ плѣнъ. Эти слухи шли изъ Уксбриджа, лежащаго въ нѣсколькихъ льѣ отъ Лондона. Разсказчики говорили, что слышали это отъ шотландца, сэра Джемса Рамзеля, начальника одного изъ кавалерійскихъ полковъ, проѣхавшаго черезъ этотъ городъ. Почти въ то же самое время принесены новыя вѣсти, противоположныя первымъ, но столько же невѣрныя: будто графъ Эссексъ одержалъ рѣшительную побѣду и войско короля находится въ совершенномъ разстройствѣ. Вѣсти эти слышали также на уксбриджской дорогѣ отъ людей, которые во весь опоръ скакали въ Лондонъ, чтобъ объявить парламенту объ этомъ чудесномъ успѣхѣ².

Парламентъ, зная истину не лучше остальной массы народа, приказалъ закрыть лавки, велѣлъ милиціи занять назначенныя ей мѣста, гражданамъ ждать его распоряженій и потребовать отъ каждаго изъ своихъ членовъ личнаго выраженія преданности графу Эссексу и его дѣлу, несмотря на

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 70. — *Parl. Hist.*, т. II, col. 1478—1485. — Whitelocke, стр. 60. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 51. — (²) Whitelocke, стр. 61. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 101—103.

то, что случилось уже, или что могло бы случиться впредь¹. Лишь на другое утро (26 окт. 1642) лордъ Уортонъ и мистеръ Стродъ привезли изъ арміи официальное извѣстіе о битвѣ и ея результатахъ.

Сраженіе было дано 23 октября близъ города Кейнтонна, въ Графствѣ Уорвикъ, при подошвѣ холма Эджгилль. Здѣсь только настигъ Эссексъ королевское войско послѣ десятидневнаго перехода, въ продолженіе котораго обѣ арміи, находясь другъ отъ друга на разстояніи нѣсколькихъ льѣ, не имѣли ни малѣйшихъ свѣдѣній о своихъ взаимныхъ движеніяхъ. Часть артиллеріи и нѣсколько полковъ, въ томъ числѣ полкъ Гэмдена, Эссексъ оставилъ назадъ и, несмотря на то, немедленно рѣшился на атаку; король, съ своей стороны, рѣшился на то же. И тотъ и другой желали битвы: Эссексу хотѣлось спасти Лондонъ, а королю нужно было уничтожить сопротивленіе, которое онъ встрѣчалъ въ этомъ графствѣ, гдѣ упорство жителей доходило до того, что кузнецы разбѣгались изъ деревень при его появленіи, лишь бы не ковать его лошадей². Битва началась въ исходѣ втораго часа пополудни и неослабно продолжалась до вечера. Весь полкъ сэра Фесчуль Фортескіу (Faithful Fortescue) перешелъ на сторону непріятеля въ то самое мгновеніе, когда слѣдовало начать атаку, и тѣмъ самымъ ослабилъ кавалерію парламента, а принцъ Робертъ нанесъ ей совершенное пораженіе. Но, неосмотрительно-пылкій, увлекаемый притомъ жаждою грабежа, онъ преслѣдовалъ ее на пространствѣ слишкомъ двухъ миль, ни мало не заботясь о томъ, что происходило у него въ тылу. Остановленный наконецъ полкомъ Гэмдена, который подоспѣлъ вмѣстѣ съ артиллеріей, онъ воротился назадъ. По прибытіи на мѣсто сраженія, онъ увидѣлъ, что королевская пѣхота разбита и разбѣяна, главнокомандующій Линдсей смертельно раненъ и взятъ въ плѣнъ, королевское знамя въ рукахъ войска парламента. Была даже минута, когда король, всѣми оставленный, чуть-было не попался въ плѣнъ. Резервы Эссекса одни занимали въ стройномъ порядкѣ поле сраженія. Король и пле-

(¹) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1494. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 78.

мянникъ его, принцъ Робертъ, тщетно пытались уговорить свои эскадры снова вступить въ битву: войска собирались въ безпорядкѣ; солдаты искали офицеровъ, офицеры — солдатъ; лошади падали отъ утомленія и оказывались негодными къ дѣлу. Обѣ арміи провели ночь на полѣ сраженія; ни та, ни другая не знали, что скажетъ слѣдующее утро, хотя каждая приписывала побѣду себѣ. Парламентъ потерялъ болѣе простыхъ солдатъ, король — болѣе знати и офицеровъ. Съ разсвѣтомъ дня, Карлъ объѣхалъ свои полки; онъ не досчитался трети пѣхоты и множества кавалеристовъ; не все они были убиты, но холодъ, недостатокъ въ свѣтлыхъ припасахъ, неприятное впечатлѣніе, произведенное первымъ поражениемъ, отбило у болѣе части волонтеровъ охоту; они разбѣжались¹. Король хотѣлъ—было снова дать сраженіе и чрезъ то получить возможность идти безпрепятственно на Лондонъ; но скоро убѣдился, что объ этомъ и думать нечего. Тотъ же вопросъ занималъ и лагерь парламента. Гэмденъ, Голлизъ, Стэпльтонъ, большая часть начальниковъ милиціи и членовъ нижней палаты заклинали Эссекса тотчасъ же возобновить атаку. «Король» говорили они «не въ силахъ выдержать нападеніе; къ намъ подоспѣли три свѣжіе полка; король попадетъ въ наши руки, или мы заставимъ его согласиться на наши условія; только быстрое окончаніе войны можетъ спасти государство отъ несчастій, парламентъ—отъ непредвидимыхъ случайностей.» Но войны по ремеслу, офицеры, образовавшіеся на материкѣ Европы, между прочими полковникъ Дальберъ (Dalbiers), не были согласны съ этими предложеніями. По ихъ мнѣнію, «много значило уже и то, что выиграно такое славное сраженіе войскомъ, которое почти все состояло изъ новобранцевъ. Лондонъ пока спасенъ. Усталъ, однако, обошелся дорого. Новички—солдаты въ восторгѣ отъ побѣды и въ то же время опечалены. Зналъ наши потери, не такъ-то ловко вести ихъ опять въ битву, которой они вовсе не желаютъ. Парламентъ располагаетъ только одной арміей, которую прежде всего нужно приучить къ войнѣ, а не рисо-

(¹) Rushworth, ч II, т. II, стр. 33—38. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 73—82. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 76—87.

ковать его въ одинъ день.» Слова эти подѣйствовали: Эссексъ согласился съ этимъ мнѣніемъ¹ и перенесъ свою главную квартиру въ Уорвикъ, находившійся въ тылу королевской арміи, за движеніями которой онъ былъ въ-состояніи слѣдить, сдѣлавъ это распоряженіе. Черезъ нѣсколько дней, король пошелъ на Лондонъ; но не думая торопиться, онъ остановился въ Оксфордѣ, который былъ расположенъ въ его пользу болѣе, нежели другіе значительные города королевства.

Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Оксфордѣ служили благодарственные молебны. Парламентъ, по словамъ его привержцевъ, освободился отъ великой опасности, хотя побѣда, имѣющая, въ-сущности, быда незначительна. Скоро парламентъ имѣлъ случай убѣдиться, что это освобожденіе было не совершенное². Армія короля была ближе къ Лондону, нежели войско парламента, и разсѣялась по окрестностямъ города; большая часть королевскихъ дезертировъ успѣла оправиться отъ страха, который еще такъ недавно овладѣлъ ими, и, въ надеждѣ на богатую добычу, снова присоединилась къ своимъ полкамъ. Баубѣри, Эбингдонъ, Генли—города, въ преданности которыхъ парламентъ не сомнѣвался, безъ боя сдались королю; гарнизонъ Ридинга, которымъ командовалъ циникъ—демагогъ Мартинъ, другъ Кромвеля, постыдно обратился въ бѣгство, едва завидѣвъ нѣсколько королевскихъ эскадроновъ³. Король перенесъ въ этотъ городъ свою главную квартиру. Принцъ Робертъ, повсемѣстно грабя въ своихъ наѣздахъ, не разъ приближался къ деревнямъ, окружавшимъ Лондонъ⁴. Городъ волновался; въ верхнюю палату было подано не одно прошеніе о заключеніи мира⁵. Парламентъ отправилъ къ Эссексу приказаніе подойти ближе съ своимъ войскомъ, а между тѣмъ рѣшилъ просить у короля охранной грамоты для шести депутатовъ, которымъ поручилъ открыть съ королемъ переговоры. Карлъ требовалъ исключенія изъ числа

(¹) Whitelocke, стр. 61. — (²) Тамъ же. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 121. — (⁴) Whitelocke, стр. 61. — (⁵) 29 октября 1642. *Parl. Hist.*, т. III, col. 1.

ихъ сэра Джона Эвелина, котораго онъ, не далѣе какъ наканунѣ (2 ноября 1642), объявилъ измѣнникомъ¹. Но Эссексъ подоспѣлъ во время (7 ноября 1642), и парламентъ рѣшился прервать всѣ сношенія съ королемъ. Лордъ-мэръ созвалъ въ Гильд-галлѣ генеральное собраніе гражданъ (8 ноября 1642). Туда отправились два члена парламента, лордъ Брукъ и сэръ Гэри Венъ, съ тѣмъ, чтобъ воспламенить ихъ мужество, убѣдить ихъ стать подъ знамена Эссекса и вмѣстѣ съ нимъ выступить въ поле. «Эссексъ» сказалъ Брукъ «одержалъ неслыханную доселѣ побѣду; у непріятеля убито 2000 человекъ, наши же потеряли не болѣе сотни... что я говорю? менѣе сотни, если не считать женщинъ, дѣтей, фурмановъ и собакъ, потому—что королевскія войска убивали всѣхъ и все, не щадя даже собакъ; если такъ, то у насъ выбыла не сотня, а по крайней мѣрѣ двѣ. Господа! генералъ завтра выступаетъ въ походъ; онъ рѣшается сдѣлать болѣе, нежели уже сдѣлалъ; идетъ же онъ въ походъ для васъ, не для себя: ему лично, для своей пользы, нѣтъ никакой надобности въ побѣдѣ; онъ человекъ свободный, джентльменъ, вельможа, который воленъ идти, куда ему вздумается. Помните же, для васъ одинъ идетъ графъ Эссексъ завтра въ битву. Итакъ, лишь только вы услышите завтра бой барабана—а услышите вы его непременно—умоляю васъ, не говорите тогда: «миѣ что? я не служу въ милиціи», и то, и другое, и третье—нѣтъ! выступайте и сами въ походъ, бейтесь храбро и помните, что отъ этого дня зависитъ ваше спасеніе²». Въ залѣ раздались оглушительные крики одобренія. Но страхъ, овладѣвшій Лондономъ, не прошелъ еще. Король, знавшій чрезъ своихъ приверженцевъ обо всемъ происходившемъ въ столицѣ, ускореннымъ маршемъ шелъ на Лондонъ и уже находился отъ него въ пятнадцать миляхъ, въ Кольбрукѣ. Парламентъ, скрѣпивъ сердце, послалъ къ нему пятерыхъ депутатовъ, не настаивая на участіи Эвелина. Карлъ принялъ ихъ хорошо (11 ноября 1642) и сказалъ, что, во всякомъ случаѣ,

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 2—5. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 122. — (²) *Parl. Hist.*, т. III, col. 6—9.

даже передъ воротами Лондона онъ готовъ будетъ вступить въ переговоры¹. По прочтеніи его отвѣта въ верхней палатѣ (12 ноября, утромъ), Эссексъ всталъ съ своего мѣста и спросилъ, что ему дѣлать: продолжать ли войну, или нѣтъ. Ему приказано было остановить непріязненные дѣйствія, и сэръ Петеръ Киллигрью отправился въ лагерь короля для веденія переговоровъ о перемиріи. Прибывъ въ Brentfordъ, въ семи миляхъ отъ Лондона, онъ узналъ, что военныя дѣйствія возобновлены. Король, несмотря на переговоры, все подвигался впередъ и напалъ врасплохъ, въ Brentfordъ, на полкъ Голлиза, надѣясь уничтожить его безъ труда и затѣмъ внезапно вступить въ Лондонъ; но это малочисленное войско держалось такъ храбро, что полки Гэмдена и лорда Брука, расположенные въ недалекомъ разстояніи, успѣли подойти къ нему на помощь и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду выдерживали нападеніе всей королевской арміи. Въ Лондонѣ слышна была паника; никто не зналъ, чему приписать ее. При первомъ извѣстіи о происшедшемъ, Эссексъ вышелъ изъ палаты, сѣлъ на коня, собралъ, второпяхъ, сколько можно было войска и отправился изъ Лондона на выручку своихъ полковъ. Когда онъ прибылъ на мѣсто сраженія, дѣло было уже покончено: послѣ страшнаго кровопролитія, солдаты Голлиза и Гэмдена должны были въ безпорядкѣ отступить; король занялъ Brentfordъ и остановился въ немъ, не думая, кажется, продолжать пути².

Негодованіе овладѣло Лондономъ; оно было тѣмъ живѣе, чѣмъ сильнѣе былъ всеобщій страхъ; только и было рѣчи, что о вѣроломствѣ, о жестокостяхъ короля; говорили, что онъ хочетъ ночью взять городъ приступомъ и отдать жителей, ихъ семейства и имущество на жертву жаднымъ и необуз-

(¹) *Rushworth*, ч. 3, т. II, стр. 53. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 9, 11. — (²) *May, Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 102, прим. 1, въ *Collection* г. Гизо. Точно опредѣливъ и тщательно сблизивъ числа, миѣ кажется, я разъяснилъ (въ примѣчаніи, къ которому отсылаю читателей) это брентфордское дѣло, которое было предметомъ сильнаго спора между писателями партій парламента и короля, и котораго еще недавно, кажется миѣ, не понималъ Лингардъ (*Hist. of Engl.*, т. X, стр. 201—202.)

даннымъ кавалерамъ¹. Самые жаркіе приверженцы войны громко возроптали, когда королевскія войска подошли къ стѣнамъ Лондона, грозя страшною опасностью столькимъ тысячамъ мирныхъ гражданъ. Парламентъ не замедлил воспользоваться этимъ расположеніемъ народнаго духа. Онъ пригласилъ мастеровыхъ, находившихся въ ученьи, вступить въ службу, объявивъ, что время службы сочтется имъ за время ученья²; городовая община выставила изъ своей собственной милиціи 4000 человекъ подъ начальствомъ Скиппона. «Ну, ребята, храбрые ребята!» сказалъ онъ этому войску, принимая надъ нимъ начальство «помолимся сперва Богу отъ всего сердца, а потомъ давайте драться отъ всего сердца; я буду раздѣлять съ вами всѣ опасности. Не забудьте, что вы защищаете дѣло Божье, защищаете своихъ женъ, дѣтей, себя самихъ. Итакъ, добрые и храбрые ребята, еще разъ: помогите Богу отъ всего сердца, деритесь храбро—и Богъ не оставитъ насъ³.» Эти новобранцы, милиціи и охотники, впродолженіе цѣлаго дня и ночи выступали изъ Лондона и становились въ ряды арміи; а на третій день послѣ битвы при Brentfordъ (14 нояб. 1642), Эссексъ, въ присутствіи большей части членовъ обѣихъ палатъ и множества зрителей, сдѣлалъ смотръ двадцати-четырёх-тысячной арміи, расположенной въ боевомъ порядкѣ въ Теригэм-Гринѣ, менѣе нежели въ милѣ отъ королевскихъ аванпостовъ.

Опять возобновились пренія, которыя возникли въ военномъ совѣтѣ послѣ дѣла при Эджиллѣ. Гэмденъ и его друзья настойчиво требовали немедленной атаки. «Никогда» говорили они «не найдете вы въ народѣ такой непоколебимой увѣренности въ побѣдѣ и въ то же самое время такого твердаго убѣжденія, что ему непременно нужно побѣдить.» Это мнѣніе восторжествовало; отданы были даже приказанія насчетъ нѣкоторыхъ движеній арміи. Но Эссексъ согласился лишь нехотя; старые офицеры не переставали противорѣчить, а одно случайное обстоятельство дало вѣсъ ихъ возраженіямъ.

(¹) Whitelocke, стр. 62. — (²) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 53. — (³) Whitelocke, стр. 62. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 14.

Разъ, когда армія была построена въ боевой порядокъ въ виду королевскаго войска, случилось—оттого—ли, что въ полкахъ короля замѣчено было какое-то движеніе въ родѣ приготовленія къ атакѣ, или отъ какой другой причины, но только 200 или 300 зрителей, которые верхами прибыли изъ Лондона, безъ оглядки пустились вскачь по дорогѣ къ городу. При видѣ этого войско парламента дрогнуло; въ рядахъ его стали распространяться зловѣщія замѣчанія, и многіе солдаты не прочь были покинуть знамена и также воротиться домой. Когда ошибка открылась, лица солдатъ прояснились и ряды перестали робѣть; женщины прислали изъ города своимъ дѣтямъ и мужьямъ обильные запасы вина, табаку и разной провизіи; самоувѣренность и веселое расположеніе духа возвратилось въ лагерь. Но Эссексъ рѣшительно отказался рисковать всѣмъ на основаніи одного народнаго энтузіазма; онъ приказалъ воротить отряды, двинутые впередъ, и сталъ вездѣ въ оборонительное положеніе; а король, который, за неимѣніемъ пуль и пороха, съ своей стороны сильно боялся атаки, безпрепятственно отступилъ сперва въ Ридингъ, а потомъ въ Оксфордъ, гдѣ и расположился на зимнія квартиры¹.

Напрасно вожди парламента старались противодѣйствовать этой медлительности: она происходила не отъ одной шаткости солдатъ, или осторожности генерала, но отъ болѣе-важныхъ причинъ. Въ самомъ Лондонѣ господствовало раздѣненіе и нерѣшительность: партія мира громко заговорила; она состояла преимущественно изъ высшей буржуазіи, изъ людей, которые, по-большой-части, согласились на войну только изъ страха, неохотно, лишь оттого, что не знали, какъ отъ нея отдѣлаться. Уже въ палаты было подано² нѣсколько прошеній о заключеніи мира, наполненныхъ, впрочемъ, сильными выходками противъ папизма и неограниченной власти короля. Парламентъ отвергалъ эти просьбы, грозилъ даже ихъ составителямъ; но поступали новыя просьбы изъ графствъ,

(¹) Whitelocke, стр. 62, 63. — *Mémoires de Ludlow*, т. I, стр. 58, въ *Collection* г. Гизо. — (²) 19 декабря 1642. *Parl. Hist.*, т. III, col. 43.

на имя лордовъ, въ которыхъ предполагалось болѣе расположенія къ принятію ихъ, нежели въ остальныхъ членахъ парламента¹. Противная партія также не замедлила подать нѣсколько прошеній въ парламентъ: съ одной стороны, магистратъ и совѣтъ городской общины, состоявшій изъ нововыбранныхъ членовъ, съ другой—мелкая буржуазія и народъ, были преданы самымъ смѣлымъ вождямъ нижней палаты и горячо хватались за каждый случай подстрекнуть ихъ усердіе или поддержать ихъ мужество. Одинъ купецъ, по имени Шюотъ, почти каждый день² приходилъ въ парламентъ въ сопровожденіи многочисленной толпы народа и требовалъ отъ имени *благочестивой и дѣлательной партіи*, чтобъ энергически продолжали войну. Члены палаты принимали его съ распростертыми объятіями, благодарили его за усердіе; но когда онъ заговорилъ слишкомъ—повелительно, когда началъ отзываться слишкомъ—дерзко о лордахъ и офицерахъ арміи, они нашлись вынужденными остановить его³; ибо ни одинъ членъ палаты не осмѣлился бы сказать, даже; можетъ быть, подумать о томъ, что парламентъ долженъ отдѣлаться отъ вельможъ, взявшихся за его дѣло, или что онъ можетъ торжествовать безъ ихъ содѣйствія. Чтобъ хоть для вида удовлетворить приверженцевъ мира, вздумали просить его официально черезъ муниципальный совѣтъ не у парламента, а у самого короля, и такимъ образомъ возложить на него тяжесть отвѣта, который не могъ поправиться гражданамъ. Съ согласія палатъ, депутація отъ муниципального совѣта отправилась въ Оксфордъ (2 янв. 1643). Король улыбнулся, когда она стала убѣждать его возвратиться въ Лондонъ, обѣщаясь подавить мятежи. «Вы и для себя-то не можете поддержать тамъ мира» отвѣчалъ онъ и послалъ съ депутатами отвѣтъ, приказавъ ѣхать съ ними дворянину, которому поручилъ отъ своего имени прочесть его въ генеральномъ собраніи города. Тамъ собралась огромная толпа (13 января

(¹) 22 декабря 1642. Тамъ же, col. 46. — (²) 13 и 21 ноября, 9 декабря и проч. *Parl. Hist.*, т. III, col. 12, 22, 37 и др. — (³) 11 декабря 1642. *Parl. Hist.*, т. III, col., 38.

1643); въ собраніи присутствовали лордъ Манчестеръ и мистеръ Пеймъ, чтобъ отъ имени парламента возражать на обвиненія короля. При видѣ этой шумной толпы, комиссаръ короля испугался и хотѣлъ—было отказаться отъ чтенія посланія, ссылаясь на свой слабый голосъ; но его заставили выполнить данное ему порученіе; комиссаръ повиновался и даже принужденъ былъ прочесть отвѣтъ короля дважды, въ двухъ различныхъ залахъ, чтобъ всѣ могли его выслушать. При вторичномъ чтеніи, нѣсколько роялистовъ, робко-пріотившихся у дверей, попытались выразить свое сочувствіе королю одобрительными возгласами, но въ ту же минуту крики ихъ были заглушены страшнымъ ропотомъ собранія. Посланіе короля было длинно и наполнено жесткими упреками, въ которыхъ ничуть не было видно желанія мира. Пеймъ и лордъ Манчестеръ отвѣчали. Со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ: «Будемъ жить и умремъ вмѣстѣ съ ними» и, на нѣкоторое время, податели мирныхъ прошеній потеряли послѣдною надежду на успѣхъ¹. Попытки роялистовъ оканчивались, впрочемъ, всегда такимъ образомъ, несмотря на то, что онъ безпрестанно возобновлялись и держали Вестминстеръ и Лондонъ въ непрерывномъ страхѣ. До-сихъ—поръ еще никто не думалъ подавлять ихъ крайними мѣрами тиранніи, упрочивающими лишь на нѣсколько дней партіямъ всемогущество, за которое онъ потомъ долго расплачиваются. Парламентъ, безпрестанно занятый борьбою съ этимъ зломъ въ Лондонѣ, не могъ ни развить всей своей энергіи внѣ стѣнъ его, ни дѣйствовать свободно въ битвахъ съ другими противниками.

Не то было въ графствахъ: тамъ ничто не мѣшало партіямъ; ихъ поступки не подвергались никакой общей и опредѣлительной отвѣтственности; расчеты политическіе не имѣли вліянія на страсти, не умѣряли ихъ, не могли дѣйствовать на нихъ страхомъ. Между-тѣмъ, какъ въ окрестностяхъ Лондона война между парламентомъ и королемъ повидимому затихала, въ другихъ мѣстахъ она вспыхивала сама-собою, велась съ увлеченіемъ, открыто, на собственный счетъ жи-

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 110—116. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 49—61.

телей, почти безъ всякаго вниманія къ тому, что происходило между Оксфордомъ и столицею. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ начала войны, а уже во всемъ королевствѣ образовались вольныя военныя конфедерации, составившіяся или внутри какого-нибудь одного графства изъ людей одного мнѣнія, или въ пограничныхъ графствахъ, соединившихся для того, чтобъ вмѣстѣ отстаивать общее имъ дѣло. На первый случай эти конфедерации выпросили себѣ и получили, для управленія ими, комиссаровъ, назначавшихся королемъ или парламентомъ, смотря по тому, къ какой партіи онѣ принадлежали; а также выхлопотали себѣ право набирать солдатъ, назначать налоги и принимать всѣ мѣры, необходимыя, по ихъ мнѣнію, для успѣшнаго веденія дѣла. Потомъ онѣ стали дѣйствовать поодиночкѣ, почти независимо, отдавая только отъ времени до времени отчетъ въ Оксфордъ или Лондонѣ о положеніи своихъ дѣлъ и, въ случаѣ нужды, прося помощи и совѣтовъ¹. За отсутствіемъ такихъ мѣстныхъ лордовъ, часто какой-нибудь богатый и сильный человекъ самовольно набиралъ небольшой отрядъ партизановъ и съ ними воевалъ въ окрестностяхъ своего города или помѣстья; иногда отвага, сила и необходимость увлекали такого партизана и дальше². Если же случалось, что въ какомъ-нибудь мѣстѣ мирная партія одерживала верхъ, то и она дѣйствовала точно также независимо. Такъ въ графствахъ Йоркѣ и Честерѣ обѣ партіи считала себя почти-равными и способными только вредить другъ другу, не одерживая рѣшительной побѣды, официально обязались соблюдать нейтралитетъ³; почти въ то же самое

(¹) Двѣ главныя изъ этихъ конфедераций были, на сѣверѣ, конфедерация графствъ Дѣргемскаго, Нортумберландскаго и Уэстморландскаго, со стороны короля, и на востокѣ, конфедерация графствъ Норфолькскаго, Суффолкскаго, Кембриджскаго, Гантингтонскаго, Бедфордскаго, Эссекскаго, Линкольнскаго и Гертфордскаго, въ пользу парламента. Встрѣчается еще множество и другихъ, какъ, напримѣръ, въ центрѣ, конфедерация графствъ Нортэмптонъ, Уорвикъ, Лейстеръ, Дерби и Стаффордъ, за парламентъ; на юго-западѣ, конфедерация графствъ Дорсетъ, Сомерсетъ, Деванъ и Корнваллисъ, за короля и проч. — *Rushworth*, ч. 3, т. II, стр. 66, 94—98, 119, 331. — (²) См. *Мемуары* г-жи Гатчинсонъ и Лудло. — (³) *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 238.

время, на противоположной оконечности Англии, графства Девонъ и Корнваллисъ поклялись взаимно, черезъ комиссаровъ, сохранять миръ, предоставляя королю и парламенту рѣшать дѣло войною¹. Но парламентъ и король строго оуждали подобныя договоры²; да и тѣ самые люди, которые заключали ихъ, слишкомъ разсчитывали на мѣру обоюднаго терпѣнія. Вскорѣ и тамъ взялись за оружіе, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Парламентъ имѣлъ перевѣсъ въ западныхъ, югозападныхъ и центральныхъ графствахъ; король—въ сѣверныхъ, восточныхъ и югозападныхъ, гдѣ поземельная собственность была менѣе раздроблена, промышленность не столь дѣятельна, высшее дворянство имѣло болѣе силы и гдѣ преобладало католическое вѣроисповѣданіе. Но какъ въ той, такъ и въ другой изъ этихъ частей королевства, особенно же въ областяхъ, гдѣ перевѣсъ принадлежалъ королю, слабѣйшая партія имѣла столько силы, что могла держать въ границахъ своихъ неприятелей. Парламентъ имѣлъ еще ту выгоду, что графства, преданныя ему, были почти всѣ пограничныя и страшною силою массою, такъ сказать, опоясывали Лондонъ. Между-тѣмъ, роллестскія графства, простираясь узкою и длинною полосою отъ югозапада на сѣверо-востокъ (отъ оконечности Корнваллиса до крайнихъ предѣловъ Дѣргема), перемежались во многихъ мѣстахъ округами, которые населены были ихъ противниками. Оттого между ними было меньше связи, сообщенія труднѣе; они рѣдко могли дѣйствовать съобща и только съ тылу защищали главную квартиру Карла, расположенную въ Оксфордѣ, городѣ вполне-преданномъ королю, но стоявшемъ слишкомъ-одинокимъ среди неприятельскихъ земель.

При такихъ обстоятельствахъ и почти-совершенномъ бездѣйствіи двухъ главныхъ армій, война, веденная среди зимы, не могла привести къ быстрымъ, рѣшительнымъ послѣдствіямъ. Дѣло ограничивалось тѣмъ, что вездѣ и каждый день внезапно предпринимались небольшія экспедиціи; то та, то другая сторона овладевала мѣстечками или теряла ихъ; про-

(¹) Въ февралѣ 1643. *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 235.
— (²) Тамъ же, стр. 240.

исходили неожиданныя сшибки, въ которыхъ успѣхъ и потеря обѣихъ партій почти всегда уравнивались¹. Жители привыкли къ войнѣ, хотя и не успѣли еще сдѣлаться настоящими солдатами. Нѣкоторые предводители отличались уже храбростью, искусствомъ или счастьемъ, но ни одинъ изъ нихъ не получилъ еще всеобщей извѣстности, и вліяніе имѣли они только мѣстное, какъ и славою пользовались только мѣстною же. Притомъ, несмотря на всеобщее увлеченіе, всѣ отличались благородствомъ и мягкостью нравовъ. Хотя высшая аристократія сильно клонилась къ упадку, а новая власть общинъ была настоящей причиной національнаго движенія, однако народъ возставалъ только противъ тиранніи короля; различныя классы общества не были вооружены одинъ противъ другаго, не чувствовали необходимости защищать свои права и угнетать другъ друга. Почти повсемѣстно во главѣ обѣихъ партій стояли люди, равные по происхожденію и привычкамъ, способные понимать другъ друга и, несмотря на борьбу, питать взаимное другъ къ другу уваженіе. При всей необузданности, легкомысліи и жадности къ добычѣ, въ кавалерахъ не было, однако, звѣрства, а пресвитеріане, несмотря на свой суровый фанатизмъ, сохранили такое уваженіе къ законамъ и человечеству, что рѣдко можно встрѣтить подобныя примѣры въ исторіи междоусобныхъ раздоровъ. Родственники, сосѣди, друзья служили подъ враждебными знаменами, но не прерывали сношеній вовсе и помогали другъ другу въ нуждѣ; вѣжливо встрѣчались съ оружіемъ въ рукахъ, помня, что нѣкогда жили согласно и не навсегда же разошлись². Пльнные обыкновенно отпускались съ однимъ условіемъ: не служить болѣе. Если же случалось, что ихъ подвергали большимъ лишенимъ, или король принималъ холодный, равнодушный видъ, когда они проходили мимо его, то и это возбуждало всеобщее негодованіе, какъ-бы величайшая несправедливость³.

(¹) См. *Мемуары* г-жи Гатчинсонъ и Лудло. — *May Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 180—212. — (²) *Мемуары* г-жи Гатчинсонъ, т. I, стр. 239—242, 327—331. — *Мемуары* Лудло, т. I, стр. 109—126, въ *Collection* г. Гизо. — (³) William Lilly *Observations on the life and death of king Charles*, въ *Select Tracts* Мазера, т. I, стр. 144—145. — Whitelocke, стр. 64.

Принцъ Робертъ такъ поражалъ всѣхъ своей жестокостью и изувѣрствомъ, что даже простой народъ говорилъ о немъ не иначе, какъ съ отвращеніемъ, называя его грубымъ чужеземцемъ. Такимъ-образомъ, хотя повсемѣстно воевали, и притомъ съ пылкимъ увлеченіемъ, однако нигдѣ не совершалось тѣхъ ужасовъ, которые влекутъ за собою насильственную развязку войны. Казалось, обѣ партіи, бросившись отъ всей души въ пылъ войны, страшились наносить другъ другу слишкомъ-тяжелые удары. Бились каждый день во всемъ королевствѣ и, несмотря на то, дѣло не подвигалось быстрѣе; король и парламентъ не переставали губить время въ незначительныхъ стычкахъ и ни къ чему неведущихъ переговоровъ.

Но около середины февраля прибытіе королевы оживило и нѣсколько подвинуло дѣло. Съ годъ провела она въ Голландіи и выказала необыкновенную ловкость и дѣятельность въ отыскиваніи помощи. Въ то время въ Нидерландахъ господствовала аристократическая партія; штатгальтеръ, зять королевы, старался помочь ей по мѣрѣ силъ. Довѣрчивая и легкомысленная, когда не было крайней опасности, обольстительно-любезная съ людьми нужными, она умѣла возбудить сочувствіе къ своей судьбѣ въ голландцахъ, этомъ хладнокровномъ республиканскомъ народѣ. Тщетно парламентъ отправлялъ въ Гагу (въ сентяб. 1642) посланника М. Стрикленда, чтобъ напомнить штатамъ объ услугахъ, которыя англійскій народъ оказалъ имъ во время борьбы ихъ за независимость, и выхлопотать у нихъ по-крайней-мѣрѣ строгій нейтралитетъ. Стриклендъ, долго дожидавшійся аудіенціи, добился съ большимъ трудомъ кое-какихъ двусмысленныхъ объясненій; народъ явно выражалъ свое нерасположеніе къ нему, и королева безпрепятственно готовилась къ отъѣзду¹. Вслѣдъ за ней отправились четыре корабля съ оружіемъ, военными припасами, офицерами и даже солдатами. Адмиралъ Баттенъ, которому парламентъ приказалъ перехватить конвой, настигъ его лишь въ то время, когда онъ уже высадился въ Бурлингтонѣ (22 февр. 1643). Бат-

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 157—163. — *Harris Life of Oliver Cromwell*, стр. 250, въ примѣчаніи.

тентъ началъ обстрѣливать городъ. Королева занимала квартиру на набережной; ядра падали на ея домъ и проникали даже въ спальню; она поспѣшно встала и убѣжала за городъ, гдѣ провела нѣсколько часовъ, спрятавшись, какъ говорятъ ¹, подъ скамейкой. Вскорѣ всѣ заговорили о ея смѣлости и опасностяхъ, которымъ она подвергалась. Лордъ Ньюкестль пріѣхалъ за ней съ отрядомъ войска, чтобъ проводить ее въ Йоркъ. Дворяне съ восторгомъ толпились вокругъ нея, съ негодованіемъ отзываясь объ измѣнникѣ Баттенѣ, который, по ихъ словамъ, нарочно направлялъ выстрѣлы на домъ, занимаемый королевой. Толпа католиковъ стеклась подъ ея знамена. Напрасно доносили королю и парламенту объ этомъ нарушеніи государственныхъ законовъ; напрасно хотѣли пристыдить или напугать лорда Ньюкестля и прозвали его армію *armée papistove et royale* ²: получить давно формальное согласіе отъ самого короля ³ на командованіе этимъ войскомъ, онъ съ презрѣніемъ слушалъ эти жалобы и не распускалъ солдатъ. Вскорѣ армія его значительно усилилась. Королева оставалась въ Йоркѣ; она не торопилась къ супругу: ей очень нравилось повелѣвать одной и свободно распорядиться планами, которые уже затѣвались при дворѣ ея. Гамильтонъ и Монтрозъ прибыли изъ Шотландіи, чтобъ посоветоваться съ ней о томъ, какъ бы склонить это королевство на сторону короля. Гамильтонъ, всегда осторожный, любившій мирить другихъ, утверждалъ, что можно разсчитывать на шотландскій парламентъ, несмотря на нерасположеніе сильнаго маркиза Арджайля. Монтрозъ, высокомерный и отважный, предлагалъ, чтобъ графъ Антримъ (сильный вельможа на сѣверо-востокѣ Ирландіи, прибывшій также въ Йоркъ съ предложеніемъ своихъ услугъ) сдѣлалъ высадку въ Шотландію съ отрядомъ ирландцевъ, чтобъ возволновалъ горцевъ и перерѣзалъ вождей пресвитеріанъ; Монтрозъ предлагалъ свое собственное содѣйствіе для исполненія этого замысла ⁴. Королева соглаша-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 247. — *Mémoires*, de M-me de Motteville, т. I, стр. 273. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 246. — (³) См. *Приложенія*. — (⁴) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 353, 980. — Baillie, *Letters*, т. I, стр. 364. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 175.

лась на всѣ эти предложенія и хотя втайнѣ предпочитала крайнія мѣры, однако старалась понравиться всѣмъ, кто только предлагалъ ей свои услуги. Между-тѣмъ, она вошла въ болѣе-важныя сношенія съ нѣкоторыми парламентскими вождами, которымъ успѣла опротивить ихъ партія, или вѣрность которыхъ поколебалась отъ сосѣдства съ дворомъ королевы: сэръ Гугъ Чолмондли, губернаторъ Скарборо, который, съ мѣсяцъ назадъ, разбилъ корпусъ роялистовъ, общалъ ей сдаться ¹; даже сэръ Джонъ Готэмъ, который до начала войны такъ грубо заперъ ворота Гулля передъ королемъ, теперь, казалось, готовъ былъ открыть ихъ передъ нею. Наконецъ, на всемъ сѣверѣ роялисты исполнились новаго жара и надежды; приверженцы парламента, безпокойные и унылые, писали въ Лондонъ письмо за письмомъ, прося совѣтовъ и помощи.

Даже и парламентомъ овладѣло безпокойство. Въ началѣ войны онъ льстился быстрымъ успѣхомъ; затѣмъ увеличеніе налоговъ возбудило ропотъ ²; въ городѣ пронеслись слухи о заговорахъ. Хотя многіе приверженцы мира были въ отсутствіи, однако, лишь только заговорятъ о мирѣ, всегда находилось много охотниковъ до него, даже между членами нижней палаты. Такъ-какъ переговоры не были прерваны совершенно, то было предложено возобновить ихъ и, въ знакъ искренности, распустить войско съ той и другой стороны передъ самымъ открытіемъ переговоровъ. Сэръ Бенджамень Рудердъ поддерживалъ это предложеніе. «Долго страшился я» сказалъ онъ, «что чаша ужасовъ, которая обошла на нашихъ глазахъ всѣ европейскіе народы, не минуетъ и насъ; вотъ она наконецъ между нами, и, можетъ-быть, намъ суждено испить ее до дна, испить самую страшную горечь. Да сохранить насъ Богъ отъ этого! Остается намъ одна надежда, именно, что несчастія наши не могутъ быть продолжительны, потому-что мы не можемъ сражаться здѣсь такъ, какъ это дѣлается въ

(¹) Около конца марта 1643. — (²) *Parl. Hist.*, т. III, col. 77. Новые налоги доходили до 10,000 фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю съ одного Лондона, и до 33,518 фунтовъ со всего королевства. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 296.

Германи, гдѣ, на обширномъ пространствѣ, война ведется на многихъ пунктахъ и все-таки нѣтъ недостатка въ мирныхъ поляхъ, которыя засѣваются и даютъ жатву, достаточную для пропитанія. Напротивъ, земли наша, сжатая со всѣхъ сторонъ моремъ, похожа, по своему пространству, на мѣсто, въ которомъ происходитъ пѣтушій бой; намъ нѣчѣмъ огородиться отъ нашихъ враговъ, кромѣ нашихъ череповъ и реберъ. Въ этой палатѣ было сказано, что совѣсть обязываетъ насъ не оставлять безъ наказанія невинно-пролитой крови; но кто дастъ отвѣтъ за всю ту невинную кровь, которая потечетъ, если мы не добудемъ мира, безотлагательно приступивъ къ переговорамъ? Говорили о надеждѣ на Бога; но, право, на Бога можно полагаться при заключеніи мира точно такъ же, какъ и въ войнѣ: онъ даруетъ мудрость въ переговорахъ, равно какъ и мужество въ битвахъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ успѣхъ посылаетъ онъ тому, кто ему благоугоденъ. Кровопротіе есть грѣхъ, вопиющій о возмездіи; онъ пятнаетъ всю страну: поспѣшимъ положить ему конецъ¹». Предложеніе было отвергнуто², но только большинствомъ трехъ голосовъ, а слова Рудерда повторялись многими благомыслищими людьми. Вожди нижней палаты втихомолку роптали при мысли, что ихъ заставляютъ просить мира, если не невозможнаго, то соединеннаго съ такими условіями, которыя должны сдѣлать его гибельнымъ. Однако они согласились, потому-что даже между ихъ приверженцами было мало людей, до того ослѣпленныхъ страстью, чтобъ почитать зло неизбѣжнымъ слѣдствіемъ мира, и 20 марта, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ переговоровъ, пять комиссаровъ³ отправились въ Оксфордъ, съ порученіемъ въ продолженіе двадцати дней разсуждать сначала о перемиріи, а потомъ о мирѣ.

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 80. — (²) 17 февраля 1643. Въ палатѣ было два отдѣла: въ одномъ, предложеніе было подкрѣплено 73 головами противъ 76, въ другомъ—38 противъ 86. *Parl. Hist.*, т. III, col. 79. — (³) Графъ Нортумберландъ, сэръ Джонъ Голландъ, сэръ Уильямъ Армейнъ, Уильямъ Пирпойнтъ и Бальстродъ Уайтлокъ.

Король принялъ ихъ хорошо. Въ сношеніяхъ съ дворомъ держали они себя благородно и вѣжливо. Графъ Нортумберландъ, президентъ комитета, намѣренно велъ чрезвычайно-пышный образъ жизни: онъ привезъ съ собой всю прислугу, серебро, вина, а съѣстные припасы возили ему изъ Лондона; роялисты посѣщали его и обѣдали у него; даже король удостоилъ принять отъ него нѣсколько подарковъ для своего стола¹. Изъ числа товарищей графа, простыхъ членовъ нижней палаты, нѣкоторые находили удовольствіе являться въ Оксфордъ въ такомъ блескѣ; но когда дѣло дошло до переговоровъ, оказалось, что всѣ эти блестящія демонстраціи ни къ чему не повели: ни парламентъ, ни король не могли согласиться на обоюдныя условія, которыя ни на волю не отличались отъ прежнихъ, рѣшительно-отвергнутыхъ еще до начала войны: принимая ихъ, та или другая партія должна была беззащитно отдать себя на жертву своимъ противникамъ. Разъ, вечеромъ, комиссары парламента льстили себя надеждою, что вынудили наконецъ у короля важную уступку, вѣроятно, относительно милиціи: послѣ продолжительнаго совѣщанія, король повидимому сдался и обѣщавъ на другое утро дать письменный отвѣтъ. Къ великому изумленію комиссаровъ, отвѣтъ вовсе не былъ похожъ на ожидаемый: они узнали, что во время вечерней аудіенціи, въ отсутствіе министровъ короля, его придворные, преданные королевѣ, убѣдили его измѣнить свое рѣшеніе². «Еслибъ король» сказалъ его совѣтникамъ М. Пирпойнтъ, одинъ изъ комиссаровъ «по-крайней-мѣрѣ показалъ благосклонность нѣкоторымъ вельможамъ, принадлежащимъ къ парламенту, то ихъ вліяніе могло бы ему быть полезно». Но Карлъ, равно злопамятный и надменный съ своими придворными, какъ и съ народомъ, едва не вышелъ изъ себя, когда ему разъ заговорили о томъ, чтобъ возвратить графу Нортумберланду санъ генерал-адмирала—и интриги личныхъ интересовъ остались такъ же безуспѣшными, какъ, вѣроятно, мало пользы было бы и отъ того, еслибъ онъ удался³. Король точно такъ

(¹) *Withelocke*, стр. 64. — (²) Тамъ же, стр. 65. — (³) *Mémoires de Clarendon*, т. I, стр. 217—225, въ *Collection* г. Гизо.

же не желалъ мира, какъ и вожди нижней палаты. Онъ общалъ королевѣ не заключать безъ ея согласія; а она изъ Йорка писала ему, чтобъ онъ не соглашался. Королева негодовала уже на то, что переговоры открыты не при ней, и объявила своему супругу, что уѣдетъ изъ Англїи, если ей официально не дадутъ гвардіи для охраненія ея особы¹. Офицеры, стоявшіе гарнизономъ въ Оксфордѣ, тайно вызванные на то самимъ Карломъ, подали королю протестъ противъ перемирія². Тщетно нѣкоторые комиссары парламента старались въ тайныхъ совѣщаніяхъ подѣйствовать на короля, пугая его будущимъ³; тщетно другіе комиссары, прибывшіе изъ Шотландїи съ цѣлю испросить у него позволеніе созвать тамъ парламентъ, предлагали свое посредничество⁴: Карлъ отвергъ его, какъ оскорбленіе, запретилъ имъ мѣшаться въ дѣла Англїи и объявилъ, наконецъ, комиссарамъ свою готовность возвратиться къ парламенту, если только онъ согласится перенести свои засѣданія по крайней-мѣрѣ на двадцать миль отъ Лондона. Получивъ такой отвѣтъ, палаты тотчасъ же отозвали своихъ комиссаровъ и притомъ такъ настоятельно потребовали ихъ возвращенія, что комиссары должны были отправиться въ тотъ же самый день (15 апр. 1643), хотя было уже поздно и дорожные экипажи ихъ не были еще готовы⁵.

Ихъ поведеніе въ Оксфордѣ, особенно ихъ обращеніе съ королевемъ и придворными, возбудили подозрѣнія въ партїи, жавшей войны. Лордъ Нортумберландъ узналъ, по прибытіи своемъ въ Лондонъ, что одно изъ его писемъ къ женѣ было вскрыто Генри Мартиномъ, членомъ комитета общественной безопасности, извѣстнымъ единственно своимъ бѣгствомъ изъ Ридинга при видѣ приближавшихся королевскихъ войскъ и грубостью своихъ выраженій. Графъ больше всякаго другаго вельможи заботился о сохраненіи собственнаго достоинства и постоянно пользовался уваженіемъ согражданъ. Встрѣтивъ

(¹) Тамъ же, стр. 225—229. — (²) Тамъ же, стр. 216, 228. — (³) Whitelocke, стр. 65. — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. V, стр. 325 и слѣд. — *Mémoires*, т. I, стр. 229—235. — (⁵) Whitelocke, стр. 65. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 164—261. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 18.

Мартина въ Вестминстерѣ, онъ потребовалъ у него отчета въ такомъ оскорбленіи; а когда Мартинъ съ насмѣшливымъ видомъ сталъ утверждать, что онъ поступилъ хорошо, то графъ, при множествѣ свидѣтелей, ударилъ его палкой. Жалоба на эту ссору поступила въ палаты. Нижняя палата затруднилась, не зная, что ей дѣлать, верхняя приняла ее надменно, и дѣло было почти тотчасъ же замято¹. Вездѣ крылись несогласія, но всѣ старались подавить ихъ. Приближалась весна. Желали ли мира, боялись ли его, во всякомъ случаѣ, нужно было думать о войнѣ. Въ самый день возвращенія комиссаровъ въ Лондонъ, Эссексъ выступилъ въ поле². Гэмденъ совѣтовалъ опять прямо идти на Оксфордъ, осадить короля и овладѣть его особой³. Въ Оксфордѣ боялись этого и поговаривали уже о движеніи къ сѣверу и о соединеніи съ королевой и лордомъ Ньюкестлемъ. Но Эссексъ, не полагаясь на свои силы, или почитая успѣхъ сомнительнымъ, снова отвергъ это смѣлое предложеніе и, расположившись лагеремъ между Оксфордомъ и Лондономъ, удовольствовался осадой Ридинга, которымъ, по его мнѣнію, необходимо нужно было овладѣть для безопасности парламента.

Ридингъ сдался чрезъ десять дней (27 апр. 1643). Гэмденъ опять сталъ требовать осады Оксфорда. Эссексъ остался непоколебимъ⁴. Ни на что не былъ онъ такъ мало способенъ, какъ на измѣну или трусость; но онъ уныло велъ войну, не пользуясь уже удовольствіями популярности, которыя бы заглушали въ немъ голосъ печальныхъ предчувствій. Даже до начала кампанїи, въ нижней палатѣ нѣкоторые члены выражали противъ него свое неудовольствіе, которое особенно было сильно въ комитетѣ общественной безопасности, настоящемъ центрѣ партїи. Люди крайностей доходили до того, что спрашивали, уже ли невозможно замѣнить Эссекса? и, говорятъ, имя Гэмдена было произнесено⁵. Но Гэмденъ былъ слишкомъ-уменъ: ему и въ

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 109. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 18. — (²) 15 апрѣля 1643, по Рошворту, ч. 3, т. II, стр. 265; 17 апрѣля по Мэ, *Hist. du Long Parl.*, т. II стр. 121. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 40. — (⁴) Тамъ же, стр. 49. — (⁵) Wood, *Athenae oxonienses*, подъ словомъ *Hampden*.

голову не приходила мысль о власти, на которую онъ не имѣлъ никакого права. Способенъ онъ быть главнокомандующимъ или нѣтъ—это другой вопросъ, но онъ былъ простой полковникъ въ арміи Эссекса. Съ самаго начала войны, особенно впродолженіе зимы, другіе пріобрѣли болѣе-независимую, болѣе-обширную славу. На сѣверѣ, Ферфаксъ и отецъ его каждый день и на всѣхъ пунктахъ съ блистательною отвагою оспаривали господство у лорда Ньюкестля, несмотря на превосходство его силъ¹. Лорду Манчестеру², начальнику конфедерации восточныхъ графствъ, не приходилось, правда, имѣть дѣла ни съ однимъ значительнымъ вождемъ роялистовъ, но онъ часто оказывалъ важную помощь сѣвернымъ и центральнымъ приверженцамъ парламента; хорошо-организованная милиція ждала только его приказаній, чтобы послѣдовать за нимъ, и жители полюбили его за откровенность, щедрость и кроткій нравъ. Въ тѣхъ же самыхъ графствахъ, полковникъ Кромвель, уже прославившійся удачными нападеніями врасплохъ, пріобрѣлъ надъ умами людей смѣлыхъ, восторженно-религіозныхъ, достаточныхъ и въ то же время неизвѣстныхъ, такое сильное вліяніе, которое обличало уже великую гениальность и могущество. Наконецъ, на югѣ и западѣ сэръ Уильямъ Уолмеръ въ три мѣсяца разбилъ нѣсколько роялистскихъ отрядовъ, взялъ семь укрѣпленныхъ мѣстъ³ и заслужилъ прозваніе Вильгельма-Завоевателя⁴. Итакъ, у парламента, говорили, нѣтъ недостатка ни въ генералахъ, ни въ арміи, и если лордъ Эссексъ не хочетъ побѣждать, то ему найдутъ преемника.

Но публично не было произнесено ни одного оскорбительнаго предложенія, даже ни одного намека. Эссексъ не былъ простой генералъ недовольной партіи: къ нему примыкали и

(¹) См. *Мемуары Ферфакса*, ч. I, въ *Collection* г. Гизо. — (²) Лордъ Кимболтонъ, извѣстный также подъ именемъ лорда Мандевилъ и носившій имя лорда Манчестера со времени смерти своего отца, пріключившейся 9 ноября 1642 — (³) Чичестеръ, Уинчестеръ, Мамсбери (Malmesbury), Гирфордъ (Hereford), Тьюксбери, Чепстоу (Cherston) и Монмаутъ (Monmouth). — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 110.

вельможи, замѣшанные въ войну, и люди умѣренные, желавшіе мира, и самые проникательные изъ пресвитеріантъ, которые уже начинали беспокоиться при видѣ новыхъ, болѣе-смѣлыхъ сектъ. Даже Гэмденъ и вожди политической партіи, понуждая Эссекса дѣйствовать рѣшительнѣе, не имѣли, однако, ни малѣйшаго намѣренія отдѣлиться отъ него. Итакъ, раздоръ не обнаружился; но хотя онъ и былъ затаенъ, однако имѣлъ уже такую силу, что Эссексъ въ скоромъ времени почувствовалъ его дѣйствіе. Кого принуждали щадить Эссекса, тѣ изъ всѣхъ силъ начали стараться вредить ему; а защитники его, думая, что исполнили уже свой долгъ относительно его уже тѣмъ, что поддерживали его, не заботились оказать ему помощь. Черезъ мѣсяць армія графа была въ жалкомъ положеніи: въ жаловань, въ съѣстныхъ припасахъ, въ одеждѣ—во всемъ былъ недостатокъ; лишенія и болѣзни похищали его солдатъ, которыхъ недавно городъ такъ прекрасно содержалъ. Эссексъ извѣщалъ о нуждахъ своей арміи комитеты, которымъ поручено было заведываніе этой частью; но противники его имѣли тамъ болѣе вліянія, нежели его друзья, которыхъ они превосходили и дѣятельностью и постоянствомъ; поэтому естественно, что имъ поручено было, по большей части, исполненіе дѣлъ, и субальтерновъ вездѣ избирали они же. Жалобы генерала не произвели никакого дѣйствія¹. Вторая кампанія едва начиналась; переменъ никакихъ не произошло, а уже власть ускользала изъ рукъ партіи, которая вырвала ее у короли; уже новая партія, принужденная пока молчать, окрѣпла, однако, до того, что могла довести войско парламента до безсилія и, увлеченная страстями, готова была рисковать всѣмъ, хотя отъ этого выигрывалъ ихъ общій врагъ.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же страстей, втихомолку заражалась новая армія. Въ небольшихъ стычкахъ, которыя возобновлялись каждый день, несмотря на переговоры и проволочки между Оксфордомъ и Лондономъ, войска парламента, послѣ дѣла при Brentfordъ, часто претерпѣвали поражение.

(¹) May, *Hist du Long Parl.*, т. I, стр. 124—125, 156—161. — *Mémoires de Hoilis*, стр. 10—13, въ *Collection* г. Гизо.

Особенно королевская кавалерія наводила ужасъ на парламентскую; а кавалерія была, какъ во времена феодальныя, самую значительную частью войска, и отъ нея зависѣло рѣшеніе дѣла. Гэмденъ и Кромвель разговаривали однажды объ этомъ преимуществѣ противной партіи. «Чего ждате?» сказала Кромвель «отъ вашихъ кавалеристовъ? Большая часть изъ нихъ старики — лакеи или мальчики, служившіе въ гостинницахъ, и тому подобныя; у нихъ же дѣти дворянъ, люди знатные. Уже-ли вы думаете, вашъ сбродъ изъ низшаго класса одушевленъ какимъ-нибудь чувствомъ, которое можетъ равняться съ честью и рѣшительностью дворянина? Не перетолкуйте въ дурную сторону моихъ словъ; да я знаю, что вы и не сдѣлаете этого: вамъ необходимо имѣть людей, проникнутыхъ такимъ духомъ, который увлекалъ бы ихъ не менѣе дворянъ: въ противномъ случаѣ, васъ всегда будутъ бить — я убѣжденъ въ этомъ». «Вы правы» сказалъ Гэмденъ; «но это вещь невозможная». — «Я тутъ могу сдѣлать кое-что» возразилъ Кромвель «и сдѣлаю. Я наберу людей, у которыхъ страхъ божій не будетъ выходить изъ ума, которые будутъ дѣйствовать не безсознательно и, ручаюсь, ихъ не разобьютъ¹». Кромвель въ-самомъ-дѣлѣ объѣхалъ восточныя графства, набиралъ молодыхъ людей, которыхъ онъ, по-большей-части, уже зналъ и которые знали его. Все это были владѣльцы свободныхъ земель, или ихъ сыновья, шедшіе на службу не въ жалованья — въ немъ они не нуждались — неискавшіе также и наслажденія въ бездѣйствіи; напротивъ, все это были гордые и суровые фанатики, вступавшіе въ службу по голосу совѣсти, а подъ начальство Кромвеля потому, что имѣли къ нему довѣренность. «Я не хочу васъ обманывать» сказалъ имъ Кромвель: «не стану васъ убѣждать, какъ мнѣ это приказано въ инструкціи, будто вы идете сражаться за короля и парламентъ. Какой бы врагъ ни стоялъ лицомъ къ лицу передо мною, кто бы онъ ни былъ, я выстрѣлю въ него изъ пистолета,

(¹) Этотъ разговоръ сохраненъ въ одномъ современномъ памфлетѣ, подъ заглавіемъ: *Monarchy asserted to be the best form of government, in a conference at Whitehall between Oliver and a Committee of Parliament*, напечат. въ Лондонѣ, 1680, in-8°, стр. 38.

какъ во всякаго другаго врага; если совѣсть запрещаетъ вамъ сдѣлать то же самое, идите служить другому¹». Большая часть изъ нихъ немедленно вступила въ службу, и съ той же минуты имъ равно была воспрещена изыбженность городской жизни и свобода сельской. Начальникъ требовалъ отъ нихъ самой строгой дисциплины; они обязаны были исправно ходить за своими лошадьми, тщательно чистить оружіе, часто спать подъ открытымъ небомъ. Почти безъ отдыха переходили они отъ обязанностей службы къ упражненіямъ благочестія, должны были посвятить себя беззавѣтно своему ремеслу и своему святому дѣлу, и съ свободной энергіей фанатизма соединить строжайшую точность и твердость солдата². Когда опять открылась кампанія, подъ начальствомъ Кромвеля находилось четырнадцать эскадроновъ охотниковъ, которые составляли корпусъ почти изъ тысячи человекъ³.

Почти мѣсяцъ прошелъ безъ всякаго дѣла. Взятіе Ридинга, такъ мало цѣнное въ Лондонѣ, смутило Оксфордъ, и король не только-что не дѣйствовалъ, но уже думалъ о побѣгѣ. Парламентъ занимался болѣе своими внутренними раздорами, нежели непріятелемъ. То пытался онъ удовлетворить какъ-нибудь всѣхъ своихъ приверженцевъ, крайнихъ и умѣренныхъ, политическихъ и религіозныхъ; то рѣшительныя мѣры, которыя съ большимъ трудомъ успѣвала провести кака-нибудь партія, оставались безъ дѣйствія и забывались какъ-бы съ общаго согласія. Пресвитеріане давно требовали собранія богослововъ для реформы церкви; имъ объщали и наконецъ созвали это собраніе⁴; но парламентъ самъ назначилъ его членовъ въ числѣ ста-двадцати-одного человека; тридцать свѣтскихъ (десять лордовъ и двадцать членовъ нижней палаты) были присоединены къ нимъ, съ правомъ предѣлательства; приглашены духовные разныхъ сектъ. Лишенное всякой вла-

(¹) *Memoirs of the Protectoral house*, и проч. Марка Нобль, т. I, стр. 271, изданіе 1787 года. — (²) Whitelocke, стр. 63. — *Mercurius pragmaticus*, номеръ 30 мая 1648. — Bates, *Elenchus motuum nuperorum* ч. 2, стр. 220. — (³) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 199, въ *Collection* г. Гизѣ. — (⁴) Предписаніемъ парламента отъ 12 іюня 1643; оно открыло свои засѣданія 1 іюля того же года.

сти, даже независимости, это собраніе имѣло только право подавать свое мнѣніе насчетъ вопросовъ, которые палаты совокупно, или одна изъ нихъ отдѣльно, заблагодарасудить представить на ихъ рѣшеніе¹. Королеву хотѣли обвинить въ государственной измѣнѣ, и ни одинъ голосъ не раздался въ защиту ея; но Пеймъ довелъ дѣло до свѣдѣнія верхней палаты², и о дѣлѣ этомъ перестали даже говорить. За неимѣніемъ государственной печати, оказались затрудненія въ судопроизводствѣ и многихъ другихъ публичныхъ и частныхъ дѣлахъ. Чтобъ прекратить это неудобство, а въ-особенности, чтобъ присвоить себѣ внѣшніе атрибуты законной власти, нижняя палата велѣла изготовить новую государственную печать (около половины мая 1643); но лорды противились этому, болѣе боясь присвоить себѣ внѣшніе знаки верховной власти, нежели пользоваться ею безъ этихъ знаковъ; нижняя палата признала за лучшее отложить свои требованія³. Иногда оказывалось, что партіи, подавъ голоса съ противоположными намѣреніями, бесполезно и фальшиво соглашались; еще чаще случалось, что онѣ, равносильныя, доводили другъ друга до безумія и, казалось, ждали, чтобъ какое-нибудь внѣшнее событіе заставило ихъ или соединиться, или раздвинуться безвозвратно.

31-го мая (это былъ день поста) обѣ палаты слушали обѣдно въ церкви св. Маргариты, въ Вестминстерѣ. Вдругъ М. Пейму подають записку; онъ немедленно встаетъ; около него разговариваютъ тихомолкомъ, но съ большою живостью. Не дождавшись конца службы, онъ поспѣшно выходитъ съ главнѣйшими изъ своихъ товарищей, оставивъ присутствовавшихъ въ смущеніи, равнявшемся ихъ незнанію и любопытству⁴.

Послѣ проповѣди, палаты собрались, и публика узнала, что открытъ большой заговоръ: говорили, что много лордовъ, много членовъ нижней палаты, много граждан замѣшано въ

(¹) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. III, стр. 43 и слѣд. — (²) 23 мая 1643. Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 321 — (³) *Parl. Hist.*, т. III, col. 115, 117. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 146 и слѣд. — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 66.

немъ; будто заговорщики рѣшились вооружить роялистовъ, овладѣть Тоуэромъ, магазинами, важнѣйшими постами, арестовать главныхъ вождей палатъ и отворить, наконецъ, войску короля ворота Лондона. Днемъ исполненія назначено было именно 31-го мая. Впрочемъ, все должно было вскорѣ объясниться, потому-что нарѣжена слѣдственная коммиссія и говорили, что, по ея приказанію, уже задержано нѣсколько лицъ¹.

Въ-самомъ-дѣлѣ, ночью и на другое утро были арестованы и допрошены: Эдмондъ Уолмеръ², членъ нижней палаты и извѣстный поэтъ, М. Томкинсъ, его зять, прежде преданный королевѣ, М. Чалонеръ, богатый гражданинъ и многіе другіе. Всѣ сознались, съ болѣвшими или меньшими подробностями, что дѣйствительно существуетъ заговоръ, хотя не всѣ участвовали въ немъ въ равной мѣрѣ и съ одинаковыми намѣреніями: одни хотѣли только отказаться отъ платежа налоговъ, чтобъ тѣмъ принудить парламентъ къ миру; другіе сговорились представить парламенту прошенія о мирѣ; иные просто присутствовали въ нѣкоторыхъ собраніяхъ, или же участвовали въ составленіи какихъ-то списковъ всѣхъ извѣстныхъ гражданъ, раздѣляя ихъ на три класса: *благомыслищихъ, умьренныхъ* и *враговъ*. Но, несмотря на различіе въ важности дѣйствій и въ побудительныхъ причинахъ, этотъ заговоръ, давно уже начавшійся, съ каждымъ днемъ становился важнѣе. Теперь вспомнили, что болѣе, чѣмъ за три мѣсяца назадъ, Уолмеръ былъ въ числѣ комиссаровъ, посланныхъ въ Оксфордъ по случаю переговоровъ, которые такъ часто начинались и прерывались, и что когда посланные представились королю, онъ обошелся особенно-милостиво съ Уолмеромъ и, замѣтивъ его въ послѣднемъ ряду, сказалъ ему: «М. Уолмеръ, хотя вы послѣдній, но милость моя къ вамъ не хуже и не меньше, нежели къ другимъ³». Съ этой минуты велась непрерывная переписка съ Оксфордомъ,

(¹) Тамъ же. — *State-Trials*, т. IV, col. 637. — (²) Род. 3 мая 1605, въ Кольсгиллѣ, въ Графствѣ Гертфордъ; умеръ 21 октября 1647. — (³) Whitelocke, стр. 66.

главнымъ образомъ чрезъ негоціантовъ—роялистовъ¹, бѣжавшихъ изъ Лондона, чтобъ избавиться отъ преслѣдованій палаты. Нѣкто Галль тайно проживалъ въ Биконсфильдѣ, занимался передачею извѣстій; лэди Обинни, получившая отъ парламента позволеніе отправиться, по своимъ дѣламъ, въ Оксфордъ, привезла оттуда въ шкатулкѣ довѣренность короля нѣкоторымъ роялистамъ на наборъ солдатъ и денегъ его имени; наконецъ, очень-недавно велѣно было сказать Галлю, что «большой корабль присталъ къ дюнамъ», то-есть, что все готово, а онъ извѣстилъ объ этомъ лорда Фокленда, который отвѣчалъ: «такъ надо торопиться, потому-что, чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе будетъ остановить войну²».

Этого было слишкомъ-достаточно для правосудія партій, и парламентъ, еслибъ захотѣлъ, могъ бы повѣрить еще и другимъ обвиненіямъ. Постыдно боясь за свою жизнь, Уоллеръ предлагалъ за спасеніе ея какую бы то ни было цѣну; онъ общалъ все: деньги, признанія, доносы; обращался какъ къ самымъ незначительнымъ, такъ и къ самымъ сильнымъ покровителямъ, умолялъ всѣхъ могущественныхъ фанатиковъ выслушать искреннѣйшую его исповѣдь и раскаяніе; готовъ былъ преувеличить важность заговора, какъ еще недавно онъ, быть-можетъ, преувеличивалъ число и силу заговорщиковъ въ Оксфордѣ. По прибытіи въ Лондонъ, онъ открылъ кое-что лордамъ Портленду и Конвэю; теперь онъ ихъ выдалъ и отвѣтами своими компрометировалъ графа Нортумберленда и многихъ другихъ³. Хотя немногіе позволили себѣ противозаконные поступки, однако многіе знали и одобрили то, что готовилось. Но парламентъ съ благоразумнымъ мужествомъ не хотѣлъ пользоваться ни неосторожностью своихъ враговъ, ни низостью ихъ соумышленниковъ, и былъ увѣренъ, что одной справедливости достаточно для его безопасности. Только семерыхъ предали военному суду, обвинены только пятеро, а наказаны лишь Чаллонеръ и Томпкинсъ. Они умерли съ твер-

(¹) Сэръ Николасъ Криппъ, Джорджъ Бепъионъ и др. — (²) *State-Trials*, т. IV, col. 626—631. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 57—79. — (³) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 142, въ *Collection* г. Гизо. — Clarendon, *Hist. of the rebell*, т. VI, стр. 66.

достью (5 іюля 1643), но не считая себя и не прикидываясь мучениками; даже съ трогательнымъ чистосердечіемъ выразили они сомнѣніе насчетъ правоты своего дѣла. «Я молилъ Бога» сказалъ Чаллонеръ, всходя на эшафотъ, «чтобъ онъ вразумилъ насъ, если этотъ замыселъ не долженъ послужить къ его славі; Богъ услышалъ мою молитву». А Томпкинсъ сказалъ: «Очень-радъ, что заговоръ открытъ: онъ могъ бы кончиться недобромъ¹». Что касается Уоллера, тоже осужденнаго, ему даровали жизнь, въ награду за его сознаніе и по ходатайству нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ, между-прочимъ, Кромвеля, его двоюроднаго брата, или, можетъ-быть, по остатку уваженія къ его даровитости, хотя она прославилась только его низостью².

Нѣсколько дней сряду вожди нижней палаты льстили себя мыслью, что открытіе этого заговора и наказаніе виновныхъ смутитъ Оксфордъ, запугаетъ лондонскихъ роялистовъ, прекратитъ несогласія въ палатахъ и, наконецъ, освободитъ ихъ партію отъ затрудненій, на которыя она бесплодно тратила свою энергію. Но вскорѣ надежды эти рушились; едва отслужили въ церквахъ благодарственные молебны, едва произнесена была новая присяга въ единодушій, установленная въ минуту опасности, какъ уже новыя бѣды обрушились на парламентъ: внѣ Лондона значительныя неудачи, внутри самыя ожесточенныя пренія.

Король безъ особеннаго огорченія узналъ о неуспѣхѣ лондонскаго заговора; въ то же время онъ получилъ извѣстіе, что на югѣ, на западѣ и на сѣверѣ генералы его одержали важныя побѣды, а онъ охотнѣе желалъ торжества отъ кавалеровъ и отъ войны, нежели отъ тайной сдѣлки съ гражданами, которые еще такъ недавно сопротивлялись всѣмъ его мѣрамъ. 19-го іюня неожиданный случай опять обратилъ его вниманіе на Лондонъ и парламентъ. Распространился слухъ, что наканунѣ, въ нѣсколькихъ льѣ отъ Оксфорда, на равнинѣ Чальгревъ, во время кавалерійской стычки, въ которой принцъ

(¹) *State-Trials*, т. IV, col. 632—635. — (²) Тамъ же, col. 635—638. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 140, въ *Collection* г. Гизо.

Робертъ разбилъ парламентскія войска, былъ раненъ Гэмденъ. «Я видѣлъ» рассказывалъ одинъ пѣвнникъ, «какъ онъ, противъ своего обыкновенія, удалился съ поля битвы до окончанія дѣла; опустивъ голову, опираясь онъ руками о шею лошади: навѣрное, онъ раненъ». Извѣстie это произвело сильное впечатлѣнiе въ Оксфордѣ, но возбудило не столько радости, сколько любопытства: едва вѣрилось, что такой человекъ падетъ отъ подобнаго неожиданнаго удара; почти боялись предаваться радости. Даже король въ первую минуту думалъ только воспользоваться этимъ случаемъ для заключенiя мирной сдѣлки съ этимъ сильнымъ противникомъ, который надѣлалъ ему столько вреда, но который, по мнѣнiю его, способенъ былъ все поправить. Докторъ Джильсъ, сосѣдь Гэмдена по деревнѣ, непрекращавшій съ нимъ дружескихъ сношенiй, находился въ то время въ Оксфордѣ. «Пошлите узнать» сказалъ ему король, «какъ—будто отъ себя, о здоровьи раненаго; если при немъ итъ хирурга, то онъ можетъ располагать монетъ». — «Государь» сказалъ докторъ «я не гоюсь на это дѣло: каждый разъ, когда я просилъ чего—нибудь у М. Гэмдена, я былъ для него зловѣщей птицей. Разъ попросилъ я его, чтобъ онъ приказалъ преслѣдовать разбойниковъ, которые обокрали меня; и какъ только мой слуга вошелъ къ нему, Гэмденъ получилъ извѣстie о смерти своего старшаго сына; другой разъ я также обратился къ нему съ какой—то просьбой, и въ то же мгновение ему доложили о смерти его любимой дочери, мистрисъ Нейтли. Наши сношенiя всегда оканчивались несчастливо для Гэмдена». Однако докторъ исполнилъ порученiе короля. Но 24—го июня, посланный отъ него засталъ Гэмдена при смерти: у него плечо было раздроблено двумя пулями, и впродолженiе шести дней онъ страдалъ невыносимо. Ему сказали, кто и съ какою цѣлью прислалъ провѣдать о его здоровьи. Сильное волненiе овладѣло имъ; казалось, онъ хотѣлъ говорить, но не могъ, и чрезъ нѣсколько минутъ умеръ. Узнавъ объ этомъ положительно, Карлъ обрадовался смерти Гэмдена болѣе, нежели обрадовался бы, узнавъ о его готовности сблизиться съ нимъ, и съ—тѣхъ—поръ при дворѣ говорили только о Гэмденѣ, припоминали его преступленiя, или замѣчали съ торжествую-

щимъ видомъ, что онъ убитъ въ томъ самомъ графствѣ, подлѣ того самаго мѣста, гдѣ онъ первый привелъ въ исполненiе приказъ парламента насчетъ милици и набралъ солдатъ противъ короли¹.

Напротивъ, въ Лондонѣ и почти во всемъ королевствѣ, глубока была печаль о смерти Гэмдена. Никто не пользовался въ народѣ такимъ довѣрiемъ, какъ онъ. Всѣ державшіеся народной партii, несмотря на разные оттѣнки, единодушно ожидали отъ Гэмдена исполненiя своихъ желанiй; самые умѣренные вѣрили въ его мудрость; крайнiе—въ его патриотическое самоотверженiе, люди честные—въ его прямоту, пронырливые—въ его ловкость. Дальновидный и осторожный, равно готовый бороться со всѣми опасностями, онъ ни разу не подалъ повода къ неудовольствiю, пользовался всеобщемою любовью, и неожиданная смерть его внезапно разрушила надежды всѣхъ партii. Дивная судьба сберегла навсегда его имя на недосигаемой высотѣ, на которую вознесли его ожиданiя современниковъ, и спасла, можетъ—быть, какъ добродѣтель, такъ и славу его отъ подводныхъ камней, о которые разбиваются самые благородные любимцы революцiй.

Смерть Гэмдена была какъ—бы сигналомъ несчастiй для парламента: бѣда слѣдовала за бѣдой впродолженiе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, съ каждымъ днемъ усиливая недугъ, еще тайный, который порождалъ эти бѣды. Враги Эссекса, заставляя его армию терпѣть во всемъ недостатокъ, рассчитывали на успѣхи его соперниковъ, но ошиблись въ расчетѣ: Между—тѣмъ, какъ главнокомандующiй, и съ нимъ военный совѣтъ, бесполезно посылали курьера за курьеромъ, требуя денегъ, одежды, военныхъ припасовъ, оружiя², пришло извѣстie, что на сѣверѣ, въ Азертон—Мурѣ (Atherton—Moor), разбитъ Ферфаксъ³, что сэръ Джонъ Готэмъ готовъ сдать королевѣ Гуллъ, что лордъ Уиллоби не можетъ болѣе защищать графства Линкольнъ противъ лорда Ньюкестли, и что такимъ—

(¹) *Mémoires de Warwick*, стр. 198—200, въ *Collection* г. Гизо. — *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. VI, срт. 85—91. — (²) *Parl. Hist.*, т. III, col. 144, 155. — (³) 30 июня 1643. *Мемуары* Ферфакса, стр. 367 и слѣд., въ *Collection* г. Гизо.

образомъ конфедерация восточныхъ графствъ—этотъ оплотъ парламента, останется безъ прикрытія отъ непріятелей. Еще хуже шли дѣла на югозападѣ: въ одну недѣлю сэръ Уильямъ Уолмеръ проигралъ два сраженія¹; въ Корнваллисъ крестьяне, потомки древнихъ бриттовъ, разогнали при всякой встрѣчѣ парламентскихъ рекрутовъ; въ Лансдоунѣ, испросивъ скромно позволеніе, они бѣгомъ бросились на батарею и взяли ее, хотя она почиталась неприступною, а черезъ двѣ недѣли съ такою же отвагою пошли на приступъ къ стѣнамъ Бристоля². Въ этомъ графствѣ зѣмли не мѣняли хозяевъ, оставался впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ во владѣніи однихъ и тѣхъ же дворянскихъ родовъ, окруженныхъ фермерами изъ однихъ и тѣхъ же семействъ, и народъ, отличаясь набожностью и простотою нравовъ, чуждый новыхъ идей, повинуваясь безъ страха и раболѣпства дворянству, съ такимъ же энтузіазмомъ былъ преданъ своимъ патронамъ и стариннымъ обычаямъ, съ какимъ самые ревностные приверженцы парламента отстаивали свои мнѣнія и права³. Сверхъ-того, тамъ, равно какъ и въ сосѣднихъ графствахъ, у короля было нѣсколько изъ умнѣйшихъ его слугъ: маркизъ Гертфордъ, зять Эссекса, который долго жилъ уединенно, потому-что придворная жизнь опротивѣла ему; сэръ Бевиль Гринвиль, пользовавшійся самою большою популярностію въ Корнваллисѣ, гдѣ всѣ дворяне были любимы народомъ; въ-особенности же сэръ Ральфъ Гоптонъ, благородный человекъ, храбрый офицеръ, который не искалъ никакихъ милостей въ Оксфордѣ, строго наказывалъ за грабежи, вслѣдствіе заступалъ обывателей и, думая исполнять долгъ вѣрноподданнаго, вносилъ во всѣ свои дѣйствія сердце добраго гражданина. Достоинства этихъ вождей, храбрость ихъ солдатъ, навели ужасъ на Уолмера и его армию: онъ не могъ поддержать въ своемъ войскѣ никакой дисциплины, и солдаты дезертировали толпами. Тѣ самые люди, которые были присланы парламентомъ, чтобъ возбудить усер-

(¹) При Лансдоунѣ, въ Графствѣ Сомерсетскомъ, 5 іюля 1643, и при Раундуэй-Даунѣ, въ Уиллштайрѣ, 13 іюля 1643. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 119, 139. — (³) *Sir Edward Walker's Discourses*, стр. 50.

діе народа, испытывали тотъ же самый ужасъ и распространяли его вокругъ себя. Разъ, когда начальство Дорчестера показывало мистеру Строду укрѣпленія своего города и спросило его мнѣнія на этотъ счетъ, онъ отвѣчалъ: «Все это не устоитъ и полчаса противъ кавалеровъ; для этихъ людей пустая шутка взобраться на укрѣпленія въ двадцать футовъ вышиною¹». Дорчестеръ сдался при первомъ требованіи (въ августѣ 1643); Вексмутъ, Портлендъ, Бэрнстэпль, Бедфордъ последовали его примѣру (въ концѣ августа 1643), что уже прежде сдѣлали Таунтонъ, Бриджуатеръ, Батъ (въ концѣ іюля 1643); Бристоль, второй городъ королевства, сдался при первомъ приступѣ², вслѣдствіе трусости своего губернатора, Натанъеля Фейннза, который, однако, былъ однимъ изъ вождей самой горячей партіи. Каждый день приходили въ Лондонъ вѣсти о какой-нибудь неудачѣ; въ Оксфордѣ, напротивъ, войско усиливалось вмѣстѣ съ возрастаніемъ довѣренности. Наконецъ, королева соединилась съ королемъ и привела съ собою три тысячи человекъ и артиллерию³. Въ первый разъ свидѣлись они на Кейнтонской Равнинѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, годъ назадъ, обѣ партіи впервые вступили въ бой, и въ тотъ же самый день (13 іюля 1643), въ тотъ же самый часъ, Уильмотъ и Гоптонъ одержали при Раундуэй-Даунѣ (Roundway-Down)⁴ блистательную побѣду надъ войскомъ парламента⁵. Карлъ и его супруга съ триумфомъ вѣхали въ Оксфордъ; а Уолмеръ, который, отправляясь къ своей арміи, приказывалъ на дорогѣ всѣмъ констэблямъ дѣлать приготовленія для принятія его плѣнныхъ, воротился въ Лондонъ безъ солдатъ⁶.

Эссексъ, недвигавшійся съ мѣста, обвинявшій въ своей недѣятельности тѣхъ, кто его упрекалъ въ ней, смотрѣлъ на всѣ эти пораженія, не принимая въ нихъ участія и не думая пред-отвращать ихъ. Наконецъ онъ написалъ въ верхнюю палату

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebel.*, т. VI, стр. 207. — (²) 25 іюля 1643. — Rushworth ч. 3, т. II, стр. 284. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 136—148. — *State-Trials*, т. IV, 186—293. — (³) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 274. — (⁴) Въ Уиллштайрѣ. — (⁵) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 130—135. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 285. — (⁶) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 134.

(9 июля 1643): «Я думаю, что лорды поступят нехудо, если благоразсудят просить у короля мира съ обезпеченіемъ религій, законовъ, правъ гражданъ, а также заслуженнаго назанія главныхъ виновниковъ столькихъ государственныхъ бѣдствій. Если же эта попытка не приведетъ къ мирному соглашенію, то, по моему мнѣнію, слѣдуетъ умолять его величество, чтобъ онъ удалился съ театра кровопролитія, и тогда двѣ арміи въ одинъ день рѣшатъ всѣ раздоры¹». Нѣсколько дней ранѣе, это письмо, можетъ-быть, было бы принято хорошо. При первой вѣсти о пораженіяхъ, лорды торжественно засвидѣтельствовали свою вѣрность королю и приготовили новыя мирныя предложенія; нижняя палата², напротивъ, раздраженная, но непадавшая духомъ, требовала отъ верхней окончательнаго рѣшенія насчетъ государственной печати и, получивъ отказъ, собственною властью велѣла изготавить новую, съ изображеніемъ, на одной сторонѣ, гербовъ Англіи и Ирландіи, а на другой засѣданія нижней палаты въ Вестминстерѣ, безъ всякихъ знаковъ, которые напоминали бы о лордахъ верхней палаты³. При такомъ разномысліи, лорды верхней палаты, конечно, согласились бы на мирныя предложенія генерала. Но въ то же время (20 іюня 1643) король, возгордившись своими успѣхами, объявилъ официально, что лица, собравшіяся въ Вестминстерѣ, не составляютъ настоящихъ палатъ; что отсутствіе столькихъ членовъ и стѣсненіе свободы лишили ихъ всякой законности; что съ-этихъ-поръ онъ не будетъ называть ихъ собранія парламентомъ; наконецъ, что онъ запрещаетъ всѣмъ своимъ поданнымъ повиноваться этому скопищу измѣнниковъ и бунтовщиковъ⁴. Такое общее и сильное порицаніе не замедлило соединить снова обѣ палаты. 5-го іюля онѣ рѣшили, съ общаго согласія, отправить къ своимъ братьямъ шотландцамъ комиссію, чтобъ просить ихъ о присылкѣ вспомогательной арміи для защиты

(¹) *Journal of the House of Lords*, 11 іюля 1643. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 290. — Whitelocke, стр. 67. — (²) 16 іюня 1643. *Parl. Hist.*, т. III, col. 132. — (³) Въ первыхъ дняхъ іюля. *Parl. Hist.*, т. III, col. 143. — Whitelocke, стр. 67. — (⁴) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 331.

англійскихъ протестантовъ отъ ига папистовъ¹, и когда письмо Эссекса пришло къ лордамъ, то они положили до-тѣхъ-поръ не обращаться къ королю ни съ прошеніемъ, ни съ мирными предложеніями, пока онъ не отречется отъ своей прокламаціи, въ которой объявилъ, что палаты не составляютъ свободнаго и законнаго парламента².

Эссексъ не настаивалъ. Благородный и прямодушный, онъ думалъ, что исполнилъ долгъ, подавъ совѣтъ примириться съ королемъ; впрочемъ, онъ читалъ палаты, и подавъ свое мнѣніе, нисколько не думалъ, чтобъ его приняли непременно какъ законъ; напротивъ, самъ готовъ былъ повиноваться приказаніямъ парламента. Нѣсколько дней между партіями въ Лондонѣ господствовало, повидимому, совершенное согласіе: всѣ единодушно старались выразить Эссексу свое уваженіе; онъ немедленно получилъ военные припасы и подкрѣпленія³; въ то же самое время и Уолмеру, несмотря на его неудачи, выражена благодарность и оказанъ почетъ, какъ человѣку, который еще можетъ быть полезенъ на службѣ⁴. Приказано формировать новую армію въ восточныхъ графствахъ, и начальство надъ ней поручено лорду Манчестеру, а въ помощники данъ ему Кромвель⁵. Тотѣмъ, котораго нижняя палата, заранѣе предупрежденная (въ началѣ іюня 1643), велѣла арестовать въ Гулѣ⁶ прежде, нежели онъ успѣлъ сдать городъ королю, ждалъ въ Тоуэрѣ своей казни; лордъ Ферфаксъ назначенъ на его мѣсто⁷. Выбраны были комиссары, которые должны были отправиться въ Шотландію—двое отъ верхней, четверо отъ нижней палаты⁸; имъ доставлено на видъ торопиться отъѣздомъ. Чле-

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 144. — (²) *Journals of the House of Lords*, 11 іюля 1643. — (³) *Parl. Hist.*, т. III, col. 144. — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 184. — (⁵) 22 іюля 1643. *Parl. Hist.*, т. III, col. 156. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 185. Эта армія должна была состоять изъ десяти тысячъ человѣкъ. — (⁶) 29 іюня 1643. Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 275 — 277. — Whitelocke, стр. 67. — (⁷) 3 іюля 1643. Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 280. — *Journals, etc.*, 11 іюля. — (⁸) Лорды Грей-Уаркъ и Рутлэндъ, сэръ Уильямъ Армингъ, сэръ Генри Вентъ, М. Гатчеръ и М. Дарлей. (Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 466.

ты собранія богослововъ также, большею частью, оставили Лондонъ; каждый изъ нихъ отправлялся въ свой приходъ, чтобъ успокоивать и одушевлять народъ къ новымъ усиліямъ¹. Каждый день въ которой-нибудь изъ церквей города, въ присутствіи матерей, дѣтей, сестеръ, служили молебны, призывавъ помощь Божию на всѣхъ тѣхъ, которые посвятили себя защитѣ отечества и его законовъ²; каждое утро, при барабанномъ боѣ, толпы гражданъ, мужчинъ и женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, выходили работать въ укрѣпленіяхъ³. Никогда еще въ палатахъ и среди народа не было видно такой энергіи и въ то же время такого единодушія и благоразумія.

Но опасность увеличивалась съ каждымъ днемъ; вездѣ король одерживалъ верхъ. Несмотря на всеобщее увлеченіе, нѣкоторые люди отказались жертвовать собою въ пользу парламента. Лордъ Грей, выбранный верхней палатой въ число комиссаровъ, отправившихся въ Шотландію, уклонился отъ посольства⁴; лорды заключили его въ Тоуэръ. Графъ Рутлендъ, который долженъ былъ сопровождать его, также отказался, ссылаясь на слабое здоровье⁵. Коммиссары нижней палаты принуждены были ѣхать один⁶, и притомъ моремъ, потому что на сѣверѣ дороги были небезопасны, а Ферфаксъ не могъ дать имъ конвоя. Они ѣхали три недѣли⁷. Въ этотъ промежутокъ времени король послушался болѣе-благоразумныхъ совѣтниковъ и издалъ болѣе-мягкую прокламацію. вмѣстѣ съ надеждой на миръ воротилось и желаніе мира. 4-го августа лорды, по предложенію графа Нортумберланда, согласились сдѣлать королю предложенія, которыя превосходили всѣ прежнія своею умѣренностью: они предлагали немедленно распустить войска, призвать въ палаты лордовъ, имена которыхъ были вычеркнуты изъ списковъ за то, что

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 148. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 189. — (²) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. II, стр. 506. — (³) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 217, въ *Collection* г. Гизо. — (⁴) 17 июля 1643. *Parl. Hist.*, т. III, col. 148. — (⁵) Тамъ же, col. 150. — (⁶) Тамъ же. — (⁷) Они отправились изъ Лондона 20 іюля и прибыли въ Эдинбургъ только 9 августа (Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 466).

они перешли къ королю; рѣшеніе же вопроса о милиціи предоставить впредь парламентамъ, вопросъ о церкви—сиподу. На слѣдующее утро лорды передали эти предложенія нижней палатѣ, объявивъ довольно-надменнымъ тономъ, что пора положить конецъ бѣдствіямъ отечества¹. Пораженная неожиданностью этихъ требованій, партія войны тѣтено наставала на опасности, сопряженной съ потерей столькокихъ выгодъ, купленныхъ дорогою цѣною, великими страданіями, тогда-какъ выигрышъ будетъ состоять лишь въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ перемирія; тѣтено просила она, чтобъ дождались по-крайней-мѣрѣ отвѣта изъ Шотландіи. «Дѣла пошли худо» отвѣчали лорды «съ-тѣхъ-поръ, какъ прекращены переговоры съ Оксфордомъ; въ Лондонѣ низшій классъ, правда, кажется, готовъ вести войну, но ясно, что богатые и знатные граждане не расположены къ ней, потому-что они отказываются отъ новыхъ налоговъ для веденія войны. Впрочемъ, какаѣ бѣды предложить королю разумныя условія? Если онъ ихъ приметъ—будетъ миръ; если же отвергнетъ, то его отказать доставитъ намъ болѣе солдатъ и денегъ, нежели въ состояніи дать всѣ ваши предписанія». Рѣшено было, большинствомъ девяноста-четырехъ голосовъ противъ шестидесяти-пяти, принять во вниманіе предложенія лордовъ².

Страшное волненіе овладѣло партіей войны. Добиваться такимъ образомъ мира среди неудачъ значило не заключать договоръ, а сознаваться публично въ своемъ пораженіи. Всѣ общественные и частные интересы страдали отъ такого мира, который, сверхъ-того, разрушалъ надежды патріотовъ, желавшихъ болѣе-широкой реформы, и честолюбцевъ, хотѣв-

(¹) Въ конференціи, которая была по этому предмету между двумя палатами (5 августа 1643), ораторъ верхней палаты началъ слѣдующими выраженіями: «Господа! лорды полагаютъ, для всякаго разумнаго очевидно, что наше королевство, со всѣми благами, которыхъ стоить ему долгий и счастливый миръ, готово впасть въ тѣ бѣдствія, какія обыкновенно сопровождаютъ междоусобную войну, и что тѣ самые люди, которые должны бы посвящать свои сердца и руки его благоденствію, подвергаютъ его опасности своими противоестественными раздорами» и проч. (*Parl. Hist.*, т. III, col. 156.) — (²) Тамъ же, col. 156—158. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 178—182.

шихъ революціи. Рѣшились, во что бы ни стало, отвергнуть миръ. Вечеромъ, 6-го августа, лордъ-мэръ Пеннингтонъ, котораго король исключилъ въ своей прокламаціи изъ амнистіи, собралъ муниципальный совѣтъ, несмотря на то, что было воскресенье; а на другое утро въ нижнюю палату поступила грозная петиція, которая требовала, чтобъ палата отвергла предложенія лордовъ и, вмѣсто того, приняла рѣшеніе, образецъ котораго въ то же время представлялъ податель прошенія альдерменъ Аткинсъ¹. Толпа народа, предупрежденная наканунѣ памфлетами, разбросанными по всѣмъ частямъ города, поддерживала эти требованія своими криками. Прибывъ въ Вестминстеръ, лорды тотчасъ же подали въ нижнюю палату жалобу на эти мятежныя сборища, объявивъ, что отложить свои засѣданія до слѣдующаго дня и даже далѣе, если подобныя поступки не будутъ наказаны. Но въ нижней палатѣ уже собирались голоса о мирныхъ предложеніяхъ; послѣ продолжительныхъ преній, восемьдесятъ-одинъ голосъ оказался въ пользу мира и лишь семьдесятъ-девять противъ него. Волненіе достигло предѣловъ: за стѣнами парламента народъ кричалъ, что не разойдется до-тѣхъ-поръ, пока не дадутъ ему удовлетворительнаго отвѣта; внутри, противники мира требовали повѣрки голосовъ, утверждая, что произошла ошибка и что они такъ легко не дадутся въ обманъ. Имъ уступили. Палата снова раздѣлилась: въ пользу мира опять оказался восемьдесятъ-одинъ голосъ; но тѣ, которые считали противные голоса, провозгласили восемьдесятъ-восемь. Президентъ тотчасъ же объявилъ этотъ результатъ, и приверженцы мира удалились въ изумленіи и отчаяніи².

На третій день, 9-го августа, они, въ свою очередь, захотѣли вознаградить себя за это. Съ самаго утра, вокругъ Вестминстера собралась толпа изъ двухъ или трехъ тысячъ женщинъ, съ бѣлыми лентами на головахъ, символомъ мира, котораго дѣйствительно и просили у палаты³. Сэръ Джонъ

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 336. — См. *Приложенія*. — (²) *Parl. Hist.*, т. III, col. 158—160. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 182—184. — (³) См. *Приложенія*.

Гипписли вышелъ къ нимъ и сказалъ, что «палата желаетъ также мира, и въ скоромъ времени надѣется заключить его, а между-тѣмъ приглашаетъ ихъ разойтись по домамъ». Но женщины остались; къ полудню ихъ набралось слишкомъ пять тысячъ; въ ряды ихъ вмѣшалось нѣсколько мужчинъ въ женскомъ платьѣ; толпа женщинъ, подстрекаемая ими, бросилась къ дверямъ нижней палаты, съ криками: «мира! мира!» Часовые, изъ простыхъ милиціонеровъ, упрасивали ихъ удалиться; но неистовые крики усиливались: «Подайте сюда измѣнниковъ, которые не хотятъ мира! въ клочки ихъ! Дайте сюда подлеца Пейма!» Ихъ прогнали съ лѣстницы; сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ, чтобъ испугать ихъ. «Заряды холостые!» кричали женщины, бросая въ часовыхъ камнями. Тогда часовые стали стрѣлять не въ шутку; въ то же время прибылъ эскадронъ кавалеріи и бросился на толпу съ обнаженными саблями: съ минуту женщины держались еще; онѣ пятились во всѣ стороны отъ кавалеристовъ, продолжая ихъ ругать и наносить имъ удары. Наконецъ, надо было бѣжать, и послѣ страшной сумятицы, продолжавшейся нѣсколько минутъ, около Вестминстера осталось только семь или восемь раненныхъ женщинъ и двѣ убитыхъ. Одна изъ нихъ была хорошо извѣстна народу: она съ дѣтства распѣвала по улицамъ Лондона старинныя народныя баллады¹.

Побѣда была полная, но стоила слишкомъ-дорого; нужно было прибѣгнуть къ обману и насилію—средствамъ, которыя вызываютъ ропотъ на самый успѣхъ, особенно же, когда реформа дѣлается во имя законовъ, или съ цѣлью възстановить ихъ. Уже сдѣлалось самую обыкновенною поговоркою, что парламентъ, въ свою очередь, дѣлаетъ то же самое, въ чемъ упрекали короля. Верхняя палата возмутилась: кровь народа была пролита; междоусобная вражда начинала брать верхъ надъ всякимъ другимъ чувствомъ. Нижняя палата узнала, что нѣкоторое число членовъ парламента хочетъ оставить Лон-

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 357. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 184.

донъ, подъ предводительствомъ важнѣйшихъ лордовъ, бѣжать въ лагерь Эссекса, объявить тамъ, посредствомъ прокламаціи, что они оставили парламентъ, который находится въ рукахъ черни, и готовы вступить въ переговоры съ Оксфордъ. Намѣреніе это не состоялось оттого, что честный Эссексъ твердо и рѣшительно отказался ему содѣйствовать. Для партіи было очень-утѣшительно узнать, что ея генераль такъ непоколебимо ей вѣренъ¹. Но лорды Портлендъ, Ловлэсъ, Конуэй, Клеръ, Бедфордъ, Голландъ, несмотря на это, оставили Лондонъ и бѣжали къ королю; графъ Нортумберландъ удалился въ свой замокъ Петвортъ² — все имена знаменитыя, которыя, не составляя главной опоры парламента, тѣмъ не менѣе служили ему щитомъ и придавали ему блескъ. Увидя себя оставленными, нѣкоторые изъ вождей гражданъ едва не струсили; даже Пеймъ обвиняли въ перепискѣ съ непріателемъ³. Съ другой стороны, самые отчаянные демагоги, самые пылкіе сектаторы начинали обнаруживать свои тайные замыслы. Джонъ Сальтмаршъ, который впослѣдствіи былъ капеланомъ въ войскѣ Ферфакса, утверждалъ, что «во что бы ни стало, нужно помѣшати сближенію короля съ народомъ». Памфлетъ этотъ былъ доведенъ до свѣдѣнія нижней палаты; но Генри Мартинъ вызвался защищать его, что, однакожъ, ему не удалось. Наконецъ изъ Шотландіи не было ровно никакихъ вѣстей; неизвѣстно было даже, доѣхали ли комиссары; и каждый день боялись вдругъ услышать, что король идетъ на Лондонъ, или что онъ осаждаетъ Глостеръ, послѣднюю крѣпость, остававшуюся во власти парламента на западѣ, единственный городъ, который еще мѣшала сообщеніямъ роялистскихъ войскъ, расположенныхъ на югозападѣ и на сѣверо-востокѣ, препятствуя имъ дѣйствовать съобща на всѣхъ пунктахъ⁴.

Страсти смолкли предъ опасностями; партіи здраво разсудили о своемъ положеніи. Ни та, ни другая изъ нихъ не

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. IV, стр. 188, 200 — 203. — (²) Тамъ же, т. III, стр. 189. — (³) 9 сентября 1643. *Parl. Hist.*, т. III, col. 165. — (⁴) Whitelocke, стр. 69.

имѣла достаточныхъ силъ для уничтоженія своего противника съ тѣмъ, чтобъ послѣ съ выгодой продолжать войну или заключить миръ. Не ища спасенія въ слабости, умѣренная партія поняла, что прежде переговоры необходимо одержать побѣду; фанатики убѣдились, что мало будетъ пользы отъ безумнаго увлеченія и что побѣда возможна только при одномъ условіи: чтобъ они повиновались, а ихъ соперники повелѣвали. Недовѣрчивость исчезла, честолюбіе замолкло на-время. Комитетъ, въ которомъ засѣдали нѣкоторые изъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ войны¹, отправился къ Эссексу², объявилъ ему о мѣрахъ, принятыхъ для укомплектованія его арміи и доставки ей всего нужнаго; спрашивалъ, въ чемъ онъ еще нуждается; наконецъ, поручилъ ему судьбу отечества и торжественно выразилъ ему совершенную довѣренность парламента. Съ своей стороны, графъ и его друзья принялись за военныя дѣйствія съ такою живостью, какъ-будто никогда и не имѣли иного желанія. Голлизъ³, который выпросилъ себѣ паспортъ на отъѣздъ съ своимъ семействомъ изъ Англіи, возвратилъ его и остался. Повсюду люди, которыхъ еще недавно обвиняли въ малодушіи или измѣнѣ, подавали первый примѣръ приготовленій къ войнѣ, усилій, пожертвованій; а ихъ заносчивые противники смиренно и покорно помогали имъ съ усердіемъ, но безъ шума. Они даже безъ сопротивленія согласились на исключеніе изъ парламента Генри Мартина и на заключеніе его въ Тоуэръ за его послѣднюю выходку противъ короля⁴ — такъ твердо рѣшились они жертвовать всѣмъ этому минутному согласію, единственному средству спасенія. Такое благоразумное поведеніе не замѣдливо принесло свои плоды. Уолмеръ и Манчестеръ, каждый особо, формировали резервы; между-тѣмъ наборъ людей, денегъ, приготовленіе запасовъ всякаго рода для арміи Эссекса, которая одна была въ-состояніи скоро выдти въ поле — все это шло

(¹) Сент-Джонъ, Стродъ и Крю (Crew), къ которымъ былъ присоединенъ Пеймъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія. (²) 4 августа 1643. *Journals of the House of Commons*, т. III, стр. 15. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 187. — (³) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 291. — (⁴) 16 августа 1643. *Parl. Hist.*, т. III, col. 161.

съ неслыханною быстротою; четыре полка лондонской милиции вызвались служить въ арміи Эссекса, и 24-го августа, послѣ торжественнаго смотра въ Гоунсло-Гитѣ, сдѣланнаго въ присутствіи большей части членовъ обѣихъ палатъ, графъ повелѣ четыренадцать тысячъ человѣкъ усиленными переходами на выручку Глостера, уже двѣ недѣли находившагося въ осадѣ, которой такъ боялись ¹.

Послѣ своей побѣды, Карлъ не безъ сожалѣнія отказался отъ намѣренія предпринять что-нибудь болѣе-рѣшительное противъ самого Лондона. У него уже былъ составленъ планъ и, казалось, обѣщалъ успѣхъ: король долженъ былъ двинуться съ запада на востокъ, а лордъ Ньюкэстль, одержавшій также побѣды въ графствѣ Йоркѣ, идти въ то же время съ сѣвера на югъ. Такимъ-образомъ обѣ большія королевскія арміи соединились бы подъ стѣнами столицы. По взятіи Бристоля, Карлъ тотчасъ же послалъ къ лорду Ньюкэстлю одного изъ самыхъ преданныхъ слугъ своихъ, сэра Филиппа Уорвика, чтобъ сообщить ему объ этомъ планѣ и приказать двинуться въ походъ. Но вельможами королевской партіи нельзя было командовать, какъ простыми генералами: они получали отъ короля свои назначенія, но не отъ него получили свою силу. Готовые поддерживать его дѣло тамъ, гдѣ они уже пользовались вліяніемъ, они вовсе не хотѣли мѣнять мѣстъ и такимъ-образомъ терять и независимость свою, и средства къ успѣху. Ньюкэстль, гордый, великолѣпный, любившій пышность и досугъ, боявшійся трудовъ и скучныхъ противорѣчій, окруженный самъ маленькимъ дворомъ, къ которому блестящій умъ его и образъ жизни привлекали охотниковъ до веселаго общества, не хотѣлъ затеряться въ Оксфордѣ среди придворныхъ, ни въ арміи короля подчиниться какому-нибудь грубому чужеземцу, въ родѣ принца Роберта. Выслушавъ хладнокровно предложеніе, привезенное Уорвикомъ, онъ сказалъ: «Мнѣ приходится въ голову ирландскій бунтовщикъ Тайронъ, взятый въ плѣнъ вице-королемъ Монтжойемъ и привезенный къ королевѣ Елизаветѣ. Въ аппаратахъ Уайт-Галля, увидѣвъ вице-

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 241. — *Mémoires de Hollis*, стр. 16, въ *Collection* г. Гизо.

короля едва-замѣтнымъ и наравнѣ съ другими дожидавшимся выхода королевы, онъ сказалъ, обратившись къ одному изъ своихъ соотечественниковъ: «какъ мнѣ стыдно, что я отдался въ плѣнъ челоуѣку, котораго почиталъ сильнымъ, тогда-какъ теперь онъ совершенно затерянный въ толпѣ челоуѣкъ!» Что до меня, то я не могу оставить Йорка до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ взятъ Гуль ¹». Уорвикъ передалъ этотъ отвѣтъ королю, который не посмѣлъ выразить своего неудовольствія. Нѣкоторые лица все еще совѣтовали ему идти на Лондонъ; мнѣнія этого держалась сама королева; но король былъ не охотникъ до отчаянныхъ предпріятій, не столько потому, чтобъ боялся опасностей, сколько изъ страха уронить собственное достоинство. Уже съ годъ назадъ, послѣ битвы при Эджиллѣ и Brentfordъ, гордость его пострадала, когда онъ нашелся вынужденнымъ отступать изъ-подъ самыхъ стѣнъ Лондона. Многие офицеры полагали, что должно осадить Глостеръ: одни безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, другіе въ надеждѣ на богатую добычу; полковникъ Уильямъ Леггъ хвалился даже, что находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ губернаторомъ Эдвардомъ Массей ². Наконецъ, король рѣшился, и 10-го августа его армія, которой онъ лично командовалъ, заняла возвышенности, господствовавшія надъ городомъ, защищаемымъ только полуторатысячнымъ гарнизономъ и обывателями.

Тотчасъ по прибытіи, король потребовалъ, чтобъ городъ сдался, и далъ жителямъ два часа времени на размышленіе. До истеченія срока, два депутата отъ города Глостера, подполковникъ Падсей и одинъ гражданинъ, явились въ королевскій лагерь, оба исхудалые, блѣдные, съ обстриженными волосами, въ черныхъ одеждахъ, и сказали: «Мы пришли къ его величеству съ отвѣтомъ отъ благочестиваго города Глостера». Когда ихъ ввели къ королю, они прочли посланіе слѣдующаго содержания: «Мы, обыватели, магистратъ, офицеры

(¹) *Mémoires*, de Warwick, стр. 200—202, въ *Collection* г. Гизо. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 191. — (²) Тамъ же, стр. 169—173.

и солдаты Глостера, отвѣчаемъ всепокорнѣйше на всемило- стивѣйшее посланіе его величества: въ силу нашей присяги, мы охраняемъ вышереченный городъ къ услугамъ его вели- чества и его потомства; считаемъ себя обязанными повино- ваться указамъ его величества въ той мѣрѣ, какъ они пере- даны намъ обѣими палатами парламента, и, слѣдовательно, съ Божіей помощью, будемъ защищать вышереченный городъ по мѣрѣ силъ своихъ». Это краткое посланіе, прочтенное твердымъ голосомъ, сухо и явственно, странный видъ депу- татовъ, неподвижно-ждавшихъ отвѣта короля—все это возбу- дило въ присутствовавшихъ удивленіе, насмѣшки и гнѣвъ, который готовъ былъ уже разразиться; но Карлъ, храня та- кую же важность, какъ его противники, далъ знакъ молчанія и отпустилъ депутатовъ, сказавъ имъ только: «Если вы ожи- даете помощи, то ошибаетесь въ расчетѣ. Уолмеръ уничто- женъ, а Эссексъ не можетъ придти». Едва депутаты воро- тились въ городъ, какъ обыватели разомъ подожгли всѣ пред- мѣстья и такимъ образомъ имъ ничего не осталось охранять внѣ стѣнъ города¹.

Впродолженіе двадцати-шести дней (отъ 10 авг. до 5 сент.), они съ неуспѣшной дѣятельностью сопротивлялись всѣмъ уси- ліямъ осаждавшихъ. Исключая ста-пятидесяти человекъ, со- ставлявшихъ резервы, весь гарнизонъ былъ постоянно на но- гахъ; во всѣхъ работахъ, во всѣхъ опасностяхъ граждане присоединялись къ солдатамъ, жены помогали мужьямъ, дѣти матерямъ. Массей дѣлалъ частыя вылазки, и лишь трое вос- пользовались ими, чтобъ дезертировать². Наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, неприносившимъ ни славы, ни покоя, королев- ская армія, въ отмщеніе за это, вооружалась и грабила въ окрест- ностяхъ; сами офицеры часто заставляли своихъ солдатъ хватать какого-нибудь богатаго фермера, какого-нибудь мир- наго землевладѣльца, какъ «злоумышленника», и отпускали

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, 173—176. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 230—234, въ *Collection* г. Гизд. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 286 и слѣд. — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 234—240. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 287—290. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 219.

ихъ на волю за богатые выкупы¹. Съ каждымъ днемъ слабѣла дисциплина въ королевскомъ лагерѣ и усиливалась всеобщая ненависть обывателей къ арміи. Можно было бы рѣшиться на приступъ, но никто не смѣлъ предложить его, помня, какъ дорого обошлось дѣло подѣ Бристолемъ. Король ждалъ успѣха только отъ истощенія силъ, въ которое, рано или поздно, го- родъ долженъ былъ впасть вслѣдствіе осады, какъ вдругъ, къ крайнему изумленію, онъ узналъ о приближеніи Эссекса. Принцъ Робертъ, отдѣлившись отъ арміи съ отрядомъ кавале- ріи, тщетно старался остановить его: графъ шелъ впередъ, не сворачивая съ дороги и гоня передъ собою непріяте- ля. Уже онъ находился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ лагеря; уже кавалеристы короля отступили до самыхъ аванпостовъ своей инфантеріи; въ надеждѣ задержать графа хоть на день. Карлъ отправилъ къ нему гонца съ мирными предложеніями. Эссексъ отвѣчалъ: «Парламентъ не далъ мнѣ полномочія на веденіе переговоровъ, но приказалъ освободить Глостеръ; это я сдѣ- лаю, или умру подѣ его стѣнами». — «Ненужно предложеній! не нужно предложеній!» кричали солдаты, узнавъ, что непріятель прислалъ трубача. Эссексъ продолжалъ путь, и на дру- гой день (5-го сентября), когда ряды его войска строились на холмахъ Пресбѣри, въ двухъ льѣ отъ Глостера, пламя, обнявшее королевскій лагерь, возвѣстило ему, что осада Глос- тера снята².

Эссексъ немедленно вступилъ въ городъ³, снабдилъ его продовольствіемъ, осыпалъ похвалами губернатора, его сол- датъ и гражданъ, постоянство которыхъ спасло парламентъ и дало ему возможность спасти ихъ самихъ. Въ свою очередь Эссексъ, въ церкви, подѣ окнами своей квартиры, на ули- цахъ, слышалъ восторженные выраженія народной признатель- ности. Черезъ два дня (10 сент.) онъ двинулся обратно въ Лондонъ: порученіе свое онъ кончилъ и торопился при-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 219. — (²) May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 243—246. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 223 и слѣд. — Whitelocke, стр. 69. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 292. — (³) 8 сентября 1643. May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 247.

вести на защиту палатъ единственную армию, которая оставалась у нихъ.

По всему казалось, что отступление свое Эссексъ долженъ былъ совершить такъ же счастливо, какъ и походъ. Нѣскольکو дней сряду держалъ онъ втайнѣ маршрутъ свой, овладѣлъ Чиренчестеромъ и его богатыми магазинами; кавалерія его, въ нѣсколькихъ сшибкахъ, блистательно отразила нападенія принца Роберта, который съ своей кавалеріей наводилъ всеобщій ужасъ: но, приближаясь къ Ньюбѣри, 19-го сентября, Эссексъ узналъ, что непріятель опередилъ его, занялъ городъ и окрестныя возвышенности, что дорога въ Лондонъ отрѣзана и что лишь силою можно пробиться въ столицу. Король командовалъ лично; положеніе его было выгодное: гарнизонъ Оксфорда и Уаллингфорда могъ подать ему помощь въ случаѣ надобности. Жители, нерасположенные къ парламенту, прятали съѣстные припасы. Во что бы ни стало, надобно было дать генеральное сраженіе, чтобъ пробиться въ столицу и не умереть съ голоду.

Эссексъ не сталъ долго думать. На разсвѣтъ слѣдующаго дня (20 сент.) онъ явился лично въ авангардѣ, атаковалъ главную возвышенность и очистилъ ее отъ полковъ, ее занимавшихъ. Въ битвѣ участвовали, одинъ за другимъ, всѣ корпуса; дрались до вечера во всѣхъ позиціяхъ, которыя защищались такъ упорно, что обѣ партіи, по окончаніи дѣла, сочли для себя славнымъ, въ реляціяхъ начальству, воздать похвалу своимъ непріятелямъ. Этимъ дѣломъ роялисты надѣялись поправить слѣдствія пораженія, прервавшаго рядъ ихъ успѣховъ, а приверженцы парламента были одушевлены желаніемъ не потерять, будучи такъ близко къ цѣли, плодъ торжества, положившаго конецъ столькимъ пораженіямъ. Въ-особенности лондонская милиція оказала чудеса храбрости. Два раза, прорвавъ парламентскую кавалерію, бросался на нее принцъ Робертъ, но не могъ поколебать ея рядовъ, дружно-встрѣчавшихъ его никами. Генералы Эссексъ, Скиптонъ, Стэпльтонъ, Меррикъ подвергались опасностямъ, какъ простые солдаты; съ другой стороны, прислуга: работники, деньщики, бывшіе при арміи, прибижали на поле битвы и дрались подобно храбрымъ офицерамъ.

Наступила ночь; каждый удержался на своей позиціи. Эссексъ значительно подвинулся впередъ; но роялисты все еще граждали ему дорогу, и онъ ожидалъ, что на другое утро ему придется дать новое сраженіе; однакожъ, къ величайшему удивленію, на самомъ разсвѣтѣ онъ увидѣлъ, что непріятель отступаетъ и дорога открыта. Эссексъ не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и продолжалъ движеніе на Лондонъ; онъ шелъ безъ всякихъ препятствій, если не считать незначительныхъ нападеній со стороны кавалеріи принца Роберта, и спустя два дня послѣ битвы, почевалъ съ своимъ войскомъ въ Ридингъ, внѣ всякой опасности¹.

Этотъ жестокій ударъ испугалъ роялистовъ, храбрыхъ не менѣе своихъ противниковъ, но менѣе ихъ настойчивыхъ и такъ же быстро предававшихся отчаянію, какъ и надеждѣ. Впрочемъ, потери ихъ были дѣйствительно велики и тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на воображеніе, что состояли въ людяхъ, приближенныхъ къ королю. Пало слишкомъ двадцать лучшихъ офицеровъ, и въ числѣ ихъ были люди знаменитые заслугами и саномъ: лордъ Зундерландъ, двадцати-трехлѣтній юноша, который только-что женился и уже успѣлъ приобрести громкимъ выраженіемъ своихъ мнѣній уваженіе всѣхъ благоразумныхъ людей, всѣхъ добрыхъ протестантовъ своей партіи²; лордъ Каэрнарвонъ, отличный офицеръ, котораго король любилъ за строгость дисциплины, солдаты—за справедливость: онъ такъ свято держалъ данное слово, что ни за что не хотѣлъ остаться въ западной арміи послѣ того, какъ главнокомандующій ея, принцъ Морицъ, нарушилъ условія договора, заключеннаго съ городами Веймутомъ и Дорчестеромъ³; наконецъ лордъ Фоклэндъ — честь и слава роялистовъ, оставшійся патріотомъ, хотя его и осудили въ Лондонѣ, неутратившій народнаго уваженія, хотя и былъ министромъ въ

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 293—294. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 250—261. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 227—231. — Whitelocke, стр. 71. — *Mémoires, de Ludlow*, т. I, стр. 72, въ *Collecton*, г. Гизд. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 233. — (³) Тамъ же, стр. 233—235.

Оксфордъ¹. Ничто не требовало его присутствія на полѣ битвы, и не разъ друзья упрекали его въ ненужной отвагѣ. «Моя должность» отвѣчалъ онъ, улыбаясь, «не можетъ отнять тѣхъ преимуществъ, которыя даютъ мнѣ лѣта мои, а военный министръ долженъ быть посвященъ въ тайны величайшихъ опасностей». Нѣсколько мѣсяцевъ сряду онъ отыскивалъ эти опасности съ страстнымъ увлеченіемъ; страданія народа—еще худшее зло, которое онъ предвидѣлъ въ будущемъ, разрушенныя надежды, неловкое положеніе среди партіи, которой торжества и неудачи онъ равно боялся—все это сильно его тревожило; веселость его пропала; воображеніе, отъ природы блестящее и живое, стало рисовать ему лишь мрачныя картины, останавливаясь лишь на одномъ предметѣ. Прежде онъ любилъ изысканность, щегольство; теперь пересталъ заниматься своей одеждой, своей наружностью; ему опротивѣли дружескія бесѣды и всѣ занятія; часто, сидя въ кругу друзей, опустивъ голову, онъ прерывалъ долгое молчаніе, жалобно повторяя: «миръ! миръ!» и оживлялся только тогда, когда представлялась надежда на переговоры. Утромъ, передъ битвою, приближенные его удивились, найдя, что онъ повеселѣлъ: онъ такъ тщательно занялся своимъ туалетомъ, какъ давно этого не дѣлалъ. «Если я буду убитъ сегодня» сказалъ онъ, «то не хочу, чтобъ мое тѣло нашли въ грязномъ бѣльѣ». Его уговаривали остаться: лицо его снова омрачилось печалью. «Нѣтъ» сказалъ онъ: «давно ужъ все это терзаетъ мое сердце; къ ночи надѣюсь избавиться отъ мученій», и онъ присоединился волонтеромъ къ полку лорда Байрона. Только-что завязалось дѣло, какъ онъ былъ раненъ пулею въ животъ, упалъ съ лошади и, никѣмъ незамѣченный, умеръ жертвою эпохи, слишкомъ-грубой для его чистой и нѣжной добродѣтели. Тѣло его было найдено лишь на другое утро. Друзья его, особенно Гайдъ, навсегда сохранили о немъ безутѣшное воспоминаніе; придворные безъ особеннаго чувства узнали о смерти человѣка, имъ чужаго; Карлъ выразилъ сожалѣніе, на-

(¹) Род. въ 1610, въ Бѣрфордѣ, въ Графствѣ Оксфордскомъ; ему было отъ-роду тридцать-три года.

сколько того требовало приличіе, и пересталъ чувствовать прежнюю неловкость въ совѣтѣ¹.

Тотчасъ же по прибытіи Эссекса въ Ридингъ, депутація отъ обѣихъ палатъ явилась къ нему съ выраженіемъ благодарности, а также и съ тѣмъ, чтобъ удовлетворить всѣ нужды его арміи и узнать его собственныя желанія². Парламентъ былъ спасенъ; этого мало: онъ могъ надѣяться, что впредь ужъ не подвергнется такимъ опасностямъ; равнымъ успѣхомъ увѣнчались его дипломатическіе переговоры и его военныя дѣйствія. Въ то самое время, какъ Эссексъ заставилъ своихъ противниковъ снять осаду Глостера, Венъ заключилъ въ Эдмбургѣ тѣсный союзъ съ Шотландіей. Съ общаго согласія государственныхъ чиновъ и собора шотландской церкви, въ одно засѣданіе (17 авг. 1643)³ положено заключить политическій и религіозный договоръ, подъ именемъ *торжественной лиги и ковенанта*: Англія и Шотландія обязались соединить свои силы, чтобъ отстаивать общее дѣло. На другой же день шотландскіе комиссары отправились въ Лондонъ. Обѣ палаты, посовѣтовавшись съ собраніемъ богослововъ, съ своей стороны, подтвердили договоръ во всей его силѣ (18 сент.)⁴; а спустя недѣлю (25 сент. 1643), въ церкви св. Маргариты, въ Вестминстерѣ, всѣ члены парламента, стоя съ обнаженными головами и поднявъ руки къ небу, клятвенно подтвердили принятіе этого договора. Эта присяга была сперва произнесена устно, потомъ подтверждена рукоприкладствомъ⁵. Лондонъ съ восторгомъ принялъ извѣстіе о ковенантѣ, который обѣщалъ реформу церкви и, сверхъ того, подкрѣпленіе, состоящее изъ двадцати-одной тысячи шотландцевъ. Этотъ договоръ разсѣялъ страхъ пресвитеріанъ и осуществилъ ихъ

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 235—250. — Whitelocke, стр. 70. — (²) 24 сентября 1643. *Journals of the House of Commons*, 29 септлбря. — Whitelocke, стр. 70. — (³) Burnet, *Memoirs of the Hamiltons*, стр. 239. — Neal, *Hist. of the Purit.*, т. III, стр. 56—62. — Baillie, *Letters*, т. I, стр. 381. — (⁴) *Parl. Hist.*, т. III, col. 169. — (⁵) Тамъ же, col. 173. — Neal, *Hist. of the Purit.*, т. III, стр. 62. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 474—481. Ковенантъ былъ подписанъ двумястами-двадцатью-восьмью членами нижней палаты.

надежды. На другой день (26 сент. 1643) Эссексъ вступилъ въ Лондонъ; вся нижняя палата, подъ предводительствомъ своего президента, отправилась въ Эссекс-Гоуэзъ, встрѣчать его. Явились лордъ-мэръ и альдермены, въ пурпуровыхъ платьяхъ, чтобъ выразить благодарность «спасителю и покровителю ихъ жизни и имущества, ихъ женъ и дѣтей¹». Публично были выставлены знамена, отбитыя у королевской арміи въ дѣлѣ подъ Ньюбѣри; изъ нихъ особенно бросалось въ глаза знамя, на которомъ былъ изображенъ наружный фасадъ палаты депутатовъ, надъ которымъ виднѣлись двѣ головы преступниковъ: на фасадѣ красовалась надпись: «*Ut extra, sic intra*²». Народъ толпился вокругъ этихъ трофеевъ; милиціонеры, участвовавшіе въ дѣлѣ при Ньюбѣри, рассказывали всѣ его подробности; въ домашнихъ бесѣдахъ, въ проповѣдяхъ, на уличныхъ сходкахъ — повсюду восторженно произносилось имя Эссекса, или набожно было благословляемо. Графъ и друзья его рѣшились воспользоваться этимъ торжествомъ. Эссексъ явился въ верхнюю палату, подавъ прошеніе объ отставкѣ и о позволеніи удалиться изъ Англіи³. Нѣтъ болѣе настоятельной опасности, которая требовала бы его присутствія, говорилъ онъ; въ званіи главнокомандующаго онъ испыталъ слишкомъ-много неприятностей, которыя, навѣрное, скоро повторятся, ибо сэръ Уильямъ Уолмеръ остается въ должности, независимой отъ главнокомандующаго, на котораго сваливается вся отвѣтственность, тогда-какъ другому предоставляется право не слушаться его; давно уже мучить его это положеніе, котораго онъ не можетъ болѣе выносить». Выслушавъ это объясненіе, верхняя палата пришла въ изумленіе, или притворилась, что изумлена, и положила потребовать совѣщанія съ нижней палатой; но въ эту самую минуту доставлено было отъ нижней палаты посланіе, вслѣдствіе котораго совѣщаніе дѣлалось бесполезнымъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она спѣшила извѣстить лордовъ, что Уолмеръ отказывается отъ своей должности, соглашается получить впредь инструкціи отъ главнокомандующаго, а не отъ

(¹) Whitelocke, стр. 70. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 250. — (²) Whitelocke, стр. 71. — (³) 7 октября 1643. *Journals of the House of Lords.*

самого парламента, и настоятельно просить, чтобъ составленъ былъ комитетъ, который бы рѣшилъ это неприятное дѣло къ удовольствію графа. Комитетъ былъ тотчасъ составленъ, и дѣло покончено въ одно засѣданіе⁴. Уолмеръ и его друзья покорились безъ ропота; Эссексъ и его партія торжествовали, не хвастаясь побѣдой. Казалось, враждебныя партіи примирились окончательно. Но въ эту самую минуту онъ вступали въ новую борьбу...

(⁴) *Parl. Hist.*, т. III, col. 177. — Whitelocke, стр. 71.

КНИГА ПЯТАЯ.

Состояніе партій и происхожденіе индепендентовъ. — Расположеніе оксфордскаго двора. — Король заключаетъ перемиріе съ ирландцами. — Оксфордскій парламентъ. — Смерть Пейма. — Походъ 1644 года. — Сраженіе при Марстон-Муръ. — Неудачи Эссекса въ Графствѣ Корнваллійскомъ. — Несогласія возникаютъ между вождями пресвитеріанъ и Кромвелемъ. — Начинаются переговоры. — Билль о добровольномъ отреченіи отъ должностей. — Судъ и казнь Лода. — Переговоры въ Уксбриджъ. — Преобразование парламентскаго войска. — Ферфаксъ назначенъ генераломъ. — Эссексъ подаетъ въ отставку.

1645 — 1645.

Радость пресвитеріанъ достигла высшей степени: парламентъ былъ спасенъ ихъ вождемъ; враги ихъ молчали; шотландское войско, готовое прибыть, обѣщало крѣпкую опору ихъ дѣлу; отнынѣ они надѣялись одни располагать всеми преобразованиями, такъ же, какъ и войною, и по своему желанію продолжать или прекращать то и другое.

Припадокъ религіозной ревности и тиранніи вскорѣ обнаружилъ ихъ владычество въ палатахъ и внѣ ихъ, въ Лондонѣ и въ комитетахъ. Собранію богослововъ предписано было приготовить планъ церковнаго управленія (12 окт. 1643)¹; въ этотъ совѣтъ призвали четырехъ шотландскихъ богослововъ, чтобъ содѣйствовать важному намѣренію партіи — установить

(¹) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. III, стр. 123.

единство въ богослуженіи у обоихъ народовъ¹. Комитеты, которымъ поручено было въ каждой области разсматривать поведеніе и ученіе священнослужителей, удвоили дѣятельность и строгость; болѣе двухъ тысячъ священниковъ было отрѣшено отъ должностей²; многихъ преслѣдовали, какъ анабаптистовъ, броунистовъ, индепендентовъ и т. п.; ихъ ввергали въ темницу тѣ же самые люди, которые недавно еще проклинали въ ней, вмѣстѣ съ ними, своихъ общихъ преслѣдователей. Кто отказывался подписать ковенантъ, лишался права засѣдать въ общественномъ совѣтѣ и даже участвовать въ выборѣ его членовъ³. Съ самаго начала войны парламентъ приказалъ закрыть всѣ театры, не налагая на нихъ, однако, церковнаго проклятія, на томъ основаніи, что времена всеобщихъ бѣдствій должны быть посвящаемы покаянію и молитвѣ, а не удовольствіямъ (2 сент. 1642)⁴. Такое же запрещеніе распространено было на всѣ увеселенія, на всѣ обычныя народныя игры, воскресныя и праздничныя, какъ бы ни были онѣ древни; или невинны; повсюду были срублены майскія деревья⁵, которыя испоконъ-вѣка сажались въ знакъ радости при возвращеніи весны; запрещено было также воздвигать новыя; и если дѣти забывали эти законы, то родители ихъ наказывались денежною пеней за всякій порывъ ихъ веселости⁶. Архіепископъ Лодъ, уже три года забытый въ темницѣ, вдругъ былъ вызванъ въ верхнюю палату къ отвѣту на обвиненіе нижней палаты (13 нояб. 1643)⁷. Фанатизмъ считаетъ ненависть и мщеніе въ числѣ обязанностей.

Подобное же рвеніе вспыхнуло и къ войнѣ. Гордясь своимъ

(¹) 20 ноября 1643. Это были: Гендерсонъ, Редзерфордъ (Rutherford), Гильспи и Балли (Baillie, т. I, стр. 398. — Godwin, *Hist. of the Commonwealth*, т. I, стр. 349). — (²) Писатели епископальной партіи увеличиваютъ это число до 8000; ихъ противники уменьшаютъ его до 1600 и менѣе. Я слѣдовалъ указаніямъ Нила; *Hist. of the Purit.*, т. III, стр. 111—113. — (³) 20 декабря 1643. Neal, *Hist. of the Purit.*, т. III, стр. 66. — (⁴) *Parl. Hist.*, т. II, col. 1461. — (⁵) *May-poles*, длинныя шести, украшенные вѣтвями. — (⁶) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. III, стр. 139. Пена была въ 12 пенсовъ, или 24-су. — (⁷) *Parl. Hist.*, т. III, col. 183.

участіемъ въ послѣднихъ побѣдахъ, лондонскіе пресвитеріане уже не говорили болѣе о мирѣ; многіе богатые граждане на свой счетъ одѣвали и вооружали солдатъ и даже вызывались служить сами. Одинъ изъ нихъ, Роландъ Уильсонъ, имѣвшій въ виду получить отъ своего отца въ наслѣдство огромныя коммерческія дѣла и 2000 ф. стерл. ежегоднаго дохода въ поземельныхъ фондахъ, присоединился къ арміи Эссекса во главѣ полка, вооруженнаго на его собственное иждивеніе¹. Даже нѣкоторые изъ вождей, до сего времени склонныхъ къ переговорамъ—Голлизъ, Глиннъ, Мейнардъ, рѣчами своими одушевляли муниципальный совѣтъ къ самымъ отчаяннымъ усиліямъ². Никогда еще пресвитеріанская партія не обнаруживала такой энергіи и не имѣла въ своихъ рукахъ такой прочной власти.

И, несмотря на все это, она приближалась къ своему паденію. Взявшись съ самаго начала за двойную реформу, церковную и гражданскую, она вела эти реформы не на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, не по одному и тому же плану. Въ дѣлахъ религіозныхъ вѣра ея была горяча, ученіе просто, твердо, система скрѣплена строгими выводами. Система пресвитеріанская—то-есть управленіе церкви посредствомъ священнослужителей равныхъ между собою и рѣшающихъ дѣла съ общаго согласія—по мнѣнію этой партіи, не была учрежденіемъ челоувѣческимъ, которое бы, по времени и обстоятельствамъ, можно было измѣнять какъ вздумается; напротивъ, она была въ ея глазахъ единственною законною системою, установленіемъ божественнымъ, закономъ самого Христа. Партія хотѣла, чтобъ эта система торжествовала вполне, во что бы то ни стало, почитая ее переворотомъ святымъ и рѣшительно-необходимымъ. Совсѣмъ не то было въ политикѣ: не смотря на грубость дѣйствій и рѣчей, идеи партіи были шатки, виды умѣренны; въ ней не преобладало ни одного систематическаго убѣжденія, ни одной страсти истинно-революціонной; она любила монархію, сражаясь противъ короля; уважала права короны, стараясь поработить корону; вѣрила

(¹) Whitelocke, стр. 72. — (²) Тамъ же, стр. 81.

только нижней палатѣ и въ то же время не питала къ лордамъ ни ненависти, ни презрѣнія; наконецъ, она подчинилась древнимъ привычкамъ столько же, сколько и новымъ потребностямъ; не отдавала себѣ точнаго отчета ни въ основныхъ началахъ, ни въ послѣдствіяхъ своего поведенія; умѣрена была, что дѣйствуетъ единственно въ видахъ законной реформы, и не желала ничего болѣе, кромѣ такой реформы.

Такимъ-образомъ пресвитеріанская партія, находясь постоянно въ различномъ расположеніи, то властолюбивая, то перфшительная, то фанатическая, то умѣренная, не имѣла даже вождей, которые бы вышли изъ собственныхъ ея рядовъ и всегда были одушевлены одинакими съ нею чувствами. Она шла вслѣдъ за политическими преобразователями, первыми толкователями и истинными представителями народнаго движенія. Союзъ съ ними былъ для нея союзъ естественный и необходимый—естественный потому, что и тѣ и другая хотѣли преобразовать правленіе, но не уничтожить его; необходимый, потому, что они обладали властью и сохраняли ее по преимуществамъ своего званія, богатства и просвѣщенія; этихъ преимуществъ даже самые горячіе пресвитеріане не хотѣли оспаривать. Но, принимая, а въ крайнемъ случаѣ даже покупая, посредствомъ важныхъ уступокъ, помощь сектаторовъ, большинство политическихъ реформаторовъ не раздѣляло ни ихъ мнѣній, ни видовъ относительно церкви; они желали умѣреннаго епископата, ограничивающагося законной администраціей духовныхъ дѣлъ; они служили системѣ пресвитеріанъ противъ воли, стараясь втайнѣ замедлить ея успѣхи. Такимъ образомъ энергія партіи въ религіозной революціи была уничтожаема вождями, отъ которыхъ, однакожь, она не могла и не хотѣла отстать; ихъ единомысліе было полно и искренно только въ дѣлѣ политическаго преобразованія, т. е. въ томъ дѣлѣ, въ которомъ начальники и партія не были одушевлены какими-нибудь непримиримыми страстями, не стремились проводить абсолютныхъ убѣжденій.

Къ концу 1643 года политическое преобразование по-крайней-мѣрѣ законное, было окончено; злоупотребленія не существовали болѣе; всѣ законы, признанные необходимыми, были составлены; всѣ государственныя учрежденія, по крайнему

разумѣнію, измѣнены; все было улажено въ дѣлѣ, котораго равно желали защитники древнихъ правъ и сектаторы пресвитеріанскіе, и которое они могли исполнить общими силами. Но религіозная революція только-что начиналась, а политическое преобразование, еще шаткое и неупроченное, угрожало превратиться въ революцію. Приближалась минута, когда неизбежно должны были обнаружиться внутренніе недуги партіи, до-сихъ-поръ господствовавшей: несвязность ея состава, принципозъ, плановъ. Она вынуждена была ежедневно мѣнять направленіе, дѣлать противорѣчащія усилія. Чего она домогалась въ церкви, то отвергала въ государствѣ; она принуждена была непрерывно измѣнять свое положеніе и образъ выраженія, попеременно обращать то убѣжденія и страсти демократическія противъ епископовъ, то правила и вліянія монархическія и аристократическія противъ возникающихъ республиканцевъ. Странное зрѣлище представляли эти люди, разрушавшіе одной рукой и поддерживавшіе другой, то проповѣдывавшіе нововведенія, то проклинавшіе нововводителей; попеременно то дерзкіе, то робкіе; возмутители, и въ то же время деспоты; преслѣдовавшіе приверженцевъ епископата во имя правъ свободы, а индипендентовъ во имя правъ власти; присвоивавшіе себѣ, наконецъ, привилегію на возмущеніе и тираннію—и ежедневно громившіе въ своихъ рѣчахъ и то и другое.

Въ то же время многіе изъ вождей покидали партію, отрекались отъ нея или выдавали ее. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Рудбертъ, заботившіеся всего болѣе о своей репутаціи и добродѣтели, удалялись со сцены, или появлялись только издали и то болѣе для того, чтобъ излагать свои возраженія, а не для того, чтобъ дѣйствовать. Другіе же, менѣе-честные, какъ, напримѣръ, Сент-Джонъ, или болѣе-настойчивые и смѣлые, какъ Пеймъ, или занятые преимущественно своею личною безопасностью, старались сблизиться съ новою партіею, или, по-крайней-мѣрѣ, щадили ее, предчувствуя скорое ея возвышеніе. Многіе, уже разочарованные и нравственно-испорченные, отказались отъ всякихъ патриотическихъ надеждъ, заботились только о собственномъ благосостояніи и, составивъ въ комитетахъ, учрежденныхъ для управленія дѣлами, коали-

цію, раздѣляли между собою должности, конфискованныя имущества и товары. Между знатнымъ дворянствомъ, до-сихъ-поръ принимавшимъ участіе въ дѣлѣ народномъ, многіе, какъ уже было сказано, покинули это дѣло и пошли вымаливать миръ въ Оксфордѣ; другіе рѣшительно отказались отъ дѣла общественныхъ, удалились въ свои помѣстья и, чтобъ защититься, съ одной стороны, отъ разграбленія, съ другой—отъ секвестра, дѣлали сдѣлки то съ дворомъ, то съ парламентомъ. 22 сентября, только десять лордовъ засѣдало въ верхней палатѣ; 5 октября ихъ было только пять¹. Поименная переключка, установленная при открытіи каждаго засѣданія, и боязнь, что ихъ отсутствіе чрезъ это будетъ законнымъ образомъ заявлено, снова привлекли нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Вестминстеръ²; но высшая аристократія, становившаяся съ каждымъ днемъ болѣе-подозрительною или болѣе-чуждою народу, не менѣе того становилась тягостною и для пресвитеріанъ, вмѣсто того, чтобъ служить имъ опорой: религіозный ихъ фанатизмъ удалялъ отъ нихъ искусныхъ защитниковъ народной свободы, а политическая ихъ умѣренность мѣшала имъ отстранить отъ себя ненадежныхъ и недобросовѣстныхъ союзниковъ.

Какъ бы то ни было, партія господствовала уже три года; исполнились ли ея намѣренія въ церкви и государствѣ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ всѣ дѣла, въ-теченіе этихъ трехъ лѣтъ, производились при ея содѣйствіи и съ ея согласія. Уже по одному этому она была для многихъ непріятна; ей приписывали всѣ перенесенныя бѣдствія, всѣ разрушившіяся надежды; находили, что она притѣсняетъ народъ не менѣе епископовъ, что она дѣйствуетъ такъ же самовластно, какъ король; съ горечью выставляли ея противорѣчія и слабости; наконецъ, даже люди, немѣвшіе революціонныхъ намѣреній или корыстолюбивыхъ видовъ, по одному ходу событій и общему настроенію умовъ, чувствовали тайную необходимость въ новыхъ принципахъ, въ новыхъ властелинахъ.

(¹) *Journal of the House of Lords*. Десять лордовъ, присутствовавшіе 22 сентября, были: графы Болинброкъ, Линкольнъ, Стэмфордъ и Деуби, виконтъ Сэй и бароны Грей, Уартонъ, Гоуардъ, Гавздонъ и Декръ.—
(²) Тамъ же.

И то и другое было уже готово; выжидали только случая, чтоб завладѣть правленіемъ. Еще задолго до этого смутнаго времени, когда пресвитеріане только-что задумывали подчинить народную церковь республиканскому устройству, сохранить въ ней подъ этой формой единство власти и вѣры, и такимъ-образомъ отнять у епископата наслѣдіе папства—индепенденты, броунисты, анабаптисты уже всеуслышаніе предлагали вопросъ: должна ли существовать національная церковь и на какомъ основаніи церковная власть—какая бы она ни была, папская, епископская или пресвитеріанская—присвоиваетъ себѣ право подводить христіанскую совѣсть подъ иго ложнаго единства? Всякое собраніе вѣрующіихъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ или пососѣдству, говорили они, и соединяющихся добровольно въ силу своей общей вѣры для общаго богослуженія—есть истинная церковь, надъ которой никакая другая церковь не въ-правѣ властвовать, и эта церковь имѣетъ право сама избирать своихъ священнослужителей, установить правила своего богослуженія и наконецъ управляться собственными своими законами.

Сначала на этихъ неизвѣстныхъ сектаторовъ, провозглашавшихъ такимъ-образомъ принципъ свободы совѣсти, среди заблужденій слѣпаго фанатизма, смотрѣли какъ на преступниковъ и безумцевъ. Они сами, повидимому, поддерживали принципъ, не понимая его, и поддерживали не столько по убѣжденію, сколько по необходимости. Приверженцы епископальной церкви и пресвитеріане, проповѣдники и должностныя лица осуждали его въ равной степени; всѣ спорили почти исключительно объ одномъ вопросѣ: какимъ образомъ и кѣмъ должна быть управляема церковь Христова. Полагали, что нѣтъ другаго выбора, какъ только между неограниченною властью папы, аристократіей епископовъ и демократіей пресвитеріанскаго духовенства, и вовсе не думали разбирать, законны ли въ основаніяхъ своихъ такія управленія, какова бы ни была ихъ форма и названіе.

Сильное движеніе замѣтно было во всѣхъ отношеніяхъ, даже и между тѣми, до которыхъ, повидимому, не касалась реформа. Каждый день приводилъ съ собой новые опыты, отъ которыхъ ни одна система не могла уклониться, новые споры,

которые тщетно старалась подавить господствующая партія. Призываемые каждый день къ разсмотрѣнію дѣлъ человѣческихъ съ новыхъ сторонъ, къ обсужденію мнѣній, къ опроверженію притязаній, долготѣ неизвѣстныхъ, умы развѣивались, пріобрѣтали болѣе-широкій взглядъ на человѣка и общество, освобождались отъ всѣхъ предразсудковъ и смѣло сбрасывали съ себя всякія узы. Въ то же время на-дѣлѣ господствовала почти абсолютная свобода вѣры и богослуженія; никакая судебная или запретительная власть еще не замѣнила епископата, а парламентъ, занятый борьбою съ своими врагами, мало заботился о религіозныхъ заблужденіяхъ своихъ приверженцевъ. Пресвитеріане добивались иногда отъ парламента грозныхъ выходокъ противъ новыхъ сектаторовъ; иногда робость и ненависть политическихъ реформаторовъ совпадали съ такими же чувствами ихъ набожныхъ союзниковъ, и тогда они, съ общаго согласія, принимали строгія принудительныя мѣры противъ своихъ противниковъ. Однимъ постановленіемъ, въ предварительныхъ статьяхъ котораго сказано было, что оно имѣетъ цѣлю «остановить клеветы и дерзости, обращаемыя съ нѣкотораго времени противъ религіи и правительства», уничтожена была свобода книгопечатанія, до-сихъ-поръ терпимая, и всякія сочиненія подчинены предварительной цензурѣ (11 іюня 1643)¹. Но власть не можетъ остановить тѣхъ, кто опережаетъ ее въ движеніи, которымъ она сама увлечена. Спустя нѣсколько недѣль, вся тягость этихъ запрещеній пала на однихъ роялистовъ и приверженцевъ епископальной церкви; новыя секты обходили ихъ или явно презирали и съ каждымъ днемъ становились многочисленнѣе, разнообразнѣе, жарче; со всѣхъ сторонъ выростали индепенденты, броунисты, анабаптисты, антипедобаптисты, квакеры, антиномиты, люди пятой монархіи. Даже въ собственной своей средѣ пресвитеріанская партія нашла себѣ враговъ, подготовленныхъ революціей: энтузіастовъ, философовъ, вольнодумцевъ.

Съ этого времени всѣ вопросы приняли другой оборотъ;

(¹) *Parl. Hist.*, т. III. col. 131.

броженіе общества измѣнило характеръ. Значительные и уважительные факты до-сихъ-поръ направляли и сдерживали мысли политическихъ и даже религіозныхъ реформаторовъ: для однихъ законодательство старой Англій, по-крайней-мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они его понимали, для другихъ устройство церкви, какимъ уже пользовалась Шотландія, Голландія, Женева, служили образцомъ и въ то же время обуздывающею силой. Какъ ни смѣлы были ихъ предпріятія, но ни тѣ, ни другіе не увлекались безцѣльными желаніями, неограниченными требованіями; они не имѣли въ виду всеобщихъ нововведеній; ихъ надежды не основывались на однихъ предположеніяхъ; и если они ошибались въ своихъ расчетахъ, то могли по-крайней-мѣрѣ указать цѣль своихъ дѣйствій. Напротивъ, соперники ихъ не руководились въ своихъ дѣйствіяхъ никакими опредѣленными цѣлями: никакой исторической или юридической фактъ не удерживалъ ихъ мысли въ извѣстныхъ предѣлахъ; увѣренныя въ силу этой мысли, гордясь ея возвышенностью, святостью или смѣлостью, они присвоивали ей право обо всемъ судить, все рѣшать, и, руководясь только собственнымъ умомъ, философы искали истины, энтузіасты — Бога, вольнодумцы — успѣха во что бы ни стало. Учрежденія, законы, обычаи, событія — словомъ, все должно было подчиниться разуму или волѣ чловѣка; все сдѣлалось матеріаломъ для новыхъ соображеній, для разумнаго созиданія, и въ этой смѣлой работѣ казалось законнымъ все, что можно было основать на принципѣ, экстазѣ, или необходимости. Пресвитеріане отвергли въ церкви королевскую власть и аристократію: зачѣмъ же сохранять ихъ въ государствѣ? Политическіе реформаторы намекнули, что если король или лорды будутъ настоятельно отказывать въ своемъ согласіи, то воля нижней палаты все-таки должна быть принята за законъ: почему же не сказать этого прямо? Зачѣмъ обращаться къ верховной власти народа (Sovereignty of the people) только въ отчаянныхъ случаяхъ и единственно для того, чтобы придавать законность сопротивленію, тогда-какъ на этой власти должно всегда основываться правительство и отъ нея предварительно получать свою законность? Свергнувъ иго римскаго и епископальнаго духовенства, хотятъ подчиниться игу духовенства пресвитеріанскаго:

на что духовенство? По какому праву служители Бога составляютъ корпорацію постоянную, богатую, независимую и властную требовать отъ правительства, чтобы оно поддерживало ее? У нихъ надобно отнять всякую судебную власть, даже право отлученія отъ церкви, и предоставить имъ только средства убѣжденія, проповѣди, обученіе дѣтей, молитвы: тогда тотчасъ же прекратятся всѣ злоупотребленія духовной власти и само-собою уничтожится затрудненіе соглашать ее съ гражданскою властью. Въ самихъ вѣрующихъ, а не въ священникахъ, заключается законная власть въ дѣлахъ вѣры. Право избирать и поставлять священниковъ принадлежитъ исключительно вѣрующимъ, а сами священники не въ-правѣ поставлять себя взаимно и, такимъ-образомъ, какъ-бы навязывать себя вѣрующимъ. Наконецъ, каждый вѣрующій не есть ли уже самъ-по-себѣ священникъ для самого себя, для своего семейства, для всѣхъ христіанъ, которые, будучи увлечены его рѣчью, признаютъ его вдохновеннымъ свыше и захотятъ присоединиться къ его молитвамъ? Кто дерзнетъ оспаривать у Бога власть надѣлять своими дарами кого и какъ Ему угодно? Для проповѣди, какъ и для битвы, одинъ Господь назначаетъ и посвящаетъ своихъ избранныхъ; а когда Онъ ихъ избралъ, то и поручаетъ имъ свое дѣло и только имъ однимъ заповѣдуетъ средства, черезъ которыя оно должно достигнуть успѣха. Вольнодумцамъ нравились такія рѣчи; имъ только хотѣлось довести революцію до крайнихъ предѣловъ; не разбирая средствъ, они немного обращали вниманія и на побужденія.

Такъ образовалась партія индепендентовъ, гораздо-менѣе многочисленная и менѣе-пользовавшаяся довѣріемъ народа, чѣмъ партія пресвитеріанъ, но уже пріобрѣтшая ту вліятельность, которая дается убѣжденіями систематическими, полными, всегда готовыми дать отчетъ въ своихъ основаніяхъ и отвѣчать за всѣ послѣдствія. Англія тогда находилась въ одномъ изъ тѣхъ кризисовъ, славныхъ и опасныхъ, когда чловѣкъ, забывая о своихъ слабостяхъ и помня только о своемъ значеніи, одушевляется тѣмъ высокимъ честолюбіемъ, которое заставляетъ его подчиняться только чистой истинѣ, той безумной гордостью, которая присвоиваетъ собственному

мнѣнію чловѣка всѣ права истины. Ни политики, ни сектаторы, ни пресвитеріане, ни индепенденты, ни одна партія не смѣла считать себя свободною отъ обязанности доказать свое право. Но пресвитеріане не выдержали этого испытанія, ибо ихъ мудрость основывалась на авторитетѣ фактовъ и законовъ, а не на принципахъ, и они не знали, какъ однимъ разумомъ опровергнуть доводы своихъ соперниковъ. Только индепенденты исповѣдовали ученіе простое, строгое на-видѣ, которое освящало всѣ ихъ дѣйствія, удовлетворяло всѣмъ потребностямъ ихъ положенія; это ученіе избавляло твердый умъ отъ противорѣчій, набожное сердце — отъ притворства. Они первые начали произносить нѣкоторыя изъ тѣхъ сильныхъ выраженій, которыя, въ какомъ бы смыслѣ ихъ ни принимали возбуждаютъ, именемъ благороднѣйшихъ надеждъ, самыя энергическія страсти чловѣчества: равенство правъ, справедливое распредѣленіе общественныхъ благъ, уничтоженіе всѣхъ злоупотребленій. У нихъ не было разногласія между религіозною и политическою системою, не было тайной борьбы между вождами и ратниками, не было исключительныхъ постановленій и строгихъ разграниченій, которыя бы затрудняли доступъ въ ихъ партію; подобно сектѣ, которой имя они приняли, они признавали за основное правило свободу совѣсти, а необязательность преобразованій, ими замышляемыхъ, и безпредѣльная неизвѣстность ихъ намѣреній дозволяли самымъ разнороднымъ личностямъ становиться подъ ихъ знамена. Къ нимъ присоединялись юристы, въ надеждѣ отнять у своихъ соперниковъ, духовныхъ, всю судебную власть и все господство; народные публицисты ожидали отъ нихъ новаго законодательства, яснаго, простаго, которое бы лишило юрисконсультовъ ихъ огромныхъ доходовъ и силы. Гаррингтонъ, присоединяясь къ этой партіи, могъ мечтать о республикѣ мудрецовъ, Сидней—о свободѣ Спарты и Рима, Лилборнъ—о возстановленіи древнихъ саксонскихъ законовъ, Гаррисонъ— о пришествіи Христа; даже самый цинизмъ Генри Мартина и Петра Уэнтворта былъ въ ней терпимъ изъ уваженія къ его смѣлости. Республиканцы и уравниатели, мыслители и мечтатели, фанатики и честолюбцы— всѣ были допускаемы; каждый могъ приносить сюда свое негодованіе, свои теоріи,

свои вдохновенія, свои интриги; достаточно было, чтобъ всѣ одушевлены были равною ненавистью къ кавалерамъ и пресвитеріанамъ и стремились съ равною горячностью къ этому неизвѣстному будущему, которое обѣщало удовлетворить столькимъ желаніямъ.

Никакія побѣды Эссекса и его друзей на полѣ битвы, или въ Вестминстерѣ, не могли заглушить, ни даже сдержать надолго подобныхъ расколовъ: они были всѣмъ извѣстны какъ въ Оксфордѣ, такъ и въ Лондонѣ, и всѣ благоразумные люди, какъ роялисты, такъ и члены парламента, уже принимали ихъ во вниманіе при своихъ соображеніяхъ. О нихъ со всѣхъ сторонъ увѣдомляли короли и понуждали его воспользоваться этимъ обстоятельствомъ: придворные и министры, интриганы и просто вѣрные слуги— всѣ представляли ему на этотъ счетъ каждый свои собственные свѣдѣнія, свои предположенія, свои средства. Одни хотѣли, чтобъ продолжалась война безъ остановки, будучи увѣрены, что соперничающія партіи скорѣе будутъ слушаться голоса своей взаимной вражды, нежели общей имъ опасности; другіе требовали, напротивъ, чтобъ, чрезъ посредничество лордовъ, укрывающихся въ Оксфордѣ, особенно же графовъ Голландъ и Бедфордъ, дворъ сблизился съ Эссексомъ и его партіей, которые въ-сущности не переставали желать мира; нѣкоторые совѣтовали обратиться съ предложеніями къ извѣстнымъ уже вождямъ индепендентовъ, предполагая, что съ ними будетъ легче уладить дѣло; а лордъ Ловлэсъ, съ согласія короля, поддерживалъ постоянную переписку съ сэромъ Генри Венпомъ, вовсе не подозрѣвая того, что Венъ писалъ къ нему тоже съ вѣдома своей партіи, чтобъ имѣть свѣдѣнія о состояніи двора¹. Но ни одинъ изъ этихъ совѣтовъ не былъ принятъ и приведенъ въ исполненіе. Лорды, бѣжавшіе изъ парламента, были допущены въ Оксфордъ съ величайшимъ трудомъ. При первомъ извѣстіи о скоромъ ихъ прибытіи, тамъ обнаружилось всеобщее противъ нихъ возстаніе; тайный совѣтъ въ торжественномъ собраніи долго разсуждалъ о томъ,

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 199. — Whitelocke, стр. 76.

какой слѣдуетъ имъ сдѣлать пріемъ, и, несмотря на разумныя представленія Гайда, только-что произведеннаго въ канцлеры казначейства, Карлъ, соглашался принять ихъ, положилъ въ то же время, чтобъ пріемъ былъ имъ сдѣланъ самымъ холодный¹. Ни къ чему не повело и то, что лордъ Голландъ, самый изящный и ловкій изъ придворныхъ, добился, съ помощію М. Джермина, прежнихъ милостей у королевы². Тщетно онъ истощалъ все свое искусство, чтобъ возобновить свою прежнюю фамильярность съ королемъ, то показывая видъ, будто шепчетъ ему на-ухо, то увлекая его подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ амбразуру окна, чтобъ имѣть случай говорить съ нимъ наединѣ, или по-крайней-мѣрѣ показать, будто онъ съ нимъ бесѣдуетъ по секрету³; тщетно даже онъ сражался храбро, въ качествѣ волонтера, при Ньюбѣри и предлагалъ кровь свою въ залогъ новой вѣрности⁴: ничто не могло побѣдить горделивую сухость короля, ни утишить криковъ придворныхъ; и лорды, искавшіе въ Оксфордѣ убѣжища, видя, что ихъ услугъ не принимаютъ, стали помышлять только о томъ, какъ бы избавиться отъ этого непріятнаго положенія. Приверженцевъ энергическаго продолженія войны выслушивали хотя милостивѣе, но также безъ послѣдствій; безуспѣшная осада Глостера повергла Оксфордъ въ безсильную, но задорную анархію. Всѣ обвиняли другъ друга въ этомъ несчастномъ предпріятіи; министры жаловались на безпорядки въ арміи; армія глумилась надъ упреками министровъ; принцъ Робертъ, хотя и необязанный, даже въ дни сраженій, никому повиноваться, кромѣ самого короля⁵, съ завистью смотрѣлъ на главнокомандующаго; главнокомандующій и всѣ вельможи громко роптали на независимость и грубость принца Роберта. Король, поддерживавшій въ лицѣ своихъ племянниковъ достоинство своего дома, не могъ рѣшиться признать противъ нихъ справедливость подданнаго и жертвовалъ этой смѣшной гордости правами и даже заслугами самыхъ полезныхъ друзей своихъ. Одинъ только Гайдъ откровенно возставалъ про-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 197. — (²) Тамъ же, стр. 203, 256. — (³) Тамъ же, стр. 253. — (⁴) Тамъ же, стр. 256. — (⁵) Тамъ же, т. V, стр. 73.

тивъ такихъ ошибокъ, и ему иногда удавалось отклонить отъ нихъ короля; но самъ Гайдъ былъ чуждъ двору, и не имѣлъ другаго значенія и власти, кромѣ присвоенныхъ его должностямъ, самъ нуждался въ томъ, чтобъ воля короля поддерживала его то противъ своенравія королевы, то противъ происковъ завистливыхъ придворныхъ; онъ удерживалъ за собою репутацію дѣльнаго совѣтника и умнаго человѣка, но не пользовался настоящей силой и не достигалъ никакихъ важныхъ результатовъ¹. Короче: внутренній раздоръ въ Оксфордѣ былъ такъ же великъ, какъ и въ Лондонѣ, но только гораздо-опаснѣе, ибо въ Лондонѣ онъ ускорялъ движеніе, а въ Оксфордѣ, напротивъ, задерживалъ его.

Посреди всѣхъ этихъ затрудненій и, можетъ-быть, въ душѣ своей уже недовольный какъ своею партіею, такъ и всѣмъ народомъ вообще, Карлъ узналъ о новомъ союзѣ Шотландіи съ парламентомъ: такимъ-образомъ еще одно изъ его королевствъ готовилось начать съ нимъ войну. Онъ тотчасъ же предписалъ герцогу Гамильтону, снова пользовавшемуся его довѣренностью и занимавшему должность его комиссара въ Эдinburghѣ, во что бы то ни стало, предупредить это соединеніе. Предложили, какъ говорятъ, шотландцамъ предоставить имъ на будущія времена треть придворныхъ должностей, снова присоединить къ Шотландіи графства Нортумберлэндъ, Уестморлэндъ и Кемберлэндъ, прежде къ ней принадлежавшія, назначить Ньюкестль резиденціей короля и, наконецъ, поселить среди ихъ принца валлійскаго съ дворомъ его². Такія обѣщанія, если только они были сдѣланы, не могли быть искренни, и шотландскій парламентъ не могъ обмануться насчетъ ихъ: противъ нихъ говорили свѣжіе факты. Графъ Антримъ въ Ирландіи былъ захваченъ шотландскими войсками, расположенными въ Ульстерѣ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ его прибытія туда, и при немъ нашли доказательства плана, составленнаго въ Йоркѣ Монтрозомъ и имъ во время ихъ пребыванія при королевѣ; по этому плану, предполагалось перевезти въ Шотландію значительный корпусъ ирландскихъ ка-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VI, стр. 215, 252. — (²) Burnet, *Hist. de mon temps*, т. I, стр. 72, въ *Collection* г. Гизо.

толиковъ, возмутить сѣверныхъ горцевъ и произвести такимъ-образомъ сильную диверсію въ пользу короля. Очевидно, что это предпріятіе уже готовилось къ исполненію, ибо Монтрозъ присоединился къ королю во время осады Глостера, а Антримъ ѣхалъ изъ Оксфорда. Итакъ король, точно такъ же, какъ во время своего послѣдняго путешествія въ Шотландію, питалъ противъ своихъ подданныхъ самыя гибельныя замыслы въ то самое время, когда имъ дѣлались отъ его имени великолѣпнѣйшія предложенія. Эдмбургскій парламентъ поспѣшилъ заключить союзъ съ вестминстерскимъ и увѣдомилъ его обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ¹.

Онъ сдѣлалъ и сообщилъ вестминстерскому парламенту въ то же время гораздо-важнѣйшее открытіе: по бумагамъ Антрима видно было, что король находился съ ирландскими инсургентами въ частыхъ сношеніяхъ, что онъ неоднократно принималъ отъ нихъ просьбы и предложенія, что онъ даже готовъ былъ заключить съ ними перемиріе и падѣлся чрезъ это приобрести большія выгоды для предстоящаго похода². Эти показанія не были ложны: давно уже Карлъ, не переставая проклинать Ирландію, когда онъ говорилъ съ Англіею, щадилъ эту возмущившуюся страну и даже находился съ нею въ переговорахъ³. Война, возгорѣвшаяся вслѣдствіе возмущенія, безостановочно продолжалась въ этой несчастной странѣ, но не вела ни къ чему. Отъ десяти до двѣнадцати тысячъ солдатъ, которымъ дурно платили жалованье, которыхъ рѣдко подкрѣпляли новыми наборами, оказывались слишкомъ-бесильными, чтобъ покорить Ирландію, хотя ихъ и было достаточно, чтобъ не давать ей освободиться. Въ февралѣ 1642 года, прежде чѣмъ вспыхнула междоусобная война, палаты хотѣли рѣшиться на усиленную мѣру: открыть заемъ для расходовъ на рѣшительную экспедицію. Земли инсургентовъ, которыя неминуемо должны были по конфискаціи перейти

(¹) Malcolm Laing, *Hist. of Scotland*, т. III, стр. 256. — (²) Тамъ же. — (³) Его переписка съ лордомъ Ормондомъ не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія (Carte, *Ormond's Life*, т. III, *passim*.) Г. Броли перечислялъ всѣ доказательства этого. (*Hist. of the British Empire*, т. III, стр. 459, примѣч.)

въ коронное владѣніе, уже заранѣе назначены были для вознагражденія подписчиковъ государственнаго долга¹. Такимъ образомъ собраны были большія суммы и отправлены нѣкоторыя подкрѣпленія въ Дѣбллингъ: но междоусобная война вспыхнула. Озабоченный своими собственными дѣлами, парламентъ сталъ заниматься Ирландіею только изрѣдка, и то слабо, не послѣдовательно, только чтобъ заглушить жалобы тамошнихъ протестантовъ, когда онъ становился уже слишкомъ-громкими, въ-особенности же, чтобъ въ глазахъ Англіи сдѣлать короля отвѣтственнымъ за ихъ бѣдствія. Карлъ тоже не болѣе заботился объ интересахъ ирландцевъ, не оказывалъ имъ значительной помощи и, упрекая парламентъ въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ часть суммъ, собранныхъ для ирландцевъ, самъ перехватывалъ транспорты съ продовольствіемъ, назначеннымъ для нихъ, и отбиралъ у нихъ, даже въ Дублинѣ, ружья и порохъ, въ которомъ они имѣли крайнюю нужду². Но главнѣйшіе протестанты Ирландіи, аристократы по своему положенію, были преданы епископальной церкви и королю; въ числѣ офицеровъ арміи было множество такихъ людей, которыхъ парламентъ удалилъ, какъ кавалеровъ; генераломъ у нихъ былъ графъ Ормондъ, богатый, храбрый, великодушный, любимый народомъ, выигравшій два сраженія противъ мятежниковъ³ и покрывшій короля славою своихъ успѣховъ. Парламентская партія въ Ирландіи быстро падала; чиновники, преданные ей, были замѣнены роялистами. Осенью 1642 года парламентъ послалъ двухъ комиссаровъ, членовъ нижней палаты, чтобъ снова завладѣть нѣкоторою властью⁴; но Ормондъ воспретилъ имъ входить въ государственный совѣтъ, а черезъ четыре мѣсяца имѣлъ довольно силы, чтобъ заставить ихъ возвратиться ни съ чѣмъ въ Англію (въ февр. 1643). Съ этого времени вся власть гражданская и военная перешла въ руки короля, который, избавившись отъ скучнаго, хотя и без-

(¹) May, *Hist. du Long Parl.*, т. I, стр. 296, въ *Collection* г. Гизд. и всѣ современные *Memoires*. — (²) Carte, *Ormond's Life*, т. II, Приложение, стр. 3 и 5. — (³) Сраженіе при Кильрушѣ и Россѣ, 15 апр. 1642 и 19 марта 1643. — (⁴) Гудуина и Рейнольдса, осенью 1642.

сильнаго надзора, не колеблясь приступилъ къ исполненію тѣхъ намѣреній, къ которымъ побуждали его затруднительное положеніе дѣлъ и собственные его наклонности. Королева постоянно поддерживала переписку съ ирландскими католиками. Эта переписка, безъ-сомнѣнія, была извѣстна королю. Возмущеніе не представляло уже, какъ въ первые дни, отвратительныхъ неистовствъ буйной черни. Съ 14 ноября 1642 года въ Килькенни засѣдалъ верховный совѣтъ, состоявшій изъ двадцати-четырехъ членовъ, благоразумно и регулярно управляя возстаніемъ; неоднократно уже онъ обращался къ королю съ дружескими посланіями и умолялъ его прекратить преслѣдованіе своихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые всегда готовы ему служить и которыхъ онъ тѣснитъ изъ желанія угодить врагамъ своимъ. Карлъ еще не видѣлъ для себя ни особенно-большой опасности, ни надобности презирать совершенно мнѣніе своего народа, чтобъ вступить открыто въ такой союзъ, но полагалъ, что можетъ, по-крайней-мѣрѣ, показать ирландцамъ нѣкоторое снисхожденіе и вызвать въ Англію войска, которая отъ его имени сражалась съ ними, чтобъ употребить ихъ противъ бунтовщиковъ болѣе-ненавистныхъ и опасныхъ. Ормонду приказано было (11 янв. 1643) въ этомъ духѣ вступить въ переговоры съ совѣтомъ въ Килькенни¹, а между-тѣмъ, въ ожиданіи исхода переговоровъ, чтобъ выставить уважительную причину и показать необходимость этого, распущенъ былъ слухъ о бѣдственномъ положеніи дѣлъ протестантовъ въ Ирландіи и ихъ защитниковъ, что въ сущности было и справедливо. Въ длинномъ и патетическомъ представленіи дѣблинскому совѣту армія выставила на видъ всѣ свои недостатки и свое намѣреніе покинуть службу, которой она не въ-состояніи долѣе нести. Доклады, посланные въ Оксфордъ и Лондонъ, извѣстили то же самое королю и палатамъ и выразили тѣ же самыя жалобы². Между-тѣмъ переговоры подвигались впередъ; въ минуту арестованія Антрима они почти уже оканчивались, а около половины сентября, за нѣсколько

⁽¹⁾ Переговоры начались въ-теченіе марта. — ⁽²⁾ Rushworth, т. VI, стр. 537 и слѣд.

дней до того, какъ палаты торжественно приняли въ Вестминстерѣ договоръ, заключенный съ Шотландіею, Англія узнала, что король подписалъ съ ирландскими мятежниками перемиріе на одинъ годъ¹, что англійскія войска, сражавшіяся съ бунтовщиками, вызваны обратно, и что десять полковъ скоро высадятся: пять въ Честерѣ и пять въ Бристолѣ².

Со всѣхъ сторонъ поднялись страшные крики. Ирландцы возбуждали въ Англіи всеобщее презрѣніе, отвращеніе и ужась. Даже между роялистами и въ стѣнахъ Оксфорда обнаружилось явное неудовольствіе. Многие офицеры оставили службу лорда Ньюкестля и передались парламенту³. Лордъ Голландъ возвратился въ Лондонъ, говори, что паписты рѣшительно первенствуютъ въ Оксфордѣ и что совѣтъ не дозволяетъ ему долѣе тамъ оставаться⁴. Лорды Бедфордъ, Клеръ, Пэджетъ, сэръ Эдуардъ Дерингъ и многіе другіе послѣдовали его примѣру, прикрывая тѣмъ же предлогомъ свое непостоянство, или свою трусость⁵. Парламентъ не показалъ особенной взыскательности къ побудительнымъ причинамъ ихъ раскаянія. Поведеніе короля сдѣлалось предметомъ поруганія и сарказмовъ въ народѣ; припоминали его недавнія увѣренія и горделивый тонъ его оправданій, когда противъ него обращены были жалобы на сношенія двора съ инсургентами; всѣ поздравляли себя, что такъ вѣрно угадали его тайные происки; оскорблялись, что король могъ льстить себя надеждою провести свой народъ и разсчитывалъ на успѣхъ такого грубаго обмана. Негодованіе увеличилось, когда узнали, что значительное число ирландскихъ папистовъ примѣшалось къ возвращающимся войскамъ, что даже женщины, вооруженныя длинными ножами, въ дикихъ нарядахъ, были замѣчены въ рядахъ ихъ⁶. «Не довольно того, что король оставилъ безъ отмщенія избіеніе протестантовъ въ Ирландіи: онъ еще принимаетъ ихъ свирѣпыхъ убійцъ въ свою службу противъ протестантовъ Англіи». Многіе,

⁽¹⁾ Перемиріе было подписано 5 сентября 1643, въ Сиггинстоунѣ, въ Графствѣ Кильдэрскомъ. — ⁽²⁾ Godwin, *Hist. of the Commonwealth*, т. I, стр. 279. — ⁽³⁾ Whitelocke, стр. 73. — ⁽⁴⁾ Тамъ же: — ⁽⁵⁾ Тамъ же; стр. 73, 77. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 189, 237. — ⁽⁶⁾ Whitelocke, стр. 74, 77.

даже люди высшаго сословія, чуждые пристрастному увлеченію толпы, почувствовали съ этого времени глубокую ненависть къ королю—одни, за его двуличность, другіе, за его расположеніе къ ненавистнымъ папистамъ, и часто стало произноситься съ оскорбительными упреками его имя, которое до-сихъ-поръ щадили.

Король скоро узналъ объ этомъ ожесточеніи народа, а равно и о томъ, что парламентъ всевозможными мѣрами старается поддерживать въ немъ это негодованіе. Обиженный тѣмъ, что подданные осмѣливаются судить о его намѣреніяхъ по его дѣйствіямъ, а не по рѣчамъ, Карлъ, въ припадкѣ страшнаго гнѣва, позвалъ къ себѣ Гайда. «Слишкомъ-много чести» сказалъ онъ ему «для этихъ вестминстерскихъ бунтовщиковъ обращаться съ ними, какъ съ частью парламента; пока они будутъ засѣдать въ этомъ мѣстѣ, они не перестанутъ употреблять во зло своей власти. Актъ, которымъ я обѣщаль не распускать ихъ иначе, какъ только съ ихъ собственнаго согласія, по закону недействителенъ, какъ меня увѣряютъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, не могу же я такимъ образомъ уничтожать преимущества короны; я самъ хочу ими пользоваться наконецъ. Изготовить сейчасъ же прокламацію съ объявленіемъ, что палаты распускаются сію же минуту, что имъ формально запрещается собираться, и никому не дозволяется признавать ихъ или повиноваться имъ!» Гайдъ слушалъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ, ибо даже мысль о такой мѣрѣ казалась ему безумною. «Вижу» сказалъ онъ «что ваше величество зрѣло обдумали это дѣло; для меня оно совершенно-ново и требуетъ самаго серьезнаго размышленія. Скажу только, что я никакъ не могу понять, какимъ образомъ запрещеніе вашего величества собираться въ Вестминстерѣ можетъ кому-либо воспрепятствовать придти туда. Но нѣтъ сомнѣнія, что оно произведетъ въ государствѣ сильное неудовольствіе. Можетъ статься, что актъ, о которомъ ваше величество говорите, дѣйствительно не имѣетъ никакой силы; я самъ готовъ такъ думать; но пока парламентъ не оставилъ своего заблужденія, пока возстаніе его не подавлено, пока онъ самъ не объявилъ акта ничтожнымъ, до того времени ни одинъ судья, ни одинъ простой гражданинъ не осмѣится поддерживать подобнаго

мишнія. Не разъ говорили, что такова въ-сущности мысль вашего величества, что во имя того же самаго права вы питаете надежду когда-нибудь точно такимъ же образомъ отмѣнить всѣ другіе акты этого парламента; уже одна эта молва, хотя вы всегда горячо доказывали ея несправедливость, часто вредила вашей службѣ. Что же будетъ, когда всѣ подозрѣнія оправдаются этою, впрочемъ, безсильною, прокламаціею? Умолю ваше величество принять это въ соображеніе, прежде чѣмъ приведете задуманную вами мѣру въ исполненіе¹⁾».

Когда узнали, что Гайдъ такъ откровенно говорилъ съ королемъ, то почти всѣ другіе члены совѣта стали на сторону его мишнія. Несмотря на свое упрямство, Карлъ обнаружилъ при этомъ неувѣренность и робость; его смущали возраженія, и онъ обыкновенно уступалъ имъ, не зная, что отвѣчать, или желая прекратить эти споры, которыхъ онъ не любилъ даже съ близкими къ нему людьми. Нѣсколько дней провелъ король въ сомнѣніяхъ, скорѣе наружныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ, и наконецъ оставилъ свое намѣреніе. Тѣмъ не менѣе казалось необходимымъ принять какую-нибудь важную мѣру, хотя бы только съ цѣлью поддержать возбужденное состояніе роялистской партіи и не дать парламенту исключительно занимать нетерпѣливую дѣятельность умовъ въ промежуткѣ военныхъ дѣйствій. Такъ-какъ слово «парламентъ» имѣло такое сильное вліяніе на народъ, то кто-то предложилъ созвать въ Оксфордѣ всѣхъ тѣхъ членовъ обѣихъ палатъ, которые удалились изъ Вестминстера, и такимъ-образомъ парламенту, мятежному и разрозненному, противопоставить законный и настоящій парламентъ, ибо въ немъ участвовалъ бы король. Предложеніе это не понравилось Карлу: для него всякій парламентъ былъ подозрителенъ и непріятенъ, хотя бы онъ состоялъ изъ роялистовъ: все же надо было выслушивать совѣты этого парламента, подчиняться его вліянію, можетъ-быть, даже снизить къ такимъ миролюбивымъ стремленіямъ, которыя могли бы оскорбить честь престола. Еще сильнѣе противилась этому королева: всякое англійское собраніе, какова бы ни была его пре-

(¹⁾ Clarendon, *Mémoires*, т. I, стр. 246.

данность дѣлу короля, не могло не быть враждебнымъ для католиковъ и для любимцевъ. Но трудно было отвергнуть это предложеніе, какъ-скоро оно сдѣлалось извѣстнымъ: партія роялистовъ приняла его съ восторгомъ; даже совѣтъ министровъ горячо защищалъ его, указывая на субсидіи, которыя назначить королю новый парламентъ, и на неизбежный упадокъ довѣрія къ вестминстерскимъ палатамъ, когда ихъ оставить столько членовъ. Несмотря на все свое нежеланіе, Карлъ уступилъ. Таково было общее настроеніе умовъ, что намѣреніе распустить мятежный парламентъ имѣло единственнымъ послѣдствіемъ своимъ образованіе другаго парламента¹.

Извѣстіе объ этомъ произвело въ Лондонѣ сначала нѣкоторое безпокойство: тамъ знали, что въ то же время партія роялистовъ возобновила свои попытки къ пріобрѣтенію вліянія въ Сити; что между королемъ и гражданами готовы были открыться переговоры о мирѣ безъ посредства парламента; что даже опредѣлены были основанія этихъ переговоровъ и что однимъ изъ нихъ было признаніе займовъ, сдѣланныхъ въ Сити, по которымъ палаты плохо уплачивали проценты, и которыя король поспѣшилъ обезпечить². Въ Лондонѣ былъ открытъ другой заговоръ, составленный, какъ говорятъ, партией умѣренныхъ и нѣсколькими неизвѣстными индепендентами, съ цѣлью помѣшать вступленію шотландцевъ въ Англію и свергнуть, во что бы то ни стало, иго пресвитеріанъ³. Наконецъ нижняя палата оплакивала потерю старѣйшаго и, можетъ-быть, полезнѣйшаго изъ своихъ вождей: Пеймъ умеръ (8 дек. 1643) отъ болѣзни, продолжавшейся нѣсколько дней. Человѣкъ этотъ пользовался репутаціею не столь блестящею, какъ Гэмденъ, но онъ оказалъ не менѣе важныя услуги какъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ, такъ и въ публичной дѣятельности палатъ; онъ былъ твердъ, терпѣливъ, изворотливъ, умѣлъ

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 4 и слѣд. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 194. Королевская прокламація, сзывающая оксфордскій парламентъ, подписана 22 декабря 1643. — (²) *Parl. Hist.*, т. III, col. 196. — Milton, *Hist. of England*, кн. 3, т. II, стр. 40, in-folio. *Prose Works*, Лондонъ, 1738. — (³) *Parl. Hist.*, т. III, col. 200. — Whitelocke, *Memorials, etc.*, стр. 75.

преслѣдовать врага, направить пренія, или интригу, подстрекнуть народное негодованіе, привлечь новыхъ, или удержать прежнихъ сторонниковъ своего дѣла изъ нерѣшительныхъ вельможъ¹; неутомимый членъ большей части комитетовъ, обычный зачинщикъ рѣшительныхъ мѣръ, всегда готовый принять на себя затруднительное и опасное порученіе, онъ, презиралъ труды, непріятности, богатство, славу, и поставлялъ успѣхъ своей партіи единственною цѣлью своего честолюбія. Незадолго до своей болѣзни, онъ издалъ въ свѣтъ аполוגію своего образа дѣйствій, посвященную въ-особенности друзьямъ порядка и мира, какъ-будто чувствуя нѣкоторое сожалѣніе о прошедшемъ и тайный страхъ, что его обвинятъ за будущее². Но смерть избавила его, также какъ и Гэмдена, отъ затрудненія отказываться отъ своихъ мнѣній, или противорѣчить своей прежней жизни. Не выставляя съ досадою на показъ тѣхъ легкихъ признаковъ сомнѣнія, которые обнаружилъ этотъ ветеранъ національной реформы въ послѣдніе дни своей жизни, люди, готовившіеся превратить эту реформу въ революцію, Кромвель, Венъ, Гэзльригъ, первые поспѣшили оказать его памяти всевозможныя почести: тѣло Пейма нѣсколько дней выставлено было непогребеннымъ — какъ для того, чтобъ удовлетворить желанію народа, стекавшаго толпами поклониться его праху, такъ и для опроверженія распространенной роялистами молвы, будто онъ умеръ отъ вшивости. Назначенъ былъ комитетъ для разсмотрѣнія состоянія его имущества и для поставленія ему памятника въ вестминстерскомъ аббатствѣ; вся палата слѣдовала за его гробомъ, а черезъ нѣсколько дней она приняла на себя уплату его долговъ, которые, говорятъ, были всѣ сдѣланы на пользу отечества и простирались до 10,000 ф. стерл.³

Въ то время, какъ нижняя палата принимала эти рѣшенія, къ лордамъ явилась депутація отъ муниципальнаго совѣта

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 88. — (²) См. *Пруложенія*. — (³) *Parl. Hist.*, т. III, col. 186. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 84.

Сити, благодарима объ палаты за ихъ энергію, а лорда-генерала за его мужество, повторила передъ ними клятвенное объщаніе жить и умереть за святое дѣло и пригласила ихъ на торжественный объѣдъ въ засвидѣтельствованіе союза (13 янв. 1644) ¹.

Парламентъ ободрился. Въ тотъ самый день, когда должно было происходить собраніе палатъ въ Оксфордѣ (22 янв. 1644), въ Вестминстерѣ сдѣлана была поименная перекичка: въ верхней палатѣ засѣдало только 22 лорда, но за-то въ нижней 200 человекъ отвѣчали на вызовъ; остальные 100 членовъ были въ отсутствіи по дѣламъ и приказаніямъ парламента ². Рѣшено было не допускать ни малѣйшаго сомнѣнія въ правахъ парламента и съ презрѣніемъ отвергать всякія сношенія съ оксфордскими соперниками. Случай не замедилъ представиться. Едва прошло восемь дней, какъ Эссексъ представилъ верхней палатѣ нераспечатанный пакетъ, присланный ему графомъ Фортомъ, главнокомандующимъ королевской арміей. Для разсмотрѣнія этого пакета также былъ назначенъ комитетъ, отъ котораго послѣдовало немедленно краткое донесеніе: пакетъ, по его словамъ, не заключалъ въ себѣ ничего, что бы относилось къ обѣимъ палатамъ, и генералу остается только отослать его обратно. Эссексъ тотчасъ повиновался ³.

Въ-самомъ-дѣлѣ, депеша была адресована на имя одного Эссекса. 45 лордовъ и 118 членовъ нижней палаты, собравшихся въ Оксфордѣ ⁴, увѣдомили его объ открытіи своихъ за-

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 187, 198. — Whitelocke, стр. 76. — (²) *Parl. Hist.*, т. III, col. 199. — Whitelocke, *Memorials, etc.*, стр. 76. — (³) 1 февраля 1644. *Parl. Hist.*, т. III, col. 201. — (⁴) Принцъ валлійскій и герцогъ Йоркскій были во главѣ этого списка, который въслѣдствіи увеличился пятью лордами и двадцатью-тремя членами нижней палаты, еще небывшими въ Оксфордѣ въ минуту отправленія письма. Кромѣ-того, считали двадцать-двухъ лордовъ, находившихся въ отсутствіи по дѣламъ короля, девять — путешествовавшихъ на континентѣ, двухъ—заключенныхъ въ тюрьму въ Лондонѣ за роляизмъ и тридцать-четыре членовъ нижней палаты, отсутствовавшихъ по дѣламъ короля, по увольненію или болѣзни; всего-на-все къ оксфордскому парламенту принадлежало восемьдесятъ-три лорда и сто шестьдесятъ-пять членовъ нижней палаты. (*Parl. Hist.*, т. III, col. 218).

сѣданій, о миролюбивыхъ своихъ стремленіяхъ, о добромъ расположеніи короля, и просили его употребить свое вліяніе: склонить къ миру и «тѣхъ, чьимъ довѣріемъ онъ пользуется ¹». Эти слова обозначали вестминстерскія палаты, которыхъ Карлъ не хотѣлъ болѣе признавать за парламентъ.

18 февраля Эссексъ получилъ другое письмо. Графъ Фортъ требовалъ у него пропуска для двухъ дворянъ, которыхъ, по его словамъ, король хочетъ отправить въ Лондонъ съ инструкціями касательно мира. «Милордъ» отвѣчалъ ему Эссексъ «если вы потребуете отъ меня пропуска для этихъ господъ, чтобъ они могли отъ имени короля явиться къ обѣимъ палатамъ парламента, то я отъ всего сердца сдѣлаю все, что отъ меня будетъ завистъ для содѣйствія такому дѣлу, котораго желаютъ всѣ благомыслящіе люди, то-есть для возстановленія согласія между его величествомъ и парламентомъ, вѣрнымъ и единственнымъ его совѣтникомъ ²».

Карлъ обрадовался такой неуступчивости своихъ противниковъ, полагая, что послѣ этого партія его по-неволѣ должна возложить всѣ свои надежды на войну. Но оксфордское собраніе не отличалось высокоуміемъ: оно чувствовало себя слишкомъ-слабымъ, сомнѣвалось въ своихъ правахъ, не осмѣлилось даже принять имени парламента и въ-сущности жалѣло, что король, отказывая въ этомъ имени вестминстерскимъ палатамъ, кладетъ такую преграду возстановленію мира. Оно настаивало на томъ, чтобъ Карлъ сдѣлалъ еще какой-нибудь шагъ, еще какую-нибудь уступку, которая могла бы успокоить умы. Карлъ согласился написать къ палатамъ письмо съ предложеніемъ вступить съ ними въ переговоры, и адресовалъ его такимъ образомъ: «Лордамъ и депутатамъ парламента, собраннымъ въ Вестминстерѣ», но въ томъ же письмѣ упоминалъ онъ о лордахъ и депутатахъ парламента, собранныхъ въ Оксфордѣ, какъ о лицахъ, равныхъ первымъ (3 марта) ³. Трубачъ, посланный Эссексомъ, отвезъ слѣдующій отвѣтъ палатъ: «Письмо вашего величества внушаетъ намъ, относи-

(¹) Тамъ же, col. 209. — (²) Тамъ же, col. 212. — (³) Тамъ же, col. 213.

тельно мира, самыя печальныя мысли. Лица, собравшіяся нынѣ въ Оксфордѣ и, вопреки своему долгу, удалившіяся изъ вашего парламента, поставлены вами паравнѣ съ нимъ; даже этотъ парламентъ, созванный согласно извѣстнымъ основнымъ законамъ королевства, сверхъ того, уполномоченный къ засѣданіямъ особымъ закономъ, утвержденнымъ вашимъ величествомъ, вдругъ видитъ, что ему отказываютъ даже въ имени парламента. Мы не можемъ такимъ образомъ измѣнять чести вѣренной нашей защитѣ страны, и обязаны поставить вашему величеству на видъ, что мы твердо рѣшились, не щадя ни имущества, ни жизни своей, защищать и охранять законныя права и полномочіе парламента ¹».

Оксфордское собраніе потеряло всякую надежду на примиреніе и съ-тѣхъ-поръ стало считать свое существованіе бесполезнымъ. Оно продолжало засѣдать до 16 апрѣля, издавая длинныя, печальныя деклараціи, назначая кой-какіе налоги или займы ², дѣлая горькіе упреки вестминстерскимъ палатамъ и оказывая королю многочисленныя знаки своей преданности; но оно отличалось робостью, бездѣятельностью, неловкимъ сознаниемъ собственнаго безсилія, и чтобъ сохранить по-крайней-мѣрѣ хоть какое-нибудь достоинство, въ глазахъ двора, всегда старалось обнаруживать живое стремленіе къ законному порядку и къ миру. Король, боявшійся господства такихъ совѣтниковъ, вскорѣ нашелъ ихъ и неприятными, и бесполезными. Имъ самимъ надобно торжественно засѣдать безъ цѣли и результатовъ. Послѣ громкихъ увѣреній, что ихъ желанія будутъ руководить его дѣйствіями, Карлъ отсрочилъ ихъ собранія (16 апр.) ³, и какъ-только зала засѣданій затворилась, онъ выразилъ королевѣ свою радость, что избавился, наконецъ, отъ «этого парламента-ублюдка, этого гнѣздилища предательскихъ и возмутительныхъ предложеній» ⁴.

Походъ открывался при неблагоприятныхъ предзнаменовані-

(¹) 9 марта 1644. *Parl. Hist.*, т. III, col. 214. — (²) Тамъ же, col. 225. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 69 и слѣд. — (³) 16 апрѣля 1644. *Parl. Hist.*, т. III, col. 243—247. — (⁴) Такъ говоритъ онъ самъ о нихъ въ письмѣ къ королевѣ, отъ 13 марта 1645. (*Mémoires de Ludlow*, т. I, стр. 407, въ *Collection* г. Гизо).

лхъ: несмотря на бездѣйствіе обѣихъ главныхъ армій, въ остальной части королевства въ-теченіе зимы продолжалась война, которая была выгодна для парламента. На сѣверо-западѣ полки, отозванные изъ Ирландіи и въ продолженіе шести недѣль дѣйствовавшіе удачно, были потомъ разбиты и почти окончательно уничтожены Ферфаксомъ, въ Честерскомъ Графствѣ, подъ стѣнами Нантвича (25 янв. 1644) ¹. На сѣверѣ шотландцы, подъ предводительствомъ графа Ливена, начали наступательное движеніе (19 янв.). Лордъ Ньюкэстль пошелъ къ нимъ на встрѣчу, но въ его отсутствіе Ферфаксъ разбилъ при Сельби (11 апр.) ² многочисленный отрядъ роялистовъ; чтобъ защитить такой важный пунктъ, какъ Йоркъ, отъ всякаго нападенія, Ньюкэстль былъ вынужденъ запереться въ немъ (19 апр.) ³. На востокъ составлялась новая армія изъ 14,000 человекъ, подъ начальствомъ лорда Манчестера и Кромвеля, готовая двинуться всюду, гдѣ присутствіе ея будетъ необходимо для партій. На югѣ, близъ Альрес-форда, въ Гампшейрѣ, сэръ Уильямъ Уолмеръ одержалъ неожиданную побѣду надъ сэромъ Ральфомъ Гоптономъ (29 марта). Нѣкоторые успѣхи принца Роберта въ графствахъ Ноттингемскомъ и Ланкастерскомъ ⁴ не вознаграждали такихъ многочисленныхъ неудачъ. Отсутствіе дисциплины и безпорядки все болѣе-болѣе усиливались въ лагеряхъ роялистовъ; честные люди впадали въ уныніе и скуку, другіе хотѣли необузданной воли въ награду за свою безнравственную храбрость; влияние короля на начальниковъ и начальниковъ на солдатъ съ каждымъ днемъ слабѣвало. Напротивъ, всѣ мѣры, выходившія изъ Лондона, принимали болѣе-правильный и въ то же время болѣе-энергическій характеръ. Прежде часто жаловались, что дѣйствію палатъ не доставало быстроты, что ни одно совѣщаніе не могло остаться втайнѣ и что король тотчасъ узнавалъ обо всемъ: теперь совѣтъ изъ семи лордовъ, четырнадцати

(¹) *Mémoires de Fairfax*, стр. 384, въ *Collection* г. Гизо. — (²) Тамъ же, стр. 388. — (³) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 620. — (⁴) 22 марта онъ приказалъ снять осаду Ньюарка, а въ апрѣлѣ овладѣлъ крѣпостями Попуртомъ, Больтономъ и Ливерпульемъ въ Графствѣ Ланкастерскомъ.

членовъ нижней палаты и четырехъ шотландскихъ комиссаровъ, подъ именемъ комитета обоихъ королевствъ, былъ обложенъ (16 февр. 1644) ¹ почти неограниченною властью въ войнѣ, въ сношеніяхъ между обоими народами, въ корреспонденціи съ иностранными государствами, и проч. Въ порывѣ патриотическаго энтузіазма, нѣсколько семействъ рѣшилось лишить себя одного обѣда въ недѣлю и предложило парламенту оставшуюся отъ этого сумму. Определеніемъ парламента пожертвованіе это было превращено въ обязательную повинность для всѣхъ жителей Лондона и его окрестностей (26 марта) ². Наложены были до того времени несуществовавшія пошлины на вино, сидръ, пиво, табакъ и другіе колониальные товары (16 мая 1643 и 8 июля 1644) ³. Комитетъ осеквестрованій удвоилъ свою строгость ⁴. При открытіи похода, парламентъ содержалъ пять армій: шотландскую, армию Эссекса и Ферфакса, на счетъ государственнаго казначейства, армию Манчестера и Уоллера на счетъ мѣстныхъ контрибуцій, взимаемыхъ еженедѣльно въ нѣкоторыхъ графствахъ, обязанныхъ также выставлять для нихъ рекрутъ ⁵. Силы эти простиралась слишкомъ на 50,000 человекъ ⁶, и коми-

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 247. *Mémoires de Hollis.* стр. 77, въ *Collection* г. Гизо. — (²) *Rushworth*, ч. 3, т. II, стр. 748. — (³) *Parl. Hist.*, т. III, col. 114, 276. — (⁴) Тамъ же, col. 174, 257. — *Rushworth*, ч. 3, т. II, стр. 760. — (⁵) Семь соединенныхъ восточныхъ графствъ: Эссексъ, Суффолькъ, Норфолькъ, Гертфордъ, Кэمبرиджъ, Гантингтонъ, Линкольнъ и Эли, были обложены, для содержанія манчестерской арміи, 8445 ф. стерл. въ недѣлю (около 50,670 руб. сер.) Четыре южныя графства: Соутэмптонъ, Суссексъ, Саррей и Кентъ, для содержанія арміи Уоллера, 2638 ф. ст. въ недѣлю (около 15,828 р. с.) Армія Эссекса стоила государственному казначейству 30,504 ф. стер. (около 183,024 р. с.) въ мѣсяцъ (*Rushworth*, ч. 3, т. II, стр. 621, 654). Шотландская армія стоила 31,000 ф. ст. (около 186,000 р. с.) въ мѣсяцъ. Я не могъ доискаться точнаго указанія, чего стоила армія Ферфакса: по всему видно, что она получала жалованье не такъ правильно, какъ другія, и, быть-можетъ, частью мѣстными контрибуціями, частью помощью парламента (*Mémoires de Fairfax*, стр. 384, въ *Collection* г. Гизо). — (⁶) Шотландская армія состояла изъ 21,000 человекъ; армія Эссекса — изъ 10,500; армія Уоллера — 5100; Манчестера — 14,000; армія Ферфакса — отъ пяти до шести тысячъ: всего около пятидесяти-шести тысячъ человекъ. (*Rushworth*, ч. 3, т. II, стр. 603, 621, 654. — *Mémoires de Fairfax.*)

тетъ обоихъ королевствъ располагалъ ими по своему произволу.

Несмотря на самоувѣренность, господствовавшую въ Оксфордѣ, тамъ скоро обнаружилось сильное безпокойство. Удивлялись, что изъ Лондона перестали получаться точныя извѣстія, и что намѣренія парламента сохраняются такъ хорошо втайнѣ; знали только, что парламентъ повсюду дѣлаетъ большія приготовленія, что власть сосредоточивается въ рукахъ смѣлѣйшихъ вождей партій, что они замышляютъ рѣшительныя мѣры, наконецъ, что все принимаетъ грозный видъ. Вдругъ разнесся слухъ, что Эссексъ и Уоллеръ двинули свои войска и идутъ осаждать Оксфордъ. Королева, бывшая тогда въ седьмомъ мѣсяцѣ беременности, тотчасъ объявила, что она уѣдетъ. Напрасно нѣкоторые члены совѣта представляли ей печальныя послѣдствія такого намѣренія; напрасно самъ Карлъ изъявлялъ желаніе, чтобы она осталась: она говорила, что одна мысль быть запертою въ осажденномъ городѣ для нея невыносима, что она умретъ, если ей не позволятъ удалиться куда-нибудь на западъ, гдѣ бы она могла разрѣшиться отъ бремени вдали отъ театра войны, а въ случаѣ крайней опасности, даже уѣхать во Францію. Она выходила изъ себя при малѣйшемъ возраженіи, горячилась, умоляла, плакала. Ее перестали уговаривать. Мѣстомъ ея пребыванія избранъ былъ Экзетеръ, главный городъ Девонскаго Графства, и въ концѣ апрѣля она оставила своего мужа, который уже не видался съ ней болѣе ¹.

Извѣстіе, поразившее ее такимъ ужасомъ, оказалось основательнымъ: Эссексъ и Уоллеръ дѣйствительно шли обложить Оксфордъ; съ другой стороны Ферфаксъ, Манчестеръ и шотландцы должны были соединиться подъ стѣнами Йорка и начать осаду общими силами. Такимъ-образомъ два самые большіе города и двѣ большія арміи роялистовъ, король и лордъ Ньюкэстль, подвергались одновременному нападенію всѣхъ силъ парламента. Таковъ былъ простой и смѣлый планъ, принятый комитетомъ обоихъ королевствъ.

(¹) *Clarendon, Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 112

Къ концу мая Оксфордъ былъ обложенъ почти со всѣхъ сторонъ; войска королевскія, постепенно вытѣсняемыя изъ тѣхъ позицій, которыя они занимали въ окрестностяхъ, были принуждены отступать частью въ городъ, частью на единственный пунктъ внѣ стѣнъ города, на сѣверной сторонѣ. Ни одно подкрѣпленіе не могло подоспѣть во-время. Принцъ Робертъ углубился въ Графство Ланкастерское; принцъ Морицъ осаждалъ гавань Лимъ, въ графствѣ Дорсетъ; лордъ Гоптонъ находится въ Бристолѣ и занятъ былъ охраненіемъ этого важнаго пункта отъ сношеній, которыя поддерживалъ въ немъ непріятель. Восемь тысячъ лондонскихъ милиціонеровъ, присланныхъ въ подкрѣпленіе Эссексу, доставили ему возможность усилить блокаду города. Опасность повидимому была крайняя, такъ—что одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ совѣтниковъ короля предложилъ ему лично предаться во власть графа. «Можетъ случиться» сказалъ Карлъ съ негодованіемъ, «что я попадусь въ руки графа Эссекса, но не иначе, какъ мертвымъ¹». Однако въ Лондонѣ распространился слухъ, что король, не видя никакого средства къ избавленію, намѣревается или внезапно пріѣхать въ городъ, или отдаться подъ покровительство генерала. Шумъ, надѣланный этимъ слухомъ въ нижней палатѣ, былъ такъ силенъ, какъ могло быть сильно только негодованіе короля. Палата тотчасъ написала Эссексу слѣдующее: «Милордъ, здѣсь носится молва, что его величество хочетъ прибыть въ Лондонъ. Мы желаемъ, чтобъ вы употребили всѣ средства открыть источникъ этой молвы; и если вы имѣете основаніе думать, что его величество дѣйствительно предполагаетъ пріѣхать сюда, или въ вашу армію, то вы, безъ сомнѣнія, тотчасъ доведете объ этомъ до свѣдѣнія палаты и ничего не предпримете безъ ихъ согласія». Эссексъ понялъ, какое недовѣріе скрывается въ этихъ словахъ. «Мнѣ рѣшительно неизвѣстно» отвѣчалъ онъ «откуда вышелъ слухъ, что его величество хочетъ ѣхать въ Лондонъ. Я сдѣлаю все, чтобъ открыть происхожденіе этой молвы; но въ Лондонѣ всего-луч-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 128.

ше можно узнать объ этомъ дѣлѣ, а у меня, въ арміи, о немъ никто не говорилъ ни слова. Если я узнаю, что король имѣетъ намѣреніе прибыть въ армію или въ парламентъ, то вастъ немедленно о томъ увѣдомлю; но я не вижу ни малѣйшаго основанія вѣрить этому и, во всякомъ случаѣ, полагаю, что услышу объ этомъ послѣ всѣхъ¹».

Вскорѣ совѣтъ—иная и болѣе—справедливая молва поразила парламентъ и армію: король бѣжалъ 3 іюня, въ 9 час. вечера. Онъ вышелъ изъ Оксфорда, въ сопровожденіи принца валлійскаго, оставивъ герцога йоркскаго со всѣмъ дворомъ въ крѣпости, прошелъ между двумя непріятельскими лагерями и, нагнавъ отрядъ легкихъ войскъ, который ожидалъ его на сѣверной сторонѣ, быстро ускользнулъ отъ всякихъ преслѣдованій².

Велико было изумленіе и очевидна была необходимость быстрыхъ мѣръ. Осада Оксфорда становилась бесполезною; уже нечего было предпринимать съобща обѣимъ арміямъ. Король, освободившись, скорѣ могъ сдѣлаться опаснымъ; въ особенности же важно было помѣшать его соединенію съ принцемъ Робертомъ. Эссексъ созвалъ большой военный совѣтъ и предложилъ, чтобъ въ погоню за королемъ отправился Уолмеръ, менѣе-обремененный тяжелою артиллеріею и багажемъ, между тѣмъ, какъ самъ онъ двинется на западъ, освободитъ Лимъ отъ осады и подчинитъ страну власти парламента. Уолмеръ отвергалъ этотъ планъ: по его словамъ, не таково было назначеніе двухъ армій, опредѣленное комитетомъ обоихъ королевствъ на тотъ случай, когда онъ отдѣлится другъ отъ друга; командованіе на западъ должно принадлежать ему. Военный совѣтъ раздѣлялъ мнѣніе лорда—генерала; Эссексъ надменно требовалъ подчиненія. Уолмеръ повиновался и даже немедленно двинулся въ походъ, но предварительно обратился въ комитетъ съ горькими жалобами на презрѣніе графа къ инструкціямъ комитета³.

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 266; письмо парламента къ Эссексу писано отъ 15 мая 1644, а его отвѣтъ отъ 17 мая. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.* т. VII, стр. 120. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 671. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 131. — Whitelocke, *Memorials, etc.*, стр. 86.

Комитетъ, сильно-оскорбленный, тотчасъ перенесъ въ просъ въ нижнюю палату. Послѣ преній, отъ которыхъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ, къ Эссексу былъ отправленъ приказъ воротиться, продолжать преслѣдованіе короля и оставить Уоллера одного идти къ западу, какъ онъ долженъ былъ бы поступить и прежде ¹.

Графъ уже съ самаго начала этой кампаніи былъ не въ духѣ. Враги его, на-минуту испуганные своими опасностями и его побѣдами, въ-теченіе зимы снова стали осаждать его подозрѣніями и дѣлать ему тысячи непріятностей. Незадолго до его отъѣзда, поступило въ парламентъ народное прошеніе о уменьшеніи его арміи, и нижняя палата не изъявила на это никакого неудовольствія ²; армія Уоллера всегда была лучше продовольствуема и жалованье получала съ большею аккуратностью ³. Очевидно было, что лордъ Манчестеръ формировалъ новую армію во вредъ Эссексу, чтобъ замѣнить его въ-случаѣ надобности ⁴; и въ Лондонѣ и въ лагерѣ Эссекса, друзья его негодовали на то, что люди, чуждые войнѣ, хотѣли изъ глубины вестминстерской залы управлять военными операціями и давать предписанія генераламъ ⁵. Онъ отвѣчалъ комитету: «Ваши приказанія противны военной дисциплинѣ и разсудку. Еслибъ я возвратился, это во всѣхъ отношеніяхъ было бы большимъ ободреніемъ для непріятелей. Невинный, хотя и заподозрѣнный слуга вашъ, Эссексъ». И онъ продолжалъ свой походъ ⁶.

Изумленный комитетъ отложилъ на-время споръ и гнѣвъ. Враги Эссекса не чувствовали себя достаточно-сильными, чтобъ погубить его, ни даже, чтобъ обойтись безъ него; они удовольствовались только тѣмъ, что въ отвѣтъ Эссексу помѣстили нѣсколько фразъ, порицающихъ тонъ его письма ⁷, и

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 672. — (²) Whitelocke, стр. 76. — (³) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 683; *Mémoires de Hollis*, стр. 30, въ *Collection* г. Гизо. — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 109. — (⁵) Whitelocke, *Memorials, etc.*, стр. 86. — (⁶) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 683. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 132. — (⁷) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 683.

онъ получилъ приказаніе продолжать экспедицію, которую предъидущимъ посланіемъ велѣно было ему оставить ¹.

Извѣстія, полученные изъ арміи Уоллера, были не безъ вліянія на такое благоразуміе. Этотъ любимецъ комитета, нѣсколько времени напрасно-преслѣдовавшій короля, въ свою очередь попался въ опасное положеніе. Какъ-скоро Карлъ узналъ, что парламентскіе генералы отдѣлились другъ отъ друга и что ему остается имѣть дѣло только съ однимъ изъ нихъ, онъ остановился, написалъ къ принцу Роберту, чтобъ тотъ, не теряя ни минуты, шель на помощь къ осажденному Йорку ², а самъ съ смѣлой рѣшимостью бросился на ту дорогу, по которой бѣжалъ изъ Оксфорда, и вступилъ въ городъ чрезъ семнадцать дней послѣ того, какъ оставилъ его, снова сталъ во главѣ своихъ войскъ и принялъ наступательную систему въ то время, какъ Уоллеръ все еще отыскивалъ его въ Графствѣ Уорстеръ. При первомъ слухѣ объ этихъ движеніяхъ короля, Уоллеръ со всей поспѣшностью воротился назадъ, ибо, кромѣ его, нѣкому было прикрывать Лондонъ, вскорѣ подкрѣпленный нѣсколькими вспомогательными отрядами; онъ съ обычною своею увѣренностью двинулся впередъ, чтобъ дать или, по-крайней-мѣрѣ, принять сраженіе. Этого еще сильнѣе желали Карлъ и его приверженцы, одушевленные тѣмъ рвеніемъ, которое рождается при неожиданномъ успѣхѣ послѣ большихъ опасностей. Дѣло завязалось 29 іюля, при Кропредибриджѣ, въ Графствѣ Буккингемскомъ; несмотря на блестящее сопротивленіе, Уоллеръ потерпѣлъ пораженіе, даже болѣе-сильное, чѣмъ сначала показалось его побѣдителямъ ³.

Казалось, счастье придадо Карлу смѣлость и искусство, дотолѣ ему незнакомаго. Успокоенный насчетъ Уоллера, онъ вдругъ рѣшился идти на западъ, преслѣдовать Эссекса до

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 683. — Whitelocke, *Memorials, etc.*, стр. 87. — (²) Его письмо писано отъ 14 іюня 1644, изъ Тиквингаля, близъ Бюдлея, въ Графствѣ Уорстеръ. Оно было напечатано въ первый разъ въ 1819 г., въ прибавленіи къ *Memoirs of sir John Evelyn* (Лондонъ, 2 тома in-4°), т. II, стр. 87. — (³) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 142 и слѣд. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 675.

последней крайности, и таким-образомъ одну за другою уничтожить обѣ арміи, которыя еще недавно держали его чуть не въ плѣну. Къ-тому же Эссексъ появился подѣ стѣнами Экзетера, и королева, которая тамъ жила и только за нѣсколько дней передъ тѣмъ (16 іюля 1644) разрѣшилась отъ бремени¹, еще не знала объ успѣхахъ своего мужа и могла вновь придти въ прежній ужасъ². Черезъ два дня послѣ побѣды, Карлъ двинулся въ путь, и въ то же время (4 іюля)—скорѣе для того, чтобъ сдѣлать эту побѣду пріятною въ глазахъ народа, чѣмъ изъ искренняго желанія мира — отправилъ изъ Ивсгэма къ палатамъ посланіе, въ которомъ, не называя ихъ парламентомъ, рассыпался въ миролюбивыхъ увѣреніяхъ и предлагалъ снова открыть переговоры³.

Но въ то время, какъ онъ удалялся и посланіе его еще не успѣло дойти до Лондона, тамъ уже разсѣялись всѣ опасенія: положеніе дѣлъ измѣнилось; пораженіе Уоллера было не болѣе, какъ несчастный случай, неимѣвшій никакой важности; до парламента дошло извѣстіе, что генералы одержали близъ Йорка самую блистательную побѣду, что городъ не замедлитъ сдаться, наконецъ, что на сѣверѣ роялистскую партію можно считать совсѣмъ-уничтоженною.

Въ-самомъ-дѣлѣ, таковы были важные результаты, къ которымъ привела битва, происшедшая при Марстон-Мурѣ, 2 іюля, между 7 и 10 часами вечера — битва самая рѣшительная изъ всѣхъ, какія только были до того времени. За три дня до нея, при приближеніи принца Роберта, который шелъ къ Йорку съ 20,000 человекъ, парламентскіе генералы рѣшились снять осаду, надѣясь по-крайней-мѣрѣ помѣшать принцу ввести въ городъ подкрѣпленія; но Робертъ уничтожилъ ихъ планы и вошелъ въ Йоркъ безъ боя. Ньюкэстль сильно убѣждалъ его удовольствоваться этимъ успехомъ. Онъ говорилъ: раздоры поселились въ непріятельскомъ

(¹) Принцессой Генриеттой, впоследствии герцогиней орлеанской. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 151. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 686. — (³) Тамъ же, стр. 687; посланіе писано отъ 14 іюля 1644.

лагерѣ, шотландцы не ладятъ съ англичанами, индепенденты — съ пресвитеріанами, генерал-лейтенантъ Кромвель — съ генерал-майоромъ Кравфордомъ. Онъ просилъ Роберта по-крайней-мѣрѣ, если ужъ онъ непременно хочетъ сразиться, подождать трехтысячнаго подкрѣпленія, которое должно было прибыть черезъ нѣсколько дней. Робертъ не безъ труда выслушалъ его, сказалъ, что имѣеть повелѣнія отъ короля¹ и велѣлъ войскамъ идти на отступавшаго непріятеля. Они быстро настигли его аррьергардъ; оба войска остановились; всѣ отряды были стянуты и приготовились къ бою. Почти на разстояніи мушкетнаго выстрѣла другъ отъ друга, отдѣленные только нѣсколькими рвами, обѣ арміи стояли, однако, въ теченіе двухъ часовъ неподвижно и въ глубокомъ молчаніи; каждая ожидала нападенія отъ другой. «Какой постъ назначаетъ для меня ваша свѣтлость?» спросилъ принца Ньюкэстль. «Я не думаю начинать дѣла раньше завтрашняго утра» сказалъ ему Робертъ: «до того времени вы можете отдыхать». Ньюкэстль заперся въ своей каретѣ. Едва успѣлъ онъ тамъ усесться, какъ мушкетные выстрѣлы дали ему знать, что началось сраженіе; онъ выскочилъ и быстро кинулся въ бой, безъ команды, во главѣ нѣсколькихъ дворянъ-волонтеровъ, обиженныхъ такъ же, какъ онъ самъ. Черезъ нѣсколько минутъ, на равнинѣ воцарился страшный безпорядокъ: обѣ арміи ринулись другъ на друга, прорвали свои ряды и перемѣшались, почти какъ попало. Парламентское войско и роя-

(¹) Эти посланія заключались въ вышеупомянутомъ письмѣ, которымъ предписывалось ему идти на помощь Йорку. Долго спорили о вопросѣ, приказывало ли оно формально принцу Роберту дать сраженіе, или онъ могъ обойтись и безъ этого: споръ ребяческой, ибо нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Робертъ думалъ, какъ Ньюкэстль, что не должно рисковать сраженіемъ, то онъ поступилъ бы дурно, сообразуясь съ повелѣніями, данными издали и на-обумъ. Впрочемъ, что бы ни говорили объ этомъ недавно Броди и Лингардъ (*Hist. of the British Empire, etc.*, т. III, стр. 477; *Hist. of England*, т. X, стр. 252), едва ли это письмо содержитъ положительное приказаніе; оно, очевидно, писано въ убѣжденіи, что осада Йорка не можетъ быть снята безъ боя; въ этомъ смыслѣ и сказано въ немъ, что побѣда необходима. См. *Приложеніе* въ концѣ тома.

листы, конные и пѣшіе, офицеры и солдаты блуждали на полѣ битвы, отдѣльно, или группами, требуя приказаній, отыскивая свои полки, сражался при встрѣчѣ съ непріятелемъ, но безъ результата, безъ общаго плана. Вдругъ на правомъ крылѣ парламентскаго войска обнаружился признаки пораженія; сильный натискъ роялистовъ прорвалъ ряды шотландской конницы, и она въ ужасѣ разсыпалась. Напрасно старался ее удержать Ферфаксъ: шотландцы бѣжали во всѣхъ направленіяхъ, съ криками: «бѣда намъ! мы погибли!» И они такъ быстро разнесли по всей странѣ вѣсть о своемъ поражении, что одинъ курьеръ привезъ это извѣстіе изъ НьюЙорка въ Оксфордъ, гдѣ впродолженіе нѣсколькихъ часовъ горѣла иллюминація. Но, возвращаясь съ преслѣдованія непріятеля, роялисты, къ величайшему своему изумленію, увидѣли, что мѣсто, которое они прежде занимали, было въ рукахъ побѣдоноснаго врага. Въ то время, какъ шотландская конница бѣжала отъ нихъ, у нихъ-самыхъ правое крыло подверглось такой же участи, несмотря на то, что оно было подъ начальствомъ самого Роберта; послѣ жестокой битвы, оно уступило непобѣдимому упорству Кромвеля и его эскадроновъ; пѣхота Манчестера довершила его поражение, а Кромвель, довольный тѣмъ, что разсыпалъ кавалерію принца, ловко соединилъ своихъ и тотчасъ возвратился на поле битвы, чтобъ прежде обезпечить себѣ побѣду, а потомъ ужъ наслаждаться ею. По-медливъ немного, оба побѣдоносные отряда возобновили битву, и въ 10 часовъ на равнинѣ уже не оставалось ни одного роялиста, кромѣ 3000 труповъ и 1600 плѣнныхъ¹.

Робертъ и Ньюкэстль возвратились въ Йоркъ среди ночи, не сказавъ другъ другу ни слова, не видавъ другъ друга въ глаза, и немедленно обмѣнялись взаимными посланіями.

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 631—640. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 153—166. — *Mémoires de Ludlow*, т. I, стр. 139—142, въ *Collection* г. Гизд.—*Mémoires de Hollis*, стр. 20—24, тамъ же. — *Mémoires de Fairfax*, стр. 391—395, тамъ же. — *Mémoires de mistress Hutchinson*, т. I, стр. 437, тамъ же. — Whitelocke, стр. 89. — *Carte's Letters*, т. I, стр. 56 и слѣд. — *Baillie, Letters*, т. II, стр. 36, 40.

«Я рѣшился» извѣщаль принцъ графа «завтра же утромъ отправиться съ своей конницей и всей оставшейся пѣхотой». — «Я сію же минуту отправляюсь» извѣдомлялъ Ньюкэстль: «переезжаю за море и удаляюсь на континентъ».

И тотъ и другой сдержали слово: Ньюкэстль сѣлъ на корабль въ Скарборо; Робертъ двинулся къ Честеру съ остатками своей арміи, и Йоркъ черезъ двѣ недѣли сдался на капитуляцію (16 іюля 1644)¹.

Партія индепендентовъ пришла въ восторгъ и исполнилась надежды. Этотъ блестящій успѣхъ былъ дѣломъ ея вождей, ея солдатъ, и искусство Кромвеля рѣшило судьбу битвы. Въ первый разъ парламентскіе эскадроны смияли эскадроны роялистовъ, и это сдѣлали «святые люди» арміи—кромвелевскіе кавалеры. Еще на мѣстѣ битвы они получили, вмѣстѣ съ своимъ вождемъ, прозваніе *железныхъ реберъ*. Торжество ихъ возвыщало знамя самого принца Роберта², публично выставленное въ Вестминстерѣ; они могли бы прислать въ парламентъ болѣе сотни непріятельскихъ знаменъ, еслибъ, въ энтузіазмѣ, не изорвали ихъ въ клочки, чтобъ украсить ими шапки и рукава³. Эссексъ оставался два раза побѣдителемъ, но какъ-будто по принужденію, чтобъ спасти парламентъ отъ близкой гибели и безъ всякихъ другихъ послѣдствій: «святые» же искали битвы и не боялись побѣды. Не-ужели шотландцы, показавшіе себя въ этотъ великій день такими слабыми, осмѣлятся дѣлать новыя попытки, чтобъ подчинить ихъ своей пресвитеріанской тиранинѣ? Не-ужели послѣ этого еще стануть считать миръ необходимымъ? Не-обходимы только побѣда и свобода: ихъ слѣдовало достигнуть во что бы ни стало, и довести до конца эту благословенную реформу, которой такъ часто вредили люди корыстные или робкіе, которую такъ часто спасала рука Все-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 156. — (²) Посреди этого знамени изображенъ былъ лежащій левъ; сзади него собака, кусающая его, изъ ея зѣва выходила ленточка съ именемъ *Kimbolton*; у ногъ льва были маленькія собаки и возлѣ нихъ надпись: *Pym, Pym, Pym*; изъ львиной же пасти выходили слова: *Quousque tandem abuteris patientia nostra?* (Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 635). — (³) Тамъ же.

вышняго. Такія рѣчи раздавались повсюду; индепенденты, вольнодумцы и фанатики, граждане, проповѣдники и солдаты давали волю своимъ страстямъ и желаніямъ; вездѣ примѣшивалось имя Кромвеля, который въ своихъ рѣчахъ выказывалъ болѣе всѣхъ горячности и въ то же время слылъ за человѣка искуснѣйшаго въ составленіи глубоко-обдуманыхъ плановъ. «Милордъ» сказалъ онъ однажды Манчестеру, которому партія его еще оказывала довѣріе: «станьте рѣшительно на нашу сторону. Не говорите, что надо быть умѣреннымъ ради достиженія мира, что надо щадить палату лордовъ, бояться отказовъ парламента: какое намъ дѣло до мира и до дворянства? Дѣла до-тѣхъ-поръ не будутъ идти какъ слѣдуетъ, пока васъ не будутъ звать просто мистеръ Монтэгъ. Если вы сблизитесь съ честными людьми, то скоро станете во главѣ арміи, которая будетъ предписывать законы и королю и парламенту¹».

Какъ ни дерзокъ былъ Кромвель въ своихъ надеждахъ, но онъ самъ не зналъ, какъ близка была побѣда его партіи, не зналъ, какая печальная участь готовится противнику, котораго онъ болѣе всѣхъ боялся.

Эссексъ все болѣе-и-болѣе углублялся на западъ, не вѣдая, какія опасности собирались позади его и увлекался своими успѣхами, достававшимися ему безъ труда. Въ три недѣли онъ освободилъ отъ осады Леймъ, занялъ Веймутъ, Барнстэпль, Тивертонъ, Таунтонъ и почти безъ битвы разсѣялъ отряды роялистовъ, которые хотѣли его остановить. Когда онъ подходилъ къ Экзетеру, королева просила у него охранной грамоты, чтобъ ѣхать въ Батъ и имѣть возможность оправиться отъ родовъ. Онъ отвѣчалъ: «Если вашему величеству угодно ѣхать въ Лондонъ, я не только дамъ вамъ охранную грамоту, но даже самъ поѣду провожать васъ: тамъ вы получите самые лучшіе медицинскіе совѣты; тамъ для вашего выздоровленія будутъ приняты самыя дѣйствительныя мѣры. Чтò касается другаго мѣста, то я не могу испол-

(¹) *Mémoires, de Hollis*, стр. 25, въ *Collection* г. Гизб. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 253.

нить вашего желанія, не донеся о томъ парламенту¹». Пораженная ужасомъ, королева бѣжала въ Фальмутъ и оттуда во Францію (14 іюля 1644), а Эссексъ продолжалъ свой путь. Онъ былъ еще въ виду Экзетера, когда узналъ, что король, побѣдивъ Уоллера, быстро идетъ противъ него, собирал на дорогѣ всѣ силы, какими могъ располагать. Тотчасъ созванъ былъ военный совѣтъ: надо было рѣшить, слѣдовать ли по прежнему пути и углубляться въ Корнваллисъ, или идти на встрѣчу королю и дать ему сраженіе. Эссексъ держался послѣдняго мнѣнія; но многіе офицеры, въ томъ числѣ Робертсъ, другъ Генри Вена, имѣли въ Корнваллисѣ большія помѣстья, съ которыхъ уже давно не получали доходовъ; они рассчитывали на этотъ походъ, надѣясь принудить фермеровъ къ уплатѣ, а потому отвергали всякую мысль объ отступленіи, утверждая, что народъ Корнваллиса, угнетаемый роялистами, возстанетъ, какъ-скоро приблизится армія, и что такимъ-образомъ Эссексу достанется честь отнять у короля это графство, составлявшее до того времени самую твердую его опору². Эссексъ согласился и пустился по ущельямъ корнваллисскимъ, а между-тѣмъ потребовалъ изъ Лондона подкрѣпленій. Но народъ не возсталъ въ его пользу, въ сѣстныхъ припасахъ оказался недостатокъ, а король уже сильно тѣснилъ его. Онъ снова написалъ въ Лондонъ, что положеніе его становится опаснымъ, что Уоллеру, или кому-нибудь другому, слѣдуетъ необходимо сдѣлать диверсію въ тылъ королевской арміи, чтобъ освободить его. Комитетъ обоихъ королевствъ поднялъ большой шумъ по поводу его бѣдственнаго положенія и повидимому одушевленъ былъ сильнымъ рвеніемъ помочь ему. Предписано было общественное молебствіе³, отданы приказы Уоллеру, Миддлѣтону, даже Манчестеру, который воротился съ сѣвера съ частью своей арміи. Эти люди, въ свою очередь, выказали живѣйшую готовность. «Пусть мнѣ пришлютъ денегъ и людей» писалъ Уоллеръ.

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 684. — Whitelocke, стр. 88. — (²) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 168. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 690. — (³) 13 августа 1644. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 697.

«Богъ свидѣтель, не моя вина, если я не могу двинуться скорѣе. Да падеть стыдъ и кровь убитыхъ на голову тѣхъ, кто меня задерживаетъ! Если мнѣ не пришлютъ денегъ, я пойду безъ денегъ». И однакожь онъ не пошелъ. Миддлтонъ говорилъ въ томъ же тонѣ, выступилъ въ походъ и остановился при первомъ препятствіи. Изъ арміи Манчестера не было отряжено ни одного корпуса ¹. Успокоенные побѣдой при Марстон—Муръ, предводители индепендентовъ, Венъ, Сент-Джонъ, Эйртонъ и Кромвель радовались несчастію своего врага, надѣясь, что оно поведетъ за собой его паденіе.

Они не воображали, что въ эту самую минуту Эссексъ, не смотря на свое бѣдственное положеніе, держалъ, можетъ-быть, ихъ судьбу въ своихъ рукахъ. 6 августа, въ главной своей квартирѣ, въ Леститилѣ, получилъ онъ отъ короля письмо со всеми знаками уваженія къ нему, исполненное обѣщаній и убѣжденій возвратить миръ отечеству. Письмо это привезъ лордъ Бошанъ (Beauchamp), племянникъ графа. Многіе полковники его арміи высказали себя въ пользу посланія ². «Я не буду отвѣчать» сказалъ Эссексъ. «Я могу дать королю только одинъ совѣтъ: возвратиться къ своему парламенту». Карлъ оставилъ его въ покоѣ; можетъ-быть, несмотря на свое пораженіе при Марстон—Муръ, онъ и неслишкомъ желалъ вмѣшательства такого посредника. Но его окружали болѣе-упорные приверженцы мира; роялистами сталъ овладѣвать духъ независимости и анализа: имя короля уже не имѣло для нихъ прежняго обаянія, и въ собраніяхъ ихъ многіе офицеры свободно обсуживали общественныя дѣла и его волю. Они были увѣрены, что Эссексъ отвергъ предложенія короля оттого, что его обѣщанія казались ему необезпеченными, рѣшились предложить ему свое ручательство и пригласить его войти съ ними въ словесные переговоры. Виновниками этого плана были лорды Уильмотъ и Пирси (Piercy), командовавшіе кавалеріею и артиллеріею: первый

(¹) Whitelocke, *Memorials*, etc., стр. 97 и слѣд. — *Mémoires de Ludlow*, т. I, стр. 143, въ *Collection* г. Гизд. — (²) Между-прочимъ, полковники Уиръ (Weare) и Бутлеръ (Rushworth), ч. 3, т. II, стр. 710.

изъ нихъ былъ человекъ отважный, умница, неутомимый гуляка, любимый арміею за свое простое обращеніе и веселый нравъ; другой былъ холоденъ и высокомеренъ, но смѣлъ въ рѣчахъ и угощалъ офицеровъ хорошимъ столомъ. Узнавъ о ихъ замыслахъ и о проектѣ письма, которое они отъ своего имени хотѣли послать графу, Карлъ пришелъ въ сильное негодованіе. Но цѣль ихъ правилась даже тѣмъ, кто порицалъ средство. Король, не смѣя запретить этого письма, счелъ за лучшее одобрить его: письмо сдѣлалось официальнымъ актомъ, имъ самимъ признаннымъ; подъ нимъ подписались принцъ Морицъ и графъ Brentfordъ, главнокомандующій арміею, также какъ и первые его составители; трубачъ отнесъ его въ неприятельскій лагерь (9 авг. 1644). «Милорды» отвѣчалъ Эссексъ «въ самыхъ первыхъ строкахъ вашего письма вы позаботились объяснить, кто уполномочилъ васъ послать его ко мнѣ; но отъ парламента, которому я служу, не получалъ я никакого полномочія для переговоровъ и не могу приступить къ нимъ, не измѣнивъ своей присяги. Остаюсь, милорды, вашъ покорнѣйшій слуга. Эссексъ». Этотъ сухой отказъ задѣлъ роялистовъ за живое; они оставили всякія попытки къ переговорамъ. Уильмотъ и Пирси были уволены отъ своихъ должностей, и непріязненные дѣйствія опять возобновились ¹.

Вскорѣ Эссексъ увидѣлъ себя въ отчаянномъ положеніи; онъ каждый день сражался и каждый день впадалъ въ болѣшую опасность. Солдаты его утомились, въ рядахъ ихъ начали составляться заговоры ²; король все тѣснѣй-и-тѣснѣй стягивалъ свои линіи и повсюду возводилъ редуты. Уже конница графа недоставало мѣста для «уражировки»; у него едва оставалось нѣсколько пунктовъ для сообщенія съ моремъ — единственнымъ путемъ, которымъ онъ могъ добывать себѣ жизненные припасы; наконецъ, въ послѣднихъ числахъ августа, его такъ стѣснили королевскія войска, что съ окрестныхъ высотъ роялисты могли видѣть все происходившее

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 691—697. — Clarendon, *Hist. of the rebellion*, т. VII, стр. 170—181. — (²) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 698.

въ его лагерѣ. Въ этой крайности, онъ отдалъ приказъ конницѣ, находившейся подъ начальствомъ сэра Уильяма Бельюра, пробиться какимъ бы то ни было образомъ чрезъ непріятельскіе посты, а самъ съ пѣхотой двинулся въ путь, пробираясь къ порту Фой (Foу). Подъ прикрытіемъ ночи и тумана, конницѣ удалось пройти между двумя отрядами роллистовъ; но пѣхота, пробиравшаяся по узкимъ и грязнымъ дорогамъ, преслѣдуемая всею королевскою арміею, вынужденная на каждомъ шагу бросать пушки и багажъ, потеряла наконецъ всякую надежду на спасеніе. Начали громко говорить о капитуляціи. Упавшій духомъ, разстроенный, Эссексъ заботился только о томъ, чтобъ избавиться отъ такого униженія и, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, вдругъ уѣхалъ, въ сопровожденіи только двухъ офицеровъ¹, добрался до берега и бросился въ лодку, отправляющуюся въ Плеймутъ (Plymouth), оставивъ армію подъ начальствомъ генерал-майора Скиппона².

Когда отъездъ его сдѣлался извѣстнымъ, Скиппонъ созвалъ военный совѣтъ. «Господа» сказалъ онъ «вы видите, что генералъ и нѣкоторые изъ главныхъ нашихъ начальниковъ покинули насъ; кавалерія тоже ушла, и мы должны защищаться одни. Вотъ что я вамъ предложу: мы не уступаемъ въ храбрости нашимъ кавалеристамъ; мы призываемъ на помощь одного съ ними Бога: попытаемъ же и мы счастья, откроемъ себѣ, подобно имъ, путь черезъ непріятельскій лагерь. Лучше умереть съ честью, нежели постыдно бѣжать». Но героизмъ Скиппона не встрѣтилъ сочувствія въ совѣтѣ; многіе офицеры этой арміи, храбрые и вѣрные, но пресвитеріане или умѣренные, по примѣру самого Эссекса, были, какъ и онъ, печальны и унымы. Король предложилъ имъ неожиданно-выгодную капитуляцію: онъ требовалъ только выдачи артиллеріи, военныхъ припасовъ и оружія; всѣмъ людямъ, офицерамъ и солдатамъ, обѣщана была свобода и да-

(¹) Джона Меррика, командовавшего артиллеріею, и самого лорда Робарта, который уговорилъ Эссекса вступить въ Корнваллисъ. —

(²) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 699—703. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 182—190. — Whitelocke, стр. 98.

же возможность достигнуть квартиръ парламентской арміи въ совершенной безопасности. Условія эти были приняты (1 сент. 1644), и, подъ конвоемъ королевскихъ всадниковъ, парламентскіе батальоны, безъ вождя, безъ оружія, пошли черезъ три графства, по которымъ еще такъ недавно они проходили побѣдителями¹.

Между-тѣмъ Эссексъ, высадившись у Плеймута, отдалъ парламенту отчетъ о своемъ несчастіи. «Это» писалъ онъ «самый жестокий ударъ, какой когда-либо нанесенъ былъ нашей партіи. Ничего я столько не желаю, какъ того, чтобъ меня подвергли суду. Такіе уроны не должны оставаться безъ изслѣдованія²». Чрезъ восемь дней онъ получилъ изъ Лондона слѣдующій отвѣтъ: «Милордъ, комитетъ обоихъ королевствъ сообщилъ палатамъ письмо ваше, посланное изъ Плеймута, и палаты предписали намъ извѣстить васъ, что хотя онѣ проникнуты важностью этого несчастія, но, предаваясь волѣ божіей, онѣ нисколько не измѣнили своихъ чувствъ въ-отношеніи къ вамъ, и довѣріе ихъ къ высокимъ вашимъ качествамъ и вѣрности осталось непоколебимымъ. Онѣ рѣшились употребить самыя энергическія усилія для исправленія этой потери и снова ввѣрить вашему начальству³ армію, которая, съ помощью божіею можетъ привести дѣла наши въ лучшее состояніе. Графъ Манчестеръ и сэръ Уильямъ Уолмеръ получили приказаніе двинуться со всѣми своими войсками къ Дорчестеру. Палаты сдѣлали также распоряженіе, чтобъ 6000 мускетоновъ, 6000 мундировъ, 500 паръ пистолетовъ, и проч., были доставлены вамъ въ Портсмутъ, для снабженія ими войскъ и оживленія мужества въ вашихъ солдатахъ. Палаты увѣрены, что пребываніе ваше въ этомъ графствѣ, съ дѣлюю вновь

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 704—709. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 190—192. — (²) Письмо Эссекса къ Филиппу Стэнльтоу у Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 703. — (³) У Рошворта (ч. 3, т. II, стр. 708) читаемъ: *Under their command* (въ начальствѣ); а въ *Parl. Hist.* (т. III, col. 289) стоитъ: *Under your command*: я принялъ это послѣднее чтеніе, гораздо болѣе вѣроятное. Письмо писано отъ 7 сент. 1644.

организовать и привести в движение различные отряды, будет иметь самые благотворные последствия».

Графъ былъ чрезвычайно-удивленъ: онъ ожидалъ судебныхъ преслѣдованій, но-крайней-мѣрѣ горькихъ упрековъ; но его вѣрность, столь недавно-испытанная, самая важность бѣдствія, необходимость поддержать свое достоинство передъ неприятелемъ—все это поставило людей нерѣшительныхъ въ ряды его приверженцевъ, а враговъ удержало отъ борьбы. Эссексъ, поставленный въ затруднительное положеніе своимъ несчастьемъ и ошибкой, не казался имъ болѣе опаснымъ: они его знали и предвидѣли, что, для отвращенія столь жестокихъ ударовъ, наносимыхъ его самолюбію, онъ вскорѣ самъ удалится отъ дѣлъ. А пока это сбудется, оказывать ему уваженіе значило обнаруживать энергію. Тайныя причины событія остались безъ изслѣдованія, ибо оно могло бы быть несомнѣнно-приятно; наконецъ, самые поборники мира были вовлечены въ новыя усилія въ пользу войны. Столько же искусные, сколько увлекаемые страстями, вожди индепендентовъ хранили молчаніе и парламентъ, казалось, единодушно рѣшился съ достоинствомъ перенести это великое несчастье.

Дѣятельность парламента и твердость въ принятомъ имъ положеніи замедлили сначала движенія короля; онъ обратился къ палатамъ съ мирнымъ посланіемъ; потомъ въ-теченіе трехъ недѣль ограничивался тѣмъ, что появлялся подъ стѣнами нѣсколькихъ городовъ: Плеймута, Лейма, Портсмута, которые, однакожъ, не сдавались. Но въ концѣ сентября онъ узналъ, что Монтрозъ, уже давно-обѣщавшій ему возжечь междоусобную войну въ Шотландіи, достигъ наконецъ своей цѣли; дѣйствія его сопровождались постояннымъ успѣхомъ. Послѣ битвы при Марстон-Мурѣ, переодѣтый въ платье слуги, въ сопровожденіи только двухъ спутниковъ, Монтрозъ перешелъ пѣшкомъ границу Шотландіи и прибылъ въ Стратгернъ къ своему двоюродному брату Патрику Грэему Инчбрэки (Patrick Graham of Inchbrackie), гдѣ ожидалъ высадки ирландцевъ, которыхъ Антримъ долженъ былъ выслать къ нему на помощь. Днемъ онъ скрывался, а ночью блуждалъ по окрестнымъ горамъ и назначалъ свиданія своимъ соумышленникамъ, которые доставляли ему нужныя свѣдѣнія. Вскорѣ онъ узналъ,

что толпы ирландцевъ дѣйствительно высадились (8 іюля 1644), что онѣ открываютъ себѣ путь грабежомъ, опустошеніемъ, не зная куда направиться и, въ свою очередь, отыскивая вожда, имъ обѣщаннаго. Они приближались къ Графству Этоль (Athol). Монтрозъ внезапно явился въ ихъ лагерь въ костюмѣ горца, въ сопровожденіи одного только человѣка, и былъ тотчасъ же признанъ ими предводителемъ. При извѣстии о его прибытіи, къ нему сбѣжалось нѣсколько клановъ; не теряя ни минуты, онъ повелъ ихъ въ бой, требуя отъ нихъ мужества и обѣщая имъ въ награду все, что только могло возбудить ихъ алчность. Черезъ пятнадцать дней онъ одержалъ двѣ побѣды¹, занялъ Пертъ, взявъ Эбердинъ приступомъ, возмущивъ большую часть сѣверныхъ клановъ, и распространилъ ужасъ до самыхъ воротъ Эдимбурга.

Получивъ эти извѣстія, Карлъ льстилъ себя надеждою, что марстонмурская неудача поправлена, что парламентъ скоро опять найдетъ на сѣверѣ могущественнаго противника, а что самъ онъ на югѣ можетъ безбоязненно продолжать рядъ своихъ успѣховъ. Онъ рѣшился идти на Лондонъ, чтобъ придать этой экспедиціи характеръ народнаго и рѣшительнаго движенія. Въ минуту его отъѣзда была издана повсемѣстная прокламація, которая приглашала всѣхъ его восточныхъ и южныхъ подданныхъ вооружиться, избрать себѣ начальниковъ и, присоединившись къ нему на пути, вмѣстѣ съ нимъ принудить наконецъ палаты къ миру².

Но палаты приняли свои мѣры: уже соединенныя войска Манчестера, Уоллера и Эссекса прикрывали Лондонъ съ западной стороны. Никогда парламентъ не имѣлъ на одномъ пунктѣ такой большой арміи; а при первомъ слухѣ о приближеніи короля, къ ней присоединилось пять полковъ лондонской милиціи, подъ начальствомъ сэра Джемса Гаррингтона. Въ то же время установлены были новые налоги: нижняя палата опредѣлила, чтобъ все королевское серебро, до

(¹) При Типпермюйрѣ, 1 сентября, и на рѣкѣ Ди (Dee), 12 числа того же мѣсяца. — (²) Прокламація писана изъ Чарда, отъ 30 сентября 1644 (Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 715).

того времени хранившееся в Тоуэрѣ, было расплавлено и употреблено на общественныя нужды. Наконецъ, по прибытіи неприятельскаго войска на мѣсто, въ городѣ закрылись лавки, народъ бросился въ церкви и наложено было торжественное молебствіе съ постомъ для испрошенія благословенія Господа на предстоящую битву¹.

Какъ въ лагерѣ, такъ и въ городѣ, ожидали этой битвы со дня на день. Одинъ Эссексъ оставался, печальный и больной, неподвижно въ Лондонѣ, хотя все еще былъ облеченъ властью всеначальника. Получивъ свѣдѣніе, что онъ не ѣдетъ къ войску, палаты поручили комитету отправиться къ нему и повторить ему увѣреніе въ неизмѣнномъ къ нему довѣрїи парламента. Эссексъ благодарилъ комиссаровъ, но не поѣхалъ къ войску². Битва произошла безъ него, 27 октября, въ Ньюбѣри, почти на тѣхъ же самыхъ позиціяхъ, гдѣ, въ прошедшемъ году, по возвращеніи своемъ изъ Глостера, онъ одержалъ такую славную побѣду. Въ отсутствіе его войска ми командовалъ лордъ Манчестеръ. Битва была продолжительна и кровопролитна; въ-особенности солдаты Эссекса показали чудеса храбрости: при видѣ пушекъ, которыхъ они недавно лишились въ Корнваллійскомъ Графствѣ, они бросились на королевскія батареи, овладѣли своими орудіями и съ посторгомъ обнимая ихъ, привезли назадъ. За-то нѣсколько полковъ Манчестера потерпѣло довольно-сильную потерю. Нѣсколько минутъ обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; но на другой день король отказался отъ видовъ своихъ на Лондонъ и началъ отступательное движеніе къ Оксфорду, съ намѣреніемъ стать тамъ на зимнія квартиры³.

Однако парламентъ не дѣлалъ шума изъ своей побѣды; не было совершено даже благодарственнаго молебствія, а на другой день, по полученіи въ Лондонѣ извѣстія о битвѣ, не отмѣнили даже обычнаго ежемѣсячнаго поста для членовъ пар-

(¹) Тамъ же, стр. 719—720 — *Parl. Hist.*, т. III, col. 294, 295, 308. —

(²) Whitelocke, стр. 103. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 295. — (³) Whitelocke, стр. 103, 104. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 226—232. *Mémoires de Ludlow*, т. I, стр. 145—150. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 296. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 721—730.

ламента (30 окт. 1644), какъ-будто не было никакого повода къ радости. Публика дивилась такой холодности. Вскорѣ распространились неблагоприятные слухи: говорили, что побѣда могла быть гораздо-болѣе рѣшительною, но между начальниками господствовало несогласіе; они допустили короля отступить безпрепятственно почти въ виду всего войска, стоявшаго неподвижно, при великолѣпномъ лунномъ свѣтѣ, тогда какъ малѣйшаго движенія съ ихъ стороны достаточно было бы, чтобъ помѣшать этому. Еще хуже было, когда узнали, что король появился въ окрестностяхъ Ньюбѣри, свободно вывелъ свою артиллерію изъ замка Доннингтонъ³, и даже вызывался на вторичную битву, но армія не выходила изъ своей неподвижности. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ; нижняя палата назначила слѣдствіе. Кромвель только и ждалъ этого случая, чтобъ излить свою злобу: «Во всемъ» говорилъ онъ «виноватъ графъ Манчестеръ; со времени побѣды при Марстон-Мурѣ онъ боится побѣждать, боится послѣдняго и рѣшительнаго успѣха; нынѣ, при появленіи короля близъ Ньюбѣри, не было ничего легче, какъ окончательно уничтожить его армію. Я ходилъ къ генералу, показывалъ ему, какъ это можно было сдѣлать, и просилъ позволенія пойти въ атаку съ одной моею бригадою; другіе офицеры наставляли вмѣстѣ со мною на томъ же; онъ рѣшительно отказался и прибавилъ даже, что если намъ и удастся уничтожить армію короля, то король все-таки останется королемъ и скоро найдетъ себѣ другую армію, а мы, послѣ перваго пораженія, будемъ считаться не больше, какъ мятежниками и измѣнниками, безвозвратно-осужденными силою закона». Эти послѣднія слова привели палату въ сильное волненіе: она не могла допустить, чтобъ кто-нибудь сомнѣвался въ законности ея сопротивленія. На другой день, въ верхней палатѣ, Манчестеръ опровергъ эти обвиненія, объяснилъ свои поступки и слова и, въ свою очередь, обвинилъ Кромвеля въ несоблюденіи дисциплины, во лжи, даже въ измѣнѣ или коварствѣ, ибо въ

(¹) 9 ноября 1644. Rushworth, ч. 2, т. II, стр. 720—732. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 234—236.

день битвы, говорилъ онъ, ни Кромвель, ни полкъ его не явились къ назначенному имъ посту. Кромвель не отвѣчалъ на это ничего и возобновилъ свои обвиненія еще съ болѣею силою¹.

Сильное волненіе обнаружилось въ рядахъ пресвитеріантъ; давно уже Кромвель не давалъ имъ покоя. Сначала этотъ человекъ изгнбался передъ Манчестеромъ и льстилъ ему, постоянно восхвалялъ его въ ущербъ Эссексу и мало-по-малу прибрѣлъ надъ его арміею еще большую власть, чѣмъ самъ Манчестеръ. Кромвель сдѣлалъ се убѣжищемъ индипендентовъ, всякаго рода сектаторовъ, столько же враждебныхъ ковенанту, сколько и королю. Фанатическое своеволие господствовало тамъ, подъ его покровительствомъ; всякій говорилъ, моллился, даже произносилъ проповѣди, какъ кому вздумается. Напрасно назначили генерал-майоромъ полковника Скельдона Крафорда (Skeldon Crawford), шотландца и строгаго пресвитеріанца, чтобъ перевѣсить вліяніе Кромвеля: Крафордъ стужалъ только безразсудно обвинить его въ трусости, а Кромвель, безпрестанно наблюдалъ за ошибками своего противника, чернилъ его въ глазахъ солдатъ, обличалъ передъ парламентомъ и народомъ, скоро поставилъ его въ невозможность вредить ему². Ободренный этою удачею и явными успѣхами своей партіи, Кромвель открыто объявилъ себя покровителемъ свободы совѣсти, и даже добился, съ помощью вольнодумцевъ и философовъ, что палаты назначили (13 сент. 1644)³ комитетъ для отысканія средствъ удовлетворить диссидентовъ, или оставить ихъ въ покоѣ. Теперь онъ самъ нападалъ на Манчестера, говорилъ о шотландцахъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ, хвалился, что и безъ нихъ одержитъ побѣду, что даже выгонетъ ихъ изъ Англіи, если они вздумаютъ, въ свою очередь, затруднить его, наконецъ простеръ свою смѣлость

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 732—736. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 297. — *Mémoires de Ludlow*, т. I, стр. 150—152. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 251—254. — *Mémoires de Hollis*, стр. 37. — (²) Baillie, *Letters*, т. II, стр. 40, 41, 42, 49, 57, 60, 66, 69. — *Mémoires de Hollis*, стр. 20—22. — (³) Baillie, *Letters*, т. II, стр. 57, 61. — *Journals of the House of Commons*, 13 сентября.

до того, что сталъ нападать на права короля, на лордовъ, на весь старинный законный порядокъ государства¹. Встревоженные этимъ и раздраженные вожди пресвитеріантъ и умѣренныхъ политиковъ, а также шотландскіе комиссары, Голлизъ, Стэпльтонъ, Меррикъ, Глинниъ и другіе, собрались въ домъ Эссекса, чтобъ подумать, какъ бы избавиться отъ такого опаснаго врага. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, они рѣшились обратиться за совѣтомъ къ Уайтлоку (Whitelocke) и Мейнардъ (Maynard); это были ученые юрисконсульти, пользовавшіеся уваженіемъ въ палатѣ и которыхъ они имѣли основаніе считать расположенными въ пользу ихъ дѣла. За ними отправили посланныхъ отъ имени лорда-генерала почти въ полночь, но не говоря имъ, въ чемъ дѣло. Они явились, нѣсколько-смущенные какъ предметомъ, такъ и позднимъ временемъ и самою формою этого приглашенія. Послѣ нѣсколькихъ учтивостей; лордъ Лоуденъ, канцлеръ Шотландіи, сказалъ имъ: «Господа, вы знаете, что генерал-лейтенантъ Кромвель не принадлежитъ къ числу нашихъ друзей, и что, со времени вступленія нашихъ войскъ въ Англію, онъ употреблялъ все усилія, чтобъ очернить насъ и повредить намъ; вы знаете также, что онъ на столько же нерасположенъ къ его свѣтлости лорду-генералу, котораго и мы и вы имѣемъ столько причинъ уважать; наконецъ, вамъ не безызвѣстно, что, по правиламъ нашего торжественнаго ковенанта, всякаго, кто будетъ играть роль *поджигателя* (incendiary) между двумя королевствами, должно немедленно преслѣдовать судомъ: по законамъ Шотландіи, подъ именемъ *incendiary* разумѣется тотъ, кто сѣетъ раздоры и старается произвести пагубныя смуты. Мы желаемъ узнать отъ васъ, имѣетъ ли слово это такое же значеніе и въ англійскомъ законѣ и заслуживаетъ ли, по мнѣнію вашему, генерал-лейтенантъ Кромвель названія *поджигателя*; если же дѣйствительно заслуживаетъ, то какъ должно поступить съ нимъ?»

Юрисконсульти переглянулись; отъ нихъ ожидали отвѣта.

(¹) Whitelocke, стр. 111. — *Journals of the House of Lords*, 28 ноября 1644. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 253.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Уайтлокъ сказалъ: «Такъ-какъ никто не начинаетъ говорить, то я, въ изъявленіе преданности моей его свѣтлости, попытаюсь почтительно и свободно выразить свое мнѣніе о вопросахъ, такъ ясно-поставленныхъ намъ милордомъ канцлеромъ. Слово *incendiary* (поджигатель) имѣетъ у насъ тотъ же смыслъ, какъ и въ законахъ Шотландіи; но заслуживаетъ ли генерал-лейтенантъ Кромвель такое имя — это можно узнать только тогда, когда будетъ доказано, что онъ дѣйствительно говорилъ или дѣлалъ что-либо клонившееся къ возбужденію раздоровъ между двумя королевствами, или смуть посреди насъ. Навѣрное, ни вы, милордъ генералъ, ни вы, милорды комиссары Шотландіи, облеченные такимъ высокимъ саномъ и властью, не рѣшитесь заводить дѣло и еще менѣе произносить обвиненіе, не будучи заранѣе увѣрены въ успѣхъ. А генерал-лейтенантъ Кромвель человекъ съ умомъ смѣлымъ, гибкимъ, изобрѣтательнымъ; онъ приобрѣлъ, особенно въ послѣднее время, большое вліяніе въ нижней палатѣ; и въ верхней палатѣ у него не будетъ недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ людяхъ довольно-искусныхъ, чтобъ поддержать его. Я не слыхалъ отъ его свѣтлости, ни отъ милорда канцлера и ни отъ кого другаго, да и самъ я не знаю ни одного факта, который могъ бы доказать палатѣ, что Кромвель дѣйствительно поджигатель. А потому я очень сомнѣваюсь, благоразумно ли будетъ обвинить его въ такомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, предварительно слѣдуетъ собрать о немъ всевозможныя свѣдѣнія — тогда, если вы почтете нужнымъ, пригласите насъ вторично: мы скажемъ свое мнѣніе, а вы рѣшите дѣло, какъ вамъ заблагоразсудится».

Мейнардъ говорилъ такъ же, какъ Уайтлокъ, прибавивъ даже, что слово «поджигатель» рѣдко употребляется въ законахъ англійскихъ и можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Голлизъ, Стэпльтонъ, Меррикъ сильно защищали свое предложеніе, говоря, что Кромвель вовсе не имѣетъ въ палатѣ такого вліянія, что они охотно возьмутъ на себя обвинить его передъ ней и привести такіе факты и слова, которые, какъ они говорили, ясно обличаютъ его намѣренія. Но шотландскіе комиссары отказались отъ этой борьбы. Въ

два часа утра, Уайтлокъ и Мейнардъ удалились, и засѣданіе не имѣло никакихъ послѣдствій, кромѣ того только, что побудило Кромвеля дѣйствовать рѣшительнѣе, ибо «какой-то предатель» какъ говоритъ Уайтлокъ (вѣроятно, самъ Уайтлокъ) «извѣстилъ его обо всемъ случившемся¹».

Тогда Эссексъ и друзья его стали искать другаго средства противъ своей болѣзни; всѣ мысли ихъ устремились къ достиженію мира. Палаты никогда не оставляли совершенно безъ вниманія этого вопроса: то какое-нибудь формальное предложеніе вызывало пренія, въ которыхъ судьбу государства рѣшало весьма-небольшое число голосовъ, иногда даже только одинъ голосъ президента²; то посланники, французскій или голландскій, безпрестанно переѣзжавшіе изъ Лондона въ Оксфордъ и изъ Оксфорда въ Лондонъ, предлагали свое посредничество, рѣдко искреннее и всегда отвергаемое, хотя и не безъ затрудненій³. Мира желали такъ многіе, что никто не осмѣлился бы открыто выказать себя его противникомъ, и уже болѣе шести мѣсяцевъ надъ составленіемъ мирныхъ предложеній трудился комитетъ, составленный изъ членовъ обѣихъ палатъ и шотландскихъ комиссаровъ. Вдругъ пресвитеріанская партія начала сильно торопить эту работу; въ-теченіе нѣсколькихъ дней предложенія были представлены палатамъ, обсуждены и приняты (8 полбря)⁴, а 20 ноября, девять комиссаровъ отправились съ ними къ королю. Полагая, что онъ находится въ Уоллингфордѣ, они подъѣхали къ этой крѣпости; ихъ заставили прождать цѣлые два часа передъ воротами, насмѣхаясь надъ ихъ порученіемъ, надъ

(¹) Withelocke, стр. 111. — Wood, *Athenae Oxonienses*, т. II, col. 546. — (²) 29 марта 1644, по поводу предложенія образовать комитетъ для обсужденія посредничества, предлагаемаго посланникомъ Голландіи, нижняя палата раздѣлилась на 64 голоса противъ 64: президентъ объявилъ себя на сторонѣ отрицанія (*Parl. Hist.*, т. III, col. 253). — (³) Посланники Голландіи предлагали посредничество штатовъ 20 марта, 12 июля и 7 ноября 1644; графъ д'Аркуръ, французскій посланникъ, прибывшій въ Лондонъ въ июль 1644, имѣлъ аудіенцію въ парламентѣ 14 августа и оставилъ Англію въ февралѣ 1645 (*Parl. Hist.*, т. III, col. 252, 253, 278, 285, 293, 298, 314. — Clarendon, *Hist. of the rebellion*, т. VI, стр. 317—323). — (⁴) *Parl. Hist.*, т. III, col. 299.

ихъ конвоемъ и свитой; наконецъ комендантъ, полковникъ Блекъ, выпустилъ ихъ и сказалъ, что король уѣхалъ и находится, вѣроятно, въ Оксфордѣ. Они хотѣли-было ночевать въ Уоллингфордѣ, но вскорѣ между Блекомъ и лордомъ Денби (Denbigh), президентомъ комитета, завязался такой горячій споръ, Блекъ говорилъ такъ грубо, а гарнизонъ стоялъ въ такомъ грозномъ положеніи, что они сочли благоразумнымъ немедленно удалиться. На другой день, прибывъ къ Оксфорду, остановились они на небольшомъ холмѣ въ 500 шагахъ отъ города и чрезъ трубача возвѣстили о себѣ губернатору. Прошло нѣсколько часовъ — отвѣта не было. Король, прогуливаясь въ саду, замѣтилъ на холмѣ группу комиссаровъ съ ихъ свитой, спросилъ, что это за люди, и узнавъ, кто они, тотчасъ отправилъ мистера Киллигрью (Killigrew) съ приказаніемъ проводить ихъ въ городъ, отвести имъ помѣщеніе и изъявить его сожалѣніе, что ихъ такъ долго заставили ждать. Когда они проходили по улицамъ Оксфорда подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ кавалеровъ, около нихъ толпилась чернь, осыпала ихъ оскорбленіями и даже бросала въ нихъ каменьями и грязью. Ихъ привели въ гостиницу, оказавшуюся весьма-плохою. Едва успѣли они помѣститься въ ней, какъ услышали неподалеку отъ своей комнаты сильный шумъ. Голлизъ и Уайтлокъ тотчасъ вышли. Въ большой залъ собралось нѣсколько королевскихъ офицеровъ, которые завели ссору съ слугами комиссаровъ, называя ихъ и господъ ихъ *негодлями, измѣнниками, бунтовщиками*, и не допуская ихъ къ камину. Голлизъ схватилъ одного офицера за воротъ и вытолкалъ изъ залы, укоряя за неприличное поведеніе. Уайтлокъ сдѣлалъ то же; двери гостиницы заперли; губернаторъ приставилъ къ нимъ стражу. Вечеромъ къ комиссарамъ явились многіе члены совѣта, между прочими, Гайдъ, извинялись въ происшедшихъ безпорядкахъ и изъявили живѣйшее желаніе содѣйствовать, вмѣстѣ съ ними, заключенію мира, а король приказалъ имъ сказать, что онъ приметъ ихъ на слѣдующій день (24 ноябля) ¹.

(¹) Whitelocke, стр. 107. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 310.

Аудиенція была непродолжительна. Лордъ Денби въ присутствіи министровъ и двора прочелъ вслухъ предложенія парламента; они были такого рода, что король въ настоящемъ своемъ положеніи еще не могъ считать необходимымъ согласиться на нихъ; отъ него требовали передачи власти его въ распоряженіе палатъ и предоставленія ихъ мщенію всей его партіи; между присутствовавшими не разъ поднимался гнѣвный ропотъ. Особенно въ ту минуту, когда лордъ Денби назвалъ находившихся тамъ же принцевъ Роберта и Морица, какъ исключаемыхъ изъ всякой амнистіи, слушатели готовы были разразиться шумнымъ хохотомъ; но строгій видъ короля принудилъ всѣхъ къ молчанію, и онъ терпѣливо и важно прослушалъ чтеніе до конца. Когда оно кончилось, король обратился къ лорду Денби съ вопросомъ: «Уполномочены ли вы вести переговоры?» — «Нѣтъ, государь, намъ поручено только представить вашему величеству предложенія и просить письменнаго на нихъ отвѣта». — «Хорошо, я вамъ доставлю отвѣтъ, какъ только мнѣ будетъ можно». Послѣ этого комиссары возвратились къ себѣ ¹.

Въ тотъ же вечеръ, съ согласія товарищей, Голлизъ и Уайтлокъ посѣтили лорда Линдсея, королевскаго камергера и прежняго ихъ друга, который не могъ быть у нихъ, потому что страдалъ отъ ранъ. Не прошло четверти часа послѣ ихъ прибытія, какъ въ комнату, гдѣ они сидѣли, вошелъ король; обратившись къ комиссарамъ съ благосклоннымъ видомъ, онъ сказалъ:

— Весьма сожалѣю, господа, что вы не привезли съ собою предложеній болѣе-благоразумныхъ.

— Государь, отвѣчалъ Голлизъ: — это тѣ предложенія, какія парламентъ счелъ должнымъ признать, и я надѣюсь, что изъ нихъ можно будетъ извлечь хорошіе результаты.

Король. — Я очень-хорошо знаю, что вы могли передать мнѣ только то, что вамъ поручено; но, признаюсь, нѣкоторыя изъ этихъ предложеній меня чрезвычайно удивляютъ: я увѣренъ, что вы сами не думаете, чтобъ разсудокъ, или честь моя дозволили мнѣ принять ихъ.

(¹) *Parl. Hist.*, т. III, col. 310.

Голлизъ. — Это правда, государь; я желалъ бы, чтобъ эти предложенія были не совсѣмъ то, что они есть; но вашему величеству извѣстно — эти дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Король. — Знаю и очень-увѣренъ, что вы и друзья ваши (не хочу сказать — ваша партія) употребили въ палатѣ всѣ усилія, чтобъ дать дѣлу иной оборотъ, потому-что вы, какъ мнѣ извѣстно, желаете мира.

Уайтлокъ. — Съ этою цѣлью я нѣсколько разъ имѣлъ честь являться къ вашему величеству и глубоко сожалѣю, что до-сихъ-поръ не имѣлъ успѣха.

Король. — Я бы желалъ, м. Уайтлокъ и м. Голлизъ, чтобъ и другіе были одинаковаго мнѣнія съ вами: тогда, вѣроятно, наши разногласія не замедлили бы придти къ счастливой развязкѣ. Вѣдь и я желаю мира, и, въ доказательство искренности этого желанія, а также довѣрія къ обоимъ вамъ, прошу васъ, дайте мнѣ совѣтъ: въ какомъ смыслѣ нужно написать мнѣ отвѣтъ на эти предложенія, такъ чтобъ они повели къ миру.

Голлизъ. — Извините, ваше величество; мы думаемъ, что въ настоящемъ нашемъ положеніи мы не можемъ давать вамъ совѣтовъ.

Уайтлокъ. — Это случай, что мы имѣемъ честь находиться здѣсь, въ присутствіи вашего величества, и возложенныя на насъ порученія не дозволяютъ намъ давать вамъ совѣты въ этомъ дѣлѣ, хотя бы, впрочемъ, мы и были на это способны.

Король. — Что касается вашихъ способностей, я хорошо могу о нихъ судить; но обращаюсь къ вамъ теперь вовсе не какъ къ членамъ парламента, а прошу у васъ мнѣнія, какъ у друзей, какъ у частныхъ людей, вѣрныхъ моихъ подданныхъ.

Голлизъ. — Какъ частные люди, мы очень-свободно дѣйствовали въ-отношеніи къ вашему величеству. Что касается отвѣта, скажу вамъ, государь — лучшимъ отвѣтомъ было бы личное возвращеніе ваше къ намъ.

Король. — Но какъ я могу возвратиться въ Лондонъ, не подвергая себя опасности?

Голлизъ. — Я увѣренъ, что для вашего величества не было бы въ этомъ ни малѣйшей опасности.

Король. — Это еще вопросъ; а я думаю, что господа, которые васъ прислали, хотятъ немедленнаго отвѣта на свое посланіе.

Уайтлокъ. — Самымъ короткимъ, самымъ лучшимъ отвѣтомъ, безъ сомнѣнія, было бы появленіе вашего величества въ своемъ парламентѣ.

Король. — Не будемъ говорить объ этомъ. Позвольте, мистеръ Голлизъ и мистеръ Уайтлокъ, попросить васъ войти въ сосѣднюю комнату: тамъ вы нѣсколько минутъ поговорите между собою и письменно изложите, что, по вашему мнѣнію, мнѣ слѣдуетъ отвѣчать на посланіе. Это всего вѣрнѣе поведетъ впередъ благое дѣло мира.

Голлизъ. — Исполняемъ приказаніе вашего величества.

Они ушли въ указанную имъ комнату и, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, Уайтлокъ написалъ требуемый королевемъ отвѣтъ, но не своимъ почеркомъ; потомъ, оставивъ бумагу на столѣ, друзья возвратились назадъ. Король одинъ вошелъ въ комнату, въ которой они были, взялъ бумагу, вышелъ къ нимъ снова и, поговоривъ очень-любезно съ комиссарами, удалился. Они немедленно ушли къ себѣ, въ гостиницу, не сказавъ своимъ товарищамъ ни слова о происшедшемъ¹.

Черезъ три дня (27 ноября) король потребовалъ къ себѣ комитетъ и, вручая лорду Денби запечатанный пакетъ безъ адреса, сказалъ: «Вотъ мой отвѣтъ; отнесите его тѣмъ, кто прислалъ васъ». Изумленный этою необыкновенною формою и упорнымъ нежеланіемъ короля назвать палаты именемъ парламента, графъ просилъ позволенія удалиться на нѣсколько минутъ съ своими товарищами и подумать о томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать. «Зачѣмъ думать?» сказалъ король: «вы не уполномочены вести переговоры: вы мнѣ это сказали сами; а съ того времени, я знаю, къ вамъ не было никакого курьера». Лордъ Денби настаивалъ на-своёмъ, говоря, что

(¹) Whitelocke, стр. 128. — *Mémoires de Hollis*, стр. 55 и слѣд.

комитетъ найдетъ, быть-можетъ, нужнымъ, представить его величеству нѣкоторыя замѣчанія. «Господа!» съ живостью сказалъ король: «я приму все, что вы имѣете мнѣ сказать отъ Лондона, но не намѣренъ выслушивать фантазій и химеръ, которыя вы станете придумывать здѣсь, въ Оксфордѣ. Позвольте вамъ замѣтить, что вы меня не поймаете». — «Государь» отвѣчалъ графъ «мы не такіе люди, чтобъ ловить кого-нибудь, а тѣмъ менѣе ваше величество». — «Я говорю это не про васъ». — «По-крайней-мѣрѣ позвольте спросить ваше величество, кому адресована эта бумага». — «Это отвѣтъ мой. Я вручаю его вамъ: вы обязаны его принять, даже еслибъ это была пѣсня про Робинъ Гуда». — «Дѣло, которое привело насъ сюда, государь, немного поважнѣе пѣсни». — «Знаю; но, повторяю, вы мнѣ сказали, что не уполномочены вести переговоры. У меня память не хуже вашей: вамъ поручено только передать мнѣ предложенія; всякій почтальионъ исполнилъ бы это не хуже васъ». — «Надѣюсь, ваше величество не принимаете насъ за почтальионовъ». — «Я этого не говорю; но еще разъ повторяю: это мой отвѣтъ; вы должны его взять. Съ моей стороны болѣе ничего не требуется». Съ каждою минутою разговоръ становился болѣе-и-болѣе рѣзокъ. Голлизъ и Пирпойнтъ (Pierpoint) напрасно хотѣли заставить короля сказать, что посланіе его адресовано къ палатамъ парламента. Наконецъ комиссары рѣшились принять его въ той формѣ, какъ оно было имъ вручено, и вышли. Вечеромъ къ нимъ явился м. Эшборнэмъ (Ashburnham), камердинеръ короля. «Его величество вспомнилъ» сказалъ онъ «что, въ минуту горячности, у него вырвалось нѣсколько словъ, которыя могли показаться оскорбительными; онъ приказалъ мнѣ увѣрить васъ, что у него не было намѣренія оскорблять васъ, и онъ желаетъ, чтобъ вы вполне убѣдились въ этомъ». Комиссары выразили почтительную вѣру къ словамъ короля и отправились въ Лондонъ, въ сопровожденіи трубача, которому поручено было принять отвѣтъ парламента на запечатанный пакетъ, отправленный съ ними ¹.

(¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 843. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 309—312, — Whitelocke, стр. 110. Донесеніе лорда Дебни и разсказъ Уайтлока,

Въ пакетѣ не было ничего, кромѣ требованія охранной грамоты для герцога Ричмонда и графа Соутэмптона, съ которыми король общалъ въ непродолжительномъ времени до-ставить отвѣтъ опредѣленный и подробный. Охранный листъ немедленно былъ данъ, и оба лорда, почти тотчасъ по прибытіи (14 дек. 1644), имѣли аудіенцію (16 дек.) Но и они все еще не приносили никакого отвѣта. Официальное порученіе ихъ состояло только въ томъ, чтобъ потребовать открытія конференцій и назначенія съ той и съ другой стороны уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ. Но, исполнивъ это порученіе, они оставались въ Лондонѣ. Пронесся слухъ, что туда стекается множество подозрительныхъ людей; многіе члены палатъ имѣли частыя свиданія съ обоими лордами. Муниципальный совѣтъ, въ которомъ преобладали индепенденты, изъявилъ сильныя опасенія. Тогда лордамъ предложили выѣхать, но они все оставались, подъ ничтожными предлогами. Волненіе возрастало; народныя страсти могли разразиться прежде, чѣмъ интриги партій достигли бы своей цѣли. Побуждаемые даже приверженцами мира, оба лорда возвратились наконецъ въ Оксфордъ (24 дек.), и чрезъ три недѣли послѣ ихъ отъѣзда рѣшено было собраться въ Уксбриджъ (Uxbridge) 40 комиссарамъ: изъ нихъ 23 со стороны парламента обонхъ королевствъ и 17 со стороны короля. Эти комиссары должны были вести правильные переговоры объ условіяхъ мирнаго трактата ¹.

Но въ то время, когда пресвитеріане готовили миръ, индепенденты овладѣвали войною. 9-го декабря собрались члены нижней палаты для обсужденія мѣръ къ облегченію страданій государства. Никто не требовалъ слова; казалось, всѣ ждали какой-то рѣшительной мѣры, но никто не хотѣлъ при-

хотя оба они были очевидцами, представляютъ значительную разницу, что, впрочемъ, объясняется официальнымъ характеромъ перваго изъ этихъ документовъ, очевидно условленнаго между комиссарами, чтобъ онъ былъ таковъ, какой былъ нуженъ палатамъ и сообразенъ съ ихъ положеніемъ (*Parl. Hist.*, т. III, col. 309. — May, *Hist. du Long Parl.*, т. II, стр. 280, примѣч. 1). — (¹) Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 844—846. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 315—320. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 267.

нять на себя ответственности за эту мѣру. Послѣ долгаго молчанія, Кромвель всталъ и сказалъ: «Теперь настало время говорить, или замолчать навсегда. Дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о спасеніи народа, покрытаго ранами, почти умирающаго подъ гнетомъ того жалкаго положенія, до котораго довела его продолжительная война. Если мы не будемъ вести войну съ болѣею энергіею и быстротою, если будемъ дѣйствовать какъ наемники, которые хлопочуть только о томъ, какъ бы протянуть войну, то будемъ въ тягость государству, которое возненавидитъ имя парламента. Чтѣ говорятъ наши враги? Скажу болѣе: чтѣ говорятъ многіе изъ тѣхъ, которые были нашими друзьями во время открытія этого парламента? Они говорятъ, что члены обѣихъ палатъ захватили высшія должности, военныя и гражданскія, что у нихъ въ рукахъ мечъ, что, съ помощью своего вліянія въ парламентѣ и въ арміи, они хотятъ навсегда упрочить за собой власть и не допустятъ прекращенія войны изъ опасенія, чтобъ съ нею не прекратилась и власть ихъ. Тѣ, чтѣ я здѣсь говорю о насъ передъ лицомъ всѣхъ насъ, другіе вездѣ шепчуть у насъ за спиною. Я далекъ отъ личныхъ намековъ; знаю и цѣню достоинства генераловъ, членовъ палатъ, которымъ вѣрено начальство надъ войсками; но, чтобъ выразить все, чтѣ у меня лежитъ на совѣсти, скажу вамъ, что если управленіе арміею не измѣнится, если война не будетъ поведена съ болѣею энергіею, народъ не вынесетъ ее долѣе и вынудитъ васъ заключить постыдный миръ. Совѣтую вамъ благоразумно воздержаться отъ обвиненія военныхъ начальниковъ, отъ жалобъ на нихъ по какому бы то ни было поводу. Я самъ признаю себя виновнымъ во многихъ ошибкахъ и знаю, какъ трудно на войнѣ избѣгать ихъ. Удалимъ всякую мысль о судебномъ дознаніи причинъ недуга, а постараемся отыскать лекарство. Надѣюсь, всякій изъ насъ на столько англичанинъ въ душѣ, что, не колеблясь, рѣшится принести личный свои выгоды въ жертву общему благу и не оскорбится никакимъ рѣшеніемъ парламента». — «Правда» заговорилъ тутъ же другой членъ: «какая бы ни была тому причина, но вотъ совершенно уже два похода, а мы не спасены. Наши побѣды, купленные неоцѣненной кровью, одер-

жанныя такъ блистательно, а, главное, такъ милосердо дарованныя намъ Господомъ, какъ-будто канули въ воду. Чего достигаемъ мы сегодня, того лишаемся завтра; успѣхи лѣта служатъ только предметомъ для разговоровъ зимой; игра кончается вмѣстѣ съ осенью, а весной надо се начинать снова, какъ-будто пролитая кровь назначена только для удобренія поля войны, чтобъ возрастить еще болѣе-обильную жатву сраженій. Я ничего не хочу рѣшать; но раздробленіе нашихъ войскъ на части, подъ начальствомъ разныхъ предводителей, и отсутствіе между ними согласія сильно повредили общему дѣлу». — «Есть одно средство положить конецъ всему злу» сказалъ Заучъ Тэтъ (Zouch Tate), неизвѣстный фанатикъ, которому предложеніе его, несмотря на всю свою важность, не могло доставить извѣстности, «именно: каждый изъ насъ долженъ искренно отречься отъ самого себя. Я предлагаю, чтобъ ни одинъ членъ обѣихъ палатъ въ продолженіе этой войны не могъ исправлять никакой должности, не могъ быть облеченъ никакою гражданскою или военною властью, и чтобъ сдѣлано было парламентское постановленіе въ этомъ смыслѣ¹⁾».

Предложеніе было неново: еще въ прошедшемъ году (12 декабря 1643) была высказана подобная мысль въ верхней палатѣ²⁾, хотя мимоходомъ и безъ послѣдствій; даже недавно еще (14 нояб. 1644)³⁾, конечно, изъ уваженія къ народному крику, нижняя палата назначила слѣдствіе о числѣ и важности всякаго рода должностей, занимаемыхъ членами парламента. Отъ смущенія ли, или съ намѣреніемъ, но пресвитеріане не рѣшились отвергнуть съ-разу предложеніе Тэта, и оно прошло почти безъ возраженій. Но на третій день, когда оно явилось въ формѣ опредѣлительнаго постановленія, возникли жаркія и продолжительныя пренія, возобновлявшіяся четыре раза въ-теченіе восьми дней (11, 14, 17 и 19 декабря). Дѣло, очевидно, клонилось къ тому, чтобъ умѣренныхъ

(¹⁾ Rushworth, ч. 4, т. 1, стр. 3—5. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 326. — Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 258 и слѣд. Его рассказъ, очевидно, не точенъ. — (²⁾ *Parl. Hist.*, т. III, col. 187. — (³⁾ *Journals of the House of Commons*.

политиковъ, пресвитеріанъ, первыхъ вождей революціи, лишитъ исполнительной власти, ограничитъ кругъ дѣйствія ихъ стѣнами вестминстерскихъ залъ и создать армію, чуждую парламенту. Съ каждымъ засѣданіемъ сопротивление становилось все сильнѣе и сильнѣе. Даже нѣкоторыя лица, обыкновенно—щадившія партію индепендентовъ, выказали себя противниками этой мѣры. «Вы знаете» сказалъ, между прочими, Уайтлокъ, «что у грековъ и римлянъ самыя важныя должности, военныя и гражданскія, были ввѣрены сенаторамъ: тогда думали, что эти люди, имѣя съ сенатомъ общіе интересы, будучи свидѣтелями его преній, лучше могутъ понимать общественныя дѣла и не столько подвержены искушеніямъ къ измѣнѣ. Такъ поступали и наши предки: всегда смотрѣли они на членовъ парламента, какъ на людей наиболѣе—способныхъ отправлять важнѣйшія должности. Умоляю васъ, слѣдуйте ихъ примѣру и не лишайте себя добровольно самыхъ вѣрныхъ, самыхъ полезныхъ своихъ слугъ¹». Другіе пошли еще далѣе и явно обличали своихъ противниковъ въ тайномъ честолюбіи. Они сказали: «Говорятъ о самоотреченіи: это будетъ торжество зависти и личнаго интереса²». Но публика мало вѣрила этимъ предсказаніямъ; партія пресвитеріанъ была уже несовременна и утратила свой кредитъ; всякій, кто не принадлежалъ къ ней, безъ сожалѣній видѣлъ ея паденіе. Хотя индепенденты далеко не составляли большинства палаты, но предложеніе ихъ побѣдоносно вышло изъ всѣхъ испытаній. Напрасно друзья Эссекса, дѣлая послѣднюю попытку, требовали для него исключенія: измѣненіе, которое они предлагали, было отвергнуто³. Предложеніе, окончательно принятое, 21 декабря было передано въ палату лордовъ.

Въ этомъ заключалась послѣдняя надежда пресвитеріанъ: собственный интересъ палаты требовалъ, чтобъ она отвергла эту мѣру, которая касалась почти всѣхъ ея членовъ; съ нею теряла палата всю власть, какая у ней оставалась; но это

(¹) Whitelocke, стр. 114. — (²) Тамъ же, стр. 115. — (³) 17 декабря, 160 голосами противъ 93.

же было, въ общественномъ мнѣніи, причиною недовѣрія и слабости. Чтобъ нѣсколько уменьшить дѣйствіе этого мнѣнія, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ единомыслии съ оксфордскимъ дворомъ и предупредить заговоры роялистовъ, всегда готовые повториться, а главное, чтобъ польстить страстямъ пресвитеріанъ, вожди партіи, въ ту самую минуту, какъ они дѣлали попытки остановить революцію, предложили ей разныя уступки и жертвы. Четыре процесса, давно уже начатыя, но оставленные безъ движенія, были возобновлены и пущены въ ходъ: процессъ лорда Мэгира (Macguire), какъ соучастника въ ирландскомъ возстаніи; процессъ обоихъ Готэмовъ (Hotham), отца и сына, хотѣвшихъ сдать королю Гуль; сэра Александра Кэрю (Cary), пытавшагося сдѣлать то же на Островѣ Св. Николая, гдѣ онъ былъ губернаторомъ; наконецъ процессъ Лода, уже начатый, оставленный и нѣсколько разъ возобновлявшійся. Мэгиръ, Готэмы и Кэрю были виновны въ поступкахъ, совершенныхъ недавно, законнымъ образомъ доказанныхъ и могущихъ найти подражателей. Но Лодъ, уже четыре года томившійся въ тюрьмѣ, дряхлый, больной, былъ обвиненъ только въ содѣйствіи деспотизму, уже четыре года назадъ побѣжденному. Точно такъ же, какъ и въ процессѣ Страффорда, Лода невозможно было по закону обвинить въ государственной измѣнѣ; для осужденія его, какъ и Страффорда, *биллемъ уличенія съ измѣны* (bill of attainder), необходимо было согласіе короля; но ненависть богослововъ такъ же изобрѣтательна, какъ и непримирима. Во главѣ обвинителей былъ тотъ самый Преинтъ, надъ которымъ Лодъ произнесъ нѣкогда столь безчеловѣчный приговоръ, и который теперь, въ свою очередь, жаждалъ унижить и раздавить своего врага. Послѣ долгихъ преній, въ которыхъ архіепископъ выказалъ болѣе искусства и благоразумія, чѣмъ отъ него можно было ожидать, простое постановленіе обѣихъ палатъ, составленное на основаніи предложенія только семи лордовъ и незаконное даже по преданіямъ парламентской тирании, было для него смертнымъ приговоромъ¹. Онъ умеръ съ мужествомъ праведника; презрѣніе къ

(¹) По журналамъ верхней палаты, въ день осужденія Лода, засѣдало двадцать лордовъ; но, вѣроятно, большая часть изъ нихъ вышла прежде

своимъ врагамъ и страхъ за будущность короля были единственными чувствами, нарушившими спокойствіе его послѣднихъ минутъ. Другіе процессы имѣли такой же исходъ. Въ теченіе шести недѣль на Тоуэр-Гиллѣ пять разъ воздвигали эшафотъ¹, чего еще не было съ самаго начала революціи². Такой же характеръ имѣли мѣры, принятыя для охраненія общественнаго порядка. За недѣлю до казни Лода (3 янв. 1645), была окончательно уничтожена англиканская литургія, до того времени терпимая; вмѣсто нея, по предложенію собранія богослововъ, парламентъ далъ санкцію³ книгѣ, подъ названіемъ «Наставленія для общественнаго богослуженія». Вожди партіи знали, что это нововведеніе встрѣтитъ сильное сопротивленіе, и мало заботились о его успѣхѣ; но, чтобъ удержать за собою власть, готовую ускользнуть у нихъ изъ рукъ, имъ необходима была опора фанатиковъ—пресвитеріанъ, и они ни въ чемъ имъ болѣе не отказывали. Съ своей стороны, индепенденты употребили всѣ усилія, чтобъ окончательное постановленіе принято было въ верхней палатѣ. Вновь появились прошенія, изъ которыхъ нѣкоторыя даже были исполнены угрозы и требовали, чтобъ лорды и члены нижней палаты засѣдали въ одномъ собраніи⁴. Назначено было торжественное молебствіе съ постомъ (на 18-ое дек.), чтобъ свѣтъ Господень осѣнилъ умы для разрѣшенія этого важнаго дѣла. Въ этотъ день въ Вестминстерѣ проповѣди слушали только члены палатъ, конечно, съ тою цѣлію, чтобъ предоставить болѣе свободы проповѣдникамъ, о выборѣ которыхъ позаботились заранѣе Венъ и Кромвель⁵.

де подачи голосовъ, ибо изъ достовѣрныхъ документовъ видно, что большинство, осудившее его, состояло только изъ графовъ Кента, Пемброка, Сальсбѣри, Болинброка и лордовъ Норта, Грей-Уорка и Брюса (*Somer's Tracts*, т. II, стр. 287). Даже, вполнѣдствіи, лордъ Брюсъ отрекался, что онъ подавалъ голосъ. — (1) Александръ Карью былъ казненъ 23 декабря 1644; Джонъ Готэмъ, сынъ, 1 января 1645; Джонъ Готэмъ, отецъ, 2 января; Лодъ 10 января; лордъ Мэкгиръ 20 февраля. — (2) *State-Trials*, т. IV, col. 315—626, 653—753. — *Parl. Hist.*, т. III, col. 315, 329—332. Whitelocke, стр. 68, 109. — (3) Neal, *Hist. of the Purit.*, т. III, стр. 127. — (4) Rushworth ч. 4, т. I, стр. 5. — Lingard, *Hist. of England*, т. X, стр. 282. — Whitelocke, стр. 114. — (5) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 253 и слѣд.—Whitelocke, стр. 114.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ конференцій и неоднократнаго обмѣна взаимныхъ посланій, нижняя палата, въ полномъ своемъ составѣ, явилась въ верхнюю и потребовала принятія предложенія (13 янв. 1645)¹; но рѣшеніе лордовъ было уже готово, и билль былъ отвергнутъ въ тотъ самый день, въ который послѣдовала эта рѣзкая манифестація.

Велика была, повидимому, побѣда, и самое время казалось благоприятнымъ, чтобъ воспользоваться ею. Приближались дни, назначенные для переговоровъ въ Уксбриджѣ. По настоянію удалившихся изъ Лондона членовъ, открывшихъ въ Оксфордѣ второй періодъ своихъ засѣданій, Карлъ согласился наконецъ (къ концу декабря 1644) называть вестминстерскія палаты именемъ парламента. «Еслибъ въ моемъ совѣтѣ» писалъ онъ къ королевѣ «было хоть два чловѣка одного со мною мнѣнія, я бы никогда не уступилъ²». Въ то же время онъ назначилъ своихъ комиссаровъ³, которые почти всѣ желали мира. Изъ парламентскихъ⁴ только Венъ, Придо (Prideaux) и Сент-Джонъ имѣли другіе виды. 29 января комиссары прибыли въ Уксбриджъ, исполненные надеждъ и доброй воли.

Обѣ стороны встрѣтили другъ друга привѣтливо. Всѣ они давно знали другъ друга; многіе изъ нихъ были даже

(1) *Parl. Hist.*, т. III, col. 333—337. — Rushworth, ч. 4, т. I, стр. 7. — Whitelocke, стр. 118. — (2) Письмо короля къ королевѣ, отъ 2 января 1645. Въ *Историческихъ документахъ*, приложенныхъ къ *Мемуарамъ* Лудло, т. I, стр. 394, въ *Collectino*, г. Гизб. — (3) Это были: герцогъ Ричмондъ, маркизъ Гертфордъ, графы Соутэмптопъ, Кингстонъ и Чичестеръ, лорды Кэплъ, Сеймуръ, Гаттонъ и Кольпеперъ; государственнй секретарь Никласъ, сэръ Эдуардъ Гайдъ, сэръ Эдуардъ Ленъ, сэръ Орландо Бриджмэнъ, сэръ Томасъ Гардинеръ, мистеръ Джонъ Эшбарнэмъ, м. Джеффри Пальмеръ, Д. Стьюартъ и ихъ свита: всего сто-восемь чловѣкъ. — (4) Это были: графы Нортгумберлэндъ, Пемброкъ, Сальсбѣри и Денби, лордъ Уэнмэнъ, мм. Дензилъ Голизъ, Уильямъ Пирпойнтъ, Оливеръ Сент-Джонъ, Уайтлокъ, Джонъ Крю (Crew), Эдмундъ Придо (Prideaux) и сэръ Генри Венъ; со стороны англійскаго парламента: графъ Лоуденъ, маркизъ Арджайль, лорды Метлэндъ и Бальмерино, сэръ Арчибальдъ Джойстонъ, сэръ Чарльзъ Эрекинъ, сэръ Джонъ Смитъ, мм. Джорджъ Дандосъ, Гюгъ Коннеди, Робертъ Беркле и Александръ Гендерсонъ, со стороны шотландскаго парламента, со свитой: всего сто-восемь чловѣкъ.

въ тѣсной дружбѣ прежде этихъ несчастныхъ раздоровъ. Въ самый день своего прибытія, вечеромъ, Гайдъ, Кольпеперъ, Пальмеръ, Уайтлокъ, Голлизъ, Пирпойнтъ запросто обмѣнялись визитами, поздравляя другъ друга съ тѣмъ, что будутъ вмѣстѣ трудиться на пользу мира. Однако въ вестминстерскихъ комиссарахъ замѣтно было болѣе смущенія и скрытности, ибо надъ ними тяготѣло иго болѣе-суроваго и болѣе-подозрительнаго властелина. Переговоры должны были продолжаться двадцать дней; главнымъ предметомъ ихъ должны были служить религія, милиція и Ирландія. Каждый изъ этихъ предметовъ условился обсуживать въ-теченіе трехъ дней, а потомъ, поочередно, подвергать вторичному обсужденію. Пока занимались этими приготовленіями, все было легко; съ обѣихъ сторонъ обнаруживалось полное довѣріе, изысканная вѣжливость. Но когда, наконецъ, уполномоченные сѣли вокругъ четырехугольнаго стола, за которымъ началось (30 янв. 1645) официальное преніе, тогда явились снова всякія затрудненія. У каждой изъ парламентскихъ партій былъ свой главный интересъ, которымъ она нисколько не была расположена жертвовать. Пресвитеріане хотѣли исключительнаго господства своей церкви, политики — начальства надъ милиціей, индепенденты — свободы совѣсти. Чтò же касается короля, то онъ принужденъ былъ уступать всѣмъ, а между-тѣмъ каждая партія дѣлала для него только такія пожертванія, на которыя другія рѣшительно не соглашались. Кромѣ того, та и другая партія рассчитывали, при заключеніи мира, захватить власть въ свои руки, ибо только въ этомъ расчетѣ согласились на переговоры. Прежде всего открыто было совѣщаніе о религіи, но оно скоро приняло характеръ богословскаго пренія; вмѣсто переговоровъ, началась полемика; хлопотали не столько о томъ, чтобъ заключить миръ, сколько о томъ, чтобъ переспорить другъ друга. Мало-по-малу чувство неприязни поселилось въ отношеніяхъ, еще недавно столь благосклонныхъ, и это чувство начало проглядывать даже тогда, когда нѣкоторые уполномоченные пытались дружескимъ разговоромъ устранить возникавшія затрудненія. Изъ числа оксфордскихъ комиссаровъ, Гаиду, какъ человѣку умному и пользовавшемуся довѣріемъ короля, вестминстерскіе комиссары

оказывали особенное уваженіе. Лордъ Лоудентъ, канцлеръ Шотландіи, и графы Пемброкъ и Денби долго и откровенно разговаривали съ нимъ о предстоищихъ опасностяхъ, о пагубныхъ замыслахъ, кипѣвшихъ въ парламентѣ, о необходимости со стороны короля большихъ уступокъ для спасенія государства. Гайдъ охотно выслушивалъ эти представленія; но щекотливое его самолюбіе, суровый и гордый умъ, сухой и насмѣшливый тонъ, надменная честность—все это почти всегда оскорбляло и отталкивало тѣхъ, кто хотѣлъ съ нимъ сблизиться. Малѣйшее обстоятельство вдругъ обнаруживало всю затруднительность положенія и безсиліе миролюбивыхъ стремленій обѣихъ переговаривавшихся сторонъ. Однажды, въ торговый день, въ уксбриджской церкви, въ присутствіи множества народа, нѣкто Лавъ (Love), фанатическій проповѣдникъ, недавно пріѣхавшій изъ Лондона, порицалъ оскорбительнѣйшимъ образомъ роялістовъ и самые переговоры. «Отъ нихъ» говорилъ онъ «ничего нельзя ожидать хорошаго; эти люди пришли изъ Оксфорда съ сердцемъ, жаждущимъ крови; они хотятъ только занять умы народа, чтобъ выиграть время и сдѣлать ему какое-нибудь ужасное зло; отъ этихъ переговоровъ до мира такъ же далеко, какъ отъ неба до ада». Королевскіе комиссары потребовали наказанія этого человѣка, но вестминстерскіе не рѣшились на это и ограничились только удаленіемъ его изъ Уксбриджа¹. Дурные слухи носились объ истинныхъ намѣреніяхъ короля. Правда, говорилъ народъ, онъ уступаетъ желаніямъ своихъ совѣтниковъ, но не хочетъ мира; онъ обѣщаетъ королевѣ ничего не предпринимать безъ ея согласія, и скорѣе старается поддержать въ палатахъ внутренніе раздоры, чѣмъ вступить съ ними въ искреннее соглашеніе. Подозрѣвали даже, что онъ ведетъ тайные переговоры съ ирландскими папистами и хочетъ сдѣлать ихъ своимъ орудіемъ; самыя торжественныя протестаціи его комиссаровъ не могли разсѣять на этотъ счетъ подозрѣній Сити.

Однако срокъ переговоровъ приближался; парламентъ ока-

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 279—316. — Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 848—926. — Whitelocke, *Memorials, etc.*, стр. 123 и слѣд.

зываетъ мало расположенія продлить ихъ долге. Съ огорченіемъ видя, что наступаетъ минута, когда всё разойдется безъ всякаго результата, друзья мира рѣшились сдѣлать послѣднее усиліе (въ половинѣ февраля 1645). Имъ казалось, что какаѣ-либо уступка со стороны короля въ-отношеніи милиціи, какъ, напримѣръ, предложеніе поручить начальство надъ нею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ такимъ лицамъ, изъ которыхъ половина была бы выбрана палатами, не останется безъ благотворнаго дѣйствія. Лордъ Соутэмptonъ поспѣшно отправился въ Оксфордъ къ королю для исхода-тайствованія этой уступки. Сначала Карлъ отказалъ; графъ настаивалъ; къ нему присоединились другіе и на колѣняхъ умоляли его, именемъ его престола и народа, не отвергать этого послѣдняго средства къ продолженію переговоровъ. Наконецъ Карлъ согласился; совѣтники его такъ сильно желали мира, что, на радости, имъ показалось, будто уже всё препятствія устранены. Ферфаксъ и Кромвель были изъ числа тѣхъ комиссаровъ, которымъ король самъ долженъ былъ предложить начальство надъ милиціей. Величайшая веселость царствовала въ этотъ вечеръ за королевскимъ ужиномъ. Король жаловался, что его вино нехорошо. Одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ, смѣясь: «надѣюсь, чрезъ нѣсколько дней ваше величество будете пить лучшее вино въ Гильдгаллѣ, вмѣстѣ съ лордомъ-мэромъ». На другое утро лордъ Соутэмptonъ представился къ королю, чтобъ получить отъ него условенныя письменныя инструкціи; но, къ величайшему его удивленію, Карлъ взялъ назадъ свое слово и рѣшительно отказался отъ предложенной уступки¹.

Причина этой быстрой перемѣны заключалась въ письмѣ Монтроза, пришедшемъ ночью изъ Шотландіи, съ быстротою почти-безпримѣрною. Двѣ недѣли назадъ (2 февр. 1645)², Монтрозъ одержалъ при Инверлочи (Inverloch), въ Графствѣ Арджайль, блистательную побѣду надъ шотландскими

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VII, стр. 316—319.—Welwood, *Memoirs*, стр. 62, 63, изд. 1718 г. — Banks, *A critical Review of the life of Oliver Cromwell* (Лондонъ, 1769, стр. 108—112). — (²) Письмо писано отъ 3 февраля.

войсками, предводимыми самимъ Арджайлемъ. Отдавъ королю отчетъ въ этомъ дѣлѣ, онъ прибавлялъ слѣдующее: «Государь, позвольте мнѣ теперь нижайше выразить вашему величеству свое мнѣніе о томъ, что пишутъ ко мнѣ мои южные друзья, то-есть, чтобъ ваше величество вступили въ переговоры своимъ мятежнымъ парламентомъ. Сколько успѣхи вашего оружія въ Шотландіи радовали мое сердце, столько же это извѣстіе, пришедшее изъ Англіи, поразило его. Въ послѣдній разъ, какъ я имѣлъ честь видѣться съ вашимъ величествомъ, я подробно изложилъ вамъ все, что мнѣ такъ хорошо извѣстно о намѣреніяхъ мятежныхъ вашихъ подданныхъ въ обоихъ королевствахъ. Ваше величество, быть-можетъ, не забыли, на сколько вы тогда были убѣждены въ истинѣ словъ моихъ. Я увѣренъ, что съ того времени не случилось ничего такого, что могло бы измѣнить мнѣніе вашего величества объ этомъ предметѣ. Чѣмъ болѣе вы будете дѣлать уступокъ, тѣмъ болѣе будутъ отъ васъ требовать. Я имѣю слишкомъ-много причинъ быть увѣреннымъ, что они удовольствуются только тогда, когда у вашего величества не останется ничего, кромѣ одного имени короля. Простите мнѣ, августѣйшій монархъ, если осмѣлюсь сказать вашему величеству, что въ глазахъ моихъ не подобаетъ королю вступать въ переговоры съ мятежными подданными, пока у нихъ въ рукахъ оружіе. Сохрани Богъ, чтобъ я имѣлъ намѣреніе сдерживать милосердіе вашего величества; но я ужасаюсь мысли, что дѣло идетъ о мирномъ договорѣ въ то время, когда ваше величество и эти люди вышли другъ противъ друга съ вооруженными силами. Позвольте мнѣ выразить вашему величеству всеподданнѣйшее увѣреніе, что, съ помощью божіею, у меня найдется средство заставить это королевство снова признать вашу власть; и если мѣры, придуманныя мною вмѣстѣ съ другими вѣрными вамъ подданными, увѣнчаются успѣхомъ—въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться—то въ концѣ настоящаго лѣта я буду въ-состояніи прибыть къ вашему величеству на помощь съ храброю арміею; поддерживаемая убѣжденіемъ въ правотѣ вашего дѣла, она, какъ въ Англіи, такъ и въ Шотландіи, подвергнетъ мятежниковъ заслуженному наказанію за ихъ возмущеніе. Когда же подчиню я вашей власти эту страну и покорю все отъ

Дана до Бирзбѣ, тогда позвольте, государь, повторить вашему величеству слова, сказанныя намѣстникомъ царя Давида своему повелителю: «приди самъ, если не хочешь, чтобъ страна эта звалась моимъ именемъ». Всѣми моими дѣйствіями руководить единственно искреннее желаніе славы и добра вашему величеству¹».

Письмо это пробудило въ душѣ короля самыя лучшія его надежды. Менѣе его довѣрчивый, лордъ Соутѣмптонъ пересталъ, однако, настаивать на-своемъ и привезъ въ Уксбриджъ отказъ короля, не объяснивъ причинъ его. Конференціи были прерваны (22 февр. 1645), и вожди пресвитеріанъ возвратились въ Вестминстеръ, глубоко-разстроенные неудачей, подвергавшей ихъ снова всѣмъ опасностямъ ихъ положенія².

Во время ихъ отсутствія положеніе это сдѣлалось еще хуже. Вынужденные, по-крайней-мѣрѣ на это время, оставить билль о самоотреченіи, индепенденты вдругъ со всѣмъ жаромъ ухватились за мѣру, которая должна была сопровождать этотъ билль, т. е. за преобразование арміи. Въ нѣсколько дней все было приготовлено, все придумано, все рѣшено: планъ, форма, издержки, средства къ ихъ покрытію³. Съ-этихъ-поръ должна была существовать только одна армія, числомъ въ 21,000 человекъ, подъ предводительствомъ одного генерала, которому предоставлялось даже право назначать всѣхъ офицеровъ, подъ условіемъ утвержденія ихъ парламентомъ. Билль и человекъ на это мѣсто — Ферфаксъ. Блестящая храбрость, открытый характеръ, удачные походы, воинственный энтузіазмъ, который онъ умѣлъ вдохнуть въ солдатъ — все это уже давно обратило на него всеобщее вниманіе, и Кромвель одобрилъ этотъ выборъ публично въ палатѣ и тайно передъ своей партией. Эссексъ сохранялъ свой титулъ, Уоллеръ и Манчестеръ — свои должности; но у нихъ не оставалось и тѣни власти. 28 января представленъ былъ лордамъ на утвержденіе билль о способахъ исполненія этой мѣры. Они

(¹) Welwood, *Memoirs*, etc., Прибавленіе, стр. 302—308. — (²) Whitelocke, стр. 128. — (³) Новая армія должна была стоить въ мѣсяць 56,135 ф. ст. (около 337,000 р. сер.), разложенныхъ на девятнадцать графствъ (Rushworth, ч. 4, т. 1, стр. 8—13).

старались замедлить по-крайней-мѣрѣ принятіе его, то предлагая въ немъ разныя измѣненія, то съ намѣреніемъ затягивая пренія. Но сопротивляться было трудно: за него стояло общественное мнѣніе, убѣжденное, что настоящею причиною продолжительности и неудачнаго веденія войны была многочисленность армій и ихъ начальниковъ. Сильные этой поддержкой, члены нижней палаты неотступно требовали принятія своего предложенія; лорды принуждены были наконецъ уступить; и билль былъ принятъ 15 февр. 1645, а 19 февраля, за два дня до прекращенія переговоровъ въ Уксбриджъ, Ферфаксъ былъ введенъ въ палату и, стоя возмѣ приготовленнаго для него мѣста, просто и скромно принялъ официальные поздравленія президента¹.

Возвратясь въ Вестминстеръ, вожди пресвитеріанъ стали придумывать, какъ бы имъ поправить свое пораженіе. Верхняя палата горько жаловалась на оскорбительныя, даже угрожавшія рѣчи, недавно противъ нея раздававшіяся, и упоминала также о распространившемся повсюду слухѣ, что нижняя палата замышляетъ уничтоженіе достоинства перовъ. Члены нижней палаты отвѣчали торжественнымъ изъявленіемъ глубокаго уваженія своего къ правамъ лордовъ и твердой рѣшимости поддерживать ихъ². Шотландскіе комиссары выпустили (3 марта), отъ имени ковенанта, желчное, но въ то же время робкое порицаніе палатамъ³. Не стѣсняясь этимъ, члены нижней палаты передали лордамъ новый билль, еще болѣе расширившій власть Ферфакса, и исключили изъ числа его обязанностей одну, о которой до того времени постоянно упоминалось во всѣхъ подобныхъ актахъ, а именно: обязанность «охранять особу короля». Лорды потребовали включенія этихъ словъ (29 марта 1645), но члены нижней палаты не соглашались. «Слова эти» говорили они «только затрудняютъ солдатъ, дозволяя королю становиться во главѣ арміи, никогда не подвергаясь никакой опасности». Лорды не уступали. Три

(¹) Whitelocke, стр. 127, 131. — *Parl. Hist.* т. III, col. 340—344. — Rushworth, ч. 4, т. I, стр. 7—13. — *Mémoires de Hollis*, стр. 40 и слѣд., въ *Collection* г. Гизб.— (²) 24 марта 1645. *Parl. Hist.*, т. III, col. 348—350. — (³) Тамъ же, col. 346.

раза возобновлялись пренія и, несмотря на самыя усердныя старанія нижней палаты, голоса раздѣлились въ верхней поровну¹. Видя дѣло въ такомъ нерѣшительномъ положеніи, члены нижней палаты объявили, что они сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, и что если медленность повлечетъ за собою какое-нибудь бѣдствіе, одни лорды будутъ за это отвѣчать предъ государствомъ². Лорды утомились, наконецъ, борьбою; они не только понимали всю бесполезность этой борьбы, но и предвидѣли близкій конецъ ея. Между-тѣмъ маркизъ Арджайль прибылъ изъ Шотландіи; хотя онъ принадлежалъ къ пресвитеріанамъ по религіознымъ своимъ убѣжденіямъ, но, въ-отношеніи къ политикѣ, склонялся къ болѣе смѣлымъ намѣреніямъ; индепенденты, особенно Венъ и Кромвель, скоро вошли съ нимъ въ тѣсныя сношенія; сверхъ того, онъ не забылъ недавно-нанесенныхъ ему оскорбленій, которыя требовали мести. Человѣкъ съ гибкимъ и глубокимъ умомъ, съ страшною жаждою дѣятельности, онъ обнаруживалъ, однако, болѣе твердости духа въ совѣтѣ, чѣмъ на полѣ брани; недавно онъ смотрѣлъ на битву шотландцевъ и Монтроза съ лодки, находившейся посреди озера Инверлочи, и какъ только увидѣлъ, что его солдаты бѣгутъ по берегу, тотчасъ обратился въ бѣгство³. Съ-тѣхъ-поръ, и въ Шотландіи, и въ Англіи кавалеры отзывались о немъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ: такой позоръ могъ быть смѣть только совершеннымъ униженіемъ ихъ. Онъ употребилъ все свое вліяніе для отклоненія шотландскихъ комиссаровъ и нѣкоторыхъ пресвитеріанскихъ вождей отъ дальнѣйшей оппозиціи не только противъ преобразования арміи, но и противъ билля о самоотреченіи. «Эта оппозиція» говорилъ онъ «болѣзненно отражается на всѣхъ и, рано или поздно, должна будетъ уступитъ необходимости⁴». Эссексъ видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ колебалась твердость его друзей. Рѣшившись самъ предупредить ихъ слабость, онъ объявилъ, что хочетъ подать въ отставку, и 1 апрѣля въ засѣданіи верхней палаты, вставъ

(¹) Тамъ же, col. 350—351. — (²) 31 марта 1645. Тамъ же. — (³) Malcolm Laing, *Hist. of Scotland, etc.*, т. III, стр. 294. — (⁴) Clarendon, *Hist. of the rebell.* т. VIII, стр. 6.

съ мѣста, съ бумагой въ рукѣ, такъ-какъ не имѣлъ дара импровизаціи¹, сказалъ: «Милорды, я принялъ на себя эту важную должность, повинуюсь повелѣніямъ обѣихъ палатъ; я принялъ на себя защиту ихъ правъ оружіемъ. Смѣю сказать, въ-теченіе трехъ лѣтъ служилъ вамъ вѣрно и, надѣюсь, ничѣмъ не запятналъ своей чести и не нанесъ вреда обществу... Появленіе всѣхъ этихъ постановленій показываетъ мнѣ, что нижняя палата желаетъ уволить меня отъ исполненія возложенныхъ на меня обязанностей. Если до-сихъ-поръ я медлил самъ оставить службу, то это было вовсе не изъ личныхъ видовъ, какіе бы ни распускали объ этомъ слухи. Многіе могутъ удостовѣрить, что я хотѣлъ это сдѣлать послѣ освобожденія Глостера, и что только убѣжденія, основанныя, какъ мнѣ говорили, на общемъ благѣ, побудили меня отказаться отъ такого намѣренія. Теперь я исполняю его; должность свою вручаю тѣмъ, изъ чьихъ рукъ ее принялъ, и искренно желаю, чтобъ удаленіе мое дѣйствительно послужило, какъ нѣкоторые ожидаютъ, добрымъ средствомъ противъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ мы страдаемъ. Не думаю, что палаты сочтутъ неумѣстною съ моей стороны гордостью, если я обращусь къ нимъ съ просьбою, чтобъ тѣ изъ моихъ офицеровъ, которые будутъ уволены, получили часть слѣдующихъ имъ недоданныхъ денегъ на содержаніе; остальное пусть будетъ для нихъ обезпечено общественнымъ довѣріемъ... Я знаю, милорды, что, при печальномъ положеніи нашихъ дѣлъ, нельзя избѣжать нѣкотораго взаимнаго недоувѣрія, но полагаю, что какъ благоразуміе, такъ и христіанское человѣколюбіе требуютъ, чтобъ этому недоувѣрію поставлены были какія-нибудь границы, по-крайней-мѣрѣ на столько, чтобъ оно не довело насъ до гибели. Надѣюсь, совѣтъ этотъ съ моей стороны не покажется неприличнымъ: онъ внушенъ мнѣ единственно преданностью парламенту, которому всегда отъ всего сердца буду желать благоденствія, въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни находился. Я не единственный примѣръ участы, которой теперь подвергаюсь²».

(¹) Clarendon, *Hist. of the rebell.*, т. VIII, стр. 7. — (²) *Parl. Hist.*, т. III, col. 352.

Эта рѣчь, столь печальная и исполненная такого достоинства, какъ-будто сняла бремя, тяготѣвшее надъ верхней палатой. Она успѣшила увѣдомить нижнюю палату, что принимаетъ новое постановленіе о преобразованіи арміи безъ измѣненія. Въ ту же минуту графы Денби и Манчестеръ подали въ отставку, по примѣру Эссекса. На такое патриотическое самопожертвованіе обѣ палаты отвѣчали имъ изъявленіемъ благодарности и разными обещаніями. На другой день (3 апр. 1645) безпрепятственно прошелъ въ верхней палатѣ другой билль, о самоотреченіи¹, который хотя и отличался нѣсколько отъ перваго, но имѣлъ тѣ же результаты; и многіе радовались, что, наконецъ, эта борьба, надѣлавшая имъ столько страха, кончилась.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

⁽¹⁾ *Parl. Hist.*, т. III, col. 353, 355. См. *Приложенія* въ концѣ тома.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

(Къ страницѣ 10.)

О ПРИЗНАКАХЪ ДУХА ОППОЗИЦИИ И СВОБОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВА- НІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Въ ноябрѣ 1875 года Петръ Уэнтвортъ, членъ нижней палаты, произнесъ рѣчь въ защиту привилегій палаты, въ особенности свободы слова, и за это былъ арестованъ, по приказанію королевы, и подвергнутъ комитетомъ, составленнымъ изъ членовъ палаты, въ числѣ которыхъ заседали нѣсколько совѣтниковъ короны, нижеслѣдующему допросу. Допросъ этотъ любопытенъ, какъ памятникъ начавшаго тогда обнаруживаться духа независимости и вмѣстѣ невольнаго сочувствія къ поступку обвиненнаго со стороны тѣхъ самыхъ людей, которымъ поручено было наказатъ его.

Президентъ комитета.—Гдѣ ваша послѣдняя рѣчь, которую вы обѣщались передать намъ письменно?

Уэнтвортъ.—Вотъ она. Отдаю вамъ ее на двухъ условіяхъ: во первыхъ, вы рассмотрите ее съ начала до конца, и если найдете въ ней что-либо могущее изобличить меня въ недостатокъ преданности къ государю или государству, я отвѣчаю за нее, какъ еслибъ и ее произнесъ всю въ палатѣ; во вторыхъ, вы сообщите ее королевѣ: если ея величество, или кто-нибудь изъ васъ, членовъ ея государственнаго совѣта, найдетъ въ ней недостатокъ любви къ королевѣ или къ родинѣ, я отвѣтственность беру на себя.

Президентъ.—Намъ предстоитъ заняться только тѣмъ, что вы говорили въ палатѣ.

Уэнтвортъ.—Вы не можете отказатъ мнѣ въ сообщеніи моей рѣчи королевѣ. Я посылаю рѣчь къ ней потому, что въ этой рѣчи положилъ я все мое сердце и всю мою мысль. Я знаю, что королевѣ она будетъ полезна; зло же причинитъ она только мнѣ одному.

Президентъ.—Такъ-какъ вы желаете, чтобъ мы ее передали королеви, мы это сдѣлаемъ.

Уэнтвортъ.—Умоляю васъ сдѣлать это.

(По прочтеніи рѣчи допросъ продолжается.)

Президентъ.—Вы говорите въ ней о нѣкоторыхъ словахъ, которыя, какъ вы слышали, будто-бы говорила сама королева. Отъ кого именно вы это слышали?

Уэнтвортъ.—Если вы спрашиваете меня, какъ совѣтники ея величества, то, извините, я вамъ не отвѣчу; я не нанесу такой обиды палатѣ, къ которой самъ принадлежу. Я не частное лицо, я лицо общественное, совѣтникъ цѣлаго народа и, притомъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имѣю право, по закону, высказывать свободно свою мысль. Вы, какъ совѣтники королевы, не имѣете никакого права спрашивать у меня отчета въ томъ, что я говорилъ въ палатѣ. Итакъ, если вы меня допрашиваете подъ этимъ условіемъ—извините меня, я не стану отвѣчать. Если же вы допрашиваете меня какъ члены комитета, избраннаго палатой, я готовъ отвѣчать, какъ только умѣю.

Президентъ.—Мы васъ спрашиваемъ именемъ палаты.

Уэнтвортъ.—Итакъ, я вамъ буду отвѣчать, и тѣмъ охотнѣе, что, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, мой отвѣтъ неизбежно будетъ неполонъ. Вы меня спрашиваете, гдѣ и отъ кого я слышалъ эти слова. Я ихъ слышалъ въ самой палатѣ, отъ кого — не могу сказать.

Президентъ.—Мы не можемъ принять это за отвѣтъ.

Уэнтвортъ.—Вы должны удовольствоваться этимъ, потому-что лучшаго отвѣта я не могу дать.

Президентъ.—Кажется, вы слышали въ городѣ, что ея величество не любитъ, чтобъ разсуждали о религій, или о наследствѣ престола; вы произнесли рѣчь объ этихъ слухахъ и между-тѣмъ, не хотите сказать, отъ кого про нихъ знаете?

Уэнтвортъ.—Увѣряю васъ, я могу вамъ показать эту рѣчь у себя дома, написанную моею рукою года два или три тому назадъ; слѣдовательно, я ее сочинилъ не по слухамъ, собраннымъ послѣ моего прѣзда въ городъ.

Президентъ.—Таковъ вашъ отвѣтъ. Но кто же распускалъ эти слухи?

Уэнтвортъ.—Если вы думаете, что я только стараюсь оправдаться, то попробую удовлетворить васъ. Свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ, что не могу назвать ни одного человѣка, отъ котораго я слышалъ бы про эти толки; но я достовѣрно слышалъ, какъ о нихъ говорили сто или двѣсти человѣкъ въ палатѣ.

Президентъ.—Изъ такого числа лицъ вы можете же назвать хоть нѣкоторыхъ.

Уэнтвортъ.—Конечно, не могу. Объ этомъ толковали всѣ, и потому въ частности я не замѣтилъ никого—такъ всегда бываетъ. Притомъ

же, еслибъ я и могъ назвать кого-нибудь, все-таки этого бы не сдѣлалъ. Я никогда не скажу, развѣ только безусловная необходимость меня къ тому принудитъ, ничего такого, что бы могло повредить человѣку, а здѣсь, меня ничто къ тому не обязываетъ. Впрочемъ, такъ-какъ я хочу дѣйствовать съ вами вполнѣ-искренно, я, если вы желаете, готовъ поклясться на евангеліи, что не могу назвать никого въ-особенности. Если же вы именемъ вашей власти потребуете, чтобъ я принесъ клятву, я откажусь дать ее, потому-что ни въ чемъ не хочу компрометировать привилегій палаты. Но къ-чему тратить столько словъ? Я вамъ приведу одинъ случай, гдѣ дѣйствительно я слышалъ объ этихъ толкахъ, случай, который васъ удовлетворитъ, и вы согласитесь, что при этомъ обстоятельстве, вы ихъ слышали такъ же, какъ и я.

Президентъ.—Да, это насъ удовлетворитъ. Чтò же это такое?

Уэнтвортъ.—Въ послѣднемъ парламентѣ (1861) одинъ изъ членовъ, который теперь занимаетъ мѣсто президента (Робертъ Белль) и который былъ президентомъ въ послѣднее засѣданіе пышнѣшаго парламента, произнесъ превосходную рѣчь, испрашивая отмены нѣкоторыхъ монополій, дарованныхъ четверымъ придворнымъ, въ ущербъ шести или восьми тысячамъ подданныхъ ея величества. Эта рѣчь не поправилась нѣкоторымъ совѣтникамъ короны, и авторъ ея былъ вызванъ передъ совѣтъ и такъ грубо трактованъ, что воротился въ палату съ лицомъ совершенно-разстроенымъ. Вся палата была до-того поражена этимъ, что въ-теченіе десяти, двѣнадцати, пятнадцати дней никто не осмѣливался возвысить голосъ о предметѣ, имѣющемъ какую-нибудь важность; даже о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ всякій пускался въ длинныя предисловія, умоляя, чтобъ словъ его не перетолковали въ другомъ смыслѣ, что онъ строго заключается въ границахъ своего предмета, и т. п... Со всѣхъ сторонъ тогда повторяли въ палатѣ: «Господа! не говорите противъ монополій: королева разсердится, государственный совѣтъ разсердится.» Я полагаю, всякій изъ васъ такъ же хорошо слышалъ это, какъ и я. Умоляю васъ поступить въ этомъ отношеніи такъ же откровенно, какъ я поступаю.

Президентъ.—Мы это слышали—правда, и въ этомъ отношеніи вы насъ удовлетворили. Но чтò скажете вы о рѣзкомъ толкованіи, которое даете посланію, отправленному въ палату? (Перечитываются нѣкоторыя фразы изъ рѣчи Уэнтворта). Мы не видали, чтобъ посланіе королевы когда-нибудь было представляемо въ такомъ свѣтѣ.

Уэнтвортъ.—Умоляю васъ сказать мнѣ, во-первыхъ, правда ли, что подобное посланіе было адресовано палатѣ?

Президентъ.—Правда.

Уэнтвортъ.—Итакъ надѣюсь, вы засвидѣствуете, что я ничего не выдумалъ. Теперь отвѣчаю, что посланію столь рѣзкому ни одинъ благоразумный человѣкъ въ Англіи не могъ бы при-

думать названія слишкомъ-рѣзкаго. Можно ли адресовать къ собранію, соединенному на служеніе Богу, посланіе болѣе-рѣзкое, и сказать ему: «Не смѣйте стараться о преуспѣяніи служенія божьего?» Я полагаю, что никогда не было посланія болѣе-незаконнаго!

Президентъ.—Вы не имѣете права говорить противъ посланій, потому-что они посылаются только королевой.

Уэнтвортъ.—Если посланіе противно служенію божію, безопасности государя или привилегіямъ палаты, собранной для охраненія государства, я не хочу и не долженъ молчать, потому-что молчаніемъ не исполню долга моей совѣсти. Клянусь вамъ, я глубоко раскаиваюсь, что такъ долго молчалъ въ подобныхъ случаяхъ, и впредь обязуюсь предъ вами, если только Богъ меня не оставитъ, никогда, во всю свою жизнь, не молчать, когда будетъ адресовано палатѣ какое-нибудь посланіе, которое будетъ угрожать забвеніемъ славы божіей, опасностью государю или посягательствомъ на привилегіи парламента, и вы всѣ, здѣсь присутствующіе, должны бы раскаяться въ своемъ молчаніи и отказаться отъ него.

Президентъ.—Отправленіе подобныхъ посланій въ палату отъ государя не есть новость. (Приводить два или три примѣра.)

Уэнтвортъ.—Господи! вы поступаете очень-дурно, ссылаясь на прежнія времена. Вы должны были бы приводить добрые примѣры, чтобъ возбуждать людей на добро, а не дурные, чтобъ направлять ихъ къ злу, поражая ихъ страхомъ.

Президентъ.—Но чего хотѣли вы, относясь такъ рѣзко объ этомъ посланіи?

Уэнтвортъ.—Странно, что вы предлагаете мнѣ такой вопросъ. Не сказалъ ли я, что отзывъ о такомъ рѣзкомъ посланіи никогда не могъ быть слишкомъ-рѣзокъ? не объяснилъ ли я причины тому въ моей рѣчи? Я сказалъ, что этимъ посланіемъ обнаружился гнѣвъ божій на насъ, поелику Богъ попустилъ въ сердце королевы закрасться желанію отвергнуть спасительные законы, единственно предназначенные для того, чтобъ охранять ея жизнь и правленіе. Я сказалъ, что вѣрноподанныхъ это повергло въ горестъ; а всѣ паписты, всѣ измѣнники предъ Богомъ и ея величествомъ, смѣялись про-себя надъ всѣмъ парламентомъ. Не это ли я говорилъ? и вы уже-ли думаете, что это не такъ?

Президентъ.—Съ этимъ надо согласиться. Но какъ вы осмѣлились сказать, что ея величество несправедливо оскорбила дворянство и народъ?

Уэнтвортъ.—Прошу объяснить мнѣ: какой объемъ вы думаете дать этимъ словамъ; можно ли ихъ принять въ иномъ смыслѣ, нежели въ томъ, въ какомъ я ихъ самъ принималъ? Ея величество соввала парламента съ тѣмъ, чтобъ онъ занялся мѣрами къ предотвращенію опасностей, грозившихъ ея особѣ, и только для этого ея величество адресовала намъ два билля, позволяя выбрать

того, который мы признаемъ наиболее-способнымъ обезпечить ея безопасность и общаа сдѣлать его закономъ посредствомъ своей санкціи. Мы выбрали одинъ изъ нихъ: развѣ ея величество не отвергла его? Мы приняли другой: ея величество развѣ и его также не отвергла? Развѣ лордъ, хранитель печати, не говорилъ намъ, при открытіи парламента, что цѣль нашего собранія именно эта? Развѣ ея величество, по окончаніи засѣданій, не отвергла всѣхъ нашихъ трудовъ? Развѣ это неизвѣстно и лицамъ, здѣсь присутствующимъ, и цѣлому парламенту? Заклинаю васъ быть также искренними, какъ и я. Да, дѣйствительно, ея величество несправедливо оскорбила дворянство и народъ.

Президентъ.—Факты, вами приводимые, не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Уэнтвортъ.—Итакъ, потрудитесь сказать мнѣ: правда ли, что образъ дѣйствій королевы въ этомъ случаѣ былъ опасенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ могъ оскорбить самыхъ вѣрныхъ ея подданныхъ, уронить въ нихъ духъ и сдѣлать ихъ менѣе-способными или менѣе-расположенными усердно служить ея величеству на будущее время; во-вторыхъ, онъ долженъ былъ ободрить самыхъ упорныхъ ея враговъ и побудить ихъ на какое-нибудь отчаянное предпріятіе противъ нея самой.

Президентъ.—Правда, можно было ожидать этой двойной опасности.

Уэнтвортъ.—Зачѣмъ же вы спрашиваете меня, какъ я осмѣлился сказать правду и предостеречь королеву отъ такой близкой опасности? Вотъ мой отвѣтъ: благодареніе Господу Богу, я никогда не находилъ въ душѣ своей страха, когда дѣло шло о томъ, чтобъ предохранить королеву отъ враговъ ея. Трепещите всѣ, если хотите. Благодарю Бога за то, что я безтрепетенъ, и надѣюсь никогда не увидѣть день страха. Впрочемъ, клянусь вамъ, что двадцать разъ, или болѣе, прошелся я по своей комнатѣ, обсуживая эту рѣчь въ своемъ умѣ и стараясь укрѣпить себя противъ этого искушенія. Моя робкая мысль говорила мнѣ, что рѣчь эта приведетъ меня въ то мѣсто, куда я теперь иду, и робость убѣждала меня удержаться отъ нея. Но я спросилъ себя: могу ли я, по чистой совѣсти, какъ вѣрный подданный, ради того, чтобъ избѣгнуть тюрьмы, не подать своему государю содѣла въта сойти съ опаснаго пути? Совѣсть сказала мнѣ, что я не буду вѣрнымъ подданнымъ, если буду думать объ опасностяхъ своего государя менѣе, чѣмъ о своихъ собственныхъ. Эта мысль внушила мнѣ смѣлость, и я сдѣлалъ то, что вамъ извѣстно. Впрочемъ, когда я сказалъ въ палатѣ, что никто здѣсь, на землѣ, не непогрѣшителенъ, даже сама наша благородная королева, я остановился, посмотрѣлъ на ваши лица и ясно убѣдился, что слова мои поразили васъ ужасомъ. Тогда я самъ, въ свою очередь, затрепеталъ по сочувствію, и отъ страха медлилъ произнести слѣдующія фразы: вашъ видъ ясно го-

ворилъ мнѣ, что никто изъ васъ не воспротивится отправленію моему въ то мѣсто, которое меня ожидаетъ. Но совѣсть и долгъ честнаго подданаго дали мнѣ силу продолжать; вы слышали. Вотъ почему я говорилъ такъ; благодарю за это Бога; и еслибъ мнѣ пришлось начать снова, я поступилъ бы точно такъ же и съ тѣмъ же намѣреніемъ.

Президентъ.—Правда; но вы могли бы говорить въ выраженіяхъ не столь-рѣзкихъ. Отчего вы этого не сдѣлали?

Уэнтвортъ.—Вы хотите, чтобъ я говорилъ, какъ членъ государственнаго совѣта; чтобъ о такомъ важномъ предметѣ я говорилъ въ выраженіяхъ, которыхъ бы не поняла королева? Я не достигъ бы своей цѣли. Я хотѣлъ служить ея величеству; а подобныя рѣчи не послужили бы ни къ-чему.

Президентъ.—Отвѣтъ вашъ мы признаемъ достаточнымъ.

Уэнтвортъ.—Благодареніе Господу!

Уэнтвортъ кланяется; президентъ, г. Секфордъ, говоритъ:

Г. Уэнтвортъ не хочетъ сознаться, что онъ виноватъ, ни обнаружить хотя бы малѣйшее сожалѣніе о томъ, что онъ говорилъ; отъ него вы не услышите ни слова извиненія.

Уэнтвортъ.—Г. Секфордъ, пока я буду живъ, не соглашусь, чтобъ любить королеву — значило быть виноватымъ; не буду сожалѣть, что я предостерегъ ее отъ опасности. Если вы полагаете, что это преступленіе — говорите вы, г. Секфордъ, а я не могу.

(*Old Parliam. Hist.*, t. IV, p. 200—207, изд. 1763.)

II.

(Къ страницѣ 32.)

ЗАПИСКА, НАЙДЕННАЯ ВЪ ШЛЯПѢ ФЕЛЬТОНА, УБИЙЦЫ ГЕРЦОГА БУККИНГЭМА.

Подлинная записка, найденная въ шляпѣ Фельтона, существуетъ доселѣ; она принадлежитъ г. Эпкотту (Urcott), и Лингардъ обнаружилъ ее съ буквальной точностью. Вотъ она:

«Тотъ позорный трусъ и не заслуживаетъ названія дворянина или воина, кто не готовъ положить жизнь свою за честь своего Бога, своего государя и своего народа. Пусть никто не хвалитъ меня за мой поступокъ; но пусть скорѣе каждый обвиняетъ самъ себя, какъ

бывшій причиной тому, что я сдѣлалъ; ибо еслибъ Богъ, въ наказаніе за наши грѣхи, не отнял у насъ сердца, онъ¹ не остался бы такъ долго ненаказанъ.

«Джонъ Фельтонъ».

(*Lingard's History of England*, t. IX, p. 394.)

III.

(Къ страницѣ 44.)

О ХАРАКТЕРѢ УПРАВЛЕНІЯ СТРАФФОРДА ВЪ ИРЛАНДИИ.

Слѣдующее письмо, адресованное Страффордъ къ его задушевному другу Христофору Уандисфорду, извѣщаетъ его обо всемъ, что онъ сдѣлалъ, чтобъ опровергнуть передъ королемъ и его совѣтомъ введенныя на него обвиненія. « Попрошу » говорить онъ « позволенія оправдаться въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, по поводу которыхъ я былъ недостойнымъ и жестокимъ образомъ оклеветанъ. Я имъ рассказывалъ все, что происходило между мной, графомъ Сент-Альбансъ, Уильмотомъ, Маунтморрисомъ, Пирсомъ, Кросби и гальвейскимъ судомъ присяжныхъ, объяснивъ, что очень-хорошо знаю, какъ эти люди и друзья ихъ старались убѣдить свѣтъ, что я человекъ жестокой и безжалостной, скорѣе какой-нибудь турецкій паша, чѣмъ служитель благочестиваго христіанскаго короля. Между-тѣмъ, если я не ошибаюсь насчетъ самого-себя (сказалъ я), я совсѣмъ не такой человекъ. Никто въ мірѣ не можетъ доказать, чтобъ мой характеръ выказывалъ когда-нибудь подобныя наклоности; ни одинъ изъ моихъ друзей не обвинитъ меня въ томъ въ моей частной жизни; никто не можетъ сказать, чтобъ я былъ слишкомъ-строгъ въ своихъ личныхъ дѣлахъ. Слѣдовательно, если я во всѣхъ этихъ случаяхъ свободенъ отъ подобныхъ упрековъ, то всякій безпристрастный человекъ принужденъ будетъ согласиться, что одна только необходимость, предписываемая службой его величества, могла меня принудить къ строгости въшней и кажущейся—такова была единственная тому причина. Я вѣшалъ корону, церковь и народъ предаанными разграбленію; я не могъ лститься исторгнуть ихъ изъ этого положенія ласковыми взглядами и граціозными улыбками; пужно было воды погорячѣе. Конечно, когда власть устроена и упрочена, можно ее сохранять и поддерживать мѣрами кроткими и умѣренными; но когда королевская власть—да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться—катится въ глубину бездны, то

(¹) Герцогъ Буккингемъ.

польза ее оттуда извлечь, не употребивъ энергій, или поднять на прежнюю высоту иначе, какъ съ крайнимъ напряженіемъ. Правда, я не зналъ иного способа управленія, какъ наказанія и награды; вездѣ, гдѣ встрѣчалъ я человѣка честнаго и вполне-преданнаго служенію моему государю, я подставлялъ свою руку ему подъ-ногу и возвышалъ его въ почетѣ и власти столько, сколько могъ; если же встрѣчалъ человѣка противныхъ свойствъ, не жалъ его въ своихъ объятіяхъ, не ласкалъ его капризовъ; и какъ только онъ становился мнѣ доступенъ, насколько честь и справедливость мнѣ то дозволяли, я поражалъ его твердой рукой; но лишь только онъ измѣнялся, лишь только предавался правительству такъ, какъ былъ долженъ, я также измѣнялъ свою тактику и дѣлалъ ему, какъ и всякому другому, всѣ услуги, какія только были въ моей власти. Если это жестокость, если это строгость, пусть его величество и вы скажете мнѣ прямо, ибо по правдѣ это мнѣ вовсе не казалось такимъ. Впрочемъ, еслибъ его величество разъ объявилъ мнѣ, что онъ не желаетъ такой службы, тогда я охотно буду сообразоваться съ его приказаніями и слѣдовать естественной склонности моего характера, то-есть жить тихо и ни съ кѣмъ не ссориться.

Здѣсь его величество прервалъ меня, говоря, что поведеніе, о которомъ я говорилъ, не есть жестокость, и что онъ желаетъ, чтобъ я продолжалъ дѣйствовать точно такъ же, какъ дѣйствовалъ до-сихъ-поръ; ибо, еслибъ я служилъ ему иначе, я не исполнилъ бы того, чего онъ отъ меня ожидаетъ.

(*Stafford's Letters and Dispatches, t. II, p. 20.*)

IV.

(Къ страницѣ 52).

ПЕНИ, НАЛОЖЕННЫЯ ВЪ ПОЛЬЗУ КАЗНЫ СЪ 1629 ПО 1640 ГОДЪ.

1) Ричардъ Чамберсъ, за отказъ въ платежѣ таможенныхъ пошлинъ, на взиманіе которыхъ не было извѣщено согласіемъ парламента; былъ присужденъ къ уплатѣ пени въ	ф. стер.	2,000.
2) Гиллиардъ, за продажу селитры		5,000.
3) Гуднофъ, за то же самое		1,000.
4) Сэръ Джонъ Мэллереръ, за то, что не хотѣлъ согласиться съ королевскими комиссарами насчетъ титула		2,000.
5) Графъ Сальсбери, за нарушеніе правъ королевскихъ лѣсовъ		20,000.
6) Графъ Уэстморлендъ, тоже		19,000.
7) Лордъ Ньюпортъ, тоже		3,000.

8) Сэръ Кристофъ Гаттонъ, тоже		12,000.
9) Сэръ Льюисъ Уатсонъ, тоже		4,000.
10) Сэръ Антони Коперъ, за обращеніе хлѣбныхъ полей въ луга		4,000.
11) Александръ Лейтонъ, за пасквиль		10,000.
12) Генрихъ Шерфильдъ, за то, что разбилъ нѣсколько расписныхъ оконныхъ стеколъ въ церкви сельсбѣрійской		500.
13) Джонъ Оверманъ и многіе другіе мыльные фабриканты, за нарушеніе королевскихъ повелѣній по предмету производства и продажи мыла		13,000.
14) Джонъ Ри		2,000.
15) Петръ Гернъ и многіе другіе, за вывозъ золота		8,100.
16) Сэръ Дэви Фулисъ, съ сыномъ, за непочтительныя рѣчи о сѣверномъ судѣ		5,500.
17) Прейншъ, за пасквиль		5,000.
18) Бакнеръ, цензоръ, за позволеніе книги Прейнша		50.
19) Мичель Спарксъ, типографщикъ, за напечатаніе той же книги		500.
20) Аллисонъ и Робинсъ, за дурныя рѣчи насчетъ архіепископа Лола		2,000.
21) Баствикъ, за пасквиль		1,000.
22) Прейншъ, Боргонъ и Баствикъ, за пасквили		15,000.
23) Слуга Прейнша, за то же		1,000.
24) Вайеръ, за рѣчи противъ Лола		3,000.
25) Юмэпсъ и Рейтъ, за дурную окраску шелковыхъ матерій		5,000.
26) Соведакъ, Уэльданъ и Боргонъ, за дурныя рѣчи противъ лорда Фокленда, лорда-намѣстника Ирландіи		3,500.
27) Гренвилъ, за дурныя рѣчи о графѣ Соффолькѣ		4,000.
28) Фэверсъ, тоже		1,000.
29) Морлей, за то, что оскорбилъ и ударилъ сэра Джорджа Теобальда въ стѣнахъ дворца		1,000.
30) Уильямсъ, епископъ линкольскій, за дурныя рѣчи о Лодѣ		10,000.
31) Бернгардъ, за то, что проповѣдывалъ противъ употребленія распатій		1,000.
32) Смартъ, за то, что проповѣдывалъ противъ церковныхъ нововведеній доктора Козенса, и т. д.		500.

Итого 164,650.

Всего-на-все 164,650 ф. стер. или около 987,900 руб. серебромъ. Списокъ этотъ далеко неполонъ; можно было бы извлечь изъ Рушворта (t I. и II) множество другихъ случаевъ, которые бы составили значительную сумму.

(Къ страницѣ 82).

ИНСТРУКЦІЯ КОРОЛЯ МАРКИЗУ ГАМИЛЬТОНУ НА СЧЕТЪ СОБРА-
НІЯ ДУХОВНЫХЪ ЛИЦЪ ВЪ ГЛАСГОУ, ВЪ 1638 ГОДУ.

Король писалъ къ Гамилтону:

«Что касается этого генеральнаго собранія, то хотя я и не жду отъ него никакого добра, однако надѣюсь, что вы помѣшаете большому злу, во первыхъ, если возбудите между нихъ пренія насчетъ законности ихъ выборовъ, во вторыхъ, если станете протестовать противъ ихъ неправильныхъ и насильственныхъ дѣйствій».

И въ другомъ мѣстѣ:

«Я вовсе не одобряю мнѣнія тѣхъ прелатовъ, которые полагаютъ, что нужно отерочить это собраніе. Не давая ему вовсе составиться, и бы сдѣлалъ больше вреда своей репутаціи, чѣмъ сколько его безразсудныя дѣйствія могутъ повредить мнѣ пользамъ. Итакъ повѣляю вамъ открыть оное въ назначенный день. Но если бы вы могли, какъ вы о томъ меня извѣщаете, распустить его, подлѣ предложомъ какой-нибудь ничтожной неправильности въ его дѣйствіяхъ, то ничего лучшаго желая было бы и желать».

(Burnet, *Memoirs of the Hamiltons*, p. 82, 88).

(Къ страницѣ 128.)

1. ИНСТРУКЦІИ, ПОСЛАННЫЯ КЪ Г. ДЕ-МОНТРЕЙЛЬ КАРДИНА-
ЛОМЪ РИШЛЬЕ.

Парижъ, 22 февраля 1644.

Надобно сказать Форстеру и дать знать Монтрейлю, что не только король приметъ свою сестру-королеву во Францію, въ случаѣ, если

(1) Это приложеніе заключаетъ въ себѣ дипломатическія бумаги, писанныя, въ подлинникѣ стариннымъ французскимъ языкомъ, длинными, тяжелыми періодами. Мы не считали себя въ правѣ отступать отъ конструкции подлинника и придавать дѣловымъ бумагамъ литературный характеръ. *Прим. перса.*

состояніе ея здоровья заставитъ ее предпринять это путешествіе, но что онъ будетъ очень-огорченъ, если она не приѣдетъ. Однакожь, такъ-какъ эти чувства внушаетъ ему любовь къ великобританской королевѣ, то, принимая участіе въ ея интересахъ, его величество не можетъ не сказать ей, что она должна беречься, чтобъ ея путешествіе во Францію не было нестати по ходу настоящихъ дѣлъ; что, въ подобныхъ случаяхъ, кто бросаетъ игру, тотъ проигрываетъ; что удаленіе ея изъ Англіи неминуемо повлечетъ за собою паденіе католиковъ, а, быть-можетъ, и ея собственную погибель, а также погибель ея мужа-короля и дѣтей ея; что въ великихъ перемѣнахъ, подобныхъ тѣмъ, какія теперь въ Англіи, надобно бояться, чтобъ дѣло не дошло до послѣднихъ крайностей, которыхъ послѣ ничѣмъ не поправишь; что королева должна немного потерпѣть, пока недугъ, которымъ она одержима, станетъ ослабѣвать, и тогда можетъ повести ее къ совершенному исцѣленію то самое, что теперь усилило бы ея болѣзнь; словомъ, что король, находитъ мысль объ этомъ путешествіи столь небезопасною для королевы, что считаетъ обязанностью своею передъ Богомъ предупредить ее объ этомъ.

2. ИЗВЛЕЧЕНЕ ИЗЪ ПИСЬМА Г. ДЕ-МОНТРЕЙЛЬ.

Лондонъ, 21 марта 1644.

...Королева великобританская уже не скрываетъ отъ своихъ приближенныхъ того впечатлѣнія, какое произвелъ на нее отвѣтъ, полученный ею изъ Франціи насчетъ намѣренія ея отправиться туда. Она говоритъ даже, что не захотѣла бы искупить свою жизнь путешествіемъ въ эти края, если бы не имѣла въ виду, что короли Англіи могутъ имѣть на это государство нѣкоторыя претензіи.

3. ОТЪ Г. ДЕ-МОНТРЕЙЛЬ Е. С. КАРДИНАЛУ РИШЛЬЕ.

Лондонъ, 25 мая 1644.

М. Г.

Въ распространившихся слухахъ, будто Франція вооружается противъ Англіи, я находилъ такъ мало основанія, что не думалъ, чтобъ они могли найтись вѣру между людьми болѣе-робкими и менѣе-разсудительными; однакожь эти слухи такъ усилились, что въ пятницу, 17 мая, г. Пеймъ далъ знать верхней палатѣ, отъ имени нижней, что, разобравъ намѣренія бѣжавшихъ, они нашли, будто эти люди не только хотятъ употребить англійскую армію противъ Англіи, или поднять новыя силы въ странѣ, чтобъ разрушить ея свободу и освободить намѣстника Ирландіи, но что есть весьма-сильныя доказательства,

намѣреніи ихъ воспользоваться чужеземнымъ оружіемъ и ввести французскую армію въ эту страну. Въслѣдствіе этого, онъ просилъ, чтобъ отправили нѣсколько лицъ изъ обѣихъ палатъ парламента, дабы овладѣть мѣстомъ, гдѣ эта армія должна высадиться, и чтобъ даны были необходимыя приказанія, дабы держать милицію сосѣднихъ провинцій въ готовности выйти въ поле по первому повелѣнію, что и было тотчасъ исполнено, и виконтъ Мандевилъ, съ кавалерами Клотуэрты (Clotworthy) и Стэнльтономъ были отправлены въ тотъ же вечеръ.

Хотѣлъ ли парламентъ воспользоваться этимъ слухомъ, которому придворные великобританской королевы и англійскіе католики весьма способствовали, чтобъ имѣть предлогъ къ вооруженію страны, дабы привести великобританскаго короля въ необходимость утвердить билль парламента противъ ирландскаго намѣстника, который въ тотъ же вечеръ внеслъ былъ въ верхнюю палату, и дабы, отнявъ у него силу, отнять и у короля желаніе удержатъ его; или и въ-самомъ-дѣлѣ они считали дѣйствительнымъ то, что находили не невозможнымъ — какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что этотъ слухъ увеличивался все болѣе-и-болѣе, и въ субботу утромъ уже говорили публично, что подозрѣніе предшествующихъ дней подтвердилось, и что армія, которой прибытія опасались, уже овладѣла островомъ Джерзей и Гернзей. Около десяти часовъ я получилъ отъ своихъ пріятелей три или четыре записки, въ которыхъ они увѣдомляли меня, что это считается вѣрнымъ, и просили меня или бѣжать, если порты не заперты, или удалиться куда-нибудь, если заперты; что королева великобританская собирается бѣжать. Я нашелъ этотъ совѣтъ безчестнымъ, и, полагаясь на доброту и мудрость короля и е. с. кардинала, и на собственную свою совѣсть, побѣждалъ тотчасъ во дворцѣ, гдѣ нашелъ гораздо-большее смѣтеніе, нежели какъ мнѣ говорили: всѣ придворные королевы забирали съ собой все, что у нихъ было наиболѣе драгоценнаго, и экипажи этой государыни дожидались у подъезда, будто бы для того, чтобъ везти ее въ Уильмингтонъ, а на-самомъ-дѣлѣ въ Портсмутъ, и я узналъ, что она приняла это намѣреніе потому, что ее напугали, что, въслѣдствіе распространившихся слуховъ, хотѣтъ овладѣть ея особой и особой короля, ея мужа, въ случаѣ, если онъ откажется подтвердить билль противъ намѣстника Ирландіи. Я пошелъ къ е. с. епископу англійскому и объяснилъ ему вредъ, который причинила себѣ сказанная госпожа королева, потому-что бѣгство можетъ только ускорить зло, котораго она боится, и довести ихъ до исполненія такого предпріятія, о которомъ они дотогѣ и помыслить не осмѣлились бы; притомъ же, нѣтъ возможности предположить, чтобъ ея отбѣздъ могъ совершиться тайно, ибо онъ дѣлается среди бѣла-дня и о немъ сообщено столь многимъ, или совершится такъ быстро, чтобъ она спаслась, ибо въ свѣтѣ у нея такое множество народа и она везетъ съ собой столько поклажи,

притомъ же надобно обратить вниманіе и еще на двѣ вещи, именно: неувѣренность, что Портсмутъ станетъ за нее, и опасность, которой она подвергнетъ тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые останутся, и всѣхъ живущихъ здѣсь католиковъ. Епископъ англійскій, который, въпродолженіе всѣхъ этихъ безпорядковъ, дѣйствовалъ съ крайнимъ благоразуміемъ, объяснилъ мнѣ, что онъ находится въ такихъ же чувствахъ, но что королева великобританская, при всей ихъ основательности, едва-ли послушаетъ ихъ. Впрочемъ, онъ сказалъ мнѣ, что найдетъ средство высказать ихъ, и присоветовалъ мнѣ сходитъ къ отцу Филиппу и къ нѣкоторымъ изъ ея женщинъ, чтобъ уговорить ихъ сдѣлать то же и попытаться общими силами достигнуть того, чего они, быть-можетъ, не могли бы добиться отдѣльно. Я сдѣлалъ, что онъ мнѣ предложилъ, и, кромѣ-того, сказалъ отцу Филиппу, что прошу его узнать отъ великобританской королевы: не прикажетъ ли она чего-либо мнѣ въпродолженіе этихъ безпорядковъ, и увѣрить ее, что король принимаетъ живѣйшее участіе въ ея огорченіи. Что же касается настоящаго ея намѣренія, то онъ, какъ болѣе всѣхъ другихъ имѣющій вліяніе на умъ этой государыни, болѣе всякаго другаго обязанъ отклонять ее отъ рѣшенія, столь для нея гибельнаго, что, еслибъ я не боялся возбудить новылъ подозрѣнія въ лицахъ чрезвычайно-ревнивыхъ, то бросился бы къ ногамъ сказанной госпожи королевы и сталъ бы умолять ее именемъ короля, ея брата, не уязвлять. Отецъ Филиппъ далъ мнѣ такой отвѣтъ: что едва-ли есть возможность отклонить королеву отъ ея намѣренія; что вліятельные люди, которые подвергались, оставаясь въ Англии, и что его сочтутъ виновникомъ всего зла, какое бы случилось съ ней въ Лондонѣ. Его слова заставили меня думать, что онъ не менѣе другихъ принималъ участія въ рѣшеніи этой государыни. Не знаю, подѣйствовало ли все это на умъ этой государыни, но я узналъ въ полдень, что она измѣнила свое намѣреніе, и очень-счастлива для себя, ибо чрезъ два часа она узнала, что полковникъ Горингъ извѣстилъ парламентъ обо всемъ происходившемъ, и это бѣгство сильно повредило бы ея репутаціи, какъ вы можете судить объ этомъ по тому, что говорили послѣ, и довольно-легко, именно: что эта государыня была совершенно готова оставить короля, своего мужа, и послѣдовать за г. Джерминомъ. Передаю в. с. вещи, которыя приведутъ васъ въ удивленіе; но все это совершенно сообразно съ тѣмъ, что говорилось, и я не только не преувеличиваю, а скорѣе уменьшаю.

Со вчерашняго дня я думаю о томъ, какъ долженъ дѣйствовать, чтобъ подавить распространившійся слухъ о великихъ вооруженіяхъ, готовящихся во Франціи для войны съ Англіей. Сначала я хотѣлъ просить аудіенціи у обѣихъ палатъ, чтобъ представить, что въ этомъ нѣтъ даже подобія истины; но потомъ разсудилъ, что приличнѣе вы-

брать другой путь, по двумъ разнымъ причинамъ: вопервыхъ, чтобъ они не вообразили себѣ, что это скорѣе апологія въ пользу великобританской королевы и тѣхъ, кого обвиняли въ желаніи ввести эту армію въ Англію, нежели объясненіе со стороны Франціи; а во вторыхъ, чтобъ они не забрали себѣ въ голову, что мы слишкомъ боимся разсердить ихъ: эти народы очень-склонны воображать себѣ такія вещи. Такимъ-образомъ я ограничился тѣмъ, что поговорилъ съ немногими изъ членовъ обѣихъ палатъ, имѣющими въ нихъ болѣе кредита, и съ которыми я болѣе друженъ. Я представилъ имъ, какъ невѣроятно, чтобъ лица, знающія настоящее положеніе дѣлъ, вообразили себѣ, что король захочетъ оставить въ покоѣ австрійскій домъ въ такое время, когда такъ много причинъ думать, что онъ можетъ заставить его слушаться, чтобъ сдѣлать себѣ новыхъ враговъ, и что онъ захочетъ разрыва съ парламентомъ и цѣлымъ союзнымъ государствомъ, чтобъ спасти ирландскаго намѣстника, который, какъ извѣстно, былъ очень-близокъ къ Испаніи и мало расположенъ къ Франціи; что я знаю, что когда великобританскій король имѣлъ еще партію въ Англіи и два королевства были разъединены, король (французскій) не захотѣлъ даже слушать предложеній, которыя могли бы нѣкоторымъ образомъ ослабить союзъ двухъ государствъ; я довольствовался общими выраженіями въ этомъ смыслѣ, не пускаясь въ дальнѣйшія объясненія, что весьма-невѣроятно, чтобъ онъ внялъ намѣреніямъ такого свойства въ то время, когда дѣла короля великобританскаго находятся въ отчаянномъ положеніи; что дѣйствительно есть армія на границахъ Фландріи и флотъ на берегахъ Бретани; но всѣмъ извѣстно, что послѣдній назначается для защиты Португаліи, а первый—для нападенія на Фландрію.

Я началъ внушать эти чувствованія съ вечера пятницы; и такъ-какъ въ этотъ день мнѣ не удалось встрѣтить графа Голланда, то я пошелъ къ нему въ субботу, лишь только было отмѣнено королевой Великобританіи намѣреніе ѣхать, и сказавъ ему то же, что я говорилъ другимъ, прибавилъ, что обращаюсь къ нему, какъ къ человеку, которому болѣе всякаго другаго извѣстно желаніе короля и е. с. кардинала поддержать между двумя государствами тѣсный союзъ и доброе согласіе, и ихъ усилія воспрепятствовать его разрыву или охлажденію; что онъ знаетъ, что путешествіе великобританской королевы было отмѣнено въ тѣхъ видахъ, что черезъ нѣсколько дней долженъ прибыть сюда посланникъ, который подтвердитъ еще сильнѣе то, что я ему говорю; что, между-тѣмъ, я прошу его поговорить объ этомъ своимъ друзьямъ, а также представить отъ меня и членамъ парламента, когда они соберутся вмѣстѣ, и дать имъ знать, что я здѣсь затѣмъ, чтобъ отвѣчать за всякое зло, могущее произойти; это я счелъ умѣстнымъ заставить повторять публично, чтобъ увѣрить всѣхъ находящихся здѣсь французовъ. Это доставило большое удовольствіе гг. парламентскимъ и много способствовало къ то-

му, что наши не подверглись никакимъ оскорбленіямъ, такъ-какъ этотъ ложный слухъ почти въ то же время исчезъ.

Вотъ, в. с., какъ я велъ себя въ продолженіе этихъ безпорядковъ. Почту себя весьма-счастливымъ, если вы сдѣлаете мнѣ честь одобрить то, что я дѣлалъ, поступая, какъ, по крайнему разумнѣю моему, предписывалъ мнѣ долгъ мой. Длиннота этой депеши обязываетъ меня сообщить вамъ какъ-можно-короче о томъ, что случилось еще послѣ послѣдней моей депеши, чтобъ найти средство быть точнымъ, не будучи въ то же время скучнымъ.

(Французскіе архивы иностранныхъ дѣлъ.)

VII.

(Къ страницѣ 187.)

1. ОТЪ МАРКИЗА ДЕ-ЛА-ФЕРТЕ-ЭМБО, ГОСПОДИНУ . . . , ВЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Лондонъ, 12 декабря 1641.

М. Г.

Король великобританскій вступилъ въ Лондонъ (въ четвергъ 23 ноября (3 декабря) 1641), какъ я уведомлялъ васъ предидущимъ письмомъ, а въ пятницу я имѣлъ публичную аудіенцію прежде всѣхъ другихъ посланниковъ. Испанскій посланникъ получилъ ее въ субботу, португальскій въ воскресенье, венеціанскій въ понедѣльникъ. Во время своей аудіенціи и прежде всего объяснилъ великобританскому королю удовольствіе его величества, которое доставила ему вѣсть о благополучномъ окончаніи его путешествія и о томъ, какъ онъ даровалъ миръ своимъ королевствамъ шотландскому и англійскому. Потомъ я сказалъ ему, что когда я просилъ у него, отъ имени короля, моего повелителя, позволенія сдѣлать наборъ между его подданными, онъ далъ мнѣ его съ изъявленіемъ такого расположенія, что этимъ очень обязалъ его величество и что теперь, узнавъ о возмущеніи въ Ирландіи, онъ предлагаетъ ему свою помощь, если она нужна. Его британское величество поблагодарилъ меня и сказалъ, что теперь Шотландія и Англія спокойны; что же касается до Ирландіи, то тамъ дѣйствительно есть нѣкоторое возмущеніе, но оно очень-значительно, потому-что его не поддерживаетъ никто изъ порядочныхъ людей, и онъ надѣется, что въ скоромъ времени все это успокоится; а, впрочемъ, онъ увѣряетъ меня, что чувствуетъ себя

весьма-обязаннымъ королю, своему брату, и что, во-всякомъ-случаѣ, онъ можетъ располагать всѣмъ, что отъ него зависитъ. Прежде свиданія съ королевемъ, я сондировалъ умы моихъ парламентскихъ пріятелей, чтобъ видѣть, пріятны ли имъ эти предложенія и не заподозрять ли они ихъ какимъ-нибудь образомъ; однакожь, совершенно напротивъ, они упрасивали меня о приведеніи ихъ въ исполненіе, а послѣ того, какъ я увидѣлся съ королевемъ великобританіи, они выразили мнѣ чувство своей признательности.

Послѣ моей аудіенціи, его британское величество пошелъ къ королевѣ, а я былъ введенъ туда же г. Жербье, который хотѣлъ пойти впередъ, чтобъ увѣдомить ее, что я пришелъ, чтобъ имѣть честь представиться ей. Графъ Дорсетъ и поминутый Жербье извѣстили меня, что королева сейчасъ выйдетъ. Я прождалъ цѣлые полчаса, а потомъ мнѣ сказали, что она уѣхала. Правда, я не просилъ у ней аудіенціи, и, можетъ-быть, она не знала объ этомъ, по-крайней-мѣрѣ, она такъ говорила. Г. де-Вандомъ былъ вчера у меня и сказалъ, что король и королева говорили ему, что это вина графа Дорсетъ, что королева не знала, что я тутъ и что, при первомъ свиданіи, она извинится передо мною. Я не покажу ей ни малѣйшаго вида неудовольствія; а если она заговоритъ со мной, то объясню, что я хотѣлъ передать ей то, что говорилъ королю Великобританіи, что я никакъ не думаю, чтобъ она нарочно не захотѣла меня видѣть, когда бы я имѣлъ честь быть у ней отъ имени короля, и что я приходилъ къ ней на этотъ разъ не какъ посланникъ, а какъ ея покорнѣйшій слуга.

Г. де-Вандомъ увѣдомилъ меня, что ихъ британскія величества рѣшились предложить мнѣ вмѣшаться, отъ имени короля, въ ихъ сдѣлку съ парламентомъ, не находя, кромѣ этого пути, никакого выхода изъ замѣшательства, въ какомъ находятся дѣла. Я отвѣчалъ ему, что нѣсколько разъ предлагалъ королевѣ свои услуги съ этою цѣлью, но она никогда не желала этого; что я всегда, какъ только она мнѣ прикажетъ, буду дѣйствовать какъ ея покорнѣйшій слуга; что въ то время, когда я ей говорилъ объ этомъ, дѣло было гораздо легче, а со времени возвращенія его британскаго величества, они такъ сильно презирали всѣхъ лордовъ парламента и всю нижнюю палату, что, дабы спастись отъ зла, которое видимо хотѣли имъ сдѣлать, они соединились и стараются, съ помощью законовъ королевства, воспрепятствовать, чтобъ имъ могли вредить; что, напротивъ, ихъ британскія величества приняли всю другую партію, то-есть испанскую, съ такимъ одобреніемъ и съ изъявленіемъ такого удовольствія, что я опасюсь, что господа парламентскіе не могутъ оставить своего недовѣрія, пока они будутъ видѣть дѣла въ такомъ положеніи и пока эта партія, имъ враждебная, будетъ имѣть кредитъ у ихъ величествъ; что я увѣренъ, что еслибъ королева захотѣла принять интересы Франціи и оставить интересы Испаніи, то король и

даже эти господа, на которыхъ она жалуется, склонились бы на все, что можетъ послужить къ ея удовольствію.

Мнѣніе г. де-Вандома таково, что необходимо, чтобъ ихъ британскія величества дали мнѣ слово разорвать связи съ Испаніей, если я буду стараться о сдѣлкѣ и достигну этой цѣли. Я ничего не отвѣчалъ ему на это; но я противнаго мнѣнія, и думаю, что они должны сдѣлать разрывъ прежде, нежели я облян парламентскихъ желать того же, показавъ имъ, что для нихъ не будетъ безопасности, пока эти испанскіе фавориты будутъ въ силѣ. Нужда тѣхъ и другихъ не терпитъ отлагательства, и со всѣхъ сторонъ они теперь въ крайности.

Въ-теченіе десяти дней, съ той или другой изъ этихъ партій непременно случится какое-нибудь несчастіе, ибо обѣ онѣ дѣлаютъ все, что только могутъ, для своей гибели. Та, къ которой я обращаюсь, была до этой минуты сильнѣйшею. Прибытіе великобританскаго короля усилило другую. Надѣюсь, что это не помѣшаетъ ей удержаться. Епископъ линкольскій, графъ Бристоль и его сынъ хотѣли меня поссорить съ королевемъ, королевой и парламентомъ и распустили слухъ, что я предлагалъ великобританскому королю двадцать тысячъ человѣкъ, для усмиренія англичанъ. Это не подѣйствовало, потому-что лордъ Голландъ былъ въ послѣдній разъ тамъ, когда я съ нимъ говорилъ; а парламентъ, напротивъ, говорилъ громко, что я дѣйствіями своими ясно показываю, что Франція вовсе не хочетъ соорить это государство, ибо предлагаетъ силы для того, чтобъ наказать тѣхъ, кого поджигаетъ испанская партія и кто причиняетъ всѣ смуты.

Черезъ два дня должны прибыть шотландскіе депутаты. Мнѣ говорили, что когда они пріѣдутъ, то парламентъ соединится съ ними, чтобъ трактовать со мной о новомъ союзѣ. Я не премину тотчасъ же увѣдомить васъ объ этомъ и не оставлю выслушать ихъ, чтобъ держать это дѣло на-готовѣ, въ ожиданіи приказаній е. с. кардинала. Если онъ желаетъ этого, то надобно будетъ рѣшиться не терять времени, потому-что этотъ народъ очень-неровенъ, и если ихъ не поймашь во время ихъ ссоры съ королевемъ, то они, пожалуй, ничего не сдѣлаютъ.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА МАРКИЗА ДЕ-ЛА-ФЕРТЕ-ЭМБО.

Лондонъ, 26 декабря 1641.

...Ихъ британскія величества вынуждены, наконецъ, прибѣгнуть къ соглашенію. Четыре дня назадъ, только и говорили, что этимъ

парламентскимъ надобно отрубить головы. Всѣ изгнанники, находящіеся во Франціи, хлопочуть изо всѣхъ силъ повредить сказанному г. де-ла-Ферте. Они громко жалуются на кардинала. Тѣ, кто находится въ Англіи, дѣлають еще хуже: они льстятъ ихъ величества въ ихъ мнѣніяхъ.

ОТЪ МАРКИЗА ДЕ-ЛА-ФЕРТЕ-ЭМБО, ГОСПОДИНУ **, ВЪ ДЕ-ПАРТАМЕНТЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Лондонъ, 16 января 1642.

Дѣла Англіи съ каждымъ днемъ становятся хуже. Три дня назадъ, парламентъ просилъ у короля стражу, подъ командой графа Эссекса, и король не захотѣлъ дать имъ ее немедленно.

Англіійскій король и королева приняли двухъ членовъ нижней палаты въ свой совѣтъ, другаго члена той же палаты сдѣлали канцлеромъ назначейства, а графа Соутъмптона, члена высшей палаты, камергеромъ. Всѣ эти повышенія крайне-неприятны парламенту.

Когда парламентъ собрался, его великобританское величество прислалъ королевскаго прокурора объявить верхней палатѣ, что виконтъ Мандевилль виновенъ въ государственной измѣнѣ, и требовалъ, чтобъ его заключили въ Тоузъръ. Въ то же самое время верхняя палата послала просить конференціи съ нижней и назначила этого самаго виконта Мандевилля своимъ депутатомъ для этой конференціи. Тѣ и другіе нашли, что это — насиліе: сажать знатнаго члена парламента въ тюрьму, не говоря причинъ. Пока они разсуждали объ этомъ дѣлѣ, прибыли еще другіе депутаты отъ короля къ нижней палатѣ, которые объявили Нейма, Голлиза и еще троихъ членовъ этой палаты государственными преступниками, и даже король прислалъ опечатать своей печатью кабинетъ и сундуки въ ложахъ этихъ шести членовъ. Парламентъ, узнавъ объ этихъ дѣйствіяхъ, послалъ силъ печати, объявилъ, что эти лица находятся подъ его покровительствомъ, что хотятъ уничтожить ихъ привилегіи, но что они рѣшились отстоять ихъ; что при дворѣ есть собранія и стража; что они просятъ короля удалить все дворянство, которое бросилось въ его дворецъ, и сблаговолить, чтобъ парламентъ имѣлъ стражу въ такомъ же количествѣ, въ какомъ онъ беретъ ее для себя и изъ тѣхъ лицъ, какихъ они выберутъ.

Королева великобританская прислала ко мнѣ настоятеля капуциновъ сказать, чтобъ я спряталъ у себя серебро изъ ея часовни. Въ то же время святыхъ отцовъ напугали, что ихъ будутъ бить. Я ходилъ къ королеви, и она подтвердила приказаніе, которое было мнѣ отъ нея сдѣлано, и свои опасенія насчетъ этихъ отцовъ. «Я это предсмотрѣлъ» сказалъ я «и мои парламентскіе друзья увѣрили меня, что

имъ ничего не будетъ, и что они отдали приказаніе, чтобъ мастера-вые не ходили туда». Впослѣдствіи я узналъ, что служители королевы распускали слухъ, что она вовсе не заботится о капуцинахъ, потому-что это противно чувствованіямъ народа.

Король и парламентъ ломаются, каждый съ своей стороны. Увидимъ скоро, кто погнется. Не знаю, выгодно ли будетъ для Франціи, если одна изъ этихъ двухъ силъ одержитъ верхъ. Прошу васъ увѣдомить меня, что я долженъ дѣлать.

Я вижу съ своими друзьями какъ-можно-рѣже; при дворѣ тоже не бываю, чтобъ избѣжать подозрѣній. Умоляю васъ, чтобъ я зналъ о намѣреніяхъ е. с. по этому предмету.

Двѣнадцать епископовъ заключили въ Тоузъръ; думали начать ихъ процессъ. Я отсовѣтовалъ дѣлать это, ибо осужденныхъ замѣтили бы другими, тогда-какъ, въ качествѣ только заключенныхъ, они все же составляютъ двѣнадцать голосовъ на ихъ сторонѣ. Я думаю, что они замедлятъ этотъ судъ.

Теперь только и видишь, что приготовленія къ великимъ бѣдствіямъ; съ той и съ другой стороны собираются. У короля и въ парламентѣ публично носятъ карманные книжалы и пистолеты; въ комнатахъ короля и королевы обнажаютъ шпаги и книжалы, чтобъ показать, что ихъ берутъ съ собой не безъ намѣренія.

Вчера король былъ въ парламентѣ съ тремястами дворянъ и съ той небольшой стражей, кака у него есть. Онъ вошелъ въ нижнюю палату и спросилъ пятерыхъ обвиненныхъ; но такъ-какъ на этотъ разъ дѣло могло разыграться нехорошо для парламента, то я предувѣдомилъ своихъ друзей и они приняли мѣры, удаливъ за четверть часа эти лица и давъ приказаніе городу взяться за оружіе.

На другой день король, думая овладѣть народомъ, былъ у мэра, гдѣ былъ совѣтъ, потомъ обѣдалъ у одного шерифа, взявъ съ собой только одного маркиза Гамильтона, графовъ Эссекса, Голланда и Ньюпорта. Послѣ обѣда онъ долженъ былъ идти въ Тоузъръ. Говорятъ, что у него было намѣреніе оставить этихъ четырехъ вельможъ плѣнниками, еслибъ только граждане оказались расположенными стать за него; но, совершенно напротивъ, въ городскомъ совѣтѣ и по улицамъ народъ громко кричалъ: «свобода парламента!» Граждане вооружились, и на дорогѣ въ Тоузъръ было ихъ больше двухъ тысячъ. Король, видя, что взять нечего, воротился прямо во дворецъ: Парламентъ и народъ объявили покровительство этимъ шести лицамъ, такъ-что мои пріятели, изъ которыхъ четверо были въ этомъ числѣ, удержатся, и притомъ я боюсь, какъ бы авторитетъ англійскаго короля сильно не поколебался.

Г. Жербье былъ у меня, чтобъ говорить объ одномъ предложеніи, которое поручилъ ему сдѣлать венеціанскій посланникъ, чтобъ спасти честь англійскаго короля. Этотъ посланникъ предлагалъ, чтобъ намъ, обнимъ вмѣстѣ, потребовать публичной аудіенціи и просить короля

дать амнистию всему тому, что дѣлалось въ парламентѣ; что посланники могутъ склонить къ этому королеву, такъ-какъ они съ ней близки; а я, будучи хорошъ съ парламентомъ, убѣдилъ бы его согласиться на это, и такимъ-образомъ мои друзья, подвергшіеся обвинію, были бы прикрыты. Я отвѣчалъ г. Жерье, что не могу соединить имени его величества, для какого бы то ни было дѣла, ни съ какимъ другимъ посланникомъ, и что не хочу ни съ кѣмъ имѣть совместной аудіенціи; что англійскаго короля и королеву я вижу часто и что, когда бы они потребовали моихъ услугъ, то я употребилъ бы все усилія доказать имъ, что король всегда готовъ помогать имъ своими добрыми совѣтами; что я вовсе не желалъ бы вести этого дѣла дальше, такъ-какъ ихъ величества всегда объясняли мнѣ, что они и думать не хотятъ ни о какомъ соглашеніи.

Полагаютъ, что англійскому королю нѣтъ другаго спасенія, какъ ѣхать въ Ирландію.

Я не буду въ-состояніи существовать, если е. с. не дастъ мнѣ средствъ. Еслибъ у меня было столько имѣнія, сколько желанія служить ему, я не сталъ бы его беспокоить.

VIII.

(Къ страницѣ 188.)

СОСТАВЪ АРМІИ, НАБРАННОЙ ПАРЛАМЕНТОМЪ ВЪ 1642 ГОДУ¹.

Главнoкомандующій: Робертъ д'Эврѣ, графъ Эссексъ.
Генерал-майоръ (Sergent-major général): сэръ Джонъ Меррикъ.
Генералъ артиллеріи: Джонъ Мордаунтъ, графъ Петерборо².

Начальники пѣхотныхъ полковъ:

Графъ Эссексъ. Уильямъ Фейннъ, вик. Сэй.
Графъ Петерборо. Эдуардъ Монтегъ, вик. Мандевиль³.
Генри Грей, графъ стѣмфортекій. Джонъ Кэри, вик. Рочфордъ⁴.

(¹) Этотъ списокъ взятъ изъ брошюры, издавннй въ Лондонѣ, 1642 г., подъ заглавіемъ: *List of the army raised under the command of Robert, earl of Essex.* — (²) По смерти графа Петерборо, мѣсто его занялъ Джонъ Меррикъ, а мѣсто послѣдняго — Филиппъ Скиппонъ. — (³) Лордъ Манчестеръ, извѣстный также подъ именемъ барона Кимболтонъ. — (⁴) Называвшійся также барономъ Гансдонъ (Hunsdon).

Оливеръ Сент-Джонъ, вик. Сент-Джонъ. Сэръ Генри Чолмондли.
Сэръ Уильямъ Констанбл.
Робертъ Гревилль, лордъ Брукъ. Сэръ Уильямъ Ферфаксъ¹.
Джонъ Робертсъ, лордъ Робертсъ. Чарльзъ Эссексъ.
Филиппъ Уартонъ, лордъ Уартонъ. Томасъ Граитгамъ.
Джонъ Гемденъ. Томасъ Баллардъ.
Дензиль Голлизъ. Уильямъ Бемпфильдъ.
Сэръ Джонъ Меррикъ.

Начальники кавалерійскихъ полковъ².

Графъ Эссексъ. Томасъ Гэтчеръ.
Графъ Бедфордъ. Джонъ Готэмъ.
Графъ Стѣмфортеъ. Эдуардъ Берри.
Виконтъ Сэй. Сэръ Робертъ Пай.
Виконтъ Сент-Джонъ. Сэръ Уильямъ Рей.
Базиль Фильдингъ, виконтъ Фильдингъ³. Сэръ Джонъ Сандерсъ.
Джонъ Алиордъ.
Лордъ Брукъ. Эдвинъ Сэвидъ.
Лордъ Уартонъ. Джонъ Гаммондъ.
Уильямъ Уиллоби, лордъ Уиллоби Паргемъ. Александръ Пеймъ.
Антони Мильдмей.
Фердинандъ Гэстингсъ, лордъ Гэстингсъ. Генри Мильдмей.
Джемсъ Темплъ.
Томасъ Грей, лордъ Грей Груби. Томасъ Темплъ.
Сэръ Уильямъ Бэльфоръ. Артуръ Эвелинъ.
Сэръ Уильямъ Уоллеръ. Робертъ Вайверсъ.
Сэръ Артуръ Гэзльригъ. Герноль Лангришъ.
Сэръ Вальтеръ Эрль. Уильямъ Претти.
Сэръ Фестуль Фортескіу. Уильямъ Претти.
Натаніель Фейннъ. Джемсъ Шеффилдъ.
Фрэнсизъ Фейннъ. Джонъ Гунтеръ.
Джонъ Фейннъ. Робертъ Баррель.
Оливеръ Кромвель. Фрэнсизъ Дауэтъ.
Валентинъ Уатонъ. Джонъ Бёрль.
Генри Эйртонъ. Мэтью Дранперъ.
Артуръ Гудвинъ. Димокъ.
Джонъ Дальберъ. Горасъ Корри.
Адриенъ Скруппъ. Джонъ Ниль.

(¹) Двоюродный братъ знаменитаго Томаса Ферфакса. — (²) *Troops of horse.* Эти начальники въ современныхъ сочиненіяхъ называемы были иногда *капитанами.* — (³) Называемый также иногда барономъ Ньюнгемомъ; онъ былъ сынъ графа Денби (Denbigh) и принялъ его титулъ по смерти отца, 3 апрѣля 1643.

Эдуардъ Эйско.
 Джорджъ Томсонъ.
 Фрэнсизъ Томсонъ.
 Эдуардъ Кэли.
 Александръ Дугласть.
 Томасъ Лидкотъ.
 Джонъ Флемингъ.
 Ричардъ Грешвилъ.
 Томасъ Терриль.
 Джонъ Гэль.

Уильямъ Бальфордъ.
 Джорджъ Астинъ.
 Эдуардъ Уингетъ.
 Эдуардъ Бейнгопъ.
 Чарльзъ Чичестеръ.
 Вальтеръ Лонгъ.
 Эдмондъ Уэстъ.
 Уильямъ Ансельмъ.
 Робертъ Кёрль.
 Симонъ Руджли.

IX.

(Къ страницѣ 208.)

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ КАТОЛИКОВЪ ВЪ СЛУЖБУ ВЪ АРМІИ
КОРОЛЯ.

Отъ 23 сентября 1642, то-есть въ самую минуту вспышки между-особной войны и передъ олжигильской битвой, король писалъ къ графу Ньюкэстлю слѣдующее:

«Ньюкэстль, пишу вамъ для того, чтобъ сказать, что возмущеніе дошло до такой степени, что я не долженъ тревожиться насчетъ того, какого мнѣнія держатся люди, которые готовы служить мнѣ; слѣдовательно, я вамъ не только позволяю, но повелѣваю употребить въ дѣло всѣхъ моихъ подданныхъ, не разбирая ихъ совѣсти, развѣ только въ-отношеніи ихъ преданности ко мнѣ, и какъ вы сочтете наиболѣе-полезнымъ для поддержанія справедливыхъ правъ моей короны».

Броди обнаружилъ это письмо въ первый разъ по рукописямъ британскаго музея.

(*Brodie's History of the British Empire etc.*,
t. III, стр. 489, въ примѣчаніи.)

X.

(Къ страницѣ 230.)

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ПРОТИВЪ МИРА, ВНЕСЕННОЕ ВЪ НИЖНЮЮ
ПАЛАТУ, 7 АВГУСТА 1643, ОБЩИНЫМЪ СОВѢТОМЪ СИТИ.

«Нижнеподписавшіеся слышали, что палата перовъ сообщила недавно этой почтенной палатѣ предложенія, которыя, еслибы были

приняты, были бы—чего мы сильно спасаемся—гибельны для нашей религіи, нашихъ законовъ и нашей свободы. Мы уже знаемъ по опыту, что духъ всякой благонамѣренной партіи, какъ въ столицѣ, такъ и въ прилежащихъ къ ней графствахъ, то-есть, во всѣхъ тѣхъ, которыя расположены поддерживать парламентъ своей особой и своимъ кошелькомъ, этимъ чрезвычайно убитъ; и мы убѣждены, что по той же самой причинѣ братская помощь, которой мы идемъ отъ Шотландіи, равно какъ сборъ и содержаніе войскъ, испытаютъ много затрудненій и замедленій. Нижнеподписавшіеся препоручаютъ всѣ эти обстоятельства вашему строгому разсмотрѣнію. Будучи убѣждены, что наше теперешнее печальное положеніе происходитъ оттого, что терпѣніе Всемогущаго утомилось отъ такого замедленія справедливаго наказанія измѣнниковъ и преступниковъ, и пользуется возможностью говорить, выражаемъ слѣдующія желанія:

«Чтобъ вы пребыли въ прежнихъ рѣшеніяхъ, на которыя народъ столько разсчитывалъ и которыми вы сами обзавались, хотя бы вамъ пришлось погибнуть въ этомъ предпріятіи, сотворить судъ надъ виновными и преступниками. А такъ-какъ мы готовы теперь, какъ и всегда, положить все, что имѣемъ и что будемъ имѣть, за успѣхъ столь праваго дѣла, то просимъ, чтобъ вы благоволили немедленно принять прилагаемое присемъ постановленіе, или какое другое, для той же цѣли, дабы мы могли озаботиться нашей собственной и вашей защитой, чему нижнеподписавшіеся, при божьей помощи, ни-когда не измѣнятъ.»

Къ этому представленію былъ приложенъ образецъ постановленія, которымъ особому комитету давалась власть набирать людей и принимать подписки на денежные пожертвованія.

(*Rushworth*, ч. 3, т. II, стр. 356.)

XI.

(Къ страницѣ 230.)

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ МИРА, ПОДАННОЕ НИЖНЕЙ ПАЛАТѢ,
9 АВГУСТА 1643 ГОДА, ЛОНДОНСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ.

«Ваши бѣдныя просительницы, хотя и принадлежатъ къ слабому полу, тѣмъ не менѣе слишкомъ-ясно предвидятъ, какое бѣдствіе готово разразиться надъ этимъ королевствомъ, если только какимъ-нибудь искуснымъ способомъ ваша честь не озаботится скорымъ его излеченіемъ. Почтенные члены палаты суть врачи, которые, съ по-
*

мощью особаго и чудеснаго благоволенія божяго, о которомъ мы смиренно молимъ—могутъ возвратитъ здорově этому томящемуся народу и нашей сестрѣ, покрытой кровью, Королевству Ирландскому, которое находится почти при послѣднемъ издыханіи.

«Намъ нѣтъ нужды указывать нашимъ умамъ, у которыхъ зрѣніе орлиное, какія мѣры вы должны принять; наше единственное желаніе, чтобъ слава божія продолжала сіять въ истинной религіи реформатской, чтобъ справедливыя преимущества и привилегіи короля и парламента были сохранены, чтобъ истинныя права и имущества подданныхъ были имъ обезпечены, согласно извѣстнымъ законамъ страны, и чтобъ, наконецъ, были употреблены всѣ честныя пути и средства для достиженія скораго мира.

«Итакъ, да благоволятъ почтенныя члены приять какую-либо быструю мѣру для возстановленія, во славу божію, истинной реформатской религіи, и дабы возвратитъ къ великой радости подданныхъ, торговль ея прежнее процвѣтаніе, потому-что въ этихъ двухъ вещахъ заключается душа и тѣло королевства.

«А ваши просительницы, вмѣстѣ съ многими милліонами душъ удрученныхъ, стенающихъ подъ бременемъ этихъ бѣдственныхъ временъ, будутъ, по долгу своему, молиться за васъ».

(Rushworth, ч. 3, т. II, стр. 357).

XII.

(Къ страницѣ 263.)

ОБЪЯСНЕНИЕ И ОПРАВДАНИЕ ДЖОНА ПЕЙМА.

(Обнародованное въ полбрѣ 1643 г.)

Извѣстно всѣмъ, особенно же въ Лондонѣ и въ окрестныхъ графствахъ, какии страшныя и оскорбительныя клеветамъ подвергалась моя репутация и чистота моихъ намѣреній относительно Бога, государя и народа отъ злобы и бѣшенства злоумышленныхъ и всѣхъ непріязненныхъ республикѣ людей. Одни изъ нихъ обвиняютъ меня, будто-бы я былъ виновникомъ и покровителемъ всѣхъ новыхъ мѣръ, насильственно введенныхъ въ правительственную систему Англіи; другіе, которыхъ ненависть глубже и яростнѣе, утверждаютъ, будто я пыталъ и возбуждалъ всѣ пагубныя безпорядки, волновавшіе королевство. И хотя подобныя клеветы всегда болѣе вредятъ ихъ виновникамъ, нежели тѣмъ, которыхъ они стараются поразить, по-крайней-мѣрѣ, въ глазахъ людей безпристрастныхъ и умѣющихъ отличать правду отъ лжи, однако, такъ-какъ обиды, нанесенныя моею невин-

ности, были извѣстны людямъ всѣхъ сословій, изъ которыхъ многіе могли повѣритъ этимъ оскорбительнымъ слухамъ, несмотря на то, что я считаю себя далеко выше подобныхъ низостей и даже рѣшился ими вовсе не заниматься, какъ недостойными того — тѣмъ не менѣе, въ видахъ защиты своей чести, я рѣшился объяснитъ объ этомъ предметѣ, дабы каждый, кромѣ тѣхъ, которыхъ не убѣдишь ни доводами, ни истиной, могъ засвидѣтельствовать мою невинность.

Пройду молчаніемъ дѣло графа Страффорда, въ которомъ нѣкоторыя лица простерли свое безстыдство до того, что обвиняли меня въ пристрастіи и ненависти, и объяснюсь вполнѣ о другихъ ихъ клеветахъ, особенно же относительно обвиненія, будто-бы я возбуждалъ и поддерживалъ распри, теперь столь размножившіяся въ англійской церкви.

До какой степени это неправдоподобно и бездоказательно, каждый хладнокровный человекъ сейчасъ въ томъ убѣдится. Всѣ тѣ, съ которыми я жилъ въ обществѣ, засвидѣтельствуютъ, что я есмь, былъ и хочу умереть вѣрнымъ сыномъ протестантской религіи, и что моя вѣра никогда не была запятана грубыми заблужденіями въ родѣ анабаптизма, броунизма и тому подобнаго. Слѣдовательно, эти клеветы были распушены обо мнѣ только нѣкоторыми недовольными духовными лицами, ихъ агентами и соучастниками. Они вообразили, будто я былъ главнымъ орудіемъ, употребленнымъ для обузданія надменнаго могущества и гордаго честолюбія епископовъ и прелатовъ. Такъ-какъ я высказывалъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ только какъ членъ нижней палаты, то этотъ поступокъ оправданъ и предъ Богомъ и въ моей совѣсти, и не можетъ служить поводомъ къ обвиненію меня въ возмущеніи противъ православнаго ученія англиканской церкви. Я старался только преобразовать грубыя злоупотребленія, введенныя въ правленіе хитростью и развращеніемъ епископовъ и ихъ намѣстниковъ. Не давно ли уже, вмѣсто того, чтобъ настала пора ясно опредѣлитъ ихъ власть, когда, вмѣсто того, чтобъ заботиться о врачеваніи душъ—что составляетъ ихъ настоящую обязанность—они стали налагать наказанія тѣлесныя, присуждать къ изгнанію въ мѣста отдаленныя и пустынныя, клеймить осужденнымъ лицо раскаленнымъ желѣзомъ, и все это за то, что тѣ исполняли долгъ своей совѣсти? когда, не довольствуясь этими нестерпимыми наглостями, они старались ввести—неслыханная вещь!—обряды арменіанскіе, или католическіе (ибо можно поставитъ то или другое названіе: разница выйдетъ самая незначительная) въ правила церкви; налагали на совѣсть такія тягости, которыя были не подъ-силу, и вводили старинное суевѣріе преклоняться предъ алтаремъ? Спрашиваю всякаго справедливаго протестанта: можно ли обвинитъ человека въ броунизмѣ, или анабаптизмѣ потому только, что онъ старался остановить возрастаніе этихъ заблужденій римской церкви?

Впрочемъ, еслибъ предпріятіе епископовъ остановилось на этомъ, они были бы еще сносны и могущество ихъ не было бы столь силь-

по поколеблено, какъ это случилось впоследствии; но когда они увидѣли, что почтенный и высокій судъ парламентскій началъ обращать вниманіе на ихъ преступленія и злоупотребленія, что онъ замѣтилъ, какъ они коверкали религію, словно какой-нибудь пось изъ воску, чтобы выдвинуть впередъ свои честолюбивые замыслы, тогда Троя была взята; тогда они стали отчаяваться въ возможности удерживать незаконно-присвоенную ими власть и принялись изо всѣхъ силъ публичными объявленіями и въ частныхъ совѣщаніяхъ возбуждать раздоры между его величествомъ и его парламентомъ, подстрекая злоумышленниковъ щедрыми пособиями въ людяхъ и деньгахъ и призывая народъ къ мятежу въ своихъ возмутительныхъ проповѣдяхъ. Конечно, никто не можетъ назвать меня дурнымъ гражданиномъ за то, что я выразилъ свое мнѣніе и свободно подалъ голосъ въ пользу уничтоженія подобныхъ злоупотребленій — дѣло, которое парламентъ могъ сдѣлать точно такъ же, какъ и Генрихъ VIII, уничтожившіи монастыри и ихъ лѣнныя обитателей, монаховъ и священниковъ, пользовавшихся тогда такимъ же вліяніемъ въ королевствѣ, какимъ впоследствии пользовались епископы; и если въ тѣ времена парламентъ имѣлъ право ихъ уничтожить, почему же другой не могъ бы сдѣлать того, что сдѣлалъ первый? Что касается меня, то призываю въ свидѣтели Бога всемогущаго, который читаетъ въ сердцахъ людей, что не зависть, не скрытая вражда къ цѣлому сословію или въ частности къ какому-нибудь епископу сдѣлали меня ихъ противникомъ, но единственно ревность къ религіи и дѣлу божію, по правому, по моему мнѣнію, слишкомъ-обширному вліянію прелатовъ, которые, согласно чистотѣ ихъ учрежденія, должны бы имѣть умъ кроткій и сердце прямое и стричь свою паству, а не сдирать съ нея шкуру; а они очевидно поступаютъ совсѣмъ напротивъ.

И хотя нѣкоторые лица возражали, что уничтожать епископовъ изъ-за нѣсколькихъ порочныхъ епископовъ значило бы выводить ложное заключеніе, но я все-таки отвѣчу, что поелику порочность этихъ прелатовъ проистекаетъ отъ власти, сопряженной съ ихъ должностью, то эти должности—настоящая причина зла—должны быть преобразованы, и у власти отняты ея заемныя крылья, безъ чего то же самое могущество, которое сдѣлало вышшихъ епископовъ (еслибъ епископство и прелатура продолжали существовать въ своемъ прежнему видѣ и блескѣ) столь гордыми и заносчивыми, неизбежно распространитъ тѣ же пороки и между ихъ преемниками.

Но все это не болѣе, какъ небольшой холмикъ въ-сравненіи съ горой живыхъ слуховъ, распушенныхъ насчетъ чистоты моихъ дѣйствій въ-отношеніи священной особы его величества. Нѣкоторые утверждаютъ, что я виновникъ теперешнихъ раздоровъ между нимъ и его парламентомъ, тогда-какъ я могу призвать въ свидѣтели Бога и тѣхъ, которые могли знать мое поведеніе, что я никогда, ни прямо, ни косвенно, не имѣлъ никакой мысли, клонящейся къ малѣйшему

неповиновенію или измѣнѣ въ-отношеніи его величества, котораго я признаю своимъ королемъ и законнымъ государемъ и на службѣ которому готовъ пролить свою кровь съ такой же ревностью, какъ любой изъ его подданныхъ. Правда, когда я увидѣлъ, что покушаются на мою жизнь, когда я узналъ, что осужденъ на смерть, какъ измѣнникъ, единственно за мою преданность къ родинѣ, когда мнѣ сказали, что его величество, въ-сопровоженіи большаго числа вооруженныхъ и недобрыми намѣреніями руководимыхъ людей, требовалъ въ самомъ парламентѣ выдачи мени и нѣкоторыхъ другихъ почтенныхъ и достойныхъ членовъ парламента, въ противность привилегіямъ палаты, что, я думаю, слѣдуетъ приписать дурному умыслу выше-означенныхъ, сопровождавшихъ короля, людей, побудившихъ его величество къ такой крайней противъ насъ строгости — словомъ, когда, несмотря на то, что я не имѣлъ ни одной мысли, клонящейся ко вреду его величества, никакого дурнаго намѣренія противъ государства — совѣсть моя представляетъ по сему предмету тысячу свидѣтельствъ въ мою пользу — я увидѣлъ себя въ такой явной опасности, нельзя же порицать меня за то, что я позаботился о своей безопасности и прибѣгнулъ подъ покровительство парламента, который, сдѣлавъ изъ моего дѣла свое собственное, не только омылъ меня, равно какъ всѣхъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ со мною, отъ обвиненія въ государственной измѣнѣ, но сверхъ того, обезопасилъ жизнь нашу отъ грозы, готовившейся разразиться надъ нами. И если случай этотъ послужитъ поводомъ къ отчужденію его величества отъ парламента, конечно, вина этого должна быть приписана не мнѣ и не моему поведенію, потому-что, послѣ отбытія его величества, какъ и прежде, я никогда не шелъ далѣе того, что могли дозволить мнѣ извѣстные законы страны и всегда уполномочиваемый безспорною властью парламента. До-тѣхъ-поръ, пока я буду убѣжденъ въ своей совѣсти, что поступать такъ значить поступать по правдѣ, я всегда буду считать себя выше всѣхъ вымысловъ и клеветъ этихъ людей, каковыя клеветы падутъ на нихъ же самихъ и не возмогутъ нанести вреда моему репутациі въ глазахъ людей благоразумныхъ и безпристрастныхъ.

Во время адскаго заговора Катилины противъ государства и сената римскаго, никто изъ сенаторовъ не подвергался столько ненависти заговорщиковъ и ихъ клеветамъ, какъ Цицеронъ, этотъ ораторъ, исполненный любви къ отечеству; ибо его благоразуміемъ и усердіемъ заговоръ ихъ, направленный къ гибели отечества, былъ открытъ и отвращенъ. И хотя я не имѣю притязанія проводить параллель между этимъ достойнымъ гражданиномъ и собою, тѣмъ не менѣе въ нашихъ положеніяхъ—если только можно сравнивать самыя малыя вещи съ великими—есть нѣкоторое соотвѣстствіе. Дѣло, которое навлекло на меня столько ненависти и дало поводъ злопамѣреннымъ людямъ обвинять меня, состоитъ въ томъ, что я смѣло содѣйствовалъ преоб-

разовавшимъ государственнымъ; меня за это опорочили и въ своей ненависти представили это преступленіемъ: тѣмъ не менѣе это усердіе къ общему благу—говорю безъ гордости—я признаю своей лучшей заслугой. Итакъ—какъ я подвергаюсь этимъ поношеніямъ ради такого дѣла, то перенесу ихъ терпѣливо, надѣясь, что Богъ, въ своемъ великомъ милосердіи, примиритъ наконецъ его величество съ парламентомъ, и не сомнѣваюсь, что тогда я буду въ состояніи представить самому его величеству—хотя и раздраженному противъ меня—достаточныя доказательства искренности моихъ чувствъ къ нему. А между-тѣмъ, надѣюсь, свѣтъ повѣритъ, что я не первый виновный, котораго поражаетъ клевета, и измѣнить свой приговоръ на мой счетъ.

(Rushworth, ч. 3 т. II, стр. 376—378.)

XIII.

(Къ страницѣ 277.)

ПИСЬМО КОРОЛЯ КЪ ПРИНЦУ РОБЕРТУ, ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ПРИКАЗАНИЕ ИДТИ НА ПОМОЩЬ ЙОРКУ.

Тикниль 1 14 июля 1644.

Племянникъ.

Прежде всего я долженъ поздравить себя и васъ съ вашими счастливыми успѣхами и увѣрить васъ, что они мнѣ сколько пріятны сами-по-себѣ, столько же и потому, что они ваше дѣло. Знаю, какъ важно, чтобъ у васъ не было недостатка въ порохѣ, и потому я принялъ всевозможныя мѣры, чтобъ вамъ его доставить: я послалъ сразу и въ Ирландію и въ Бристоль. Что касается до полученія его изъ Оксфорда, то податель этого письма долженъ быть вполне убѣжденъ, что въ настоящее время это невозможно. Если же онъ вамъ скажетъ, что я бы могъ удѣлить часть изъ отпущеннаго на эту крѣпость, то судите сами, я тамъ оставилъ только 36 бочекъ; но все, что Бристоль доставитъ, вы получите. Впрочемъ, не могу сообщить вамъ на этотъ счетъ ничего вполне-вѣрнаго, такъ-какъ этому городу угрожаетъ осада.

Нужно теперь объяснить вамъ въ-точности настоящее состояніе моихъ дѣлъ, и если положеніе ихъ принуждаетъ меня давать вамъ приказанія болѣе-рѣшительныя, чѣмъ я хотѣлъ бы, не обижайтесь этимъ. Въ случаѣ, еслибъ я потерялъ Йоркъ, я почелъ бы свою корону неизбежно-потерянной, развѣ только вы утвердили бы ее на моей головѣ быстрымъ соединеніемъ со мною и нѣсколькими блиста-

(1) Тикенгаль, близъ Бьюдле, въ Графствѣ Уорстеръ.

тельными успѣхами на югѣ, прежде чѣмъ побѣды, выигранныя съ-верной парламентской арміей, отзовутся здѣсь. Но еслибъ вамъ удалось освободить Йоркъ и разбить мятежныя войска двухъ королевствъ, стоящія передъ нимъ, тогда—но только тогда—и бы могъ найти какое-нибудь средство, держась оборонительнаго образа дѣйствій, выиграть время, пока вы придете ко мнѣ на помощь. Итакъ, я вамъ приказываю и заклинаю васъ именемъ долга и вашей привязанности ко мнѣ, отказаться отъ всякаго новаго предпріятія и идти тотчасъ же, какъ вы прежде и думали поступить, со всеми вашими силами на помощь къ Йорку. Еслибъ эта крѣпость была взята, или сама освободилась отъ осады, или, наконецъ, недостатокъ пороха помѣшалъ бы вамъ рѣшиться на то, что я вамъ предписываю, тогда направляйтесь немедленно со всеми вашими войсками на Уорстеръ, для подкрѣпленія меня и моей арміи. Если вы этого не сдѣлаете, или вамъ не удастся спасти Йоркъ и разбить шотландцевъ, то все ваши послѣдующіе успѣхи навѣрно мнѣ ни къ чему не послужатъ. Вы должны твердо вѣрить, что только крайняя необходимость побуждаетъ меня писать вамъ такъ, какъ я пишу; а потому нисколько не сомнѣваюсь, что вы, въ настоящемъ обстоятельствѣ, въ точности исполните волю

любящаго васъ дяди и вѣрнаго друга

короля Карла.

(Mémoires of sir John Evelyn, т. II, Appendice, стр. 87.)

XIV.

(Къ страницѣ 314.)

ПОСТАНОВЛЕНІЕ О ДОБРОВОЛЬНОМЪ ОТРЕЧЕНІИ ОТЪ СЛУЖБЫ, УТВЕРЖДЕННОЕ 3 АПРѢЛЯ 1645 ГОДА.

Лордами и депутатами народа, соединенными въ парламентъ, постановляется, что все и каждый изъ членовъ каждой изъ палатъ парламента, въ силу настоящаго постановленія, отрѣшаются, въ-теченіе сорока дней со дня утвержденія помнутаго постановленія, отъ всехъ и каждой должностей и начальствъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, данныхъ или пожалованныхъ послѣ 20 ноября 1640 г., какъ одною изъ означенныхъ палатъ парламента, такъ и обѣими вмѣстѣ, или какою-нибудь властью, назначенною или одной изъ этихъ палатъ, или обѣими вмѣстѣ. Сверхъ-того, постановляется: всемъ прочимъ губернаторамъ или начальникамъ всехъ острововъ и городовъ, всехъ замковъ и крѣпостей, равно какъ всемъ прочимъ полковникамъ и офицерамъ низшаго чина, служащимъ въ различныхъ арміяхъ, и ко-

торые не суть члены той или другой изъ упомянутыхъ палатъ парламента, вслѣдствіе приказаній, имъ сообщенныхъ, продолжать исправленіе различныхъ должностей и начальствъ, имъ ввѣренныхъ, и которыл они занимали до 20 марта 1644 года, какъ бы сего постановленія вовсе не было сдѣлано; равно какъ вице-адмиралу, контр-адмиралу, всѣмъ прочимъ капитанамъ и флотскимъ офицерамъ низшаго чина, вслѣдствіе различныхъ повелѣній, имъ сообщенныхъ, продолжать отправленіе различныхъ должностей и начальствъ, имъ ввѣренныхъ, и которыл они занимали до упомянутаго дня 20 марта 1644 г., какъ бы настоящаго постановленія не было сдѣлано. Само собою разумѣется и, сверхъ-того, постановляется и объявляется, что въ-теченіе войны доходы и бенефиціи, принадлежащія всѣмъ должностямъ невоеннымъ или несудебнымъ, которыя были бы дарованы впослѣдствіи, или даны какимъ бы то ни было образомъ одному или многимъ лицамъ, одною изъ палатъ парламента или обѣими, или властью ими назначенною, должны быть прилагаемы и постоянно употребляемы для общественныхъ нуждъ, смотря по опредѣленію обѣихъ палатъ парламента; равно какъ комиссіонеры и другія лица, коимъ ввѣрено исправленіе упомянутыхъ должностей, обязаны отдавать отчетъ парламенту во всѣхъ случайныхъ пользахъ и бенефиціяхъ, которыя произошли бы отъ нихъ, и не извлекать изъ таковыхъ должностей никакой другой выгоды, кромѣ слѣдующей платы за отправленіе упомянутыхъ должностей, сообразно тому, какъ она будетъ назначена и постановлена палатами парламента. Должно замѣтить, что настоящее постановленіе не имѣетъ въ виду отнимать власть и значеніе ни у кого изъ намѣстниковъ, или помощниковъ намѣстника различныхъ графствъ, городовъ или крѣпостей, ни у какой комиссіи мирнаго суда, или плотинъ и каналовъ, а также ни у какой комиссіи, назначенной для отобранія показаній съ подсудимыхъ и для рѣшенія ихъ дѣла, или для освобожденія ихъ изъ тюрьмы. Само собою разумѣется и сообразно этому объявляется, что тѣ изъ членовъ той или другой палаты, коимъ должности были дарованы его величествомъ до собранія предшествовавшаго парламента и которые были смѣщены съ оныхъ его величествомъ со времени открытія упомянутаго парламента и потомъ были возстановлены въ оныхъ властью двухъ палатъ, не отрѣшаются настоящимъ постановленіемъ отъ упомянутыхъ должностей и не лишаются доходовъ, ими отъ нихъ получаемыхъ, но продолжаютъ пользоваться ими, какъ и прежде, и притомъ несмотря на всякое противное распоряженіе, могущее заключаться въ сказанномъ постановленіи.

(*Parliamentary History*, т. III, col. 355.)

Конецъ приложеній къ 1 части.